

ВРАНГЕЛЬ

А ЕДИННЮЮ РОССИЮ

ВРАНГЕЛЬ ИДЕТ

Борис
Соколов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1401

(1201)

Борис Соколов

ВРАНГЕЛЬ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2009

УДК 355.48“1918/1920”(092)

ББК 63.3(2)53,8

С 59

ISBN 978-5-235-03294-1

© Соколов Б. В., 2009

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель — один из наиболее известных участников Гражданской войны в России со стороны белых. Красные называли его «черным бароном», кровавым палачом рабочих и крестьян, соратники говорили о нем как о «последнем рыцаре Белого движения». О Врангеле написано несколько десятков мемуарных книг, с полдюжины биографий. Сам барон тоже оставил подробные воспоминания, но они охватывают только период 1916—1920 годов — с момента принятия им командования полком в Первой мировой войне и вплоть до крымской эвакуации. Опубликованы основные документы, относящиеся к его деятельности во время Гражданской войны, в том числе и связанные с его гражданскими реформами, проведенными в Крыму в 1920 году. В то же время в биографии Врангеля до сих пор остается немало «белых пятен». Мы всё еще очень мало знаем о детстве и юности Петра Николаевича, о его участии в Русско-японской войне, о жизни в Петербурге после окончания Академии Генерального штаба, а также о его деятельности в эмиграции в последние годы жизни. Впрочем, «звездным часом» Врангеля, безусловно, стал 1920 год, когда он стал главнокомандующим остатками Вооруженных сил Юга России после провальной новороссийской эвакуации и главой белой власти в Крыму, обладавшим диктаторскими полномочиями. Именно тогда ему удалось восстановить боеспособность армии и наладить гражданское управление, одержать серьезные военные победы в Северной Таврии, но затем последовали общее поражение и эвакуация в Галлиполи. Тем не менее Врангелю неизменно ставили в заслугу то, что ему удалось сравнительно успешно эвакуировать армию и беженцев и сохранить внутреннюю спайку ветеранов Белого движения в эмиграции.

Почти все знавшие Врангеля, за редким исключением, отмечали его храбрость, военный талант, определенную политическую гибкость и стремление выдвинуть понятные народу

политические лозунги, что выгодно отличало его от большинства других вождей Белого движения. Вместе с тем многие мемуаристы указывают на то, что у Петра Николаевича проявлялись надменность, жестокость и склонность к интригам — черты, явно не относящиеся к рыцарским. Бросается в глаза также некая особенность военной деятельности Врангеля. В тот момент, когда армия начинала терпеть тяжелые поражения, он старался уклониться от непосредственного руководства войсками на фронте — не из трусости, а чтобы не быть причастным к поражениям, неотвратимость которых он сознавал. Честолюбие, несомненно, было одной из главных черт характера Врангеля. Так, в 1917 году барон провел на фронте только считанные дни, а главным образом находился в Петрограде и в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве, где безуспешно пытался что-либо сделать для восстановления боеспособности армии любыми способами, будь то заговор с целью установления «твердой власти» во главе с генералом Корниловым или проекты реорганизации армии на основе добровольчества. Точно так же в конце 1919-го и начале 1920 года, когда случилась катастрофа с Вооруженными силами Юга России, Врангель лишь пару недель командовал Добровольческой армией, причем большую часть этого времени провел в спорах с главнокомандующим Деникиным. В период последних неудачных сражений в Северной Таврии и оставления Крыма Врангель передал фронтовое командование генералу Кутепову, предпочтя заниматься организацией эвакуации. Петр Николаевич был генералом побед, а не поражений. Можно сказать, что под его началом войска не терпели крупных неудач. Даже в крымский период эмигрантская молва связывала с его именем прежде всего гражданские реформы и успешную эвакуацию, а не общий военный разгром белых.

Каким человеком, полководцем и политиком был Врангель, какие черты его характера и личности привлекали, а какие отталкивали от него людей, какими своими деяниями он вошел в историю? По свидетельству современников, ни одной копейки казенных денег (а располагал он немалыми суммами) к его рукам не прилипло. В том же, насколько его собственная карьера делалась ради воплощения в жизнь больших идей — или, напротив, сами эти идеи были для генерала средством удовлетворения собственного честолюбия, мы попробуем разобраться.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Петр Николаевич Врангель происходил из дворян Петербургской губернии. Он родился 15 (27) августа* 1878 года в Ново-Александровске (ныне Зарасай) Ковенской губернии на территории нынешней Литвы — здесь его отец исполнял должность мирового судьи. Семья баронов Врангелей — представители древнего дворянского рода — давно обрусела и приняла православие.

Откуда пошли Врангели? Петр Николаевич был отдаленным потомком датской ветви Тольсбург-Эллистфер рода Врангелей, известного с XIII века. Родоначальник рода Врангелей принадлежал к числу вассалов датского короля Вальдемара II (1202—1241). Он остался на военную службу в Эстляндии после первого завоевания ее датчанами. Это произошло при следующих обстоятельствах. В замке *Revele* (впоследствии город Ревель, ныне Таллин, Эстония) был поставлен в 1219 году датский гарнизон, во главе которого находилось известное число «мужей короля» (*virii regis*), и между ними значится *Dominus Tuki Wrang*. Его потомки звались сначала *de Wranghele*, *Wrangele*, а затем Врангели.

В роду Врангелей было семь фельдмаршалов, более тридцати генералов, семь адмиралов. В XVI веке род распался на 20 самостоятельных линий. Большинство его членов осело в Швеции.

* Как известно, в России вплоть до 1 февраля 1918 года использовался так называемый старый стиль (юлианский календарь), отстававший от нового стиля (григорианского календаря) в XIX веке на 12 дней, а в XX столетии — на 13. Однако в отличие от Советской России, перешедшей на новый стиль, в белогвардейских Вооруженных силах Юга России был сохранен старый. Поэтому все даты до ноября 1920 года включительно даются по старому стилю. В тех случаях, когда речь идет о событиях за пределами России или о действиях, предпринимаемых советской стороной, приводится двойная датировка. В последующем изложении, начиная с главы «Красный террор в Крыму», датировка дается только по новому стилю. *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания автора.*

Прямые предки П. Н. Врангеля, по сведениям словаря Брокгауза и Ефрона, принадлежали к третьей главной линии рода (состояла из одиннадцати ветвей), начавшейся с *Thiderius (Tile) Wrangle*, упомянутого в 1346 году в качестве советника датского короля в Эстляндии. Ее представитель, Герман Старший (1587—1644), в начале XVII столетия был шведским фельдмаршалом. Внук его, ротмистр (впоследствии полковник) Герман фон Врангель Младший (умер в 1675 году), владелец имений Эллистфер и Луде, 8 октября 1653 года грамотой шведской королевы Христины был возведен в баронское достоинство с дополнением «барон Люденгоф». Петр Николаевич являлся его потомком в седьмом колене.

Сын Германа Младшего, барон Георгий Густав (1662—1734), имел чин подполковника и был командиром полка в армии шведского короля Карла XII, а всего под его знаменами сражались 79 баронов Врангелей, 13 из них сложили головы в Полтавской баталии в 1709 году и семеро умерли в русском плену. После перехода Эстляндии и Лифляндии в процессе Северной войны к России род баронов Врангелей был в 1733 году внесен в рыцарские матрикулы Лифляндии, а в 1746 году — Эстляндии. Внук и правнук Георгия Густава поступили на русскую службу: первый в чине майора, второй — поручика.

В России эту фамилию в разное время носили 18 генералов и два адмирала, в том числе знаменитый путешественник и полярный исследователь Фердинанд (Федор) Петрович Врангель. В 1870 году в русской армии служили четыре полных генерала и один адмирал с фамилией Врангель. В 1865 году баронский титул Врангелей из дома Эллистфер и Люденгоф был подтвержден в Российской империи высочайше утвержденным мнением Государственного совета.

В начале XX столетия русские линии рода Врангелей были самыми многочисленными — насчитывали 40 человек, на втором месте были шведские Врангели — 37 человек, а на третьем прусские — 11 человек.

Герб рода Врангелей представляет собой щит в серебре с черным укороченным стенчатым поясом (фрагментом крепостной стены) с тремя зубцами и серебряный кадохный шлем с двумя серебряными распахнутыми орлиными крыльями, а над шлемом — такой же стенчатый пояс, как в щите, и девиз *Frangas non flectes* (Сломишь, но не согнешь).

Дед Петра Николаевича, Егор Ермолаевич Врангель, начал свою службу в лейб-гвардии Гренадерском полку, воевал с турками в 1828—1829 годах и подавлял Польское восстание в 1830—1831 годах, был ранен, награжден. Выйдя в отставку, он

женился на Дарье Александровне Рауш фон Траунберг, родной внучке Абрама Петровича Ганнибала. Александр Сергеевич Пушкин приходился ей троюродным братом. Егор Ермолаевич на гражданской службе дослужился до действительного статского советника*. Но главное — он стал успешным предпринимателем и нажил большое состояние, в том числе несколько имений.

Старший сын Егора Ермолаевича, Александр, будучи прокурором в Семипалатинске, познакомился с Ф. М. Достоевским, который после отбывания каторжных работ в Сибири был отправлен туда служить рядовым линейного батальона. Врангель хлопотал о присвоении Федору Михайловичу офицерского чина и об амнистии для него. Их дружба, которой не помешала даже значительная разница в возрасте (Достоевский был на 12 лет старше), продолжалась и после возвращения писателя из ссылки.

Николай Егорович (Георгиевич) Врангель (1847—1923) был, по современной терминологии, топ-менеджером. Биография его была весьма интересной. Отец оставил ему приличное состояние, и он мог ставить на карту по 150 тысяч рублей. Николай перепробовал многие амплуа и постепенно из светского бездельника превратился в расчетливого дельца. Он учился в Швейцарии, а звание доктора философии получил в Геттингенском университете. По возвращении в Россию Николай Егорович сочинил две драмы из эпохи Смутного времени: «Петр Федорович Басманов» и «Марина Мнишек», изданные в 1886 году, а спустя три года вышел в его переводе «Фауст» Гёте. Но литературное творчество было занятием для души, а зарабатывать деньги Николай Егорович стал благодаря своей деловой хватке.

Быть может, отец и брат героя нашего повествования унаследовали литературные таланты по пушкинско-ганнибаловской линии родства: Николай Егорович не только сочинял в молодости пьесы, но и оставил очень интересные и совершенные по стилю мемуары, а Николай Николаевич писал очень хорошие искусствоведческие статьи и удостоился за научные заслуги высшей награды Франции — ордена Почетного легиона. Да и сам Петр Николаевич не был лишен литературных способностей, о чем свидетельствуют его воззвания, приказы и мемуары, хотя по части стиля последние и уступают деникинским.

Дочь Врангеля Наталья Петровна Базилевская вспоминала: «Наша семья не была очень богатой. У родителей отца бы-

* Чин IV класса по Табели о рангах. (Прим. ред.)

ла очень большая семья. А вот моя мать была богатой. Прадедушка имел большое имение в России, виноградные поля, чудный дом. Дедушка моей матери, Катков его фамилия, был известный издатель. Он печатал книги Достоевского, которому всегда давал деньги вперед, потому что тот был игроком. Дедушка всегда старался его поддержать... Так что наша семья была связана с Федором Михайловичем с двух сторон»*.

Наталья Петровна заблуждалась насчет имущественного положения своего деда по отцовской линии. На самом деле, хотя поместий и иного недвижимого имущества у Николая Егоровича не было, но человек он был весьма состоятельный, унаследовавший от родителей значительные капиталы. Правда, жизнь на широкую ногу и рискованные финансовые операции порой разоряли его, но всякий раз успешные бизнес-проекты позволяли восстановить и приумножить состояние. Как вспоминал его внук Алексей (Алексис) Петрович Врангель, «отца Петра Врангеля можно было назвать кем угодно, но только не солдатом: сибарит, повеса, знаток и любитель искусств, он являл собою полную противоположность своим предкам».

Мать Петра Николаевича, Мария Дмитриевна, урожденная Дементьева-Майкова (1858—1944), родилась в Санкт-Петербурге 5 апреля 1858 года. Она была фрейлиной императрицы Марии Федоровны, дочерью гвардейского ротмистра Дмитрия Дементьева-Майкова и родственницей известного поэта Аполлона Майкова. Тут тоже прослеживается некая связь с Пушкиным: дед Марии Дмитриевны по линии матери, С. Д. Полторацкий, был кузеном А. П. Керн, которой было адресовано пушкинское стихотворение «Я помню чудное мгновенье...».

Дочь Врангеля Наталья вспоминала о родителях: «Сейчас мне кажется, что они были идеальной парой. Познакомились на одном из балов. Моя мать была фрейлиной императрицы Марии Федоровны, а отец — офицером. Я ведь и на свет-то появилась в казарме. Между прочим, бабушка была категорически против, чтобы отец становился военным. Она хотела видеть его инженером. “Хорошо, я поступлю в Горный институт. Но, получив диплом инженера, пойду в военную академию”, — сказал отец бабушке. И так и сделал: вначале стал инженером, а потом — офицером...» Заметим, правда, что Ни-

* Здесь и далее цитаты адаптированы в соответствии с современными нормами русского языка, за исключением употребления прописных и строчных букв в названиях органов власти, должностей, чинов, полков и т. п., а также случаев, когда важны особенности авторского стиля. (Прим. ред.)

колай Егорович Врангель в мемуарах настаивал: родители не навязывали детям своего мнения в выборе профессии.

В июле 1877 года в Одессе произошло венчание будущих родителей Петра Николаевича. Николай Егорович вспоминал: «В Одессе после недолго длящейся помолвки я женился на молодой женщине, Марии Дмитриевне Дементьевой-Майковой, которая мне давно нравилась. Она была дочерью нашего недавно скончавшегося соседа по Терпилицам (имение Врангелей под Петербургом. — Б. С.). Мы устроили скромную свадьбу на английский манер».

Но вскоре финансовые дела Николая Егоровича пошатнулись — он подрядился поставить крупную партию сухарей для снабжения армии на Балканском театре боевых действий, но в связи с окончанием Русско-турецкой войны 1877—1878 годов сухари не понадобились. Врангель-старший писал: «Я был абсолютно разорен и оказался без денег, а у нас должен был родиться ребенок. Я надеялся, что смогу частично компенсировать потери за счет денег, которые должен был получить из казны за понесенные убытки. В день моего отъезда один мой хороший приятель прислал мне из Петербурга газету с моим полным именем в статье “Аристократы в роли участников нашего успеха”. К моему большому удовольствию, я узнал, что являюсь весьма богатым человеком. Я, оказывается, путем махинаций сумел обмануть казну на пять миллионов, снабжая армию отбросами вместо сухарей. Оставив жену в Москве в гостинице, я отправился в Петербург, чтобы завершить необходимые дела. Благодаря имеющимся у меня связям, мне удалось добиться быстрого расследования этого дела: оно было решено в мою пользу и закрыто. Комиссия, этим делом занимавшаяся, признала, что мои потери должны быть компенсированы. Было решено выдать мне сумму в пять тысяч рублей с копейками. Но хорошо было уже то, что дело не заняло годы и закончилось неописуемо быстро. “Связи” в России — это всё». Эти связи потом хорошо послужили его сыновьям, особенно Петру.

Разумеется, столь мизерная компенсация не покрывала миллионные убытки. Николай Егорович срочно должен был искать средства к существованию. Он вспоминал: «Покончив с сухарями, я вернулся со своей женой в Новоалександровск и возобновил свою деятельность мирового судьи. Мы решили, что после рождения ребенка я начну искать другое поприще. Помимо этого, после всех волнений и приключений мне хотелось отдохнуть и успокоиться. О моей неудаче я ни с кем не говорил. Тем более я был удивлен, получив вскоре после всех этих событий письмо от Чихачева, с которым никогда в пере-

писке не состоял. Он написал мне, что азовская контора Русского общества пароходства и торговли срочно нуждается в энергичном и умелом человеке на должность представителя общества, и спрашивал меня, не согласился бы я стать представителем компании в Ростове-на-Дону. Условия меня устраивали, я принял предложение и должен был начать работу через несколько месяцев. 15 августа 1878 года у нас родился мальчик, Петр... Вскоре после его рождения я подал в отставку и мы переехали в Ростов-на-Дону».

Николай Егорович получил хорошую должность, потому что протезировал ему близкий друг семейства Врангелей адмирал Н. М. Чихачев, возглавлявший РОПИТ.

В Ростове Врангели поселились на правом обрывистом берегу Дона в просторном двухэтажном кирпичном доме в Казанском переулке (сейчас это Газетный переулок, 8), фасадом выходившем на Донскую улицу.

Второй их сын, названный Николаем, родился 2 июля 1880 года уже в имении Головковка Чигиринского уезда Киевской губернии. Он стал видным искусствоведом, сотрудником Эрмитажа, являлся одним из создателей Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В Первую мировую войну Николай Николаевич был начальником военно-санитарного поезда и скоропостижно скончался от желтухи 15 июня 1915 года в Варшаве.

Наконец, в апреле 1884 года появился на свет третий ребенок, Всеволод. Его судьба сложилась трагически. Но о грядущих потрясениях тогда, естественно, никто не подозревал. Дети наслаждались щедрой южной природой. Родители их очень любили и предоставляли достаточно свободы, особенно отец. Николай Егорович вспоминал:

«Моя семья ни в чем не нуждалась. Детей, особенно очень маленьких, и не только моих собственных, но всех без исключения, я обожал. С самого их раннего детства я чувствовал к ним нежность, что, говорят, не вполне типично для мужчин. Для меня нет ничего восхитительнее, чем эти маленькие существа, с носами картошкой, похожие больше на китайское изображение бога, чем на обычных людей; они большее чудо, чем Венера Милосская, и лепет их для меня слаще бетховенской сонаты. Из-за любви к маленьким детям я почти прирожденная няня...

Я не вмешивался в детали их воспитания, ими занималась моя жена, но по основным принципам мы обычно соглашались, даже если и расходились в деталях. Жена верила в существование некой педагогической мудрости. Я же в этом отношении нигилист, я против активной инициативы, но за

пассивную защиту. Детей нельзя тренировать, как тренируют собак. Их надо защищать, всё, что опасно для них, надо держать от них подальше, дать им возможность расти в здоровой атмосфере — это самое главное. На них нельзя действовать нравственными приказаниями, нельзя угнетать их, а действовать на них можно примером, и только примером. Сказать ребенку “не лги”, “работай”, “не оскорбляй других людей” и в то же время лгать самому, ничего не делать и быть грубым с окружающими ни к чему хорошему не приведет. Ребенок перестанет вас уважать и будет смотреть на вас как на простого болтуна. До некоторой степени мы все результат нашего окружения, и ребенок — больше всех. Окружающая обстановка делает людей хорошими или плохими. Воспитание только позволяет детям усвоить, как следует вести себя, и дает знания и мастерство. Смысл воспитания — утвердить в ребенке помимо всего прочего два кантовских императива: “Человек должен выполнять свои обязательства” и “У человека нет права нарушать права других людей”. Если эти две концепции станут частью существа ребенка и войдут в его кровь, смысл и цели воспитания можно считать выполненными. Ребенок станет человеком. На это можно возразить, что это всё старые истины; найдутся и такие, которые скажут, что это не более чем заблуждение. Можете относиться к этим максимам как хотите, но подумайте над этим вопросом, это очень важный вопрос. Будущее человечества и вашей родины в их руках...»

Однажды Николай Егорович застал сыновей дерущимися. Оказалось, что, когда они «ловили рыбу» на полу, один из них занял место другого — считал, что там «клев» был лучше. Отец посоветовал им помириться, сказав, что можно поровну поделить пойманную рыбу. К этому совету они отнеслись благосклонно, и мир был восстановлен. Рыбалка на полу комнаты казалась им совершенно реальной. На следующий день отец увидел их за тем же занятием.

«Ну как рыба? Клюет?»

— Ничего, — ответил один из них. — Не так хорошо, как вчера, но ничего. Сегодня, наверно, будет дождь».

В общем, дети Врангелей беспечно жили в достатке и не были стеснены излишней опекой родителей и нянь. Никто не навязывал им с младых лет карьеры офицера или врача, музыканта или финансиста. У них всегда оставалась свобода выбора своей судьбы. Николай Егорович вспоминал:

«Дети росли, старшие учились, ходили со мной на охоту, готовили своего младшего брата к школе. Нужно было думать о будущем. Мы не замечали в них никаких особых способностей или склонностей, хотя мы, как все родители, искали в на-

ших детях какие-нибудь необыкновенные способности. У моего старшего сына была одна бросающаяся в глаза способность — быть верховодом над маленькими мальчиками и девочками и подчинять их своей воле. Другой сын любил дрессировать котов, получалось у него замечательно, и он мог бы, наверно, стать соперником известного Дурова.

Маленький Вова (так дома звали Всеволода. — Б. С.) хотел стать драматургом. Не уставая, он придумывал бесконечные и очень смешные сценки для своего театра. Но все это не могло стать основой для будущего. И мы согласились, что ничего решать заранее не нужно, а нужно предоставить детям возможность пройти школу действительности и предоставить самой жизни указать им путь. Придя к этому выводу, мы перестали говорить о переезде в Петербург из-за школы для детей и остались, по крайней мере на время, в Ростове, с которым были связаны наша работа и полюбившиеся нам занятия и увлечения. Моя жена с энтузиазмом занималась школой, которую основала: это была первая воскресная бесплатная школа для взрослых, в которой училось больше 1000 человек. Меня же всё сильнее и сильнее захватывали общественные дела. Я был директором и председателем многих комитетов и учреждений и постепенно становился, в полном смысле слова, активным общественным деятелем. Желание видеть меня во главе города выражалось всё громче и чаще, и я готов был и хотел занять это положение, даже если для этого должен был бы отказаться от личных интересов!»

Братья усвоили заветы «не лги», «не оскорбляй», «береги честь смолоду», но, с другой стороны, не привыкли долго и напряженно работать, что сказалось на их учебе в реальном училище. Однако, повзрослев, и Петр, и Николай взялись за ум и продолжили образование гораздо усерднее.

Николай Егорович вспоминал, что в Ростове летом было необыкновенно жарко и его жена с детьми на лето переезжала на дачу, которая находилась в двух часах езды от Ростова на реке Качальник. Мемуарист рассказывает о дачной жизни:

«Я отправлялся туда на субботу и воскресенье. Мы купались в речке, ловили рыбу и однажды поймали громадного краба, который и жил только в этой реке. Иногда мы ездили на охоту и тогда проводили ночь под открытым небом.

С крестьянами-хохлами мы жили ладно. Они приходили ко мне за советом, поручали мне как почетному мировому судье решать третейским судом их тяжбы; к жене обращались за медицинской помощью, предпочитая, как все русские простолюдины, лечиться у «барыни», чем у заправских докторов.

В день именин жены и детей устраивались театральные

представления, на которых мальчики и их товарищи из города были актерами. Праздник обыкновенно заканчивался угощением деревни и фейерверком».

К одному из таких праздников Петру сшили костюм чертика из лохматой черной материи, облежавший его с ног до головы. У чертика были рога и длинный красный язык. По воспоминаниям отца, Пете особенно понравился длинный хвост на проволочном каркасе с кисточкой на конце, который можно было поднимать трубой, дергая за веревочку. С этим костюмом связана забавная история. Вот как ее описал Николай Егорович: «В этом необычайном наряде, которого еще никто не видел, он отправился в поле, где не наши, а незнакомые хохлы косили хлеб. Увидев воочию самого “биса”, хохлы бросились бежать. Бис с диким ревом понесся за ними, то взвывая хвост крючком, то волоча по земле. К несчастью, хвост за что-то зацепился и оторвался. Видя врага, лишённого столь существенного и страшного украшения, хохлы набрались храбрости и в свою очередь с косами в руках перешли в наступление. Теперь уже бис пустился наутек. На крик людей мы выскочили на двор и увидели страшную и комическую картину. По полю во все лопатки несся черт, то внезапно останавливаясь и с диким ревом бросаясь в контратаку на врагов, которые снова, объятые ужасом, отступали, то, выиграв этим время, вновь мчался по направлению к дому. И опять гнались за ним, и опять контратака и отступление. Уже вывели лошадей, чтобы скакать на выручку, когда ловкий бис явился цел и невредим».

Мемуары Н. Е. Врангеля были впервые изданы за границей после его смерти, в 1924 году. Если бы эпизод с чертом стал известен красным пропагандистам еще в период борьбы за Крым, возможно, «черного барона» на советских плакатах изображали бы в виде черта.

С ранних лет отец брал детей на охоту. Николай Егорович был страстным охотником, но не очень метким стрелком, частенько сгоряча мазал; по его собственному признанию, «мальчики, к их великой гордости и моему конфузу, вскоре меня заткнули за пояс, особенно Петр».

Особенно нравилась Врангелю-старшему охота в предгорьях Главного Кавказского хребта, на которую он брал с собой детей: «У ваших ног расстилается безграничная зеленая равнина, на фоне виднеются снежные вершины недоступных гор. Кругом таинственные леса стройных чинар, бука, ветвистого черного дуба. Охота окончена, сумерки спускаются на землю. Лежа на бурке, вы смотрите, как на небе одна за другой зажигаются звезды... Ярче и ярче пылает костер. Черкес, подвернув непонятным для вас образом под себя ногу, на шомполе жарит

шашлык... Утих смех, шум, говор загонщиков... “Дид”, пластун*, начинает рассказ о походах, о былых лихих набегах на аулы, которые вдали там, точно орлиные гнезда, ютятся на каменных утесах, о том, как их деды и отцы бились и умирали в боях. Джигит с Георгиями на рыжем бранном бешмете вспоминает, как недавно ходили за “бурный Каспий”, в далекие “афганские страны”. Он смолк. В огонь набросали валежник, теснее сплотились у костра... Лагерь засыпает. Лишь треск пылающих сучьев нарушает тишину... Плавно всплыла луна, таинственным светом освещая долину... Вполголоса мягким баритоном запел молодой казак. Товарищ робко ему вторит. Подтягивает вполголоса сперва один, другой, третий... Песнь крепнет, растет, ширится... Мощным стройным хором поют казаки».

Быть может, наслушавшись этих рассказов о недавних походах и боях, будущий главнокомандующий Русской армией решил, хотя и не сразу, выбрать военную карьеру. Позднее, в Гражданскую, Петру Николаевичу пришлось воевать в тех же кавказских предгорьях, только не против турок или афганцев, а против русских же людей, казаков-кубанцев и горских джигитов (и те и другие участвовали в противостоянии с обеих сторон).

Впоследствии Врангель любил повторять, что вырос среди донских казаков и народ, дескать, знает очень хорошо. Но в действительности что с казаками, что с «хохлами» (иногородними) отношения у Врангелей складывались так, как они складываются между господами и слугами. Слуги стараются угодить барам, чтобы получить от них чаевые, но в душе ненавидят их за богатство, за то, что приходится прислуживать, а порой и пресмыкаться перед ними. Разумеется, вида они не показывали, но в революцию эта необъяснимая для Петра Николаевича ненависть прорвалась сполна. Он сам чуть не стал ее жертвой в Ялте.

По свидетельству В. фон Дрейера, Петр Врангель был мальчиком с прямым, но чрезмерно вспыльчивым характером. Первоначально дети Николая Егоровича получали домашнее образование. 6 августа 1892 года Петр Врангель поступил в Петровское реальное училище в Ростове и за два года окончил полный курс по основному отделению. Учился он средне, высшие оценки получил только по немецкому и французскому языкам. Закон Божий, историю, черчение, алгебру и тригонометрию будущий инженер и полководец освоил на

* Пластун — пеший казак из особой команды, несшей сторожевую и разведывательную службу. (Прим. ред.)

«посредственно». Вероятно, поступление не в гимназию, а в реальное училище было обусловлено тем, что отец изначально предполагал, что старший сын должен стать инженером, что облегчило бы ему последующее вхождение в бизнес.

Младший сын Николай учился еще хуже, чем Петр. К 1897 году он окончил шесть классов реального училища, но из-за неуспеваемости не был допущен к заключительным экзаменам. Зато летом подросткам было раздолье — они проводили каникулы в принадлежавшем отцовской семье небольшом имении в Смоленской губернии, недалеко от Ясной Поляны.

К младшему сыну в семье было особое отношение. Врангель-старший писал в мемуарах:

«Мне сдается, что я любил всех своих детей одинаково в смысле интенсивности. Говорю “сдается”, потому что измерять чувства способа нет, но любил с разными оттенками. Младшего Вову (Всеволода) оттого ли, что он был самый маленький, из причины ли, о которой сейчас скажу, — какой-то болезненной, опасливой любовью.

Однажды, когда ему было около двух лет и он с матерью и няней гулял на улице, к ним подошел известный всем в городе Ростове дурачок “юродивый” и погладил малютку по головке.

— Не нудь его, не неволь, — сказал он жене, — проживет только девять лет.

Словам идиота придавать значение, конечно, глупо. Но глупо или нет, они болезненно отозвались в душе. Особенно на мать они произвели неизгладимое впечатление».

Отец подробно описал в мемуарах постигшую семью трагедию — в 1895 году умер одиннадцатилетний Вова (Всеволод):

«Однажды, после возвращения из одной из наших охотничьих экспедиций, меня вызвали в Петербург, где я пробыл дольше, чем собирался. Когда я вернулся, я застал младшего сына в постели.

У него был дифтерит. К счастью, опасность уже миновала, но ребенок был не тот, каким я его оставил. Веселый, жизнерадостный мальчик затих, ушел в себя.

Почуввав детским инстинктом нашу тревогу, он старался казаться веселым, шутил, смеялся... но мы понимали, что от этого напускного веселья веяло ужасом смерти.

Видели ли вы цветущего, жизнерадостного ребенка, всем своим существом рвавшегося жить, которому ясно, что он должен умереть?

Долгие дни, нескончаемые ночи он говорил о том, как счастлива была его жизнь, как сладко жить, как весело играть, бегать в саду, о том, что скоро ни его, ни жизни, ни сада — больше не будет.

Видели ли вы ужасом объятого ребенка, умоляющего отца не позволить страшному старику его схватить?

Слыхали ли вы последние распоряжения умирающего малыша? Обсуждение, кому какие передать игрушки, просьбы беречь его никому уже не нужную няню, не плакать, когда в яму его заруют черные люди, не бросать его картонных актеров...

Мы этот ужас пережили... На другой день после его похорон мы поехали на кладбище. На свеженасыпанной могилке сидел юродивый и играл камешками.

— Тут, тут наш ангелочек, — радостно улыбаясь, сказал он.

И мы с ужасом вспомнили то, что ровно девять лет тому назад предсказал он матери».

Петру тогда было уже 15 лет. Не приходится сомневаться, что он был потрясен смертью младшего брата, которого горячо любил. Быть может, с тех пор Петр Николаевич начал верить в предсказания и в судьбу. Как знать, не увидел ли Николай Егорович в этой несправедливой, оглушающей смерти и в сбывшемся пророчестве юродивого предзнаменование тех кровавых потрясений, что ждали Россию в начале XX века? А его старшему сыну еще предстояло повидать на своем веку сотни, тысячи убитых. Но наверняка именно первая смерть, да еще столь близкого человека и в столь юном возрасте, сильнее всего потрясла его. И, быть может, как раз гибель Всеволода ожесточила Петра, и он уже спокойнее воспринимал людские жертвы и без больших душевных мук проливал кровь как внешних врагов — японцев, австрийцев, немцев, так и соотечественников, с которыми пришлось схватиться в Гражданскую войну.

(Много лет спустя, во время борьбы с красными на Северном Кавказе, Петру Николаевичу довелось встретить казачонка, почти ровесника покойного брата Всеволода, который ходил убивать прятавшихся в плавнях большевиков и уже убил семь человек. Наверное, Врангель был особенно потрясен этой встречей, потому что живо представил на его месте Всеволода.)

Врангели с детьми уехали в Петербург в 1895 году, вскоре после смерти младшего сына. В начале года Николай Егорович оставил свою должность в РОПИТе, но его связь с Ростовом не прерывалась еще несколько лет. В мае 1897 года его выбрали в гласные городской думы. В сентябре он баллотировался на пост ростовского городского головы, проиграл выборы во втором туре, но с очень достойным результатом — 22 голоса против тридцати шести, особенно если учесть, что он постоянно жил не в Ростове, а в Петербурге. Только в январе 1899 года Врангель-старший сложил с себя обязанности депутата городской думы, которая вынесла ему благодарность «за полезное для общественных интересов сотрудничество».

Тем временем Петр Врангель поступил в 1896 году в Горный институт императрицы Екатерины II в Петербурге. Не чурался он и светских мероприятий, будучи, по мнению его однополчанина А. А. Игнатьева, едва ли не единственным студентом технического института, принятым в высшем обществе. Можно не сомневаться, что высокий красавец (рост Врангеля был 1 метр 93 сантиметра), стройный, чернобровый, с породистым лицом, пользовался успехом у дам. Но мы ничего не знаем о его романах ни до женитьбы, ни после. Быть может, их и не было, ведь Петр Николаевич был очень верующим человеком.

В Петербурге Врангели поселились в роскошной квартире на Бассейной улице, 27, наполненной предметами искусства, коллекционированием которых вдохновенно занимался Николай Егорович. Он вспоминал: «Вся наша квартира состояла исключительно из старинных вещей прошлых столетий, собранных после многих поисков, и находка каждой была целым событием, памятной радостью прошлого. Как восторгался покойный сын (Николай. — Б. С.) зеркалом времен Людовика XVI! Как забавна была покупка этого причудливого елизаветинского стола. Какому странному случаю я обязан этим венецианским старинным ларцом. Все вещи были старые друзья, редкие друзья, которые никогда ни разочарований, ни горечи не причиняли». В годы революции и Гражданской войны всё это пришлось распродать за бесценок, чтобы не умереть с голоду.

В столице Николаю Егоровичу вскоре удалось освоиться в финансовых кругах. По службе в РОПИТе он был давно знаком с С. Ю. Витте, ставшим в 1892 году министром финансов. Тот свел барона со своим ближайшим сподвижником, директором Петербургского Международного коммерческого банка А. Ю. Ротштейном. Врангель возглавил правление Российского золотопромышленного общества. Поскольку общество владело почти всеми акциями Амгунской золотопромышленной компании и большим пакетом акций общества «Лена Голдфилдс», то Николай Егорович в первой стал председателем, а во втором — членом правления. Он также возглавлял правление Товарищества спиртоочистительных заводов и был членом правлений «Биби-Эйбатского нефтяного общества» в Баку и Российского электрического общества «Сименс-Гальске». Во всех этих компаниях значительный капитал принадлежал Ротштейну.

Это было время промышленного подъема. В России как грибы росли акционерные общества и синдикаты, на волне благоприятной конъюнктуры в одночасье возникали миллионные состояния. Особенно бурно этот процесс шел в желез-

нодорожном строительстве, нефтяной, металлургической, угольной и золотодобывающей отраслях промышленности. Мы не располагаем точными данными о размере состояния Врангеля-старшего, но, судя по тому, что Николай Егорович имел акции золотопромышленности и нефтяной промышленности, оно вполне могло быть миллионным, хотя и на порядок уступало состоянию Ротштейна.

Художник и искусствовед А. Н. Бенуа в мемуарах дал такое описание внешности Н. Е. Врангеля: «Это был высокого роста господин с крупными чертами лица, с едва начинавшей сесть бородой, недостаточно скрывавшей его некрасивый рот. Мясистые губы его сразу же бросались в глаза своим сероватым цветом и сразу выдавали арабское или негритянское происхождение». По словам Бенуа, однажды на банкете, устраиваемом покровителем Врангеля-старшего, банкиром Ротштейном, сосед Николая Егоровича принял того за бразильца.

Бенуа оставил и портрет второго сына Николая Егоровича, Николая Николаевича, которого близкие звали просто Кокой: «Что-то арабское было и в Коке; и не только в смуглости лица и каком-то своеобразном блеске глаз, но и в сложении, во всей его повадке, в его чрезвычайной живости и подвижности, в чем-то жгучем и бурном, что сразу проявлялось, как только он чем-либо заинтересовывался».

Любовь к коллекционированию, как и многое в этом семействе, началась еще с деда, Егора Ермолаевича Врангеля. После его смерти сын унаследовал часть отцовского собрания предметов искусства. Тогда же и у него обнаружилась склонность к собирательству. Николай Егорович пишет в мемуарах, что еще в Вильно «скупал редкие персидские ковры».

Однажды на знаменитом антиквариате петербургском Александровском рынке Н. Е. Врангеля встретил художник М. В. Добужинский и в воспоминаниях оставил замечание: «Длинный, с моноклом — Врангель-отец, вечно копающийся в старом хламе в поисках жемчужин».

Николай Егорович покупал картины, миниатюры, старинную мебель, фарфор — благо, средства позволяли. После революции он с грустью описал конец своей коллекции:

«Особенно бойко шла торговля старинными вещами. И хотя заграничные антиквары скоро перестали приезжать, спрос являлся громадный. И чем дальше, тем больше цены росли, но странное дело, только на неважные средние, даже худые вещи. На действительно хорошие — покупателей совсем не было.

Я тоже распродал свои картины и предметы искусства, собранные мною с такою любовью в течение полстолетия. Наша квартира, с женитьбой старшего и смертью младшего сына

ставшая для нас обоих слишком обширной, но которую мы сохраняли, чтобы не расстаться с вещами, нам дорогими, теперь походила на складочное место. В несколько комнат, для ограждения от уплотнения, я перевел секретариат и бухгалтерию Нефтяного общества, и вещи из этих комнат теперь беспорядочно наполняли остальные. В большой гостиной под картинами известных мастеров, хрустальной люстрой XVIII столетия, рядом с мебелью эпохи Возрождения сложены были кули с картофелем, который мы с трудом раздобыли. Комнаты, за исключением спальни жены и моей рядом, не топились. И дрова были на исходе, и людей не хватало. Дворников уже не было, часть наших людей уже нас оставила. Весь дом был заледенелый, так как никто из соседних жильцов не топил.

И вещи уплывали одна за другою, и с каждой вещью уплывала часть целого прошлого... И теперь эти друзья уносились враждебными дикарями, которые даже их прелести постичь не могли».

Кстати сказать, среди картин был и прекрасный портрет Петра Николаевича, очень точно запечатлевший его черты.

Николай Николаевич Врангель стал профессиональным искусствоведом, редактировал журнал «Аполлон» и опубликовал многочисленные материалы о неизвестных широкой публике мастерах, произведениях искусства. Среди основных его трудов можно назвать «Искусство и государь Николай Павлович», сборник «Венок мертвым», включающий статьи «Романтизм в живописи Александровской эпохи и война 1812 года», «Иностранные художники в России», «Русские женщины в искусстве», «Любовная лирика XVIII века». Творения художника О. Кипренского, скульптора И. Мартоса, архитектора К. Росси, в начале XX века неизвестные, полузабытые или непризнанные, стали хрестоматийными во многом благодаря исследовательской работе Николая Николаевича.

А Петра Николаевича искусство не привлекало. Его ждала совсем другая стезя.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ

В 1901 году Петр Врангель завершил обучение в Горном институте императрицы Екатерины II в Петербурге. Учеба давалась ему легко, особенно увлекала минералогия. Врангель окончил институт с золотой медалью, но не воспользовался статусом горного инженера, который давал освобождение от военной службы. Для прохождения обязательной воинской службы Петр Николаевич 1 сентября 1901 года поступил воль-

ноопределяющимся первого разряда в лейб-гвардии Конный полк, где традиционно служили представители рода Врангелей.

Десятого марта 1902 года по окончании полковой учебной команды Врангель был произведен в унтер-офицеры, а 2 июля — в эстандарт-юнкера*.

В 1902 году Врангель выдержал испытание на чин корнета гвардии при Николаевской академии Генерального штаба по первому разряду и успешно прошел дополнительный курс. Приказом от 12 октября он был произведен в корнеты с зачислением в запас. В тот момент продолжать военную службу барон не собирался.

Сослуживец Врангеля по полку генерал-лейтенант А. А. Игнатъев, впоследствии перешедший на службу к большевикам, в мемуарах «50 лет в строю» вспоминал:

«Русская контрреволюция, испробовав вождей из флота и армии, остановила свой выбор в конце концов на типичном представителе... конной гвардии — бароне Врангеле.

“Черный барон” имел и смолоду ту же внешность, которая знакома теперь каждому по плакатам и карикатурам. Я встречал его в юности на великосветских балах, где он выделялся не только своим ростом, но и тужуркой студента Горного института.

Потом я встретил его уже лихим эстандарт-юнкером конной гвардии, когда он в компании с моим младшим братом — гусаром, держал офицерский экзамен и просил меня, окончившего в то время Академию Генерального штаба, помочь на полевых поездках. Врангель за несколько месяцев военной службы преобразился в высокомерного гвардейца. Мне же в то время гвардейская служба уже так осточертела, что я посоветовал этому молодому инженеру бросить полк и ехать на работу в знакомую мне с детства Восточную Сибирь. Как это ни странно, но доводы мои подействовали, и Врангель отправился делать карьеру в Иркутск».

Заметим, что про Игнатъева с иронией говорили: «Пятьдесят лет в строю и ни одного дня в бою». Врангель в этом отношении был полной противоположностью «красному графу» (так, наряду с советским писателем А. Н. Толстым, называли А. А. Игнатъева), почти всегда служившему по военно-дипломатическому ведомству. В Иркутск же Петр Николаевич отправился, скорее всего, не по совету Игнатъева, а потому, что у его отца в Восточной Сибири были крупные деловые инте-

* Эстандарт-юнкер (штандарт-юнкер) — в 1880—1903 годах звание окончивших юнкерские кавалерийские училища до присвоения им офицерского чина. (Прим. ред.)

ресы. Ведь именно там находились основные предприятия Российского золотопромышленного общества. После ухода из армии Врангель служил в Иркутске чиновником для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, однако в службе по Министерству внутренних дел быстро разочаровался.

Врангель покинул армию — перспектива тянуть лямку младшего офицера в условиях мирного времени его не привлекала.

Н. Е. Врангель вспоминал: «Мой старший сын Петр, окончив за два года до войны (Русско-японской. — Б. С.) Горный институт, отбыв в конной гвардии воинскую повинность, был произведен в корнеты, но на службе не остался, а вышел в запас. И он, и я думали, что в течение долгих лет никакая война немыслима. В первый же день после ее объявления он вновь поступил на службу и стал хлопотать о переводе в действующую армию. Офицерам гвардии отправиться на Восток не разрешали, было даже почему-то объявлено, что в случае перевода они после окончания войны в свои части обратно приняты не будут. Тем не менее после усиленных хлопот некоторым, и ему в том числе, удалось добиться перевода, и он был зачислен в передовой отряд генерала Ренненкампа и уехал в Маньчжурию».

С началом Русско-японской войны Врангель 6 февраля 1904 года по собственному желанию был определен хорунжим во 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска, но уже 27 февраля его перевели на службу во 2-й Аргунский казачий полк. С этим полком барон участвовал в боях в составе отряда генерала Павла Карловича Ренненкампа в период с 12 марта 1904 года по 29 мая 1905-го. Отряд первоначально дислоцировался в Ляояне в Маньчжурии. Его сослуживец генерал П. Н. Шатилов (тогда он был хорунжим лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка) вспоминал об этом периоде жизни Врангеля: «Он инстинктивно почувствовал, что борьба — его стихия, а боевая работа — его призвание». Именно тогда они и познакомились и подружились на всю жизнь. Кстати сказать, снабжение русской армии в Русско-японскую войну было поставлено из рук вон плохо, и врангелевским казакам приходилось заниматься «самоснабжением», то есть попросту грабить местных китайцев, на что офицеры вынуждены были закрывать глаза.

По дороге на фронт Врангель встретился с Игнатьевым. Тот вспоминал: «Наша встреча была совсем неожиданной — на платформе железнодорожной станции Чита, когда я проезжал там, отправляясь на японскую войну.

— Не мог же я не вернуться в такую минуту на военную службу, — сказал мне, как бы оправдываясь, Врангель и лихо заломил большую черную папаху забайкальского казака.

Тогда он показался мне искренним, но на театре войны я скоро должен был разочароваться в этом ловком, блестящем юноше. Он то и дело разыскивал меня где-нибудь, чтобы поговорить — какой орден стоит променять на лишний чин: ему хотелось нагнать два потерянных для военной службы года; куда устроиться, чтобы выделиться или чем-нибудь отличиться».

По утверждению Игнатьева, «в отличие от сибирских казаков, забайкальские казачьи полки, совсем уже не имевшие местных офицеров, были укомплектованы по преимуществу офицерами гвардейской кавалерии. Тут был и долговязый Врангель, будущий “черный барон”, тут же хватал боевые награды и Скоропадский, будущий гетман, и его соратник по Киеву князь Долгоруков».

Словом; несмотря на запрет, на войне оказался весь цвет гвардейской кавалерии. К утверждениям же Игнатьева, будто Врангель был воодушевлен не патриотическим порывом, а стремлением заработать лишний орден или чин, следует подходить с большой осторожностью. «Красный граф» был весьма пристрастен к «черному барону». Врангель остался на военной службе не из-за одних только карьерных соображений. Прав был Шатилов: барон там, в Маньчжурии, окончательно понял, что походы и бои — его призвание.

В ходе войны Петр Николаевич дважды оказывался в госпитале. Один раз — из-за солнечного удара, а другой раз — после ранения в грудь. Причем о первом случае его родные узнали из фельетона, напечатанного в «Новом времени». Николай Егорович вспоминал:

«От сына мы долго никаких известий не имели. Узнав, что в Петербург привезли раненого подполковника Энгельгардта, я поехал к нему узнать, не знает ли он что-нибудь о сыне.

— Точно ничего сообщить не могу, — сказал он. — Его в госпиталь привезли, как раз когда меня увозили, и я не успел спросить, как он.

Только через несколько недель мы узнали, что у нашего сына было что-то не в порядке с легкими. Через некоторое время его эвакуировали в Петербург».

Родители слышали от него неутешительные оценки: армия была превосходна, дрались как львы, но высшее начальство было бестолково и ему не доверяли. Забота о раненых была недостаточной. В приемном покое, где вначале находился Петр Николаевич, ни врач, ни даже фельдшер ни разу не по-

явились. Врачей больше всего занимали слухи о беспорядках в стране, фельдшера были, как правило, нетрезвы. Сын рассказывал:

«Я не умер только благодаря одному из моих казаков. Он меня сюда доставил и оставался со мной в течение пяти недель, не отходя от меня, как сторожевая собака. Но в центральном госпитале под наблюдением высшего начальства всё было прекрасно, даже роскошно.

В армии идет сильная пропаганда. Везде разбрасывают листовки, но пока, к счастью, их используют только на сигареты. Японские солдаты тоже дерутся как львы. Их армия прекрасно организована, и порядок в ней образцовый».

Вскоре после этого Николай Егорович беседовал с кавалерийским генералом Д. П. Дохтуровым, который, в частности, сказал ему: «Я много говорил с твоим сыном, собирал о нем подробные справки. Из него выйдет настоящий военный. Пусть и после войны останется на службе, он пойдет далеко».

Старый генерал не ошибся.

Во время операций против японцев отряд, в котором был Врангель, действовал в тылу врага. Ему приходилось также бороться против китайских бандитов — хунхузов и даже посчастливилось захватить в плен знаменитого атамана хунхузов Тя Фу.

Петр Врангель, будучи младшим офицером сотни, воевал вполне успешно. 4 июля 1904 года он был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», а 1 декабря барона произвели в сотни.

Уже после окончания боевых действий, 26 мая 1905 года, барон был переведен во 2-ю сотню Отдельного дивизиона разведчиков. Там он числился с 1 июня по 15 октября 1905 года. 1 сентября «за отличия в делах против японцев» Врангель был произведен в подьесаулы*, а 6 января следующего, 1906 года он получил орден Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Его письма домой с войны мать литературно обработала и отдала в журнал «Исторический вестник», где они и были опубликованы в 1907 году.

Шестого января 1906 года Врангель был переведен в 55-й драгунский Финляндский полк с переименованием в штабс-ротмистры. И уже на следующий день, 7 января, он был прикомандирован к Северному отряду Свиты Его Величества под руководством генерал-майора А. Н. Орлова, действовавшему против повстанцев в Сибири. Так Петру Николаевичу впер-

* Подьесаул — казачий чин, в описываемое время относился к IX классу по Табели о рангах и соответствовал штабс-ротмистру в кавалерии и поручику в гвардии. (Прим. ред.)

вые довелось побывать в роли карателя. 9 мая 1906 года император всемилостивейше соизволил лично пожаловать ему за отличие орден Святой Анны 3-й степени.

Тридцатого августа 1906 года барон был прикомандирован к лейб-гвардии Конному полку, а 26 марта 1907-го переведен в этот полк поручиком.

«Хорошо я помню его молодым офицером, — вспоминает о Петре Врангеле генерал Шатилов. — Это был любивший общество светский человек, прекраснейший танцор и дирижер на балах и неприменный участник офицерских товарищеских собраний. Уже в молодых годах он имел удивительную способность необычайно ярко, образно и кратко высказывать свое суждение по всевозможным вопросам. Это делало его чрезвычайно интересным собеседником. С другой стороны, он обыкновенно не воздерживался высказывать откровенно свои мнения, почему уже тогда имел недоброжелателей, число которых увеличивалось завистниками его яркой натуры».

На этот раз Врангель пробыл в конногвардейском полку неполных полтора года. Уже 20 августа 1907 года его откомандировали в Николаевскую академию Генерального штаба. На экзаменах Петр Николаевич набрал 10,3 балла из 12 возможных, что было выше среднего 10-балльного показателя у поступивших абитуриентов. 9 декабря 1909 года его произвели в штабс-ротмистры гвардии.

А. А. Игнатьев утверждал, что после окончания Русско-японской войны Врангель в Петербурге заехал к нему, чтобы спросить совета, «как бы одновременно и пройти курс Академии Генерального штаба, и попасть в офицеры Конной гвардии, и как “оседлать” в этом полку товарищей, большинство которых он в душе считал ничтожествами».

«Больше мы не виделись, — вспоминал Игнатьев. — Но в 1920 году из Крыма в Париж приехал ко мне посланец Врангеля, просившего поверить его “чисто демократической крестьянской и земельной реформе”.

Нарвавшись на хороший отпор, сей посланец ограничился просьбой дать ему хотя бы мою визитную карточку с надписью: “Здравствуй, Пипер”, как мы звали в свое время Врангеля (прозвище пошло от любимого Врангелем сорта шампанского. — Б. С.). Это было уже смешно. “Ну и слабы же вы, — ответил я, — если даже моя карточка вам нужна”».

Вполне возможно, что пристрастный к Врангелю Игнатьев на сей раз, насчет стремления барона «оседлать» товарищей, не соврал. Петр Николаевич действительно стремился достичь командного положения в любом коллективе, в котором оказывался.

При поступлении в академию Врангель женился первый и последний раз в жизни — на фрейлине Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, потомственной дворянке, дочери камергера высочайшего двора девице Ольге Михайловне Иваненко. Бракосочетание состоялось 20 августа 1907 года. Жене Врангеля тогда было 24 года. Она родилась в 1883 году и была моложе мужа на пять лет, что вполне отвечало тогдашним традициям. В 1909 году у них родилась дочь Елена, в 1911-м — сын Петр, в 1914-м — дочь Наталья. Младший сын, Алексей, появился на свет на чужбине в 1922 году*.

Однажды Врангелю пришлось быть секундантом на дуэли своего шурина Дмитрия Михайловича Иваненко. Поединок, впрочем, закончился благополучно, без кровопролития, и противники отметили примирение шампанским.

В Академии Генштаба Врангель особых успехов достиг в овладении иностранными языками (английским и французским), военной администрацией, военной статистикой, стратегией, а также на практических занятиях по тактике.

Советский маршал Б. М. Шапошников вспоминал:

«Со мной на курсе учился поручик лейб-гвардии Конного полка барон Врангель, впоследствии один из руководителей русской контрреволюции на юге России в период гражданской войны 1918—1920 годов, так называемый “черный барон”. Окончив Горный институт, Врангель пошел служить в архиаристократический конный полк, участвовал в Русско-японской войне. Вернувшись в Петербург уже в чине поручика гвардии, он поступил в академию... Врангель в академии вел знакомство только с гвардейцами и кое с кем из армейцев. Я не принадлежал к числу последних и никогда не здоровался с Врангелем. Высокого роста, худой, черный, он производил отталкивающее впечатление. Подошла очередь экзамена по геодезии и для Врангеля. Вышел, взял билет, на доске написал: “Барон Врангель” и “8”, обозначив номер билета, который он вытащил. Вслед за ним вышел сотник казачьего Донского полка Герасимов, очень скромный, умный и тактичный офицер. Вынул билет, не помню сейчас, какой номер, ну, положим, № 12, и написал: “Герасимов № 12”. Оба стали готовиться к ответу. Герасимов вытащил очень легкий билет — описание мензулы, а у Врангеля был трудный, с какими-то математическими вычислениями. Смотрим, Врангель всё за-

* Некоторые источники ошибочно указывают, что А. П. Врангель родился в 1923-м и даже в 1924 году. Однако существуют фотографии 1922 года, где запечатлен новорожденный Алексей. (Прим. ред.)

глядывает в программу, затем берет губку, смывает свой № 8 и пишет № 12. Таким образом, у двух слушателей оказался один и тот же № 12. Ждем, что же будет дальше. Подходит очередь отвечать Врангелю. Шарнгорст (генерал, профессор военной геодезии. — Б. С.) посмотрел в свои записи, потом на доски с номерами билетов и спрашивает Герасимова: “Как это у вас оказался тоже билет № 12?” Тот отвечает, что он его взял и его номер должен быть записан у Шарнгорста. Врангель молчит. И вот, к нашему удивлению, строгий, неподкупный старик генерал Шарнгорст говорит: “Вы, барон Врангель, отвечайте № 12, а вы, сотник Герасимов, № 8”. Но Герасимов и за № 8 получил 12 баллов. Конечно, 12 баллов получил и Врангель, но престиж Шарнгорста в академии упал.

Когда закончился экзамен, в кулуарах собрался курс и началось обсуждение поступка Врангеля. К сожалению, суда общества офицеров у нас в академии не было. По адресу гвардейцев говорили много нелестного. Идти к начальству с жалобой не позволяла офицерская этика, да и что начальство, когда сам Шарнгорст покрыл жульничество Врангеля. Поругались, поругались, и число бойкотирующих Врангеля, т. е. не здоровающихся с ним, увеличилось».

Сын Петра Николаевича Алексей в своей книге рисует эпизод с обменом билетами совершенно иначе, опираясь, очевидно, на семейные предания: «Однажды на экзамене по высшей математике Врангелю достался легкий вопрос, он быстро справился с ним и записал решение. Его соседу, казачьему офицеру, попался трудный билет, и Врангель обменялся с ним, получив взамен решенной новую, более трудную задачу, с которой тоже успешно справился. Эту историю много лет спустя однокашник Врангеля по академии советский маршал Шапошников описал в своих мемуарах. Однако Шапошников сделал то, на что не решился даже Сталин, которого Врангель разбил под Царицыном, — поменял роли участников, и у него вышло, будто это Врангель попросту стащил у товарища билет с более легкой задачей. Вряд ли такой исторический подлог добавил славы советскому маршалу».

Версия Алексея Петровича кажется более правдоподобной, чем версия Бориса Михайловича, хотя оба они — рассказчики пристрастные. Алексей Петрович до самой смерти боготворил отца. Советский маршал же не мог в предназначавшихся к публикации мемуарах положительно отозваться о личных качествах «черного барона» и старался всячески — да простят читатели за каламбур — очернить его (признание достоинств Врангеля как полководца все-таки допускалось в советской историографии — тем славнее, дескать, была победа Красной армии). Но

надо учитывать, что геодезию Врангель должен был знать очень хорошо, потому что этот предмет он совсем недавно проходил и успешно сдал в Горном институте и ему не было никакой нужды жульничать, чтобы получить более легкий билет.

Шапошников приводит еще один компрометирующий Врангеля эпизод: «В один из вечеров докладывали Врангель и Сулейман — яркий гвардеец и степенный армеец. Темой обоих докладов были действия русских на Кавказском театре в Крымскую войну. Врангель докладывал первую половину, а Сулейман — вторую. Оппонентами были генерал Колюбакин и полковник Ниве. Врангель доложил посредственно, но комиссия ему поставила 12 баллов. Сулейман докладывал отлично, по нашему мнению, но оппоненты придирались к мелочам. Как только комиссия вышла за двери, чтобы обсудить отметку, раздались аплодисменты и крики: “Браво, Сулейман!” В аудиторию сейчас же вернулся Ниве и заявил: “Господа, вы не в Александрийском театре!” Однако наше выступление всё же заставило комиссию поставить Сулейману 11 баллов. Этот эпизод еще лишний раз показывает, как враждебно курс был настроен к Врангелю».

Достоверность этого эпизода также внушает большие сомнения, ибо в тексте прямо-таки сквозит неприязнь к Врангелю. Преподаватель, сделавший замечание слушателям за аплодисменты, был полностью прав. Ни в одной военной академии, равно как ни в одном университете, еще никогда не ставили оценки на основе того, насколько понравился ответ слушателя или студента его сокурсникам. Впрочем, не исключено, что весь этот эпизод Шапошников основательно перевра, чтобы дискредитировать Врангеля.

Вместе с тем нельзя не признать, что в царской армии существовал значительный антагонизм между армейскими и гвардейскими офицерами. Первые считали вторых бездельниками, карьеристами и «придворными шаркунами». Ведь гвардейцы имели ряд карьерных преимуществ. В гвардейских полках не было чина подполковника, поэтому ротмистры, есаулы или капитаны лейб-гвардии сразу становились полковниками. Гвардейцы сохраняли перед армейцами преимущество в один чин. Кроме того, в гвардии генеральской была уже должность командира полка, тогда как в армии — командира бригады. Эту нелюбовь к гвардейцам вполне разделял и Шапошников задолго до того, как пошел служить большевикам.

Третьего июня 1910 года Врангель успешно (седьмым по списку) окончил дополнительный курс академии, был причислен к Генеральному штабу и откомандирован к штабу Санкт-Петербургского военного округа.

Шапошников вспоминал: «Учебная часть подвела итоги окончания дополнительного курса и объявила их нам. Итак, подлежали причислению к Генеральному штабу 48 человек — 15 гвардейских и 33 армейских офицера. Кроме того, считался успешно окончившим дополнительный курс Врангель, который по собственному желанию уходил в свой лейб-гвардии Конный полк. Академия ему была нужна, чтобы скорее получить эскадрон и чин ротмистра гвардии, приравнивавшийся в случае ухода в армию к полковнику» (в действительности чин гвардейского ротмистра при переходе в армейские полки приравнивался к подполковнику). В то время чуть более трети выпускников академии причислялось к Генеральному штабу. Из 124 человек, поступивших на младший курс в выпуске Врангеля, 62 были отчислены, а 14 человек окончили дополнительный курс без причисления к Генштабу.

По словам Шапошникова, «по причислении к Генеральному штабу, за исключением конников, мы должны были все откомандовать два года ротой (это касалось и артиллерии). Кавалеристы на год шли в офицерскую кавалерийскую школу, а затем в строй для командования эскадроном». Врангель, окончивший академию одним из лучших, получил возможность остаться «по собственному желанию» служить в строю своего лейб-гвардии Конного полка, так как строевую службу всегда предпочитал штабной.

Успешно окончив курс в Офицерской кавалерийской школе, 22 мая 1912 года Петр Николаевич прибыл в лейб-гвардии Конный полк. Там он стал вначале временно командующим третьим эскадроном, а 16 августа — его командиром. Это был «шефский» эскадрон Его Величества. 6 декабря 1912 года Врангелю был пожалован орден Святого Станислава 2-й степени за беспорочную службу, а 11 августа 1913 года его произвели в ротмистры. В этом чине барон и встретил войну.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В июле 1914 года в составе полка Врангель выступил на фронт. Жена находилась вместе с ним, работая в медицинских учреждениях частей, которыми он командовал. Конногвардейский и Кавалергардский полки входили в 1-ю бригаду лейб-гвардии Кавалерийской дивизии, а та, в свою очередь, в состав 1-й армии, которой командовал старый знакомый Врангеля по Маньчжурии, генерал от кавалерии П. К. Ренненкампф, благоволивший барону.

Очень скоро Врангель стал первым русским офицером,

удостоенным Георгиевского креста в Первой мировой войне. Соответствующий приказ был издан по 1-й армий Северо-Западного фронта 30 августа 1914 года на основании решения Георгиевской думы*. В представлении к награждению говорилось: «Стремительно произвел конную атаку и, несмотря на значительные потери, захватил два орудия, причем последним выстрелом одного из орудий под ним была убита лошадь».

Этой высокой награды Врангель был удостоен за бой 6 августа под восточнопрусской деревней Каушен. Там находилась немецкая двухорудийная батарея, которая наносила большой урон русским наступающим спешенным эскадронам. Описывая бой под Каушеном, командир лейб-гвардии Конного полка генерал-майор Б. Е. Гартман, сам раненный в том бою, вспоминал: «Врангель не находил себе места от нетерпения. Вести о потерях, об убитых товарищах доходили до него и лишь усиливали его протест против того, что ему приходится оставаться в тылу, когда его товарищи дерутся. И наконец он не вытерпел. К этому времени к начальнику 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генералу Казнакову подъехал с наблюдательного пункта 1-ой Его Величества батареи поручик Гершельман и доложил, что орудие противника в тяжелом положении и что, если помочь спешенным частям свежими силами, то орудия можно будет захватить. Услыхав это, Врангель стал буквально умолять разрешить ему атаковать...»

Получив разрешение командира полка на захват батареи атакой в конном строю, он незаметно приблизился к немецким пушкам на расстояние километра и с первым полуэскадронам бросился на врага. Немцы, не ожидавшие конной атаки, не успели поднять прицел, так что во врангелевском эскадроне пострадали в первую очередь лошади. Тем не менее и людские потери оказались значительными: погибли все офицеры и более двадцати солдат из более чем ста, участвовавших в атаке. Тем не менее конногвардейцы ворвались на немецкие позиции, захватили два орудия, а затем выбили противника из Каушена. Последним артиллерийским выстрелом под Врангелем прямым попаданием картечи была убита лошадь. Он перелетел через ее голову, получив легкую контузию, но тотчас поднялся на ноги и добежал до орудий, где шла ру-

* Дума (Кавалерский капитул) ордена Святого Георгия была учреждена в 1782 году императрицей Екатериной II для рассмотрения кандидатур новых кавалеров ордена (ранее этим занимались Военная и Адмиралтейств-коллегия). В нее входили находившиеся в Петербурге георгиевские кавалеры 1-й и 2-й степеней и по 12 старших по возрасту кавалеров 3-й и 4-й степеней. (Прим. ред.)

копашная схватка. Для Врангеля, по словам Гартмана, Каушен стал Тулоном*.

Впоследствии Борис Егорович Гартман, участник Белого движения на юге России, будет назначен Врангелем начальником 5-го отдела Русского общевойскового союза в Бельгии.

Есть и другие мемуарные свидетельства той славной атаки. Так, великий князь Гавриил Александрович вспоминал: «6 числа был известный бой Гвардейской конницы под Каушеном, во время которого командир 3-го эскадрона Конной гвардии ротмистр барон Врангель... атаковал во главе своего эскадрона немецкую батарею... После боя наш эскадрон был назначен в охранение. Ясно помню, что когда полк собрался вместе, уже почти стемнело. Я стоял в группе наших офицеров, говорили, что Врангель убит; Гревс и Велепольский жалели убитого, как хорошего офицера, которого они знали еще по японской войне. Вдруг в этот момент появляется сам барон Врангель верхом на громадной вороной лошади. В сумерках его плохо было видно и он казался особенно большим. Он подъехал к нам и с жаром, нервно стал рассказывать, как он атаковал батарею...» Воистину — «черный барон», хотя тогда Петр Николаевич еще не носил черкеску.

А вот как описывает знаменитый бой князь В. С. Трубецкой: «6 августа 1914 г. под местечком Каушен в Восточной Пруссии даже был случай, когда один эскадрон лейб-гвардии Конного полка, входившего в состав нашей дивизии, атаковал в лоб (правда, разомкнутым строем) германскую батарею на позиции!.. В этой удивительной атаке (свидетелем которой был и пишущий эти строки и которая, как мне кажется, была единственная в этом роде за всю мировую войну), несомненно, сказались влияние и школа Красного Села**». Кстати, командиром эскадрона конногвардейцев был ротмистр барон Врангель, который благодаря этой атаке на батарею приобрел в гвардии большую известность и популярность и быстро пошел в гору».

Конные атаки силой эскадрона, а уж тем более полка или дивизии на европейских фронтах Первой мировой войны бы-

* В 1793 году восставший против революционного Конвента Тулон, обороняемый роялистами и пришедшими им на помощь англичанами, был взят благодаря блестящей военной операции начальника осадной артиллерии капитана Наполеона Бонапарта, с которой началась его военная слава. За взятие Тулона 24-летний Наполеон получил чин бригадного генерала. *(Прим. ред.)*

** В Красном Селе под Петербургом с начала мая до середины июля летом проходили строевая подготовка, стрельбы и смотры гвардейских частей. *(Прим. ред.)*

ли большой редкостью. Протянувшиеся от моря до моря сплошные линии окопов, прикрытые несколькими рядами колючей проволоки и густо насыщенные артиллерией и пулеметами, стали смертным приговором кавалерии. Иная ситуация сложилась на некоторых азиатских фронтах — в Персии и Палестине, где из-за отсутствия сплошной линии фронта оказались возможны кавалерийские рейды полков и даже дивизий в неприятельский тыл. А во время Гражданской войны в России сплошных линий фронта не было почти ни на одном театре военных действий, за исключением польского. Плотность войск и огневых средств в этой войне была на порядок ниже, чем в Первой мировой. Поэтому кавалерия силой в десятки тысяч шашек могла совершать прорывы на сотни километров в тыл неприятеля. А атаковать в конном строю могли даже целые кавалерийские дивизии и корпуса (по реальной силе они примерно равнялись соответственно бригадам и дивизиям времен Первой мировой войны). Врангель же после успеха под Каушеном верил в успех атак в конном строю, и в Гражданской войне перед ним открылось широкое поле деятельности. Барон по праву считался одним из лучших кавалерийских командиров в белых армиях, но до этого было еще долгих четыре года.

Пока же Врангель впервые вкусил плоды всероссийской славы. Его фотография появилась на страницах «Летописи войны» — популярного иллюстрированного военного журнала. Бой под Каушеном широко освещался в русской и союзной прессе. Николай Егорович, находившийся в те дни в Париже, вспоминал: «Накануне нашего отъезда я получил телеграмму о блистательной конной атаке прусской батареи третьим эскадронам Конного полка. Батарея была взята, но, как значилось в телеграмме, при этом погиб цвет русской гвардии. Потери громадные. Этим эскадронам командовал наш старший сын... Жив ли он? Ранен? Телеграммы шли неделями, ответ в Париже я получить не мог. Мы отправились в путь. В английских газетах об атаке у Каушена трубили. Имена погибших офицеров были напечатаны. Слава богу, имени сына в этих списках не было».

Надо признать, что есть и иные оценки действий Врангеля под Каушеном. Т. А. Аксакова-Сиверс со слов великого князя Михаила Александровича писала в мемуарах: «Приходили вести о первых боях, в которых полегла значительная часть гвардии. Говорили о том, как Врангель, командуя эскадронам конногвардейцев, с безрассудной отвагой повел его в атаку и положил много людей. Впоследствии я слышала, что, подписывая награждение Врангеля Георгиевским крестом по стату-

ту, государь сказал: “Никогда я не подписывал приказа с такой неохотой. Не погорячись Врангель, те же результаты могли быть достигнуты стоящей за ним артиллерией Крузенштерна, которая уже начала действовать. И люди были бы целы!”». Как знать, не дошли ли слухи о нелестном царском отзыве и до самого Врангеля? И, быть может, именно они послужили причиной того, что в первоначальном варианте своих воспоминаний Петр Николаевич весьма негативно отозвался о Николае II. Но перед публикацией он этот отзыв снял.

Что же касается обвинения Врангеля в излишних потерях, то таковые в русской армии никогда большим грехом не считались. В крайнем случае, число убитых и раненых в бою разбрасывалось на несколько дней, когда боев вообще не было. Неприятельские же потери обычно показывались превышающими собственные, независимо от того, какими они были в действительности. Что же касается вопроса, насколько была оправданна предпринятая Врангелем атака, мы сегодня лишены возможности объективно судить о том, было ли справедливым замечание императора, если оно вообще было сделано. Ведь ни в дневнике, ни в дошедших до нас письмах Николая II нет никаких упоминаний о Каушенском бое. Мемуаристка ссылается на великого князя Михаила Александровича, но он был расстрелян большевиками в 1918 году и воспоминаний не оставил.

Но даже если принять на веру, что царь действительно ругнул Врангеля за горячность и напрасные потери, оправданию Петра Николаевича могут служить следующие обстоятельства. Сегодня нам вряд ли удастся проверить, действительно ли в момент врангелевской атаки русская артиллерия уже развертывалась на позиции и вот-вот должна была выкурить неприятеля из Каушена. Вполне возможно, что ни Врангель, ни Гартман тогда еще не знали о прибытии артиллерии, и потому внезапная атака в конном строю казалась им оправданной. Кроме того, в случае, если бы немцы ушли из Каушена после обстрела русскими пушками, в руки их противников вряд ли попали бы два немецких орудия. И, наконец, мы не знаем, какие потери понесли немцы в Каушене в результате атаки 3-го эскадрона конногвардейцев. Вполне возможно, что они были не меньше, чем потери эскадрона Врангеля, или даже превышали их.

Тактический успех под Каушеном раздули потому, что он должен был отвлечь внимание русской публики от крупных неудач русских войск в Восточной Пруссии. 2-я армия генерала от кавалерии А. В. Самсонова попала в окружение под Танненбергом. Два ее корпуса были уничтожены, а командарм за-

стрелился. Вскоре немецкие подкрепления, прибывшие с Западного фронта, вытеснили из Восточной Пруссии и сильно потрепанную 1-ю армию Ренненкампа. 18 ноября 1914 года за неудачные действия в ходе Лодзинской операции Ренненкампа был отстранен от командования армией. Конец его был печален. За отказ перейти на службу к большевикам Павел Карлович был убит 12 апреля 1918 года.

В газетной кампании, связанной с именем Врангеля, важную роль играло то обстоятельство, что он стал первым офицером, награжденным орденом Святого Георгия в только что начавшейся войне. Точно так же героем газетных статей стал донской казак Козьма Фирсович Крючков, получивший в этой войне первый солдатский Георгиевский крест. Кстати, служил он в той же 1-й армии генерала Ренненкампа и Георгия 4-й степени заслужил на неделю раньше Врангеля — за бой с немецкими кавалеристами, состоявшийся 30 июля у польского города Кальвария. В том бою Козьма Фирсович будто бы лично уничтожил 11 немцев и был 16 раз ранен немецкими пиками. После такой славы храброму казаку, казалось бы, не составляло большого труда получить полный Георгиевский бант, а затем и офицерский чин. Но на самом деле до Февральской революции Крючков успел получить только еще одного Георгия, 3-й степени, и две георгиевские медали, 4-й и 3-й степеней. Его произвели только в подхорунжие, что соответствовало чину подпрапорщика в армейской кавалерии. Чтобы стать офицером, подпрапорщику надо было либо окончить школу прапорщиков, либо совершить какой-либо выдающийся воинский подвиг. Первый офицерский чин хорунжия Крючков получил уже в мае 1918 года, во время Гражданской войны, в которой он принимал участие на стороне белых. Для этого ему пришлось снять пост красных в шесть человек. Но всероссийская слава не спасла его от гибели в 1919 году. Врангель же был более удачлив, чем Козьма Фирсович, и в карьере, и в личной судьбе.

После боя под Каушеном Врангелю дали блестящую аттестацию: «Ротмистр барон Врангель — отличный эскадронный командир. Блестящая военная подготовка. Энергичный, лихой, требовательный и очень добросовестный. Входит в мелочи жизни эскадрона, хороший товарищ, хороший ездок. Немного излишне горяч. Обладает хорошими денежными средствами. Прекрасной нравственности. В полном смысле слова — выдающийся эскадронный командир». Стоит отметить, что столь лестная аттестация была вполне заслуженной. По свидетельству сослуживцев, Врангель очень заботился о своих подчиненных: никогда не садился ужинать, пока не убе-

дится, что все солдаты эскадрона накормлены, а спать ложился последним в эскадроне.

Двенадцатого сентября 1914 года Петр Николаевич был назначен начальником штаба Сводно-Кавалерийской дивизии. Однако штабная работа Врангеля не привлекала, поэтому 23 сентября он получил назначение помощником командира полка по строевой части.

Десятого октября 1914 года состоялась аудиенция у императора. В этот день Николай II записал в дневнике: «После доклада Барка принял... ротм<истра> Л<ейб>-гв<ардии> Конного полка бар<она> Врангеля, первого Георгиевского кавалера в эту кампанию...» 27 октября Петр Николаевич был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Шестого декабря 1914 года царь назначил Врангеля своим флигель-адъютантом. Это давало барону право носить особый серебряный аксельбант и императорский вензель на погонах. Теперь он был причислен к свите императора и приглашался на проводимые монархом официальные приемы. То, что покровительствовавший Врангелю Ренненкампф оказался в опале, никак не сказалось на его карьере. 12 декабря Петра Николаевича произвели в полковники.

Двадцатого февраля 1915 года, во время Праснышской операции, Врангель во главе дивизиона успешно провел разведку, захватил переправу через реку Довину, а при дальнейшем наступлении бригады выбил две роты немецкой пехоты с трех укрепленных позиций, захватив при этом пленных и обоз. 13 апреля за отличие в делах против неприятеля он был награжден Георгиевским оружием.

Для Врангеля война была прежде всего способом проявить себя, сделать блестящую карьеру (в продвижении в чинах он уверенно обгонял всех своих сверстников). Бедствия войны, похоже, тогда его еще особенно не трогали. Это его брат Николай, с тонкой душой искусствоведа, будучи начальником военно-санитарного поезда, писал в дневнике: «Кошмар, который я видел сегодня, превосходит всё, что можно себе вообразить... Здесь в лазаретах на 200 человек помещается 2500 стонущих, кричащих, плачущих и бредящих несчастных. В душных комнатах, еле освещенных огарками свечей, в грязной соломе валяются на полу полумертвые люди... Узнав, что явилась возможность уехать из этого ада, все способные хоть кое-как двигаться, — часто безрукие, безногие, полуживые, — ползком, волоча свои тела, добрались до станции. Вопли и мольбы наполняли воздух ужасом и смертью. Этой картины я никогда не позабуду, сколько бы мне ни пришлось

прожить». В мемуарах Петра Николаевича мы подобных сентенций применительно к событиям Первой мировой войны не найдем.

Восьмого октября 1915 года Врангель был назначен командиром 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, сражавшегося на Юго-Западном фронте. Командир лейб-гвардии Конного полка при переводе Врангеля дал ему весьма лестную характеристику: «Выдающейся храбрости. Разбирается в обстановке прекрасно и быстро, очень находчив в тяжелой обстановке». Два месяца спустя, 8 декабря, барон был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами.

Полк Врангеля входил в состав Уссурийской казачьей дивизии. Забайкальских казаков Петр Николаевич хорошо знал еще по Русско-японской войне, знал их сильные и слабые стороны. Первые заключались в удали и отваге, в том, что казаки были прирожденными разведчиками, любили и знали военное дело, знали и многие традиционные казачьи военные хитрости. Вторые состояли в недисциплинированности, склонности к грабежу; в случае неудачи казаки легко поддавались панике. Только сильный командир мог держать их в узде и заставить хорошо сражаться в любых условиях.

Врангель показал себя именно таким командиром. Неудивительно, что он неоднократно получает благодарности от начальника дивизии генерал-майора Александра Михайловича Крымова. Так, 29 и 30 июля 1916 года Нерчинский полк успешно выдержал трудный бой с германским 43-м пехотным полком, усиленным артиллерией. По словам Крымова, в сложной обстановке полковник Врангель показал «умелое маневрирование и управление боем». 22 августа, участвуя в атаке в Лесистых Карпатах, 1-й Нерчинский полк взял в плен 118 немцев, захватил большое количество оружия и боеприпасов, причем многие офицеры, включая Врангеля, были ранены. За это командир дивизии «от всей души» поблагодарил в приказе Петра Николаевича и его полк.

За эту атаку 1-й Нерчинский полк получил шефство цесаревича Алексея, и Врангель в середине ноября во главе депутации полка выехал в Петроград для представления «молодому шефу». Он обратил внимание на то, как изменилась обстановка в столице:

«Я выехал в Петербург в середине ноября; несколькими днями позже должны были выехать офицеры, входившие в состав депутации.

Последний раз я был в Петербурге около двух месяцев назад, когда приезжал лечиться после раны, полученной при атаке 22 августа. Общее настроение в столице еще ухудшилось

со времени последнего моего посещения; во всех слоях общества чувствовались растерянность, сознание неизбежности в ближайшее время чего-то огромного и важного, к чему роковыми шагами шла Россия...»

Через несколько дней Врангель был назначен дежурным флигель-адъютантом. Во время дежурства произошла его встреча с Николаем II, которую барон описал в мемуарах:

«...Мне много раз доводилось близко видеть Государя и говорить с Ним. На всех видевших Его вблизи Государь производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. Это впечатление являлось следствием отличительных черт характера Государя — прекрасного воспитания и чрезвычайного умения владеть собой. Ум Государя был быстрый, Он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и лица, и карту; как-то, говоря о Карпатских боях, где я участвовал со своим полком, Государь вспомнил совершенно точно, в каких пунктах находилась моя дивизия в тот или иной день! При этом бои эти происходили месяца за полтора до разговора моего с Государем, и участок, занятый дивизией, на общем фронте армии имел совершенно второстепенное значение.

Я вступил в дежурство в Царском Селе в субботу, сменив флигель-адъютанта герцога Николая Лейхтенбергского. Государь в этот день завтракал у Императрицы. Мне подан был завтрак в дежурную комнату...

Обедали на половине Императрицы. Кроме меня, посторонних никого не было, и я обедал и провел вечер один в семье Государя. Государь был весел и оживлен, подробно расспрашивал меня о полку, о последней блестящей атаке полка в Карпатах. Разговор велся частью на русском, частью, в тех случаях, когда Императрица принимала в нем участие, на французском языках. Я был поражен болезненным видом Императрицы. Она значительно осунулась за последние два месяца, что я Ее не видел. Ярko выступали красные пятна на лице. Особенно поразило меня болезненное и как бы отсутствующее выражение ее глаз. Императрица, главным образом, интересовалась организацией медицинской помощи в частях, подробно расспрашивала о новом типе только что введенных противогазов. Великие Княжны и Наследник были веселы, шутили и смеялись. Наследник, недавно назначенный шефом полка, несколько раз задавал мне вопросы — какие в полку лошади, какая форма... После обеда перешли в гостиную Императрицы, где пили кофе и просидели еще часа полтора.

На другой день, в воскресенье, я сопровождал Государя, Императрицу и Великих Княжон в церковь, где Они присутствовали на обедне. Маленькая, расписанная в древнерусском стиле церковь была полна молящихся. Видя, как молится Царская Семья, я невольно сравнивал спокойное, полное глубокого религиозного настроения лицо Государя с напряженным, болезненно экзальтированным выражением Императрицы. По возвращении из церкви я застал уже во дворце прибывшего сменить меня флигель-адъютанта графа Кутайсова».

В день праздника кавалеров ордена Святого Георгия, 26 ноября, все награжденные Георгиевскими крестами и Георгиевским оружием были приглашены в Народный дом на торжественный молебен и обед. Врангель, имея и орден Святого Георгия, и Георгиевское оружие, был среди приглашенных. Он описал церемонию в мемуарах:

«Громадное число Георгиевских кавалеров, офицеров и солдат, находившихся в это время в Петрограде, заполнили театральный зал дома. Среди них было много раненых. Доставленные из лазаретов тяжелораненые располагались на сцене на носилках. Свита и приглашенные стояли в партере вплотную к сцене. Вскоре прибыл Государь с Императрицей. По окончании молебна генерал-адъютант Принц Александр Петрович Ольденбургский взшел на сцену, поднял чарку и провозгласил здравицу Государю Императору и Августейшей Семье. Государь Император выпил чарку и провозгласил “ура” в честь Георгиевских кавалеров, после чего Он и Императрица обходили раненых, беседуя с ними. Я вновь, наблюдая за Императрицей, беседовавшей, наклонившись над носилками тяжелораненого, обратил внимание на болезненное выражение ее лица. Она, внимательно расспрашивая больного, в то же время, казалось, отсутствовала где-то. Видимо, выполняя что-то обязательное и неизбежное, Она мыслями была далеко».

Еще одна встреча Врангеля с императором, теперь уже посвященная представлению офицеров Нерчинского полка, в Царском днем 4 декабря, перед самым отъездом Николая II в Ставку:

«Отправив утром предназначенную быть подведенной Наследнику лошадь, поседланную маленьким казачьим седлом, я выехал с депутацией по железной дороге, везя заказанную для Наследника форму полка. Поезд наш должен был прибыть в Царское за полчаса до назначенного для представления Государю депутации часа, и я рассчитывал, что успею до представления депутации доложить Государю о моих офицерах, дабы Государю легко было задавать вопросы представляющимся.

Вследствие какой-то неисправности пути поезд наш опоз-

дал, и мы едва успели, сев в высланные за нами кареты, прибыть к назначенному часу во дворец. Встреченные дежурным флигель-адъютантом, мы только что вошли в зал, как Государь в сопровождении Наследника вышел к нам. Я представил Государю офицеров, и сверх моего ожидания Государь совершенно свободно, точно давно их знал, каждому задал несколько вопросов; полковника Маковкина Он спросил, в котором году он взял Императорский приз; есаулу Кудрявцеву сказал, что знает, как он во главе сотни 22-го августа первым ворвался в окопы противника... Я лишней раз убедился, какой острой памятью обладал Государь, — во время последнего моего дежурства я вскользь упомянул об этих офицерах, и этого было достаточно, чтобы Государь запомнил эти подробности...

После представления Государь с Наследником вышли на крыльцо, где осматривали подведенного депутацией коня. Тут же на крыльце Царскосельского дворца Государь с Наследником снялся в группе с депутацией».

Об императоре и его семье, принявших мученическую смерть в Екатеринбурге, Петр Николаевич отзывается почти благоговейно, с любовью описывая мельчайшие детали быта царской семьи. Это и понятно — он был искренним, убежденным монархистом. В период, когда Врангель готовил свои мемуары к изданию, в русской монархической эмиграции продолжалась свара между двумя лагерями — приверженцами великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича*. Кроме того, монархисты подвергались жестоким нападениям со стороны либеральных и социалистических кругов. В этих условиях, добиваясь максимального сплочения монархического лагеря, Петр Николаевич создавал идеализированный образ последнего царя, стараясь не упоминать его негативных черт. Но со слов издателя его мемуаров А. А. фон Лампе известно, что в их рукописи содержались весьма резкие отзывы о последнем русском императоре, чья неспособность взять ситуацию под контроль и противостоять вредному, как считал Врангель, влиянию супруги, способствовала успеху революции. Но и в опубликованном тексте бро-

* *Николай Николаевич (младший)* (1856—1929) — великий князь, внук императора Николая I и дядя Николая II. После гибели царской семьи считался среди белой эмиграции претендентом на российский престол как старший член династии, хотя сам монархических претензий не высказывал. *Кирилл Владимирович* (1876—1938) — великий князь, внук императора Александра II и двоюродный брат Николая II. В 1924 году провозгласил себя Императором Всероссийским Кириллом I и обратился с письмом к Николаю Николаевичу. Тот решительно отверг притязания родственника на царский титул, заявив, что вопрос о монархии может решаться только русским народом на родной земле. (*Прим. ред.*)

сается в глаза, что к императрице Врангель относился неодобрительно, считая ее виновницей кризиса власти, приведшего к революции.

Вскоре после возвращения Врангеля из Петрограда Уссурийская дивизия была переброшена на Румынский фронт. Там, в Яссах, где находилась румынская королевская чета, Петр Николаевич встретился с великой княгиней Викторией Федоровной, сестрой румынской королевы, и узнал от нее об отсутствии сплоченности среди членов августейшей фамилии:

«— Я знаю Россию дольше и лучше тебя, — сказала Императрица Великой Княгине Виктории Федоровне, — ты слышишь только то, что говорится в Петербурге, среди испорченной и далекой от народа аристократии. Ежели бы ты поехала с Государем и со Мной в одну из поездок наших на фронт, ты бы увидела, как народ и армия обожают Государя. — Императрица, открыв ящик стола, показала Великой Княгине пачку связанных писем. — Вот всё это письма офицеров и солдат, простых русских людей. Я получаю много таких писем каждый день, все они обожают Государя и просят об одном, чтобы Он был тверд и не уступал всем проискам Думы...

Великая Княгиня давала понять, что большинство членов Императорской Семьи и, главным образом, семья Великой Княгини Марии Павловны, признают необходимость изменить существующий порядок вещей и что в этом отношении с ними единодушен ряд наиболее видных членов Думы... Продолжительный разговор с Великой Княгиней Викторией Федоровной произвел на меня тягостное впечатление. Я, встречая Великую Княгиню постоянно в Петербурге, никогда к ней не был близок, и самое желание ее видеть меня и откровенное посвящение Ею во все эти подробности показались мне несколько странными.

Дальнейшие события и выступление Великого Князя Кирилла Владимировича во главе “революционного” морского экипажа в один из первых дней переворота объясняют, быть может, многое».

Врангель, поддерживавший великого князя Николая Николаевича, прямо намекал на связь родни Кирилла Владимировича с думскими кругами, которые, по его мнению, и устроили Февральскую революцию. Петр Николаевич также давал понять читателям, что Александра Федоровна пребывала в мире иллюзий, верила, что народ и армия обожают императора, а воду мутит лишь жалкая кучка «думской общественности». Главный вред, по мнению Врангеля, состоял в том, что императрица внушала супругу эту далекую от реальности картину российской жизни, что мешало ему принять действитель-

ные меры для оздоровления ситуации в тылу и на фронте тогда, когда революцию еще можно было бы предотвратить.

О Распутине Врангель упомянул в мемуарах только в связи с его убийством: «Как-то на одном из переходов во время привала ко мне прибыл от генерала Крымова, шедшего в головном полку, ординарец и передал мне, что начальник дивизии просит меня к себе. Подъехав к голове колонны, я увидел группу офицеров штаба дивизии, гревшихся вокруг костра и разбиравших только что привезенную почту. Генерал Крымов, держа в руке несколько скомканных газет, нетерпеливыми большими шагами ходил в стороне. Увидев меня, он еще издали, размахивая газетами, закричал мне: “Наконец-то, подлеца Гришку ухлопали...”

В газетах был ряд сведений об убийстве Распутина. Прибывшие одновременно письма давали подробности.

Из трех участников убийства я близко знал двух — Велико-го Князя Дмитрия Павловича и князя Ф. Ф. Юсупова.

Какие чувства руководили ими? Почему, истребив вредно-го для Отечества человека, они не объявили об этом громко, не отдали себя на суд властей и общества, а, бросив в прорубь труп, пытались скрыть следы? Трудно верилось полученным сообщениям...»

Не исключено, что в неопубликованной части мемуаров Врангель прямо и более резко писал о связях Распутина с покойной императрицей. Ведь именно близость к Александре Федоровне позволила «святому черту» приобрести то влияние на государственную жизнь, которое он имел вплоть до самой смерти.

Двадцать четвертого декабря 1916 года Врангель был назначен командиром 2-й бригады Уссурийской конной дивизии, 13 января 1917-го произведен «за боевое отличие» в генерал-майоры, а 23 января временно принял командование Уссурийской конной дивизией, поскольку заболевший генерал Крымов выехал в Петроград. Производство в генералы на тринадцатом году службы стало самым быстрым в русской армии начала XX века.

В 20-х числах января Врангель возглавил переход дивизии походным порядком из Ясс в Кишинев, где сосредоточивалась вся конница Румынского фронта. Бессарабия была богата продовольствием и фуражом, и командование рассчитывало, что кавалеристы здесь хорошо отдохнут и подготовятся к предстоящему весной решающему наступлению. Петр Николаевич вспоминал:

«Небольшой, чистый и благоустроенный губернский город Кишинев, обыкновенно тихий и молчаливый, был необычай-

но оживлен. Помимо моей дивизии в ближайшем к городу районе расположены были весь конный корпус генерала Келлера, Туземная, так называемая дикая дивизия князя Багратиона... Масса офицеров всевозможных кавалерийских и казачьих полков наполняли театры и рестораны.

Радушное кишиневское общество радо было случаю оказать гостеприимство нашим частям и самому повеселиться. Представители местного дворянства и крупного купечества наперерыв устраивали обеды, ужины и балы, и военная молодежь после двух лет тяжелой походной жизни веселилась от души. Через несколько дней после прибытия дивизии кишиневское дворянство устроило для офицеров в Дворянском собрании бал. После танцев перешли в столовую, где на отдельных столах был сервирован ужин, причем дамы сами подавали, присаживаясь к тому или другому столику. Через неделю дивизия давала в том же Дворянском собрании ответный бал кишиневскому обществу. Из окрестных стоянок прибыло два хора трубачей и песенники. Разошлись только с рассветом. Среди беззаботного веселья и повседневных мелочных забот, казалось, отлетели далеко тревоги последних долгих месяцев и ничто не предвещало близкую грозу.

Одиннадцатого февраля прибыл из Петербурга генерал Крымов и дал новый повод местному обществу устроить в честь его ряд обедов и вечеров. Он так же был далек от сознания, что роковой час почти пришел и гроза готова разразиться. Негодуя на Ставку и правительство, осуждая "безумную и преступную" политику, приводя целый ряд новых, один другого возмутительнее, примеров произвола, злоупотреблений и бездарности власти, он всё же не отдавал себе отчета, что капля, долженствующая переполнить чашу терпения страны, уже повисла в воздухе».

Однако ни во главе бригады, ни во главе дивизии толком повоевать в Первой мировой войне Врангелю не довелось. В тот момент на Румынском фронте было затишье, а потом грянула Февральская революция. Так что реальный боевой опыт сорокалетнего генерала ограничивался командованием полком. Разумеется, действия его 1-го Нерчинского полка никак не могли повлиять на исход армейских и тем более фронтовых операций. Но свои задачи полк выполнял успешно, и Врангель был на хорошем счету у командования. Он, как и подавляющее большинство генералов и офицеров русской армии, никак не ожидал революции. Наоборот, всё, казалось бы, шло к скорой победе над врагом. Войска больше не испытывали, как в 1915 году, снарядного голода. Русская промышленность теперь производила боеприпасы в достаточном количестве, да

и поставки со стороны союзников помогли. Армия, хорошо вооруженная и обмундированная, готовилась к последнему, решающему наступлению, которое призвано было сокрушить австро-германский фронт.

Врангель, разумеется, не знал, что сосредоточение всех усилий на военном производстве привело к тяжелейшему кризису железнодорожного транспорта, который в феврале 1917 года находился на грани коллапса. Вследствие этого крупные города испытывали перебои с поставкой продовольствия, что в конечном счете привело к голодным бунтам в Петрограде и началу революции. Врангель не знал также, насколько многомесячное сидение в окопах осточертело простым солдатам. Для них цели этой войны никогда не были близки. Правда, в кавалерии недовольство ощущалось намного слабее, чем в пехоте. Кавалерийские дивизии по большей части пребывали в резерве и гораздо меньше времени, чем пехотные, проводили в окопах.

РЕВОЛЮЦИЯ

В конце февраля 1917 года в Кишинев приехала Ольга Михайловна, работавшая в полевом госпитале на Румынском фронте. По ее воспоминаниям, муж, несмотря на генеральский чин, лихо танцевал на балах, не отставая от юных поручиков.

Об этом времени пишет сын Врангеля Алексей Петрович: «В Кишиневе рекой лилось шампанское, пары кружились в вальсе под музыку полкового оркестра, звучал смех, никто не замечал темных туч, сгустившихся над головой. Когда грянула гроза, все были застигнуты врасплох...»

Барон тем не менее не слишком удивился революции. «Я их всех хорошо знаю, — говорил он об императорской фамилии близким знакомым. — Они не могут править, потому что не хотят.. Они потеряли вкус к власти». В мемуарах он сокрушался, что «опасность была в уничтожении самой идеи монархии, исчезновении самого Монарха»: «Что должен был испытать русский офицер или солдат, сызмальства воспитанный в идее нерушимости присяги и верности Царю, в этих понятиях прошедший службу, видевший в этом главный понятный ему смысл войны?..»

Временное правительство, «безвольное и бездарное», как считал Врангель, «позорно отдало Россию на милость победителя». Но не оно одно было виновно — «ответственность с ним разделяли и старшие военачальники, и весь русский народ». В возникновении смуты был повинен и сам Николай II: в начале 1917 года, по утверждению Врангеля, «армия, как и

вся страна, отлично сознавала, что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает престол». Но когда Крымов зачитал царский манифест об отречении, Петр Николаевич в сердцах воскликнул: «Это конец, это анархия!»

Вскоре после опубликования 1 марта приказа № 1 Петроградского Совета, отменявшего единоначалие офицеров и вводившего в частях власть выборных комитетов, Врангель был направлен в Петроград своим начдивом с письмом к военному министру А. И. Гучкову*. Петр Николаевич передает содержание письма Крымова: «В горячих, дышащих глубокой болью и негодованием строках он писал об опасности, которая грозит армии, а с нею и всей России. О том, что армия должна быть вне политики, о том, что те, кто трогают эту армию, творят перед родиной преступление... Среди чтения письма он вдруг, схватив голову обеими руками, разрыдался... Он заканчивал письмо, прося А. И. Гучкова выслушать меня, предупреждая, что всё то, что будет сказано мною, он просит считать как его собственное мнение. В тот же вечер я выехал в Петербург».

Вид революционного города поразил барона:

«В Царском дебаркадер был запружен толпой солдат гвардейских и армейских частей, большинство из них были разукрашены красными бантами. Было много пьяных. Толкаясь, смеясь и громко разговаривая, они, несмотря на протесты поездной прислуги, лезли в вагоны, забив все коридоры и вагон-ресторан, где я в это время пил кофе. Маленький рыжеватый Финляндский драгун с наглым лицом, папироской в зубах и красным бантом на шинели бесцеремонно сел за соседний столик, занятый сестрой милосердия, и пытался вступить с ней в разговор. Возмущенная его поведением сестра стала ему выговаривать. В ответ раздалась площадная брань. Я вскочил, схватил негодяя за шиворот и, протаскив к выходу, ударом колена выбросил его в коридор. В толпе солдат загудели, однако никто не решился заступиться за нахала».

Первое, что бросилось в глаза барону в Петрограде, — это огромное количество красных бантов, украшавших почти всех. Они были видны не только на шатающихся по улицам в расстегнутых шинелях безоружных солдатах, студентах, курсистках, шоферах таксомоторов и извозчиках, но и на щеголеватых штатских и значительном числе офицеров. Встречались

* Александр Иванович Гучков — лидер партии октябристов, председатель Третьей Государственной думы. В числе других политиков принимал отречение Николая II, являлся военным и морским министром Временного правительства, а во время Гражданской войны — консультантом А. И. Деникина по политическим вопросам. (Прим. ред.)

элегантные кареты с кучерами, разукрашенными красными лентами, и седоками с приколотыми к шубам красными бантами. Врангель вспоминал:

«Я лично видел несколько старых, заслуженных генералов, которые не побрезгали украсить форменное пальто модным революционным цветом. В числе прочих я встретил одного из лиц Свиты Государя, тоже украсившего себя красным бантом; вензеля были спороты с погон; я не мог не выразить ему моего недоумения увидеть его в этом виде. Он явно был смущен и пытался отшучиваться: “Что делать, я только одет по форме — это новая форма одежды...” Общей трусостью, малодушием и раболепием перед новыми властителями многие перестарались. Я все эти дни постоянно ходил по городу пешком в генеральской форме с вензелями Наследника Цесаревича на погонах (и, конечно, без красного банта) и за всё это время не имел ни одного столкновения.

Эта трусливость и лакейское раболепие русского общества ярко сказались в первые дни смуты, и не только солдаты, младшие офицеры и мелкие чиновники, но и ближайшие к Государю лица и сами члены Императорской Фамилии были тому примером. С первых же часов опасности Государь был оставлен всеми. В ужасные часы, пережитые Императрицей и Царскими Детьми в Царском, никто из близких к Царской Семье лиц не поспешил к Ним на помощь. Великий Князь Кирилл Владимирович сам привел в Думу гвардейских моряков и поспешил “явиться” М. В. Родзянко. В ряде газет появились “интервью” Великих Князей Кирилла Владимировича и Николая Михайловича, где они самым недостойным образом порочили отрешенного Царя. Без возмущения нельзя было читать эти интервью. Борьба за власть между Думой и самочинным советом рабочих и солдатских депутатов продолжалась, и Временное Правительство, не находившее в себе силы к открытой борьбе, все более становилось на пагубный путь компромиссов».

Гучкова в городе не оказалось. Врангеля принял министр иностранных дел П. Н. Милюков. Генерал заявил ему: «Сейчас война, и мы все воины, и офицеры, и солдаты, где бы мы ни находились: в окопах, в резерве или в глубоком тылу, — мы всё время, в сущности, несем службу и находимся “в строю”. Новые права солдата, требование обращения к солдатам на “вы”, право посещать общественные места, свободно курить и так далее хорошему солдату сейчас не нужны. Русский простолудин сызмальства привык к обращению на “ты” и в таком обращении не видит для себя обиды; в окопах и на привале русские офицеры и солдаты живут вместе, едят из одного котла и закуривают от одной папироски. Свободным посеще-

нием публичных мест, курением и прочими свободами воспользуются лишь такие солдаты, как те, что шатаются ныне по улицам столицы».

Милюков возражал, что представители армейских комитетов дают другие сведения насчет настроения простолюдинов в серых шинелях. Барон и приват-доцент не договорились.

Возможно, Врангель в тот момент вообще служить не хотел — по крайней мере, на фронте. Он слишком хорошо понимал, что революция и приказ № 1 разлагают армию, ее боеспособность стремительно падает. Побед с такими солдатами не одержишь, а терпеть поражения он не привык.

Особенно неприятное впечатление произвел на Врангеля инцидент, случившийся 17 марта на празднике Амурского казачьего полка. В мемуарах он изложен следующим образом:

«Полком командовал... полковник Сычев. Подъехав к выстроенному для парада полку, я с удивлением увидел, вместо сотенных значков, в большинстве сотен красные флаги. Для флагов этих казаки, видимо, использовали “подручный материал”, и на флаг одной из сотен, очевидно, пошла юбка из красного ситца с какими-то крапинками. Командир подскакал с рапортом, оркестр заиграл марсельезу. Приняв рапорт командира полка, я спросил его, что значит этот маскарад, и услышал неожиданный для меня ответ — “казаки этого потребовали”. Я объявил полковнику Сычеву, что не допускаю никаких “требований” подчиненных, что уставом ясно указано о порядке встречи старших начальников, что при встрече полк обязан играть полковой марш и что цвет значков каждой сотни установлен. Проехав по фронту, поздравившись с сотнями и поздравив с войсковым праздником, я, став перед фронтом полка, обратился к казакам:

— Я ожидал встретить славный ваш полк под старым своим знаменем, а сотни с их боевыми значками, вокруг которых погибло геройской смертью столько славных амурских казаков. Под этими значками хотел я собрать сегодня вас и выпить за славу Амурского войска и Амурского полка круговую чарку, но под красной юбкой я сидеть не буду и сегодняшней день с вами провести не могу.

Круто повернув коня, я поскакал домой.

В тот же день я отдал приказ по дивизии, где объявил выговор командиру Амурского полка за допущение беспорядков в строю. Полковник Сычев, поддержанный заведующим хозяйством есаулом Гордеевым, пьяницей и плохим офицером, пытался вызвать неудовольствие полка против меня, стараясь внушить офицерам и казакам, что я оскорбил полк и в лице его все амурское казачество, что я сам не казак, а потому и

обижаю казаков — одним словом, раздался тот припев, который впоследствии напевали так часто вожди “самостийного” казачества. Как только я узнал о недопустимых действиях командира полка и его помощника, я без лишних слов отдал приказ об отрешении обоих от должности и предписал им в тот же день выехать из пределов дивизии. Приехав в Амурский полк, я собрал офицеров, разъяснил им дело и высказал свой взгляд на вещи. В командование полком я приказал вступить Полковникову (в этой должности он был впоследствии утвержден по ходатайству генерала Крымова), а о действиях полковника Сычева и есаула Гордеева приказал командиру 2-ой бригады, генералу Железнову, произвести расследование для предания их суду».

Врангель оставался в убеждении, что командиры с твердой волей еще способны решительными действиями остановить прогрессирующее разложение. На самом деле его усилия можно сравнить с попытками спасти тонущий корабль, вычерпывая воду стаканами, когда мощные помпы уже вышли из строя. Противостоять революционной стихии барон не мог.

Тридцатого марта Крымов был назначен командиром 3-го кавалерийского корпуса, а Врангель стал начальником Уссурийской дивизии, которая была включена в его состав. Однако Врангель больше не хотел командовать казаками. В мемуарах он писал: «Надежд, возлагаемых генералом Крымовым на казаков, я не разделял. Прожив детство и юность на Дону, проведя Японскую войну в рядах Забайкальского казачьего полка, командуя в настоящую войну казачьим полком, бригадой и дивизией, в состав коих входили полки трех казачьих войск, — я отлично знал казаков. Я считал, что они легко могут стать орудием в руках известных политических кругов. Свойственное казакам испокон стремление обособиться представляло в настоящую минуту, когда значительная часть армии состояла из не казаков, а казачьи части были вкраплены в целый ряд регулярных дивизий, немалую опасность. Я считал, что борьба с развалом должна вестись иными путями, не ставкой на какую-либо часть армии, а дружным единением верхов армии и сплоченностью самой армии. Но генерала Крымова трудно было переубедить. Он весь увлечен новой идеей. Это с места учли некоторые элементы — в полках стало заметно среди офицеров деление на казаков и не казаков».

Врангель отказался служить под началом Крымова и по его предложению написал военному министру и начальнику штаба Верховного главнокомандующего рапорт с просьбой назначить его начальником регулярной конной дивизии. С этим рапортом Петр Николаевич 5 апреля выехал в Петроград

(интересно, что в мемуарах он предпочитал именовать столицу по-старому — Петербургом). Здесь он застал антиправительственные выступления 20 апреля в связи с нотой Милюкова союзникам о намерении России продолжать войну. Это был первый кризис Временного правительства, преодоленный благодаря уходу из правительства Милюкова и кадетов и усилению представительства социалистических партий. Фактически было закреплено двоевластие правительства и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Без согласия Петросовета Временное правительство не могло провести в жизнь никаких своих решений.

Врангель окончательно разочаровался в способности Временного правительства навести порядок в армии и стране. В Петрограде он попробовал создать подпольную военную организацию, которая в подходящий момент поддержала бы генерала Корнилова или какого-либо другого кандидата в военные диктаторы. Но ее члены дальше разговоров с критикой правительства так никогда и не пошли. Во главе организации стал однополчанин и друг Врангеля граф А. П. Пален. Сам же Петр Николаевич явно не торопился на фронт, ожидая, что здесь, в Петрограде, удастся организовать выступление с целью установления военной диктатуры.

Врангель вспоминал:

«Предстоящий переход в наступление скоро перестал быть секретом и для широкой публики, да, конечно, и для врага. Новый министр “революционной армии” Керенский непрерывно метался на фронте, произносил истерические речи и призывал “революционные войска спасать завоевания революции”. Маршевые пополнения шли на фронт, неся плакаты с призывами: “Война до победного конца”, “Все на фронт”, “Лучше смерть, чем рабство” и т. д. Несмотря на “революционный порыв”, эти маршевые пополнения, большей частью, разбежались по дороге.

В середине июня я получил телеграмму за подписью дежурного генерала 8-ой армии полковника графа Гейдена, коей испрашивалось согласие мое на назначение меня “впредь до освобождения дивизии” командиром бригады 7-ой кавалерийской дивизии. Я ответил согласием. Однако проходили дни, все более и более приближался час перехода армии в наступление, а приказа о назначении не было.

18-го июня армии Юго-Западного фронта атаковали противника, 8-ая армия генерала Корнилова вторглась в Галицию, фронт противника был прорван, наши войска овладели Галичем и Станиславом. Казалось, после долгих месяцев победа вновь озаряла русские знамена.

Наконец, 30-го июня я получил телеграмму о назначении меня командующим, но не бригадой, а 7-ой кавалерийской дивизией. Через день я выехал в Каменец-Подольск».

Надо заметить, что русское наступление планировалось еще весной, но из-за революции было отложено. В результате оно не было синхронизировано с активизацией англо-французских войск во Франции и Бельгии. Разумеется, за несколько месяцев о нем не могла не узнать немецкая разведка, выявившая концентрацию русских сил на Юго-Западном фронте. К тому времени, когда последнее русское наступление началось, немцы уже отразили атаки союзников. Однако германское и австро-венгерское командования не стали усиливать свои войска, противостоявшие русским частям, не без основания полагая, что имеющимися силами удастся сдержать натиск «революционной армии».

Врангель прибыл на Юго-Западный фронт уже после того, как последнее наступление русской армии полностью провалилось. 18 июня войска 11-й и 7-й армий пошли в атаку в направлении на Львов, но после занятия первых линий неприятельских окопов они начали митинговать, обсуждать приказы и отказывались идти вперед. Уже 20 июня движение пришлось прекратить. Более успешно проходило начавшееся 23 июня наступление 8-й армии под командованием генерала от кавалерии Л. Г. Корнилова на Калуш. Было взято семь тысяч пленных и 48 орудий. Армия Корнилова захватила Станислав, Галич и Калуш и к 30 июня вышла к реке Ломнице.

Австро-германские войска 6 (19) июля нанесли контрудар из района Злочева в направлении Тернополя (современный Тернополь) и прорвали фронт 11-й армии, что вынудило и другие русские армии начать отход. Комиссары 11-й армии телеграфировали Керенскому: «Наступательный прорыв быстро исчерпался. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника. На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части... Сегодня главнокомандующий с согласия комиссаров и комитетов отдал приказ о стрельбе по бегущим».

Врангель приехал в штаб Юго-Западного фронта как раз в день начала австро-германского контрнаступления. Он вспоминал: «6 июля я прибыл в Каменец-Подольск. Здесь узнал я последние новости. “Прорыв революционной армии” закончился изменой гвардейских гренадер, предательски уведенных с фронта капитаном Дзевалтовским. За ними, бросая позиции, стихийно побежала в тыл вся 11-я армия. Противник

занял Тарнополь, угрожая флангу и тылу соседней 8-й армии генерала Корнилова. Геройская гибель ударных батальонов, составленных большей частью из офицеров, оказалась напрасной. «Демократическая армия», не желая проливать кровь свою для «спасения завоеваний революции», бежала как стадо баранов».

Врангель хотел поговорить с генералом Корниловым, с которым виделся единственный раз год назад в царской Ставке в Могилеве, и поехал на автомобиле через Черновицы в Коломью, где располагался штаб 8-й армии. Лавр Георгиевич принял его утром 7 июля. В тот же день Корнилова назначили командующим Юго-Западным фронтом. Петр Николаевич так описал эту встречу: «Он нисколько не изменился с той поры: маленький, сухой, смуглый и загорелый, с небольшой бородкой и жесткими черными усами, с лицом заметно выраженного монгольского типа, он говорил выразительными отрывистыми фразами. В нем чувствовался особый порыв, какая-то скрытая, ежеминутно готовая к устремлению сила. Он очень спешил, уезжая через несколько часов в штаб фронта. Я вкратце сообщил ему о том, что известно мне было о положении в Петербурге, дал сведения о моей там работе и предложил использовать графа Шувалова для связи со столицей. Генерал Корнилов тут же приказал зачислить графа Шувалова ординарцем. Генерал пригласил меня обедать, и мы вместе пошли в столовую».

Восьмого июля Врангель прибыл в свою дивизию, расположенную в 25 верстах от Станислава. На следующий день штабу дивизии пришлось отступить в Станислав. Врангель получил приказ: прикрыть отход 8-й армии на реку Збруч. Для этого новый командующий армией генерал Черемисов 10 июля назначил его командиром Сводного конного корпуса, в который вошли 7-я кавалерийская и 3-я Кавказская казачья дивизия. Этот корпус должен был прикрыть стык 7-й и 8-й армий.

В ночь с 9 на 10 июля отступающие войска устроили в Станиславе еврейский погром, разграбив лавки и магазины. В городе начались пожары. Петр Николаевич с казаками, взявшими погромщиков в нагайки, сумел остановить бесчинства. Помог и полк польских улан, по приказу Врангеля расстрелявший нескольких грабителей.

Врангель был в расположении 7-й кавалерийской дивизии, когда ее позиции подверглись обстрелу немецкой тяжелой артиллерией. Чтобы не допустить паники, барон стал демонстративно пить с офицерами чай в дивизионном штабе, хотя рядом рвались снаряды. Он так описал этот эпизод: «У

небольшого дома лесника я увидел группу офицеров. Из избы были вынесены стол, скамьи и стулья, и офицеры пили чай. Кругом полянки среди деревьев виднелись кони. Здесь стояла спешенная бригада. Едва я слез с лошади и направился к столу, как послышался характерный гул приближающегося снаряда. Мгновение — и раздался взрыв. Снаряд упал тут же за избой. Послышались стоны, по полянке со сбитым седлом и окровавленным крупом проскакала лошадь. Среди спешенных полков стало заметно движение. Отдельные люди с лошадьми потянулись в лес. Я понял, что еще минута, и начнется беспорядочный отход. В лесу шрапнельный огонь противника не мог быть очень действенным. Необходимо было сохранить порядок. Я скомандовал “смирно” и, сев за стол, потребовал себе чая. Новый снаряд прогудел в воздухе и, ударившись где-то вблизи, разорвался. Один осколок, громко жужжа, упал около стола так, что я, не вставая со стула, мог, нагнувшись, его взять. Я поднял осколок и, повернувшись к ближайшему полку, крикнул солдатам: “Бери, ребята, горяченький, к чаю на закуску”, — и бросил осколок ближайшему солдату. В одну минуту лица просветлели, послышался смех, от недавней тревоги не осталось и следа. Выпустив еще два-три снаряда, противник прекратил огонь. Мы потеряли всего два человека и несколько лошадей ранеными».

По словам Врангеля, с этого дня между ним и его солдатами установилось невидимое духовное единение: «...я почувствовал, что полки у меня в руках, что та психологическая связь между начальником и подчиненными, которая составляет мощь каждой армии, установилась».

Корнилов прислал Врангелю телеграмму: «Прошу принять лично и передать всем офицерам, казакам и солдатам Сводного конного корпуса, особенно же кинбурнским драгунам и донцам, мою сердечную благодарность за лихие действия корпуса 12 июля, обеспечившие спокойный отход частей на стыке армий. Корнилов». 15-го числа русские войска отошли к реке Збручу, потеряв с начала июньского наступления убитыми, ранеными и пленными 1968 офицеров и 56 361 солдата.

Временное правительство разрешило награждать солдат орденами Святого Георгия, а офицеров — солдатскими Георгиями. 24 июля 1917 года по постановлению наградных дум частей Сводного конного корпуса, утвержденному командующим 8-й армией, Врангель был награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени за обеспечение силами вверенного ему корпуса отхода русской пехоты к реке Збруч в период с 10 по 20 июля 1917 года.

Восемнадцатого июля Корнилов был назначен Верховным

главнокомандующим. 25 августа он, по договоренности с главой Временного правительства Керенским, направил 3-й конный корпус генерала Крымова в Петроград для подавления возможного восстания большевиков, а 27-го числа Керенский под давлением Петроградского Совета объявил Корнилова мятежником и сместил с поста. В тот же день Врангель приехал верхом в штаб 8-й армии. Он был свидетелем получения сразу двух взаимоисключающих телеграмм: Корнилова — о «предательстве» Керенского и Керенского — с объявлением Корнилова вне закона. Командующий армией генерал-лейтенант Соковнин и начальник штаба генерал Ярон пребывали в растерянности, но всё же не отменили приказ об отправке 2-й бригады 3-й Кавказской дивизии на соединения с Туземной (Дикой) дивизией 3-го корпуса неподалеку от Пскова, в районе станции Дно.

Однако осуществить эту переброску не удалось. Вечером к Врангелю прибыл начальник 3-й Кавказской дивизии генерал Одинцов и сообщил, что комитет 8-й армии получил телеграмму Керенского. Поскольку командующий и штаб армии устранились от руководства войсками, командование фактически перешло к армейскому комитету. Одинцов предложил Врангелю поднять по тревоге корпус, арестовать штаб армии и принять командование. Но Петр Николаевич не пошел на эту авантюру. Он понимал, что исход дела решается в Петрограде, а к исходу 27 августа уже возникли серьезные сомнения в том, что выступление Корнилова приведет к успеху. Настроения в подчиненных Врангелю войсках были не такими, чтобы он мог арестовать армейский комитет. Утром 28-го ему доложили, что войсковой комитет 3-й казачьей дивизии вызывает в дивизию членов комитета 7-й дивизии. Туда также прибыли представители комитета 8-й армии, а генерал Одинцов по их требованию задержал отправку к Петрограду одной из бригад своей дивизии. Врангель прибыл в штаб 3-й дивизии, но ему не удалось предотвратить принятие резолюции в поддержку Керенского. 7-я дивизия не приняла никакой резолюции — ни за Керенского, ни за Корнилова. 29 августа был получен приказ штаба армии об установлении контроля войсковых комитетов: отныне все приказания начальников вступали в силу лишь после их скрепления подписью одного из членов соответствующего комитета.

В беседе с глазу на глаз Врангель заявил Соковнину: «Это приказание, ваше превосходительство, я считаю оскорбительным для начальников. Выполнить его я не могу. Прошу немедленно отчислить меня от командования корпусом... Ежели вы меня не отчислите, то мне не остается ничего другого де-

лать, как по тревоге поднять 7-ю дивизию и говорить непосредственно с комитетчиками». Испугавшийся не на шутку Соковнин обещал тут же переговорить с комитетом армии. Через час ординарец принес Врангелю приказание командарма, где пункт предыдущего приказа о визировании членами комитетов распоряжений начальников отменялся. Однако контроль комитетов над войсковой связью продолжался.

Вернувшись к себе в штаб, Врангель приказал перенести в свою квартиру телеграфный и телефонный аппараты.

Тем временем контрреволюционное выступление полностью провалилось. 2 сентября Корнилов был арестован, а Крымов застрелен. Корниловщина привела к полной дезорганизации армии. В борьбе с Корниловым Керенский вынужден был опереться на помощь большевистских агитаторов. Теперь большевики и их союзники левые эсеры получили преобладание в Советах Петрограда и Москвы, а также во фронтовых и армейских комитетах ближайших к столице Северного и Западного фронтов. В большинстве частей офицеры полностью утратили влияние на солдат. Наблюдались случаи расправ над теми, кого обвиняли в сочувствии Корнилову. Многие офицеры покидали полки, опасаясь за свою жизнь.

Пятого сентября был полковой праздник Белорусского гусарского полка 7-й кавалерийской дивизии. Врангель решил отпраздновать его с размахом, чтобы поднять моральный дух частей. Командир корпуса отправил интендантов через границу в Румынию купить вина, по бочонку на эскадрон. Гусарам в честь праздника выдали новые красные рейтузы-чакчиры. После молебна Врангель произнес патриотическую речь, воодушевляя гусар на ратные подвиги. Петр Николаевич прошел по эскадронам и в каждом выпил чарку, говорил с людьми, после чего был банкет в Офицерском собрании.

На следующий день Врангелю было приказано прибыть в Яссы к главнокомандующему Румынским фронтом генералу от инфантерии Д. Г. Щербачеву, бывшему начальнику Академии Генштаба. Дмитрий Григорьевич объяснил, что вызвал Врангеля, зная о его письменных сношениях с арестованным генералом Корниловым. Щербачев опасался, что Петру Николаевичу из-за этого могут грозить неприятности, а в Румынии мог гарантировать ему безопасность. Русские войска Румынского фронта благодаря его стараниям, а также присутствию румынской армии и администрации, не допуская кавалерийских агитаторов, в наименьшей степени подверглись разложению и вплоть до Октябрьской революции сохраняли боеспособность.

Через два дня после приезда Врангеля в Яссы из Ставки

пришла телеграмма о его назначении командиром 3-го конного корпуса с приказом нового Верховного главнокомандующего Керенского от 9 сентября. Сводный же конный корпус был расформирован. Однако скоро выяснилось, что на ту же должность назначен и генерал от кавалерии П. Н. Краснов. Врангель вспоминал:

«Всё последнее время я жил под тяжелым нравственным гнетом. Участь генерала Корнилова, самоубийство генерала Крымова, возглавление армии “революционным главковерхом”, “заложником демократии” во Временном правительстве адвокатом Керенским, все события последних дней глубоко потрясли армию. Остановившийся было процесс разложения возобновился, грозя совсем развалить фронт, а с ним и Россию. Однако решение генерала Алексеева принять должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего, казалось, говорило, что не всё потеряно. Если генерал Алексейев решил стать начальником штаба “главковерха из Хлестаковых”, то, видимо, есть еще надежда на какой-то исход. В минуту, когда я мог ежечасно ожидать ареста, назначение мое командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы, корпуса, в состав которого входила родная мне Уссурийская дивизия, казалось мне перстом Провидения. Я не знал, насколько еще уцелели от разложения части корпуса и удастся ли мне взять корпус в руки; не знал, какая участь постигла объединенные графом Паленом офицерские организации в столице. Я решил немедленно ехать в Петербург.

Я прибыл в Петербург утром. Заехав домой переодеться, я отправился в штаб округа. В дверях штаба я столкнулся с генералом Красновым, старым знакомым моим еще с японской войны, последнее время командовавшим 2-ой сводной казачьей дивизией. Он был чрезвычайно удивлен, узнав о назначении моем командующим 3-м конным корпусом. Оказалось, что он почти одновременно со мной тоже допущен Ставкой к командованию этим корпусом и уже в командование вступил. В последнее время при массовой смене лиц командного состава такие недоразумения случались часто. Я ничего не имел против неожиданного осложнения и решил не торопиться с принятием корпуса, предварительно ознакомившись с обстановкой».

Командующим Петроградским военным округом был назначен полковник Полковников, бывший начальник штаба Уссурийской дивизии. Он тоже принимал участие в корниловском выступлении во главе Амурского полка, но вовремя перешел на сторону Керенского. Полковников объяснил Врангелю, что, поскольку приказ о его назначении последний по

времени, именно он и должен принять корпус. Петр Николаевич ответил, что не может ставить Краснова в неловкое положение, поэтому будет в Петербурге ждать разрешения вопроса.

Врангель поинтересовался, каким образом Полковников, участвовавший в наступлении Корнилова на Петербург, мог быть назначен командующим войсками Петербургского округа. В ответ он услышал: «Вы же назначены командиром 3-го корпуса, чего тоже, очевидно, совершенно не ожидали».

Вероятно, в пользу Врангеля сыграл тот факт, что он прямо не участвовал в выступлении Корнилова.

Вечером барон встретился с графом А. П. Паленом. Тот рассказал, что в первые дни после разрыва корниловской Ставки с правительством Керенского большинству его офицеров-подпольщиков пришлось скрываться или бежать из города во избежание начавшихся арестов. Сам Пален переживал эти дни в Рябове, имении своего знакомого Всеволожского под Петроградом.

Вечером Полковников связался с Врангелем по телефону и попросил зайти в штаб округа. Там генерал узнал, что «по условиям политического момента и ввиду его политической фигуры» военный министр Верховский не находит возможным его назначение командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы. Полковников добавил, что Верховный главнокомандующий Керенский с ним согласился и Врангелю будет предложено другое назначение. Петр Николаевич, однако, заявил, что никакого другого назначения не примет и будет ходатайствовать об увольнении в отставку.

Полковников заметил, что отставка старших начальников ныне не производится — имеется приказ военного министра, запрещающий возбуждение таких ходатайств. Тогда Врангель поехал за уточнением в министерство, где полковник Самарин подтвердил, что отставку ему получить не удастся.

Для решения вопроса Врангелю оставалась Ставка. Однако нового начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Духонина он совсем не знал, как и генерал-квартирмейстера, и дежурного генерала в Могилеве. Зато помощником начальника штаба по гражданской части состоял В. В. Вырубов, приятель барона по студенческим годам и времени службы вольноопределяющимся в Конногвардейском полку. И Врангель послал Вырубому телеграмму, прося помочь получить отставку.

На следующий день Петр Николаевич узнал, что прибывший в Петроград командующий Северным фронтом генерал Черемисов желает его видеть и просит приехать к полудню в Зимний дворец, где он должен быть у Керенского. Черемисов

предложил Петру Николаевичу поступить в его распоряжение и ехать с ним в Псков. Однако барон подтвердил, что твердо решил оставить службу.

По приезде в Могилев Врангель явился к генералу Духонину, которого увидел впервые. Он так описал эту встречу и свое последовавшее за ней решение: «Среднего роста, полный, румяный, с густыми вьющимися черными волосами, чрезвычайно моложавый, он производил впечатление очень мягкого, скромного человека. Он стал уговаривать меня отменить мое решение, доказывая, что при настоящих условиях долг старших начальников оставаться в армии, что только их присутствие в армии еще дает возможность бороться с развалом. Я твердо стоял на своем. В тот же день я подал на имя генерала Духонина рапорт. Я писал, что, будучи назначен командиром 3-го корпуса, к командованию корпусом допущен не был. Ввиду всей прежней моей службы причину этого могу видеть лишь в моих политических убеждениях, “не всем угодных”, что “убеждений своих никогда не менял и в угоду кому бы то ни было менять не буду”, и ходатайствовал об увольнении меня в отставку».

Несомненно, монархические убеждения Врангеля не были тайной ни для кого, включая Керенского, поэтому-то новый главковерх и не хотел давать ему должность, связанную с командованием крупными воинскими соединениями.

Несколько дней спустя Духонин через Вырубова передал Врангелю, что Керенский не считает возможным уволить в отставку одного из старших кавалерийских начальников. Петру Николаевичу была предложена должность командующего войсками Минского округа, но он отказался.

Продолжая добиваться официальной отставки и в то же время прекрасно понимая, что в военное время никто ее не предоставит, Врангель поселился в вагоне Вырубова в Могилеве, обедал и ужинал вместе с ним у общего приятеля графа К. А. Бенкендорфа, состоявшего при военных представителях иностранных держав. Как-то за столом зашел разговор о необходимости реорганизации армии. Вырубов рассказал, что этим как раз сейчас и занимаются в Ставке. Предполагалось организовать армию по территориальному принципу в надежде, что части, состоящие из земляков, будут более упорно сражаться и меньше подвергнутся разложению. Врангель стал горячо доказывать, что территориальная система может лишь расчлнить армию на национальные контингенты и будет способствовать сепаратизму национальных окраин. Да и переход на территориальную систему в военное время практически неосуществим. Он предложил другой план. В мемуарах он писал:

«По моему мнению, для оздоровления армии, если еще не поздно, необходимо прежде всего, чтобы правительство отказалось от так называемой “демократизации армии” и “революционной дисциплины”, чтобы была проведена в жизнь так называемая “Корниловская программа”. При этих условиях я видел возможность начать в армии работу. Пользуясь зимним затишьем и оттяжкой германцами значительных сил на западный фронт, можно было, оттягивая постепенно часть корпусов в тыл, выделить из частей наиболее слабый элемент; остающимися пополнить выделенные в дивизиях ударные батальоны, кои могли быть развернуты в полки и бригады. По этому расчету число пехотных дивизий должно было уменьшиться, сколько мне помнится, вдвое, но зато дивизии эти были бы боеспособны. Выделенные из полков негодные элементы могли бы быть сведены в рабочие роты с особо строгой дисциплиной. Эти роты могли бы употребляться на тыловую службу, и возвращение из них обратно в строй должно было быть допускаемо по прошествии некоторого времени и с соответствующей аттестацией начальства. Служба в строю, по моей мысли, должна была быть обставлена рядом служебных и материальных преимуществ по сравнению с тыловой. Конечно, все эти меры могли дать соответствующие результаты лишь при условии изменения общего порядка в армии».

Вырубову план понравился, и он доложил о нем Н. Н. Духонину и генерал-квартирмейстеру Ставки М. К. Дитерихсу. Те чрезвычайно заинтересовались. Дитерихс просил Врангеля подготовить письменный доклад о реорганизации армии. Барон взял себе в помощники подполковника Генштаба Яковлева и через десять дней представил Дитерихсу и Вырубову текст. Они внесли ряд изменений, однако принципиальные положения плана возражений не вызвали. Врангелевский проект направили на утверждение в Петроград.

Однако Петр Николаевич мало верил в возможность воплощения в жизнь всех намеченных мер. Предлагая их, он лишь рассчитывал войти в непосредственный контакт с ударными батальонами, которые состояли из добровольцев, главным образом офицеров. Действительно, в условиях разложения армии и всевластия солдатских комитетов никто не остался бы в каторжных «рабочих ротах», да их и некому было бы охранять. Добровольческих же ударных батальонов было так мало, что они никак не смогли бы удержать фронт даже против значительно ослабленных австро-германских войск. Спасение, быть может, было в немедленном заключении сепаратного мира, но эту идею единодушно отвергали и Керенский, и Духонин, и Врангель, и подавляющее большинство

русских офицеров и генералов, считавших бесчестным изменять союзническому долгу и отречься от трех лет доблестной борьбы с врагом. Замирение с немцами означало бы для Врангеля, как и для десятков тысяч офицеров, утрату смысла жизни и понятия чести. Потому-то они столь резко осудили впоследствии Брест-Литовский мир.

Шестого октября 1917 года Керенский утвердил представленную Вырубовым докладную записку, в основу которой лег проект генерала Врангеля по реорганизации армии. Но никаких шагов в этом направлении Временное правительство предпринять уже не успело — 25 октября к власти пришли большевики.

Врангель вспоминал:

«1-го ноября Керенский бежал, предав своих товарищей по кабинету, армию и Россию, 5-го ноября декретом совнаркома Верховным главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко. В Ставке делали еще потуги сформировать “демократическое правительство”, председателем правительства намечался В. М. Чернов. Я сидел у Вырубова, когда доложили о его приходе. Желая избежать встречи с этим господином, я поспешил выйти из кабинета. Одновременно с Черновым прибыл и бывший военный министр генерал Верховский. Я имел случай его видеть, и он произвел на меня впечатление самоуверенного ничтожества.

В день, когда мне стало известно о назначении Верховным главнокомандующим прапорщика Крыленко, я решил уехать из армии. Генерал Духонин меня более не удерживал. Получив нужные бумаги, я зашел к Вырубову попрощаться. Я застал его сильно расстроенным, он только что вернулся от Духонина, который получил известие об отданном Крыленкой приказе войскам “вступить в переговоры с противником”, при этом Крыленко телеграфировал Духонину, требуя сдачи должности начальнику гарнизона, генералу Бонч-Бруевичу. Бездарный, тупой и на редкость беспринципный — Бонч-Бруевич успел втереться в доверие могилевского совдепа. Генерал Духонин предложил генералу Дитерихсу и Вырубову освободить их от связывающего слова не оставлять друг друга. Вырубов отказался, решив до конца разделить участь с главнокомандующим, Дитерихс же, хотя и решил остаться, но в качестве “частного человека”, заручившись приказом за подписью Духонина об откомандировании в Кавказскую армию. По словам Вырубова, генерал Духонин решил Ставку перенести в Киев.

С тяжелым чувством я выехал из армии. Восемь месяцев тому назад Россия свергла своего Монарха. По словам стояв-

ших у власти людей, государственный переворот имел целью избавить страну от правительства, ведшего ее к позорному сепаратному миру. Новое правительство начертало на своем знамени: “Война до победного конца”. Через восемь месяцев это правительство позорно отдало Россию на милость победителю. В этом позоре было виновато не одно безвольное и бездарное правительство. Ответственность с ним разделяли и старшие военачальники, и весь русский народ. Великое слово “свобода” этот народ заменил произволом и полученную вольность претворил в буйство, грабеж и убийство».

После большевистского переворота, 10 ноября, Врангель от службы отказался. Но характерно, что он не принял участия в движении на Петроград 3-го конного корпуса, с помощью которого Керенский хотел подавить большевистское восстание. Барон явно не собирался восстанавливать «главноуправляющего» у власти. Не пытался он и убедить Духонина организовать сопротивление приближавшимся к Могилеву отрядам большевиков. Не советовал Врангель и освободить Корнилова и других арестованных, содержавшихся в тюрьме Быхова, недалеко от Ставки. Корнилов, Деникин и другие участники контрреволюционного выступления во многом были для Петра Николаевича чужими людьми, ведь они являлись «февралистами» и республиканцами, а тот же Корнилов в начале революции арестовывал царскую семью. Врангель еще не был готов вместе с ними вступить в борьбу с большевиками — он предпочел уехать в Крым, чтобы отсидеться и подождать прояснения политической обстановки.

С ДОБРОВОЛЬЦАМИ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

В Крыму у семьи Врангеля была дача в Ялте, на Нижне-Массандровской улице.

Большевистская революция пришла в Ялту не сразу. Она уже победила в Севастополе, но на южном берегу местное татарское население было враждебно к большевикам. Порядок в городе поддерживался состоявшим из татар эскадром Крымского конного полка.

Морской офицер С. А. Мацьлев вспоминал, как встретился с Врангелем 26 ноября 1917 года:

«...Георгиевский праздник... отмечался торжественным молебном в соборе и вечером благотворительным концертом в гостинице “Россия”».

После молебна в ограде собора в отдельных группах живо обсуждалось происшествие последней ночи (пьяный комен-

дор со вспомогательного крейсера «Король Карл Румынский» пальнул по городу из орудия, а матросы разграбили несколько лавок. — Б. С.). В одной из них, состоящей по преимуществу из офицеров, выделялась высокая, стройная фигура молодого генерала с энергичным, худым, резко очерченным лицом. Одет он был в офицерское пальто мирного времени, в петлице которого виднелась Георгиевская ленточка. Он громким голосом говорил, что всем офицерам необходимо теперь же организовать, чтобы в случае нужды дать соответствующий отпор всякой попытке произвести беспорядок. Его внимательно слушали...

— Кто это такой? — спросил в другой группе старичок генерал Прибыльский, постоянный житель Ялты, георгиевский кавалер и ветеран Русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Молодой генерал посмотрел в его сторону, потом решительными шагами подошел к нему, отдал честь и громким, несколько резко звучащим голосом сказал: «Ваше Превосходительство, вы спрашиваете, кто я такой, — позвольте представиться: командующий сводным кавалерийским корпусом генерал-майор барон Врангель...»

Вечером в гостинице «Россия» состоялся назначенный концерт. Ему предшествовали переговоры устроителей с судебным комитетом крейсера, который дал заверение, что порядок нарушен не будет и для его поддержания пришлют наряд матросов...

В первом ряду кресел выделялась высокая фигура Врангеля, он скрестил на груди руки, и в его взгляде можно было прочесть и боль за Россию, и презрение к происходящему...»

Пьяные матросы для барона были «взбунтовавшимися хамами», но пока что в противодействии им он не шел дальше разговоров.

Татарское правительство Крыма предложило Врангелю должность командующего, пытаясь противостоять большевикам. Петр Николаевич вспоминал: «По примеру Дона и Украины перед лицом надвигающейся красной волны решили организовать в лице «Курултая» и крымские татары. Вновь сформированное татарское правительство носило коалиционный характер, хотя преобладала «демократическая политика», ярким представителем которой был председатель правительства и военный министр Сайдамет, по примеру господина Керенского также из адвокатов... В распоряжении правительства имелась и горсточка вооруженной силы: занимавший гарнизоны Симферополя, Бахчисарая и Ялты Крымский драгунский полк, укомплектованный крымскими татарами, несколько офицерских рот, кажется, две полевые батареи. Гарнизон

Севастополя и севастопольская артиллерия были уже в явно большевистском настроении. В Симферополе, местопребывании Курултая, был спешно сформирован и штаб армии, начальником которого состоял Генерального штаба полковник Макуха. Совершенно для меня неожиданно я получил в Ялте телеграмму за подписью последнего, сообщаящего мне, что крымское правительство предлагает мне должность командующего войсками. Для переговоров мне предлагалось прибыть в Симферополь. В тот же день в Крыму была объявлена всеобщая мобилизация, долженствующая, по расчетам штаба, позволить в кратчайший срок сформировать целый корпус и развернуть кавалерию в бригаду. Я решил приехать в Симферополь и на месте выяснить обстановку, прежде чем дать какой-либо ответ на сделанное мне предложение. В Симферополе, столице Крыма, застал я оживление необычайное: шла регистрация офицеров, какие-то совещания, непрерывно заседали разные комиссии. Начальник штаба полковник Макуха произвел на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощенный всецело технической работой, он, видимо, был далек от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главковерх, так же как и коллега его в Петербурге, мыслил иметь армию демократизованную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сайдаметом я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях я принять предлагаемую мне должность не могу. Сайдамет учел, по-видимому, бесполезность меня уговаривать и лишь просил до отъезда не отказать присутствовать на имеющем быть вечером в штабе совещании. На этом совещании должен был быть рассматриваемым предложенный Генерального штаба полковником Достоваловым план захвата Севастопольской крепости. Меня по этому вопросу просили дать заключение. Если бы я еще доселе и колебался в своем отказе принять командование над войсками крымского правительства, то после этого совещания все сомнения мои должны были исчезнуть. Хотя предложенный и разработанный полковником Достоваловым план и был всеми присутствовавшими на совещании военными лицами, в том числе и мною, и начальником штаба полковником Макухой, признан совершенно неосуществимым, тем не менее “военный министр”, выслушав присутствовавших, заявил, что соглашается с полковником Достоваловым, и предложил начальнику штаба отдать немедленно распоряжение для приведения предложенного полковником Достоваловым плана в исполнение. Наутро я выехал в Ялту».

Врангелю, монархисту и приверженцу «единой и неделимой России», совсем не улыбалось стать командующим татарскими национальными формированиями. К тому же в их способности противостоять Красной гвардии он сильно сомневался. В тот момент барон еще не исповедовал принципа, провозглашенного им в том же Крыму три года спустя: «Хоть с чертом, но против большевиков». Он еще не решил, как будет жить дальше. Не исключено, что он не отвергал для себя и какого-то, хотя бы временного, консенсуса с большевиками, о которых еще очень мало знал.

В первые месяцы после Октябрьской революции особенно ярко проявилась слабость всех антибольшевистских движений. У них не было ни общепризнанного вождя, ни привлекательных для народа лозунгов, ни сколько-нибудь разработанной и реалистичной программы, ни поддержки из-за рубежа, ни легитимной преемственности с какой-либо из добольшевистских властей. Последний глава Временного правительства А. Ф. Керенский дискредитировал себя полной неспособностью справиться с всё углублявшимся кризисом. Поэтому никакого широкого движения за возвращение его к власти не могло возникнуть. И даже эсеры, к чьей партии формально принадлежал Александр Федорович, не рискнули сделать его своим лидером. Однако и монархисты не пытались выдвинуть лозунг возвращения к власти Николая II, его брата Михаила или какого-либо другого претендента на престол. Идея монархии была основательно опорочена в России в царствование Николая II и Кровавым воскресеньем, и неспособностью решить насущные проблемы страны, прежде всего аграрную, и неэффективным ведением войны. А мощная антимонархическая пропаганда после Февральской революции еще больше подорвала уважение и доверие к монархии. Да и сам факт отречения понижал акции последнего императора в глазах искренних монархистов. Кроме того, царь и большинство его ближайших родственников находились под контролем Совнаркома и в любой момент могли быть уничтожены, что и произошло в июле 1918 года с царской семьей, великим князем Михаилом Александровичем, а чуть позднее и со многими другими представителями династии. Однако пока император был жив, выдвижение другого претендента на престол не имело смысла, а после гибели Николая II и большинства его ближайших родственников у монархистов просто не осталось ни одной бесспорной кандидатуры. Самый авторитетный из Романовых, царский дядя Николай Николаевич, бывший Верховный главнокомандующий, по совету генерала Деникина уехал из страны, поскольку тот не без оснований опасался,

что выдвижение монархистских лозунгов еще больше расколет Белое движение.

Большинство народа если и не поддержало большевиков, то восприняло их приход к власти спокойно. Крестьяне думали, что все вопросы, в том числе и главный для них земельный, решит Учредительное собрание, выборы в которое произошли вскоре после Октябрьского переворота. Когда же большевики легко разогнали Учредительное собрание после первого же заседания, у народа не осталось сколько-нибудь отчетливого и позитивного образа данного института. Поэтому никакого массового движения в его защиту не возникло, а созданный в Самаре под охраной чехословацких штыков Комуч (Комитет членов Учредительного собрания) так и не приобрел авторитета в народе.

Генерал Лавр Георгиевич Корнилов, безусловно, был популярен среди части офицеров. Но созданная им и Алексеевым Добровольческая армия ничего не могла предложить народу, кроме обещания после победы над большевиками созвать новое Учредительное собрание, которое должно решить все насущные вопросы, в том числе о форме государственного устройства России. Кроме того, добровольцы выступали за возобновление войны с немцами, что уж вовсе не могло привлечь в их ряды только что вернувшихся из опустылевших окопов солдат.

Врангель пока не видел сколько-нибудь боеспособных антибольшевистских сил и не имел представления о том, как их можно создать. Поэтому он выжидал — и из-за своего выживания чуть не погиб.

Разрозненные силы Курултая были легко разбиты подошедшими из Севастополя революционными матросами и солдатами. 8 января 1918 года Красная гвардия взяла Ялту, и войска Курултая отступили в горы.

На дачу к Врангелям ближе к ночи явились шестеро матросов, обвешанных пулеметными лентами и гранатами, с мандатом на обыск. Петр Николаевич успел надежно спрятать всё имевшееся в доме оружие в подвале и на чердаке. Его только волновало, чтобы матросы чего-нибудь не украли во время обыска. Как вспоминал Врангель, «сам я во время обыска, дабы избежать необходимости разговаривать с проходимцами, сел за карточный стол и начал играть в пикет со своим сынишкой, совершенно не обращая внимания на шаривших по столам и комодам матросов. Последние всячески, видимо, старались вывести меня из себя, делая вслух дерзкие замечания, намеренно производя шум и передвигая мебель. Но, убедившись, что ничто не действует, оставили нас в покое».

Покой, однако, длился недолго. Следующим утром пришли другие матросы, и их было человек пятнадцать. Врангель вспоминал:

«Кто здесь старший? — спросил я.

Вышел какой-то матрос.

— Вот, заявляю вам, что я генерал, а это, — указал я на моего шурина, — тоже офицер — ротмистр. Знайте, что мы не скрываемся.

О нашем присутствии матросы, видимо, уже знали.

— Это хорошо, — сказал назвавший себя старшим, — мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами.

— Мы только с татарами воюем, — сказал другой. — Матушка Екатерина еще Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...

Как часто впоследствии вспоминал я эти слова, столь знаменательные в устах представителя “сознательного” сторонника красного интернационала».

Но неприятности семейства Врангелей на этом не закончились.

Утром 11 января в спальню Врангеля ворвались шесть матросов с винтовками. Петр Николаевич описал визит незваных гостей:

«Двое из них, подбежав к кровати, направили на меня винтовки, крича: “Ни с места, вы арестованы”. Маленький прыщавый матрос с револьвером в руке, очевидно, старший в команде, отдал приказание двум товарищам встать у дверей, никого в комнату не пропуская.

— Одевайтесь, — сказал он мне.

— Уберегите ваших людей, — ответил я, — вы видите, что я безоружен и бежать не собираюсь. Сейчас я оденусь и готов идти с вами.

— Хорошо, — сказал матрос, — только торопитесь, нам некогда ждать.

Матросы вышли, и я, быстро одевшись, прошел в коридор и, окруженный матросами, пошел к выходу. В дверях я увидел жавшихся в кучу, плачущих наших служащих. В саду, у подъезда, нас ждали еще человек десять матросов и с ними недавно выгнанный мною помощник садовника; пьяница и грубиян, он незадолго перед этим на какое-то замечание жены моей ответил грубостью. Я как раз в это время выходил в сад и, услышав, как грубиян дерзил жене, вытянул его тростью. На следующий день он был уволен и теперь привел матросов.

— Вот, товарищи, этот самый генерал возился с татарами, я свидетельствую, что он контрреволюционер, враг народа, — увидев меня, закричал негодяй.

С балкона, в сопровождении двух матросов, спускался брат моей жены, также задержанный. Пройдя садом, мы вышли на улицу, где ждали присланные за нами два автомобиля; кругом стояла толпа народа. Слышались ругань и свист, некоторые соболезновали. Какой-то грек, подойдя к матросам, пытался за нас заступиться:

— Товарищи, я их знаю, — показывая на нас, сказал он, — они ни в чем не виноваты, и в бою не участвовали.

— Ладно, там разберутся, — отстранил его один из матросов.

Мы стали садиться в автомобиль, когда, расталкивая толпу, появилась моя жена. Подбежав к автомобилю, она ухватилась за дверцу и пыталась сесть, матросы ее не пускали. Я также пробовал уговаривать ее остаться, но она ничего слушать не хотела, плакала и требовала, чтобы ее пустили ехать со мной. “Ну ладно, товарищи, пусть едет”, — сказал наконец один из матросов. Автомобили помчались по улице по направлению к молу. Там виднелась большая толпа, оттуда слышались крики. Два миноносца, стоя у мола, изредка обстреливали город. Автомобили остановились у пришвартованного миноносца. “Вот они, кровопийцы. Что там разговаривать, в воду их”, — послышались крики из толпы. Мне бросились в глаза лежавшие на молу два трупа, кругом стояла лужа крови... Стараясь не смотреть на окружавшие нас зверские лица, я быстро прошел по сходням на миноносец, вместе с женой и шурином. Нас провели в какую-то каюту. Почти тотчас же в каюту вошел какой-то человек в морской офицерской форме, но без погон. Он поразил меня своим убитым и растерянным видом. Жена бросилась к нему и стала спрашивать, что с нами будет; он пытался ее успокоить, отрекомендовался капитаном миноносца и обещал сделать все, чтобы скорее разобрать наше дело:

— Вам нечего бояться, если вы невиновны. Сейчас ваше дело разберут и, вероятно, отпустят, — говорил он, но ясно было, что сам не верит в свои слова...

Шум и топот раздались близ каюты, и толпа матросов появилась в дверях. Они требовали выдачи нас и немедленной расправы. С большим трудом капитану и пришедшим к нему на помощь двум-трем матросам удалось уговорить их уйти и предоставить нашу участь суду».

Больше всего Врангеля угнетала мысль, что его могут растерзать свои же, русские солдаты и матросы. Петр Николаевич стал убеждать Ольгу Михайловну вернуться в Ялту: «Здесь ты помочь мне не можешь, а там ты можешь найти свидетелей и привести их, чтобы удостоверили мое неучастие в борьбе».

В конце концов она поддалась на уговоры. При расставании Врангель отдал жене часы-браслет, которые она подарила

ему еще в бытность невестой. Барон сказал супруге: «Возьми это с собой, спрячь. Ты знаешь, как я ими дорожу, а здесь их могут отобрать».

Петр Николаевич не надеялся больше встретиться с любимой и хотел только, чтобы она не видела, как его будут убивать.

Дальше, по его словам, события развивались следующим образом:

«Она взяла часы и, плача, вышла на палубу. Не прошло и пяти минут, как она вернулась. На ней не было лица:

— Я поняла, всё кончено, — сказала она, — я остаюсь с тобой. На ее глазах только что толпа растерзала офицера».

Врангели стали ждать скорой смерти. Барон впоследствии записал:

«Около пяти часов в каюту вошли несколько матросов и с ними молодой человек в кепке и френче, с бритым лицом, державшийся с большим апломбом. Обратившись к сидевшему с нами полковнику, он объявил ему, что он свободен. “Вы же, — сказал он, обращаясь ко мне и к моему шурина, — по решению судового комитета предаются суду революционного трибунала. Вечером вас переведут в помещение арестованных”. Полковник вышел, но минут через десять мы увидели его вновь. Он горячо спорил с сопровождавшим его матросом: “Я требую, чтобы мне вернули мои часы и мой бумажник, в нем важные для меня документы”, — горячился он. Матрос казался смущенным. “Я ничего не знаю”, — говорил он, — обождите здесь, сейчас приглашу комиссара”. Он вышел.

— Моего освобождения потребовали мои служащие — портовые рабочие. За вас также пришла просить толпа народа, — быстро проговорил полковник, — не беспокойтесь, Бог даст, и вам удастся отсюда выбраться...

Пришел комиссар, и полковник вышел с ним.

Вскоре за нами пришли. Под конвоем красногвардейцев нас повели в здание таможни, где содержались многочисленные арестованные. Было темно, дул холодный ветер и шел дождь. Толпа разошлась, и мы беспрепятственно прошли в нашу новую тюрьму. В огромном зале с выбитыми стеклами и грязным заплыванным полом, совершенно почти без мебели, помещалось человек пятьдесят арестованных. Тут были и генералы, и молодые офицеры, и студенты, и гимназисты, и несколько татар, и какие-то оборванцы. Несмотря на холод и грязь, здесь на людях всё же было легче. Хотя все лежали, но никто, видимо, не спал, слышался тихий разговор, тяжелые вздохи. На лестнице стояла толпа матросов и красногвардейцев, и оттуда доносилась площадная ругань. Вскоре стали вызывать к допросу. Допрос длился всю ночь, хотя допрашивали

далеко не всех. Вскоре вызвали меня. Допрашивал какой-то студент в пенсне, маленький и лохматый. Сперва задавались обычные вопросы об имени, годах, семейном положении. Затем он предложил вопрос, признаю ли я себя виновным.

— В чем? — вопросом ответил я.

Он замялся.

— За что же вы арестованы?

— Это я должен был бы спросить вас, но думаю, что и вы этого не знаете. О настоящей причине я могу только догадываться, — и я рассказал ему о том, как побил нагрубившего жене помощника садовника, из мести ложно донесшего на меня. — Я не знаю, есть ли у вас жена, — добавил, — думаю, что если есть, то вы ее также в обиду бы не дали».

Комиссар не нашел что ответить и отправил Врангеля в камеру к другим арестованным. Около восьми вечера туда явился высокий красивый блондин с интеллигентным лицом, одетый в матросскую форму. Это оказался председатель Ревтрибунала «товарищ Вакула». Он опять задал Врангелю сакраментальный вопрос: «За что арестованы?»

Петр Николаевич в который уже раз ответил: «Вероятно за то, что я русский генерал, другой вины за собой не знаю».

Дальше последовало настоящее театральное представление, описанное Врангелем в мемуарах:

«— Отчего же вы не в форме, небось раньше гордились погонами. А вы за что арестованы? — обратился он к моей жене.

— Я не арестована, я добровольно пришла сюда с мужем.

— Вот как. Зачем же вы пришли сюда?

— Я счастливо прожила с ним всю жизнь и хочу разделить его участь до конца.

Вакула, видимо предвкушая театральный эффект, обвел глазами обступивших нас арестованных.

— Не у всех такие жены — вы вашей жене обязаны жизнью, ступайте, — он театральным жестом показал на выход».

Думается, что это был заранее задуманный Вакулой театральный спектакль. Он уже понял, что Врангель никак не участвовал в борьбе на стороне татар, а стал жертвой доноса обиженного помощника садовника. Он также знал, что вместе с Врангелем «самоарестовалась» его жена, и решил продемонстрировать гуманность новой власти, помнящей о подвиге жен декабристов. Однако освобождение Врангеля совершенно не означало, что его товарищам по камере больше не грозила бессудная смерть. Тем более что и чету Врангелей освободили не сразу. Им еще пришлось провести в камере ночь. За окнами слышались залпы — это расстреливали. Впоследствии Врангелю говорили, что в ту ночь и следующие два дня рас-

стреляли более ста человек. Трупы, в том числе и соседа Врангелей по камере, молодого князя Мещерского, топили в море. Всего, по оценке Петра Николаевича, красные тогда расстреляли в городах Крыма более тысячи человек, главным образом офицеров. Среди них был и храбрый полковник А. Г. Макухин (Макуха). Погибли почти все офицеры, составлявшие штаб крымских войск. Если бы Врангель согласился возглавить его, он вряд ли уцелел бы.

Живший неподалеку от Ялты, в Биюк-Ламбате, председатель Таврического губернского земства князь В. А. Оболенский вспоминал:

«В Севастополе шли массовые расстрелы, в Ялте офицерам привязывали тяжести к ногам и сбрасывали в море, некоторых после расстрела, а других — живыми. Когда после прихода немцев водолазы принялись вытаскивать трупы из воды, они оказались на дне моря среди стоявших во весь рост, уже разлагавшихся мертвецов. В Евпатории подвергали убиваемых страшным пыткам, которыми распоряжались две женщины-садистки. В Симферополе тюрьма была переполнена, и ежедневно заключенных расстреливали “пачками”. И вокруг нас по дачам рыскали севастопольские матросы, грабили, а кое-кого и убивали».

Возможно, жуткая картина стоящих под водой рядов мертвецов — это преувеличение ради усиления трагического эффекта. Ведь сам Владимир Андреевич не видел извлеченные тела, опирался на слухи. Потом он, кстати сказать, перешел на описание жертв красного террора в Крыму в 1920—1921 годах, когда никакие водолазы уже не работали. И упомянутые женщины-садистки — это, скорее всего, легенда. Аналогичный вымысел попал даже в труды деникинской Особой комиссии по расследованию красного террора. Эта комиссия, оценив число жертв большевиков в 1918—1919 годах в 1 миллион 700 тысяч человек, писала о чекистке Доре, будто бы с особым садизмом казнившей всех приговоренных к смерти в Одесской чрезвычайной комиссии. На самом деле в кровавую чекистку превратилась героиня художественного фильма, снятого об Одесской чрезвычайке по заказу деникинского Освага*.

* Осваг — Осведомительное агентство (Осведомительно-агитационное отделение, Осведомительное бюро). Было учреждено в сентябре 1918 года для информирования командования о политическом положении и ознакомления населения с действиями Добровольческой армии. В январе 1919 года преобразовано в Отдел пропаганды Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, ставший политико-идеологическим центром Белого движения. В марте 1920 года эти функции стал выполнять Отдел печати правительства Юга России. (Прим. ред.)

В действительности в Одесской ЧК, как и в аналогичных ведомствах других городов и губерний, недостатка в палачах никогда не было. Так в свидетельствах как о красном, так и о белом терроре причудливо переплетались реальные задокументированные факты, вплоть до эксгумации трупов жертв, и слухи, достоверность которых трудно проверить, а также очевидные легенды (именно последние, кстати сказать, обычно являются наиболее эффектными и живучими).

С раннего утра Петр Николаевич с женой ничего не ели. К счастью, мать Ольги Михайловны прислала им через тюремщика холодную вареную курицу, а также плед и две подушки, иначе пришлось бы хлебать малоаппетитную тюремную ба-ланду и спать на голом полу.

Здоровье Врангеля пошатнулось. «Пережитые сильные волнения, — вспоминал он, — отразились на моей старой контузии. Своевременно я пренебрег ею и, не докончив курса лечения, вернулся, несмотря на предупреждения врачей, в строй. С тех пор всякое сильное волнение вызывало у меня сердечные спазмы, чрезвычайно мучительные. Последние полгода это явление почти прекратилось, однако теперь под влиянием пережитого болезненное явление повторилось вновь. Всю ночь я не мог заснуть и к утру чувствовал себя столь слабым, что с трудом держался на ногах. Наконец, в одиннадцать часов нас освободили и мы пешком, в сопровождении одного красногвардейца, вернулись домой. Я слег немедленно в постель и пролежал целую неделю». Эти сердечные спазмы, появившиеся после контузии, полученной во время боя то ли под Каушеном в 1914 году, то ли в Лесистых Карпатах в 1916-м, еще сыграют свою роль во время последней болезни Петра Николаевича.

Вполне возможно, что освобождению Врангеля способствовало то обстоятельство, что кампания репрессий в Ялте пошла на убыль из-за протестов татар, составлявших большинство населения города. По утверждению С. А. Мацьлева, «татарское население начало глухо волноваться, большевики были вынуждены прекратить бессудные казни и освободить часть арестованных, в том числе и Врангеля, который у татар пользовался большой популярностью...».

Налеты приплывавших из Севастополя на миноносцах матросов продолжались, и никто не мог гарантировать, что в следующий раз комиссары окажутся столь же милосердными. Описывая жизнь в Ялте, Петр Николаевич признавался: «Мы почти не выходили из дому. Вид улицы с толкающимся “революционным пролетариатом” был настолько противен, что без особой нужды не хотелось выходить». Чувствуется, что барон

очень не любил пролетариат. Он вообще воспринимал народ только в двух категориях: в качестве своих слуг и в качестве подчиненных на военной службе — солдат и казаков. Врангель привык господствовать, хотя та же военная служба заставляла его смирять амбиции и подчиняться своим начальникам.

Генерал вспоминал:

«Мы решили переехать куда-либо в окрестности Ялты, дабы быть дальше от города, где особенно остро чувствовалась пята хама. Жене удалось устроить мне гражданский паспорт, где я значился горным инженером, и мы в конце февраля переехали в Мисхор. Хотя в ближайшей татарской деревушке Кореиз был также введен советский строй и имелся свой совдеп, но татарское население, глубоко враждебное коммунизму, приняв внешние формы новой власти, по существу осталось прежним. Единственной разницей была введенная для покупки продуктов карточная система, весьма стеснительная. Продуктов вообще, с прекращением подвоза из Северной Таврии, в Крыму стало очень мало. Мы отпустили большую часть своей прислуги, оставив лишь совершенно верных нам людей, и поселились в маленькой дачке, ведя замкнутую жизнь и почти никого не видя, хотя кругом жило много знакомых...

В Мисхоре, Алушке и Симеизе большевистская пята ощущалась несравненно менее, нежели в Ялте. За два месяца, которые мы прожили в Мисхоре, было всего два-три обыска у некоторых лиц, и то произведенные приехавшими из Ялты красногвардейцами. Мы совершенно избегли обысков...

Кажется, в среду или в четверг, выходя из церкви, я встретил только что прибывшего из Ялты графа Ферзена. Он сообщил мне, что в Ялте в прошлую ночь был произведен вновь ряд обысков; между прочим, искали и меня, пришли на нашу дачу и едва не растерзали жившего там князя Гагарина, допытываясь, где нахожусь я».

С. А. Мацьлев оставил портрет Врангеля в те месяцы, когда он переехал из Ялты, спасаясь от повторного ареста: «Иногда можно было встретить на набережной характерную фигуру Врангеля. Он был одет в статское платье, явно с чужого плеча и так к нему не шедшее, и быстрыми шагами проходил по улице, стараясь не останавливаться и не разговаривать со знакомыми. Жил он за городом на Симферопольском шоссе и редко спускался в город».

Об аресте и других злоключениях Врангеля в «красном» Крыму сохранилась еще пара свидетельств. Николай Егорович Врангель отметил в мемуарах:

«Благополучно бежавший из Крыма граф Муравьев-Амурский рассказал мне, что и он был арестован и вместе с сыном

и братом жены сына содержался в Ялте в каком-то пакгаузе, где был заключен всякий сброд. Офицеров было приказано кормить только остатками, собранными из мисок прочих арестантов. Большинство из офицеров были приговорены к смерти, расстреляны или брошены в море. К расстрелу был приговорен и сын. Когда его увозили к месту казни, его жена, которая в течение всей войны на фронте была сестрой милосердия, встала перед автомобилем, требуя, чтобы они сперва ее убили, со слезами умоляла пощадить ее мужа и брата — и опять, как при атаке у Каушена, случилось невозможное. Публика вмешалась, и сын был спасен.

Слушая этот рассказ Муравьева, я невольно припомнил наивное изречение солдата эскадрона сына. В самом начале войны этот солдат привез нам письмо и очень картинно и живо рассказал об одном кровопролитном деле.

— Как его (т. е. сына) не убили? — сказала моя жена.

— Это никак невозможно, Ваше превосходительство! — с убеждением сказал солдат.

— Как невозможно?

— Немцу их не убить.

Приходится предположить, что это действительно “невозможно” не только для немца, но и для большевиков, поскольку после этого случая ему удавалось избежать смерти не раз.

После этого случая вооруженные проверки в Ялте стали обычным делом, и мой сын со своей семьей прятался в горах. Об этих проверках нам из Ялты написали, но писали так, будто это было самым обыденным происшествием в жизни. Наша семилетняя внучка во время одного из ночных обысков, пытаясь продемонстрировать свое гостеприимство, протягивала матросам сладости и просила родителей разбудить младшего брата, чтобы он увидел, как они мастерски собирают все вещи. “Дорогая бабушка, — написала она моей жене. — Как ты? Нас покори́л большевик. Он приходил к нам и забрал у мамы все туфли. Бог его, наверно, накажет. А что ты думаешь об этом?”».

Приводимый Николаем Егоровичем рассказ Муравьева-Амурского довольно сильно отличается от воспоминаний самого Петра Николаевича. Граф не упоминал, что вместе с Врангелем в пакгаузе (таможенном складе) находилась его жена, и утверждал, будто Петра Николаевича уже приговорили к расстрелу и в последний момент только заступничество жены спасло его. Возможно, Муравьев-Амурский сидел в камере не в одно время с Врангелем (барон не упоминает его среди сокамерников) и передал рассказ об обстоятельствах его освобождения с чужих слов. Не исключено также, что слова председателя Ревтрибунала Вакулы о том, что Врангель только своей

жене обязан жизнью, граф истолковал в том смысле, что трибунал его уже приговорил к расстрелу. Надо учитывать и вероятность того, что Николай Егорович не совсем точно передал в мемуарах рассказ графа Муравьева-Амурского и представил ту сцену, когда Ольга Михайловна присоединилась к арестованному и увозимому на автомобиле мужу, как более эффектную: жена вымаливает прощение для мужа, увозимого на расстрел.

Дочь Врангеля Наталья Петровна Базилевская (та самая девочка, писавшая бабушке, как их «покорил матрос») вспоминала: «Как-то вечером в наш ялтинский дом, где находились мы с родителями (к тому времени... отец вышел в отставку), вломилась толпа матросов. Парня, который арестовал отца, я смогла бы узнать и сегодня. Такой бледный, весь в веснушках. Мама сказала, что пойдет с отцом. Ночь родители вместе с другими офицерами провели в каком-то помещении, а наутро было назначено судебное разбирательство. Если, конечно, так можно назвать то, что происходило тогда. Заседавшие “просеивали” людей на две группы: одних — налево, других — направо. Когда подошла очередь отца отвечать на вопросы, он сказал, что не имеет никакого отношения к военным (что на тот момент было сухой правдой), а является инженером. “А вы за что арестованы?” — спросили мою мать. “Я не арестована. Я просто хочу быть с моим мужем”, — ответила она. И это так поразило большевиков, что они приказали отпустить родителей. “Видите, какие они — русские женщины!” — сказали большевики».

Свидетельство Натальи Петровны в основном совпадает с историей отца. Она, несомненно, основывалась не столько на собственных детских воспоминаниях (что она могла запомнить в неполных семь лет?), сколько на рассказах родителей. Но она явно заблуждается насчет того, что при аресте Петр Николаевич назвался только горным инженером, утаив, что является генералом русской армии. В Ялте, где Врангеля хорошо знали, скрыть его воинское звание не было никакой возможности, тем более что арестован он был по доносу собственного садовника. Вот в Мисхоре, куда семья переехала из Ялты, Врангель действительно представлялся горным инженером, а о своем генеральстве не упоминал. Вероятно, у Натальи Петровны произошла абберрация памяти и она перенесла на более ранний период жизни в Ялте то, что происходило позднее в Мисхоре, где отец действительно скрывал, что являлся царским генералом.

В целом не приходится сомневаться, что заступничество Ольги Михайловны за мужа действительно имело место, как и факт ее пребывания вместе с ним в тюремной камере. Можно

также быть уверенным в том, что именно поведение жены повлияло на судьбу Врангеля. Хотя одно только благородство супруги, последовавшей за арестованным бароном в узилище, вряд ли разжалобило бы комиссаров. Тут действовал комплекс объективных и субъективных обстоятельств. Большевики, несомненно, выяснили, что к вооруженным формированиям Курултая Врангель действительно не имел никакого отношения. Но ведь далеко не все из более чем тысячи жертв красного террора в те дни действительно воевали на стороне татар. Само по себе неучастие в боях отнюдь не гарантировало жизни. Для расстрела хватало доноса, а иногда достаточно было просто не понравиться кому-то из творивших расправы матросов. Не исключено, что поведение Ольги Михайловны, пошедшей в тюрьму за мужем не раздумывая, убедило председателя Ревтрибунала в его невиновности. Матрос Вакула мог решить, что она рискнула самоарестоваться, поскольку была уверена, что муж ничем не проштрафился перед новой властью. А может быть, большевики к тому же имели свои виды на Врангеля как крупного военного специалиста. Ведь в тот момент большевикам главными противниками в Крыму казались татары. А с ними, как они могли думать, русский генерал будет сражаться. Вспомним, начальнику Врангеля, генералу Ренненкампу, предлагали вступить в Красную армию, и только отказ привел Павла Карловича к гибели. Но арестовали его в Таганроге, куда вот-вот могли подойти немцы или казаки-повстанцы, а расстреляли в апреле 1918 года, когда немцы заняли Украину и уже активно действовала Добровольческая армия. Врангеля же арестовали в Крыму, когда красные праздновали победу над татарами, а на германском фронте соблюдалось перемирие. В таких условиях советские власти могли позволить себе подождать, пока генерал Врангель решит, служить большевикам или нет, и не расстреливать его сразу. Ведь вполне возможно, что отвергнуть подобное предложение с ходу Петр Николаевич не рискнул.

Так или иначе, Врангель и на этот раз избежал смерти. Наверняка потом его противники очень жалели, что тогда, в январе 1918-го, не прикончили в Крыму будущего «черного барона». Ведь впоследствии Врангель доставил красным массу хлопот и, быть может, на целых полгода затянул Гражданскую войну в Европейской России. Впрочем, если бы судьба распорядилась иначе и Петр Николаевич погиб в Крыму еще в 1918 году, в 1920-м во главе остатков белой армии на полуострове вместо Деникина, скорее всего, встал бы соперник Врангеля Я. А. Слашев. В мемуарах Яков Александрович утверждал, что он вообще на год отсрочил падение белого Крыма. Наверное,

об «острове Крыме» во главе со Слащевым можно было бы написать роман в жанре «альтернативной истории», не менее увлекательный, чем тот, что принадлежит перу Василия Аксенова.

Пребывание в красном Крыму должно было навести барона на мысль, что в начинавшейся Гражданской войне для него, генерала и представителя древнего аристократического рода, одинаково опасно как оставаться вне борьбы, так и служить в рядах слабых антибольшевистских армий. В первом случае красные могли репрессировать его за одно только баронство и офицерство, во втором — он имел все шансы попасть в руки большевиков после разгрома подобной армии и погибнуть как человек, открыто боровшийся против новой власти, как и произошло с подавляющим большинством офицеров, перешедших на сторону татарского Курултая.

В долгосрочной перспективе относительную безопасность могло обеспечить вступление в ряды какой-либо сильной антибольшевистской армии, которая даже в случае поражения не утратила бы полностью свою организацию и боеспособность.

В апреле 1918 года такой силой были немцы, только что занявшие Крым. Но в германскую армию барон вступать не собирался. Несмотря на остзейское происхождение, российские Врангели давно уже обрусели. Петр Николаевич был патриотом и православным человеком. И к немецким военным в Крыму у него было двойственное отношение. В мемуарах Врангель писал: «Я испытывал странное, какое-то смешанное чувство. Радость освобождения от унижительной власти хама и болезненное чувство обиды национальной гордости».

С одной стороны, барон вынужден был признать:

«Надо отдать справедливость немцам, они вели себя чрезвычайно корректно, стараясь, видимо, сделать присутствие свое для обывателей наименее ощутимым. С их приходом были отменены все стеснительные ограничения, введенные большевиками, — карточная система, закрытие текущих счетов и проч., но обязательное получение пропусков для выезда и въезда в Крым осталось в силе.

Немецкая комендатура оказывала всяческое содействие к восстановлению в правах тех владельцев имущества или квартир, кои были захвачены большевиками. Некоторые из местных большевиков, не успевшие эвакуироваться, были по жалобам потерпевших арестованы и заключены в тюрьму немецкими властями. С другой стороны, замешкавшимся в Крыму более видным большевистским деятелям немцы, несомненно, сами дали возможность беспрепятственно убраться восвояси.

На следующий день по занятии Кореиза представители немецкого командования посетили Великого Князя Николая

Николаевича в имении “Дюльбер”, где находились все Члены Императорской Семьи. Великий Князь Николай Николаевич через состоящего при Нем генерала барона Сталя передал прибывшим, что, если они желают видеть Его как военнопленного, то Он, конечно, готов этому подчиниться; если же их приезд простого визит, то Он не находит возможным их принять. Приехавшие держали себя чрезвычайно вежливо, заявили, что вполне понимают то чувство, которое руководит Великим Князем, и просили указать им, не могут ли быть чем-нибудь полезны. Они заявили, что Великий Князь будет в полной безопасности и что немецкое командование примет меры к надежной Его охране. Барон Сталь, по поручению Великого Князя, передал, что Великий Князь ни в чем не нуждается и просит немецкую охрану не ставить, предпочитая охрану русскую, которую немцы и разрешили сформировать».

Несомненно, для русских аристократов, собравшихся в Крыму, немцы были освободителями от большевистского гнета.

Но, с другой стороны, приход на русские земли вчерашних врагов угнетал русских офицеров и генералов, которые чувствовали себя едва ли не военнопленными.

Как раз в апреле 1918 года немцы произвели переворот на Украине, сместив правительство Центральной рады и поставив у руля власти гетмана Павла Петровича Скоропадского, генерал-лейтенанта царской свиты и бывшего командира лейб-гвардии Конного полка. Он также командовал в 1914 году Сводной конной дивизией, когда Врангель в течение месяца исполнял там должность начальника штаба. Петр Николаевич описывал его в мемуарах:

«Среднего роста, пропорционально сложенный, блондин, с правильными чертами лица, всегда тщательно, точно соблюдая форму, одетый, Скоропадский внешним видом своим совершенно не выделялся из общей среды гвардейского кавалерийского офицерства. Он прекрасно служил, отличался большой исполнительностью, редкой добросовестностью и большим трудолюбием. Чрезвычайно осторожный, умевший молчать, отлично воспитанный, он молодым офицером был назначен полковым адъютантом и долгое время занимал эту должность.

Начальники были им очень довольны и охотно выдвигали его по службе, но многие из товарищей не любили. Ему ставились в вину сухость и замкнутость. Впоследствии в роли начальника он проявил те же основные черты своего характера: большую добросовестность, работоспособность и настойчивость в достижении намеченной цели.

Порыв, размах и быстрота решений были ему чужды».

В воспоминаниях Петр Николаевич объяснял побудительные мотивы своей поездки в Киев: «Трудно верилось, что, стоя во главе края в это, исключительное по трудности время, Скоропадский мог бы справиться с выпавшей на его долю непомерно трудной задачей. Вместе с тем, среди моря анархии на всем огромном пространстве России как будто образовался первый крепкий островок. Он мог бы, может быть, явиться первой точкой приложения созидательных сил страны, и в этом мне хотелось убедиться. Я решил проехать в Киев. Одновременно я хотел побывать в нашем минском имении, оккупированном польскими войсками, управляющий которого писал нам, прося прибыть для решения целого ряда дел».

Думается, Врангель действительно рассматривал гетманскую Украину как некий островок стабильности среди бушующего моря российской анархии. Здесь он надеялся обрести безопасность для себя и своей семьи, а заодно и попытаться сделать карьеру в украинской армии. Но реальность его разочаровала.

Барон сразу же почувствовал опереточный характер «гетманской державы», опиравшейся исключительно на германские и австро-венгерские штыки. Претила ему и «украинизация» армии, когда русских офицеров пытались заставить говорить на чужом для них языке. Но, что еще важнее, Врангелю, да и подавляющему большинству русских офицеров, были чужды идеи независимости Украины и раздельного существования украинского и русского народов. Поэтому если они и шли в гетманскую армию, то либо из-за пайка и жалованья, либо в надежде, что гетман только играет в «украинизацию», а на самом деле мечтает о восстановлении Российской империи и в подходящий момент двинет свою армию на Москву, чтобы восстановить монархию. Именно над этими надеждами иронизировал Михаил Булгаков в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных».

Петр Николаевич вспоминал:

«В приемной мне бросился в глаза какой-то полковник с бритой головой и клоком волос на макушке, отрекомендовавшийся полковым писарем “Острианица-Полтавец”. Он говорил исключительно на “украинской мове”, хотя и был кадровым русским офицером. Дежурным адъютантом оказался штабс-ротмистр Кочубей, бывший кавалергард. Мы разговорились. Он рассказал мне о перевороте, о той, будто бы бескорыстной, помощи, которую оказывают Украине немцы, о популярности Скоропадского. По его словам, в самом непродолжительном времени будет сформирована большая армия, средства на которую обещали немцы. Во главе армии должен был стать военный министр генерал Рагоза, бывший командующий IV арми-

ей. Начальником генерального штаба состоял полковник Сливинский, способный офицер, которого я знал по Румынскому фронту. Другие области управления находились в руках лиц, мне большей частью совершенно неизвестных, главным образом связанных с Украиной. Я был чрезвычайно поражен, услышав среди имен членов правительства имя товарища министра иностранных дел Палтова, по словам Кочубея, имевшего на гетмана исключительное влияние. Палтов был личностью с весьма темным прошлым, замешанный в чрезвычайно грязных денежных делах, за что своевременно лишен был камергерского мундира.

Я не успел закончить разговора, как вошел Скоропадский. Мы расцеловались и отправились завтракать. За завтраком разговор имел исключительно частный характер. Скоропадский рассказал о себе, я передал ему о том, что пережила моя семья, вспомнили общих знакомых.

После завтрака мы перешли в кабинет. Скоропадский стал рассказывать о последних событиях на Украине, о работе его по устройству края, о намеченных формированиях армии.

— Я очень рассчитываю на тебя, — сказал он, — согласился ли бы ты идти ко мне начальником штаба?

Я ответил, что, не успев еще ознакомиться с положением дела, не могу дать какого-либо ответа, но что во всяком случае мог бы работать исключительно как военный техник.

— Не будучи ничем связанным с Украиной, совершенно не зная местных условий, я для должности начальника штаба, конечно, не годюсь.

Я поспешил повидать всех тех, кто мог мне дать интересующие меня сведения. Все эти сведения только подтвердили мои сомнения. У Сливинского я подробно ознакомился с вопросом формирования армии. Немцы, всё обещая, фактически никаких формирований не допускали. Сформированы были лишь одни войсковые штабы и, кажется, одна «хлеборобская» дивизия. Никакой правильной мобилизации произведено не было, да и самый мобилизационный план не был еще разработан. Ни материальной части, ни оружия для намеченных формирований в распоряжении правительства не было».

Что ж, кавалергард Кочубей и полковник Острица-Полтавец вполне могли бы послужить прототипами поручика Шервинского в «Днях Турбиных», лейб-гвардейца и гетманского адъютанта, пытающегося говорить на «мове». И перспективы формирования на Украине мощных антибольшевистских армий Михаил Булгаков оценивал примерно так же, как и Врангель, — стоит припомнить диалог Шервинского и Алексея Турбина:

«Алексей. Одну минуту, господа!.. Что же, в самом деле? В насмешку мы ему дались, что ли? Если бы ваш гетман, вместо того чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, ведь Петлюры бы духу не пахло в Малороссии. Но этого мало: мы бы большевиков в Москве прихлопнули, как мух. И самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас!

Шервинский. Немцы бы не позволили формировать армию, они ее боятся.

Алексей. Неправда-с. Немцам нужно было объяснить, что мы им не опасны. Конечно! Войну мы проиграли! У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще всё на свете: у нас большевики. Немцам нужно было сказать: «Вам что? Нужен хлеб, сахар? Нате, берите, лопайте, подавитесь, но только помогите нам, чтобы наши мужички не заболели московской болезнью». А теперь поздно, теперь наше офицерство превратилось в завсегдатаев кафе. Кафейная армия! Пойди его заведи. Так он тебе и пойдет воевать. У него, у мерзавца, валюта в кармане. Он в кофейне сидит на Крещатике, а вместе с ним вся эта гвардейская штабная орава».

Примерно так же думал и Врангель. Вероятно, барон надеялся, что Скоропадский сможет сформировать сильную армию из десятков тысяч осевших на Украине кадровых военных, но после встречи с гетманом и бесед со знакомыми офицерами эти надежды рухнули. Кроме того, Врангель уже не сомневался, что Германия должна в скором времени проиграть войну: «Я считал, что выступление Америки с огромным запасом живой силы и средств должно было склонить весы победы в сторону наших бывших союзников».

Скоропадскому же он сказал: «Я думаю, что мог бы быть наиболее полезным в качестве военачальника, хотя бы при создании крупной конницы. К сожалению, поскольку я успел ознакомиться с делом, я сильно сомневаюсь, чтобы немцы дали тебе эту возможность. Много из того, что делается здесь, для меня непонятно и смущает. Веришь ли ты сам в возможность создать самостоятельную Украину?»

Скоропадский в ответ стал доказывать, что Украина имеет все предпосылки стать жизнеспособным самостоятельным государством, что стремление к независимости давно жило в украинском народе и что в этом направлении много поработала Австрия. Павел Петрович прямо заявил: «...объединение славянских земель Австрии и Украины и образование самостоятельной и независимой Украины, пожалуй, единственная жизненная задача», продемонстрировав тем самым полное отсутствие чувства политической реальности. Разумеется, Гер-

мания и Австро-Венгрия никак не могли позволить Скоропадскому присоединить к Украине австрийские Восточную Галицию и Северную Буковину и венгерское Закарпатье. Таковую «Великую Украину» могли бы, чисто теоретически, поддержать только страны Антанты, да и то лишь в случае, если бы они отказались от идеи восстановления России в довоенных границах. Но для того, чтобы Англия, Франция и США выступили за присоединение к Украине бывших провинций Австро-Венгрии, необходимо было, чтобы Германия и ее союзники потерпели поражение в Первой мировой войне. А германские и австрийские штыки были единственной опорой, на которой держался режим Скоропадского. И не было никаких оснований полагать, что Антанта захочет его поддержать. Без труда можно было найти более популярного у местного населения политика, хотя бы С. В. Петлюру, чтобы поставить его во главе независимой Украины.

Врангель же не собирался строить независимую Украину ни со Скоропадским, ни с Петлюрой, ни с кем-либо еще, до конца жизни оставаясь приверженцем «единой и неделимой России», пусть и не всегда открыто выдвигая этот лозунг.

В мемуарах Петр Николаевич признавался: «Я не пережил в рядах армии полного развала войсковых частей, и только здесь я отдал себе в полной мере отчет о тех страданиях, лишениях и унижениях, которые пережили за последние месяцы русские офицеры. Бестрепетно выполняя свой долг до конца, большинство офицеров, сплотившись вокруг родных знамен, видело смерть родных частей, предательство и трусость тех самых солдат, которых они еще недавно вели к победам, злобу и оскорбление со стороны недавних своих подчиненных, с которыми вместе переживали радости и невзгоды боевых дней».

Врангель вообще всю жизнь стремился уберечь себя от присутствия при катастрофах. Ему это удалось и в 1917 году, и позднее, когда терпели крах деникинские Вооруженные силы Юга России.

Пока что барон решил поселиться в своем имении под Бобруйском, в Минской губернии — благо этот район тоже входил в зону германской оккупации. Перед отъездом он встречался с собравшимися в Киеве офицерами и из бесед с ними вынес довольно скептическое отношение к Добровольческой армии. В мемуарах, объясняя, почему он сразу не присоединился к Белому движению, Врангель в свое оправдание писал: «Здесь, в Киеве, жадно ловили они каждую весть о возрождении старых родных частей. Одни зачислялись в Украинскую армию; другие пробирались на Дон, где только что казаки оч-

нулись от большевистского угара и выбрали атаманом “царского” генерала Краснова, третьи, наконец, ехали в Добровольческую армию. О последних почти ничего известно не было. Имена генералов Алексеева, Корнилова и Деникина давали основание думать, что начатое ими на Кавказе дело несет в себе зародыши действительного возрождения чести и достоинства России. Однако доходившие с разных сторон сведения представляли добровольческое движение как безнадежные попытки, обреченные заранее на неуспех за отсутствием средств, поддержки широких слоев и отсутствием единства между руководителями».

В этом мнении Врангеля, по его словам, убедила также встреча с генералами, побывавшими на Северном Кавказе и на Дону. Он сообщает в мемуарах: «Однажды я получил приглашение от бывшего командира 2-ого конного корпуса князя Туманова приехать к нему на чашку чая. Только что прибывший с Дона генерал-лейтенант Свечин должен был делать у него доклад об обстановке на Дону и Кавказе. Сведения Свечина были мало утешительны. Правда, Дон, испытав ужасы большевистской волны, ныне опамятовал. Казаки отвернулись от красного знамени, и вновь выбранный атаман генерал Краснов горячо и успешно работал по формированию армии и восстановлению порядка в стране. Однако, по словам Свечина, движение на Дону носило шовинистический характер. Не только старшие начальники, но и младшие офицеры, не казаки, неохотно принимались генералом Красновым. Что же касается Добровольческой армии, то Свечин считал это дело, бывшее и без того безнадежным, ныне, после смерти генерала Корнилова, обреченным на близкий конец. Остатки армии, всего несколько тысяч человек, потерпев на Кубани неудачу, ныне отошли в Донскую область. Ни средств, ни оружия нет. Среди старших и младших начальников будто бы политические разногласия... Доклад Свечина произвел на меня самое тяжелое впечатление, рассеяв немногие надежды».

Вероятно, истинными причинами, по которым Врангель не торопился присоединиться к Добровольческой армии, были как неверие в силы добровольцев, так и их слишком левые, с точки зрения Петра Николаевича, политические взгляды. Можно также сказать, что между Врангелем и вождями Добровольческой армии была настоящая сословная пропасть. Скоропадский, представитель старинного дворянского рода, потомок украинского гетмана, был для Врангеля своим. Незадача была только в том, что настоящая армия у гетмана Павла Петровича Скоропадского так и не появилась. Деникин же, Алексеев и Корнилов отнюдь не принадлежали к столбовым

дворянам, а были сыновьями офицеров, выслужившихся из солдат. Остзейскому барону с родословной, восходящей к началу XIII века, вероятно, не очень хотелось служить под началом таких генералов, которых он не без оснований подозревал в отсутствии сочувствия делу восстановления монархии в России. Алексеева, к примеру, Врангель считал одним из главных виновников того, что Николай II после начала Февральской революции не получил помощи со стороны армии и вынужден был отречься от престола.

Только в июле — начале августа Врангель из писем знакомых и сослуживцев узнал, что, по его словам, «Добровольческая армия, передохнувши на Дону, возобновила борьбу, кубанцы восстали и под прикрытием Дона, казалось, готовится подняться весь Кавказ. В Сибири также разгоралась война». Так как его дела в имении были закончены, оставаться безучастным зрителем начинавшейся борьбы он не мог и в начале августа вернулся в Киев. К тому времени немцы уже потерпели решающие поражения на западноевропейском фронте, а в немецких частях, дислоцированных на Востоке, явно проступали признаки разложения. Врангель понимал, что дни власти Скоропадского сочтены. Теперь он хотел пробраться на Северный Кавказ. Добровольческая армия уже казалась ему серьезным предприятием.

В Киеве до Врангеля дошла весть о гибели царской семьи. В Южную (Астраханскую) армию, формируемую немцами под монархическими лозунгами, он вступать не стал, будучи уверен, что все начинания, связанные с оккупантами, теперь точно обречены на провал и что Астраханская армия способна лишь отвлечь поток офицеров, стремящихся встать под знамена Добровольческой армии, сохранившей верность старым союзникам.

Перед поездкой в Добровольческую армию Врангель заручился важной протекцией. Он узнал, что к Алексееву и Деникину собирается проживавший в Киеве генерал А. М. Драгомиров. Встреча с ним стала судьбоносной, выбор был сделан: «Наш разговор решил мою участь. Генерал Драгомиров передал мне, что он только что получил письмо от генерала Алексеева. Генерал Алексеев получил предложение объединить русские противобольшевистские силы на сибирском фронте, ему обещана широкая поддержка союзных держав. Генерал Алексеев приглашал генерала Драгомирова ехать с ним, и последний через несколько дней выезжал в Екатеринодар. Он звал меня с собой, но мне необходимо было заехать к семье в Крым, и мы решили встретиться в Екатеринодаре.

Через пять дней я был уже в Ялте, а через пятнадцать, вме-

сте с женой, решившей разделить мою судьбу, выехал пароходом в Ростов».

Врангель действовал как расчетливый карточный игрок, долго выбирающий, на какую карту выгоднее поставить.

Добровольческая армия в то время насчитывала около тридцати пяти тысяч штыков и шашек с восьмьюдесятью орудиями, 256 пулеметами, пятью бронепоездами, восемью броневиками и семью самолетами. Всё это вооружение было захвачено в качестве трофеев у красных, снаряды же получали от донского атамана П. Н. Краснова в обмен на продовольствие. Фронт Добровольческой армии протянулся на 300—400 километров. Противостоявшие ей силы красных на Северном Кавказе под командой командарма И. Л. Сорокина имели 80 тысяч штыков и шашек при ста орудиях.

В Екатеринодар, где размещался штаб Добровольческой армии, Врангель с семьей прибыл 25 августа 1918 года. В штабе армии барон встретил немало знакомых. Петр Николаевич вспоминал: «Начальника штаба генерала Романовского и и<сполняющего> д<олжность> генерал-квартирмейстера полковника Сальникова я не знал, но в числе офицеров штаба оказалось несколько моих старых знакомых, между прочим исполнявший должность старшего адъютанта штаба 1-ой гвардейской кавалерийской дивизии, в бытность мою в ее составе, полковник Апрелев, старый сослуживец мой по гвардии. Теперь он занимал должность начальника связи. В составе разведывательного отделения оказался бывший офицер моей 7-ой кавалерийской дивизии поручик Асмолов. Асмолов и Апрелев участвовали в борьбе Добровольческой армии с самого начала и оба принимали участие в так называемом “Ледяном походе”*. От Апрелева я узнал, что генерал Корнилов еще в Ростове делал попытки разыскать меня и дважды писал мне в Петербург, зовя в армию. Ни одно из этих писем до меня не дошло».

Этому свидетельству Врангеля можно верить. Полковник Георгий Петрович Апрелев действительно входил в ближайшее окружение генерала Корнилова. В момент публикации врангелевских мемуаров он был жив, и никакого опровержения по поводу того, что Корнилов хотел привлечь Врангеля в Добровольческую армию, от него не последовало.

По рекомендации Драгомирова Врангель явился на прием к Деникину (Алексеев в тот день был болен и не смог его принять).

* Ледяной (Ледовый, Первый кубанский) поход — отступление Добровольческой армии под командованием Л. Г. Корнилова, а после его гибели — А. И. Деникина с Дона на Кубань и обратно на Дон в феврале—мае 1918 года.

Петр Николаевич передает ход разговора:

«Командующий армией напомнил мне о нашем знакомстве в Маньчжурии, сказал, что слышал обо мне не раз от генерала Корнилова:

— Ну как же мы вас используем. Не знаю, что вам и предложить, войск ведь у нас не много...

— Как вам известно, ваше превосходительство, я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году я был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона.

— Ну, уж и эскадрона... Бригадиром согласны?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Ну, так зайдите потом к Ивану Павловичу, — сказал генерал Деникин, указывая на начальника штаба, — он вам всё расскажет».

На следующий день выяснилось, что Врангелю предлагают не бригаду, а дивизию. Барон стал временным начальником 1-й конной дивизии вместо генерала И. Г. Эрдели, откомандированного в Грузию. При этом ему сразу дали понять, что Эрдели будет отсутствовать длительное время, а по возвращении получит новое назначение, так что временная должность фактически является постоянной. На Врангеля работало то, что он был одним из немногих в Добровольческой армии кавалерийских генералов еще дореволюционного производства и имел, пусть и небольшой, опыт командования конной бригадой и дивизией. Подавляющее большинство генералов «первопоходников» было из пехоты.

Врангель оставил описание Деникина:

«Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными, черными, с значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладающего большой военной эрудицией начальника...

По мере того как я присматривался к генералу Деникину, облик его всё более и более для меня выяснялся. Один из наиболее выдающихся наших генералов, недюжинных способностей, обладавший обширными военными знаниями и большим боевым опытом, он в течение Великой войны заслуженно выдвинулся среди военачальников. Во главе своей Железной дивизии он имел ряд блестящих дел. Впоследствии, в роли начальника штаба Верховного Главнокомандующего в начале смуты, он честно и мужественно пытался остановить развал в армии, сплотить вокруг Верховного Главнокомандующего всё

русское офицерство... Он отлично владел словом, речь его была сильна и образна.

В то же время, говоря с войсками, он не умел овладеть сердцами людей. Самим внешним обликом своим, мало красочным, обыденным, он напоминал среднего обывателя. У него не было всего того, что действует на толпу, зажигает сердца и овладевает душами. Пройдя суровую жизненную школу, пробившись сквозь армейскую толпу исключительно благодаря знаниям и труду, он выработал свой собственный и определенный взгляд на условия и явления жизни, твердо и определенно этого взгляда держался, исключая всё то, что, казалось ему, находилось вне этих непререкаемых для него истин.

Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему государственную работу, бросила его в самый водоворот политических страстей и интриг. В этой чуждой ему работе он, видимо, терялся, боясь ошибиться, не доверяя никому, и в то же время не находил в себе достаточно сил твердой и уверенной рукой вывести по бурному политическому морю государственный корабль».

Тогда, в Екатеринодаре, было еще далеко до будущего соперничества, а потом и откровенной вражды между Деникиным и Врангелем. Но это были слишком разные, во многом противоположные друг другу люди, и столкновение между ними, рано или поздно, было неизбежным.

Антон Иванович не был карьеристом. Свою службу отечеству он рассматривал как тяжкий, но необходимый долг. Он считал, что должен победить большевиков, довести Россию до нового Учредительного собрания, а затем уйти от власти и командования в частную жизнь. Деникин сетовал в письмах жене: «Ох, Асенька, когда же капусту садить...» То же он повторил и группе представителей кадетской партии: «Моя программа сводится к тому, чтобы восстановить Россию, а потом сажать капусту».

Эти слова отнюдь не значат, что мечтой Антона Ивановича действительно было заняться сельским хозяйством. Здесь он просто намекал на римского императора Диоклетиана, который, осуществив реформу армии и государства, неожиданно отказался от власти и удалился на покой. Когда несколько лет спустя один из сенаторов спросил у Диоклетиана, не жалеет ли он, что отказался от власти, он ответил: «Если бы ты видел, какую капусту я вырастил на своем огороде, ты бы не задавал таких вопросов!» Антон Иванович, сетуя на то, что всё никак не может приступить к посадке капусты, имел в виду, что с нетерпением ждет конца русской смуты, когда он сможет, наконец, отказаться от бремени командования.

Деникин не был политиком, всячески сторонился политики, считая ее грязным делом, и не имел никакой склонности к интригам. Он считал, что большие политические вопросы, определяющие судьбы государства, должно решать будущее Учредительное собрание, а решение текущих политических проблем передал Особому совещанию при главнокомандующем, некоему эрзац-правительству, в котором преобладали кадеты.

Антон Иванович также упрямо держался лозунга «Единая и неделимая Россия». Он считал, что не вправе санкционировать отделение от бывшей Российской империи тех или иных территорий или предоставление им широкой автономии. Деникин полагал, что такие вопросы должны решать Учредительное собрание и установленная им новая власть.

При назначениях в армии и продвижении военачальников по службе Антон Иванович руководствовался прежде всего соображениями старшинства и прежних заслуг перед Белым движением. Поэтому командирами полков, бригад, дивизий и корпусов назначались «первопоходники» — участники первого кубанского Ледового похода из Ростова на Екатеринодар в феврале — апреле 1918 года, закончившегося гибелью Корнилова и возвращением на Дон. Деникин не мог долго избавиться даже от скомпрометировавших себя генералов, помня об их прежних геройских подвигах. Так, уже став главнокомандующим Вооруженными силами Юга России, он очень долго терпел во главе Добровольческой армии В. З. Май-Маевского в память о его успешных действиях в Донбассе против значительно превосходящих сил красных, хотя было хорошо известно, что Владимир Зенонович спился, выпустил управление армией из рук и потворствовал грабежам. Сам Деникин не решался сурово наказывать заслуженных офицеров и генералов даже за личное участие в грабежах, насилиях над мирным населением и других подобных эксцессах. Впрочем, бессудные расправы над заподозренными в симпатиях к большевизму стали почти нормой. Даже Врангель писал по этому поводу в мемуарах: «По мере очищения области (Кубанской. — Б. С.) от красных в станицах собирались станичные сборы и устанавливалось станичное правление. Последнее брало на себя раскладку и доставку продовольствия и перевозочных средств. Оно же производило суд и расправу. По указанию станичного правления комендантской командой дивизии арестовывались причастные к большевизму станичники и приводились в исполнение смертные приговоры. Конечно, тут не обходилось без несправедливостей. Общая озлобленность, старая вражда между казаками и иногородними, личная месть, несомненно, сплошь и рядом играли роль, однако

со всем этим приходилось мириться. Необходимость по мере продвижения вперед прочно обеспечить тыл от враждебных элементов, предотвратить самосуды и облечь, при отсутствии правильного судебного аппарата, кару хотя бы подобием внешней законной формы заставляли мириться с этим порядком вещей».

Врангель, в отличие от мягкосердечного Деникина, был человеком жестким, а временами — жестоким. Карьера была для него одной из важнейших жизненных целей. До времени барон не занимался политикой, но склонность к интригам имел, что и продемонстрировал во второй половине 1919-го и в начале 1920 года, когда весьма активно фрондировал против Деникина, добиваясь его смещения с поста главнокомандующего. Став главнокомандующим в Крыму, Врангель показал, что при назначении на высокие посты, как военные, так и гражданские, руководствуется только двумя факторами: личной преданностью и деловыми качествами. Старшинство и былые заслуги им в расчет не принимались. Деникин же почти не обращал внимания на личную преданность, а деловые качества учитывал только во взаимосвязи со старшинством и общими заслугами в борьбе против большевиков. Кроме того, Антон Иванович считал безнравственным награждать русскими императорскими орденами за подвиги, совершённые в братоубийственной войне, вместо этого производя в следующий чин. Это привело к появлению большого числа молодых полковников и генералов, не имевших опыта службы в соответствующих должностях и порой вообще не обладавших полководческими способностями. Но их приходилось назначать командирами полков, бригад и дивизий. Врангель же в Крыму ввел специальный орден Святого Николая двух степеней для награждения за отличия в Гражданской войне. Это несколько притормозило карьерный рост молодых офицеров.

Врангель, в отличие от Деникина, не считал себя связанным какими-либо моральными обязательствами перед «первопоходниками», с которыми Антон Иванович делил все тяготы первых, самых тяжелых месяцев борьбы Добровольческой армии с красными. Поэтому барону было психологически легче принимать самые суровые меры для наведения порядка в тылу и на фронте.

По свидетельству генерал-лейтенанта В. П. Агапеева, «Врангель, прошедший школу жизни в коннице, был весь из стремительного порыва, который диктовался ему не только его недюжинным умом, но и всеми его чувствами».

И у Деникина, и у Врангеля были ближайшие помощники по управлению армией, которые также были их ближайшими

друзьями. У Деникина — начальник штаба Добровольческой армии, а потом Вооруженных сил Юга России, генерал-лейтенант Генштаба Иван Павлович Романовский. У Врангеля — начальник штаба Кавказской, а потом Русской армии, генерал от кавалерии Павел Николаевич Шатилов, его однокашник по Академии Генерального штаба. Но отношения в этих дуэтах были различны. Если Романовский, по общему мнению, имел сильнейшее влияние на Деникина и порой мог добиться проведения в жизнь собственных идей, то Шатилов являлся всего лишь послушным исполнителем при Врангеле, поскольку все стратегические решения Петр Николаевич предпочитал принимать самостоятельно.

Кроме того, позднее в Крыму Петр Николаевич показал себя неплохим политиком — во всяком случае, лучшим по сравнению с другими вождями белых армий. Рискнем предположить, что у Белого движения на юге России было бы несколько больше шансов на успех, если бы Врангель стал главнокомандующим хотя бы в начале 1919 года. Но для этого ему надо было бы присоединиться к Корнилову и Добровольческой армии как минимум поздней осенью 1917 года. Он же в это время оставался в Крыму, в течение девяти месяцев не решаясь вступить в борьбу. Теперь надо было наверстывать упущенное.

И Петр Николаевич отправился к своей дивизии на фронт за новой славой.

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

Конница играла в Добровольческой армии особо важную роль. В условиях острого дефицита снарядов не артиллерия, а кавалерия становилась решающей силой, способной выбивать численно превосходящего неприятеля с занимаемых позиций, обращать его в беспорядочное бегство, на плечах расстроенных красных частей врываться на станции и в города и захватывать жизненно необходимые трофеи. Поэтому во время второго кубанского похода Добровольческой армии, закончившегося взятием Екатеринодара, и последующих боев в Ставрополье и Терской области белая конница действовала особенно активно.

К 30 августа (12 сентября) в состав 1-й конной дивизии входили Корниловский конный (укомплектованный казаками различных отделов Кубанского казачьего войска), 1-й Уманский и 1-й Запорожский (из казаков Ейского отдела), 1-й Екатеринодарский (из казаков Екатеринодарского отдела) и 1-й

Линейный (лабинцы) Кубанского казачьего войска полки, 2-й Черкесский конный полк (пополняемый черкесами заречных аулов Лабинского отдела), 1-я и 2-я конно-горные и 3-я конная батареи и пластунский батальон. В дивизии резко преобладали кубанские казаки, только Черкесский полк состоял почти исключительно из горцев Северного Кавказа, а в артиллерийских батареях преобладали офицеры регулярной армии.

По воспоминаниям полковника Ф. И. Елисеева, служившего в Корниловском конном полку, когда в командование дивизией вступил Врангель, об этом в полку мало кто знал и его еще никто не видел.

Врангель писал в мемуарах: «По данным штаба дивизии, силы находившегося против нас противника исчислялись в 12—15 тысяч человек, главным образом пехоты, при 20—30 орудиях. Конницы было лишь несколько сотен. Противник был богато снабжен огнеприпасами и техническими средствами. При красных войсках имелось несколько броневедомостей, достаточные средства связи. Дрались красные упорно, но общее управление было из рук вон плохо». Ф. И. Елисеев, однако, опровергает это мнение: «Дралась Таманская армия упорно, так как состояла, в своем большинстве, из иногородних Кубанской области района Черноморья, всегда непримиримых врагов казачества, и, по нашему мнению, строевых офицеров, действовавших против нее, — управлялась она хорошо. Это показали бои».

Елисеев в мемуарах запечатлел первую встречу Врангеля с бойцами 1-го Корниловского конного полка:

«17-го сентября перед вечером получено было приказание — “полку быть в конном строю, для представления начальнику дивизии”. Временно командующий полком подъесаул Безладнов сообщил нам, командирам сотен, что прибыл новый начальник дивизии генерал Врангель, который приедет посмотреть полк.

К вечеру, почти к заходу солнца, полк выстроился в резервную колонну у тех же скирдов, где имел постоянное охранение участка фронта дивизии. Издали показался маленький автомобиль и шагах в ста от полка — остановился. Из него вышел очень высокий и тонкий офицер в гимнастерке, при шашке и в фуражке. Безладнов, не любивший “тянуться” перед начальством, спокойно скомандовал:

— Корниловский полк — смирно! Шашки — вон! Господа оф-фицер-ры! — и ленивым наметом поскакал к нему, держа шашку “под-высь”.

В полку не было ни полкового штандарта, ни хора трубачей, почему картина “встречи” была молчалива и совсем не

величественна, как было в старых полках. Полк ведь родился на поле брани и был, безусловно, славен только своими подвигами.

Издали не видно было ни лица генерала, ни его погон. Приняв рапорт, Врангель прошел вперед несколько шагов, остановился, взял руку под козырек и очень громко, внятно, с расстановкой, густым мощным баритоном, видимо, привыкший долго и картинно здороваться с войсками, произнес:

— Здо-ро-во мол-лод-цы кор-рнил-лов-цы!

— Здравия желаем Ваше-е-е...

Мы предупредили свои сотни, что ждем начальника дивизии, генерала. Конечно, все мы ждали, что появится он обязательно в черкеске... но оказалось иное. К тому же казакам не было видно ни лица, ни погон генерала, так как заходящее солнце слепило им глаза.

В своих воспоминаниях генерал Врангель пишет, что он привык и мог разговаривать с войсками, но в тот день, переговорив с Безладновым и передав ему какой-то пакет, он сел в свою машину и тронулся назад, не сказав нашему полку ни одного слова. Безладнов же повернул коня и ленивой рысью возвращался к полку. Полк продолжал стоять молча, тоскливо. Общая картина получилась скучная и томительная.

В полной тишине полка вдруг я слышу слова из передней шеренги своей сотни:

— Шо воно такэ? — т. е. кто это таков?

— А чор-рти... — вторит ему кто-то.

Офицером я впервые стою перед строем черноморских казаков, и такая вольность меня и удивила и задела. “Строй есть святое место” — говорит наш воинский устав, и вдруг такая вольность! Быстро повернувшись в седле кругом, повел строго глазами вдоль строя передней шеренги, но... казаки смотрели вперед и лица их были “мертвы”...

Спокойный Безладнов объявил полку, что завтра, с рассветом, назначено общее наступление дивизии. На ночь полк разместился на прежнем месте, всё у тех же стогов соломы. Перед ужином, собрав сотню, упрекнул ее, что она, как и все сотни, плохо ответила начальнику дивизии на его приветствие и не сказала слова “превосходительство”.

— Далэко було, и нэ видно було, чи то було прэвосходытэльство, чи ни... — кто-то ответил из задних рядов».

Первая встреча с подчиненными у Врангеля явно не задалась. Можно сказать, что они с казаками говорили на разных языках. Ведь в Корниловском полку и в дивизии в целом преобладали казаки-черноморцы, потомки запорожцев, и родным языком для них был украинский.

Очень скоро барон понял, что в армейской гимнастёрке и фуражке ему не завоевать сердца казаков. Пришлось срочно шить черкеску и папаху-кубанку.

В середине сентября 1918 года красная Таманская армия занимала территорию Лабинского полкового округа с Армавиром и часть Баталпашинского отдела со станицей Невинномысской. Со стороны Ставрополя на нее наступали пехота Добровольческой армии и 2-я Кубанская казачья дивизия полковника С. Г. Улагая. В районе Армавира действовала 2-я пехотная дивизия полковника М. Г. Дроздовского, справа и слева от нее наступала от станицы Петропавловской 1-я конная дивизия генерала Врангеля. Со стороны Майкопа действовала 1-я Кубанская казачья дивизия генерала В. Л. Покровского. От станицы Баталпашинской шли отряды полковника Шкуро, позднее сведенные в 1-ю Кавказскую казачью дивизию. Таманская армия была окружена с трех сторон. У нее оставалась единственная свободная железнодорожная магистраль Армавир—Невинномысская—Петровск. У красных было преимущество в общей численности войск и боеприпасах, поскольку в их распоряжении оказались склады Кавказского фронта. Зато белые превосходили как в кавалерии, так и в уровне боевой подготовки личного состава, поскольку в рядах Добровольческой армии была высока доля офицеров и юнкеров.

Первый бой в качестве командира новой дивизии 18 сентября 1918 года под Армавиром стал для Врангеля неудачным. Казачьи полки под сильным огнем противника не пошли за ним в атаку. Не принесли успеха и бои 2 октября.

Врангель зафиксировал в мемуарах эпизоды боя 18 сентября: «Около часу дня цепи красных показались и со стороны Курганной, охватывая наш фланг; одновременно конница противника стала на рысях обходить нас, угрожая перехватить мостовую переправу через реку Чамлык. В резерве у меня были четыре сотни Корниловского полка. Я приказал им атаковать конницу красных. Сотни развернули лаву, двинулись вперед, но, попав под фланговый пулеметный огонь, смешались и стали отходить. Конница противника продолжала продвигаться. Положение становилось критическим. С захватом моста, имея в тылу болотистый, трудно проходимый Чамлык, мы могли оказаться в тяжелом положении; нашей артиллерии грозила гибель. Я послал приказание частям медленно отходить к переправе и артиллерии сниматься. Лава корниловцев быстро отходила. В сотнях заметно было замешательство. Я решил личным примером попытаться увлечь части за собой и, вскочив на лошадь, поскакал к отходящим корниловцам. Часть казаков повернула, другие приостановились. Стала от-

ходить лава противника. Увлекая казаков криками, я бросился за противником, однако, обернувшись, увидел, что за мной следует лишь небольшая часть казаков, остальная лава крутилась на месте. Ружейный огонь был чрезвычайно силен. Пули свистали, щелкали о землю, вздымая пыль. Редко мне за мою продолжительную боевую службу пришлось бывать под таким огнем. Упал раненый мой значковый казак, у моего офицера-ординарца была убита лошадь. Батарея наша снялась, и было видно, как она отходит рысью к переправе. Немногие скакавшие еще за мной казаки стали постепенно отставать. Пришлось повернуть и мне. Выругав казаков, я приказал им спешиться и занять небольшой хуторок у переправы. Батарея благополучно перешла мост, полки медленно отходили к переправе, частью переправлялись выше по реке вброд. Наконец прибыло донесение от полковника Дроздовского; он сообщал, что атаки его дивизии успехом не увенчались. Части понесли жестокие потери, и он вынужден от дальнейшего наступления отказаться... С наступлением темноты я отвел свои части, сосредоточив их за левым флангом 3-ей пехотной дивизии».

Барон описал свои переживания после проигранного боя: «На душе у меня было мерзко. Операция, которая, казалось, неминуемо сулила успех, не удалась. Противник, отбив наши атаки, несомненно, морально еще усилился. Недоволен был я и неудачной своей атакой. Части за мной не пошли. Значит, они не были еще в руках, отсутствовала еще та необходимая духовная спайка между начальником и подчиненными, без которой не может быть успеха...»

У Ф. И. Елисеева о том бое остались несколько иные воспоминания:

«...На скирдах соломы, по нашу сторону Чамлыка, видны были фигуры людей. Там... был его (Врангеля. — Б. С.) наблюдательный и артиллерийский пункт. Возле них стояла спешенная конная группа в две-три сотни человек, кажется — 2-й офицерский конный полк дивизии Дроздовского. Где были остальные три полка дивизии — 1-й Екатеринодарский, 1-й Запорожский и 1-й Уманский — мы не знали и не видели их. Но по всему было видно, что наше появление здесь было полной неожиданностью для красных, как и то, что мы уже потеряли момент захвата Курганной. Вместо молниеносного наскока на нее всеми полками — лавами разбросан был только Корниловский полк; остальные полки бездействовали, и штаб Конной дивизии сидел на скирдах соломы...

Красные зашевелились. Из станицы Курганной выступила пехота попережку с конницей и без затруднения остановила

жидкие лавы Корниловского полка. Высокая кукуруза и подсолнечник совершенно скрывали от нас их наступавшую пехоту. По всему широкому полю кукурузы видны были головы конных, наших и противника, определяющих линию фронта.

Вдруг из станицы Михайловской кучной массой несется конница человек в 200 на скирды, на штаб дивизии, явно угрожая нашему тылу. И если она захватит переправу через болотистый Чамлык, то мы попадем в ловушку. Но в этот момент генерал Врангель схватывает какой-то полк такой же силы и резервной колонной, сам впереди нее, широкой рысью, очень уверенно идет навстречу врагу.

Нам издали хорошо была видна эта прекрасная картина конного маневра. Силы были равны, но возьмет верх сильный духом. Видя смелое движение против них, красные убавили свой аллюр, а генерал Врангель уже перешел в широкий намет. Красные не выдержали, повернули назад и разрозненно отскочили к южным окраинам Михайловской.

Отбросив красных, Врангель быстро отошел к скирдам. Здесь им была проявлена похвальная личная смелость.

Наше наступление-прорыв явно захлестнулось. Нас теперь бьют уже с двух сторон — с севера из Михайловской и с запада из Курганной. Чувствовалось, что мы ослабеваем. Противник же неуязвим, за отсутствием у нас патронов. Левый фланг нашего полка, с далеких курганов, стал отходить крупной рысью. Ободренные красные активно перешли в наступление на мои головные сотни. Шагом, по кукурузе, отходим и мы. Видя это, генерал Врангель, на невысоком кабардинском коне, в гимнастерке и фуражке, наметом скачет к нам, в лавы. Он уже недалеко от нас, и мы слышим его мощный твердый голос:

— Молод-цы кор-нилов-цы! Впе-ре-од!

...Генералом Врангелем очень красочно описан этот момент боя, но это было немного не так. А было вот как.

Видя такое неожиданное и очень смелое появление самого начальника дивизии, скакавшего к лавам (сотни стояли в кукурузе, но не отходили, как пишет генерал Врангель), ближайшие сотни... дружно рванулись вперед, но не за генералом, а с генералом. Мы, командиры сотен, были сами в лаве и даже впереди нее и видели, как скакал к нам генерал. По чувству обыкновенной воинской гордости, мы, до приближения его к нам с криками “молодцы корниловцы — вперед!”, бросились сами вперед с казаками, насколько позволяла коням высокая кукуруза, путавшая им ноги.

Нас, малочисленных и беспомощных, красные наглядно давили назад, к переправе. И мы тогда не знали, что отступление другим частям было дано начальником дивизии. И если

это было так, то наша ничтожная жидкая лава трех сотен... уже не могла спасти положение.

Красные, увидев наше движение вперед, открыли жесточайший огонь. Сотни, проскакав по кукурузе несколько десятков шагов, замялись. Чувствуя свое превосходство в силах и видя по фронту отступление конных казаков рысью, красные сами перешли в контратаку. Они были в кукурузе так близко от нас, что мы ясно слышали их крики:

— Лови!.. Лови генерала... “иво мать!”... — и еще смелее устремились на казаков...

Порыв сотен был отбит. Красные усилили свой нажим. И головные сотни, вначале шагом, а потом рысью, и со всех сторон торопливо двинулись к мосту. Картина полного и безудержного отступления была очень тягостна...

Генерал Врангель ускакал от нас. Мы остались, и, естественно, каждый командир сотни стремился с честью вывести своих подчиненных из тяжелого и проигранного боя».

Из описания, сделанного Федором Ивановичем Елисеевым, в то время служившим полковым адъютантом (начальником штаба) Корниловского конного полка, видно, что неудавшаяся атака никак не могла повлиять на судьбу переправлявшейся батареи. Красные находились слишком далеко от переправы, полагались в основном на артиллерийский огонь, и их конница перешла в атаку только после того, как начала отступать возглавлявшаяся Врангелем казачья лава. Причина неудачи заключалась не в отсутствие единения между казаками и Врангелем, а в ошибках Врангеля как командира дивизии. Елисеев прямо винит Врангеля, не сумевшего организовать наступление дивизии, рассредоточившего силы и не пытавшегося захватить Курганную в тот момент, когда это легко можно было сделать. В набег дивизия шла шагом. Рассвет застал ее в пяти верстах от Курганной; в бой брошен только один Корниловский полк, действовавший не сгущенной массой, а разбросавшийся лавами по фронту на пять верст.

Елисеев считает: «В то время у красных еще не было дисциплины. Они не ждали и проспали наше наступление. И если боковой урядничий разъезд силой в 10 казаков достиг и перерезал их главную магистраль основных сил с тылом дороги Михайловская—Курганная и успел захватить 30 подвод с овсом и хлебом, то что же могло быть, если бы дивизия, всей своей силой в пять конных полков, свыше 2000 шашек, на рассвете появилась бы у станции Курганная?!»

У барона тогда еще не было опыта Гражданской войны, где конница применялась несколько иначе, чем в Первой мировой. Из-за гораздо меньшей насыщенности фронта пехотой и

огневыми средствами кавалерия могла атаковать гораздо большими массами и совершать быстрые переходы по не занятой противником местности. Врангель же еще по инерции мыслил старыми категориями, потому и выделил в набег на Курганную недостаточные силы, которые к тому же слишком медленно двигались к станции. Но барон умел быстро учиться и очень скоро освоился с новыми обстоятельствами...

Федор Иванович приводит еще один занятный эпизод:

«Из станицы Петропавловской к нам прибыл командир бригады полковник Науменко. Все мы сидим в кругу, на земле, под скирдами, прячась от жары. Науменко очень жалеет об убитом есауле Удовенко, который был его полковым адъютантом во 2-м Кубанском походе, да и был почти сверстником его. Взгрустнув немного, он, ласково улыбаясь и глядя в мою сторону, спрашивает:

— А кто это вчера в бою надерзил генералу Врангелю?

Мы все переглянулись между собой, так как ничего не знаем об этом.

— Скажите, не стесняйтесь, — продолжает он. — Об этом мне сказал сам Врангель. “Когда атака захлестнулась на правом фланге корниловцев, какой-то молодой офицер, — рассказывал Врангель, — подскочил ко мне и кричит: ‘Уезжайте вон отсюда, Ваше превосходительство! Иначе я Вас уберу силой!’ Я, — говорит Врангель, — вначале опешил от такой дерзости... но потом вижу: красные наседают... атака не пошла... думаю, а может быть, и правда, что тут мне не место и надо уехать? И я уехал...” — закончил Врангель свой рассказ мне, — дополнил Науменко.

Мы все молчим и переглядываемся, думая, кто же это сказал?

— Он не обижается... а только ему интересно знать, кто это был такой смелый офицер? — продолжал допрашивать полковник Науменко.

— Позвольте доложить, господин полковник? — вдруг говорит сотник Вася Зеленский, поднявшийся на ноги.

Все мы с нескрываемым любопытством подняли глаза на нашего скромного и доброго Васю. Науменко улыбается и говорит: ну расскажите, расскажите, как это было?

— Да как же! — начал он. — Мы уже отступали... силы нет! Вдруг скачет генерал Врангель и кричит: “Молодцы корниловцы — Впер-ре-од!” Мы, естественно, перешли в атаку, насколько позволяли кукуруза и подсолнухи, но... вновь захлестнулись. Вдруг я слышу крики красных — “лови!.. Лови генерала... иво мать!” Думаю, — дело плохо, — а вдруг и вправду поймают генерала! Ведь это был бы несмыываемый позор для нашего полка... начальник дивизии попал в плен в рядах Кор-

ниловского полка, и полк его не выручил! Да ведь это ужасно бы было!.. А нас так мало было кругом. Ну, я и решил действовать. Я так и сказал: “Ваше превосходительство, Вам здесь не место! Уезжайте вон отсюда!.. Иначе я Вас уберу силой!”

И Науменко, и мы все, выслушав всё это, весело расхохотались.

— А право, молодец Вы, господин сотник, что так сделали. Это Вам делает честь. Генерал Врангель осознал свой промах. Но ему хочется только знать фамилию смелого офицера. И не бойтесь. Вам за это ничего не будет, — закончил с улыбкой полковник Науменко. Дивные прошлые времена, времена доверия, чести и полковой гордости...»

В мемуарах Петр Николаевич этот эпизод решил немного подправить. И признаваться в том, что напрасно полез в гущу боя, он тоже не стал.

По справедливому мнению Елисеева, в бою под Курганной Корниловский конный полк понес большие и, главное, бесполезные потери.

Федор Иванович признавал, что в словах Врангеля об отсутствии «духовной спайки» между ним и казаками было зерно истины:

«Генерала Врангеля полки не знали. К тому же он был не в казачьей форме одежды, т. е. не в черкеске и папахе, как были одеты казаки. Начальник казачьей дивизии “в фуражке” не imponировал душе казака. Такова тогда была психология казачьей массы. К тому же — генерал Врангель вступил только “в первый бой гражданской войны”, который совершенно отличается от психологии боя “внешней войны”. В боях гражданской войны, в особенности в коннице, мало “одних слов строевой команды”. Кроме того, в приказе сказано было, что генерал Врангель “временно” командующий дивизией...

Все эти, казалось бы, маловажные факты были не в пользу его. И насколько он был поколеблен в своем первом и серьезном выступлении на поле брани гражданской войны, говорят его же собственные слова: “На душе у меня было мерзко. Операция, которая, казалось, неминуемо сулила успех, не удалась”».

Елисеев вспоминает, как в станице Петропавловской, из которой к красным ушли почти все казаки (это была родная станица красного главкома Сорокина), Врангель приказал казакам Корниловского полка обмолотить оставшееся неубранным зерно «на выработанных процентных началах — одна часть в пользу работавших, а другая — в пользу станицы». Таким образом Врангель, очевидно, надеялся завоевать симпатии казаков.

Елисеев характеризует Врангеля как человека честолюбивого, но умеющего скрывать свои мысли и даже лицемерить:

«Как-то запросто, пешком и в одиночку, пришел в расположение полка наш начальник дивизии генерал Врангель. Командующий полком подъесаул Безладнов слегка заволновался, как при всяком посещении части высшим начальником. Но Врангель, приняв рапорт “о благополучии в полку”, пошел с нами по всем квартирам осмотреть сотни, приказав не тревожить казаков и ничего не говорить об этом, как не вызывать и сотенных командиров. Он хотел посмотреть полк таковым, каковым он есть в обыденной жизни, без официальной натяжки.

Втроем мы заходим во все дворы, входим в сараи, где стоят казачьи лошади, в дома, где живут казаки, и Врангель воочию наблюдает, как отдыхает полк. Он просит Безладнова говорить ему абсолютно обо всех нуждах полка, совершенно не стесняясь ничем, и говорить запросто, не по службе, а просто — “как равный равному”.

— Я сделаю свою дивизию самой лучшей из всех или же... уйду! — бросил фразу он. И Безладнов, человек совершенно бесхитростный и очень правдивый, “многое ему наговорил”... да так, что Врангель, от восторга за эту его казачью правду и прямоту, обнял Безладнова за талию и прижал к себе. Но я, как не имеющий права голоса, заметил, что генерал порой прищуривал глаза. Мне тогда казалось, что это он делал от удивления, как бы спрашивая самого себя — “откуда это появилось такое странное казачье дитя?” — или чтобы скрыть свои мысли, которые возникали у него, слушая Безладнова, и <которые> выявили бы его глаза. Последнее оказалось правильным — он им остался недоволен...

Генерал Врангель просил уступить “хоть пару пулеметов другим полкам, ввиду изобилия их у корниловцев”. Безладнов запротестовал. Врангель его уговаривал. И странное дело: чем генерал мягче говорил, тем Безладнов больше дерзил. А потом, словно для того, чтобы прекратить этот ненужный разговор, Безладнов вдруг резко заявил:

— Я тоже хочу, чтобы наш полк был самым лучшим в дивизии! И мы свои пулеметы нигде не получали, а отбили их в боях... пусть сделают это и другие полки!

Разговор переходил в такую форму, что я ожидал, что Врангель вот-вот осадит строптивного нашего командира. Но Врангель только улыбался на это и при расставании благодарил Безладнова за всю его откровенность, обещая полковые пулеметы не трогать».

В дальнейшем Врангель воспользовался подходящим случаем и сместил Безладнова с командования полком.

По свидетельству всё того же Ф. И. Елисеева, жена Врангеля находилась рядом с супругом, заведывая санитарной «летучкой»: «Небольшого роста, скромно одета. Они оба часто посещают станичную церковь и ходят даже к всенощной службе. Мы же посещаем церковь очень редко». Казаки, выходит, были не столь набожны, как барон и его супруга.

Не одобряли они и жестокие врангелевские меры против мародеров. Елисеев пишет: «Генерал Врангель издает строгие приказы и за грабеж повесил одного черкеса, тут же, на площади. Мы удивились этому: грабеж, может быть, и был, но мелкий; и черкес грабил того, кто его ограбил; и это было так естественно. К тому же это был черкес. Их большевики разорили целыми аулами. Так зачем же казнить?! Отнять жизнь у человека из-за мелкого грабежа у большевизанствующих же крестьян? Практичнее — отправить виновного на фронт. В гражданской войне, одним “сухим приказом” — не добьешься успеха». У рядовых и генералов была разная логика, и публичные казни мародеров не достигали своей цели. Казаки и солдаты сочувствовали жертвам подобных кампаний, а офицеры покрывали своих подчиненных. Кроме того, объективной причиной для мародерства служила постоянная нехватка в белых армиях продовольствия и теплой одежды. Врангелю не удалось искоренить мародерство ни тогда, в 1918-м, на Северном Кавказе, ни в 1920 году в Крыму, когда он уже стал главнокомандующим. Практичнее было бы не вешать уличенных в грабеже, а создавать из них своего рода «штрафные» роты и батальоны с обязательной отправкой на фронт в самые опасные места, чтобы мародеры искупили свою вину кровью. Такая мера помогла бы также очистить тылы от болтавших там бездельников. Однако ни Врангель, ни другие белые генералы ее никогда не применяли. Во-первых, это было не в традициях русской армии, где издавна практиковалось лишь три вида наказаний: телесные (для нижних чинов), арест и смертная казнь. Во-вторых — и это гораздо важнее — всегда существовала опасность, что «штрафники» перебегут к красным. Проблема организации охраны бойцов таких штрафных подразделений становилась трудноразрешимой, особенно учитывая малочисленность белых армий и ненадежность большинства их бойцов.

Елисеев описал и другой неудачный бой Врангеля: «...Рано утром 1 октября из штаба дивизии прискакал офицер-ординарец с приказанием от генерала Врангеля: “Корниловскому полку спешно, переменным аллюром, двигаться на станицу Михайловскую. Красные снялись ночью с позиций, оторвались от нас и отступили неизвестно куда”. Прочитав это, Без-

ладнов мрачно произнес “прос-спа-али...” и выругался грубо... В этот день наш полк прошел около 60 верст и не настиг отступавшую пехоту красных. И надо признать, что этот отход-маневр красных был хорошо продуман и отлично выполнен».

Федор Иванович описал одно из многих трагических недоразумений Гражданской войны, произошедшее на Синюхинском хуторе по дороге на станицу Урупскую:

«...К нашей колонне подошла мажара (телега. — Б. С.). С нее весело прыгнули человек 15 молодых казаков и заговорили с нами. Казаки нашего полка немедленно окружили их и стали расспрашивать — откуда и что? Все они были молоды, видимо, еще не служили, все довольно хорошо одеты по-станичному — в маленьких папахах, в темно-серых тужурках с лацканами на бортах войскового цвета, в шароварах с красными кантами, вправленных в сапоги. Одеты были так, как казаки идут “на станицу”, т. е. в центр станицы по каким-нибудь делам в полурабочем, полупраздничном костюме. Некоторые в ватных бешметах. И только один был среди них старый казак лет 35, с небольшой черной бородкой, подстриженной “по-азиатски”. Конвоирующий их казак подъехал к нам, ко всей группе офицеров Корниловского полка, и подал записку. По положению полкового адъютанта я беру ее, разворачиваю и читаю вслух:

“В подсолнухах захвачено 15 скрывавшихся казаков красной армии из станицы Константиновской, которых и препровождаю. Командир 1-го Уманского полка полковник Жарков”. И поперек этого донесения читаю надпись: “В главные силы. Расстрелять. Генерал Врангель”.

Все слышат последние слова и словно не понимают: кого расстрелять? и за что?

— Это явное недоразумение, — говорю я Безладнову. — Его надо выяснить... это ошибка, — продолжаю.

— Какая ошибка? — спрашивает, скорее, отвечает мне он. — Красные?.. Ну и... расстрелять! — добавляет Безладнов.

На эти слова своего командира полка сотенные командиры, пользуясь равенством в чине... заговорили сразу же все, что это есть ошибка, недоразумение, что генерал Врангель не разобрался, торопясь к авангарду, что время у нас есть, это не спешно и прочее. И вдруг мы слышим от Безладнова, что “никакого недоразумения нет, это пленные, это приказ, и если приказ, то какой же может быть разговор?”

Мы слушаем его и не верим своим ушам. Всё это показалось нам таким диким, что становилось страшно за могущий быть произвол. Вокруг нас казаки слушают наш, уже довольно крупный, разговор и молчат. Насторожились и пленные.

Они стоят тут же и всё слышат... Я беру себя в руки и начинаю действовать, чтобы спасти жизнь этих казаков. Донесение, по положению, находится в моих руках. Быстро подступаю к пленным и спрашиваю, кто они и как захвачены.

Наперебой, запальчиво отвечают, что они — казаки станицы Константиновской. Их вчера мобилизовали красные и насильно увезли из станицы; сегодня, когда завязался бой и красные отступили, они умышленно спрятались в подсолнечниках, чтобы не идти дальше с ними, и сами вышли к казакам; у них дома “закопаны” винтовки, все их в станице знают — “только справьтесь об этом, станица ведь недалеко!” — закончили они. Под полное одобрение всех офицеров и молчаливое созерцание казаков резко докладываю своему беспечному командиру полка, подчеркивая еще раз, что это ошибка и будет безумием расстрелять своих же казаков, таких же “белых”, как и мы.

— Я ничего не знаю. Мне приказано, и я исполню, — вдруг упрямо заявляет Безладнов, лежа на бурке.

Я смотрю на него и, еще не веря этим его словам, ищу еще что-то ему сказать особенно доказательного, чтобы внушить ему всю несуразность и жестокость его мышления.

— Да подождите хоть полчаса! Можно послать к генералу Врангелю офицера, чтобы выяснить всё это на месте! — совершенно не по-воински говорю ему, не как подчиненный ему офицер и его полковой адъютант, а говорю “как человек” и как равный с ним в чине. А Безладнов отвечает мне уже решительно:

— Мне приказано, и я — исполню!

И на все мои доводы — вдруг говорит “о святости приказа начальника”. Тут я уже не вытерпел. И, передавая ему этот трагический листок донесения полковника Жаркова с резолюцией генерала Врангеля, заявил:

— Ну.. действуйте теперь Вы сами... а я отхожу от этого дела.

Передав донесение — отошел в сторону, тяжело дыша. Мое такое заявление произвело впечатление на офицеров полка. Сотенные командиры заявили Безладнову: чтобы не было поклепа на один Корниловский полк за расстрел своих же казаков, они просят разделить пленных пополам, между нашим и Черкесским полком, и пусть каждый полк расстреливает “свою половину”. Конечно, это не был даже и соломонов суд...

Услышав это, пленные казаки побледнели. Какой-то длинноротый старик упал на колени в их кругу, поднял глаза к небу, заплакал старчески и начал широко креститься. Эту картину, по своей жути, трудно описать. Пленных разделили пополам между полками и повели... Я еще не верил в это. Мне

казалось, что это был сон, и сон дурной. Но когда в тридцати шагах от нас раздались беспорядочные выстрелы, я быстро лег на землю лицом вниз, словно омертвелый... Через 5—10 минут слышу голос офицера, исполнившего приказание Безладнова. Прапорщик из урядников-пластунов, неискушенный человек, мешая русский и черноморский языки, он докладывал, что “насылу рострэлялы... у козакив дуже тряслысь руки...”.

Выполняя последний долг христианина, я пошел посмотреть на несчастных. Они распластаны в густой крови, еще не остывшей. Вокруг них стоят казаки-корниловцы и тупо смотрят на трупы, а что думают они — неизвестно. 15 казачьих трупов валялись в беспорядке у западной околицы хутора Синюхина, а в 15 верстах от них, за пригорком — живым укором отчетливо видна была колокольня их Константиновской станции, в которой были их дома и где жили их родители, братья, сестры, жены. Они больше уже никогда не увидят их.

Подвода, на которой были привезены пленные, сиротливо стояла тут же.

— А где же возница? — спросил кто-то.

Высокий сухой мужик-подводчик лет семидесяти, также мобилизованный в подводы, тот, что молился Богу, ничего не зная, стоял с пленными. Его машинально включили в группу и... также расстреляли. На биваке полка наступила жуткая тишина, словно перед грозой. Казаки разошлись по своим сотням, а мы, офицеры, ушли всяк в свои думы-мысли».

(Надо добавить, что отдавший приказ о казни пленных Владимир Арсеньевич Безладнов, будучи уже войсковым старшиной и командиром Корниловского конного полка, был захвачен красными в плен во время улагаевского десанта на Кубань в августе 1920 года и расстрелян.)

Вероятно, эта жестокость по отношению к пленным, только что мобилизованным красными, объяснялась тем обстоятельством, что Врангель в Константиновской чуть не попал в плен, а несколько казаков, оказавшихся в руках у красных, были зверски убиты. Офицер-артиллерист 1-й конной дивизии Сергей Мамонтов описывает этот бой:

«Мы стояли два дня в Константиновке (в станице Константиновской. — Б. С.). Наши офицеры играли в карты и редко выходили наружу... На третий день я поил в конюшне лошадей, когда услышал выстрел, еще и еще. Я вышел на двор, и около меня цыкнула пуля. На краю плоскогорья стояла цепь, очевидно, красные. Стрельба усилилась. Мешкать было нельзя. Я оседлал всех лошадей, проклиная наших в хате, ничего не слышащих. Потом вихрем ворвался в хату.

— Красные!

Все вскочили, стали спешно одеваться и собирать вещи. Очень обрадовались, увидя оседланных уже лошадей. Стреляли уже по всему селу. Мы бросились в парк. Ездовые запрягли. Дивизия скорей выкатилась, чем вышла из Константиновки. Штаб Врангеля выскочил полуодетым. Несколько казаков попались в плен. Когда назавтра мы снова заняли Константиновку, то нашли их изуродованные трупы. Это очень озлобило людей, и пленных расстреляли».

В мемуарах Врангель о расстреле пятнадцати казаков из Константиновской не упомянул — за малозначительностью происшествия (если только об этих несчастных не говорилось в той восьмой части текста, которую барон сократил перед публикацией и завещал уничтожить).

В данном случае расправа, несомненно, была спровоцирована убийством красными в Константиновской нескольких пленных. Врангель, не разобравшись, в свою очередь приказал расстрелять взятых под Константиновской полтора десятка казаков, мобилизованных красными. Вряд ли он в этот момент подумал о том, что они никак не могли участвовать в убийстве пленных. Наверняка это сделали гораздо более опытные таманцы из иногородних, для которых кубанские казаки были давними врагами. Казнь же этих пятнадцати несчастных, которые только и думали, как бы поскорее возвратиться к своим семьям, несомненно, очень скверно повлияла на настроение казаков. По сути, Врангель в тот раз расстрелял 15 потенциальных бойцов своей дивизии. Ведь кубанские казаки все-таки охотнее служили белым, тогда как иногородние практически поголовно были на стороне красных.

Надо сказать, что во время первого кубанского похода и в начале второго в Добровольческой армии принято было расстреливать пленных. В Ледовом походе добровольцев было всего порядка четырех тысяч человек. Они не имели никакой возможности охранять сотни и тысячи пленных красноармейцев, а тем более вести их с собой к Екатеринодару. Мобилизовывать же красноармейцев Корнилов и Деникин опасались, считая, что они при первой возможности поголовно перебегут к противнику. Беда Добровольческой армии, да и всего Белого движения в целом, заключалась в том, что его вожди оказались не в состоянии выдвинуть сколько-нибудь привлекательной программы. Лозунг продолжения войны с Германией, с которым выступали Корнилов и Алексеев, способен был вдохновить пленных красноармейцев только на скорейшее дезертирство из Добровольческой армии. Обещание созвать в некоем неопределенном будущем, «после победы над большевиками», Учредительное собрание, которое и решит все акту-

альные вопросы — земельный, рабочий, национальный и прочие — не могло всерьез увлечь ни один слой населения. Неудивительно, что социальная опора белых была во много раз меньше, чем у красных.

Конечно, для основной массы крестьянства одинаково разорительно было присутствие и белых, и красных войск. Большинство крестьян стремилось уклониться от борьбы или пополняло многочисленные отряды «зеленых», чья программа сводилась либо к тому, чтобы пограбить вдоволь, либо к установлению «подлинной крестьянской» власти в пределах уезда или губернии. Однако у большевиков была на селе достаточно прочная социальная база в лице безземельных и малоземельных крестьян и батраков, которые составляли более 30 процентов всего крестьянства. Это был достаточно надежный контингент для пополнения Красной армии, причем этих бойцов можно было без больших проблем посылать за пределы своего уезда или губернии, ведь бедняков на «малой родине» ничего не держало, имущества у них почти не было. Красноармейский паек, жалованье и бесплатное обмундирование были для них достаточным стимулом. Кроме того, на стороне красных была масса неквалифицированных рабочих, а также рабочие средней квалификации с больших заводов. В условиях, когда многие предприятия вынуждены были сокращать производство из-за отсутствия сырья или платежеспособного спроса (даже сам этот термин потерял смысл в условиях «военного коммунизма»), это тоже был важный источник пополнения Красной армии; причем рабочих, как и крестьян-бедняков, можно было везти «давить контру» в любую губернию. Кроме того, на стороне большевиков оказались большие контингенты иностранцев, оказавшихся на российской территории в результате военных действий 1914—1917 годов: латышские стрелки, интернационалистские формирования из военнопленных — венгров, немцев, австрийцев, представителей югославянских народов, а также из китайцев. Последние в большом количестве появились в российских губерниях для проведения разного рода хозяйственных работ, замещая тех, кто был призван на фронт.

У белых социальная база была несравненно уже. Сюда можно отнести значительную часть — но отнюдь не подавляющее большинство — офицерства. Как показал историк С. В. Волков, из примерно 276 тысяч офицеров, состоявших в императорской армии в 1917 году, примерно 170 тысяч впоследствии служили в белых армиях, а от пятидесяти пяти до пятидесяти восьми тысяч были призваны или пошли добровольно в Красную армию и никогда не служили у белых. Кроме того, около

пятнадцать тысяч офицеров воевало в армиях возникших в результате распада Российской империи на ее окраинах национальных государств (Польша, Украины и др.). Еще 28—30 тысяч офицеров не принимали участия в Гражданской войне, что не избавило многих из них от красного террора. Надо также иметь в виду, что в Красной армии служили еще примерно 15 тысяч бывших белых офицеров, захваченных в плен, так что общее число офицеров, оказавшихся на стороне красных, можно оценить в 70—78 тысяч.

Около 62 процентов от общей численности российского офицерского корпуса — 170 тысяч человек — служили в белых армиях. Цифра выглядит внушительно. Однако подавляющее большинство офицеров, числившихся в белых армиях, на самом деле обретались в тылу и большого вклада в повышение боеспособности белых армий не вносили, хотя это и не избавило их от красного террора. По оценкам того же Волкова, в рядах белых погибло 50—55 тысяч офицеров, в рядах Красной армии — более десяти тысяч офицеров. Примерно четыре тысячи офицеров были убиты в армиях национальных государств, а еще 20 тысяч, как ранее служивших у белых, так и не участвовавших в Гражданской войне, стали жертвами красного террора. В эмиграцию с белыми ушли 58 тысяч офицеров, а еще около пяти тысяч остались служить в армиях национальных государств (Польша, стран Прибалтики, Финляндии). Кроме того, эмигрировало пять-шесть тысяч офицеров, не участвовавших в Гражданской войне. В СССР осталось около 110 тысяч бывших офицеров царской армии. Мало кто из них пережил советские репрессии 1920—1922 и 1930-х годов (погибло более семидесяти тысяч человек).

Кроме офицеров в Белом движении участвовала часть интеллигентной молодежи, в основном из числа гимназистов и кадетов. Значительную часть белых армий составляли казачьи войска. Однако тут необходимы две оговорки. Во-первых, значительная часть беднейших слоев казачества сражалась и в Красной армии. Во-вторых, казаки упорно дрались только на своих войсковых землях и без большого воодушевления вели боевые действия за их пределами.

Интересно отметить, что на стороне белых выступала часть высококвалифицированных рабочих, в частности, большинство рабочих Ижевского и Воткинского оружейных заводов, составлявших одни из наиболее боеспособных частей армии адмирала Колчака. Но численность их была невелика и погоды они не делали.

Из иностранцев, очутившихся на территории Российской империи в результате Первой мировой войны, на стороне бе-

лых оказался, и то лишь в течение весьма короткого времени, лишь пятидесятитысячный Чехословацкий корпус. Однако после колчаковского переворота чехи перешли к нейтралитету, а закончили тем, что в январе 1920 года выдали Колчака вместе с золотым запасом красным повстанцам. Это еще раз демонстрирует результаты отсутствия политической гибкости у белых. Если же добавить, что большевикам достались подавляющая часть военных запасов царской армии (а к осени 1917 года они оказались весьма внушительными) и главные центры военной промышленности, то положение белых с самого начала Гражданской войны представляется почти безнадежным. Уравновесить гигантский перевес в ресурсах, который был у красных, могла только мощная поддержка белых извне. Однако Германия, первоначально помогавшая донскому атаману П. Н. Краснову, вскоре вышла из войны. Страны же Антанты довольно скупно снабжали белые армии вооружением и боеприпасами, поскольку не слишком верили в их победу. Союзные же войска оказались бесполезны. Измотанные в Первой мировой войне, они легко поддавались антивоенной агитации и отказывались сражаться против большевиков. В этих условиях спасти белых могло только чудо. И оно едва не случилось в 1920 году..

Врангель, кажется, только в начале 1920 года, в период агонии Вооруженных сил Юга России, понял, что одними военными средствами Гражданскую войну не выиграть и для победы нужны привлекательная для народа политическая программа и понятные лозунги. Он попытался осуществить такую программу в Крыму, когда уже было слишком поздно. Но осенью 1918-го у Петра Николаевича никаких идей по привлечению масс на сторону белых не было и пленных он предпочитал расстреливать.

Не исключено, что, расстреливая пленных в большом количестве (как мы увидим дальше, в других случаях счет шел на сотни), Врангель хотел «сродниться» с элитой Добровольческой армии — «первопоходниками», стать своим в их среде.

Но вернемся к тому несчастливому октябрьскому дню, когда произошло одно из наиболее драматических событий в жизни нашего героя — он едва не попал в плен к красным. Врангелевская же дивизия потерпела чувствительную и обидную неудачу. Елисеев вспоминал: «Вдруг прискакал казак со словесным приказанием от генерала Врангеля: “Бригаде спешно идти вперед. Наши отступают. Запорожцы потеряли даже свои два орудия” ... Выскочив на плато, полк встретил генерала Врангеля, шедшего нам навстречу совершенно одного и оглядывавшегося назад. Он приказал немедленно же полку

рассыпаться в лаву и двигаться вперед. И когда полк по скошенному полю, “по стерне”, выскочил на гребень — мы увидели далеко впереди себя хвост конницы красных, шагом отходящей к станице Урупской. Южнее нас, отдельными сотнями, продвигался вперед 1-й Запорожский полк».

Генерал Врангель так описывает случившееся:

«С рассветом 2-го октября преследование возобновилось. Противник, спеша к переправам, быстро отходил перед нашими частями... и заняли.

Закончив дела, часов около десяти, выехал на автомобиле на хутора Синюхинские. Я застал там линейцев (по мнению Елисеева, барон перепутал их с корниловцами. — Б. С.) и черкесов, расположившихся на привале. Лошади были заведены во дворы (Елисеев поправляет, что полки стояли на западной окраине хутора, на открытом выгоне. — Б. С.), люди пили чай. Мне передали донесение полковника Топоркова (командира 2-й бригады. — Б. С.). Он в шести верстах вел бой с прикрывающим переправу арьергардом противника. Я решил проехать туда. Полковник Топорков со штабом находился на артиллерийском наблюдательном пункте, на небольшом кургане. Тут же, за курганом, стояли два горных орудия, шагах в двухстах. За скирдами соломы расположились в прикрытие к батарее две сотни запорожцев. Впереди маячила лава.

Цепь противника залегла вдоль оврага, тянувшегося в 1500 шагах перед фронтом. Пули посвистывали, долетая до наших батарей. Я оставил автомобиль возле прикрытия и пешком, со старшим адъютантом капитаном Роговым и ординарцем, прошел к батарее. Расспросив полковника Топоркова об обстановке, я взял бинокль и только стал рассматривать позиции красных, как услышал крик: “Конница!”

Лава запорожцев, повернув, поскакала на батарею. За ней, из-за оврага, поднималась густая лава красной конницы. Командир батареи подал команду: “Беглый огонь!” Однако запорожцы продолжали скакать, преследуемые конницей противника. Было ясно, что на плечах казаков красные ворвутся на батарею. Раздалась команда “На-задки!”. Но было уже поздно: отдельные всадники проносились мимо нас.

Поддавшись общему бегству, стоявшие в прикрытии две сотни запорожцев поскакали в тыл. Я, полковник Топорков и другие офицеры пытались остановить скачущих казаков, но — тщетно. Всё несло неудержимо. Отдельные неприятельские всадники стали подскакивать к орудиям. Одно орудие опрокинулось. Я видел, как артиллерийский офицер выстрелил в одного из набросившихся на орудие всадников и как другой, наотмашь, ударил его шашкой. Окруженный несколь-

кими кавалерийскими всадниками — рубился полковник Топорков. Я бросился к своему автомобилю, но, к ужасу, увидел, что машина, работая на холостом ходу, стоит, врезавшись передними колесами в пахоту. Далеко впереди мелькали бросившие машину шофер и его помощник. Я побежал к кукурузному полю. Правей и левой меня скакали врассыпную казаки и бежали артиллеристы. Вокруг второго орудия шла свалка, раздавались выстрелы, сверкали шашки. Ко мне подскочил артиллерийский офицер — “Ваше превосходительство, возьмите мою лошадь!” Я отказался. Офицер настаивал, продолжая ехать рядом со мной. “Лошади Вашей я не возьму все равно. Скачите в хутор, ведите сюда линейцев и черкесов, а также мой конвой и моих лошадей!”

Офицер поскакал. Я продолжал бежать. Оглянувшись, я увидел трех всадников, скакавших ко мне. На ходу они нагнали какого-то бегущего солдата. Раздался выстрел, и лошадь одного из них упала. Остальные набросились на солдата. Я схватился за револьвер, но, к своему ужасу, увидел, что кобура пуста: накануне я подарил мой револьвер начальнику Черкесского отряда в обмен на поднесенный мне им кинжал и совсем забыл об этом. Шашки на мне не было. Я был совсем безоружным. В эту минуту правее меня показалась мчавшаяся во весь опор лазаретная линейка (повозка. — Б. С.). В ней сидели две сестры милосердия и лежал раненый офицер-артиллерист полковник Фок. Напрягши все силы, я пустился бежать за линейкой, нагнал ее и на ходу вскочил. Красные всадники стали отставать.

Отчаяние и злоба душили меня. Гибель батареи, бегство запорожцев, бессилие мое остановить казаков. Сознание, что мне доселе не удалось взять мои части в руки, поднимало в душе моей бурю негодования и горечи. Я всячески гнал лазаретную линейку и трепетно взглядывал вперед — помощь не приходила.

Наконец мы нагнали солдата, верхом на артиллерийском уносе. Взяв у него одного из коней, я верхом, на неоседланной лошади, бросив линейку, поскакал и вскоре встретил идущих на рысях линейцев. За ними шли черкесы. Развернув бригаду, я повел ее вперед. Противник сразу стал быстро отходить за свою пехоту. Он успел увести оба орудия и мой автомобиль, забрав с собой своих раненых, и догола раздеть оставшихся на месте боя трупы наших офицеров и солдат. Мы потеряли семь артиллерийских офицеров и несколько солдат-артиллеристов, зарубленных на самой батарее».

Набег совершили всего две сотни красной конницы. По мнению Ф. Елисеева, в этом трагическом эпизоде Врангель

был виноват сам: «Он распылял полки, а сам оставался в станицах, предпочитая выступления перед стариками на станичных сборах интересам фронта. Кроме того, в Гражданской войне, полной случайностей, нельзя командовать конной дивизией, разъезжая на автомобиле. Было нам о чем подумать тогда, слушая всё это от своих родных казаков освобожденной станицы!»

Свидетелем этого боя оказался и Сергей Мамонтов, состоявший в прислуге одного из тех двух орудий, что отбил у белых Кочубей. Он увидел барона таким: «С боем наша дивизия заняла большую станицу Урупскую. Генерал Врангель приехал на автомобиле и был торжественно встречен. Врангель выделялся большим ростом. Он носил русскую форму. Станичный атаман преподнес ему кинжал. Для ответного подарка Врангель отцепил свой револьвер и дал его атаману...»

Рассказ Мамонтова о красной атаке немного отличается от изложения Врангеля:

«На кургане собралось начальство. Приехал Врангель на автомобиле, оставил машину у наших вещевых повозок и пешком, большими шагами дошел до кургана. Я из любопытства подошел к кургану, чтобы посмотреть на Врангеля и послушать, что говорят старшие.

Один из офицеров сказал с удивлением:

— Странно... Почему наша лава возвращается?

Все схватились за бинокли.

— Да, странно... Переходят на рысь...

Шашки поблескивают на солнце...

— Да это вовсе не наши...

— Красные! Атака!

— К бою!

Красная конница была уже недалеко, она перешла на галоп. У нас началась паника. Я бросился к орудию. Мы выпустили два выстрела картечью и рассеяли конницу перед нами, но оба фланга нас захлестнули. Мы прицепили орудие на передок, но не имели времени поставить на низкую ось. Ездовые (Ларионов и Ранжиев) тотчас же тронули крупной рысью. В нашем орудии почему-то было только два выноса (4 лошади) вместо трех. Коноводы подали лошадей. Я еще не вполне отдавал себе отчета в опасности и был удивлен истерическим криком коновода:

— Берите лошадей... Да берите же лошадей, а то я их распушу!..

Я схватил повод Ваньки, но он стал крутиться как черт, мешая мне сесть в седло. Он подпал под общую панику. Наконец мне удалось сесть. Я огляделся. Пыль от наших выстрелов

еще не улеглась. Выстрелы, крики, кругом силуэты скачущих с шашками всадников. Наши исчезли...

Мы рассыпались в цепь и открыли огонь по красным. Мой карабин слабо щелкнул. Я открыл затвор — патронов не было, их у меня украли.

Вдали, сзади, нам на выручку шел черкесский полк. Впереди красные увозили наши две пушки.

В нашем 4-м орудии потерь не было. В 3-м же потери были. Пушка на высокой оси перевернулась. Все трое ездовых спрыгнули с лошадей и пустились бежать. Все трое были зарублены. Зарублены были еще трое офицеров, у которых почему-то не оказалось лошадей. Вырвались ли лошади? Не дали сесть? Или коновод их не подал? Это осталось невыясненным.

Вспоминаю как во сне: полковник Топорков, в пыли, поворачивает лошадь и взмахивает шашкой над толпой красных, очевидно, грабящих одного из наших убитых. Мало кто думал о сопротивлении. Все, как и я, бежали без оглядки. На наше счастье, красная конница состояла из матросов. Хоть и храбрые, они оказались плохими кавалеристами, неуверенно сидели в седле и плохо рубили. Этим объясняются наши малые потери. Будь на их месте настоящие кавалеристы, нам бы пришлось худо.

Наше 4-е орудие тоже опрокинулось. Ларионов, ездовой корня, спрыгнул, отстегнул вагу (железная скоба, к которой припрягаются передние выносы) и сел на круп к Ранжиеву...

Шофер Врангеля включил автомобиль, машина сделала прыжок и заглохла. Шофер выскочил из машины и пустился бежать. Врангель остался без автомобиля, без лошади и без револьвера, который он отдал вчера атаману станицы. Он побегал и, на свое счастье, наткнулся на наших ездовых.

— Солдатики, дайте лошадь! — крикнул он.

Ранжиев отстегнул подручную лошадь, и Врангель быстро на нее взгромоздился. Большой рост, золотые генеральские погоны и синие штаны с красным генеральским лампасом не ускользнули от внимания красных, и несколько конных пустились его преследовать. Но за лошадью Врангеля болталась вага, подпрыгивала на кочках и отпугивала лошадей преследователей. Так и Врангелю, и нашим ездовым удалось спастись.

Со следующего дня Врангель стал носить черкеску и ездить верхом. На боку его висел маузер, который он уже никому не дарил. В черкеске Врангель был хорош. Он напоминал немного Великого князя Николая Николаевича и был популярен среди казаков...

Это был единственный случай, когда мы в бою потеряли

две пушки. Больше терять в бою не пришлось. Случалось, что мы сами уничтожали орудия, но в бою больше не теряли».

По версии Мамонтова, Врангель сразу сел на ездовую артиллерийскую лошадь, не используя до этого в качестве транспортного средства санитарную линейку. Кто здесь более правдив, Мамонтов или Врангель, трудно сказать. Но вот насчет ваги, которая фактически спасла Врангеля от красных кавалеристов, Сергей Иванович вряд ли солгал — такую деталь выдумать трудно. Несомненно, долговязый Врангель на ездовой лошади без седла, да еще с болтавшейся сзади вагою, выглядел чрезвычайно комично. А санитарная линейка в том бою действительно присутствовала. Только ехал на ней не Врангель, а... его жена.

Сын барона Алексей Петрович пишет со слов матери:

«Ольга Врангель сопровождала мужа как медсестра полевого лазарета... В одну из таких ночей на окраине села раздались выстрелы — напали красные. В суматохе, не обращая внимания на свист пуль, выносили раненых и кое-как размещали их в повозках, запрягали лошадей. Опасаясь кровавой расправы над ранеными, пыток и насилия, большинство сестер носили с собой ампулы с ядом, чтобы принять его, когда не будет иного выхода.

Кто-то поскакал в ближайшую станицу, где находился Врангель со своим штабом. Взяв свой конвой и всех, кто был под рукой, Врангель поспешил на помощь».

Самой Ольге Михайловне этот драматический эпизод запомнился так:

«Подъехали казаки, Петруша остановил лошадь; вокруг свистели пули. Перейдя на французский, чтобы не поняли казаки, он отчитывал меня, недвусмысленно дав понять, что у него и без того хватает дел, чтобы еще волноваться за судьбу своей жены. Видимо, от пережитого волнения трагическая ситуация повернулась ко мне своей комической стороной: красные, пули, раненые, скачущие казаки — и среди этого ада мой муж, беседующий со мной по-французски. Я рассмеялась. Взбешенный, он повернулся и ускакал».

В мемуарах об этой стычке с женой Врангель писать не стал. Ольга Михайловна с тех пор по настоянию мужа работала только в тыловых госпиталях.

Наверное, в глубине души Петр Николаевич понимал, что в произошедшей неудаче виноват он сам. Действительно, в отсутствие окопов, сплошной линии фронта и сильного артиллерийского и пулеметного прикрытия, неприятельская конница имела большие возможности для маневра и могла внезапно атаковать в любой момент. Предотвратить неблаго-

приятное развитие событий можно было, только держа собственную конницу собранной в кулак, чтобы в случае угрозы быстро перебросить основные силы дивизии на опасное направление. В Гражданской войне главным был не захват территории, а уничтожение живой силы противника. Эффективно контролировать большое пространство малочисленные белые армии всё равно не могли. Врангель же сначала пытался по привычке захватывать сразу все стратегические пункты. Это приводило к распылению сил и досадным неудачам. Но вскоре он вполне освоился с особенностями тактики кавалерии в Гражданской войне и достиг громких успехов.

Постепенно всё вошло в привычное русло. Елисеев замечает: «Забыты неприятности “синюхинского дня”, расстрел пленных казаков, и полковая жизнь вошла в свою колею. Не спросил о них никогда и генерал Врангель». Подъесаулу Безладнову не помогла ретивость в расстреле пленных:

«На рысях полк идет к восточной околице станицы. К удивлению, видим, там уже стоит наш штаб дивизии. Генерал Врангель, чем-то сильно взволнованный, сильно разцукал Безладнова “за опоздание”. На доклад последнего, что приказ о выступлении получен с опозданием, генерал Врангель повышенным тоном буквально выкрикнул, и очень зло, “молчать!” и пригрозил отрешить его от командования полком, вручив тут же ему лично отпечатанный приказ по дивизии со строгим выговором “за опоздание”.

— И когда это он успел отпечатать приказ с выговором мне? — как-то флегматично и удивленно, с черноморским юмором, спросил Безладнов меня.

Улыбаясь, я вспомнил, как генерал Врангель прищуривал глаза в станице Петропавловской, выслушивая разные резкости Безладнова. И прищуривал он их, скрывая свое неудовольствие. И бывшие будто ласковые взаимоотношения Врангеля и Безладнова сразу же прекратились. Но офицеры полка, с полным сочувствием за несправедливость, стали на сторону своего командира. Врангель всё же отомстил Безладнову...»

Вскоре Врангель снял Безладнова с командования полком за то, что при выходе из станицы Бесскорбной он приказал казакам дать салют — залп из винтовок в воздух, хотя генерал скомандовал выйти незаметно. Петр Николаевич умел избавляться от не сработавшихся с ним подчиненных и делал это весьма искусно, так что для увольнения опальных командиров всегда находились весомые причины.

Полковник Елисеев приводит еще один случай с перебежчиками — двумя сотнями мобилизованных красными и перешедшими на сторону Корниловского конного полка казаков:

«Успокоенные и ободренные нами, они остались при полку. Полк сразу же пополнялся на одну треть своего состава. Все были довольны, в особенности командиры сотен, что их ряды увеличивались. Немедленно отправили донесение в штаб дивизии. Наутро было получено приказание от генерала Врангеля — “всех красных казаков немедленно прислать под конвоем в штаб дивизии”. Что с ними там случилось, мы не узнали, но в наш полк никто из них не вернулся». У Федора Ивановича были серьезные опасения, что, по крайней мере, часть казаков расстреляли. Это еще раз доказывает, что тогда Врангель больше думал о том, как покарать казаков, служивших у красных, чем о привлечении их на свою сторону.

По воспоминаниям Елисеева, 11 октября красные перешли в наступление и выбили все три полка из Бесскорбной — Корниловский, Екатеринодарский и Черкесский. Станица несколько раз переходила из рук в руки. 17 октября дивизия Врангеля была оттеснена за реку Уруп. А за три дня до этого Таманская армия красных под командованием Е. И. Ковтюха взяла Ставрополь.

Как раз в эти дни Врангель надел свою знаменитую черкеску, которой остался верен до самой смерти. Елисеев передал забавные детали:

«18 октября, с утра завязался бой на подступах к Урупской. Красные, спустившись вниз, перерезали дорогу Урупская—Бесскорбная. Пеший бой вел только Корниловский полк... В самый разгар боя, неожиданно из-за бугров, с юго-востока, под огнем красных, пешком, в сопровождении только своего адъютанта-кавалериста явился генерал Врангель. Оба они в гимнастерках, в фуражках, при шашках и револьверах. Бабиев доложил боевую обстановку. Врангель спокоен, улыбается и потом, с явным приятным расположением к Бабиеву, как-то наивно стал рассматривать его — как он одет? И рассматривал его так, как рассматривает подруга подругу, увидев на ней новое модное платье. И, налюбовавшись, вдруг спрашивает:

— Полковник! А где Вы заказывали свою черкеску?

И по боевой обстановке, и по существу вопроса это было очень странно.

— Да еще в Тифлисе, Ваше превосходительство! — козырнув ему, отвечает Бабиев, стоя перед ним в положении “смирно”.

— Не беспокойтесь... держите себя свободно, полковник. Я так люблю кавказскую форму одежды, но в ней мало что понимаю, почему и присматриваюсь к другим — кто и как одет? Я ведь приписан в казаки станицы Петропавловской. Станица подарила мне коня с седлом. Теперь я хочу одеть себя в черкеску. Но чтобы не быть смешным в ней — вот я присматрива-

юсь, чтобы скопировать с кого. Вы так стильно одеты... — говорит он, ощупывает качество “дачкового” сукна черкески и “щупает” глазами его оружие. Бабиев на его комплименты вновь откозырнул.

Разговор хотя и был неуместным по боевой обстановке, но он нам обоим понравился. Мы поняли, что у Врангеля “есть душа”, что с ним можно запросто говорить. Что он “живой человек” со всеми человеческими страстями и недостатками, но не сухой формалист — генерал, начальник, к которому “не подступиться”».

Врангель переделся в казачий костюм, чтобы быть ближе к казакам, чтобы они считали его своим. Но в бароне жил щеголь-гвардеец. И даже в боевых условиях он хотел добиться того, чтобы выглядеть в черкеске как можно элегантнее, потому-то и допытывался у полковника Н. Г. Бабиева об особенностях казачьей моды.

Этот вопрос волновал Врангеля и в дальнейшем. В конце 1918 года поправлявшийся после ранения Елисеев встретил барона в Кубанском войсковом офицерском собрании в Екатеринодаре:

«Вижу генерала Врангеля в папахе и серой черкеске. По записной книжке он перечислял какому-то генералу в штатском костюме количество трофеев, захваченных его казаками. Имея костыль под правой мышкой, левой рукой отдал ему честь. Врангель знал меня лично и коротким поклоном головы с улыбкой ответил мне на приветствие.

От нечего делать, опираясь на один уже костыль, тихо иду по Красной улице. Вдруг кто-то длинной рукой охватывает меня за талию. Оборачиваюсь и вижу генерала Врангеля.

— Как здоровье, подьесаул? — очень ласково спрашивает он и добавляет немедленно же: — У Вас очень красивый покрой черкески... где Вы ее шили? Я очень люблю казачью форму и всё присматриваюсь, на ком и как сидит черкеска, чтобы одеваться соответственно. Я еще очень мало понимаю в черкеске».

Елисеев считал, что Петр Николаевич по-особому относился к казачеству: «Не касаясь политики, надо сказать, что генерал Врангель был человек не злой, общительный. Он очень любил кубанских казаков как воинов и смотрел на них похвально только с этой стороны, мало зная их станичную жизнь, их семейственность, их психологию как земледельцев. Он очень любил полки своей 1-й конной дивизии, и, не хвалясь, Корниловский полк под командованием молодецкого, храброго, всегда веселого и воински отчетливого полковника Бабиева радовал его душу больше, чем другие полки. Цен-

ность каждой строевой части, да и всякого дела, зависит исключительно от личности, которая это дело возглавляет».

Однако Врангель хотя и командовал кубанскими казаками, не считал их вполне надежными для Белого дела. Его не оставляла мысль о формировании регулярных кавалерийских полков, не связанных с казацкими вольностями и обычаями, с их традиционной «самостийностью». В мемуарах Петр Николаевич писал:

«В одну из... комиссий по изучению организации конницы попал и я. Созданию мощной конницы в условиях настоящей войны, где маневр играл первенствующую роль, я придавал огромное значение. Зная казаков, я в полной мере учитывал, что, по освобождении казачьих земель, они неохотно примут участие в дальнейшей нашей борьбе, и считал необходимым безотлагательно озаботиться восстановлением частей регулярной конницы. Большое число офицеров-кавалеристов оставались без дела или служили в пехотных частях сплошь и рядом рядовыми. Ценнейшие кадры лучшей в мире конницы таяли. Между тем оттого ли, что среди лиц штаба, начиная с Главнокомандующего, за немногими исключениями, большинство было пехотными офицерами, к мысли о необходимости создания регулярных кавалерийских частей верхи армии относились не только безразлично, но явно отрицательно.

Я подал отдельную докладную записку, в коей, настаивая на необходимости безотлагательно приступить к воссозданию регулярных кавалерийских частей, указывал в видах успешного проведения этой мысли в жизнь создать особый орган — инспекцию конницы. Внесенная в комиссию моя записка была поддержана всеми членами комиссии единогласно. Записка была передана генералу Романовскому, однако и по этому вопросу определенного ответа получить не удалось».

Тогда Врангель стал формировать регулярную кавалерию самостоятельно в своей 1-й конной дивизии. Он вспоминал: «В двадцатых числах сентября прибыла ко мне группа офицеров-кавалеристов, большей частью бывших офицеров Ингерманландского гусарского полка. Из офицеров-кавалеристов я сформировал при дивизии ординарческий взвод. Впоследствии мне удалось его развернуть и он послужил ядром к восстановлению Ингерманландского гусарского полка».

В принципе, идея Врангеля была здравой. Не являлось секретом, что казаки не слишком охотно воюют за пределами своих областей, а другой кавалерии в Добровольческой армии почти не было. Формирование регулярной кавалерии казалось выходом из этого положения. Наконец-то у командова-

ния появится мощная подвижная сила, которую смело можно будет двинуть хоть на Москву.

Но для формирования регулярных кавалерийских полков требовались кавалеристы, притом не только офицеры. А таких, за исключением казаков, в распоряжении командования Добровольческой армии практически не было. В царской армии основу регулярной кавалерии — драгунских, гусарских и уланских полков — составляли иногородние казачьих областей, сызмальства привычные к лошадям. Однако практически все иногородние в Гражданской войне оказались на стороне красных. Немало их было в противостоявшей дивизии Врангеля Таманской армии. Но и прочие кадры царской регулярной кавалерии — украинские крестьяне и русские крестьяне центральных губерний и Поволжья — также были либо на стороне красных, либо в отрядах многочисленных атаманов анархической ориентации. Интеллигентная молодежь, служившая в Добровольческой армии, в большинстве с лошадью дела никогда не имела. Поэтому так называемую регулярную кавалерию приходилось пополнять главным образом теми же донскими, кубанскими и терскими казаками, хотя офицеры в ней зачастую действительно были из старых конных полков императорской армии.

На практике формирование регулярной кавалерии иногда выливалось в почти анекдотические случаи. Один из них рассказывает Елисеев:

«На фронте было принято: проходя всякую воинскую группу, спрашивать — какая часть? или — какой полк? Бабиев любил спрашивать громко и на черноморском языке.

— Якого полка? — крикнул он в темноту.

Так как из пяти казачьих полков 1-й конной дивизии четыре были черноморских, то к казакам в подобных случаях, в темноте, чтобы “родным языком” сразу же сказать им о себе, что идут свои же казаки, все офицеры обращались именно с этими словами, по-черноморски.

Бабиев хотя и был исключительным и “правоверным линейцем”, но ему очень нравились казаки-черноморцы, и он мог сказать несколько слов на этом, для него трудном, черноморском наречии.

— Ынгыр... гыр-гыр-дыр... та чорти — якогось Ынгырланського драгунського!.. — ответил ближайший казак в темноте.

Бабиев был в восторге и весело расхохотался».

Сам «казакоман» Бабиев был очень дисциплинированным офицером, далеким от неуместной критики начальства, отдающим должную дань русской кавалерии и кавалерийским

офицерам, находившимся при генерале Врангеле. Но и его всё же возмущало, во-первых, что в штабе дивизии не было ни одного офицера-казака; во-вторых, что от полков требовалось бесчисленное количество конных вестовых ко всем офицерам-кавалеристам, состоявшим при штабе дивизии, и часто — строевые казачьи лошади с седлами; в-третьих, что бойцы для формирования Ингерманландского гусарского полка отнимались из других полков. До сотни казаков там было для разных назначений, тогда как сотенные командиры дорожили буквально каждым казаком в строю. А главное, штаб дивизии требовал от полков «лучших казаков». Конечно, таковых им не давал ни один полк. Посланных возвращали обратно, с приказом «заменить лучшими», но им посылались вновь «як нэ Иван, то Дэмьян»...

Елисеев вспоминал:

«Это была настоящая война между штабом дивизии и полками — долгая, непримиримая и постоянная. И побеждали, обыкновенно, сотенные вахмистры, которые назначали казаков...

Конечно, всё это было хорошо и естественно, если бы этот полк формировался из солдат, оставив в покое казаков, и не ослаблял бы полки. Но в этом-то и было главное зло, что всё ложилось на казаков.

Казаки не хотели идти туда. И не хотели по психологическим причинам. Как ни странно — у казаков и офицеров-кавалеристов не было никакого “общего языка”. Кавалеристы совершенно не умели говорить с казаками. У нас всех казаков называли на “ты”, по фамилии, иного и по имени — Пэтро, Грыцько, а не зная — кричишь порой так: “Эй, козаче! хлопче! давай коня!” — и казак, услышав это, быстро выполняет приказание.

Там же, при штабе дивизии — было совсем иное. Кавалеристы не знали, говорить ли казаку “Вы” или “ты”. Больше называли на “Вы”, что для рядового казака было тогда странно и отчужденно. Фамилии же казачьи они плохо запоминали. Да и как их можно было запомнить, такие “странные”, как, например, Нидилько, Шрамко, Супоня, Мамрак, Индыло...

Второпях кавалерист требует свою лошадь. Фамилию казака, конечно, не помнит, и он выкрикивает:

— Эй, казак! вестовой! да давайте же мне, наконец, мою лошадь! — возмущенно кричит он. И казак только по внешности офицера видит, что это его барин. И он с досадой за слово “вестовой”, словно “лакей”, лениво подводит ему коня, а сам думает: “Хай бы вин тоби здох...”

Все прибывающие офицеры-кавалеристы, конечно, были

без лошадей и без седел. Где же их было достать? Да, конечно, опять-таки в полках... И самое благое начинание генерала Врангеля — формировать кавалерийский полк — вносило только неприятности в дело, в жизнь, и портило взаимоотношения».

В итоге получалось, что «регулярные полки» были еще менее боеспособными, чем казахи. В них существовало противостояние рядовых казаков и армейских офицеров, что ухудшало сплоченность полков; да и сами казаки здесь были далеко не лучшими представителями войска, поскольку сотенные командиры, поставленные перед необходимостью отдать своих людей, разумеется, старались избавиться от худших бойцов. Естественно, казаки регулярных полков ничуть не больше, чем в собственно казахских частях, желали сражаться за пределами своих земель. Поэтому с выходом за пределы казахских областей начиналось массовое дезертирство, а то и переход к красным из-за конфликтов с офицерами.

Федор Иванович Елисеев вспоминал, как офицеры дивизии критиковали своего начдива, хотя и полюбили его:

«Нам всем так наскучило безрезультатное хождение “по Урупу”, переход за Уруп и обратно, что и Науменко, и Муравьев, и Бабиев, уйдя из станицы Бесскорбной на север, за гребни, скрывшись из глаз генерала Врангеля, решили передохнуть, точно выяснить боевую обстановку и уж тогда действовать. А чтобы все были “в курсе дела”, Науменко собрал вокруг себя командиров полков и всех командиров сотен, и мы все лежим под бугорком, слушаем старших. Командир 1-го Екатеринодарского полка полковник Муравьев резко критикует генерала Врангеля: что мы все время “толчемся на месте”, действуем разрозненно вместо того, чтобы собрать всю дивизию “в кулак” и ударить на красных в одну точку, прорвать их фронт и потом бить по частям.

Полковник Бабиев молчит, но видно, что и он разделяет взгляд Муравьева, но как молодой полковник и только недавно принявший полк — он молчит. Командиры сотен, на которых ложилась основная боевая работа, полностью находятся на стороне Муравьева. Полковник Науменко очень ласково успокаивает Муравьева, но по тому, как он улыбается, также видно его сочувствие словам не всегда сдержанного Муравьева. Во всяком случае, сейчас, здесь собралась чисто строевая среда офицеров, которые думают однородно. И так как полковник Науменко являлся старейшим офицером 1-й конной дивизии, который допускал свободно выражать свое мнение подчиненным, чтобы лучше быть в курсе всякого дела, то вот ему это мнение и выражали».

В этот день, 21 октября, три полка лихой атакой в конном строю опрокинули цепи красной пехоты и захватили 1500 пленных — только что мобилизованных казаков и иногородних. Все они выразили желание служить в 1-й конной дивизии. Пленных отправили в штаб. Врангель был очень рад успеху и на этот раз всех пленных истреблять не стал, ограничившись лишь уничтожением командного состава. Он писал в мемуарах: «Я решил сделать опыт укомплектования пластунов захваченными нами пленными. Выделив из их среды весь начальствующий элемент, вплоть до отделенных командиров, в числе 370 человек, я приказал их тут же расстрелять. Затем объявил остальным, что и они достойны были бы этой участи, но что ответственность я возлагаю на тех, кто вел их против своей родины, что я хочу дать им возможность загладить свой грех и доказать, что они верные сыны отечества. Тут же раздав им оружие, я поставил их в ряды пластунского батальона, переименовав последний в 1-й стрелковый полк, командиром которого назначил полковника Чичинадзе, а помощником его полковника князя Черкесова».

Между тем Ф. И. Елисеев так описывал этих пленных: «Их оказалось два полка, численностью в обоих чуть выше 1500 человек. Казаки!.. Казаки!.. Сомнений не было ни у кого, но война есть война: всех их, под небольшим конвоем, препроводили в Бесскорбную, в штаб дивизии. Генерал Врангель был в восторге и ликовал... Полки быстро окружили пленных и... не поверили своим глазам: пленные почти полностью состояли из казаков и иногородних пройденных станиц Лабинского полкового округа. Как оказалось потом, все они были мобилизованы, при отходе по этим станицам, Таманской красной армией. Они были так рады, что мы их атаковали, и совсем не считали себя “пленными”, прося сейчас же вступить в бой с красными. Из толпы пленных слышались веселые казачьи остроты и радость встречи со своими казаками. Они были очень богато снабжены патронами и табаком, чего в наших полках совершенно не доставало. Они щедро раздают их своим победителям. Одеты же они были как попало — кто в ватных бешметах, кто в полушубках, кто в шинели. На ногах рабочие “чирики”, кто в опорках, кто в солдатских ботинках и редко кто в сапогах. Но зато большинство было в своих черных потертых казачьих папахах. Командный состав был больше свои же люди». Расстрел 370 несчастных был совершенно излишен, так как и они все готовы были встать в ряды белых.

Елисеев утверждает, что начальник дивизии к успеху не был причастен: «Конная атака прошла не по приказу генерала Врангеля, а по обстановке и распоряжению полковника На-

уменко. Я не помню, была ли с нами артиллерия, но если и была, то она огонь не открывала, так как он и не был нужен».

Наступление 1-й Корниловской конной дивизии продолжилось 24 октября. Елисеев вспоминал этот эпизод, отмеченный, в частности, первым появлением Врангеля перед войсками в новом казачьем обмундировании:

«Полки поднялись на плато. Дул холодный ветер. В природе было неуютно. Издали мы увидели длиннейшую линию красных обозов, которые двигались со стороны Армавира на Ставрополь. По бокам обоза шла гуськом их пехота. Возможно, что это шла сама армия на подводах.

Пылкий Бабиев, опьяненный боевыми успехами последних дней, сразу перевел полк в аллюр рысью, построив его во взводную колонну. Бригадой никто не руководил. С левой стороны, шагов на сто, коротким наметом, наш полк обгонял генерал Врангель. В бурке, в черной косматой папахе, на подаренном кабардинце станицы Петропавловской, вперив взгляд вперед, скакал он к очень высокому остроконечному кургану в направлении станицы Убеженской. Мы впервые видим его в нашей кубанской форме одежды. Бурка, косматая папаха и его остро устремленный взгляд вперед делали его немного хищным, даже похожим на черкеса, и если бы не низкий кабардинец под ним, не соответствующий его высокому росту, вид его, как кавказца, был бы правилен и хорош.

Левее его и чуть позади скакал наш командир бригады полковник Науменко. За ними — до взвода казаков-ординарцев. По всему видно было, что Врангель не был в курсе боевой обстановки и торопился к высокому кургану, чтобы с него осмотреться и потом уже действовать. Линия красных обозов с войсками тянулась сплошной лентой с запада на восток, насколько хватал человеческий глаз. Атака для конницы, безусловно, была очень заманчива».

Однако атака не удалась, а Елисеев был ранен в плечо. Его эвакуировали в село Успенское, где находилась дивизионная санитарная летучка, над которой начальствовала жена Врангеля, которая сама его перевязывала. Но вскоре Врангель настоял на отъезде Ольги Михайловны в Екатеринодар.

Армавир был взят конниками Врангеля и частями генерала Б. И. Казановича. Они захватили три тысячи пленных и массу пулеметов. Врангель вспоминал: «На рассвете 26 октября я с корниловцами и екатеринодарцами, переправившись через Кубань, спешно двинулся к Армавиру, одновременно послав приказание полковнику Топоркову также идти туда. Сильнейший ледяной северный ветер временами переходил в ураган. Полки могли двигаться лишь шагом. Плохо одетые казаки

окончательно застыли. Около полудня наши обе колонны почти одновременно вошли в соприкосновение с противником, последний, уклоняясь от боя, бросился на северо-восток, здесь был перехвачен частями полковника Топоркова и жестоко потрепан. Угроза Армавиру была устранена, и я приказал отходить на ночлег полковнику Топоркову в хутора Горькореченские, полковнику Науменко к станице Убеженской. Сам я проехал в Успенское».

Правда, этот пассаж был подвергнут Елисеевым уничижающей критике: «Здесь, видимо, спутаны даты. Корниловцы и екатеринодарцы из села Успенского выступили на правый берег Кубани 24 октября, но не 26-го. Если 22 октября “разбитый противник бежал”, как пишет генерал Врангель... то победные Корниловский и 1-й Екатеринодарский полки не могли же оставаться в ничегонеделании в селе Успенском ровно три с половиной дня... 1-я конная дивизия всё время действовала разрозненно, а полковник Топорков со своими полками — запорожцами и уманцами — действовал просто изолированно от дивизии. Мурзаев также... все три бригады дивизии действовали не только что в различных, но прямо в противоположных направлениях. После неудачной атаки Корниловского полка 24 октября оба полка, в тот же день, к ночи, вернулись в село Успенское, но не в станицу Убеженскую, до которой не дошли. Неприятно звучит и фраза, что “полки могли двигаться лишь шагом”. Конский состав тогда в полках был достаточно хорош, так как вся дивизия шла походом по своим родным станицам с богатым и гостеприимным населением и всего было вдоволь как для казаков, так и для лошадей. Не соответствует действительности и то... что “плохо одетые казаки окончательно застыли”. В полку у Бабиева “не застынешь”... Да и в остальных полках так же. Боевой дух казачества в то время был очень высок. В психологии и офицеров, и казаков война шла освободительная, полная порыва, как и необходимости. Не ослабляло этих качеств у казаков порою не совсем умелое боевое руководство».

Федор Иванович, несомненно, пристрастен к Врангелю. Он чувствовал в бароне чужака, хоть тот формально и был принят в состав Кубанского казачьего войска. Кроме того, в его воспоминаниях чувствуется как раз та «окопная правда», которая обычно противостоит генеральским мемуарам. Обычно боевые офицеры лучше знают конкретную обстановку и детали боев на своем участке, чем начальник дивизии и тем более командир корпуса или командующий армией. Неслучайно Елисеев подчеркивает: «Мое описание многих боев расходится с описанием их генералом Врангелем. Он всё “обобщает”, но

не дает реальных картин боев». Правда, «окопники» обычно не посвящены в более широкие стратегические замыслы начальства. Однако приходится признать, что в большинстве случаев оказывается прав Елисеев, а не Врангель.

После взятия Армавира барон торжествовал: «Чувство победы, упоение успехом мгновенно родило доверие к начальнику, создало ту духовную связь, которая составляет мощь армии. С этого дня я овладел моими частями, и отныне дивизия не знала поражений».

Армавирских пленных Врангель решил влить в свою дивизию.

С подчиненными ему казаками и особенно с офицерами Врангель нашел общий язык. А вот говорить с народом у него не получалось. Подъесаул Сменов поделился с Елисеевым впечатлением от речи начдива: «“Фед-дя-а!.. дорого-ой! ты знаешь, где я был?” — были первые его слова. И тут же возбужденно продолжает: “Генерал Врангель приказал согнать всех мужиков на площадь у сельского правления и держал к ним речь. Даже я не понял, что он говорил, а мужики, стоя без шапок, только чесали в своих затылках. Вот где может быть наша гибель”, — покрутив головой, закончил он и не стал передавать мне содержание речи Врангеля».

Петра Николаевича беспокоила судьба родителей, о которых он долгое время не имел вестей. В конце октября 1918 года Врангель писал жене: «Получил письмо от мамы от 28 сентября — крик отчаяния, нельзя читать без содрогания. Умоляет ее вытащить из Питера, исхлопотать пропуск у Скоропадского через Бибиковых и проезд в Державном поезде в Киев, а оттуда в Крым. Я в отчаянии, здесь сделать ничего не могу...» Барон не знал, что к тому времени его отец уже благополучно перебрался в Финляндию. А вот мать перевезти из Петрограда на Украину тогда не удалось — режим Скоропадского доживал последние недели. Мария Дмитриевна смогла выбраться из красного Петрограда уже после того, как ее сын стал видной фигурой Белого движения.

Теперь у Добровольческой армии впереди был Ставрополь, где вновь отличилась врангелевская дивизия. Генерал А. Г. Шкуро вспоминал: «Внезапным налетом Врангель овладел монастырем к югу от Ставрополя, недалеко от города. Это послужило сигналом для красных. Прорвав фронт генерала Улагая (2-я Кубанская дивизия) и генерала Боровского, они пустились в отступление главными силами именно в тех направлениях, которые я предполагал: на Святой Крест и Благодатное. Отдельные же их отряды искали спасения во всех направлениях. Часть бросилась и в астраханские степи. Врангель ворвался в Ставрополь и с боем на улицах овладел им».

«Мы выступили очень рано из Марьевской и шли лесом часа полтора, — описывал бой за Ставрополь Сергей Мамонтов. — Батарейю вызвали вперед. Мы вынырнули из оврага. Лес обрывался, и перед нами было большое поле, а за ним начинался город Ставрополь. Всё поле было покрыто кавалерией, совсем близко от нас. Развевалось несколько красных знамен. Это были красные.

Батарея тут же, на краю оврага, снялась с передков и ахнула по кавалерии картечью. Неожиданность была полная. Красные знамена исчезли, кавалерия смешалась и побежала. Наши полки выскочили из леса и атаковали бегущих. Стрелять больше было нельзя, чтоб не задеть наших. Батарея взялась впередки и рысью пошла за полками. На спинах бегущих мы вошли в город.

Удар во фланг удался блестяще. У красных началась паника, и этим мы облегчили задачу нашей пехоте, наступавшей с другой стороны.

Первым зданием города был женский монастырь. Когда мы проходили мимо него, из ворот выскочила монашка, бегом догнала нашу санитарную двуколку, прыгнула в нее на ходу. Это был переодетый офицер. В предыдущем бою он был ранен и скрылся в монастыре. Монашки его не выдали. Теперь он плакал и смеялся, что опять попал к своим.

С налета казаки прошли до центра города, но в городе конница плохо применима. Красные пришли в себя, оправались и нас из города вытеснили. У красных в Ставрополе были очень крупные силы...

Наша дивизия была вынуждена выйти из города. Красные думали, что мы отступаем и погнались за нами. Но просто Врангель вывел конницу из узких улиц в поле. Тут мы должным образом встретили красных и загнали их опять в город. Результат нашего флангового удара сказался. Наша пехота нажала с другой стороны, и красные уходили из Ставрополя».

Врангелевская конница вошла в Ставрополь 2 (15) ноября. Красные оставили в городе две с половиной тысячи убитых и четыре тысячи раненых. Отступавшие таманцы успели убить в тюрьме бывшего главкома советских войск на Северном Кавказе Ивана Лукича Сорокина. Здесь сказались противоречия между иногородними, составлявшими костяк Таманской армии, и той частью кубанского казачества, которая сражалась на стороне красных. О Сорокине, бывшем казачьем есауле, окончившем престижную на Кубани школу военных фельдшеров и фактически руководившем советскими войсками, противостоявшими Добровольческой армии во время двух ее кубанских походов, был высокого мнения Деникин, утверж-

давший, что «если вообще идейное руководство в стратегии и тактике за время северокавказской войны принадлежало самому Сорокину, то в лице фельдшера-самородка Советская Россия потеряла крупного военачальника». После убийства Сорокина начались массовые переходы казаков на сторону белых. Перспектива отступить с остатками 11-й армии (в нее была переименована бывшая Таманская армия) к Астрахани через безводные степи их не привлекала. Да и белые теперь уже не расстреливали пленных.

Пятнадцатого ноября 1918 года Врангель был назначен командиром 1-го конного корпуса и 22 ноября произведен в генерал-лейтенанты — «за боевые отличия» в боях под Ставрополем.

Петр Николаевич вспоминал, что был вызван начальством на станцию Рыздвяную (вторая станция от Ставрополя в направлении на Кавказскую), где в поезде главнокомандующий, генерал Деникин, объявил о его назначении командиром 1-го конного корпуса, в состав которого, кроме 1-й конной дивизии, включалась 2-я Кубанская казачья дивизия полковника Улагая. Корпусу приказывалось продолжать преследование Таманской красной армии, действуя к северу от железнодорожной линии Ставрополь—Петровское. К югу от этой линии наступали части генерала Казановича и 1-я Кубанская казачья дивизия генерала Покровского.

Корпус Врангеля благодаря блестящему маневру разгромил под Спицевкой отступающих от Ставрополя красных. Эта победа показала, что Врангель полностью овладел особенностями тактики конницы в Гражданскую войну и превратился в замечательного кавалерийского начальника. Он смело совершал маневры большой массой конницы и смело бросал в атаку целый корпус в одной лаве. (Тут, правда, надо оговориться, что численность врангелевского корпуса не превышала кавалерийской дивизии времен Первой мировой войны.) Барон также умело применил военную хитрость — организовал ночной форсированный марш конного корпуса и сумел застать красных врасплох.

Бой под Спицевкой, хорошо запомнившийся Сергею Мамонтову, ярко демонстрирует излюбленные тактические приемы Врангеля:

«С тех пор как генерал Врангель принял командование Кубанским конным корпусом, его успехи превратились в триумфальный марш. Но справа от нас у нашей пехоты была неудача. Красные собрали значительные силы и нанесли удар с востока в направлении на Ставрополь. Они отбросили нашу пехоту у сел Спицевка и Сергеевка, угрожали Ставро-

полю и вышли в тыл нашего корпуса. Положение было очень серьезное.

Врангель реагировал быстро и решительно, как всегда. Он просто снял свой корпус с петровского направления, шел всю ночь, наутро ударил неожиданно во фланг прорвавшимся красным, уничтожил их и на следующий день вернулся на свои старые позиции, раньше чем красные собрались что-нибудь предпринять.

Петровское. В пять часов пополудни нам объявили:

— Завтра дневка — ни боев, ни походов. Отдыхайте.

Это нас обрадовало, потому что каждый день были и бои и походы. Поручик Коренев и я пошли в поле, поймали барана и отдали его хозяйке жарить. Я отдал белье стирать. Но в девять часов вечера новый приказ:

— Седлать, замуничивать. Выступаем через 15 минут.

Вот тебе и отдых! Забрали недожаренного барана. Я засунул в сумы седла мокрое белье. Бог знает, когда и где оно теперь высохнет. Наступила ночь. Впоследствии мы узнали, что это сделали нарочно, чтобы обмануть красных. Хитрость удалась. Предупрежденные своими агентами о нашей дневке, красные решили тоже отдохнуть. Когда же на следующий день они узнали о нашем исчезновении, опасаясь засады, они ничего не предприняли. А послезавтра мы были снова на местах с вестью об одержанной большой победе.

Мы шли впотьмах всю ночь, часто рысью, не зная, куда мы идем. Перед рассветом мы остановились в неглубокой балке. За ночь мы проделали шестьдесят верст.

“Не курить и не разговаривать!” — это значило, что красные под боком.

Стало светать, и мы с изумлением увидели шагах в трехстах от нас разгуливающих по гребню красных пехотинцев. В ложбине, где мы находились, было еще темно, и они нас не видели. Но посветлело, и раздалась отдельные выстрелы.

— По коням. Садись. Шагом марш!

И несколько колонн конницы стали молча, не отвечая на выстрелы, подниматься на бугры. Огонь усилился, потом смолк. Мы не отвечали, а молча двигались. Это неожиданное появление на их фланге масс конницы вызвало у красных панику. Красные побежали. Мы перешли на рысь.

В нашем корпусе было восемь, а может быть, и все десять полков. Считая по 500 шашек на полк, это составляло от 4000 до 5000 шашек, не считая батарей. Это очень внушительная сила. А главное, полная неожиданность».

В движении массы конников было что-то завораживающее. «Мы поднимались на холмы, — вспоминал Мамонтов, —

за первым Линейным полком, пятым в нашей дивизии. В этом полку казаки носят красные башлыки. А так как казаки справляются на службу сами, то не было ни одного одинакового красного цвета, от малинового до ярко-красного. На черных бурках и на фоне белого снега — это была картина незабываемая, освещенная восходящим солнцем. После стольких лет, стоит только закрыть глаза, и я ее снова вижу».

В пылу сражения врангелевцев охватил невиданный бесшабашный азарт:

«Мы всё шли вперед, не останавливаясь и не обращая внимания ни на сдающихся, ни на обозы. Сдавались все кругом. Мы почти не встречали сопротивления. А где встречали, там с радостью разбивали сопротивление в несколько минут и шли дальше. Приходилось проходить полями, сплошь утыканными винтовками, штыками в землю. Никогда такого количества видеть больше не приходилось. На пленных не обращали внимания, гнались за бегущими. Сдавшихся было даже чересчур много — это становилось опасно. Но психологическая победа была так сильна, что она отняла у них всякую инициативу.

Пройдя восемнадцать верст, большей частью рысью, мы оказались перед невысокой, но крутой цепью холмов. Какая позиция для красных! Здесь под холмами скучились остатки красных дивизий. Они бежали эти восемнадцать верст и, чтобы уйти от нас, должны были перевалить через холмы. Но сил и дыхания у них больше не было. Тут-то разыгралась главная атака всего корпуса. Атака целого корпуса неопишима, надо ее пережить. Мурашки бегают по спине от восторга. Земля дрожит от топота копыт.

Батарея, охваченная общим энтузиазмом, скакала к красным, не отдавая себе отчета, что она там будет делать. Просто пришли в телячий восторг.

Вдруг мы увидели четырехорудийную красную конную батарею. Она шла рысью, стараясь обогнуть холмы слева и уйти от нас.

— Поймать мне эту батарею! — завопил полковник Шапиловский.

Всякая осторожность была забыта. Номера и разведчики кинулись вскачь за батареей. Несколько казаков поскакали ей наперерез. Красная батарея шла теперь карьером. Первому орудью и номерам второго удалось улизнуть, но казаки остановили три других орудия, и мы с торжеством привели их с номерами к нашей батарее. Дали им офицеров, и так они за нами и ездили.

Очень мало кому из красных удалось уйти. Разгром был полный. Несколько красных дивизий перестали существовать.

Наши полки рассыпались и сгоняли пленных, как баранов. Повозки собирали винтовки. Бой был кончен.

Мы пошли в село Сергеевку ночевать. Заперли наших пленных артиллеристов в сарай. Слишком усталые, чтобы их сторожить, мы им посоветовали не двигаться, не то... Они и не двинулись.

Страшно усталые, после похода и боя, мы заснули как убитые. Но я все же проснулся по привычке. Надо было накормить Ваньку. Бедняга не ел со вчерашнего дня, а работать пришлось на совесть. После недолгой борьбы со сном я встал и вышел на улицу. Невольно подался назад: вся широченная улица была полна красной пехотой.

— Ах да. Это же пленные.

У стены нашей хаты стоял прислонившись казак и дремал, держа винтовку.

— Что это такое?

— Да пленные.

— Ты что же, их стережешь?

— Как их устережешь? Их ведь тысячи... Но их так пужнули, что они теперь тихие стали... Ничего.

Утром корпус пошел обратно в Петровское. Между полками шли громадные четырехугольные колонны пленных, думаю, по тысяче человек. Шел полк, колонна пленных, опять полк, опять пленные и так далее. Когда полки переходили на рысь, то пленные бежали бегом. Нужно было торопиться вернуться в Петровское. Думаю, что пленных было пять-шесть тысяч человек, а то и больше. Впервые пленных не расстреливали, а послали в тыл и из них сформировали белые полки, которые сражались вполне прилично.

По дороге полки остановились и построились в широкое каре. Рядом с нашими четырьмя орудиями построились три красные пушки, которые мы все возили с собой. В каре галопом вошел генерал Врангель. Он осадил своего чудесного коня, снял папаху и зычным голосом крикнул:

— Спасибо, орлы!

Громовое “ура” было ему ответом.

Передний ездовой красного орудия тоже сорвал папаху и вопил “ура”. Был ли он захвачен грандиозностью картины или хотел подлизаться? Кто его знает? Считаю, что под Спицевкой Врангель одержал одну из самых значительных побед на Северном Кавказе. После Спицевки красные больше не пробовали проявлять инициативы и очистили Терек. Мы же перешли в Манычские степи».

В конце декабря 1918 года 1-й конный корпус, 1-й армейский корпус генерал-майора Казановича и отряд генерала

Станкевича были объединены в одну армейскую группу под командой Врангеля, которой была поставлена задача захватить главную базу Таманской армии — город Святой Крест (ныне Буденновск), который и был занят 1-й Кубанской конной дивизией генерала Улагая 4 января 1919 года.

Тем временем в Белом движении на юге России произошли важные политические перемены. 26 декабря 1918 года (8 января 1919-го) на станции Торговой состоялась встреча генерала Деникина с атаманом Войска Донского генералом Красновым. Последний, оставленный немцами и жестоко теснимый красными, в условиях, когда казаки северных округов толпами складывали оружие и расходились по домам, согласился на подчинение Донской армии Деникину. Таким образом, Деникин стал главнокомандующим Вооруженными силами Юга России — так стали теперь называть подчиненные единому командованию Добровольческую и Донскую армии.

Теперь Деникин мог поделиться с Донской армией, лишившейся немецкого снабжения, захваченными на Северном Кавказе трофеями. Кроме того, Антон Иванович обещал направить части Добровольческой армии в Донбасс, чтобы помочь донцам отразить натиск красных. Главнокомандующий также рассчитывал на помощь держав Антанты. Но для них Краснов, тесно связанный с Германией, был одиозной фигурой. Поэтому тезку нашего героя вынудили 2 февраля 1919 года уйти с поста, на котором его сменил генерал-лейтенант А. П. Богаевский, соратник Деникина еще по Ледовому походу.

Когда Деникин стал главкомом, освободилась должность командующего Добровольческой армией. На нее был назначен Врангель, к тому времени уже пользовавшийся большим авторитетом в войсках как удачливый кавалерийский начальник.

Деникин в мемуарах так объяснил причины назначения командармом именно Врангеля: «Обсудив вместе с начальником штаба вопрос о командующем, остановились на генерале бароне Врангеле. Он был моложе других корпусных командиров и только недавно вступил в ряды Добровольческой армии — это должно было вызвать обиды. Но в последних славных боях на Урупе, Кубани, под Ставрополем он проявил большую энергию, порыв и искусство маневра. Назначение барона Врангеля состоялось. Один из достойных корпусных командиров, первоходник, генерал Казанович благодаря этому ушел в отставку, другие поворчали, но подчинились».

Поручик артиллерии Сергей Иванович Мамонтов в мемуарах «Не судимы будем» свидетельствует:

«В кавалерии всё зависит от начальника. Хороший начальник достигнет успеха даже с посредственной частью, а плохой

ничего не добьется с прекрасными полками. Берусь об этом судить, потому что пришлось служить и с хорошими, и с плохими.

Хорошие начальники редки. К началу Первой мировой войны в России была самая лучшая и самая многочисленная кавалерия, а среди высших начальников хороших не нашлось, и наша чудная кавалерия осталась неиспользованной. Конечно, были славные дела, но не выше дивизии. То есть среди младших начальников были и хорошие, но ходу им не давали.

У хорошего начальника какое-то чутье, он разбирается в обстановке и в настроении войск, он способен принять быстро решение.

В нашей 1-й Кубанской дивизии были три прекрасных начальника: Врангель, Топорков и Бабиев. К этим трем могу прибавить генерала Барбовича, начальника регулярной кавалерии, и донца генерала Мамонтова (однофамилец), прошедшего рейд на Тамбов по красным тылам. Из этих пяти я имел честь служить под командой первых четырех. Какая радость служить под начальством хорошего и тоска служить у плохого».

Назначение Врангеля командующим Добровольческой армией произошло уже 27 декабря 1918 года, но вступил он в командование армией, переименованной в Кавказскую добровольческую, только 10 января 1919-го. Одновременно была образована Крымско-Азовская добровольческая армия генерал-лейтенанта А. А. Боровского, действовавшая в Крыму.

Штаб Врангеля разместился в Минеральных Водах. Начальником штаба Кавказской добровольческой армии был назначен генерал-лейтенант Яков Давыдович Юзефович.

Десятого января Врангель издал первый приказ по армии. Он звучал очень бодро:

«Славные войска Кавказской Добровольческой армии!

Волею главнокомандующего, генерала Деникина, я с сегоднешнего дня поставлен во главе Вас.

Горжусь командовать Вами, храбрецы.

Полгода кровавых битв я провел среди Вас, почти все Вы сражались под моим начальством — и с нами всюду была победа.

Орлы 1-ой конной дивизии, где только не били мы врага. Под станицами Петропавловской, Михайловской, Курганной, Чамлыкской, Урупской и Бесскорбной, под Армавиром и Ставрополем — Вы неизменно громили противника, захватывая пленных, орудия, пулеметы.

Доблестные соратники 1-го конного корпуса, Ваше победоносное “ура” гремело под Михайловской, Дубовкой, Тугулуком, Константиновской, Благодарным, Петровским, под Спи-

цевкой и Винодельным, под Медведовским, Елизаветинским, Святым Крестом и Георгиевском, — тысячи пленных, десятки орудий и пулеметов, огромные обозы попали в Ваши руки.

Славные войска 1-го армейского, 1-го конного корпусов, 3-ей Кубанской дивизии и Пластуны 3-ей бригады, рядом с доблестными войсками генерала Ляхова, Вы в последних боях разбили наголову врага — 35 орудий, 53 пулемета, броневики, аэропланы, огромные обозы и тысячи пленных стали Вашей добычей.

Доблестью Кубанских орлов освобождена родная Кубань; враг, пытавшийся укрыться в богатой Ставропольской губернии, настигнут, разбит и бежал в голодную Астраханскую степь.

Очередь за Терекком; уже поднимаются на защиту родных станиц славные Терцы и каждый день стекаются в наши ряды.

Услыхав клич Кубанских и Терских орлов, уже встают храбрые Кабардинцы и Осетины; встал как один горный Дагестан, джигиты седлают коней, берут оружие и спешат вместе с нами в бой...

Вперед же, кавказские орлы.

Расправьте могучие крылья, грудь прикройте свои гнезда и, как трусливого шакала, гоните от родных станиц и аулов презренного врага.

Генерал Врангель».

В середине января в Минеральных Водах Деникин провел совещание с Врангелем, Юзефовичем, Романовским, Драгомировым и другими генералами. Он объявил, что после освобождения от красных Северного Кавказа собирается перебросить части Кавказской добровольческой армии в Донбасс, на помощь группе войск генерала Май-Маевского. В дальнейшем Деникин намеревался, прикрывшись по линии реки Маныч заслоном, главными силами развивать наступление на Харьков.

Врангель был против этого плана. Он вспоминал: «Я горячо возражал, со своей стороны предлагая освобождающиеся части моей армии перебрасывать в район станции Торговой с тем, чтобы в дальнейшем, по сосредоточении здесь армии, действовать вдоль линии Царицынской железной дороги, на соединение с сибирскими армиями адмирала Колчака, победоносное продвижение которого задерживалось угрозой со стороны красных его левому флангу. Генерал Романовский мне возражал, доказывая необходимость прежде всего обеспечить за нами жизненно необходимый нам Каменноугольный бассейн и указывая на то, что харьковское направление, как кратчайшее к главному объекту действий Москве, должно почитаться главнейшим. Генерал Юзефович поддерживал меня».

Однако Врангелю и его начальнику штаба не удалось убедить Деникина. С этого момента берут начало серьезные разногласия между ними, переросшие в дальнейшем в глубокую взаимную неприязнь.

Попробуем оценить, чья стратегия — деникинская, которая и была осуществлена на практике, или врангелевская, если бы она была принята, — могла бы принести больший успех белым.

В тот момент, в январе 1919 года, на востоке армии адмирала А. В. Колчака вели успешные бои на своем северном фланге и овладели Пермью. Однако южный и центральный участки колчаковского фронта в тот момент находились на Урале, их войска только готовились перейти в решающее наступление к Волге. Непосредственно к низовьям Волги примыкал лишь фронт, который держали уральские казаки. Только с ними и могла бы взаимодействовать Кавказская добровольческая армия Врангеля в случае, если бы удалось захватить Царицын и Астрахань. Но Уральская казачья армия действовала на изолированной территории в условиях безводных степей и полупустынь и сама нуждалась в помощи, прежде всего боеприпасами, снаряжением и продовольствием. Генеральное же наступление к Волге Сибирской и Западной армий колчаковского фронта началось соответственно 19 февраля (4 марта) и 21 февраля (6 марта) 1919 года. Так быстро подготовиться к наступлению на Царицын армия Врангеля конечно же не успела бы даже в случае, если бы был принят план Врангеля и она получила бы необходимое усиление. В действительности в наступление на Маныче, приведшее в конце концов к взятию Царицына, армия Врангеля перешла только в конце апреля, а перед этим вынуждена была отражать советское контрнаступление. Между тем уже 15 (28) апреля Южная группа красных под командованием М. В. Фрунзе начала контрнаступление против Западной армии, закончившееся крахом всего колчаковского фронта. К Царицыну войска Колчака вышли только тогда, когда армии Верховного правителя России уже оставляли Урал.

Если бы план Врангеля был принят, вряд ли это существенно повлияло бы на сроки занятия белыми Царицына. Ведь Врангелю всё равно пришлось бы часть своих войск отдать в помощь группе Май-Маевского в Донбассе, иначе разгром Донской армии привел бы к срыву царицынской операции Врангеля. Не исключено, что более сильная Кавказская добровольческая армия смогла бы взять Царицын на неделю-другую раньше, но это всё равно не предотвратило бы разгром Колчака. Даже от Царицына было бы слишком далеко до тылов советского Восточного фронта.

Понятно стремление Врангеля, как и всякого командарма, доказать, что именно его направление является решающим и именно на нем надо сосредоточить максимум сил и средств. Однако объективный анализ доказывает, что предложенная бароном стратегия в тот момент не могла привести к успеху. В этом случае Вооруженные силы Юга России всё равно не соединились бы с Колчаком, зато получили бы мощный удар от красных в Донецком бассейне и, вполне возможно, потерпели бы решительное поражение даже раньше, чем это произошло в действительности.

У Деникина тоже была мысль о соединении с Колчаком. Еще 14 февраля он писал адмиралу: «Жаль, что главные силы сибирских войск, по-видимому, направлены на север. Соединенная операция на Саратов дала бы огромные преимущества: освобождение Уральской и Оренбургской областей, изоляцию Астрахани и Туркестана. И главное — возможность прямой, непосредственной связи Востока и Юга, которая привела бы к полному объединению всех здоровых сил России и к государственной работе в общерусском масштабе». Но Колчак идею совместной операции не поддержал. К тому же в тот момент и колчаковские, и деникинские войска были еще слишком далеко от Саратова, чтобы говорить о реальной координации действий. Да и группировки красных в Астрахани и Уральской и Оренбургской областях не оказывали влияния на исход решающих операций. Армии Колчака наступали в расходящихся направлениях — на Вятку и Самару, что неотвратимо обрекло их на поражение.

В боях под Моздоком войска Врангеля взяли около сорока тысяч пленных и много боеприпасов и, пройдя за 12 дней 350 километров, вышли к Каспию, захватив Кизляр и Грозный. Другая группировка Красной 11-й армии была разгромлена под станицами Самашинской, Михайловской и Слепцовской. При этом было захвачено восемь бронепоездов и более десяти тысяч пленных. Их теперь не истребляли, но длительное время держали в фильтрационных лагерях, где многие из них стали жертвами голода и эпидемий. Если бы их всех удалось направить на пополнение Вооруженных сил Юга России, численный перевес красных значительно уменьшился бы.

В приказе № 3 по Кавказской добровольческой армии, изданном Врангелем 20 января 1919 года, говорилось:

«Славные войска Кавказской Добровольческой армии!

Доблестью Вашей Северный Кавказ очищен от большевиков.

Большевистская армия разбита, остатки ее взяты в плен. В одних только последних боях Вами захвачено 8 броневых поездов, 200 орудий, 300 пулеметов, 21 тысяча пленных и иная

несметная военная добыча. Еще недавно, в октябре месяце, большевистская армия насчитывала 100 тысяч штыков с огромным числом орудий и пулеметов — теперь от этой армии не осталось и следа...

Полчища врага разбились о доблесть Вашу — Вас было мало, у Вас подчас не хватало снарядов и патронов, но Вы шли за правое дело, спасение родины, шли смело, зная, что “не в силе Бог, а в правде”...»

Страшные картины разрухи предстали перед глазами Врангеля, когда он, направляясь в части под командованием генерала Покровского, взявшие Кизляр, проезжал спешно оставленные красными территории. Он вспоминал:

«Получив известие о занятии нашими передовыми частями Кизляра, я решил проехать к генералу Покровскому, чтобы благодарить его части. Я проехал поездом до станции Узловой, далее путь оказался неисправным и я продолжал путешествие на автомобиле. На всём пути из окна вагона видели мы следы беспорядочного стихийного отступления Красной армии. Тянувшийся вдоль железнодорожного пути тракт был усеян брошенными орудиями, повозками, походными кухнями, лазаретными линейками, трупами людей и лошадей. На остановках железнодорожные станции и дома были набиты больными и ранеными. По мере продвижения вперед картина разгрома противника выявлялась всё ярче.

Начиная от Моздока до станций Наурской, Мекенской и Калиновской, на протяжении 65 верст, весь путь вдоль железной дороги был сплошь забит брошенной артиллерией и обоями, вперемешку с конскими и людскими трупами. Огромные толпы пленных тянулись на запад по обочинам дороги. В изодранных шинелях, босые, с изможденными землистого цвета лицами, медленно брели тысячные толпы людей. Пленных почти не охраняли, два казака гнали две-три тысячи. Партии пленных, в значительном числе состоявших из больных, оставляли за собой большое количество отсталых. Выбившись из сил, больные люди падали тут же на грязной дороге и оставались лежать, безропотно ожидая смерти, другие пытались еще искать спасения, подымались и шли далее, шатаясь и падая, пока, окончательно выбившись из сил, не теряли сознание. Двое таких несчастных, перейдя предел человеческих страданий, бросились под колеса нашего поезда.

На одной из маленьких станций, сплошь забитой ранеными, больными, умирающими и мертвыми, я зашел в железнодорожную будку. В маленькой, в пять-шесть квадратных аршин, комнате лежали на полу, плотно прижавшись друг к другу, восемь человек. Я обратился с вопросом к ближайшему,

ответа не последовало. Наклонившись к нему, я увидел, что он мертв. Рядом лежал такой же мертвец, далее то же.

Из восьми человек было семь трупов. Восьмой был еще жив, но без сознания. К груди своей, ища тепла, он плотно прижимал облезшую, худую собаку.

На станциях и железнодорожных разъездах стояли брошенные противником эшелоны с потухшими паровозами. Сбежавшееся из соседних деревень население растаскивало грузы. Среди всевозможных товаров, мануфактуры, посуды, снарядов, сельскохозяйственных машин, оружия, медикаментов лежали забившиеся в вагоны больные, вперемешку с трупами. В одном из вагонов я видел умирающего, под головой которого подушку заменял труп его товарища. На одном из разъездов нам показали поезд мертвцов. Длинный ряд вагонов санитарного поезда был сплошь наполнен умершими. Во всем поезде не оказалось ни одного живого человека. В одном из вагонов лежали несколько мертвых врачей и сестер. По приказанию генерала Покровского особые отряды производили очистку железнодорожных зданий от больных и трупов. Я наблюдал, как на одной из станций пленные откатывали ручные вагонетки со сложенными, подобно дровам, окоченевшими в разнообразных позах мертвецами. Их тут же за станцией сваливали в песчаные карьеры в общую могилу.

От станицы Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст железнодорожный путь был забит сплошной лентой брошенных составов. Здесь были оставлены запасы неисчислимой стоимости: оружие, огнеприпасы, громадное количество медикаментов, медицинских инструментов, обувь, одежда, вперемешку с автомобилями, мебелью, галантереей и хрусталем. Охранять всё это было некому, и бесценные запасы расхищались населением окрестных деревень. Один из составов, вероятно, от неосторожности, загорелся. Находившиеся в некоторых вагонах артиллерийские грузы взорвались. Чернел длинный ряд обгорелых вагонов, и на значительном пространстве кругом разбросаны были обезображенные трупы, среди них много женщин и детей».

Общую ужасающую картину, представшую перед Врангелем, усугубил еще один эпизод:

«Освобожденный от красного ига Терек подымался. Станицы, через которые мы проезжали, кишели народом. Скакали спешившие на сбор к станичному правлению казаки. Шли в праздничных нарядах статные, красивые казачки. На околице одной из станиц мы встретили человек пять казачат с винтовками. Автомобиль завяз в грязи, и пока подоспевшие казаки его вытаскивали, я разговорился с казачатами:

— Куда идете, хлопцы?

— Большевиков идем бить, тут много их по камышу попряталось, як их армия бежала. Я вчерась семерых убил, — в сознании совершённого подвига заявил один из хлопцев, казачонок лет двенадцати, в бешмете и огромной мохнатой папахе.

Никогда за все время междоусобной брани передо мной не вставал так ярко весь ужас братоубийственной войны...»

Красные для Петра Николаевича — враги, жалеть их не приходится, труп врага, как известно, хорошо пахнет. А вот мальчик-казачонок — другое дело. Врангеля действительно взволновало нравственное и психическое здоровье детей, чьи отцы сражались на стороне белых, вынужденных наблюдать все ужасы братоубийственной войны и даже участвовать в ней.

Деникин по поводу разгрома красных на Северном Кавказе писал: «...стотысячная армия Северо-Кавказского большевистского фронта перестала существовать. Она оставила в наших руках 50 тысяч пленных, не считая больных и раненых, 150 орудий, 350 пулеметов и огромное количество всякого военного имущества».

Советский военный историк Н. Е. Какурин характеризовал тогдашнюю стратегическую обстановку следующим образом:

«Общее протяжение фронта, наиболее плотно занятого частями XI армии, равнялось 250 км при общей численности армии в 88 тыс. бойцов.

Командование XI армии предполагало главный удар нанести в обход правого фланга противника в общем направлении на Баталпашинск—Невинномысскую, чтобы отрезать главные силы противника от района Армавир—Ставрополь...

Начавшееся 2 января 1919 г. наступление левым флангом армии дало первоначально чисто местный успех в виде занятия Баталпашинска, но оно скоро приостановилось как по недостатку огнеприпасов, так и под влиянием контратак противника, и XI армия снова отошла в исходное положение...

Неудача наступления еще более ухудшила внутреннее состояние войск XI армии и их общее стратегическое положение.

Расстройство управления выявилося не только в дивизионном масштабе, но пошло глубже; две бригады соседней с юга с 4-й дивизией 3-й стрелковой дивизии также отходили самовольно в расходящихся направлениях... что дало противнику возможность развить первоначальный успех своей контратаки в общее поражение XI армии.

На фронт Святой Крест—Георгиевск он направил свой главный удар группой генерала Врангеля в составе 13 тыс. штыков и сабель при 41 орудии, стремясь разрезать надвое

XI армию, отбросив часть ее в пески и затем разгромить ее разьединенные крылья. На этом фронте его главные удары направлялись от Благодарного на Св. Крест и через Георгиевск на Государственную и Курскую.

В результате этих ударов остатки 3-й дивизии были отброшены в пустыню, после чего противник обратился против левого крыла армии (2-й и 1-й дивизии), отходившего вдоль Северо-Кавказской железной дороги на Прохладную и Моздок, и дважды окружал его. Хотя этим дивизиям и удалось пробиться из окружения, но в район Яндык—Лагань пришли только остатки их в количестве не свыше 13 тыс. бойцов пехоты и кавалерии».

В конце января 1919 года, возвращаясь с передовых позиций, Врангель заболел сыпным тифом в тяжелой форме. Поднялась температура, сильная головная боль мучила его целыми днями, и он слег. Генерал приехал в Кисловодск совсем больным, доехал с вокзала в автомобиле на отведенную ему двухэтажную дачу и вечером потерял сознание. Был очень сильный жар, приходили кошмары-галлюцинации, мучили сердечные спазмы.

В это время армией временно командовал Юзефович, осуществивший переброску ее основных сил в Донбасс. Он же вызвал телеграммой Ольгу Михайловну, возглавлявшую госпиталь в Екатеринодаре.

Барона лечили хорошие врачи — профессор Ушинский, известный бактериолог профессор Юрьевич. На пятнадцатый день болезни положение стало почти безнадежным. Врангель был без сознания. Однако во время соборования, когда окружающие думали, что уже всё кончено, Петр Николаевич неожиданно пришел в себя, но после причастия опять потерял сознание. Он всё время бредил. Иногда среди бессвязных слов больного можно было различить отдаваемые им приказы. К утру Врангель совсем ослаб.

Это был кризис. Организм справился. Вечером шестнадцатого дня болезни температура стала спадать. Выздоровление заняло больше месяца. Только в начале марта барон начал вставать с постели. Во время болезни Кубанская рада 13 февраля наградила его орденом Спасения Кубани 1-й степени.

Врангель получил сердечное письмо от генерала Деникина. Зная, что Петр Николаевич стеснен в средствах, главнокомандующий приказал генералу Юзефовичу покрыть расходы по лечению из казенных средств, а врачи отказались от гонораров.

Чтобы окончательно восстановить силы после болезни, Врангель по настоянию врачей уехал на отдых в Сочи. Оттуда он по прямому проводу говорил с генералом Юзефовичем и

знал о рапорте Деникину, в котором его начальник штаба вновь настаивал на необходимости развить операцию на Царицынском направлении, чтобы выйти на соединение с войсками Колчака, подходившими к Волге.

Деникин писал в мемуарах: «Генерал Врангель поправлялся после сыпного тифа — сначала в Кисловодске, потом на Черноморском побережье. Юзефович сообщал, что под влиянием перенесенной тяжелой болезни в душе командующего происходит реакция: он говорил, что “Бог карает <его> за честолюбие, которое руководило до тех пор его жизнью”, и что после выздоровления он покинет службу и обратится к мирной работе “для своей семьи, для детей...”. Считая, что это настроение лишь временное, и оценивая боевые качества генерала Врангеля, я послал ему тотчас же письмо, в котором отметил его заслуги и выразил уверенность, что он останется во главе Кавказской Добровольческой армии. Получил в ответ: “...До глубины души тронут тем сердечным отношением с Вашей стороны, которое неизменно чувствовал во всё время моей болезни. От всего сердца благодарю Вас и прошу верить, что, если Богу угодно будет вернуть мне здоровье и силы, то буду счастлив под Вашим начальством вновь отдать их на служение дорогой Родине и Армии”».

Однако эту сердечность во взаимоотношениях, вроде бы возникшую в период болезни Врангеля, сохранить не удалось. Выздоровев, барон продолжал спорить с Деникиным, и эти споры вскоре переросли в острый конфликт.

В связи с переброской основных сил Кавказской добровольческой армии в Донбасс ее штаб был перемещен в Ростов-на-Дону.

В конце марта, оправившись от болезни, Врангель прибыл в Екатеринодар. Он так описывал свои противоречия с Деникиным:

«Провозгласив лозунг “Единая, Великая и Неделимая Россия”, по существу туманный и неопределенный, Главнокомандующий с каким-то фанатизмом шел на борьбу со всем тем, что, казалось ему, идет вразрез с исповедуемой им истиной. К казакам огульно пристегивалась кличка “самостийников”. Самостийниками объявлены были и все те, кто еще недавно боролся с большевиками на Украине, все, кто служил у гетмана. С падением Украины огромное число офицеров бежало на юг. Между ними было большое число весьма доблестных горячих патриотов, готовых продолжать борьбу за освобождение отечества, на каком бы клочке русской земли эта борьба ни велась. Высшие политические соображения им, конечно, были чужды. Между тем в Ставке на них смотрели ед-

ва ли не как на предателей, они брались под подозрение, и дальнейшая служба их допускалась лишь по прохождении ими особой реабилитационной комиссии. Это было жестоко, несправедливо и обидно...

Я по-прежнему не сочувствовал принятому Ставкой операционному плану. Необходимость скорейшего соединения наших сил с сибирскими армиями казалась мне непреложной. Необходимость эта представлялась столь ясной, что на нее указывалось целым рядом лиц, в том числе и не военных. Умный и проницательный А. В. Кривошеин (бывший царский министр и будущий глава врангелевского правительства в Крыму. — Б. С.), часто навещавший меня, ясно отдавал себе отчет в ошибочности стратегии главного командования. Человек политики, он готов был искать в принятом генералом Деникиным решении причины внутреннего, личного характера. Я отстранял от себя эти подозрения, но объяснения образу действий Ставки найти не мог».

Четвертого апреля Врангель подал Деникину рапорт:

«Прибыв в Екатеринодар после болезни и подробно ознакомившись с обстановкой, долгом службы считаю доложить мои соображения:

1. Главнейшим и единственным нашим операционным направлением полагаю должно быть направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с армией адмирала Колчака.

2. При огромном превосходстве сил противника действия одновременно по нескольким операционным направлениям невозможны.

3. После неудачной нашей операции на Луганском направлении мы на правом берегу Дона вот уже около двух месяцев лишь затыкаем дыры, теряя людей и убивая в них уверенность в своих силах.

4. В ближайшем месяце на севере и востоке России наступает распутица и, вопреки провокационному заявлению Троцкого о необходимости перебрасывать силы против армии адмирала Колчака, операции на этом фронте должны приостановиться и противник получит возможность перебросить часть сил на юг. Используя превосходство сил, противник сам перейдет в наступление от Царицына, причем создастся угроза нашей базе.

5. Необходимо вырвать, наконец, в наши руки инициативу и нанести противнику решительный удар в наиболее чувствительном для него направлении.

На основании вышеизложенных соображений полагал бы необходимым, отказавшись от активных операций на правом

берегу Дона, ограничиться здесь лишь удержанием линии устье Миуса — Ст. Гундоровская, чем прикрывается жел. дор. Новочеркасск—Царицын. Сокращение фронта на 135 верст (0,4 фронта, занимаемого ныне до Гундоровской) даст возможность снять с правого берега Дона находящиеся здесь части Кавказской Добрармии, использовав их для действий на главнейшем направлении. В дальнейшем, наступая правым флангом, наносить главный удар Кавказской Добрармией, действуя от Торговой вдоль железнодорожных линий на Царицын, одновременно конной массой в две-три дивизии обрушиться на степную группу противника и по разбитии ее двинуться на Черный Яр и далее по левому берегу Волги в тыл Царицына, выделив небольшую часть сил для занятия Яшкульского узла и поднятия сочувствующего нам населения Калмыцкой степи и низовья Волги. Время не терпит, необходимо предупредить противника и вырвать у него столь часто выпускаемую нами из рук инициативу».

Деникин вновь отверг предложения Врангеля, по-прежнему планируя удар на Москву через Харьков, Орел и Тулу. Кроме того, к этому направлению Деникина притягивало вспыхнувшее на Верхнем Дону мощное антисоветское восстание. 30 тысяч повстанцев могли послужить весомым пополнением для Вооруженных сил Юга России.

Наступление 10-й армии красных от Великокняжеской на Торговую, создававшее угрозу тылу Добровольческой армии, началось 12 (25) апреля 1919 года. Врангель вспоминал, что в связи с ним произошло новое обострение противоречий в руководстве Вооруженных сил Юга России:

«3-го вечером я уже лег спать, когда меня разбудили, сообщив, что генерал Романовский и полковник Плющевский-Плющик желают меня видеть. Полученные с фронта известия были грозны. Противник быстро продвигался к Владикавказской железной дороге, угрожая отрезать Кавказскую Добровольческую армию от ее базы. В резерве у генерала Юзефовича свободных часов не было. Необходимо было принять срочные меры, дабы остановить дальнейшее продвижение врага. Генерал Романовский спросил меня, соглашусь ли я принять командование над войсками Манычского фронта; через несколько дней он надеялся иметь возможность усилить эти части кубанцами генерала Покровского... снятыми с фронта Кавказской добровольческой армии. Во главе последней, по предложению генерала Романовского, должен был оставаться генерал Юзефович, мне же надлежало сформировать новый полевой штаб.

С предложенным мне решением я согласиться не мог. Я

считал, что намеченных генералом Романовским сил (сборный, слабой численности и состава, отряд из трех родов войск...) для предстоящей операции недостаточно. Нецелесообразным считал я и создание нового полевого штаба. С таким случайным, наспех созданным штабом и сборными незнакомыми мне войсками я не мог рассчитывать на успех. Со своей стороны, я предложил генералу Романовскому спешно сосредоточить на участке Владикавказской дороги Ростов—Тихорецкая весь 1-ый конный корпус, сняв с фронта Кавказской Добровольческой армии кубанцев генерала Покровского, и, сверх того, спешно перебросить туда же из Дагестана 1-ую конную дивизию генерала Шатилова, весьма сильную численно и качественно. Для объединения действий Манычской группы я предлагал использовать штаб моей Кавказской Добровольческой армии, оставшиеся же, за выделением 1-ой Кубанской дивизии генерала Покровского, на фронте армии добровольческий корпус, сводный (терцы и кубанцы) генерала Шкуро и оперировавший в районе Мариуполя отряд генерала Виноградова объединить в руках командира Добровольческого корпуса генерала Май-Маевского. Генерал Романовский со мной не согласился, считая, что намеченных им сил вполне достаточно для восстановления нашего положения, а что отъезд генерала Юзефовича со штабом армии из Ростова “вызовет в Ростове панику”, что может быть чревато последствиями. При этих условиях я категорически отказался от принятия командования над войсками Манычского фронта, в то же время, в виду серьезности положения на фронте, я решил немедленно ехать в Ростов и вступать в командование моей армией.

Начальник штаба и генерал-квартирмейстер продолжали настаивать. Генерал Романовский заметил, что мой отказ поставит Главнокомандующего в необходимость самому принять на себя непосредственно руководство Манычской операцией. Я заметил, что решения своего не изменю, что, по совести, не могу взяться за дело, которое считаю для себя при настоящих условиях непосильным. “Главнокомандующий, имеющий полную мощь, — добавил я, — в случае, если он лично станет во главе операции, будет иметь возможность принять все меры для того, чтобы обеспечить успех операции, и я не сомневаясь, что он убедится в необходимости тех мер, которые я предлагаю”. Генерал Романовский и полковник Плющевский-Плющик, видимо, недовольные, ушли, причем генерал Романовский просил меня на следующий день утром быть у Главнокомандующего.

В десять часов утра я был у генерала Деникина, где застал начальника штаба. Генерал Деникин был, видимо, уже в курсе

дела и спросил меня, не надумал ли я что-нибудь. Я вновь подтвердил, что не считаю себя в силах справиться с поставленной генералом Романовским задачей, и просил разрешения немедленно вернуться к моей армии. Генерал Деникин не настаивал. В тот же вечер я выехал в Ростов».

Как видим, Врангель и в этом случае не стал браться за дело, в успехе которого сильно сомневался. Он привык одерживать победы и старался не быть причастным к поражениям. Но в данном случае барон был прав. Наступающим красным надо было противопоставить значительные силы, а не позволять им бить по частям слабые белые отряды и дивизии, тем более что донские казаки Мамонтова совершенно разложились и отступали, не принимая боя.

В Ростове, где располагался врангелевский штаб, нарастала паника. Чтобы предотвратить просоветское восстание, Петр Николаевич распорядился арестовать 70 человек, которых контрразведка подозревала в связях с большевиками. Шестерых арестованных во главе с известным в Ростове присяжным поверенным Ломатидзе Врангель счел «наиболее видными большевистскими деятелями», приказал предать военно-полевому суду и казнить, что и было исполнено.

Положение белых спасла подошедшая 1-я Кубанская дивизия Кубанского корпуса генерала В. Л. Покровского. Врангель подчинил ему донцов генерала Мамонтова, и Покровский, расстреляв нескольких дезертиров, навел в их рядах относительный порядок.

Прибывший из Екатеринодара Деникин лично возглавил войска на Манычском фронте. Ему пришлось, как и советовал Врангель, перебросить из Дагестана 1-ю конную дивизию. Но разбить красных здесь не удавалось. Белая кавалерия предприняла несколько попыток закрепиться на правом берегу Маныча, но лишенная поддержки артиллерии, всякий раз вынуждена была отступать. Перетащить артиллерию через реку вброд было невозможно, а паромные переправы у Великокняжеской красные удерживали прочно.

Для обороны Маныча в районе станицы Великокняжеской красные сосредоточили всю 10-ю армию — около тридцати тысяч штыков и шашек. Ей противостояли отряд генерала Кутепова — 6-я пехотная дивизия и отдельная Астраханская конная бригада под командой генерала Зыкова, 1-й конный корпус генерала Покровского, 1-я конная дивизия генерала Шатилова, Горская дивизия полковника Гревса, Сводный Донской корпус генерала Савельева и Атаманская дивизия. Таким образом, у белых были всего одна дивизия пехоты и более семи дивизий кавалерии.

Прибывший в Ростов Деникин счел, что возглавить новую армию, которую предполагалось создать из манычской группы и отряда генерала Улагая, действовавшего в районе Святого Креста, должен Врангель. 25 апреля барон получил письмо от И. П. Романовского:

«Начальник Штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России.

24-го апреля 1919 г.

Ст. Тихорецкая.

Многоуважаемый Петр Николаевич!

У Вас, вероятно, был уже Науменко и говорил по поводу Кубанской армии. Сама обстановка создала, что почти все кубанские части собрались на царицынском направлении и мечты кубанцев иметь свою армию могут быть осуществлены. Это Главнокомандующий и наметил исполнить. Науменко, конечно, очень обрадовался. С созданием Кубанской армии становится сложный вопрос о командовании ею. Все соображения приводят к выводу, что единственным лицом, приемлемым для Кубани и таким, которого будут слушаться все наши кубанские полководцы — Покровский, Улагай, Шкуро, — являетесь Вы.

Главнокомандующий и интересуется, как Вы к этому вопросу отнесетесь.

В Кубанскую армию Главнокомандующий предполагает включить те кубанские части, которые в настоящее время на Манычском фронте, и при первой же возможности произвести рокировку.. Таким образом в Кубанской армии соберутся кубанские части и останутся 6-ая дивизия, состоящая из Сводного Астраханского п<ехотного> п<олка>, Сводного Саратовского п. п., Сводного гренадерского п. п. и Саратовского к<онного> дивизиона с артиллерией и Астраханская кон<ная> отд<ельная> бригада (генерал Зыков). В связи с этими предположениями Главнокомандующий желает, чтобы 2-ая Кубанская бригада была подготовлена в смысле сбора и расположения к быстрой смене.

Что касается вопроса о штабе, то Главнокомандующий намечает штаб Кавказской армии оставить в Ростове, а для Кубанской вновь сформировать. Конечно, Вы можете, если бы пожелали, персонально, одного или другого из чинов штаба или даже начальника штаба взять с собой.

Заместителем Вашим в Кавказской армии, которую предполагается при этом переименовать просто в Добровольческую, Главнокомандующий намечает генерала Май-Маевского.

Если бы Вы согласились на предложенное назначение, то я бы просил Вас переговорить или списаться с генералом Май-

Маевским относительно штаба и главного начальника штаба к нему (генерал Яков Давидович Юзефович, может, не пожелает остаться или уйти с Вами).

По всем этим вопросам Главнокомандующий желает знать Ваши соображения.

От души желаю Вам успехов.

Искренне Ваш И. Романовский».

Врангель колебался, поскольку у него имелось опасение, что армия, состоящая почти исключительно из кубанских частей, будет в той или иной степени подчиняться кубанскому правительству — Краевой раде, деятельность которой барон не одобрял, подозревая кубанских политиков в стремлении к «самостийности». Но Романовский разъяснил, что, хотя армия и будет называться Кубанской, никакой ее зависимости от тамошних властей не предполагается. Узнав об этом, кубанский атаман Филимонов сам отказался от наименования армии Кубанской и предложил назвать ее Кавказской добровольческой. Прежняя Кавказская добровольческая армия переименовывалась просто в Добровольческую, и во главе ее встал генерал Май-Маевский, прежде командовавший Добровольческим корпусом в Донбассе и подчинявшийся Врангелю. Начальником штаба у Врангеля остался Юзефович.

Первого мая в Торговой Врангель встретился с Деникиным. Петр Николаевич вспоминал:

«Я спросил Главнокомандующего, кто из начальников объединяет главную массу нашей конницы, и с удивлением узнал, что конная масса не объединена в одних руках и что отдельные кавалерийские начальники подчиняются непосредственно Главнокомандующему. Трудно было при этих условиях ожидать единства действий. Я высказал это генералу Деникину: “Всё это так, но как вы заставите генерала Покровского или генерала Шатилова подчиниться одного другому?”

Возражение Главнокомандующего поразило меня. Казавшийся твердым и непреклонным генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей дававший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на происходивший в самом Екатеринодаре безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других. Главнокомандующему не могли быть неизвестны самоуправные действия, бесшабашный разгул и бешеное бросание денег этими генералами. Однако на всё это генерал Деникин смотрел как будто безучастно. И в данном случае он не мог решиться, несмотря на то, что общая польза дела этого яв-

но требовала, подчинить одного генерала другому. Я высказал генералу Деникину мое мнение, что для успеха дела конница должна быть объединена в одних руках, что хотя генерал Шатилов как крупный начальник имеет несравненно больше данных, нежели генерал Покровский, однако, с другой стороны, он еще недавно был подчинен последнему, входя своей дивизией в состав его корпуса, и что, близко зная генерала Шатилова, я не могу допустить мысли, чтобы он отказался подчиниться тому или другому начальнику, раз последует приказание Главнокомандующего. Присутствующий при разговоре генерал Романовский обратился ко мне:

— А вы, Петр Николаевич, не согласились бы помочь нам, объединив конницу — вам все наши полководцы охотно подчинятся.

Я охотно согласился, ясно сознавая, что это единственная возможность закончить, наконец, бесконечно затянувшуюся операцию. Радовала меня и возможность, непосредственно руководя крупной массой конницы, разыграть интересный и красивый бой».

Второго мая 1920 года Врангель был назначен командующим армейской группой на Маныче. В ночь на 4 мая он переправил свою конницу и артиллерию на деревянных щитах и внезапным ударом захватил станицу Великокняжескую. 10-я армия красных была полностью разгромлена. Врангелевцы захватили 15 тысяч пленных, 55 орудий, 150 пулеметов и боеприпасы. Путь к Царицыну, казалось, был открыт.

От других командующих армиями Врангеля отличала намного более решительная и жесткая борьба с грабежами, пьянством, взяточничеством и участием офицеров в спекуляции продовольствием. Врангель пытался бороться с мародерством, казня провинившихся перед строем. Вот и после победы у Великокняжеской он повесил пятерых горцев-мародеров. Но потом, понимая тщетность своих усилий, он вынужден был смириться с неизбежным и попытался только как-то упорядочить раздел добычи. Ведь регулярное снабжение Вооруженных сил Юга России так и не было налажено, а грань между самоснабжением и откровенным грабежом провести было очень трудно.

Сергей Мамонтов свидетельствует:

«Во время гражданской войны грабили все — и белые, и красные, и махновцы, и даже, при случае, само население.

Как-то в Юзовке, переходившей много раз от одних к другим, я разговорился с крестьянином.

— За кого вы, собственно, стоите?

— А ни за кого. Белые грабят, красные грабят и махновцы грабят. Как вы хотите, чтобы мы за кого-то были?

Он только забыл прибавить, что они и сами грабят. Рядом было разграбленное имение.

Высшее начальство не могло справиться с грабежом. Все солдаты, большинство офицеров и даже некоторые начальники при удобном случае грабили. Крайне редки были те, кто обладал твердой моралью и не участвовал в этом. Я не преувеличиваю. Мне пришлось наблюдать массовые грабежи в России, Европе и в Африке. При появлении безнаказанности громадное большинство людей превращается в преступников. Очень редки люди, остающиеся честными, даже если на углу нет больше полицейского. Уберите жандарма — и все окажутся дикарями. И это в культурных городах Европы, тем более в армии. То же население, страдавшее от грабежа, само грабило с упоением.

Недаром лозунг большевиков “Грабь награбленное” имел такой успех и теперь им очень неудобен».

Врангель же в мемуарах утверждал, что сумел добиться «полного уважения со стороны войск к частной собственности населения». Наверняка это преувеличение. Разумеется, на глазах у командарма старались не грабить. Да и командиры, покрывая своих людей, старались не докладывать ему о грабежах. Вот и создалось у Петра Николаевича впечатление, что войска больше ими не занимались.

После сражения под Великокняжеской генерал Врангель остался командующим Кавказской армией, в которую теперь входили главным образом кубанские части. 8 мая 1920 года барон получил приказ овладеть Царицыном. Он обещал Деникину дойти до города за три недели. В тот же день в станице Великокняжеской Врангель издал приказ № 1 по Кавказской армии: «Славные войска Манычского фронта!

Волею Главногокомандующего, генерала Деникина, все вы объединены под моим начальством, и нам дано имя “Кавказская армия”.

Кавказ — Родина большинства из вас, Кавказ — колыбель вашей славы...

От Черного и до Каспийского моря пронеслись вы, гоня перед собой врага, — палящий зной и стужа, горы Кавказа и безлюдные ставропольские степи не могли остановить вас, орлы...

Орлиным полетом перенесетесь вы и через пустынную степь калмыков к самому гнезду подлого врага, где хранит он награбленные им несметные богатства, — к Царицыну, и вскоре напоите усталых коней водой широкой матушки Волги...»

Врангель рассчитывал ворваться в город с ходу, на плечах отступающих красных. Противник, разбитый под Великокня-

жеской, отходил настолько поспешно, что части врангелевской армии не всегда успевали поддерживать с красными боевое соприкосновение. 13 мая Кавказская добровольческая армия одержала победу в бою на реке Сале.

Но первоначальные успехи быстро развить не удалось. Между частями врангелевской армии, вследствие их быстрого наступления, образовался разрыв, чем воспользовался неприятель. Врангель вспоминал: «15 мая наши части заняли станцию Котельниково и форсировали реку Курмоярский Аксай. 1-й Кубанский корпус генерала Покровского быстро выдвинулся вперед, после горячего боя овладел хутором Верхне-Яблочным, где захватил свыше 2000 пленных, 10 орудий, 25 пулеметов и громадные обозы. Однако, вследствие быстрого выдвижения 1-го Кубанского корпуса, между его правым флангом и левым флангом 2-го корпуса генерала Улагая образовался разрыв, который противник удачно использовал. 17 мая с утра он перешел значительными силами в наступление, охватывая левый фланг нашей пехоты. Последняя не выдержала, дрогнула и, бросив свою артиллерию, стала поспешно отходить на Котельниково. Начальник дивизии генерал Патрикеев, пытавшийся со своим штабом восстановить в частях порядок, был настигнут красной конницей и зарублен, 6-я пехотная дивизия была почти полностью уничтожена. Артиллерия дивизии была захвачена противником. Генерал Бабиев, бросившийся со своей конницей на выручку стрелков, отбросил было противника, отбил наши орудия, но затем сам был оттеснен. Тогда командир корпуса генерал Улагай, прибывший на место боя во главе своего конвоя и случайно собранных им ближайших частей, бросился в атаку, опрокинул врага, вернул потерянные пехотой орудия и вынудил противника начать отход, дав яркий образец значения личного примера начальника».

Армия Врангеля 20—22 мая форсировала Есауловский Аксай — последний водный рубеж на пути к Царицыну. Однако у нее почти не осталось пехоты и было очень мало артиллерии. Деникин обещал подбросить и то и другое, иначе штурм Царицына становился невозможен. 21 мая Врангель узнал, что вместо обещанной ему 7-й пехотной дивизии будет прислан 1-й пехотный полк, насчитывавший всего несколько сотен штыков. Однако железнодорожный мост через Сал был взорван красными, и на его восстановление требовалось еще не менее двух недель, так что отправленные главнокомандующим несколько танков не могли прибыть на фронт ранее 5 июня. Упорные бои на Есауловском Аксае продолжались до 24 мая.

Включенное в мемуары Врангеля описание ночи перед атакой свидетельствует о том, что генерал был не чужд романтики: «С тех пор, как бывший в моем резерве 4-ый конный корпус вошел в общую линию боевого порядка, я непосредственно управлял войсками, следуя верхом при 4-ом корпусе. В ночь на 27-ое перед атакой армия ночевала в поле. Стояла тихая звездная ночь. Воздух напоен был степным ароматом. Далеко по степи раскинулись бивуаки полков. Я спал на бурке, подложив под голову подушку седла. Кругом слышались голоса казаков, фыркали кони, где-то далеко на заставе слышались выстрелы. Казалось, что история перенесла нас на целый век назад, в эпоху великих войн, когда не было ни телеграфов, ни телефонов и вожди армий сами водили войска в бой».

Противостояние было жестким, противники сосредоточили на царицынском рубеже серьезные силы: «На рассвете армии дружно атаковали позицию красных, 3-я Кубанская дивизия во главе с храбрым генералом Павличенко прорвала фронт противника, 2-ой Кубанский корпус, преследуя врага по пятам, занял станцию Тингуту. По мере приближения к Царицыну противник оказывал всё более ожесточенное сопротивление. В Царицыне лихорадочно сосредоточивались красные части на поддержку разбитой X армии. Сюда была стянута почти вся XI армия с Астраханского направления. С фронта адмирала Колчака подошла дивизия коммунистов. Из 16-ти городов центральной России подвезено было 8000 человек пополнения. К коннице Думенко, из 8-ми полков, подошли 1500 всадников конницы Жлобы. Из Астрахани в Царицын прибыло два миноносца. Суда и баржи Волжской флотилии были вооружены не только легкой, но и тяжелой артиллерией. В распоряжении противника находилось несколько бронепоездов. В бою на реке Царице части вновь понесли тяжкие потери. Однако близость Царицына, сулившего отдых после тяжкого непродолжительного похода, вселяла в войска силы, и они с неудержимым порывом шли вперед. 29-го мая 2-ой и 4-ый корпуса подошли к реке Червленной, с боем форсировали ее и сбили державшегося на северном берегу противника. В то же время 1-ый корпус после упорного боя овладел станцией Кривомузгинской, захватив здесь около 2000 пленных».

Обещание, данное Врангелем главнокомандующему, было выполнено: «Неотступно преследуя противника, моя конница в самых тяжелых условиях пересекла безлюдную и безводную калмыцкую степь, преодолела ряд укрепленных и отчаянно оборонявшихся противником рубежей и подошла к Царицы-

ну, “Красному Вердену”*, как именовали его большевики, пройдя около 300 верст, в назначенный мною Главнокомандующему трехнедельный срок. Намечая этот срок, я правильно учел обстановку. В то же время обещание Главнокомандующего дать мне необходимые для завершения операции силы и средства исполнено не было. Развивавшиеся успехи на Харьковском направлении поглощали всё внимание Главнокомандующего, и Царицынское направление в глазах генерала Деникина стало второстепенным».

Поскольку на пехотные подкрепления в скором времени рассчитывать не приходилось, Врангель попытался взять Царицын кавалерийской атакой. Он опасался, что, если промедлить, противник успеет подтянуть свежие силы и сам перейдет в контрнаступление, которое Кавказская добровольческая армия, с ее растянутыми коммуникациями и плохим снабжением, могла не выдержать. А отступать пришлось бы по бедным и безводным калмыцким степям.

Корпусу генерала Улагая было приказано наступать на Царицын с юга, через Воропоново, корпус генерала Шатилова должен был наступать с запада, а корпусу генерала Покровского предстояло атаковать вдоль железной дороги Лихая—Царицын и направить одну бригаду в окрестности станции Котлубань, чтобы отрезать красным путь отхода на северо-запад.

Наступление развивалось успешно. 30 мая Улагай после жестокого боя взял Теплые Воды, в десяти километрах от Царицына, корпус Шатилова подошел к реке Ягодной, а корпус Покровского овладел станцией Карповка. Однако тяжелая артиллерия с судов красной Волжской флотилии остановила продвижение кубанцев Улагая. Генерал предложил часть своих сил передать Шатилову для атаки города с запада. Врангель эту идею одобрил.

Новая атака белых на Царицын началась на рассвете 1 июня после перегруппировки. В группу генерала Шатилова были объединены 4-й конный корпус, 2-я Кубанская дивизия, три полка 1-й Кубанской дивизии и 3-я пластунская бригада. Ударная группа сосредоточилась в районе Гавриловка—Варваровка.

Как раз перед наступлением, вечером 31 мая, был получен подписанный накануне приказ Деникина о его подчинении

* Верден — французский город, у которого с 21 февраля по 18 декабря 1916 года происходила одна из самых крупных и кровопролитных операций Первой мировой войны: на расстоянии 30 километров по фронту и 10 километров в глубину действовали пехота, артиллерия и авиация. Совокупные потери составляли почти миллион. Эта операция вошла в историю как «Верденская мясорубка», а у военных появился термин «сражение верденского типа», то есть на истощение противника. (Прим.: ред.)

адмиралу Колчаку. Врангель прокомментировал в мемуарах это событие: «Объединение всех борющихся против общего врага русских сил, несомненно, усиливало наше положение и значение нашего дела в глазах мира. Генерал Деникин, подчинившись адмиралу Колчаку в дни блестящих успехов своих войск, давал пример гражданского долга».

Но отдавая должное патриотизму Деникина, Врангель и на этот раз не мог устоять перед искушением покритиковать своего бывшего командира: «По форме я находил приказ неудачным. Упоминание о том, что “в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой, Единой России”, имевшее, очевидно, в виду “самостийные группы казачества”, должно было произвести на войска, далекие от политики и мало осведомленные о борьбе главного командования с этими группами, неблагоприятное впечатление. Неудачна была и фраза о том, что генерал Деникин, “отдавая свою жизнь горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье”, подчиняется адмиралу Колчаку. Добровольное подчинение в интересах Родины не только не требовало “отдать жизнь”, но и не должно было быть жертвой для честного сына Отечества...»

Армии Врангеля удалось прорвать фронт красных, занять станции Басаргино, Воропоново, Крутенькая и подойти к последнему оборонительному рубежу перед Царицыном: станция Ельшанка и село с тем же названием, станция Садовая, станция Гумрак.

Но 2 июня наступление Шатилова захлебнулось под мощным огнем неприятельских батарей и бронепоездов — сказался недостаток снарядов. За два дня боев группа Шатилова потеряла более тысячи человек.

Врангель телеграфировал в штаб Деникина: «После трехнедельного тяжелого похода, ведя непрерывные бои, армия подошла к Царицыну. Двухдневные кровопролитные атаки разбились о технику, сильнейшую артиллерию и подавляющую численность врага. Учитывая значение Царицына, противник продолжает подвозить подкрепления. Честно смотря в глаза истине, вижу, что без мощной пехоты, артиллерии и технических средств взять Царицын не могу. Должен допустить мысль, что переход противника в наступление приведет к потере обескровленной армией части захваченного пространства. Армию упрекнуть не могу. За время операции некоторые полки дошли по составу до сотни. Убито и ранено пять начальников дивизий, три командира бригад, одиннадцать командиров полков».

Опасения Врангеля оправдались: 4 (17) июня красные пе-

решили в контрнаступление. Кубанские пластуны из 4-го конного корпуса вынуждены были оставить Воропоново. Врангелю пришлось отвести войска к линии рек Червленной и Карповки. Здесь правый фланг белых был прикрыт рекой Сарпой. Дальше красные продвинуться не смогли. К 5 июня железнодорожный мост через Сал был отремонтирован. Это улучшало условия снабжения врангелевской армии и позволяло перебросить к Царицыну танки.

Петр Николаевич вновь обвинял Деникина: «Неудача нашей атаки под Царицыном тяжелым камнем легла мне на сердце. Я негодовал на Ставку, сорвавшую весь успех, не выполнив данного мне обещания своевременно усилить меня пехотой, артиллерией и техническими средствами, что клал я в основу всей операции. Бесконечно жаль было напрасно понесенных жертв. Под влиянием этих чувств написал я немедленно по окончании операции, находясь в хуторе Верхне-Царицынском, письмо генералу Деникину, в коем излил всю горечь своих переживаний. Я упоминал о том, что невыполнение данного мне Главнокомандующим обещания, на каковом строил я свой план действий, лишает меня возможности и на будущее время принимать ответственные решения, не будучи уверенным, что последние не будут сорваны распоряжениями свыше. При этих условиях я не считал возможным нести лежащую на мне перед войсками ответственность и просил по завершении Царицынской операции освободить меня от должности командующего армией». Для вручения письма главнокомандующему Врангель командировал полковника фон Лампе, познакопив его с содержанием письма. Когда тот проезжал через станцию Котельниково, где находился штаб армии, генерал Юзефович пытался его задержать. Однако полковник доложил, что имеет от Врангеля приказание безостановочно ехать в Екатеринодар. Юзефович приказал фон Лампе по прибытии в Екатеринодар ожидать от него телеграммы, до получения которой не передавать письмо Деникину, сам же выехал навстречу Врангелю и стал горячо упрашивать его взять свое решение обратно.

Настойчивость Врангеля принесла плоды — он получил желанные подкрепления: «4-го июня генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего вызвал генерала Юзефовича к аппарату и передал ему, что по получении моей телеграммы от 2-го июня Главнокомандующий отдал приказание спешно направить ко мне закончившую формирование 7-ую пехотную дивизию в составе двух полков и пяти батарей; 3 бронепоезда, вооруженные тяжелой артиллерией и, наконец, шесть танков... Лишь после полученного кровавого урока Ставка спо-

хватилась. Я уступил настояниям своих ближайших помощников и приказал телеграммой полковнику фон Лампе письма не вручать».

Подкрепления могли прибыть около 15 июня, так как железная дорога пропускала в сутки лишь шесть пар поездов. В то время Вооруженные силы Юга России наступали на всех фронтах. Но эти успехи омрачались по-прежнему скверным состоянием тыла. От генерала Юзефовича Врангель узнал и много грустного: «...штаб генерала Май-Маевского во главе с ним самим вел себя в Ростове самым nepозволительным образом. Гомерические кутежи и бешеное швыряние денег на глазах всего населения вызывали среди благоразумных элементов справедливый ропот. Тыл был по-прежнему не организован. Войсковые начальники, не исключая самых младших, являлись в своих районах полновластными сатрапами. Поощряемые свыше войска смотрели на войну как на средство наживы. Произвол и насилие стали обычным явлением... трудно было первое время в условиях настоящей борьбы требовать от войск соблюдения обычаев войны. В течение долгих месяцев армия жила военной добычей. Разоренные и ограбленные большевиками казаки справедливо хотели вернуть свое добро... В приказе моем к войскам, говоря о накопленном противником неслетном добре в Царицыне, я сам это учитывал».

Однако Врангель неуклонно проводимыми мерами стремился постепенно привить частям чувство законности, опираясь на верных помощников — командиров корпусов, генералов Улагая и Шатилова; даже генерал Покровский поддерживал теперь в своих казачьих войсках должный порядок: «Захваченные у красных деньги делились между людьми полков особыми полковыми комиссиями. Часть денег отчислялась в артельные суммы частей. Всё же оружие, войсковое и интендантское имущество сдавалось полками и поступало в отдел снабжения армии. Я достиг полного уважения со стороны войск к частной собственности населения. Ежели этого удалось достичь с казаками, то с регулярными частями, в значительной мере пополненными интеллигентным элементом, с огромным процентом офицерского состава, это могло, казалось бы, быть достигнуто и того легче».

Тринадцатого июня в Ростове во время Южнорусской конференции по устройству гражданской власти на юге России был убит член Кубанской краевой рады С. К. Рябовол. Убийц не нашли, да толком и не искали. Это был тревожный звонок, предвещавший серьезный конфликт командования Вооруженных сил Юга России с кубанским правительством.

На следующий день, 14 июня, Врангель издал директиву о новом наступлении на Царицын:

«Группе генерала Улагая (2-ой и 4-ый корпуса, 7-ая пехотная дивизия, дивизион танков, броневедомостей и 4 бронепоезда) прорвать фронт противника и, развивая наступление вдоль железной дороги Сарепта—Царицын, овладеть Царицыном с юга.

1-му Кубанскому корпусу, выделив часть сил для обеспечения маневра с севера, наступать в общем направлении на хутор Россошинский — Гумрак, дабы прижать противника к Волге и отрезать ему путь отхода на север.

Начало общего наступления с рассветом 16-го июня».

Силы красных под Царицыном врангелевская разведка оценивала в 16 тысяч штыков, пять тысяч сабель, 119 орудий, шесть бронепоездов. Волжская речная флотилия красных состояла из катеров, понтонов, а также девяти канонерских лодок и миноносцев. Кроме того, из Уфы в Царицын перебрасывалась 2-я советская дивизия. Один из ее полков уже успел 14 июня прибыть в город.

Врангель вспоминал подробности взятия Царицына:

«В ночь на 16 июня ударная группа генерала Улагая построила боевой порядок западнее железной дороги к югу от деревни Копани: в центре и впереди 4 танка с 3 броневыми автомобилями; непосредственно за ними пехота — 7-ая дивизия и пластуны; в резерве два конных корпуса; на правом фланге 3 бронепоезда и 3-я Кубанская дивизия.

Едва стало сереть, танки двинулись вперед и, давя проводочные заграждения, разошлись вправо и влево, расстреливая бросившуюся в панике бежать неприятельскую пехоту. Следом за танками стремительно двинулась пехота. Вслед за пехотой устремилась в прорыв кавалерия.

Противник бежал частью на Царицын, частью в Воропоново. Брошенная для спасения положения со стороны станции Басаргино в направлении на Червленноразное красная конница, поддержанная двумя бронепоездами, успеха не имела. Наша конница, поддержанная броневедомостями, отбросила красных. Конница генерала Шатилова заняла станцию Воропоново. На правом фланге 3-я Кубанская дивизия при помощи бронепоездов овладела станцией и деревней Бекетовка и отбросила противника к станции Ельшанка.

Противник отошел на 2-ую и последнюю укрепленную позицию, расположенную по высотам южнее и юго-западнее Царицына, по линии станция Ельшанка — село Ельшанка — Крутенская. В то время как развивался бой на фронте ударной группы генерала Улагая, корпус генерала Покровского после артиллерийской подготовки перешел в наступление в общем направлении на Котлубань, но успеха достичь не мог. В 3 часа

дня генерал Покровский вновь атаковал красных, прорвал фронт и совершенно разгромил противника, взяв 5000 пленных и 8 орудий, выйдя на фронт Карповка—Бабуркин, одновременно конные части 1-го корпуса заняли хутор Вертячий. Около 5 часов вечера войска генерала Улагая вновь атаковали противника и после ожесточенного боя овладели станцией и селом Ельшанкой и станцией Садовой. Успеху атаки много способствовали наши аэропланы, бомбардировавшие войска противника. Неприятель отошел к самой окраине города».

Но группа Улагая была очень утомлена и с темнотой приостановила наступление, не сумев ворваться в Царицын на плечах неприятеля. Генерал просил отложить возобновление наступления на день. Врангель выехал в штаб Улагая и настоял на возобновлении атаки. В пять часов вечера 17 июня бои возобновились. 3-я Кубанская и 7-я пехотная дивизии при поддержке бронепоездов ворвались в Царицын. Конница Шатилова взяла станцию Гумрак.

Восемнадцатого июня Врангель издал приказ по случаю взятия Царицына:

«Славные войска Кавказской армии!

8-го мая под станцией Великокняжеской вы разбили противника и погнали его к Царицыну.

С тех пор, в течение сорока дней, не зная отдыха, вы гнали врага. Ни безводье калмыцких степей, ни палящий зной, ни отчаянное сопротивление врага, к которому непрерывно подходили подкрепления, не могли остановить вас.

В ряде жестоких боев вы разбили X и подошедшую XI армии противника и, подойдя к Волге, ворвались в логовище врага — Царицын...

За все эти сорок дней противник потерял 40 000 пленных, 70 орудий, 300 пулеметов; его бронепоезда, броневики и другая военная добыча попали в ваши руки.

Ура вам, храбрецы, непобедимые орлы Кавказской армии.

Слава о новых подвигах ваших пронесется как гром, и весть о ваших победах в родных станицах, селах и аулах заставит гордостью забиться сердца ваших отцов, жен и сыновей.

Генерал Врангель».

В руки врангелевской армии также попали бронепоезда «Ленин» и «Троцкий», огромное количество боеприпасов, 131 паровоз, более десяти тысяч вагонов.

Утром 19 июня Врангель приехал в Царицын. Генерал П. С. Махров так запечатлел в своих мемуарах встречу с ним: «Генерал Врангель сидел за письменным столом в роскошном салоне со своим начальником штаба... Генерал Врангель выглядел очень эффектно: высокий, стройный, затянутый в чер-

ную черкеску с белыми газырями и небольшим изящным кинжалом у пояса. У него было красивое гладко выбритое лицо, коротко подстриженные усы, в больших глазах отражались ум, воля, энергия. Манеры Врангеля были элегантны в своей простоте и непринужденности. Голос звучал приятно, а говорил он кратко и ясно».

Взятие Царицына стало крупнейшим успехом в военной карьере барона. Никогда ни до, ни после войска под его командованием не захватывали столько пленных и трофеев. Однако, несмотря на то, что пленных теперь не расстреливали, лишь несколько сотен из них смогли пополнить ряды Кавказской добровольческой армии. Большинство же либо использовались на работах по ремонту путей сообщения и возведению укреплений, либо отправлялись в тыл, где из них пытались сформировать новые воинские части. Между тем оптимальным способом использования пленных было бы добровольно-принудительное вливание в ряды тех частей, которые их захватили. Пока белым армиям сопутствовал успех, относительная лояльность большинства пленных была гарантирована.

Эту практику вливания пленных непосредственно в части Врангель будет более широко применять в Крыму. Но и тогда основную массу пленных будут отправлять в тыл, в запасные батальоны, и большинство из них так и не успеет принять участие в борьбе на стороне белых.

Действия Врангеля под Царицыном, где ярко проявился его полководческий талант, генерал Б. А. Штейфон охарактеризовал следующим образом:

«После семнадцатидневной операции войска Врангеля овладели 17 июня Царицыном. Необходимо при этом отметить тот удивительно смелый план, какой применил Врангель для непосредственного овладения городом: он совершенно обнажил свой фронт на двадцать с лишком верст, сосредоточил три четверти своих сил на правом фланге и столь внушительным кулаком нанес удар вверх по Волге. Это была внешне азартная, но в действительности совершенно обдуманная ставка на психологию врага. И большевицкая карта была бита...

В Манычских боях, а затем в Царицынской операции проявились весьма ярко две главных черты характера Врангеля: неудержимый порыв и изумительная настойчивость. Сочетанием таких крайностей и характеризуется большое военное дарование».

По мнению Штейфона, эта победа имела огромное значение для дальнейшей карьеры военачальника: «Изучая жизнь и деятельность П. Н. Врангеля, невольно приходишь к заключению, что по своим последствиям, тогда еще незримым, ов-

ладение Царицыном явилось для П. Н. Врангеля событием чрезвычайно важным, а в известном смысле и роковым. Царицынская победа создала его имени большую популярность в войсках. В то же время на него обратила внимание и им заинтересовалась иностранная дипломатия в лице представителей Англии и Франции. Вместе с тем, взятие Царицына послужило как бы причиной к обострению отношений между генералом Деникиным и генералом Врангелем, что в свою очередь оказало большое влияние на последующие события».

За взятие Царицына англичане наградили Врангеля орденом Святых Михаила и Георгия, а один из офицеров Кавказской армии сочинил в честь командарма красивый походный марш «Генерал Врангель».

Вечером 19 июня в Царицын прибыл Деникин. Он сразу же провел совещание с Врангелем и Юзефовичем.

Врангель предлагал после взятия Царицына завершить операцию группы генерала Эрдели по овладению Астраханью. Продолжение наступления Добровольческой и Донской армий на север он считал слишком рискованным в условиях расстройтва тыла, отсутствия резервов и чрезмерной растяжки линии фронта. Петр Николаевич полагал, что оптимальным вариантом было бы временно укрепиться на сравнительно коротком и обеспеченном на флангах крупными водными преградами фронте Царицын—Екатеринослав и, выделив из Кавказской армии часть сил для действия в юго-восточном направлении с целью содействия Астраханской операции, сосредоточить в районе Харькова крупную конную массу в три-четыре корпуса. В дальнейшем он считал необходимым действовать конницей на кратчайших к Москве направлениях, нанося удары в тыл красным армиям, и одновременно реорганизовывать тыл, укомплектовывая и разворачивая части, создавая свободные резервы, строя в тылу укрепленные узлы сопротивления. Все эти соображения были изложены в рапортах, которые были вручены главнокомандующему. Генерал Деникин, принимая их, усмехнулся: «Ну, конечно, первыми хотите попасть в Москву».

В принципе, план Врангеля был разумен. Он давал хоть какие-то шансы на успех. Как показал последующий рейд конного корпуса Мамонтова, белая кавалерия могла довольно свободно перемещаться в красном тылу. Группировка в несколько конных корпусов, вероятно, имела шансы достичь Москвы — если бы, конечно, казаки не слишком увлеклись грабежом городов на пути к Москве. Хотя, как и в случае с Царицыном, можно было постараться увлечь их обещанием тех несметных богатств, что ждут их в Москве.

Но, как свидетельствовал тот же царицынский опыт, взять большой, сильно укрепленный город, защищаемый многочисленными неприятельскими войсками с мощной артиллерией, силами одной только конницы невозможно. Требовалось наличие большого количества частей пехоты и тяжелой артиллерии. Но ни та ни другая не успели бы за стремительным рейдом конных корпусов. А у красных в Москве был сильный гарнизон с артиллерией и большим запасом снарядов. Кроме того, можно было не сомневаться, что советское командование бросит на защиту Москвы все силы, в том числе и конный корпус С. М. Буденного, который по своей численности и обеспеченности артиллерией был равен двум-трем конным корпусам белых, а также другие лучшие стрелковые и кавалерийские дивизии. Думается, что даже при принятии плана Врангеля у белых всё равно не было бы шансов взять Москву и одержать в тот момент победу в Гражданской войне.

Между прочим, чуть позже аналогичный план предлагал и генерал-лейтенант А. Г. Шкуро. В мемуарах он писал:

«Как раз в это время проходил знаменитый рейд генерала Мамонтова, и от него не было известий. Я просил о том, чтобы мне было разрешено пробиваться на соединение с корпусом Мамонтова для дальнейшего, по соединении, совместного рейда для освобождения Москвы; доказывал, что, овладев Москвой, мы вырвем сразу всё управление из рук кремлевских самодержцев, распространим панику и нанесем столь сильный моральный удар большевизму, что повсеместно вспыхнут восстания населения и большевизм будет сметен в несколько дней. Донцы поддерживали мой план. Однако Врангель и Кутепов сильно восстали против него. Врангель вследствие своего непомерного честолюбия не мог перенести, чтобы кто-либо, кроме него, мог сыграть решающую роль в Гражданской войне. Кутепов же опасался, что его правый фланг вследствие моего ухода повиснет в воздухе и он будет отрезан от донцов.

Все эти опасения были напрасны, ибо красная пехота, сильно потрепанная и чувствовавшая себя обойденной, едва ли была способна к энергичным наступательным действиям. Красной же кавалерии, кроме корпуса Думенко, действовавшего в Царицынском направлении, почти еще не существовало, ибо Буденный только формировал ее в Поволжье. Однако Главнокомандующий не разрешил мне этого движения. Бывая в Ставке, я продолжал настаивать.

— Лавры Мамонтова не дают Вам спать, — сказал мне генерал Романовский. — Подождите, скоро все там будем. Теперь же вы откроете фронт армии и погубите все дело.

В разговоре с генерал-квартирмейстером Плющевским-Плющиком я сказал ему частным образом, что, невзирая на запрещение, на свой страх брошусь на Москву.

— Имей в виду, — предупредил он меня, — что возможность такого с твоей стороны шага уже обсуждалась и что в этом случае ты будешь немедленно объявлен государственным изменником и предан, даже в случае полного успеха, полковому суду.

Пришлось подчиниться, но если бы я не подчинился, тогда история России была бы написана иначе. Не хочется верить, но многие и многие говорили мне потом, что тут со стороны Главного командования проявилось известное недоверие к казачеству и нежелание, чтобы доминирующую роль в освобождении Москвы — этого сердца России — сыграли казаки войска».

Разумеется, Шкуро, как Врангель и другие белые генералы, мечтал сыграть решающую роль в Гражданской войне. Но, объективно говоря, его план, принципиально не отличаясь от плана Врангеля, имел больше шансов на успех, чем «Московская директива» Деникина, но всё равно вряд ли привел бы к победе белых.

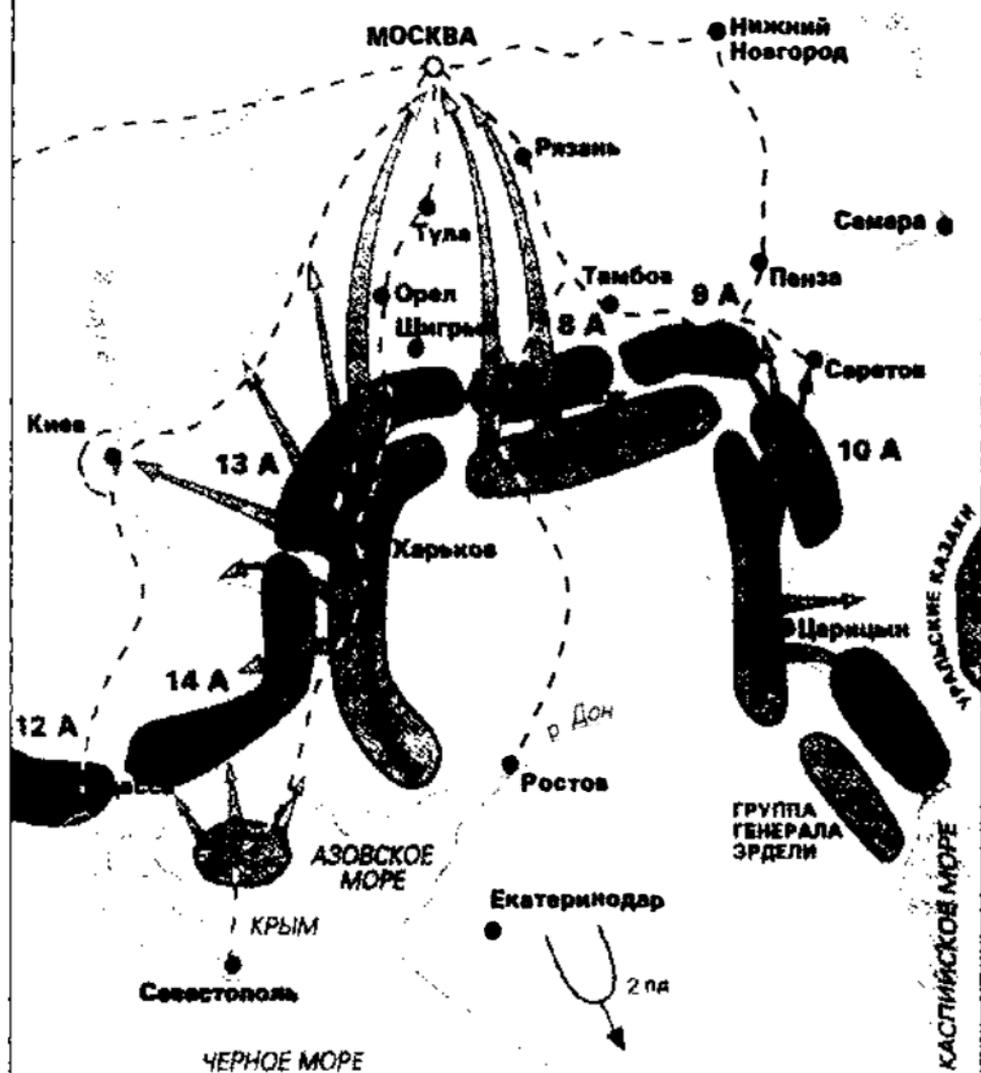
Зато среди офицеров Вооруженных сил Юга России подобные планы лихих кавалерийских рейдов до самой Москвы пользовались большой популярностью. Так, Сергей Мамонтов утверждает: «Существовал проект: собрать кулак из лучших полков и идти без оглядки на Москву. Не думаю, чтобы красные смогли нас остановить. А судя по рейду генерала Мамонтова у Тамбова, население встречало его с радостью и пополняло его ряды. Конечно, это был большой план, и надо было быстро решиться. Но именно решиться и оказалось очень трудно — все обсуждали. Время прошло, красные смогли подтянуть все освободившиеся силы с других фронтов. А наши доблестные полки были измотаны штоккой прорех: фронта-то сплошного не было. Были отдельные группы войск, а между ними никого. Просочиться было просто».

В только что освобожденном от красных Царицыне на следующий день, 20 июня, продолжилось совещание. Главнокомандующий познакомил Врангеля и Юзефовича с «Московской директивой». Она гласила:

«Вооруженные Силы Юга России, разбив армии противника, овладели Царицыном, очистили Донскую область, Крым и значительную часть губерний Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

«Московская директива» генерала Деникина

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов—Ртищево—Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее на Нижний Новгород, Владимир и Москву.

Теперь же отправить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину — правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин—Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Волово, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении: Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав—Брянск.

4. Генералу Добrorольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

5. Генералам Тяжельникову (командующий войсками Черноморской области) и Эрдели продолжать выполнение ранее поставленных задач.

6. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач генералов Тяжельникова и Добrorольского и блокировать порт Одессу.

7. Разграничительные линии: а) между группой генерала Эрдели и Кавказской армией — прежняя; б) между Кавказской и Донской армиями — Калач, граница Донской области, Балашов, Тамбов, Моршанск, все пункты для Донской армии; в) между Донской и Добровольческой армиями — Славяно-сербск, Старобельск, Валуйки, Короча, Щигры, Верховье, Узловая, Кашира — все пункты для Донской армии; г) между Добровольческой армией и 3-м корпусом — северная граница Таврической губернии — Александровск.

8. Железная дорога Царицын—Поворино—Балашов предоставляется в общее пользование Кавказской и Донской армиям.

9. О получении донести».

В мемуарах генерал Врангель назвал эту директиву «смертным приговором армиям Юга России»: «Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного операционного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр — всё это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву».

По словам Врангеля, они с генералом Юзефовичем, прослушав директиву, буквально остолбенели. Много позже, ра-

ботая над мемуарами, Петр Николаевич признавался: «Мне и поныне непонятно, как мог этот документ выйти из-под пера генерала Деникина». Сам же главнокомандующий был ею, видимо, очень доволен. Закончив чтение, он весело добавил: «Да, вот как мы стали шагать. Для этой директивы мне пришлось взять стоверстную карту».

В тот день Деникин обедал у Врангеля. Во время обеда Петр Николаевич провозгласил тост за здоровье главнокомандующего. Генерал Деникин, отвечая, подчеркнул значение этого дня: «Сегодня мною отдан приказ армиям идти на Москву». Вечером главнокомандующий выехал в Харьков.

Действительно, деникинская директива противоречила всем принципам стратегии. Численность Вооруженных сил Юга России отнюдь не возростала. Врангель писал: «Вследствие больших потерь и отсутствия свежих пополнений, боевой состав казачьих полков не превосходил 500—600 человек. Пластунские части были также малочисленны, 6-я пехотная дивизия, жестоко пострадавшая под Котельниково, была окончательно небоеспособна, отведена в глубокий тыл и укомплектована за счет пленных красноармейцев, только еще обучалась и приводилась в порядок. Несколько в лучшем положении находились артиллерия и технические войска, пополненные пленными и добровольцами. Отсутствие на Кубани твердой власти и порядка на местах и непрекращающаяся политическая борьба давали возможность казакам уклоняться от выполнения воинского долга. Кубань перестала давать пополнения. Не только эвакуированные в тыл раненые, но и значительная часть уволенных в командировки и отпуск казаков, пользуясь ослаблением власти, уклонялись от возвращения в строй. Полевая рабочая страда особенно оттягивала казаков в тыл. Конский состав был сильно измотан, за непрерывными боями ковка совсем запущена; материальная часть, оружие и снаряжение были в самом плачевном состоянии. Всё это требовалось привести в порядок».

В условиях, когда тыл не был налажен, а Кубань уже перестала давать пополнения и нарастали противоречия Деникина с Кубанской радой, надо было постараться максимально сократить линию фронта и посредством перегруппировки сосредоточить как можно больше сил на направлении главного удара. Вместо этого Деникин стремился захватить как можно большую территорию. Киев, например, не имел никакого стратегического значения, зато имел большое политическое значение как «мать городов русских». И получилось так, что Добровольческой армии пришлось выбивать из Киева не красных, а уже занявшие город войска Украинской Народной

Республики. Это привело Деникина к острому конфликту с Петлюрой. В связи с занятием добровольцами Киева Деникин отдал приказ: «Самостийной Украины не признаю. Петлюровцы могут быть или нейтральны, тогда они должны сдать оружие и разойтись по домам; или же примкнуть к нам, признавши лозунги, один из которых широкая автономия окраин. Если петлюровцы не выполняют этих условий, то их надлежит считать таким же противником, как и большевиков». Так Вооруженные силы Юга России получили еще одного врага, пусть и не самого сильного.

Войска Петлюры в этот период фактически прекратили боевые действия против Красной армии, и советское командование получило возможность двинуть против Деникина дополнительные силы. Корпус генерала Н. Э. Бредова из-за этого был отвлечен на Правобережную Украину, в то время как остро не хватало войск на главном, Московском направлении. Кроме того, действия Деникина на Украине напугали поляков, и Юзеф Пилсудский на время заключил перемирие с Красной армией; освободившиеся советские силы как раз и нанесли решающее поражение Добровольческой армии Маймаевского под Орлом и Курском.

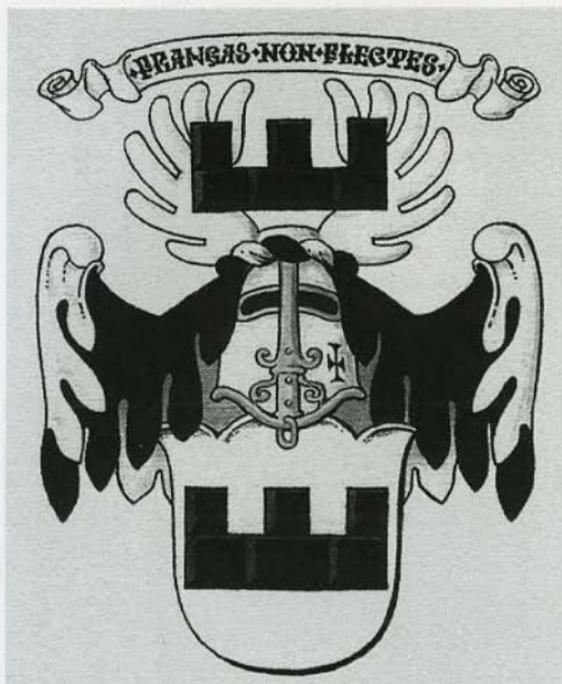
Приказав группе генерала Добророльского наступать в низовьях Днепра, Деникин вторгнулся в район, контролируемый Повстанческой армией Н. И. Махно, и получал, таким образом, еще одного опасного врага.

В связи с этими, достаточно неуклюжими попытками реализовать идею о единой и неделимой России и одновременно расправиться не только с большевиками, но и со всеми «самостийниками» А. Г. Шкуро вспоминал, что лозунг «неделимая Россия» теперь уже толковался в Ставке как отрицание федеративного государства. Отсюда возникли невозможность сговориться с Петлюрой, перешедшая впоследствии в вооруженную борьбу, недоразумения с Кубанской радой и с Грузией, кровопролитные столкновения с Дагестаном и Азербайджаном, недоброжелательства в сношениях с Польшей: «Всё это дробило силы и средства армии, вызывало необходимость содержания крупных гарнизонов в тылу и препятствовало возможности создания единого антибольшевистского фронта. Назначенный командующим войсками Кавказа генерал Эрдели, воспитанник Петербургских салонов, не имевший понятия о кавказских взаимоотношениях и обычаях, не сумел довести до конца удачно начатое мною умиротворение Ингушетии и Чечни. Там начались беспрерывные восстания. Игнорируемая Главным командованием Кубанская рада, ища союзников, приняла украинофильскую, вернее, петлюровскую ориентацию,

Major General

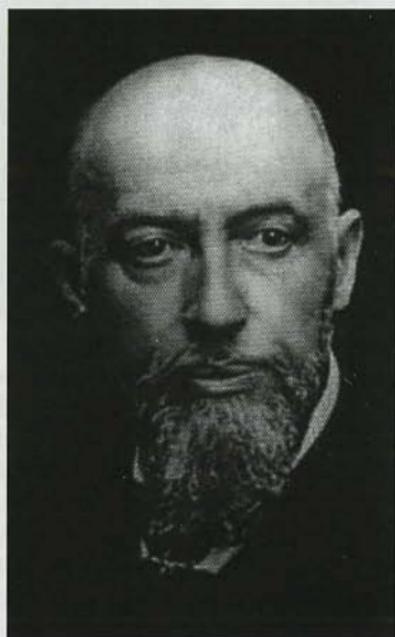
Герб рода
Врангелей

Мать П. Н. Врангеля
Мария Дмитриевна. 1890-е гг.

Отец П. Н. Врангеля
Николай Егорович. 1890-е гг.

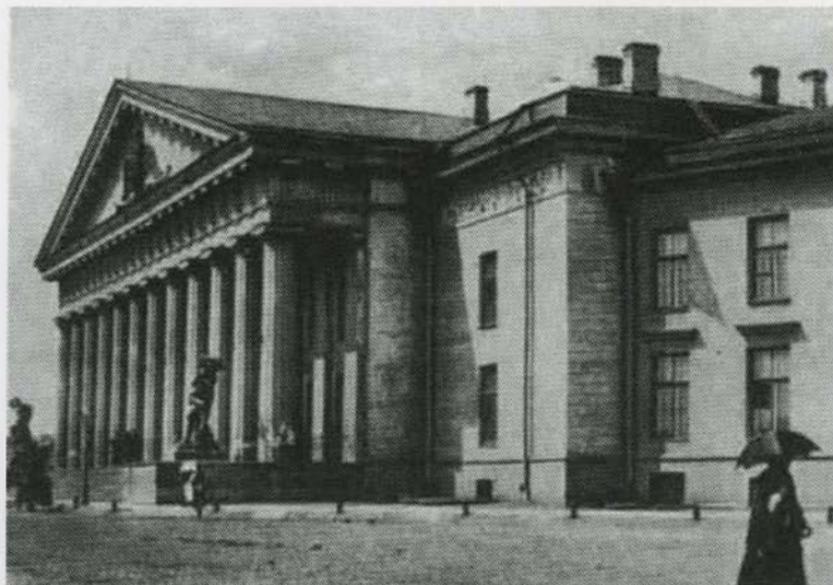

Дом Врангелей в Ростове-на-Дону

Ростовское Петровское реальное училище, которое окончил Врангель

Горный
институт
императрицы
Екатерины II
в Петербурге

Брат
П. Н. Врангеля
Николай
Николаевич.
1900-ггг.

Николаевская Академия
Генштаба в Петербурге

Ротмистр Петр Врангель
во время учебы в Академии
Генштаба

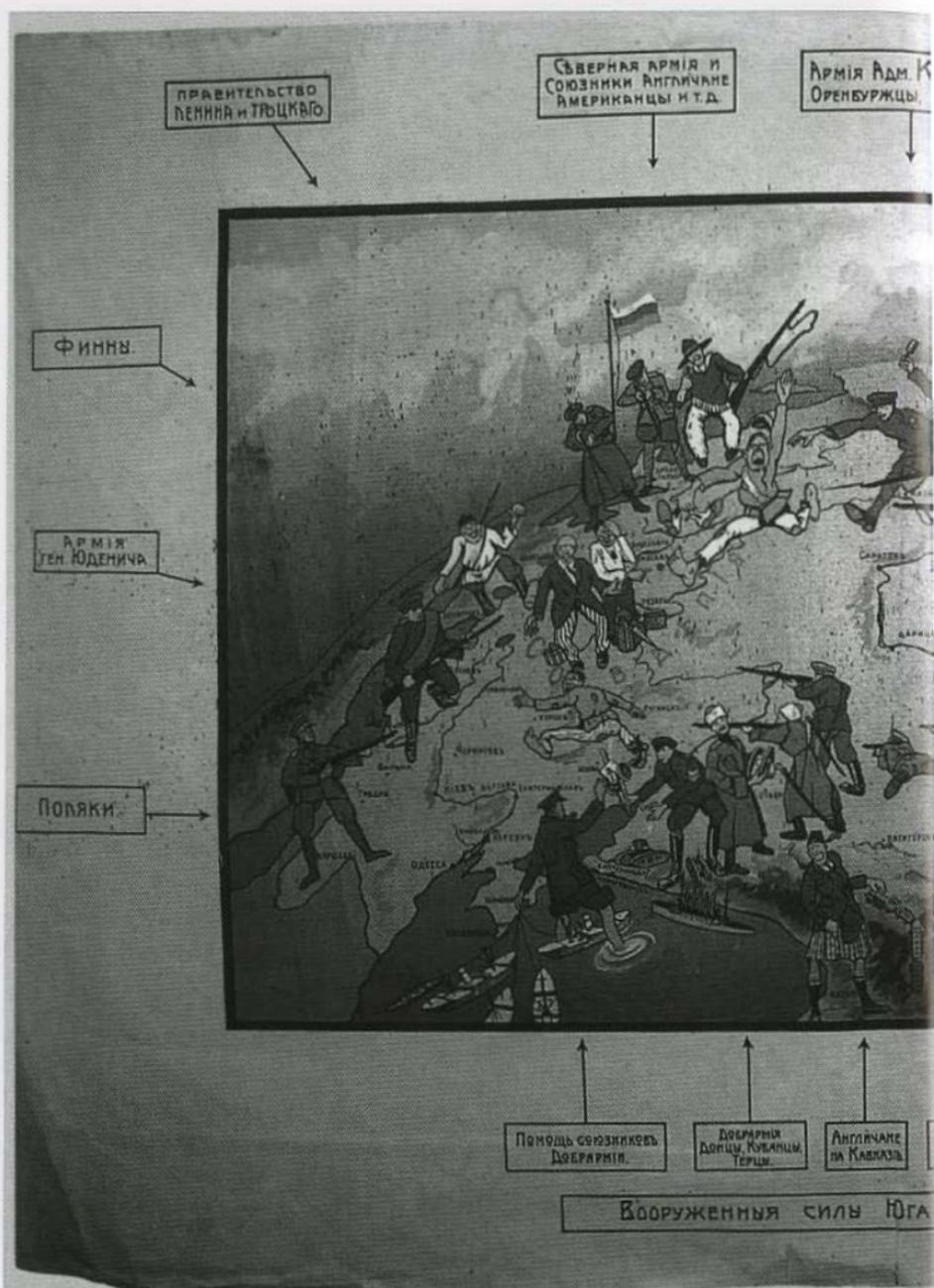
Жена П. Н. Врангеля Ольга Михайловна. 1920-е гг.

Ротмистр лейб-гвардии Конного полка Врангель на трофейной немецкой пушке после атаки 6 августа 1914 года под Каушеном

П. Н. Врангель, О. М. Врангель, полковник фон Валь
во время Первой мировой войны

Белогвардейский плакат с изображением антибольшевистских сил. 1919 г.

ЧУЖИЕ
РАБОТНИКИ

АНГЛИЧАНЕ, АМЕРИКАНЦЫ,
ЯПОНЦЫ

СИБИРЬ
ПРАВИТЕЛЬСТВО
Адм. КОЛЧАКА

БРИТАНСКАЯ
АРМИЯ

АНГЛИЧАНЕ НА
КАСПИЙСКОМ М.

РОССИИ

Руководство Вооруженных сил Юга России. На первом плане слева направо генералы: Верховный главнокомандующий А. И. Деникин, начальник Военного управления А. С. Лукомский, А. М. Драгомиров, начальник штаба Романовский. 1919 г.

Генерал С. Г. Улагай

Генерал В. З. Май-Маевский. 1919 г.

Командующий
I-м армейским корпусом
генерал А. П. Кугелов
во взятом Харькове. 1919 г.

Генерал Я. А. Слащев

Командующий Кавказской добровольческой армией генерал
П. Н. Врангель у штабного вагона под Царицыном. 1919 г.

Танки на станции Лозовая по пути на фронт

П. Н. Врангель с военным представителем Франции генералом Маженом в Крыму. 1920 г.

Медицинская «летучка». В составе такой бригады Красного Креста на переднем крае побывала О. М. Врангель. 1919г.

Главнокомандующий П. Н. Врангель
в пятом авиаотряде Русской армии

Правительство Юга России. Сидят слева направо: начальник штаба Русской армии П. Н. Шатилов, астраханский атаман Н. Д. Ляхов, терский атаман Г. А. Вдовенко, донской атаман А. П. Богаевский, главнокомандующий П. Н. Врангель, председатель Кубанского правительства В. Н. Иванис, глава правительства Юга России А. В. Кривошеин, исполняющий обязанности председателя Донского правительства М. В. Корженевский. *Севастополь, 1920г.*

Орден Святителя Николая
Чудотворца, утвержденный
Врангелем
30 апреля 1920 года

Епископ Севастопольский
Вениамин

Деньги правительства Юга России 1919—1920 годов

Верховный правитель Юга России П. Н. Врангель
с главой правительства А. В. Кривошеиным
и начальником штаба П. Н. Шатиловым. 22 июля 1920 г.

ибо малороссийское наречие, традиции, дух и нравы родственны значительной части населения Кубанского края».

Для похода на Москву не имело никакого критического значения взятие Астрахани. Там остатки советской 11-й армии большой активности не проявляли и на исход борьбы в период решающих боев на Московском направлении практически не влияли. Ратуя за наступление на Астрахань, Врангель ошибался вместе с Деникиным. Последний же явно преувеличивал степень разгрома красных под Царицыном и Харьковом.

Деникин в своих воспоминаниях так обосновывал «Московскую директиву»:

«Директива... потом в дни наших неудач осуждалась за чрезмерный оптимизм. Да, не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я был тогда оптимистом. И это чувство владело всем Югом — населением и армиями. Это чувство нашло отклик там, на севере, за линией фронта, среди масс, придавленных еще большевистским ярмом и с нетерпением, с радостью ждавших избавления. “Кассандры” примолкли тогда. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги.

Директива в стратегическом отношении предусматривала нанесение главного удара в кратчайших к центру направлениях — курском и воронежском, прикрываясь с запада движением по Днепру и к Десне. В психологическом — она ставила ребром перед известной частью колебавшегося казачества вопрос о выходе за пределы казачьих областей. В сознании бойцов она должна была будить стремление к конечной далекой, заветной цели. “Москва” была, конечно, символом. Все мечтали “идти на Москву”, и всем давалась эта надежда».

Практически милейший Антон Иванович задним числом признавал, что «Московская директива» имела больше моральное, чем стратегическое значение. Эйфория от недавних успехов на Северном Кавказе, под Царицыном и в Донбассе сыграла с главкомом злую шутку.

П. Н. Шатилов, один из ближайших сотрудников и друзей Врангеля, был на стороне Петра Николаевича в его конфликте с Деникиным. Он писал:

«Врангель обладал исключительным военным талантом, и я более чем кто-либо могу это подтвердить. Он обладал взрывной энергией, что подчас доставляло мне немало хлопот. Его забота о войсках была общеизвестна. Движимый ею, он многократно обращался в Ставку, чем вызвал отрицательное отношение к себе Деникина.

У него легко возникала как симпатия, так и антипатия к

людям. Он был внимателен к тем, кому симпатизировал, и в то же время быстро забывал обиды. Ему неведома была подозрительность. Людей он оценивал только по деловым качествам.

Он часто бывал жестоким, эта черта свойственна ему с молодости, но принимал критику в свой адрес...

Вспышки гнева, которые возникали у Врангеля, легко было погасить, обратившись к его разуму и чести. Деникин же отвечал грубо, был мелочен и, что хуже всего, наносил незаслуженные обиды».

Если же подходить объективно, то придется признать, что конфликт Деникина и Врангеля, перешедший в конце концов в открытое противостояние, не оказал практически никакого влияния на исход Гражданской войны. Вооруженные силы Юга России разлагались сами по себе, без всякой связи с противостоянием Врангеля и Деникина.

Но тогда, в Царицыне, было еще не противостояние, а только разногласия по стратегическим вопросам.

Врангель считал, что Деникина против него настраивало окружение: «Не сомневаюсь, что значительную роль играли здесь секретные сводки и “информация вверх” пресловутого Освага. Чья-то незримая рука искусно вела закулисную игру. Еще в бытность мою в Ростове мне попала в руки одна из секретных информационных сводок донского штаба. Отмечая благожелательное ко мне отношение местного населения, она упоминала вскользь, что “среди обывателей ходят слухи, что в ближайшее время Врангель явится преемником генерала Деникина”. Я тогда же, показывая сводку генералу Юзефовичу, сказал ему, что фраза эта помещена неспроста, а несомненно с задней мыслью вселить в Главнокомандующего предубеждение против ближайших помощников. Впоследствии я имел случай убедиться, что подозрения мои были вполне основательны и что чья-то злая воля удачно использовала слабые струны Главнокомандующего».

Надо сказать, что хотя Врангель и не разделял радикальные взгляды монархически настроенных офицеров, считавших, что следует немедленно провозгласить целью Вооруженных сил Юга России восстановление монархии, он тем не менее стал центром притяжения правых, монархических сил, стоявших в оппозиции к Деникину за его политику «непредрешения» государственного строя России до созыва нового Учредительного собрания.

Постепенно Врангель начал интриговать против Деникина. Он стал распространять не только среди высшего командного состава, но также и среди более широких кругов офицерства и гражданских общественных деятелей свои рапорты

главнокомандующему, в которых военные неудачи объяснялись ошибочной стратегией Деникина, его неумением «устроить тыл» и наладить отношения с Кубанью, а неспособность Кавказской армии наступать на Саратов — плохим снабжением и пополнением армии, которую штаб Деникина держит в «черном теле».

Хотя Врангель и не сочувствовал замыслу «Московской директивы», поставленные задачи надо было выполнять, несмотря на то, что Кавказская армия была существенно ослаблена. Ей пришлось вернуть в состав Добровольческой армии 7-ю пехотную дивизию, а также передать под командование Май-Маевского 2-ю Терскую казачью дивизию, Осетинский конный полк и пластунские Терские и Осетинский батальоны. Это не могло быть компенсировано передачей Кавказской армии 2-й Кубанской пластунской бригады. Правда, Врангелю удалось добиться, чтобы 2-ю Терскую дивизию ему оставили до завершения Камышинской операции.

Тем не менее Кавказская армия продолжала наступление вдоль Волги на север. Войска Врангеля 15 июля взяли Камышин. Было захвачено около тринадцати тысяч пленных, 43 орудия и множество пулеметов, 12 паровозов, более тысячи вагонов, большое количество снарядов и патронов.

Перед Камышинской операцией произошли изменения в командовании Кавказской армии. Генерал Юзефович получил назначение командиром 5-го конного корпуса, состоявшего из полков регулярной кавалерии. Вместо него начальником штаба армии стал генерал Шатилов, а 4-й конный корпус у него принял генерал Топорков.

Шестнадцатого июля Врангель получил грозную телеграмму Романовского: «Для доклада Главнокомандующему прошу спешно сообщить, чем вызвана переброска отряда генерала Говорущенко на левый берег Волги. Переброска столь крупного отряда в связи с необходимостью выделения Терской дивизии и возвращения донцам их 1-го корпуса слишком ослабит части армии на главном операционном направлении».

Барон в тот же день ответил: «Переброска частей генерала Говорущенко на левый берег Волги имела целью скорейшее соединение с войсками Верховного Правителя и намечалась в связи с передачей в состав Кавармии 1-го донского корпуса и обещанным прибытием 2-й пластунской бригады, о начале переброски которой в Кавармию я был телеграфно уведомлен. Отход уральцев на Восток и намечаемая передача донцам вновь 1-го корпуса, задержание Добрармией 2-й пластунской бригады и приказание направить туда же терцев, конечно, в корне меняют положение. При этих условиях не только пере-

бросить что-либо на левый берег Волги в район Камышина не могу, но от всякой активности на северном направлении вынужден отказаться. Боевой состав армии (6-я дивизия в бой введена быть не может) таков, что при указании действовать одновременно и на Астраханском, и на Саратовском направлениях последнее направление могу лишь наблюдать».

В тот момент Петру Николаевичу уже было совершенно ясно, что ни о каком наступлении на Саратов не может быть и речи. Начинали сказываться пороки «Московской директивы». Вооруженным силам Юга России предписывалось наступать по всем направлениям, ни на одном из которых они не были достаточно сильны, чтобы нанести противнику решительное поражение. Даже на главном, орловско-курском направлении красные, отступая под натиском армии Май-Маевского, отдавали значительную территорию, но не несли больших потерь в людях и вооружении. А наступательный порыв белых должен был рано или поздно истощиться, так как пополнений почти не было.

Врангель так и не получил обещанных ему кубанских пластунов. Противник же на его фронте постоянно усиливался за счет войск внутренних округов и дивизий, снятых с Восточного фронта. Красные переходили в контратаки, продвижение к Саратову застопорилось. По оценке Врангеля, против него была сосредоточена большая часть 2-й армии Восточного фронта. Красные насчитывали до сорока тысяч штыков и сабель и многократно превосходили по численности Кавказскую армию.

В телеграмме в Ставку от 28 июля Врангель информировал: «Противник продолжает спешно сосредотачивать части к Саратову: с Уральского фронта переброшена 22-я стрелковая дивизия, из Нижнего Новгорода отряд волжских матросов, из Казани и Самары 16 легких и тяжелых батарей, прибыло из внутренних губерний шесть тысяч пополнения, за счет которых восстановлены вторая бригада второй дивизии и полностью 38-я дивизия, сформированы в саратовском районе 2-я бригада 34-й дивизии, 5-я отдельная стрелковая бригада и Николаевский батальон. Обстановка повелительно требует полного использования камышинской победы и неустанного продвижения на Саратов, дабы не дать красным закончить сосредоточение и вырвать у нас инициативу. Однако полное расстройство снабжения вследствие невозможности иметь впредь до падения Астрахани водный транспорт, крайнее истощение частей Кавармии, сделавшей за три месяца с непрерывными боями более тысячи верст, и огромный некомплект в единственно боеспособных кубанских частях исключает

возможность дальнейшего продвижения Кавармии на Саратов. На военном совете комкоров, собранном мною вчера в Каменном Овраге, дальнейшее продвижение на север единогласно признано невозможным. С болью в сердце вынужден отказаться от дальнейшего наступления Кавармии и отдать директиву Нр 01226. На поддержку северной группы Кавармии выдвигаю три полка 6-й дивизии, прибытие которых на фронт могу ожидать не ранее 15-го августа — части с тяжестями следуют походом».

По поводу этой телеграммы Петр Николаевич писал в мемуарах: «Горькое чувство овладело мною. Я ясно отдавал себе отчет, что ошибочная стратегия Главнокомандующего неминуемо сведет на нет все наши военные успехи, достигнутые такой дорогой ценой. Второй уже раз успехи моей армии сводились на нет тем, что легшие в основу оперативного плана обещания Главнокомандующего передачи мне сил, необходимых для успешного завершения операции, не выполнялись. Сосредоточив все внимание на казавшемся ему главнейшим “Московском” направлении, главное командование уделяло Добровольческой армии все свои заботы. Неладья между Главнокомандующим и Кубанским правительством тяжело отражалась на снабжении моих частей. Низшие органы штаба Главнокомандующего проявляли в отношении нужд далекой сердцу генерала Деникина Кавказской армии полную невнимательность».

Двадцать девятого июля Врангель решил обратиться к Деникину с официальным письмом:

«Милостивый Государь Антон Иванович.

В минуту казавшейся неизбежной гибели Великой России, когда Армия развалилась, общество трусливо попряталось по углам и обезумевший народ грабил и жег Родную Землю, Вы подняли выпавшее из рук генерала Корнилова знамя спасения Родины. Под сень этого знамени стекались те, кто не потерял еще веры в спасение России, кто, веря в Вас, шел за Вами на служение Родной Земле.

В числе них был и я. Скоро год, как я в рядах Армии иду за Вами, страдая душой при виде потоков русской крови, пролитых братской рукой, при виде мерзости запустения Родной Земли, но незыблемо веря в светлое будущее России. Служа с Вами одному великому делу, являясь ныне одним из Ваших ближайших помощников и прожив целый год в рядах водимых Вами войск, я связан с Вами как солдат. Как человек, я обязан Вам тем неизменно сердечным отношением, которое особенно чувствовалось во время перенесенной мною смертельной болезни.

Всю жизнь свою я честно и прямо высказывал свои убеждения и, будучи связан с Вами и как служивший под Вашим начальством солдат, и как человек, искренне Вам преданный, почитал бы бесчестным ныне затаить “камень за пазухой” и не высказать Вам всё, что наболело у меня на душе.

6-го мая моя армия разбила противника под Великокняжеской и погнала его к Царицыну. Учитывая значение последнего, красные делали отчаянные усилия зацепиться за один из многочисленных естественных рубежей, спешно укрепляя их и одновременно лихорадочно перебрасывая к Царицыну подкрепления. Отходя, противник портил железную дорогу, взрывая железнодорожные сооружения и мосты, унося стрелки и т. д. Местность, и без того скудная средствами, противником при уходе опустошалась, скот угонялся и запасы сена сжигались. Передо мною стояла задача: или продвигаться по мере исправления железнодорожного пути и налаживания своего тыла, последовательно сбивая противника с ряда рубежей, или, полностью использовать успех, гнать врага безостановочно моей конницей с тем, чтобы под Царицыном свежими силами нанести ему сокрушительный удар.

Я принял последнее решение, 8-го мая, докладывая Вам в Торговой мои соображения о предстоящей операции, я просил своевременно усилить меня техническими средствами, артиллерией и пехотой, что и было мне обещано. Трехнедельный поход с непрерывными тяжелыми боями армия совершила по безлюдной и местами безводной степи. Так как я был переброшен на Великокняжеское направление накануне операции лишь с несколькими лицами оперативного отделения штаба Кавказской Добровольческой армии, весь же штаб этой армии, во главе коей я ранее стоял, и, в частности, отдел снабжения были переданы генералу Май-Маевскому, снабжение войск, действовавших на Царицынском направлении, особенно страдало. Сплошь и рядом батареи в разгаре боя прекращали огонь за неимением снарядов; первая колонна генерала Улагая десять дней наступала, не имея ни одного сухаря; раненные отправлялись в тыл за триста верст воловьими подводами... Невзирая на лишения и тяжелые потери, войска шли бестрепетно вперед. По мере продвижения моих войск я неустанно просил ускорить присылку обещанных мне подкреплений, болея душой за каждый утерянный день.

Мы овладели укрепленной позицией противника на реке Есауловский Аксай, и, донося Вам о новом успехе и вновь прося о подкреплениях, я писал: “то, что ныне может быть достигнуто ценою малой крови, в будущем потребует потоков ее, и источник ее может иссякнуть”, “сегодняшний успех может обратиться в Пиррову победу”.

На следующий день я вновь телеграфировал: “за всю Северокавказскую операцию я не просил у Вас ни одного человека, ныне решаюся на это в сознании полной необходимости...” Я получил уклончивый ответ, что подкрепления мне могут быть даны лишь за счет войск, действовавших на Астраханском направлении, что приостановит “успешно развивающуюся операцию”, а вскоре генерал Романовский уведомил меня телеграфно, что мне высылаются танки, на артиллерию же и пехоту я рассчитывать не могу.

Железная дорога не была еще восстановлена, танки к походу армии к Царицыну поспеть не могли, да и одной конницей, при отсутствии пехоты в армии, хотя бы с помощью танков, овладеть Царицыном я рассчитывать не мог. Весь поход к Царицыну я шел со своими частями, живя с ними одной жизнью и сплошь и рядом ночуя в поле среди войск. Я ясно видел, что лишь надежда на скорый конец страданий, лишь близость богатого Приволжья дает им силу, пренебрегая лишениями, бить врага... Сзади нас стояла 200-верстная пустыня, 75 верст впереди был обещанный войскам Царицын. Выхода не было — я с неизъяснимой болью в сердце продолжал вести мои войска через пустыню к могиле, остановиться у края которой уже не мог..

Ободренные, изголодавшиеся и обескровленные войска подошли к Царицыну. Двухдневные упорнейшие атаки разбились о сильнейшую технику и подавляющую численность врага, и армия, как ломовая лошадь, стала, с трудом переводя дыхание... Ударная группа генерала Шатилова из 4-го конного корпуса и двух дивизий 1-го и 2-го Кубанских корпусов потеряла за первый лишь день 1000 человек. К вечеру второго дня боя в 4-м конном корпусе оставалось четыре снаряда. Полки рядом тяжелых боев превратились в сотни, большая часть офицеров выбыла из строя. За трехнедельный поход армия потеряла убитыми и ранеными 6 начальников дивизий, 2 командира бригад и 11 командиров полков... Только тогда, после кровавого урока, армия получила помощь: танки, 7-я пехотная дивизия, шесть батарей тяжелой и легкой артиллерии были направлены ко мне, и с помощью всех этих средств после двухдневного кровопролитнейшего боя Царицын пал.

На следующий день Вы приехали поздравить войска с победой и, выслушав мой доклад о состоянии армии, отдали директиву, коей донцам предписывалось протянуть правый фланг до Волги, Кавказской же армии — составить Ваш резерв. Уже через сутки, отбыв в Ростов, Вы отменили свое решение, приказав армии продолжать неустанное преследование противника правым берегом Волги. Одна дивизия по

Вашему приказанию переброшена на левый берег реки, имея задачей прервать сообщение Астрахани с Саратовом. Вместе с тем, из состава Кавказской армии приказано направить в Добровольческую: 7-ю пехотную дивизию, 2-ю терскую пластунскую бригаду, осетинские конные полки и осетинский батальон; взамен 7-й пехотной дивизии мне обещана 2-я пластунская бригада, но и последняя не выслана, оставшись по просьбе генерала Май-Маевского у него для участия в Полтавской операции... Обещанный войскам армии отдых был отменен и наступление возобновилось.

Противник решил во что бы то ни стало удерживать Камышин, объявленный красными “крепостным районом” и усиленно укрепленный. Войскам 10-й советской армии удалось на некоторое время задержать наше наступление на Балыклейских позициях — ряд наших атак успехом не увенчался. Новые потери еще более ослабили наши полки, многие из которых насчитывали 200—150 шашек. Весь состав 4-го конного, 1-го и 2-го кубанских корпусов, казаков и пластунов (6-я пехотная дивизия, босая и необученная, в счет принята быть не могла) составляли 5000 шашек и 4000 штыков. Численность многочисленных штабов равнялась почти численности войск. При этих условиях ни правильного управления, ни правильной организации быть не могло, и я прибыл в Екатеринодар лично просить Вас о сведении трех Кубанских корпусов в один и о расформировании армии. Мой доклад сочувствия не встретил. Генералом Романовским, по соглашению с Атаманом, был намечен ряд мер по усилению частей. С тех пор прошел месяц, армия в ряде упорнейших боев понесла новые потери и не усилилась ни одним человеком.

Безмерной доблестью и последним напряжением сил армия в решительном бою разбила противника у Балыклеи, на плечах его овладела Камышинской позицией и блестящим маневром, прижав красных к Волге, уничтожила почти полностью Камышинскую группу противника. Невзирая на новые кровавые потери, все части армии были брошены для преследования врага. Последний, учитывая угрозу Саратову, сосредоточил против моей армии всю конницу 9-й и 10-й своих армий и, спешно снимая части с Уральского и Астраханского фронтов, перебрасывает их к Саратову. Полки дошли до 60—100 шашек, материальная часть в полном расстройстве. Наступление армии захлебнулось, и противник сам перешел на всем фронте в наступление, с величайшим трудом пока сдерживаемое обескровленными войсками. Вместе с тем, из состава Кавказской армии перебрасывается в Добровольческую новая часть — Терская казачья дивизия.

Представленные мною Вам соображения о необходимости скорейшего завершения Астраханской операции, дабы обеспечить тыл армии при движении ее на север, одобрения не получили, и генералом Романовским мне было телеграммой указано, что Астраханское направление имеет второстепенное значение. Между тем невозможность иметь впредь до падения Астрахани водный транспорт и необеспеченность единственной коммуникационной линии — Волги — ставит войска, действующие на северном направлении, в самое тяжелое положение. После боя 28-го июля в 4-м конном корпусе осталось 12 снарядов, а в головном артиллерийском армейском парке — ни одного. Кроме почти полного отсутствия транспорта есть и другие причины расстройства снабжения, причины, которые в достаточной степени видны из следующих трех телеграмм, полученных мною от начальников снабжения и артиллерии:

1) “ежедневно телеграфирую главначснаб (главноначальствующему снабжения. — *Б. С.*) и члену войскового правительства Верещака крайней нужде армии хлебе, доходящей до катастрофического положения. Последний день приказал выдать по фунту хлеба. Несмотря на это, не только нет подвоза, но даже не отвечают на запросы”,

2) “несмотря на неоднократные мои телеграммы главначснаб, интенюг (интенданту Вооруженных сил Юга России. — *Б. С.*) и главному казначею об открытии кредита и о снабжении полевого казначейства Кавказской армии денежными знаками, не получаю никакого ответа. Для удовлетворения 1-го и 2-го корпусов по их требованиям даже пришлось за счет перечня расходов предписать полковому контролеру выдать на основании 592 статьи положения о полевом управлении войск бескредитный расход”,

3) “несмотря на мои телеграммы начартснаб (начальнику артиллерийских снабжений. — *Б. С.*) о высылке трехдюймовых снарядов, ни высылки, ни ответа нет...”, “армия более месяца не получает снарядов, расходуя трофейные”.

Вот горькая и неприкрашенная правда. Кавказская армия надорвана непосильной работой. Обескровленная, нищая и голодная, она сильна лишь своей доблестью, но и доблесть имеет свой предел — испытывать ее бесконечно нельзя.

До назначения меня командующим Кавказской армией я командовал теми войсками, которые ныне составляют Добровольческую, числящую в своих рядах бессмертных корниловцев, марковцев, дроздовцев. Борьба этих славных частей в Каменноугольном районе — блестящая страница настоящей великой войны. Безмерными подвигами своими они стяжали

себе заслуженную славу... Вместе со славой они приобрели любовь Вождя, связанного с ними первым “ледяным походом”. Эта любовь перенеслась и на армию, носящую название “Добровольческой”, название, близкое Вашему сердцу, название, с которым связаны Ваши первые шаги на Великом Крестном пути... Заботы Ваши и Ваших ближайших помощников отданы полностью родным Вам частям, которым принадлежит Ваше сердце.

Для других ничего не осталось.

Разве это не так? В то время как Добровольческая армия, почти не встречая сопротивления в своем победоносном шествии к сердцу России, непрерывно увеличивается потоком добровольно становящихся в ее ряды опаматовших русских людей, Кавказская армия, прошедшая за три последних месяца с непрерывными боями более тысячи верст и взявшая число пленных в десять раз больше нежели она сама, истекая кровью в неравной борьбе и умирая от истощения, посылает на Добровольческий фронт последние свои силы. В то время, как в рядах Добровольческой армии сражаются части, имеющие в своих рядах 70% офицеров (7-я пехотная дивизия), полки Кавказской армии ведут в бой есаулы, а сотни и роты — урядники и приказные. В то время как там, у Харькова, Екатеринослава и Полтавы, войска одеты, обуты и сыты, в безводных калмыцких степях их братья сражаются за счастье одной Родины — оборванные, босые, простоволосые и голодные. Чем виновны они? Неужели тем, что кучка негодяев одного с ними края, укрывшись в тылу, отреклась от общей — России?! Неужели ответственны за них те, кто кровью своей оросил путь от Черного моря до Каспия и от Маныча до Волги?!

Быть может, я ошибаюсь. Быть может, причина несчастий моей армии кроется в том, что я, а не другой, стою во главе ее. Благополучие части, к сожалению, сплошь и рядом зависит от того, насколько командир ее пользуется любовью старшего начальника. Расположения начальства я никогда не искал, служа Родине, а не начальникам. С Вами пошел и готов идти, пока не потеряю веры в возможность спасти Родину. Все силы и способности свои отдал ей и с Вашей стороны, как Ваш помощник, упрека заслужить не мог. В этом, полагаю, сомнения быть не может.

Мысля Россию так же, как и Вы, Единой, Великой и Неделимой, насколько мог, боролся с “самостийными” течениями Кубани, твердо ограждая армию свою от попыток самостийников сделать из нее орудие политической борьбы. В конце апреля под влиянием наших неудач вопрос о создании “Кубанской армии” приобрел особенно острый характер. Генерал

Романовский письмом от 24-го апреля уведомил меня, что “мечты кубанцев иметь свою армию могут быть осуществлены. Это Главнокомандующий и наметил исполнить. Науменко, конечно, очень обрадовался”. Учитывая всю опасность подобной меры, я сделал всё возможное и во время пребывания Войскового Атамана и генерала Науменко у меня в Ростове убедил их отказаться от создания Кубанской армии, о чем генерал Филимонов и сообщил Вам телеграммой. Наконец, когда в последний мой приезд в Екатеринодар на совещании у генерала Романовского по вопросу о создании Кубанской армии Атаман предложил мне такую, я в присутствии генералов Романовского, Плющевского, Науменко и Филимонова заявил последнему, что “пока я командующий Кавказской армией, я не ответствен за политику Кубани; с той минуты как я явлюсь командующим Кубанской армией, армией отдельного государственного образования, я буду ответствен за его политику, а при том направлении, которое взято ныне Кубанью, мне, ставши во главе Кубанской армии, останется одно: командовать ‘взводами налево кругом’ и разогнать Законодательную Раду”.

Безмерно любя свою Родину, я не могу не принимать близко к сердцу все вопросы ее бытия; подчас как человек я могу не сочувствовать тому или иному Вашему требованию, но как солдат, раз пойдя за Вами, я первый подам пример беспрекословного повиновения. Моя жизнь на глазах у всех, я действую прямо и открыто, и мои сотрудники свидетели того, как пресекал я в корне малейшую попытку к интриге. Моя совесть чиста, и упрекнуть мне себя не в чем; но мысль, что я, оставаясь во главе моей армии, могу невольно явиться палачом ее, не дает мне покоя...

С открытым сердцем, не допуская недомолвок, я пишу Вам, рассчитывая на Ваш такой же откровенный ответ.

Уважающий Вас и сердечно преданный П. Врангель».

Это был настоящий крик души. Врангеля можно было понять. Ему как полководцу было чрезвычайно обидно, что блестящая победа у Царицына не была использована, что вместо того, чтобы бросить пополненные конные корпуса его армии на Москву, ее оставили истекать кровью в боях на Саратовском направлении, уже потерявших к тому времени всякий стратегический смысл. В этих условиях логичнее было бы отдать приказ Кавказской армии перейти к обороне. Врангель уже не сомневался, что, по приказу или без него, его армии придется обороняться, и заранее укреплял царицынскую позицию и сосредоточивал там запасы продовольствия и боеприпасов, превращая «красный Верден» в «белый Верден».

В своих требованиях к главнокомандующему Врангель был максималистом. Он отказывался отдавать свои дивизии, требовал подкреплений и не очень задумывался о том, откуда Деникин возьмет их. Петр Николаевич знал о конфликте Деникина с Кубанской радой, приведшем к тому, что с Кубани в Кавказскую армию перестали поступать пополнения. Однако никакой реалистичной политики по отношению к Кубани Врангель не предлагал. Из его письма Деникину мы знаем, что на встрече с руководством Рады и кубанскими атаманами Филимоновым и Науменко в конце июня, когда обсуждался вопрос о переименовании Кавказской армии в Кубанскую, что якобы должно было облегчить ее пополнение, Врангель прямо заявил о необходимости разгона Рады. Как мы увидим дальше, ее со временем действительно разогнали, но это привело к прямо противоположным результатам: не только никаких пополнений с Кубани не поступило, но и те казаки, которые уже служили в Вооруженных силах Юга России, начали расходиться по домам.

Ответ генерала Деникина, датированный 10 августа, Врангель получил через два дня. В этом письме чувствовалась глубокая обида:

«Милостивый Государь барон Петр Николаевич!

Я в рядах Добровольческой армии почти с момента ее возникновения и с 31-го марта 1918 года стою во главе этой армии, а затем Вооруженных сил Юга России.

Зарождалась Армия, не имея ничего: первые пушки были выкраденные, весь 1-й Кубанский поход, да в значительной степени и 2-й, Армии приходилось снабжать себя боевыми припасами от противника.

В момент, когда я принял командование Армией, в боевом комплекте имелось едва по 10—20 выстрелов на орудие, патронов в запасе не было совсем, собирали растерянные большевиками при отступлении их к Екатеринодару.

Вся история Добровольческой армии, а затем Вооруженных сил на Юге России имеет характер напряженной, упорной, героической борьбы материально нищей, но богатой духом армии со значительно превосходящим и гораздо лучше снабженным противником, борьбы, в которой, невзирая на превосходство сил и снабжения противника, подчиненные мне войска своей доблестью и верой в правоту своего дела неизменно побеждали.

Правда, эти победы давались не даром и многим из подчиненных мне начальников задачи казались не по силам, и мне иногда бросались упреки и давались советы, следуя которым

армии Юга России, вероятно, не достигли бы настоящих результатов. Но должен сказать, что я, несмотря на все трудности, переживаемые различными участками фронта, ни разу не слышал упрека в несправедливости и лицеприятии и впервые слышу это от Вас. Обвинение это тяжкое, но не с целью оправдаться я отвечаю Вам, а с целью восстановления истории вопроса, как она рисуется мне.

В конце марта обстановка в Каменноугольном районе складывалась чрезвычайно неблагоприятно для нас: Вы в своем письме генералу Юзефовичу.. писали, что нам всё равно не удержать Каменноугольного района; рекомендовали бросить его и, оставив правый берег Дона на одних донцов, Кавказскую Добровольческую армию сосредоточить на Царицынском направлении. Эта же мысль была повторена в Вашем рапорте от 4-го апреля за № 82.

Тогда же начальником моего штаба было отвечено генералу Юзефовичу (письмо от 3-го апреля № 04767) о том, что хотя Царицынское направление имеет очень серьезное значение, тем не менее, по целому ряду соображений выполнить этот план в тот момент не представлялось возможным.

В половине апреля успешное наступление большевиков за Маныч и угроза Тихорецкой и Ростову вынудили меня усилить группу генерала Кутепова за счет Кавказской Добровольческой армии и войск Терско-Дагестанского края.

Как от Вас, так и от генерала Эрдели были взяты лучшие кубанские дивизии, и было взято столько, больше чего без ущерба для дела взять нельзя было.

Вы, находясь в то время во главе Кавказской Добровольческой армии, считали, что с наличными силами удержать Каменноугольный район невозможно. Я по совокупности всей обстановки считал, что бросить его нам нельзя.

21-го апреля началось наше успешное наступление на Манычском фронте; положение в Каменноугольном районе продолжало ухудшаться, и как ни нужна была пехота на Маныче, тем не менее ничего из Кавказской Добровольческой армии перевести было нельзя.

В начале мая Вы попросили разрешение приехать в Торговую и здесь доложили, что все пределы перейдены и что необходимо генералу Май-Маевскому дать разрешение на отход. Здесь же, ввиду неоднократно высказывавшегося Вами желания командовать армией на Царицынском направлении и ввиду сосредоточения здесь крупной массы лучшей нашей конницы, Вам предложено было объединить командование всей группой (Кавказской армией), на что Вы охотно согласились.

8-го мая была взята Великокняжеская, образована Кавказская армия, и я покинул Манычский фронт.

Приехав из Ростова, Вы мне докладывали, что 2-я Кубанская пластунская бригада стремится к своим Кубанским частям, на что я Вам ответил, что мною намечено перебросить ее на Царицынский фронт; о том, когда это сделать, в то время не могло быть речи; Вы сами тогда только что приехали из Кавказской Добровольческой армии и, конечно, понимали насколько ценен на том фронте каждый солдат. Во всяком случае, до постановки на фронт 7-й дивизии, 2-я Кубанская пластунская бригада переброшена быть не могла.

Что касается технических средств, то артиллерии Вы имели вполне достаточно, так как сверх состоящей при Ваших дивизиях у Вас была одна, а затем направлена и другая гаубичные батареи 2-й артиллерийской бригады, единственный тяжелый (с шестидюймовыми гаубицами) дивизион был в Вашей армии, к Вам же еще до Вашего приезда были направлены прибывший авто-броневой дивизион и английский авиационный дивизион. Дальнейшее усиление могло произойти бронепоездами и танками, это усиление было обещано, но оно всецело зависело от восстановления жел. дороги. К моменту восстановления мостов через Сал и Есауловский Аксай эти средства были в Вашем распоряжении.

Операцию на Царицын можно было вести двояко: или идти на шею разбитого врага, не давая ему опомниться и приготовиться к встрече, или выждать технические средства, которые Вам были обещаны и ни на один день не запоздали.

Это можно было определить только на месте — не перегружена ли лошадь, везущая кладь.

Вы писали, что не двинетесь вперед ни на шаг, несмотря на все приказания. Но хотя Вас никто не заставлял и не стеснял во времени, Вы решили избрать первый способ действий — идти напролом — и это сделали, не ожидая технических средств, которые, Вы знали, будут, как только будет готова железная дорога.

Эти средства, равно как и 7-ю дивизию, Вы получили не после кровавого урока и не вследствие его, а как только была готова железная дорога и обоз и артиллерия 7-й дивизии были запряжены.

Усилить Вас не 7-й дивизией было нельзя, так как для этого надо было бы остановить успешное продвижение Добровольческой армии и вытягивать части из боя.

По взятии Царицына мне очень хотелось дать отдых доблестной Кавказской армии, но в резерве ее я не оставлял, а 30-го

июня отдал директиву № 08878, согласно которой Кавказская армия должна была выйти на фронт Саратов—Ртищево—Балашов.

По Вашему докладу предполагалось, что Вы дадите частям отдых в Царицыне и что донцы в состоянии будут гнать противника. Отдых Вы определяли в две недели. Я, не зная, в каком виде отошел противник, не возражал Вам, и на другой день я не отменил своего приказа, которого и не отдавал, а приказал, в соответствии с общей обстановкой, частью сил преследовать противника (телеграмма от 22-го июня № 08911), что Вы и сделали, как доносили, до получения моего приказа (донесение Ваше от 25-го июня № 01068).

Также неверно, что я приказал одну дивизию перебросить на левый берег Волги. Я такого приказа не отдавал. В директиве № 08878 буквально сказано: “Теперь же направить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги”. Какие будут отряды, предоставлялось всецело Вашему усмотрению, и я был свидетелем Вашего разговора с Генералом Мамоновым, когда Вы первоначально назначили один полк, но затем по его просьбе изменили Ваше решение.

Вы пишете, что у Вас взяли 7-ю дивизию, 2-ю Терскую пластунскую бригаду, Осетинские конные полки и взамен 7-й пехотной дивизии не выслали обещанной Вам 2-й Кубанской пластунской бригады.

Вы знали, что 7-я пехотная дивизия дана Вам временно и подлежит возвращению для замены 2-й Кубанской пластунской бригады. Вторую Терскую пластунскую бригаду Вы боевой силой не считали, и эта бригада после боев у Великокняжеской была сведена в один батальон, который насчитывал около 200 штыков. Также Вы не считали боевой силой Осетинский конный полк, насчитывавший 60 шашек, и Осетинский стрелковый батальон, который и сформирован не был.

Вы охотно согласились на замену этих частей двумя Ингушскими, двумя Кабардинскими и Инородческим полками, которые тогда же к Вам и прибыли.

А главное, Вы забыли, что все это делалось вследствие Вашего доклада.

Ведь Вы же и Ваш Начальник Штаба тогда поняли, что центр тяжести переносится на Курское и Киевское направления, и представили мне в Царицыне письма (от 18-го июня №№ 0963 и 0964) с предложением образовать конную армию в районе Харькова и намечали на Царицынском направлении оставить Кавказскую армию, изъяв из ее состава один Кубанский корпус, 1-ю конную дивизию и Терцев. Ведь это значи-

тельно больше того, что взято, и по количеству, а главное — по качеству. Взяты такие части, которые Вы за боевую силу не считали и которые компенсированы соответственными частями. Правда, что Вами увод всех перечисленных дивизий намечался и с Вашим уходом из Кавказской армии.

Вторая Кубанская пластунская бригада задержалась в боях в Добровольческой армии так же точно, как Вы до сего времени задержали 2-ю Терскую казачью дивизию.

Вы пишете, что “обещанный войскам отдых был отменен и наступление возобновилось”. Наступление возобновилось, но не по моему капризу, а потому, что этого требовала обстановка, и приказ начать наступление был отдан не мной, а Вами.

Мотивы, почему Ваш доклад о сведении всех Кубанских частей в один корпус не встретил сочувствия, Вам известны, но частично было предложено сократить число штабов, не формировать 4-й Кубанской дивизии, расформировать 4-й конный корпус. Вы этого не сделали.

Далее Вы пишете, что после Камышина из состава Кавказской армии перебрасывается в Добровольческую новая часть — Терская казачья дивизия, упустив из вида, что это не новая часть, а всё та же, о которой было отдано приказание 20 июня при моем посещении Царицына и которая Вами до сего времени была задержана.

Вы несколько раз пишете о том, что от Вас взято и что к Вам ни один человек не прибыл. Шестую пехотную дивизию Вы никогда в расчет не принимаете. Я не знаю, идут ли к Вам пополнения людьми с Кубани, но на замену Осетин Вы получили два Кабардинских конных полка и два еще придут, получили Инородческий полк и получаете два полка и один батальон Дагестанцев; взамен 7-й пехотной дивизии идет 2-я Кубанская пластунская бригада; от генерала Эрдели прибыл 6-й Кубанский пластунский батальон.

Что касается 6-й дивизии, то она совершенно такого же типа, как почти все наши дивизии и в Добровольческой армии, и в 3-м корпусе; ей посылается всё то же, что и в другие дивизии, и если она не может сделаться боеспособной, то надо искать причины, и, может быть, они будут найдены.

Обмундирование специально назначалось для этой дивизии. Строевые офицеры, поступающие в Штаб Главнокомандующего, почти все назначаются в Кавказскую армию и их там, по-видимому, достаточно, иначе я не могу объяснить, что Вами формируются стрелковые полки для 1-й, 2-й и 4-й Кубанских дивизий.

Вы недовольны, что Ваше предположение относительно Астраханской операции не получило одобрения.

Можно ли было начинать операцию на Астрахань в то время, как с севера против Кавказской армии сосредоточены были крупные силы?

Ведь поворот части наших сил на юг повел бы немедленно туда же и противника, и он ударил бы по нашим сообщениям, не только по Вашим, но и по Донским. На мои по этому поводу соображения Вы ответили, что, понятно, эту операцию можно предпринимать только после разбития Камышинской группы. Камышинская операция кончилась, и теперь армия едва сдерживает фронт, можно ли при этих условиях серьезно говорить о повороте на Астрахань, и что было бы теперь, если бы этот поворот состоялся раньше?

Вопросы снабжения, как я уже отметил в начале письма, действительно у нас хромают, и Вы знаете, что вполне наладить это дело при общей разрухе промышленности, при расстройстве транспорта, при самостоятельности Кубани — выше моих сил. Все меры, какие возможно, принимаются. Но вместе с тем, Вы смотрите на довольствие трофейными снарядами как на нечто ненормальное. Нет, это вполне нормальное явление, и мы бы не могли существовать уже давно, если бы не имели этого источника.

Местные средства Вы, по-видимому, считаете тоже чем-то, что в расчет идти не должно, так как, с одной стороны, пишете о продовольственных затруднениях, о том, что армия голодная, а с другой стороны, телеграфируете, что личные силы и средства недостаточны для того, чтобы в полной мере использовать богатства района (телеграмма Ваша генералу Санникову № 1447).

Какие же основания были у Вас бросить мне обвинение в особом благоприятствовании Добровольческой армии, какие конкретно данные Вы можете привести? Разве не исключительно стратегические соображения все время руководили мной? Ведь когда генерал Май-Маевский вел героическую, неравную борьбу в Донецком бассейне, у него взяли на Царицынское направление три дивизии, хотя Вы считали силы Добровольческой армии совершенно недостаточными. Была взята дивизия с Северного Кавказа, невзирая на протесты генерала Ляхова и Терского Атамана.

Неужели же теперь, когда перед нами огромная перспектива в виде Киева, Одессы, Курска, нам следует от них отказаться и гнать войска только к Саратову? Но Вы сами же писали, что теперь вопрос решается на Курском направлении (письмо от 18-го июня с<его> г<ода> № 0963).

Вы пишете, что в то время, как Добровольческая армия, почти не встречая сопротивления, беспрепятственно увеличивает-

ся притоком добровольно становящихся в ряды ее опомнившихся русских людей, Кавказская армия, истекая кровью в неравной борьбе и умирая от истощения, посылает на Добровольческий фронт последние свои силы.

Согласуется ли это, хоть в малейшей степени, с действительностью? Ведь под этими последними силами надлежит разуметь 2-ю Терскую дивизию, едва насчитывающую 520 шашек, сведенную в бригаду и по Вашему отзыву и по отзыву Атамана совершенно небоеспособную, по крайней мере в семь раз меньшую в сравнении с теми силами, которые Вы рекомендовали взять из Кавказской армии. И Вы знаете, что в это же время к Вам идут шесть пластунских и стрелковых батальонов, четыре конных полка (не считая двух калмыцких полков).

Вы меня вините в том, что в Добровольческую армию поступают добровольцы, а Вас не укомплектовывают. Вы прекрасно знаете условия пополнения. Русские люди на Вашем пути такие же, как и на пути Добровольческой армии: в свое время, оценивая Царицынское направление, Вы их настроение предполагали даже лучше, чем в Малороссии. Ну а воздействовать на Кубань, к сожалению, в большей мере, чем я это делаю, не могу, равно как не могу их заставить брать к себе в полки “солдатских” офицеров.

Издали у других всё кажется лучше. Вам кажется, что Добровольческая армия идет, не встречая сопротивления, но Вы не учитываете, что в то время, как собственно Кавказская армия занимает фронт в 40 верст, в это же время фронт Добровольческой армии почти 800 верст; что спасти создавшееся трудное положение на Донском фронте будет всё та же Добровольческая армия.

В свое время я от Генерала Краснова получал упреки, что я добровольческие части разворачиваю где-то в Донецком бассейне, а не шлю к нему на фронт.

Теперь я от Вас и от генерала Сидорина получаю требования добровольческие части посылать в Кавказскую и Донскую армии. Не ирония ли в параллели тех упреков, которые я от Вас получил теперь и которые получил от Вашего начальника штаба в апреле, когда он представлял выдержки из Вашего письма, отстаивавшего Царицынское направление.

Вы пишете: “... в то время, как там у Харькова, Екатеринослава и Полтавы войска одеты, обуты и сыты, в безводных калмыцких степях их братья сражаются за счастье одной Родины, оборванные, босые, простоволосые и голодные”, а генерал Юзефович в письме от 30-го марта № 04472 пишет о войсках, которым по Вашему я особо благоприятствую (Доб-

ровольцы): “надо их пополнить, дать им отдохнуть, сохранить этих великих стратотерпцев, босых, раздетых, вшивых, нищих, великих духом, на своих плечах, своим потом и кровью закладывающих будущее нашей Родины, сохранить для будущего. Всему бывает предел. И эти бессмертные могут стать смертными”.

И Вы знаете, что этим стратотерпцам ни одного дня отдыха не было дано. В свое время надо было кому-то отстаивать Каменноугольный район, и отстаивали безропотно Добровольцы, теперь надо кому-то быть в безводных и голодных степях, которые к тому же, по Вашим же телеграммам, не так уж безводны и голодны, и куда Вы в свое время просили сосредоточить Кубанцев, считая это направление наиболее блестящим и победным.

Странно мне всё это писать; ведь это так просто восстановить при малейшей объективности. Еще более странно входить в обсуждение личных отношений. Никто не вправе бросать мне обвинения в лицепрятии. Никакой любви ни мне не нужно, ни я не обязан питать. Есть долг, которым я руководствовался и руководствуюсь. Интрига и сплетня давно уже плетутся вокруг меня, но меня они не затрагивают, и я им значения не придаю и лишь скорблю, когда они до меня доходят.

Уважающий Вас А. Деникин».

Читая сегодня эти письма, невозможно отделаться от чувства, что оба генерала не столько старались в чем-то убедить друг друга, сколько писали «для истории». У каждого из них была своя правда, свои резоны. Деникин не кривил душой, когда говорил, что отнюдь не личная неприязнь к Врангелю, а стратегические соображения привели к тому, что согласно «Московской директиве» главный удар наносила Добровольческая армия Май-Маевского, а не Кавказская армия Врангеля.

Прав он был и в том, что указывал на крайнюю ограниченность материальных средств Добровольческой армии во время двух кубанских походов. В сравнении с 1918 годом снабжение, которое удалось получить к середине 1919-го за счет трофеев и англо-французских поставок, должно было казаться почти изобилием. Но этот фактор и сыграл с ним злую шутку. Красную армию в 1919 году Деникин оценивал примерно так же, как и в 1918-м. Между тем она стала не просто многочисленнее, но и дисциплинированнее, сплоченнее да и снабжалась уже гораздо регулярнее. Победе деникинцев на Северном Кавказе, например, во многом способствовали противоречия между таманцами и сорокинцами, нередко выливавшиеся в

прямое вооруженное противостояние. Теперь такого у красных уже не было, хотя мятежи отдельных военачальников, например Григорьева, случались. Троцкий железной рукой навел порядок, безжалостно карая, вплоть до расстрела, и красноармейцев, и командиров, и комиссаров — за невыполнение приказов, самовольный отход, за грабежи и насилия по отношению к мирному населению и даже за расстрел пленных. Большевики с самого начала не расстреливали пленных огульно, репрессировали только офицеров и добровольцев. Впрочем, и офицеров расстреливали далеко не всех — иначе откуда же взялись 10—15 тысяч «военспецов», служивших в Красной армии?

Деникин же в силу природной мягкости не готов был сурово наказывать своих соратников-добровольцев и союзников-казаков даже за настоящие преступления, в чем его совершенно справедливо упрекал Врангель.

Красноармейцы уже не сдавались в плен десятками тысяч, уже не бежали от горстки белых. Царицын и Камышин были последними успехами, когда удалось взять много пленных и трофеев. И эти успехи были одержаны армией Врангеля. Однако от пленных толку было мало, поскольку лишь незначительную их часть можно было поставить в строй Кавказской армии. Здесь опять сказалось отсутствие у белых сколько-нибудь привлекательных для крестьян политических лозунгов.

Деникин в тот момент еще не осознал порочности своей «Московской директивы» и всё еще был полон оптимизма. Врангель же, напротив, уже не сомневался в близком поражении Вооруженных сил Юга России, но предотвратить его был не в силах. Его армия была ближайшей к Восточному фронту красных, и оттуда против нее щедро перебрасывались новые дивизии, освобождавшиеся после разгрома Колчака. Ни о каком наступлении Кавказской армии к Саратову, а потом к Москве не было и речи. Нельзя было и сколько-нибудь существенно ослаблять Кавказскую армию. Единственная помощь, которую Врангель мог оказать операциям на главном, Московском, направлении, заключалась в перемалывании советских подкреплений, перебрасываемых с Восточного фронта. Однако для разгрома Добровольческой армии Май-Маевского большевикам вполне хватило подкреплений, переброшенных с Польского и Украинского фронтов.

Деникин, повторим, в конце июля — первой половине августа еще не понимал неизбежности поражения. Врангель же в нем не сомневался и фактически своим письмом Деникину начал долгосрочную кампанию по дискредитации главкома и

смещению его с поста. Свои письма он стал распространять среди генералитета и офицерства.

Деникин, пытаясь отвести от себя обвинения в распылении сил, высказанные Врангелем, утверждал в мемуарах:

«Мы расширяли фронт на сотни верст и становились от этого не слабее, а крепче. Добровольческая армия к 5 мая в Донецком бассейне числила в своих рядах 9600 бойцов. Не взирая на потери, понесенные в боях и от болезней, к 20 июня (Харьков) боевой состав армии был 26 тысяч, к 20 июля (Екатеринослав—Полтава) — 40 тысяч. Донская армия, сведенная к 5 мая до 15 тысяч, к 20 июня насчитывала 28 тысяч, к 20 июля — 45 тысяч. Для наступления в киевском направлении в конце июля от Добровольческой армии отделилась группа всего в 6 тысяч. В начале июня с Ак-Манайских позиций начал наступление 3-й армейский корпус силою около 4 тысяч, который, пополняясь по пути, прошел весь Крым, вышел на Херсон и Одессу и составил группу войск Новороссийской области под начальством генерала Шиллинга, к 20 сентября увеличившуюся до 16 тысяч.

Состав Вооруженных сил Юга с мая по октябрь возрастал последовательно от 64 до 150 тысяч. Таков был результат нашего широкого наступления. Только при таком условии мы имели возможность продолжать борьбу. Иначе мы были бы задушены огромным превосходством сил противника, обладавшего неисчерпаемыми человеческими ресурсами. Наконец, движение к Киеву приводило нас к соединению с противобольшевистской польской армией, что значительно сокращало фронт и должно было освободить большую часть войск Киевской области и Новороссии для переброски их на гомельское и брянское направления».

Здесь Антон Иванович немного кривит душой и играет цифрами. 150 тысяч человек — это максимальная численность Вооруженных сил Юга России с учетом тех, кто находился в тылу. Рост ее состава происходил частью за счет оседавших в тылу офицеров, но по большей части — за счет мобилизованных пленных красноармейцев, отправляемых в тыл на бесконечное формирование. А вот шесть тысяч человек, брошенных на Киев, и четыре тысячи отправленных в Крым и на юг Украины — это были полновесные штыки и сабли, которых так не хватало на Московском направлении. Когда же Деникин пишет, что движение добровольцев к Киеву должно было привести к соединению с польской армией, он утрачивает чувство политической реальности. Как раз вторжение белых на Правобережную Украину укрепило Пил-

судского в мысли о необходимости заключить временное перемирие с Советами.

Согласно оценкам советских историков, к 2 (15) августа 1919 года Вооруженные силы Юга России достигли своей максимальной боевой численности и насчитывали 90—95 тысяч штыков и сабель (в том числе в Кавказской армии — до 15 тысяч), около 200 орудий, 600—800 пулеметов. Противостоявшие им части Красной армии имели 230—235 тысяч штыков и сабель (Деникин в тот момент ошибочно считал, что 140—160 тысяч), 900 орудий, 3,5 тысячи пулеметов. 5 (18) октября 1919 года на главных Орловско-Курском и Воронежском направлениях деникинцы имели 27 тысяч штыков и сабель, до 600 пулеметов, около 100 орудий. У красных здесь было 88 тысяч штыков и сабель, более 1300 пулеметов и более 350 орудий. На прочих участках фронта, включая царицынский, перевес советских войск был не столь ощутимым: в полтора-два раза по людям и вооружению. Здесь сказалась порочность деникинской стратегии, стремления быть сильным везде. В результате в решающий момент у белых на главном направлении оказалось меньше сил, чем на второстепенных. А 7 (20) ноября 1919 года, после того как Вооруженные силы Юга России оставили Курск и Воронеж, у них осталось 75 тысяч штыков и сабель, около 300 орудий, примерно 1100 пулеметов. Им противостояло 155 тысяч красных штыков и сабель, 3800 пулеметов, 850 орудий. При этом на центральном участке фронта, против Добровольческой армии и части Донской, где красные нанесли главный удар, их перевес стал еще более значительным.

К 27 ноября (10 декабря) 1919 года, накануне взятия Красной армией Харькова и сразу после вступления Врангеля в командование Добровольческой армией, когда поражение белых приобрело характер катастрофы, у Деникина осталось не более 50 тысяч штыков и сабель на фронте, неприятель же насчитывал 125—130 тысяч штыков и сабель, причем в центральном секторе фронта советский численный перевес был уже шестикратным.

Врангель передал свои впечатления от письма Деникина в мемуарах. Он увидел в послании лишь недостойные намеки и парировал их обвинениями в адрес самого главнокомандующего: «Как и в “Московской директиве”, в стремлении овладеть пространством забывались основные принципы стратегии».

Он бросает Деникину упрек в неискренности: «Странно было читать в письме Главнокомандующего: “Я не знаю, идут ли к Вам пополнения с Кубани”. Возможно ли было, чтобы Главнокомандующий не знал? Или что “Кавказская армия занимает фронт в 40 верст”, когда помимо сорокаверстного

фронта на севере войска Кавказской армии действовали по обоим берегам Волги на Астраханском направлении. Это не могло не быть известным Главнокомандующему.

Не мог не знать генерал Деникин и того, что район действий Добровольческой Армии по сравнению с пустынным Задоньем неизмеримо более богат местными средствами и населением, могущим поставить добровольцев в войска, и когда он писал, что я просил сосредоточить Кубанцев в эти “не так уже безводные и голодные степи”, “считая это направление наиболее блестящим и победным”, он не только бросал мне недостойный намек, но и грешил против истины».

Вероятно, этот обмен письмами стал своего рода Рубиконном в отношениях двух генералов, после перехода которого обратного пути не было: «Если доселе вера моя в генерала Деникина как Главнокомандующего и успела поколебаться, то после этого письма и личное отношение мое к нему не могло остаться прежним. Хотя письмо и вызвало раздражение против меня Главнокомандующего, но оно, несомненно, имело и благоприятные последствия. Штаб Главнокомандующего, получив, вероятно, соответствующие указания свыше, стал относиться к нуждам моей армии с полным вниманием».

Деникин в мемуарах сетовал на то, что Врангель буквально бомбардировал его телеграммами:

«Не проходило дня, чтобы от генерала Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных, имевших целью доказать превосходство его стратегических и тактических планов, намеренное невнимание к его армии и вину нашу в задержках и неудачах его операций. Особенное нерасположение, почти чувство ненависти, он питал к генералу Романовскому и не скрывал этого...

В ряде телеграмм за май—август и в обширном письме-памфлете от 28 июля барон Врангель давал яркую апологию своей деятельности и выдвигал тяжелые обвинения главному командованию. Эта переписка вызывала недоумение своей слишком явной подтасовкой фактов, легко опровержимой. Только позднее стало ясным, что письмо предназначено было не столько для меня, сколько для распространения...

В каждом слове письма и телеграмм были желчь и яд, рассчитанные на чувства военной массы и без того нервной, ревнивой к боевым соседям и плохо разбирающейся в обстановке. Как можно было изменить группировку сил, когда это определялось ясно относительной важностью направлений и событиями на театре войны?.. Кто мог переменить природные условия Задонья и Поволжья и условия комплектования в них

армии “русскими” людьми?.. Какими средствами возможно было заставить Кубань слать в армию пополнения или принять в свои полки “русских” (не казачьих) офицеров?..

На мой запрос по поводу жалоб генерала Врангеля на материальные недочеты начальник Военного управления генерал Лукомский, лицо близкое и дружественно расположенное к барону Врангелю, донес мне, что Кавказская армия требует довольствия на весьма большое число людей — в июле на 80 тысяч и в августе на 110 тысяч. Что “кредиты всегда переводились своевременно и жалоб от Кавказской армии на недостаточность кредитов не было”. Что, наконец, царицынский район вовсе не так уже беден, ибо сам барон Врангель телеграфировал ему: “Район широко должен быть использован в продовольственном отношении. Данные силы и средства Кавказской армии недостаточны, чтобы в полной мере использовать богатства района. Необходимо спешно сформировать интендантский округ и приемную комиссию, которые взяли бы на себя эксплуатацию района и заготовки для всех армий...”».

По поводу столь большого объема довольствия, запрашиваемого Врангелем, возможны два объяснения. Во-первых, в Кавказской армии, как и в Добровольческой, тылы были чрезмерно раздуты. Врангель не справился с этим злом, как не сумели этого сделать Деникин и Май-Маевский. Во-вторых, интенданты Кавказской армии с согласия командующего намеренно завышали число едоков, зная, что всё запрашиваемое продовольствие и фураж всё равно не дадут, и руководствуясь принципом: чем больше бойцов укажешь, тем больше снабжения получишь. Можно не сомневаться, что такими же приписками личного состава занимались и в Донской, и в Добровольческой армиях, да и красные интенданты в этом отношении, вероятно, были не безгрешны.

На самом деле спор Деникина и Врангеля во многом носил схоластический характер. Петр Николаевич противоречил сам себе. Раз «Московская директива» была плоха именно из-за распыления сил и средств, а Деникин принял решение, что главным будет направление через Харьков на Орел и Курск, то он, как командующий Кавказской армией, наоборот, должен был настаивать, чтобы перед его армией были поставлены чисто оборонительные задачи и чтобы максимальное количество сил и средств из ее состава было переброшено на основной участок. Но Врангель действительно страдал непомерным честолюбием — в этом мнении сходились и Деникин, и Шкуро, и другие белые генералы, да и позднейшие историки. Барон очень не хотел отказаться от мечты все-таки войти в Москву (чем черт не шутит!) или, если это не удастся, хотя бы одер-

жать напоследок громкие победы, которые контрастировали бы с неизбежными в скором времени поражениями Май-Маевского и подняли бы его, Врангеля, авторитет в Белом движении. И он добился-таки присылки подкреплений и основательно потрепал напоследок красных под Царицыном, хотя никакого стратегического значения эти победы уже не имели.

Врангель, ожидая мощное наступление красных, заранее организовал эвакуацию раненых и гражданского населения Царицына. Привыкший входить лично во все детали, он и здесь остался верен себе. Вот что пишет об этом Алексей Петрович Врангель: «По плану, разработанному штабом, ежедневно из Царицына должны были уходить по семь эшелонов. На деле этот график выдерживался только три дня. Не удовлетворившись объяснениями штабных офицеров, Врангель отправился на железнодорожную станцию в сопровождении нескольких казаков из своего конвоя. Осмотрев отправляющиеся поезда, он обнаружил, что они загружены мебелью, роялями, зеркалами и картинами, принадлежащими частным лицам. Врангель приказал казакам выбросить всё и изрубить в куски. Проследовав дальше, он увидел несколько запечатанных вагонов, где, по документам, должно было находиться артиллерийское снаряжение. Когда двери открыли, там обнаружили торговцев, перевозивших товар. Испуганные пассажиры признались, что дали взятку начальнику станции и двум его помощникам. Врангель действовал решительно: он арестовал железнодорожников и передал их военному трибуналу, который обвинил арестованных в пособничестве врагу. Вечером того же дня двое из них были повешены на станции, а один — на городской площади. Листовки, оповещающие население об этом, были расклеены по всему городу. После этого ежедневно стали отправляться восемь эшелонов».

Красные, подтянув крупные силы, в том числе конный корпус Буденного, смогли остановить Кавказскую армию. 1 (14) августа началось контр наступление советских войск. Кавказская армия вынуждена была оставить Камышин и отошла к Царицыну. Первое советское наступление непосредственно на Царицын 23 августа (5 сентября) 1919 года началось с того, что 28-я советская дивизия заняла Орловку и стала продвигаться на линии Волга — балка Грязная при поддержке артиллерии Волжской флотилии.

Когда красные дошли до проволочных ограждений, врангелевский Саратовский пехотный полк, состоявший главным образом из пленных, прекратил огонь и начал сдаваться. Контратака 4-го пластунского батальона успеха не имела. Восточнее 2-й Сводно-гренадерский полк никак не мог выдвинуться из

балки Мокрая Мечетка. 4-я Кубанская и Сводно-горская дивизии, ждавшие в тылу, из-за холмистой местности не могли видеть бой, но почуяли неладное и по собственной инициативе пришли на помощь пехоте. Командующий 4-й Кубанской дивизией полковник Скворцов и командующий Горной дивизией полковник Шинкаренко скомандовали: «Шашки к бою!» Лава 4-й Кубанской атаковала на фронте между Саратовским большаком и Городищем, Сводно-горская дивизия двинулась по дороге Прудки—Городище.

Советская 28-я стрелковая дивизия и поддерживавший ее полк матросов Волжской флотилии были опрокинуты и отступили почти до Орловки, где преследующая их белая кавалерия была остановлена сильным артиллерийским огнем.

Врангель в этот момент находился на поле боя у станции Разгуляевка. Матросский полк под прикрытием огня судовой артиллерии атаковал между Волгой и Саратовским большаком и вышел к орудиюному и французскому машиностроительному заводу на окраине Царицына. Барон приказал командиру 1-го Кубанского казачьего корпуса генералу П. К. Писареву атаковать прорвавшийся полк во фланг 2-м Сводно-гренадерским полком и вызвал из Царицына свой личный конвой. Почти все матросы были изрублены и подошедшими от Разгуляевки полками 4-й Кубанской дивизии. Врангелевский конвой выбил матросов с французского завода. По словам самого Врангеля, было взято 500 пленных и полдюжины пулеметов.

Эти кавалерийские атаки, решившие участь красного наступления, запечатлел в своих мемуарах штабс-капитан 2-го Сводно-гренадерского полка К. С. Попов:

«Вдруг мы заметили на высотах у ст. Разгуляевки группу начальствующих лиц: появился генерал Писарев с частью штаба. Два конных орудия немедленно были установлены там же и открыли огонь. Мы остановились, и нашим глазам представилась редкая по своей красоте картина атаки нашей 4-ой Кубанской дивизии полк<овника> Скворцова на красную пехоту, спускающуюся в Городище. Сверху нам казалось, что лошади поднимаются по отвесной горе, всюду замелькали всадники. В атаку неслись 2-й Кавказский и 2-й Уманский полки. Красные открыли беспорядочный огонь. Лавина нашей конницы все поднималась, и вот на солнце блеснули шашки. В момент всё было кончено. С гор спускались уже не цепи, а толпы пленных. Нам же предстояло выбить красных из занятых ими окопов Саратовского полка, который только что целиком сдался красным, перебив своих командиров. Мимо нас вели пленных, трубачи играли сбор, отовсюду спускались казаки, многие вытирали шашки.

Наши четыре роты взяли направление на то место, где Саратовский тракт прорезает окопы и проволочное заграждение. Кубанцы же спешили к оружейному заводу, где положение было критическим и вызвало даже появление на поле боя самого генерала Врангеля, который лично направлял свои последние резервы... По дороге две случайно разорвавшихся шрапнели ранят несколько grenадер. Мы идем, всё ускоряя шаг. Вот мы выходим на Саратовский тракт, рассыпаемся цепью, и сейчас же нас встречает сильный пулеметный огонь засевших в окопах коммунистов... Не обращая внимания на огонь и потери, мы делаем порывистое движение вперед, но встречаем сильный отпор, так как к красным подошли еще новые тачанки. Нас отделяет от них уже 100—150 шагов, когда вдруг, не выдержав огня, мы попятимся назад... Поле густо было усеяно трупами атакующих, уцелевшие накоплялись в ближайшем овраге. В этот критический момент нам на помощь двумя красивыми лентами подошли две роты астраханцев, с которыми непосредственно шел заместитель начальника дивизии, храбрый полковник Икишев. Все встрепенулись... мы снова все двинулись вперед. На этот раз произошла форменная свалка. Поручик Богач, громадного роста и силы, заколол трех матросов. Красные были смяты и обратились в бегство. Поле еще гуще покрылось трупами убитых. Пулеметы с тачанками перешли в наши руки. Среди убитых обнаружено было несколько китайцев, матросов с “Андрея Первозванного”, п<одводной> л<одки> “Нерпы” и одна красная сестра.

Поведение Врангеля в этом бою описал В. Х. Даватц, один из ближайших сотрудников Петра Николаевича в эмиграции, а в то время — вольноопределяющийся дивизиона бронепоездов:

«Врангель сказал: “Едем в корпус Писарева, у него сегодня будет горячо”. Небольшой “Форд” рванулся с места. Когда мы достигли окраины города, то застали там смятение. Было заметно, что на берегу Волги происходит что-то необычное. Колонна за колонной мимо нас шли солдаты, некоторые с винтовками, другие без; вид у них был обреченный. Лицо Врангеля помрачнело, чувствовалось, что он с трудом сдерживал себя. Внезапно он приказал остановиться и встал. Тут же его окружила толпа.

— Откуда? Какой части? — в его голосе послышались незнакомые нотки. — Установить пулеметы — никого не пропускать!

— Ваше превосходительство, красные прорвали оборону!

— Оставаться здесь, женщинам вернуться домой, детей с дороги убрать...

Конная сотня генерала галопом припустилась за дезертирами.
— Ваше превосходительство, генерал Шатилов приказал... — начал есаул.

— Коня! — оборвал его Врангель. — Покровский (адъютант Врангеля), ждите меня на мосту!

Вскочив на коня, он, сопровождаемый сотней, исчез в клубах пыли».

Генерал-майору Николаю Всеволодовичу Шинкаренко запомнилось то впечатление, которое произвело на врангелевцев появление на поле боя их командарма:

«На холме впереди мы увидели группу всадников и черно-желтый флаг Святого Георгия — Врангель со штабом. В наше время едва ли не единственное место, где можно увидеть командующего на поле боя, — полотна Гро и Верне в Лувре. Мы же видели его воочию — высокого, худого, в коричневой казачьей черкеске с закатанными рукавами, заломленной на затылок папаше и с казацким кинжалом на поясе.

— Благодарю вас, Шинкаренко, фантастическая атака! — сказал он, протянув руку с длинными пальцами.

— Мой конвой тоже участвовал в атаке — они порубали матросов на правом фланге. Еще раз спасибо. Право, великолепная атака. Не забудьте сделать представление к наградам, да не скупитесь!»

В тот же день у станции Котлубань 2-й Кубанский корпус Улагая отразил атаки 37, 38 и 39-й советских стрелковых дивизий и взял более четырех тысяч пленных, четыре орудия и 60 пулеметов. Успех сопутствовал и боевой группе под руководством начальника Астраханской дивизии генерала Савельева, захватившей семь орудий, 30 пулеметов и 1370 пленных. Всего же, если верить донесению Врангеля, 23 августа Кавказская армия взяла в плен семь тысяч человек с одиннадцатью орудиями и 104 пулеметами.

Продолжавшиеся атаки красных успеха им не принесли. На следующий день Улагай и Савельев вновь взяли пленных и пулеметы.

Двадцать пятого августа армия Врангеля получила танки и 27-го перешла в контрнаступление. Этот бой запомнился К. С. Попову:

«Танкам приказано было со станции Разгуляевка через Городище атаковать в направлении на Орловку. Коннице Бабиева и 4-й Кубанской дивизии давалась задача преследования. Мы должны были атаковать прямо перед собой по получении особого приказа.

Итак, завтра увидим действие магических танков. Все воспрянули духом. Ночь прошла в нервном ожидании этого решительного боя. Пусть смерть, чем такое напряжение нервов.

Едва забрезжил рассвет, как далеко влево... затарахтели пулеметы часто-часто, забухала артиллерия. Бой разгорался и всё ближе подвигался к нам. Вдруг — чудо. Против 1-го полка все поле покрылось бегущими людьми. 4-ая Кубанская дивизия неслась по Саратовскому тракту, охватывая отступающих красных. Вот веером рассыпались Кубанцы, блеснули шашки...

“Вперед”, скомандовал появившийся Гранитов и полез через проволоку. Ему помогали другие разбрасывать колья. Вот мы за проволокой... спустились прямо на голову красным. “Стой, стой, будем стрелять”, кричали гранадеры. Из красных кто остановился, кто бежал. Раздались одиночные выстрелы по убегающим. Всё равно не уйдут, вот она — наша кавалерия...

Я подошел к одному убитому. Это был тот самый, что подъехал к проволоке верхом. Молодой, рыжий, кудластый, в офицерских рейтузах, при шашке, весь обвешанный красными кумачовыми лентами. На красном поясе висели у него четыре ручных гранаты. Пуля пробила ему череп, а запекшаяся кровь еще больше придала его облику красных тонов. По-видимому, это был красный командир.

Мы двинулись вперед, по пути, в балках, забирая пленных. Сделав большую петлю в несколько верст и пройдя Большой Яр цепью, мы вышли на Саратовский тракт. Борис выстраивал пленных, которых набралось до 100 человек. Из Царицына показался быстро едущий автомобиль. Я узнал генералов Врангеля и Шатилова. “Это гранадеры?” — обратился он (Врангель. — Б. С.) ко мне. “Так точно, Ваше Превосходительство”, — ответил я. “Благодарю вас за лихое дело”, — прогремел он и понесся дальше. Казаки везли мимо нас 13 взятых орудий. Победа была полная. Разгром 28-й советской Железной дивизии оказался решительным».

Действительно, в этот день 28-я дивизия окончательно утратила боеспособность. Врангелевцами было взято в плен около двух тысяч ее бойцов.

Однако на Черноярском направлении части советских 4-й и 11-й армий потеснили группу Савельева, а сам генерал был тяжело ранен. Врангель перебросил туда 3-ю Кубанскую дивизию и объединил войска к югу от Царицына под командованием генерала Бабиева. К 10 сентября Черноярская группировка красных была отброшена от Царицына, потеряв три тысячи пленных и девять орудий. Однако взять Черный Яр не удалось, причем 3-я пластунская бригада понесла во время атаки большие потери и утратила боеспособность.

Успех врангелевских войск во время обороны Царицына во многом определялся превосходством их конницы. К тому времени конный корпус Буденного был перебросен на Воронеж-

ское направление, а оставшиеся более слабые кавалерийские части красных, включая корпус Б. М. Думенко, не могли его заменить.

Атаки красных продолжались до конца сентября. Особенно жестокий бой происходил 29-го, когда им удалось захватить важную станцию Карповка и перерезать дорогу Лихая—Царицын. Утром Врангель выехал на станцию Чир для встречи с командующим Донской армией генералом В. И. Сидориным, чтобы договориться о взаимодействии. В Донской области как раз в это время праздновали возвращение корпуса Мамонтова из знаменитого рейда. Но у Врангеля по поводу его действий было иное мнение. Он вспоминал:

«В поезде командующего армией застал я недавно вернувшегося после продолжительного рейда в тыл красных генерала Мамонтова. Имя генерала Мамонтова было у всех на устах. Донской войсковой круг торжественно чествовал его, газеты были наполнены подробностями рейда.

Я считал действия генерала Мамонтова не только неудачными, но явно преступными. Проникнув в тыл врага, имея в руках крупную массу прекрасной конницы, он не только не использовал выгоды своего положения, но явно избегал боя, всё время уклоняясь от столкновений.

Полки генерала Мамонтова вернулись обремененные огромной добычей в виде гуртов племенного скота, возов мануфактуры и бакалеи, столового и церковного серебра. Выйдя на фронт наших частей, генерал Мамонтов передал по радио привет “родному Дону” и сообщил, что везет “Тихому Дону” и “родным и знакомым” “богатые подарки”. Дальше шел перечень “подарков”, включительно до церковной утвари и риз. Радиотелеграмма эта была принята всеми радиостанциями. Она не могла не быть известна и штабу Главнокомандующего. Однако генерал Мамонтов не только не был отрешен от должности и предан суду, но Ставка его явно выдвигала...»

Замечания Петра Николаевича нельзя не признать справедливыми. Но не свидетельствовал ли опыт мамонтовского рейда, что его собственный план, предложенный Деникину, о походе трех-четырех конных корпусов на Москву не имел шансов на успех? Ведь среди этой конницы по необходимости преобладали бы кубанские и донские казаки, поскольку регулярной конницы в Вооруженных силах Юга России было очень мало. И можно не сомневаться, что казачьи обозы были бы переполнены разнообразной добычей и донцы и кубанцы не очень стремились бы вступать в столкновения с большими отрядами красных. Вряд ли даже такой жестокий и нетерпимый к грабежам начальник, как Врангель, смог бы этому пре-

пятствовать, тем более что в условиях действий в глубоком советском тылу, при больших расстояниях между корпусами и дивизиями он был бы очень ограничен в применении репрессий. Следовательно, у его конной группы почти не было шансов дойти до Москвы.

Донской казак, генерал А. В. Голубинцев, вспоминал обстоятельства, в которых начинался рейд: «Стоявший во главе корпуса генерал Мамонтов был весьма популярен среди казаков. Около 20—23 июля в расположение корпуса прибыл командующий Донской армией генерал Сидорин и прочитал указ Верховного правителя адмирала Колчака о назначении генерала Деникина главнокомандующим всеми Вооруженными Силами на Юге России, а генерал Мамонтов поздравил казаков с походом на Москву...

Непосредственной целью набега было: удар по красным тылам, разрушение железных дорог и узловых станций и поднятие восстания среди местного населения.

Направление движения было намечено от Новохоперска на Тамбов, являвшийся одним из важнейших пунктов тыла Южного фронта красных. Это направление приходилось в стыке 8-й и 9-й красных армий.

При составлении плана набега предполагалось придать Мамонтову еще 2-й Донской конный корпус генерала Коновалова и конную дивизию полковника Голубинцева, сформированную из восставших казаков, силою в 4 тысячи сабель. Для приведения в исполнение этого плана необходимо было сократить фронт Донской армии, выдвинув Кавказскую армию генерала Врангеля к северу, что дало бы возможность снять с фронта корпус генерала Коновалова и, присоединив его в районе Урюпина к группе генерала Мамонтова, ударить в тыл и фланг группы красных в районе Новохоперск—Лиски, в направлении на Воронеж, а затем бросить всю массу конницы в рейд для удара по тылам красных армий.

Таким образом, в смысле сохранения тайны, маскировки намерения, выбора места прорыва и направления, плана и директив, учета настроения населения, технической и моральной подготовки были приняты и учтены все необходимые для успеха предприятия меры.

Осуществление полностью плана не удалось вследствие медленного продвижения Кавказской армии, которая должна была, заняв Балашов, освободить корпус Коновалова.

Занятый борьбой с красными, генерал Коновалов не смог вовремя присоединиться к Мамонтову, а дивизия полковника Голубинцева... была остановлена на походе и получила новую задачу: заполнить образовавшийся 40-верстный прорыв меж-

ду Донской и Кавказской армиями и наступать к северу, в связи с Донской и Кавказской армиями.

Генерал Мамонтов получил директивы о рейде и, прождав несколько дней корпус генерала Коновалова, толкаемый Ставкой, решает выполнить рейд самостоятельно.

Состав группы, принимавшей участие в рейде, был следующий: 12-я Донская конная дивизия, 13-я Донская конная дивизия и Сводная Донская конная дивизия... Кроме того, для поддержки был придан еще пеший казачий отряд, около 3 тысяч штыков. Артиллерия состояла из шести полевых орудий, четырех дальнобойных английских и двух 4,5-дюймовых пушек. Таким образом, численность отряда определялась в 6 тысяч сабель, 3 тысячи штыков, 12 орудий и три броневедомости. Обозы были взяты только боевые. 25 июля части корпуса начали переправу через реку Хопер у станицы Добринской».

Итак, первоначально для мамонтовского рейда планировались значительно более крупные силы — в общей сложности десять тысяч конников и три тысячи пехотинцев, что почти равнялось численности Кавказской армии после взятия Царицына. Правда, Мамонтову не ставилась задача идти на Москву — он должен был ударить в тыл группировки красных в районе Новохоперск—Лиски. Однако он посчитал, что его отряд без корпуса Коновалова слишком слаб, и сразу отправился в рейд в глубокий тыл. Нанесенный красным ущерб был не столь уж велик. Конечно, казаки портили железнодорожные пути (но при этом не взорвали ни одного стратегически важного моста), захватывали и уничтожали интендантские части. Но захваченные в плен бойцы советских соединений просто распускались по домам, за исключением перешедшей на сторону белых Тульской дивизии. Раз территория осталась под властью большевиков, они легко могли вновь привлечь отпущенных мобилизованных. Для того же, чтобы сформировать большую антибольшевистскую армию, у Мамонтова не было ни средств, ни лозунгов, за которыми пошли бы массы. Повреждения, нанесенные железным дорогам, можно было сравнительно быстро исправить. Захваченного мамонтовцами в интендантских складах добра было достаточно для обогащения казаков, но явно недостаточно, чтобы радикально подорвать боеспособность Красной армии. Вероятно, рейд корпуса Мамонтова принес бы Белому движению больше пользы, если бы во взаимодействии с дивизиями, находившимися на фронте, удалось разгромить основные силы 8-й и 9-й советских армий. Но Мамонтов, как справедливо заметил Врангель, по большей части уклонялся от столкновений со значительными силами красных — берег своих людей.

Едва командующий Донской армией Сидорин сел в своем штабном поезде завтракать с Врангелем, как пришла телеграмма от Шатилова, что Карповка занята красными. Врангель оказался отрезан от своей армии. Направив свой поезд в Царицын через Ростов и Торговую, Петр Николаевич вместе с адъютантом выехал на автомобиле в хутор Верхнецарицынский, вооружившись на всякий случай пулеметом. Прибыв туда вечером, они застали там панические слухи о прорыве красных: будто ими захвачен штабной поезд и они уже в Царицыне. Врангель доехал до станции Тингуту и оттуда на паровозе помчался в Царицын, где противника не оказалось. К утру Карповка была отбита Манычским полком Астраханской дивизии.

Стоит отметить, что в начале октября Врангель организовал налет авиаэскадрильи во главе с генерал-майором В. М. Ткачевым на позиции обстреливавшей Царицын тяжелой артиллерии красных, в результате чего батарея была уничтожена.

Тогда же проездом из Пятигорска в Таганрог, в Ставку главнокомандующего, барона навестил командующий войсками Северного Кавказа генерал Эрдели, встревоженный слухами, что между Врангелем и Деникиным в последнее время «нелады»: «Говорили, что я разошелся с Главнокомандующим не только в вопросах военных, но и политических. Имя мое будто бы противопоставлялось генералу Деникину правыми общественными кругами, недовольными политикой командования. Всё это, конечно, не имело оснований. Сидя безвыездно в Царицыне, я был далек от политической жизни. Из крупных общественных деятелей я мало кого знал. Однако в нездоровой атмосфере тыла чья-то незримая рука продолжала вести недостойную игру».

Четвертого октября 1919 года все части Кавказской армии перешли в наступление и к 10-му числу вышли на линию Дубовка — хутор Шишкин.

Советские войска были отброшены на 50 верст от Царицына. Однако Врангель счел, что его ослабленная армия не в состоянии далее продолжать наступление. В разговоре по прямому проводу с Романовским он попросил отменить задачу наступать на Камышин и Саратов и разрешить перейти к обороне, тем более что к тому времени неудачей закончилось и наступление войск Эрдели на Астрахань. Однако Романовский настаивал на продолжении операции. Тогда Врангель решил выехать в Таганрог, чтобы лично переговорить с Деникиным.

Петр Николаевич прибыл в Ростов-на-Дону 7 (20) октября. Деникин мог принять его в Таганроге лишь на следующий день. Чтобы убить время, Врангель отправился в театр. Они с

графом Гендриковым расположились в глубине ложи второго яруса. Давали оперетту «Птички певчие».

После антракта занавес долго не поднимался. Наконец на авансцену вышел некто в штатском и обратился к зрителям: «В то время как мы здесь веселимся, предаваясь сладостям жизни, там, на фронте геройские наши войска борются за честь Единой, Великой и Неделимой России! Стальной грудью прикрывают они нас от врага, обеспечивая мир и благоденствие населению... Мы обязаны им всем, этим героям и их славным вождям. Я предлагаю вам всем приветствовать одного из них, находящегося здесь, — героя Царицына, командующего Кавказской армией, генерала Врангеля!»

Луч прожектора осветил ложу, где сидел Врангель, оркестр грянул туш. Поднялся занавес, труппа и зрители зааплодировали.

Не дожидаясь конца спектакля, Врангель с Гендриковым незаметно вышли из театра. Они хотели поужинать в ресторане гостиницы «Паллас», но и там не смогли избежать внимания публики. Барона приветствовали бурными криками «ура!». Все встали из-за столов, музыканты опять заиграли туш. Каждый норовил чокнуться с героем-генералом. Петр Николаевич вспоминал:

«Один за другим стали подходить знакомые и незнакомые, поздравляя с последними победами, расспрашивая о положении на фронте... Среди прочих задавались вопросы:

“Ну, как отношения ваши с генералом Деникиным?”, “Правда ли, что вы окончательно разошлись с Главнокомандующим?”

Чья-то невидимая рука продолжала неустанно вести закулисную интригу, сея смуту и сомнения в умах.

Отказавшись от ужина, я поспешил вернуться к себе в поезд».

В десять часов утра Врангель был принят главнокомандующим в присутствии начальника штаба, генерала Романовского. Деникин встретил его весьма любезно, однако прежней сердечности уже не было, под внешним доброжелательством чувствовалась холодная сдержанность. Подробно доложив обстановку, Врангель повторил свое соображение о невозможности нового наступления его армии. Вопреки мнению Романовского, ему удалось убедить главнокомандующего, и тот отдал приказание начальнику штаба: «Кавказской армии вести активную оборону Царицына». Петр Николаевич был приглашен Деникиным на обед.

Врангель в мемуарах в который уже раз обращается к теме нарастания разногласий между ним и Деникиным, утраты по-

следним чувства реальности и падения авторитета у участников Белого движения.

«Время до обеда, — писал он, — я использовал, чтобы по-видать некоторых нужных мне лиц, в том числе генерал-квартирмейстера генерала Плющевского-Плющик. В оперативном отделении видел я нескольких молодых офицеров Генерального штаба, старых моих знакомых, и убедился, что непрочность нашего стратегического положения им в полной мере ясна. Некоторые из них обращались ко мне с просьбой “обратить внимание Главнокомандующего”, “повлиять на Главнокомандующего”... Видно было, что вера в высшее командование среди ближайших сотрудников в значительной мере поколеблена.

После обеда генерал Деникин пригласил меня в свой рабочий кабинет, где мы побеседовали более двух часов. Общее наше стратегическое положение, по словам генерала Деникина, было блестяще. Главнокомандующий, видимо, не допускал мысли о возможности поворота боевого счастья и считал “заяятие Москвы” лишь вопросом месяцев. По его словам, противник, разбитый и деморализованный, серьезного сопротивления оказать не может. Указывая на карте на левый фланг нашего бесконечно растянувшегося фронта... генерал Деникин, улыбаясь, заметил:

“Даже Розеншильд-Паулин, и тот безостановочно двигается вперед. Чем только он бьет врага — Господь ведает. Наскреб какие-то части и воюет...”

Восстанию разбойника Махно в тылу генерал Деникин также серьезного значения не придавал, считая, что “всё это мы быстро ликвидируем”.

С тревогой и недоумением слушал я слова Главнокомандующего.

В отношении нашей внешней и внутренней политики генерал Деникин не был столь оптимистичен. Он горько жаловался на англичан, “ведущих все время двойную игру”, и негодовал на наших соседей — грузин и поляков: “С этими господами я решил прекратить всякие переговоры, определенно заявив им, что ни клочка русской земли они не получают”.

Что же касается внутреннего нашего положения, то Главнокомандующий, отдавая себе отчет в неудовлетворительности его, раздраженно говорил об “интригах” в Ростове, виновниками которых в значительной мере считал отдельных деятелей консервативной группы — совета государственного объединения, председателем которого являлся статс-секретарь А. В. Кривошеин.

Часть этой группы, стоя в оппозиции к главному командованию, будто бы настаивала на приглашении находящегося за границей Великого Князя Николая Николаевича, единственного человека, по мнению этой группы, могущего объединить вокруг себя разнообразные элементы национальной борьбы: «Конечно, всё это несерьезно, сам Великий Князь отказывается приехать в Россию, я приглашал его вернуться в Крым, но получил ответ, что Великий Князь считает, что его приезд мог бы повредить нашему делу, так как был бы встречен недоброжелательно Западной Европой, которая все же нас сейчас снабжает...».

В чем Врангель и Деникин нашли общий язык — так это в критике «самостийности» казаков, особенно кубанцев: «...за последнее время демагогические группы кубанской Законодательной Рады всё более и более брали верх и недопустимые выпады против главного командования всё чаще повторялись». Барон продолжал считать, что самостийные течения, не проросшие глубокими корнями в казачестве и не встречающие сочувствия в большей части казачьих частей, не имеют под собой серьезной почвы, что грозный окрик главнокомандующего может отрезвить кубанцев, а твердо проводимая в дальнейшем общеказачья политика даст возможность установить взаимное доверие. Поэтому он предложил Деникину разрешить «кубанский вопрос» следующим образом:

«Не посягая на казачьи вольности и сохраняя автономию края, необходимо сосредоточить в руках атамана всю полноту власти, оставив его ответственным единственно перед Краевой Радой, высшей законодательной властью в крае, и главным командованием, в силу существующих договорных отношений. Ныне действующая Законодательная Рада должна быть упразднена, а вся исполнительная власть сосредоточена в руках ответственного перед атаманом правительства.

Соответствующий законопроект мог быть внесен в Краевую Раду какой-либо группой ее членов. Допуская возможность выступления левых оппозиционных групп, я предлагаю, воспользовавшись затишьем на фронте, отправить в Екатеринодар, под предлогом укомплектования и отдыха, некоторое число моих частей».

Немного подумав, Антон Иванович принял это предложение. Он попросил Врангеля еще на день задержаться в Ростове, чтобы снова встретиться с ним и генералом А. С. Лукомским, только что назначенным председателем правительственного Особого совещания.

Поезд Врангеля посетили член Особого совещания Н. В. Савич, помощник начальника управления внутренних

дел В. Б. Похвиснев, а также будущий глава крымского правительства А. В. Кривошеин.

Во время визита в Ростов Врангель убедился, что он популярен не только на фронте, но и в тылу. Но на душе у него было тягостно. Собеседники убеждали его, что тыл разваливается.

И снова мы встречаем в мемуарах барона гневную филиппику в адрес Деникина и других начальников, чья политика, по его мнению, породила хаос:

«На огромной занятой войсками Юга России территории власть фактически отсутствовала. Неспособный справиться с выпавшей на его долю огромной государственной задачей, не доверяя ближайшим помощникам, не имея сил разобраться в искусно плетущейся вокруг него сети политических интриг, генерал Деникин выпустил эту власть из своих рук. Страна управлялась целым рядом мелких сатрапов, начиная от губернаторов и кончая любым войсковым начальником, комендантом и контрразведчиком. Сбитый с толку, запуганный обыватель не знал, кого слушаться. Огромное количество всевозможных авантюристов, типичных продуктов гражданской войны, сумели, пользуясь бессилием власти, проникнуть во все отрасли государственного аппарата. Понятие о законности совершенно отсутствовало. Бесконечное количество взаимно противоречащих распоряжений не давали возможности представителям власти на местах в них разобраться. Каждый действовал по своему усмотрению, действовал к тому же в полном сознании своей безнаказанности. Губительный пример подавался сверху. Командующий Добровольческой армией и главноначальствующий Харьковской области генерал Май-Маевский безобразным, разгульным поведением своим первый подавал пример. Его примеру следовали остальные.

Хищения и мздоимство глубоко проникли во все отрасли управления. За соответствующую мзду можно было обойти любое распоряжение правительства. Несмотря на огромные естественные богатства занятого нами района, наша денежная валюта непрерывно падала. Предоставленный главным командованием на комиссионных началах частным предпринимателям вывоз почти ничего не приносил казне. Обязательные отчисления в казну с реализуемых за границей товаров, большей частью, оставались в кармане предпринимателя.

Огромные запасы, доставляемые англичанами, бессовестно расхищались. Плохо снабженная армия питалась исключительно за счет населения, ложась на него непосильным бременем. Несмотря на большой приток добровольцев из вновь занятых армией мест, численность ее почти не возрастала. Тыл был набит уклоняющимися, огромное число которых благо-

получно пристроилось к невероятно разросшимся бесконечным управлениям и учреждениям.

Много месяцев тянущиеся переговоры между главным командованием и правительствами казачьих областей всё еще не привели к положительным результатам, и целый ряд важнейших жизненных вопросов оставался без разрешения.

Внешняя политика главного командования была столь же неудачной. Отношения с ближайшими соседями были враждебны. Поддержка, оказываемая нам англичанами, при двучленной политике Великобританского правительства, не могла считаться в должной степени обеспеченной. Что касается Франции, интересы которой, казалось бы, наиболее совпадали с нашими и поддержка которой представлялась нам особенно ценной, то и тут мы не сумели завязать крепких уз...

Бессилие власти нашло свое отражение во всех сторонах жизни, и престиж этой власти, несмотря на внешние стратегические успехи, быстро падал...

Ревнивый к своей власти, подозрительный даже в отношении своих ближайших помощников, генерал Деникин боялся сильных, самостоятельных людей. Эта черта характера Главнокомандующего отлично учитывалась ближайшими к нему лицами, и на струнке этой охотно играли как те, кто боялся за себя самого, так и те, кто искал развала нашего дела. «Секретные информации вверх» все время пугали генерала Деникина».

Военно-политическое положение тоже не внушало Врангелю никакого оптимизма. В мемуарах он писал:

«К октябрю месяцу были заняты Киев, Курск, Орел. Наша конница стояла под самым Воронежем, а казаки генерала Шкуро даже занимали город несколько дней. Весь богатый юг с его неисчерпаемыми запасами был занят войсками генерала Деникина. Ежедневно сводки штаба главнокомандующего сообщали о новых наших успехах. Генерал Деникин в благодарственном приказе на имя командующего Добровольческой армией говорил о том, как добровольцы «вгоняют» во вражеский фронт «клин к Москве».

Вместе с тем, для меня было ясно, что чудесно воздвигнутое генералом Деникиным здание зиждется на песке. Мы захватили огромное пространство, но не имели сил для удержания его за собой. На огромном изогнутом дугой к северу фронте вытянулись жидким кордоном наши войска. Сзади ничего не было, резервы отсутствовали. В тылу не было ни одного укрепленного узла сопротивления. Между тем противник твердо придерживался принципа сосредоточения сил на главном направлении и действий против живой силы врага.

Отбросив сибирские армии адмирала Колчака на восток, он спокойно смотрел на продвижение наших войск к Курску и Орлу, сосредоточивая освободившиеся на сибирском фронте дивизии против моих войск, угрожавших сообщениям сибирской красной армии. Теперь, отбросив мою армию к Царицыну, ясно отдавая себе отчет в том, что обескровленная трехмесячными боями Кавказская армия не может начать новой наступательной операции, красное командование стало лихорадочно сосредоточивать свои войска на стыке Донской и Добровольческой армий. Сосредоточивающейся новой крупной массе красных войск Главнокомандующему нечего было противопоставить».

Врангеля угнетала неспособность Добровольческой армии наладить отношения с населением. Нерешенность аграрного вопроса и нежелание Деникина пресечь грабежи, которыми прославились «добровольцы» и казаки, разрушали тыл Вооруженных сил Юга России:

«В глубоком тылу Екатеринославской губернии вспыхнули крестьянские восстания. Шайки разбойника Махно беспрепятственно захватывали города, грабили и убивали жителей, уничтожали интендантские и артиллерийские склады.

В стране отсутствовал минимальный порядок. Слабая власть не умела заставить себе повиноваться. Подбор администрации на местах был совершенно неудовлетворителен. Произвол и злоупотребления чинов государственной стражи, многочисленных органов контрразведки и уголовно-разыскного дела стали обычным явлением. Сложный вопрос нарушенного смутой землепользования многочисленными, подчас противоречивыми приказами Главнокомандующего не был хоть сколько-нибудь удовлетворительно разрешен. Изданными в июне правилами о сборе урожая трав правительством была обещана половина помещику, половина посевику, из урожая хлебов $\frac{2}{3}$, а корнеплодов $\frac{5}{6}$ посевику, а остальное помещику. Уже через два месяца этот расчет был изменен, и помещичья доля понижена до $\frac{1}{5}$ для хлебов и $\frac{1}{10}$ для корнеплодов. И тут в земельном вопросе, как и в других, не было ясного, реального и определенного плана правительства. Несмотря на то, что правительство обладало огромными, не поддающимися учету естественными богатствами страны, курс денег непрерывно падал и ценность жизни быстро возрастала. По сравнению со стоимостью жизни, оклады военных и гражданских служащих были нищенскими, следствием чего явились многочисленные злоупотребления должностных лиц.

Взаимоотношения с казачьими новообразованиями не наладились. Так называемая Южно-Русская конференция всё

еще ни до чего не договорилась. Хуже всего дела обстояли с Кубанью. По уходе Ставки из Екатеринодара левые группы казачества особенно подняли головы. В Законодательной Раде всё чаще раздавались демагогические речи, ярко напоминавшие выступления “революционной демократии” первых дней смуты. Местная пресса, органы кубанского осведомительного бюро, “Коб”, и кубанский отдел пропаганды, “Коп”, вели против “добровольческой” политики Главнокомандующего бешеную травлю.

Всё это, несмотря на видимые наши успехи, заставляло беспокойно смотреть в будущее».

Трудно сказать, действительно ли так думал Петр Николаевич тогда, в октябре 1919-го, или к столь пессимистическим выводам, в частности, по поводу аграрной политики, он пришел позднее, уже находясь во главе Русской армии в Крыму. Во всяком случае, судя по тем же мемуарам, Врангель подобного пессимистического взгляда на положение юга России не высказал ни в беседе с Деникиным в Таганроге, ни на следующий день на совещании с Деникиным и Лукомским в Ростове. Почему? Тут могут быть два объяснения. Либо в тот момент Петр Николаевич не считал положение критическим, а осмыслил события уже задним числом, после поражения Вооруженных сил Юга России. Либо, сознавая безнадежность ситуации, барон уже не считал Деникина способным к каким-то кардинальным переменам и делал ставку на его последующее смещение и собственный приход к власти, чтобы в будущем попытаться спасти то, что еще можно было спасти.

Конечно, перегруппировывать войска на решающее Московское направление было уже некогда. Но для издания каких-то политических деклараций и законов, удовлетворяющих народным чаяниям, время еще оставалось. Можно было, например, издать декларацию об общих принципах аграрной реформы, по которым земля немедленно и без всякого выкупа передавалась бы в собственность тому, кто ее обрабатывает. Крестьян можно было обязать платить только налог, на государство же возложить обязанность выплатить землевладельцам компенсации за изъятую землю, но только после окончания Гражданской войны. Можно было достичь компромисса с Кубанской радой. Можно было урегулировать отношения с Польшей, немедленно признав ее независимость и выразив готовность вести переговоры о взаимоприемлемой границе. Такого рода меры могли еще изменить военно-политическую обстановку в пользу Вооруженных сил Юга России. Однако не только Деникин, но и Врангель в тот момент не были готовы к столь радикальным шагам, которые только и могли бы пере-

ломить ситуацию. Критикуя Деникина за непоследовательность в аграрном вопросе, Петр Николаевич возмущался тем, что доля урожая, которую крестьяне должны были платить помещикам, постоянно менялась. Но идея вообще освободить крестьян от столь обременительного и морально невыносимого для них оброка ему в голову не приходила. Никаких рецептов, кроме введения режима «сильной руки», «твердой власти», способной обуздать «самостийников» и навести порядок в тылу, он не предлагал и сам же собирался вместе с Деникиным разгонять Кубанскую раду, наивно думая, что это умиротворит Кубань и приведет к бесперебойному поступлению пополнений и снабжения с Кубани в его Кавказскую армию. На самом деле результаты оказались прямо противоположными. После разгона Рады кубанские части, наоборот, окончательно разложились и стали стремительно терять боеспособность. И это происходило в тот период, когда большевики, отойдя на словах от политики «расказачивания», проводившейся в начале 1919 года и вызвавшей Верхнедонское восстание, устами Троцкого сулили казакам самую широкую автономию. Никто эти обещания не собирался выполнять, но как средство красной пропаганды они действовали.

Врангель писал в мемуарах, что на освобождаемых от большевиков территориях было много добровольцев, готовых вступить в Вооруженные силы Юга России, но подавляющее большинство их фатально оседало в тыловых учреждениях. Но задумывался ли он, почему к белым шли преимущественно не те, кто готов был проливать кровь за единую и неделимую, свободную от большевиков Россию, а кто хотел лишь получить паек и защиту от тех же большевиков? Вероятно, дело было в отсутствии политической программы, но новых лозунгов Врангель пока не предлагал.

По приказу Деникина Врангель осуществил разгон Кубанской рады. Поводом послужило заключение в Париже делегацией Рады без санкции Деникина договора с представителями Горской республики о взаимоотношениях Кубани и горских районов Северного Кавказа. Повод сам по себе был ничтожен. При желании Деникин всегда мог бы добиться от Рады и от горцев изменения не устраивавших его статей договора. Но главнокомандующему нужен был только предлог, чтобы ввести в действие разработанный начальником отдела пропаганды и отдела законов Особого совещания профессором К. Н. Соколовым проект, по которому вся полнота власти в Кубанском крае передавалась в руки атамана.

Врангель признавал, что кубанский атаман генерал А. П. Филимонов «по убеждениям своим был, конечно, со-

вершенно чужд самостийным течениям. Прослужив долгое время атаманом Лабинского отдела, он был очень популярен среди казаков-лабинцев, составляющих правое, разумное крыло Рады». Однако далее барон давал атаману резкую характеристику, из которой понятно, что Филимонов не годился для осуществления его замысла:

«К сожалению, недостаточно твердый, нерешительный, он потерял почву под ногами и выпустил власть из своих рук. Самостийники, видя в нем враждебного их убеждения человека, жестоко его травили; Ставка, не нашедшая в его лице исполнителя своих велений, его не только не поддерживала, но явно дискредитировала атаманский авторитет. Лишенный должной поддержки, чувствуя, как власть ускользает из его рук, атаман тщетно искал точку опоры, метался из стороны в сторону, и буря политической борьбы неминуемо должна была унести его.

С генералом Филимоновым разговаривать было бесполезно, и я решил посвятить в дело ближайшего помощника его, исполнявшего должность походного атамана и начальника военного управления, генерала Науменко. Последний, весьма разумный человек, отлично отдавал себе отчет в необходимости изменить существующий порядок вещей. После обеда у атамана я с генералами Покровским и Науменко беседовал весь вечер. За последние дни самостийники окончательно закусили удила. Выступления в Раде их главы И. Макаренко и других открыто призывали кубанцев “отмежеваться от главного командования и добровольцев”. Местная пресса пестрела целым рядом демагогических статей, среди чинов гарнизона велась самая преступная агитация, имелся ряд сведений о связи самостийников с “зелеными”, оперирующими к северу от Новороссийска в районе станции Тоннельная.

Генерал Покровский был настроен крайне решительно, предлагая попросту “разогнать Раду” и “посадить атамана”, облеченного всей полнотой власти. Генерал Науменко, более осторожный, конечно, против этого возражал. Я изложил намеченный мною план действий, который и был, в конце концов, всеми принят.

Предполагалось, что немедленно по открытии заседания Краевой Рады, созыв коей был намечен на 24 октября, группой лабинцев будет внесен проект нового положения об управлении краем».

Врангель надеялся обойтись без применения силы. 21 октября он писал В. Л. Покровскому, которому предстояло непосредственно руководить операцией в Екатеринодаре: «Предлагая известные требования, можно опереться на армию, но

использовать это оружие лишь как “Дамоклов меч”, отнюдь не нанося им удары. По сведениям моим, призрак военного переворота уже пугает кубанских “Мирабо”, и его можно и должно использовать, однако, повторяю, отнюдь не воплощая в жизнь. При настоящем положении я обуславливаю мое выступление в Раде от имени армии, лишь совершенно исключая какие бы то ни было вооруженные выступления, аресты и т. д. Примите меры к недопущению этого, во что бы то ни стало. Направление, принятое “Большим войсковым кругом на Дону”, еще более укрепляет меня в принятом решении. Работа левого крыла круга и “самостийников” на Кубани происходит в тесной связи, и ежели бы военный переворот на Кубани и увенчался успехом, то успех этот, кратковременный и непрочный, несомненно вызвал бы бурю на Дону, бурю, которая не только свела бы на нет этот успех, но и потрясла бы мощь воздвигаемого с таким трудом здания Новой Великой России».

Но 25 октября Деникин телеграфировал Врангелю: «В июле текущего года между правительством Кубани и меджлисом горских народов заключен договор, в основу которого положена измена России и передача кубанских казачьих войск Северного Кавказа в распоряжение меджлиса, чем обрекается на гибель Терское войско. Договор подписан Бычем, Савицким, Калабуховым, Немитоковым с одной стороны и Чермоевым, Гайдаровым, Хадзараговым, Бамматовым с другой. Приказываю при появлении этих лиц на территории Вооруженных Сил Юга России немедленно передать их военно-полевому суду за измену».

Теперь «мирный» вариант роспуска Рады явно не проходил. В мемуарах Врангель утверждал:

«Предоставив мне полную свободу действий, “carte blanche”, как он выразился, генерал Деникин, ни слова мне не сказавши, посылкой своей телеграммы ставил меня перед совершившимся фактом, совершенно спутывая все мои карты...»

Барон, прибыв в Екатеринодар, пригласил к себе в вагон генералов Науменко и Покровского. Телеграмма главнокомандующего лишь подлила масла в огонь. И атаман, и правительство, и Рада усмотрели в ней нарушение основных прав Кубани. Рада готовила решительный протест. Председателем Краевой рады был избран глава «самостийников» Макаренко. Для охраны Рады был сформирован отряд из казаков наиболее распропагандированного Таманского отдела. Генерал Покровский вновь настаивал на самых решительных действиях, предлагая попросту оцепить Раду войсками, схватить и на месте расстрелять целый ряд лиц. После этого, по его словам, «Рада выберет атаманом того, кого ей прикажут».

Врангель писал: «Я самым решительным образом воспретил ему (Покровскому. — Б. С.) какие бы то ни было выступления, аресты и т. п. без моего на то разрешения. Сам я решил, не останавливаясь в Екатеринодаре, проехать в Кисловодск, где выждать в зависимости от дальнейшего хода событий возможность действовать». Практически это означало, что Петр Николаевич предпочел, чтобы Покровский провел арест депутатов в его отсутствие, дабы ему потом легче было открититься от непопулярных среди кубанцев репрессий. Это стремление отчетливо проступает в мемуарах Врангеля: «Участвовать в этом (разгоне Рады, беспощадной расправе с «самостийниками» и насильственном утверждении во главе нового атамана. — Б. С.) я не считал для себя возможным. В этом случае я предполагал предоставить генералу Покровскому свободу действий, предоставляя ему в дальнейшем получать приказания непосредственно из Ставки».

Врангель предлагал еще два возможных варианта выхода из политического кризиса:

«Второе решение предусматривало маловероятный случай, если бы генерал Деникин, отказавшись от своего первоначального решения, попытался бы вступить на компромиссный путь мирных переговоров. Решению этому я, конечно, также сочувствовать не мог и предполагал в этом случае, отдав генералу Покровскому приказ о невмешательстве, немедленно вернуться в Царицын.

Наконец, третье решение намечало арест Калабухова (одного из лидеров Кубанской рады. — Б. С.) и других сочувствующих ему лиц, предание их военно-полевому суду, а затем переговоры с Радой с целью добиться от нее изменения положения об управлении краем. Это решение, наиболее трудное по исполнению, требовало большой твердости, осторожности и ловкости. Однако, по моему глубокому убеждению, оно в настоящих условиях было единственно правильным».

На самом деле этот вариант принципиально не отличался по своим последствиям от первого и проводить его в жизнь Врангель собирался руками Покровского. А этот исполнитель, как должен был догадываться Петр Николаевич, вполне мог и переборщить.

В случае с разгоном Кубанской рады и казнью Калабухова проявилось свойственное Врангелю стремление избегать прямой причастности к непопулярным мерам. Он писал 27 октября А. С. Лукомскому:

«Глубокоуважаемый Александр Сергеевич.

Я препроводил Вам копию с письма моего генералу Покровскому от 21 октября, из коей явствует мое несочувствие к

вооруженному вмешательству во внутренние дела Кубани. С одной стороны, неполная уверенность в войсках, успевших значительно развратиться “самостийниками”, с другой, опасение, даже в случае успеха, бури на Дону, могущей отразиться на фронте, требует от нас особой осторожности. Я надеялся на благоразумие одной части рады и на достаточность военной угрозы для другой. В этом убеждении поддерживали меня и доклады с мест. К сожалению, избрание председателем Краевой Рады И. Макаренко заставляет признать, что обнаглевшие “самостийники” окончательно закусили удила. Ближайшие дни должны рассеять все сомнения. Если рада пойдет по пути демагогии, то, по глубокому моему убеждению, силою вещей придется перейти от угрозы к действиям. Много сделано, чтобы войска, на которые я мог опереться, оправдали мое доверие. В Екатеринодар посланы наиболее стойкие части, во главе которых стоят крепкие начальники. Мой конвой составлен из отборных казаков моей 1-ой конной дивизии и офицеров, лично мне известных. На месте принят ряд мер для обеспечения успеха. Печальный опыт недавнего прошлого достаточно доказал, насколько в случае возможных осложнений можно опираться на самые “верные” части, а при условии, как я указывал в письме генералу Покровскому, что ныне в полках половина казаков, недавно прибывших, обработаны “самостийниками”, — ни в одной части быть вполне уверенным нельзя. Однако указанные выше, принятые мною меры предосторожности, личное доверие ко мне казаков, а, главное, твердая уверенность, что захват почина и решительность одни лишь могут, сплошь и рядом, спасти положение, всё это вместе взятое приводит меня к решению быть готовым к применению силы. Что касается последствий, могущих произойти в случае подобного образа действий и, в частности, опасности бури на Дону, то это вопрос общей политики, и я его решить без указаний Главнокомандующего не могу. Учитывая возможность политических осложнений, я сделаю всё, чтобы избежать применения силы, но ход событий заставляет предвидеть возможность такого порядка вещей, когда отказ от военного вмешательства будет признанием слабости, а это, по моему убеждению, равносильно гибели.

Докладывая об изложенном, испрашиваю срочных указаний Главнокомандующего... Прошу принять уверения в моем совершенном уважении и искренней преданности. П. Врангель.

Это письмо оставляет странное впечатление. С одной стороны, Петр Николаевич говорит о своем несочувствии силовому решению «кубанского вопроса» и о возможных гибельных последствиях его для перспектив антибольшевистской

борьбы. Но, с другой стороны, он убеждает Лукомского, что другого выхода, кроме как применить силу, скорее всего, не будет, так как отказ от ее использования будет, дескать, истолкован «самостийниками» как проявление слабости. Но раз уж Врангель был уверен в гибельности «силового решения», ему надо было не письмо Лукомскому писать (когда-то оно еще дойдет с нарочным!), а самому немедленно ехать в Таганрог к Деникину, а затем в Екатеринодар, пытаться примирить стороны, достигнуть взаимоприемлемого решения, пусть даже под угрозой силы, но без ее применения. Но Петр Николаевич предпочел свалить вину на Деникина: мол, Антон Иванович меня подставил, не сообщив вовремя о соглашении «самостийников» с горцами, и вообще в результате его мягкотелости распустившиеся кубанцы докатились почти до государственной измены. А если бы он получил это сообщение вовремя, что бы изменилось? Без применения силы арест провинившихся был бы невозможен что в августе, что в октябре.

Кажется, Врангель уже внутренне смирился с грядущим поражением и думал теперь только о том, как бы поскорее добиться ухода Деникина. Он откровенно признавался в мемуарах: «Я учитывал возможность и того, что генерал Деникин попытается вообще от всякого определенного ответа уклониться, я же считал необходимым обусловить свои действия точными указаниями Главнокомандующего. Быстро развивающиеся события при отсутствии определенных указаний свыше войскам могли ежечасно вызвать вооруженное столкновение. Имея это в виду, я писал Главнокомандующему, что, не получив до указанного срока никакого ответа, предоставляю генералу Покровскому возможность расправиться с радой по его усмотрению. Мое участие в этом случае было бы ограничено лишь последующими переговорами с радой».

Врангель написал Лукомскому 29 октября, что в зависимости от ответа Деникина будет действовать по одному из четырех возможных сценариев:

«1. “При сложившейся обстановке выступление Ваше от имени армии в раде считаю недопустимым”, — я уезжаю из Екатеринодара, оставляя там генерала Покровского во главе частей и предоставляя ему свободу действий.

2. “При сложившейся обстановке Ваше выступление в раде недопустимо, примите меры к поддержанию полного порядка в частях, находящихся в Екатеринодаре”, — я уезжаю из Екатеринодара и требую от генерала Покровского полного невмешательства во внутренние дела Кубани.

3. “Приказываю Вам немедленно принять меры к прекращению преступной агитации в Екатеринодаре некоторых лиц,

произведя, ежели нужно, арест их и предав военно-полевому суду”, — в точности выполняю телеграмму, после чего выступаю в раде.

4. Не получив до указания срока никакого ответа, представляю генералу Покровскому принять по его усмотрению меры для устранения из рады нежелательных лиц, после чего выступаю в раде».

Тридцатого октября Филимонов и председатель кубанского правительства дезавуировали соглашение с меджлисом горских народов, расценив его как превышение парижской делегацией своих полномочий. Но они возражали против военно-полевого суда, настаивая на том, что судить делегатов может только Рада.

На следующий день, 31 октября, Деникин предоставил Врангелю свободу рук в деле разгона Кубанской краевой рады.

Врангель отдал приказ об аресте и предании военно-полевому суду двенадцати депутатов Рады. 5 ноября Покровский предъявил Раде ультиматум об их выдаче и разоружении охранявшего Раду Таманского казачьего дивизиона. Рада согласилась выдать Калабухова, а с решением о выдаче остальных и разоружении тянула. Тогда Покровский ввел одну сотню в здание Рады, а другую расположил напротив, на площади. Таманские казаки были разоружены, а большинство депутатов, подозреваемых в «самостийничестве», арестовано, о чем 6 ноября утром Покровский и донес Врангелю.

Тот сразу же издал приказ по армии:

«6-го ноября 1919 года.

г. Кисловодск.

Прикрываясь именем кубанцев, горсть предателей, засев в тылу, отреклась от Матери-России. Преступными действиями своими они грозили свести на нет всё то, что сделано сынами Кубани для возрождения Великой России, всё то, за что десятки тысяч кубанцев пролили свою кровь. Некоторые из них дошли до того, что заключили преступный договор с враждебными нам горскими народами, договор предания в руки врага младшего брата Кубани — Терека. Пытаясь развалить фронт, сея рознь в тылу и затрудняя работу атамана и правительства в деле снабжения и пополнения армии, преступники оказывали содействие врагам России, той красной нечисти, которая год тому назад залила Кубань кровью. Как командующий Кавказской армией, я обязан спасти армию и не допустить смуты в ее тылу.

Во исполнение отданного мною приказанья командующим войсками тыла армии генералом Покровским взяты под стражу и преданы военно-полевому суду в первую голову две-

надцать изменников. Их имена: Калабухов, Безкровный, Макаренко, Манжула, Омельченко, Балабас, Воропинов, Феськов, Роговец, Жук, Подтопельный и Гончаров.

Пусть запомнят эти имена те, кто пытался бы идти по их стопам.

Генерал Врангель».

В тот же вечер Врангель прибыл в Екатеринодар. А. И. Калабухова успели уже с утра осудить и повесить в центре Екатеринодара. Это явно не добавило Врангелю симпатий донских казаков.

Над остальными арестованными суда еще не было, и Рада ходатайствовала о смягчении их участи. Кубанский атаман А. П. Филимонов вспоминал:

«Когда был повешен Кулабухов, в Екатеринодар прибыл Врангель.

Я обратился к нему с просьбой умерить воинственный пыл Покровского. Врангель ответил, что он сделает всё, чтобы парализовать дальнейшую деятельность Покровского, которую он считает нецелесообразной.

Это было необходимо, потому что Покровский говорил, что и все остальные арестованные будут повешены и что уже готовы виселицы.

Арестованные лидеры оппозиции были высланы за границу. Так закончился разгром Кубанской Рады».

Врангель, разумеется, ломал перед Филимоновым комедию, поскольку Покровский действовал по его приказу. Теперь же Петр Николаевич имел возможность явить кубанцам всю широту своего милосердия. Фактически Покровский и Врангель распределили роли «злого» и «доброго» следователей. Тогда же, 6 ноября, барон телеграфировал Деникину: «Приказание Ваше № 016722 исполнено — член Парижской конференции Калабухов арестован и по приговору военного полевое суда сего числа повешен».

Депутатам краевой рады, ходатайствующим за арестованных, Врангель заявил: «Мне не нужны чьи-либо жизни, но необходима гарантия в том, что быстрое не повторится и армия не окажется вновь в отчаянном положении». В заключение он как бы вскользь заметил, что, конечно, и этот кровавый урок был бы лишним, если бы самой краевой радой была бы предоставлена атаману полная помощь, а тот в своих действиях был бы ответствен лишь перед ней — верховной властью Кубани: «Как со стороны атамана, так и со стороны правительства я неизменно встречал полную поддержку и не сомневаюсь, что не будь атаман и правительство связаны по рукам Законодательной Радой, всё происшедшее не имело бы места». 8 нояб-

ря закон об изменении временного положения об управлении Кубанским краем был принят.

Пока Врангель и Покровский разбирались с Кубанской радой, Вооруженные силы Юга России потерпели первые чувствительные неудачи на Московском направлении. Еще 17 октября Романовский телеграфировал Врангелю, что противник пытается обойти с флангов Добровольческую армию в районах Воронеж—Лиски и Кромы—Севск. Он спрашивал, можно ли выделить часть казачьих дивизий Кавказской армии для помощи донцам и добровольцам или провести наступление силами Кавказской армии. Врангель ответил: «Неблагоприятно слагающуюся обстановку полагаю возможным изменить лишь крупным решением — выделить из состава Кавармии в ваше распоряжение три с половиной кубанских дивизий, не считая бригады, посылаемой в Екатеринодар, оставить в Царицынском районе части 1-го корпуса и инородческую конницу, сведя их в отдельный корпус с его подчинением непосредственно Главкому. Если такое решение будет принято, полагал бы желательным оставление комкором генерала Покровского». Он явно намекал, что хотел бы сам возглавить конную группу.

В ответ 19 октября Романовский от имени Деникина потребовал перебросить один Кубанский конный корпус в район Купянска. В итоге были переброшены только две дивизии — 2-я и 4-я Кубанские.

Царицын же продолжал успешно обороняться. Кавказская армия ушла из города только 4 (17) января 1920 года, когда Добровольческая и Донская армии уже откатились за Дон и Маныч.

Ситуация не улучшалась. Красные перешли в контрнаступление, заняли Курск и Орел, разбили в районе Воронежа конницу Мамонтова и Шкуро. Журналист Г. Н. Раковский, близкий к командующему Донской армией Сидорину, с его слов пишет, что в Харькове 2 (15) ноября 1919 года Сидорин во время разговора с Деникиным и Романовским поднял вопрос о событиях на Кубани. Его беспокоили и включение Кубани в состав тылового района Кавказской армии, и назначение генералов Врангеля и Покровского для ликвидации кубанских осложнений: «Обращаясь к Деникину, Сидорин заявил, что он... очень думает, что там нужно действовать очень осторожно. В противном случае можно ожидать весьма серьезных осложнений, и это его волнует гораздо больше, чем тяжелое положение фронта.

— Там ничего серьезного нет, и никаких осложнений, которых вы опасаетесь, там не произойдет, — успокоил Сидорина Романовский.

— Я очень опасаюсь, — заявил командующий Донской армией, — что каждый неосторожный шаг, сделанный сейчас, послужит к развалу кубанских частей, находящихся на фронте.

Главкомандующий прекратил этот разговор и сказал в заключение:

— Врангель наконец этот узел разрубит. То или другое... Окончательное разрешение вопроса крайне необходимо. На Кубани сложилась невыносимо тяжелая атмосфера. Жить вместе так, как мы жили, дальше невозможно».

На самом деле как раз после фактического упразднения Кубанской рады началось разложение не только в кубанских, но и в донских казачьих частях.

После этого совещания Деникин, убедившись в полной неспособности Май-Маевского исправить положение (его штаб даже не знал, где находится большинство частей беспорядочно отходившей армии), стал думать о назначении Врангеля командующим Добровольческой армией. Но произвел он это назначение лишь три с половиной недели спустя. Деникину очень не хотелось огорчать Владимира Зеноновича, ранее блестяще сражавшегося в Донбассе.

Врангель, заболевший возвратным тифом, 22 ноября был вызван в Таганрог для принятия новой должности. Теперь, когда обнаружилась полная несостоятельность генерала Май-Маевского и стало явным катастрофическое положение на фронте Добровольческой армии, барон 26 ноября (9 декабря) 1919 года был назначен командующим Добровольческой армией и главноначальствующим Харьковской области. Если бы это произошло хотя бы тремя неделями раньше — возможно, барон смог бы немного смягчить последствия поражения. Однако время было упущено.

Раковский со слов Сидорина писал: «Врангель сдал Кавказскую армию генералу Покровскому и вступил в командование Добровольческой армией. Но было уже поздно исправлять допущенные ошибки. Врангель не мог отстоять Харьков, который пал в типичной обстановке панической эвакуации, саркастически именуемой не эвакуацией, а саморазгромом. Добровольческая армия в состоянии полного хаоса и дезорганизации продолжала откатываться к югу. Положение на фронте осложнялось с каждым днем еще и тем, что конница Буденного продолжала углублять клин между Добровольческой армией и Донской. С каждым днем становилась всё более и более реальной возможность полного разрыва между ними со всеми проистекающими из этого для армий последствиями».

Дело усугублялось тем, что командование Донской армии подозревало Врангеля в намерении поскорее отвести свои ча-

сти в Крым, бросив Донскую армию на произвол судьбы. Г. Н. Раковский пишет:

«Командующий Донской армией генерал Сидорин 9 декабря отправился к Деникину и заявил, что по всем действиям высшего командования Добровольческой армии он усматривает вполне определенное стремление изменить фронт и отойти на Крым, и доказывал это всей группировкой добровольческих войск и теми руководящими приказами, которые ослабляли правый фланг, прикрывавший Ростов, и держали выдвинутым далеко вперед левый фланг. Перемена фронта на Крым угрожает окончательным разрывом между Донской армией и Добровольческой, тем более что такой весьма значительный разрыв существует уже и сейчас. По словам Сидорина, генерал Деникин на это ответил:

— Я сам это вижу, отлично понимаю и одинаково с вами оцениваю обстановку. Я настолько обеспокоен всем этим, что приказал докладывать мне о каждом распоряжении Врангеля, дабы лично проверять и следить за всеми его директивами.

— Я боюсь, — возразил Сидорин, — что умышленно будет создаваться такая боевая обстановка, которая заставит якобы волей или неволей совершать отход на Крым.

После обсуждения этого острого вопроса Деникин предложил Сидорину поехать к Врангелю, лично с ним переговорить и разрешить все недоразумения».

Поезда командующих армиями встретились на станции Ясиноватой. Между Врангелем и Сидориным произошло продолжительное совещание, настолько характерное во всех отношениях, что Раковский рассказал о нем очень подробно:

«Утром, часов в 8—9, генерал Врангель с начальником своего штаба генералом Шатиловым пришли в поезд командующего Донской армией. Первыми словами Врангеля были:

— Ну, Владимир Ильич, нужно честно и открыто сознаться в том, что наше дело проиграно. Нужно подумать о нашем будущем.

— Я не совсем с вами согласен, — возразил Сидорин.

— Как же вы со мною не соглашаетесь, — горячо запротестовал Врангель, — ведь для меня очевидно, что дальнейшее сопротивление совершенно невозможно.

После этого Врангель стал рассказывать, в каком состоянии находится Добровольческая армия. На фронте, по словам Врангеля, находятся три-четыре тысячи человек, которые доблестно дерутся и сдерживают ценой невероятных усилий натиск большевиков. Всё остальное — это колоссальнейшие тылы, развращенные до последних пределов. Достаточно сказать, что отдельные полки имели по двести вагонов различного иму-

щества. Войсковые части, главная масса офицерства, вообще командного состава усиленно занимались спекуляцией. Военная добыча отправлялась в тыл, ее сопровождали в большом количестве офицеры, масса различных воинских чинов для ликвидации этого имущества, для разного рода спекулятивных операций. Врангель указывал на вакханалию наживы, которая происходила в тылу, на те безобразия, которые творились на фронте. Он прочитал несколько своих докладов об этом главнокомандующему. Он заявил затем, что, по его мнению, необходимо немедленно подвергнуть самому беспощадному наказанию бывшего командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского как преступника, который развратил армию, не организовал запасных частей для подготовки пополнений, допустил все тыловые безобразия, центром которых была резиденция Май-Маевского — город Харьков.

— Таким образом, — говорил Врангель, — я буду свободен, так как Добровольческой армии не будет, и предлагаю свои услуги для того, чтобы отправиться в Англию и там настоять перед союзниками, дабы они немедленно послали к нам достаточное количество транспортных средств для вывоза за границу офицеров и их семейств».

Врангель считал, что никто, кроме него, это сделать не сумеет, намекал на свою популярность в Англии. Он дал понять Сидорину, что имеет связи с тамошними политиками и представителями английской военной миссии генералами Бриггсом и Хольманом. Он предполагал также использовать французские знакомства и заручиться поддержкой жившего в Италии великого князя Николая Николаевича. Петр Николаевич убеждал Сидорина, что тот никоим образом не может уехать для выполнения этой миссии, а должен, имея большой авторитет среди казаков, проводить мобилизации и поднимать дух войск. Генерал Покровский, популярный на Кубани, должен взять на себя формирование новой Кубанской армии и вообще поднимать всех казаков, живущих на Кавказе. Главное командование, то есть Ставка, в том виде, в каком она существовала, должна быть уничтожена, Деникин должен уйти и уступить пост главнокомандующего другому лицу.

«Я во многом не согласился с этим проектом, — рассказывает Сидорин. — Тогда Врангель снова поднял очень тонкий и щекотливый вопрос о Деникине.

— Вы согласны с тем, Владимир Ильич, — заявил он, — что главным командованием допущены колоссальнейшие ошибки, в особенности в организации гражданской власти?

— Да, — ответил Сидорин, — ошибки были допущены весьма большие».

Командармы обсуждали и земельный вопрос. Критикуя программу земельной реформы, разработанную по приказанию Деникина, Врангель особенно настаивал на сохранении выкупа крестьянами помещичьих земель. Горячо возражая против этого, его собеседник указывал, что в революционный период сохранить этот принцип невозможно, а нужно закрепить за крестьянами те земли, которые фактически находятся в их пользовании, до разрешения вопроса в общегосударственном масштабе.

Беседа коснулась и связи Врангеля с Особым совещанием. Выяснилось, что некоторые из его членов, в том числе и его председатель генерал Лукомский, находятся с бароном в интенсивной переписке и разделяют его взгляды на будущее государственное устройство России, в основу которого, по его мнению, должна быть положена военная диктатура.

Когда разговор зашел о Новороссийске, то Врангель сообщил Сидорину, что им делались неоднократные представления в Ставку о необходимости укрепления новороссийского плацдарма. Раковский со слов Сидорина передает их дальнейший спор:

«Жестоко раскритиковав деятельность Деникина, Врангель заявил:

— Как же мы сможем под командованием Деникина продолжить какую бы то ни было борьбу? — и стал горячо доказывать Сидорину, что всем провалом дела борьбы с большевиками мы обязаны исключительно только Деникину, что если мы действительно хотим и можем, как думает Сидорин, продолжать борьбу, то продолжать ее дальше под флагом Деникина нельзя.

На это Сидорин ответил:

— Я считаю, Петр Николаевич, что именно Деникина нам необходимо оставить.

Во время дальнейшего разговора Сидорин высказался в том смысле, что Деникина нечем заменить, некого выдвинуть на его место. Ему, Сидорину, как донскому казаку, тесно связавшему себя с Доном, нельзя было вступить в командование всеми Вооруженными силами на Юге России. Совершенно не подходит к роли главнокомандующего и правителя генерал Покровский, командующий Кавказской армией. В очень осторожной форме перешел затем Сидорин к оценке возможностей для Врангеля занять указанный пост.

— Я думаю, что для этой роли и вы, Петр Николаевич, не подходите. Вам мешает ваша фамилия, ибо в этот революционный период русский народ не пойдет в массе за вами. С этим нужно и приходится считаться.

В конце концов Врангель соглашался и с тем, что раз Деникин останется у власти, то в этом случае обязательно необходимы радикальные изменения в отношении личного состава Ставки. Против этого Сидорин не возражал. Генерал Врангель, по-видимому, уже тогда замышлявший переворот, заявил, что всем командующим армиями — Сидорину, Врангелю и Покровскому — необходимо собраться, но без Деникина, и обсудить и окончательно решить затронутые во время совещания вопросы, в том числе и вопрос об оставлении Деникиным своего поста, и сделать затем соответствующее представление главнокомандующему.

— Так как боевая обстановка весьма сложна, — закончил Врангель, — то созыв этого совещания придется на несколько дней отложить, а я пришлю вам и Покровскому телеграммы, и мы, по всей вероятности, сможем съехаться в Ростове числа 17 декабря».

Однако проектируемое Врангелем совещание не состоялось. Совершенно неожиданно после встречи в Ясиноватой Врангель, Сидорин и Покровский получили от главнокомандующего телеграмму: «Сбор совещания командующих армиями запрещаю». Ставка была осведомлена о той серьезной кампании, которую вел против нее Врангель, стремясь занять место главнокомандующего. Там знали, что Врангель в этом отношении влиял на некоторых видных членов Особого совещания и на правые общественные и политические организации, среди которых особенно тесно был связан с кривошеинским Советом государственного объединения России.

Хотя Г. Н. Раковский и не присутствовал на совещании в Ясиноватой, но правдивость рассказа Сидорина была полгода спустя подтверждена в официальной обстановке.

Врангель в то время уже был главнокомандующим Вооруженными силами Юга России, сконцентрировавшимися в Крыму. В Севастополе, где находилась его Ставка, в военноморском суде разбиралось дело по обвинению генералов Сидорина и Кельчевского первоначально в измене и содействии противнику, а затем, когда нелепость предъявленного обвинения стала очевидной для прокуратуры, в бездействии. Дело в том, что когда остатки Донской армии были из Новороссийска перевезены в Евпаторию и переформированы в корпус под командованием Сидорина и Кельчевского, при его штабе издавалась газета «Донской вестник», которая, как гласил обвинительный акт, возбуждала рознь между казаками и добровольцами, возбуждала вражду к главному командованию, подготавливала казачество к мысли о необходимости соглашения с большевиками. По доносу журналиста, «осважника» Ратимо-

ва, Врангель снял Сидорина и Кельчевского с должностей и предал суду. Сидорин и Кельчевский были приговорены к четырем годам каторжных работ, и этот приговор ввиду его вопиющей несправедливости Врангель заменил увольнением Сидорина и Кельчевского от службы в дисциплинарном порядке без права ношения мундира. Во время процесса Сидорин ссылаясь на совещание в Ясиноватой и настаивал на вызове в качестве свидетеля генерала Врангеля. В последнем же своем слове он, в передаче Раковского, заявил:

«Я просил вызвать в суд в качестве свидетеля генерала Врангеля. Я был убежден, что благородная натура главнокомандующего заставит его показать то, что было на самом деле. Нынешний главнокомандующий на станции Ясиноватой во время моего совещания с ним был убежден, что война с большевиками окончательно проиграна, что драться с ними дальше невозможно и что нужно заняться подготовкой заключения мира с большевиками, спасением тех, кто не мог у них остаться...

Как бы то ни было, а после категорического приказа главнокомандующего прикрывать ростовское направление Врангель отдал распоряжение совершить весьма трудный фланговый марш с тем, чтобы соединиться с донцами и занять фронт для защиты Ростова.

Видя чрезвычайно тяжелое положение Добровольческой армии, не зная, удастся или не удастся совершить труднейший фланговый марш, Врангель снова стал настаивать перед Ставкой и Деникиным на том, что Добровольческая армия настолько ослабела, что ее, в сущности говоря, нужно свести в один корпус и что он, генерал Врангель, уедет на Кубань формировать кубанские корпуса, причем ручался, что сформирует три конных корпуса.

За несколько дней до сдачи Новочеркасска и Ростова по этому поводу и по поводу обороны этих важнейших пунктов поезд главнокомандующего и поезда командующих армиями — генералов Сидорина, Врангеля и Покровского — съехались в Ростов на совещание, происходившее под председательством Деникина. На этом совещании главнокомандующий заявил, что он решил расформировать Добровольческую армию, свести ее в один корпус под командой генерала Кутепова и включить этот Добровольческий корпус в состав Донской армии. Это заявление ни с чьей стороны не встретило возражений. Генерал Покровский остался командующим малочисленной Кавказской армией. Врангелю было предложено формировать кубанские части и ехать для этой цели на Кубань. Обсуждался и вопрос о необходимости немедленного укреп-

ления Новороссийска, для чего было признано желательным послать туда инженеров и вести самым интенсивным образом фортификационные работы».

Конечно, Сидорин после унижительной отставки относился к Врангелю крайне негативно, и в данном случае Раковский послужил его рупором. Однако не приходится сомневаться, что в условиях военного поражения нарастали противоречия между добровольцами и донцами, и Врангель мог считать дело проигранным и заботиться только о будущей эвакуации войск и беженцев. Сидорин же еще надеялся, что с приближением фронта к Донской области части его армии пополнятся за счет находившихся в самовольных и разрешенных отпусках, что донцы поднимутся на защиту родной земли. И расчеты эти частично оправдались. Хотя Ростов и Новочеркасск пришлось оставить, но Донской армии и Добровольческому корпусу удалось занять прочную оборону на Маныче. Возникла так называемая Батайская пробка, задержавшая окончательный разгром деникинских армий до марта 1920 года. Характерно, что донские казаки на родной земле в декабре 1919-го — начале февраля 1920 года действительно дрались упорно, а кубанские казаки с приходом красных на Кубань в феврале—марте 1920 года практически полностью прекратили сопротивление. Здесь, несомненно, сказались последствия разгона Рады Врангелем и Покровским и казни Калабухова.

Если бы был осуществлен врангелевский план отхода остатков Добровольческой армии в Крым, то крах Вооруженных сил Юга России, скорее всего, наступил бы не позднее января 1920 года. При этом Крым, по всей вероятности, удалось бы отстоять; в таком случае туда эвакуировалось бы несколько больше добровольцев и войск генерала Шиллинга из района Одессы, но меньше донцов и кубанцев, чем это произошло в марте. Все эти обстоятельства вряд ли могли принципиально повлиять на ход исторических событий, лишь на пару месяцев отодвинув их сроки. Если бы план Врангеля по отходу в Крым был реализован, полуостров, скорее всего, также удалось бы удерживать в течение нескольких месяцев, причем тогда вряд ли успела бы взойти звезда генерала Слащева. Тогда в обороне Крыма, скорее всего, главную роль играл бы Добровольческий корпус.

Советско-польская война в этом случае, возможно, началась бы уже в феврале 1920 года, причем инициатива в открытии боевых действий могла бы принадлежать советской стороне. Не случайно командование Красной армии уже в марте 1920 года, когда определилась победа над Деникиным, начало

перебрасывать войска на польский фронт. Пилсудский же смог заключить договор о союзе с Петлюрой только 8 (21) апреля 1920 года, а до этого он вряд ли начал бы генеральное наступление против Советской России.

Исход же боевых действий, вероятно, был бы таким же, как и в действительности, только и поражение красных под Варшавой, и эвакуация Крыма произошли бы на несколько месяцев раньше.

Нет сомнений, что Врангель в тот момент уже метил в главнокомандующие. Аргументы Сидорина, что Врангель является не подходящей для этой роли фигурой по причине немецкой фамилии и аристократического происхождения, позже активно обыгрывала советская пропаганда. Сидорину, сыну казачьего офицера, была близка аграрная программа, предусматривавшая передачу крестьянам помещичьих земель без выкупа. Врангелю же, тесно связанному с аристократией, претило нарушение священного права частной собственности, почему он и настаивал на выкупе земель, причем далеко не символическом.

Врангель так излагал в мемуарах обстоятельства своего назначения командармом добровольцев:

«Я прибыл в Таганрог 23-го ноября совсем больной. Приступ лихорадки кончился, но слабость была чрезвычайная и разлилась желчь. С вокзала я проехал к генералу Деникину, который принял меня в присутствии начальника штаба. Главнокомандующий сразу приступил к делу:

— Ну-с, прошу вас принять Добровольческую армию.

Я заметил, что в настоящих условиях едва ли смогу оправдать оказываемое мне доверие, что предлагавшиеся мною ранее меры уже являются запоздалыми, что необходимые перегруппировки мы уже сделать не успеем и стратегического узла Харькова нам не удержать. Генерал Деникин перебил меня:

— Да, Харьков, конечно, придется оставить; это все отлично понимают, и оставление Харькова нисколько не может повредить вашей репутации.

Я довольно резко ответил, что забочусь не о своей репутации, а о том, чтобы выполнить то, что от меня требуется, и что не считаю себя вправе взяться за дело, которое невыполнимо.

— Ну, в таком случае всё остается по-прежнему, — с видимым неудовольствием прервал меня Главнокомандующий.

В разговор вмешался генерал Романовский:

— Вашим отказом, Петр Николаевич, вы ставите Главнокомандующего и армию в самое тяжелое положение. Только что закончено сосредоточение нашей конницы в Купянском районе. Вы отлично понимаете, что руководить такой круп-

ной конной массой, кроме вас, никто не может. При этих условиях вы не имеете права отказываться от этого назначения.

Слова генерала Романовского несколько поколебали меня.

— Я прошу разрешения подумать. Во всяком случае, я считаю совершенно необходимым дать мне возможность выбрать своих ближайших помощников, в частности, во главе конницы должен быть поставлен хороший кавалерийский начальник. Пока конной группой руководит генерал Мамонтов, от конницы ничего требовать нельзя.

Генерал Деникин заметил, что замена генерала Мамонтова другим лицом может обидеть донцов. Однако, после возражения моего, что после намеченной Главнокомандующим переброски из Кавказской армии еще одной конной дивизии, в конной группе будет более половины кубанцев, генерал Деникин согласился, в случае принятия мною армии, на замену генерала Мамонтова генералом Улагаем.

Я вернулся к себе в вагон, где застал генерала Шатилова, успевшего побывать в управлении генерал-квартирмейстера и подробно ознакомиться с общей обстановкой».

Оперативная ситуация была такова: фронт белых армий, общей протяженностью около двух тысяч верст, проходил от Царицына на Дубовку и дальше к устью реки Иловли, по правому берегу Дона от Нижней Калитвы на город Волчанок, пересекал железнодорожную линию Купянск—Валуйки у станции Соловей, далее на Богодухов; отсюда линия фронта проходила к югу от городов Зенькова и Гадяча на станцию Гребенка и южнее городов Остера и Козенца на Бердичев, оставляя Киевский узел в руках белых; еще дальше линия фронта шла на Старо-Константинов и Проскуров и, не доходя последнего пункта, спускалась к югу, проходя восточнее городов Гусятина и Каменец-Подольского на Могилев-Подольский и Тирасполь, и упиралась в Черное море между Одессой и Аккерманом. В боевом составе Вооруженных сил Юга России числилось около ста тысяч человек; кроме того, в распоряжении главнокомандующего имелось еще около тридцати тысяч человек пополнений. По оценке Врангеля, силы красных на всем фронте против Вооруженных сил Юга России составляли около 170—180 тысяч штыков и сабель при семи-восьми сотнях орудий, а Добровольческой армии противостояли примерно 51 тысяча штыков, семь тысяч сабель и 205 орудий.

Теснимая 13-й и 14-й советскими армиями с фронта и охватываемая конной группой Буденного с правого фланга, Добровольческая армия под угрозой глубокого охвата конной массой противника на протяжении трехсот верст непрерывно катилась назад.

Штабы Врангеля и Деникина значительно переоценивали свои силы, хотя несколько завышали и общую численность красных. В действительности в составе Вооруженных сил Юга России состояло гораздо меньше штыков и сабель, чем числилось на бумаге. Реально к 27 ноября (10 декабря) они насчитывали не более пятидесяти тысяч штыков и сабель против 125—130 тысяч у красных, причем боеспособных пополнений в белом тылу в тот момент не было.

Добровольческая армия в тот момент имела 3600 штыков и 4700 сабель. Еще 300 солдат находились на формировании в тылу. Единственной боеспособной частью в тылу был корпус генерала Я. А. Слащева, действовавший против Махно. Но он насчитывал не более четырех тысяч бойцов и был связан боями с более многочисленными отрядами махновцев. Оценка Врангелем количества красноармейцев, противостоявших Добровольческой армии, вероятно, близка к действительности. Это означает общий перевес на советской стороне в соотношении 6,7:1. В штабе главнокомандующего все надежды возлагались на конную группу. Кубанские и терские части, ведшие в течение многих месяцев непрерывные бои и получавшие лишь ничтожные пополнения, сильно пострадали; зато донские полки были совершенно свежими, большой численности и имели прекрасный конский состав. В штабе, видимо, еще надеялись, что удачными действиями конницы дело можно исправить, нанеся противнику один сокрушительный удар, вырвать у него из рук инициативу. Но на чем была основана надежда Деникина и Врангеля, непонятно, ведь даже в кавалерии красные имели превосходство в полтора раза.

Деникину и Романовскому пришлось еще целых два дня уговаривать Врангеля принять командование Добровольческой армией. Петр Николаевич так описывает эти переговоры:

«Генерал Романовский стал убеждать меня дать согласие на принятие предложенного мне назначения.

— Я сейчас уезжаю в Ростов. Позвольте мне, Петр Николаевич, перед отъездом успокоить Главнокомандующего. Ваш отказ ставит нас в почти безвыходное положение. Генерал Май-Маевский с делом окончательно справиться не может...

— О чем же вы раньше думали? Что генерал Май-Маевский не годен — об этом давно знают все. Вы знаете, что я сам не раз предлагал помочь, пока еще не было поздно. Правда, тогда еще положение казалось не безнадежным, и воспользоваться моей помощью Главнокомандующий не пожелал. Вы помните, как весной я указывал на необходимость бить противника на Царицынском направлении, предупреждал о том, что, если мы этого не сделаем, противник сам обрушится на

нас. Тогда меня даже слушать не хотели, а когда мои предсказания сбылись, меня же призвали спасти положение...

— Стоит ли говорить о прошлом. Будем думать о настоящем. Сейчас положение таково, что Главнокомандующий вправе требовать от вас жертвы; конечно, эту жертву вы принесете не ему, а России.

Я решил.

— Хорошо, я согласен. Однако я ставлю условием, чтобы мне была дана возможность выбрать главных моих помощников. Я уже докладывал Главнокомандующему, что доколе во главе конницы будет стоять генерал Мамонтов, конница будет уклоняться от боя и заниматься только грабежом. Я прошу немедленно вызвать для принятия конной группы генерала Улагая. Развал в тылу и на фронте может быть остановлен, только если гражданское и военное управление будут находиться в руках людей, к этому подготовленных. Помощником генерала Май-Маевского по гражданской части состоит генерал Бутчик, а начальником его канцелярии полковник Шатилов. Ни того, ни другого я не знаю, но, видимо, они с делом справиться не могут. Мне должно быть дано право заменить их лицами по моему усмотрению. Начальником штаба, начальником снабжения и начальником санитарной части я также хочу иметь лиц, которым мог бы всецело доверять. Я прошу дать мне возможность взять с собой всех этих лиц из состава Кавказской армии. В настоящее время в Кавказской армии дело это поставлено настолько прочно, что их с успехом заменят их помощники. Здесь же всё это придется налаживать снова.

Видимо, крайне довольный исторгнутым от меня согласием, генерал Романовский заранее на всё согласился, заверив меня, что Главнокомандующий препятствовать моим пожеланиям не будет, и просил моего разрешения немедленно известить генерала Деникина запиской о моем согласии. Я провел вечер в вагоне с генералом Шатиловым. Разговоры не клеились, было тяжело на душе.

Наутро я вторично был у Главнокомандующего. Генерал Романовский успел, видимо, с ним поговорить, и затронутые мной накануне вопросы были все утвердительно разрешены. Генерал Шатилов и начальник санитарной части доктор Лукашевич находились со мной в Таганроге. Начальник снабжения генерал Вильчевский вызывался телеграммой. Генералу Улагая была послана телеграмма в Екатеринодар. Относительно начальника гражданской части Главнокомандующий предложил мне переговорить с начальником управления внутренних дел В. П. Носовичем, своего кандидата у меня не было.

Прежде чем откланяться, я спросил генерала Деникина, кого он намечает моим преемником на должность командующего Кавказской армией.

— Этот вопрос уже решен. Командующим Кавказской армией назначается генерал Покровский, — ответил генерал Деникин.

Я заметил, что едва ли генерал Покровский как командующий армией окажется на высоте — ни опыта, ни достаточных знаний для этого у него нет».

А ведь в условиях, когда стремительно рушился фронт, каждый день был дорог. Похоже, Петр Николаевич уже не сомневался в поражении и хотел использовать назначение командующим Добровольческой армией только для того, чтобы попытаться спасти как можно больше людей и с ними продолжить борьбу то ли в Крыму, то ли в эмиграции. Но для этого он считал необходимым сместить Деникина с поста главкома, почему и интриговал против Антона Ивановича и подговаривал Сидорина чуть ли не предъявить Деникину ультиматум.

Удержать Харьков уже не было никакой возможности. 29 ноября красные были в городе. В этих обстоятельствах еще формально действовавшая директива Деникина от 14 ноября, ставившая Добровольческой армии наступательные задачи, выглядела анекдотично. Тем временем развал Вооруженных сил Юга России продолжался, и замена Мамонтова Улагаем только способствовала ему.

А. И. Деникин свидетельствовал в мемуарах:

«Перед отъездом в армию в Таганроге генерал Врангель заявил мне, что он не потерпит присутствия в ней генералов Шкуро и Мамонтова как главных виновников расстройства конных корпусов. Генерал Шкуро находился тогда на Кубани в отпуске по болезни. Что касается Мамонтова, я предостерегал от резких мер по отношению к лицу, как бы то ни было, пользующемуся на Дону большой популярностью.

По прибытии в армию генерал Врангель назначил начальником конной группы достойнейшего и доблестного кубанского генерала Улагая. И хотя отряд этот был временный и назначение его, всецело зависящее от командующего армией, не могло считаться местничеством, оно вызвало крупный инцидент. Мамонтов обиделся и телеграфировал по всем инстанциям: "...учитывая боевой состав конной группы, я нахожу несоответствующим достоинству Донской армии и обидным для себя замещение, как командующего конной группой, без видимых причин лицом, не принадлежащим к составу Донской армии и младшим меня по службе. На основании изло-

женного считаю далее невозможным оставаться на должности командира 4-го Донского корпуса”.

Копии этой телеграммы Мамонтов разослал всем своим полкам, а на другой день, самовольно покидая корпус, не без злорадства сообщал, как полки под давлением противника панически бежали.

Этот неслыханный поступок не встретил, однако, осуждения на Дону. Я отдал приказ об отрешении Мамонтова от командования и встретил неожиданную оппозицию со стороны Донского атамана и генерала Сидорина. Они указывали, что, помимо крайне неблагоприятного впечатления, произведенного удалением Мамонтова на Донскую армию, 4-й корпус весь разбегается.

А между тем конница Буденного всё глубже и глубже вклинивалась между добровольцами и донцами. Неудачи вызывали недовольство. Сперва робко, а вскоре и открыто некоторые стали высказывать мнение о необходимости замены старого командования новым. Кандидатом на пост Главнокомандующего был генерал барон Петр Николаевич Врангель».

Врангель понял, что надежд на успешный контрудар конной группой больше не осталось. Генерал Улагай доносил ему, что выезжает для принятия командования конной группой. От проезжавших офицеров и солдат генерала Мамонтова он имел неутешительные сведения о состоянии конницы: кубанские и терские части окончательно вымотались, было много безлошадных казаков, а донцы, вконец развращенные еще во время рейда Мамонтова в тыл красных, совсем не желали сражаться. Сам же обиженный генерал Мамонтов сказался больным и выехал в штаб Донской армии, не дождавшись прибытия своего преемника.

Восьмого декабря Улагай докладывал: «Конная группа небоеспособна. Донские части, хотя и большого состава, но совсем не могут и не желают выдержать даже легкого нажима противника, меньшего числом вчетверо, не говоря уже о массовом наступлении противника. Кубанских и терских частей совершенно нет. Жалкие обрывки, сведенные в один полк, совершенно никуда не годны. Артиллерии почти нет, пулеметов тоже. Вчера донские дивизии бежали, гонимые несколькими эскадронами, за которыми в колоннах двигалась конница противника».

Врангель, добиваясь замены Мамонтова Улагаем, вряд ли рассчитывал на такой демарш казачьих полков. Но теперь возникший кризис даже сыграл ему на руку. Видя, что Деникин всё более выпускает из рук управление войсками, недовольное офицерство начало уже открыто называть фамилию Вран-

геля в качестве смены Деникину. Теперь надежды одержать хотя бы локальную победу с помощью конной группы больше не было. Врангелю оставалось либо добиться ухода Деникина, либо уйти самому, поскольку на посту командующего Добровольческой армией он не мог больше получить никаких дивидендов, а за безнадежное дело браться не привык. Теперь ему надо было подавать как можно более резкие и нелицеприятные рапорты Деникину, чтобы, распространяя их среди высшего командного состава, вынудить главнокомандующего уйти со своего поста либо, если смещение Деникина не удастся, резкостью тона своих рапортов и самим фактом широкого их распространения вынудить Антона Ивановича отправить в отставку его.

Программным стал рапорт от 9 (22) декабря 1919 года:

«Командующий Добровольческой Армией.

9 декабря 1919 года

№ 010464.

г. Юзовка.

Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России.

Рапорт

Прибыв 26-го ноября в Добровольческую армию и подробно ознакомившись с обстановкой на этом, в настоящее время главнейшем участке общего фронта Вооруженных Сил Юга России, долгом службы считаю доложить следующее:

Наше настоящее неблагоприятное положение явилось следствием, главным образом, двух основных причин:

1. Систематического пренебрежения нами основными принципами военного искусства;
2. Полного неустройства нашего тыла.

Еще весной 1919 года, рапортом от 4-го апреля за № 82, я, указывая на значение для нас при тогдашней обстановке Царицынского направления, докладывал, что “при огромном превосходстве сил противника, действия одновременно по нескольким операционным направлениям являются для нас невозможными”.

По занятии Кавказской армией Царицына мною и бывшим тогда начальником штаба Кавказской армии генералом Юзефовичем были одновременно поданы два рапорта, где, предостерегая от дальнейшего расширения нашего фронта, мы указывали на необходимость, заняв короткий и обеспеченный на флангах крупными водными преградами фронт Царицын—Екатеринослав, сосредоточить в районе Харькова крупную конную массу в 3—4 корпуса для действий на кратчайшем к Москве направлении.

В ответ на наши рапорты на совещании в Царицыне мне и

генералу Юзефовичу было указано, что наше предложение вызвано “желанием первыми войти в Москву”.

Наконец, когда в последнее время противник, сосредоточив крупные силы на Орловском направлении, стал теснить Добровольческую армию, генерал Романовский телеграммой от 17-го октября за № 014170 запросил меня, какие силы я мог бы выделить из состава Кавказской армии для переброски на Добровольческий фронт; я, телеграммой от 18-го октября за № 03533, ответил, что “при малочисленности конных дивизий переброской одной-двух дела не решить”, и предложил принять крупное решение — “перебросить из вверенной мне армии 3,5 кубанских дивизии”.

Предложение мое было отвергнуто, и было принято половинчатое решение — из состава Кавказской армии перебросено лишь две дивизии.

Дальнейшая обстановка вынудила прийти к предложенному мной решению, и ныне из Кавказской армии взято именно 3,5 дивизии, но время утеряно безвозвратно.

Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая всё удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми.

Между тем в противоположность нам большевики придерживались принципа полного сосредоточения сил и действий против живой силы врага...

Несмотря на расстройство транспорта и прочие затруднения, принцип сосредоточения сил проводился красным командованием полностью.

Продвигаясь вперед, мы ничего не делали для закрепления захваченного нами пространства; на всём протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления. И теперь армии, катящейся назад, не за что уцепиться.

Беспрерывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались. Расстройство армии увеличивалось еще и допущенной командующим армией мерой “самоснабжения” войск.

Сложив с себя все заботы о довольствии войск, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами, используя их попечением самих частей и обращая в свою пользу захватываемую военную добычу.

Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию.

Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось всё, что не могло быть использовано на месте — отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. По-

движные запасы войск достигли гомерических размеров — некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках: по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п.

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов.

В руках всех тех, кто так или иначе соприкасался с делом “самоснабжения”, — а с этим делом соприкасались все, до младшего офицера и взводного раздатчика включительно, — оказались бешеные деньги, неизбежным следствием чего явились разврат, игра и пьянство. К несчастью, пример подавали некоторые из старших начальников, гомерические кутежи и бросание бешеных денег которыми производилось на глазах у всей армии.

Неудовлетворительная постановка контрразведки и уголовно-розыскного дела, работавших вразброд, недостаточность денежных для них отпусков и неудачный подбор сотрудников — всё это дало большевистским агитаторам возможность продолжать в тылу армии их разрушительную работу.

Необеспеченность железнодорожных служащих жалованьем привела к тому, что наиболее нужные служащие при приближении большевистского фронта бросали свои места и переметались на сторону противника.

Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, страдавшее от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало вновь испытывать на себе ужасы грабежей, насилия и произвола.

В итоге — развал фронта и восстания в тылу.

Я застал штаб армии уже покинувшим Харьков и армию в полном отступлении.

Эвакуация велась хаотически, никакого плана не было. Ни одно учреждение не получило точных указаний о пути следования и месте назначения, всё несло, куда глаза глядят. Станции оказались забитыми огромными составами разных частей, санитарные поезда неделями стояли неразгруженными. Раненые по три дня не получали пищи, и на станции Славянок, во время моего прибытия туда, раненый офицер повесился, не будучи в силах выдержать голода.

Огромное число беженцев, главным образом семей офицеров, забило все составы и станции. Никаких мер к эвакуации их принято не было, и все они в буквальном смысле голодали и замерзали...

На всём пути от Змиева до Изюма в тылу армии орудовали шайки местных жителей, портившие пути и нападавшие на наших раненых и обозы...

Войска вследствие непрерывных переходов и распутицы переутомлены до крайности; лошади изнурены совершенно, и артиллерия и обозы сплошь и рядом бросаются, так как лошади падают по дороге.

Состояние конницы самое плачевное. Лошади, давно не кованные, все подбиты. Масса истощенных с набитыми холками. По свидетельству командиров корпусов и начальников дивизий, боеспособность большинства частей совершенно утеряна.

Вот горькая правда. Армии как боевой силы нет. В настоящее время принят ряд мер для упорядочения тыла: довольствие армии взято в руки отдела снабжения, спешно создаются узлы сопротивления, объявлена мобилизация и делается всё для спешного пополнения частей; однако все эти меры являются весьма запоздалыми, и прежде, нежели армия будет воссоздана вновь, уйдет немало времени.

Противник это учитывает и бросает всё, что может, для дальнейшего использования своего успеха.

Надо иметь мужество глянуть правде в глаза и быть готовым к новым испытаниям.

В предвидении их считаю необходимым:

1. ныне же принять определенный общий план действий, выбрав одно главное операционное направление, на которое и сосредоточить главную массу сил, не останавливаясь перед потерей некоторой части захваченного пространства;

2. ныне же принять меры к эвакуации вглубь страны тыловых учреждений и, в частности, разгрузить Ростов и Таганрог полностью;

3. немедленно подготовить в тылу страны укрепленные полосы и узлы сопротивления;

4. расформировать часть военных и гражданских учреждений, непомерно разросшихся и умножившихся, и всё годное погнать на фронт;

5. обеспечить безопасность и материальное существование семей офицеров и служащих в казенных учреждениях. Офицер не может спокойно сражаться, зная, что его семья в опасности и голодает; необходимо немедленно озаботиться оборудованием колоний для семей офицеров и чиновников, где эти семьи были бы обеспечены квартирой и пайком, а в случае угрозы — могли бы быть уверены в своевременном вывозе в безопасное место;

6. немедленно принять ряд самых жестоких мер для борьбы с произволом, грабежами и пьянством, разлагающим армию. Удалить, независимо от боевых заслуг, высших начальников, чье поведение создает постоянный соблазн для младших;

7. принять ряд мер к пополнению частей людьми и лошадьми. В частности, необходимо создание инспекции конницы, без чего нам не сохранить этого рода оружие. О необходимости создания инспекции конницы я докладывал тщетно неоднократно, ныне это совершенно необходимо — противник напрягает все силы для создания крупных конных соединений, наша же конница, создаваемая и пополняемая без общего правильного руководства, скоро растает совершенно;

8. упорядочение постановки контрразведки и уголовного розыска, объединение их в пределах армии и главноначальствования в одних руках, и обеспечение дела соответствующими кредитами;

9. милитаризация железных дорог — подчинение начальников железных дорог Начвосо (начальникам военных сообщений. — Б. С.) и обеспечение служащих на дорогах своевременной оплатой содержания и увеличение его до соответственных с дороговизной размеров.

В заключение считаю необходимым доложить, что, если предложенные мною мероприятия не будет признано необходимым полностью и безотлагательно осуществить, то, учитывая грозное положение на фронте, я не считаю возможным нести на себе ответственность командования Добровольческой армией.

Генерал-лейтенант Врангель.

Начальник Штаба Генерал-лейтенант Шатилов».

Врангель лично отвез рапорт Деникину. Однако сам Петр Николаевич в мемуарах признал, что текст рапорта распространил достаточно широко: «Зная, что Главнокомандующий всё еще не учитывает всей тяжести нашего положения и упорно не допускает мысли о возможности дальнейших крупных успехов противника, я боялся, что многие из намеченных мною мер — эвакуация Ростова и Таганрога, спешное оборудование в тылу укрепленных узлов сопротивления и прочее, запоздают. Для воздействия на генерала Деникина со стороны его ближайших помощников я направил копии своего рапорта одновременно обоим помощникам Главнокомандующего генералам Романовскому и Лукомскому. Доверительно ознакомил я с содержанием рапорта и Н. В. Савича, прося его повлиять на Главнокомандующего, дабы необходимые меры по укреплению тыла были бы своевременно приняты».

Между тем, по мнению некоторых офицеров, Врангель сгущал краски. Полковник Ф. И. Елисеев, командовавший 2-м Хоперским казачьим полком 1-й Кавказской дивизии, свидетельствует: «В противовес тому, что написано потом за границей генералом Врангелем по донесениям старших его

генералов-конников, что “конский состав в частях совершенно пришел в упадок”, и другие невзгоды, в нашей дивизии этого не было. Конский состав дивизии, конечно, не был блестящий, но он оставался до конца хорош. Мы отступали уже по Украине, и фуража было вполне достаточно».

Однако в целом Врангель был прав, когда говорил о слабости кавалерии. Правда, отступление на Дон должно было восстановить боеспособность хотя бы донской конницы. Но Врангель, похоже, уже не надеялся, что казачество, как донское, так и кубанское, сможет реально внести существенный вклад в борьбу с большевиками, и поэтому стремился спасти в первую очередь добровольцев.

Вручая рапорт Деникину, Врангель сказал ему: «...надо сделать всё возможное, чтобы вырвать победу из рук врага, но прежде надо принять определенное решение... Если Вы прикажете армии отходить на Дон, на соединение с донцами, войскам придется совершить труднейший фланговый марш, всё время под ударами врага. Другое решение — прикрыть армией Крым и отводить мои войска на соединение с войсками Новороссии...

— Этот вопрос я уже решил в своем сердце, — твердо сказал Главнокомандующий, — я не могу оставить казаков. Меня обвинят за это в предательстве. Ваша армия должна отходить с донцами».

Деникин не без оснований полагал, что Врангель копает под него. Поэтому он поспешил не только отвергнуть врангелевский план, но и сместить барона с поста командующего Добровольческой армией, причем сделал это под благовидным предлогом, не отправляя Петра Николаевича в отставку. Из-за больших потерь Добровольческой армии вполне рациональным было свести ее в Добровольческий корпус, что и было сделано. Объективно оценивая предложенный Врангелем план отхода в Крым, следует признать, что у него были как сильные, так и слабые стороны. Если бы он осуществился, можно предположить, что в Крыму оказался бы не только корпус Слащева, но и Добровольческий корпус, и большая часть войск, находившихся на Правобережье Днепра и подчинявшихся генерал-лейтенанту Н. Н. Шиллингу как командующему Новороссией. Но для этого войскам Шиллинга надо было не отступать на Одессу, а, переправившись через Днепр, идти в Крым сухим путем. Одесса же оказалась для белых ловушкой — там не было достаточного количества угля для эвакуации войск в Крым на пароходах. Получить же топливо из Румынии оказалось невозможно: тамошнее правительство настороженно относилось к Деникину, так как рассчитывало со-

хранить за собой Бессарабию. В результате белые войска из Одессы были вынуждены отойти в Румынию, где подверглись интернированию (были помещены в лагеря). Отряд Н. Э. Бредова из района Киева ушел в Польшу, где также был интернирован. Очень многие попали в советский плен. Лишь горстка войск во главе с Шиллингом морем добралась до Крыма.

Добровольческий корпус, в случае принятия врангелевского плана, также имел шанс уйти в Крым в значительно более полном составе, не ослабленный боями на Маныче и Дону и отступлением на Кубани. Как отмечает биограф А. П. Кутепова М. Критский, «Добровольческий корпус мог бы сохранить всю свою артиллерию, коней и обозы, если бы начал свой отход от Харькова прямо на Крым, как предлагал Деникину генерал Врангель, но тогда казаки обвинили бы добровольцев, что они покинули их в самую грозную минуту».

Сказать же определенно, какая именно судьба постигла бы в этом случае донских и кубанских казаков, не представляется возможным. Им пришлось бы отступать в родные края без поддержки добровольческих частей. Можно допустить, что им не удалось бы сдержать красных у Батайска и донцы безостановочно отступали бы до самого Новороссийска. Но, вероятно, эвакуироваться тогда удалось бы, по крайней мере, не меньшему количеству казаков, чем в марте 1920 года, — хотя бы потому, что не было бы конкуренции с Добровольческим корпусом за суда. А может быть, удалось бы эвакуировать и больше казаков, если бы об этом позаботились заранее. Вероятно, Врангель на это и рассчитывал, если бы ему удалось стать главнокомандующим еще в декабре 1919 года: организовал бы отход Донской и Кубанской армий на Новороссийск с последующей их эвакуацией, и заранее позаботился бы о достаточном числе судов и об организованной погрузке на них. Тогда можно было попытаться также вывезти часть артиллерии и лошадей. Не исключено, что Петр Николаевич надеялся, что под влиянием его рапорта, где положение рисовалось самыми мрачными красками, Деникин добровольно уйдет в отставку и передаст ему командование Вооруженными силами Юга России. А вот если бы врангелевский план осуществлял Деникин, то, вероятно, эвакуация была бы столь же провальной, как и оказалась в действительности. Антон Иванович был боевым генералом, но организовывать тыл фатально не умел. Но и тогда часть казаков наверняка добралась бы до Крыма.

Дальше ход событий тоже был бы вполне предсказуем. Деникину наверняка пришлось бы уйти в отставку, приняв на себя ответственность за крах похода на Москву, и Врангель возглавил бы остатки армии. Она была бы по численности

больше, чем оказалась в действительности в марте 1920 года, а доля казаков в ней — меньше. Но и силы красных против белого Крыма были бы куда более значительными, в частности, 1-я Конная и 8-я армии не были бы тогда основательно потрепаны в боях у Батайска. И у советского командования мог бы появиться соблазн, прежде чем воевать с Польшей, которая в тот момент еще не напала на Советскую Россию, разделаться с Крымом. Тогда на армию Врангеля могла бы обрушиться почти вся мощь советского Кавказского фронта и Крым вряд ли устоял бы. Но, скорее всего, советское политическое руководство предпочло бы сразу главными силами ударить по Польше, чтобы на красноармейских штыках принести в Европу мировую революцию. В этом случае против Крыма был бы оставлен лишь заслон, и события, скорее всего, развивались бы так же, как это было в действительности. Красная армия ринулась бы к Варшаве, а Врангель, реорганизовав армию, вторгся бы в Северную Таврию. Далее последовали бы поражение советских войск на Польском фронте, перемирие и эвакуация Крыма.

По словам Раковского, когда главнокомандующий согласился свернуть Добровольческую армию в один корпус и подчинить его командующему Донской армией, то оказалось, что Врангель уже сообщил фронтовым кубанским частям о переформировании казаков на Кубани в корпуса: «Приказ Врангеля нашел живейший отклик в уставших, изверившихся, разочарованных, обремененных добычей кубанских казаках, среди которых начался чуть ли не поголовный уход с фронта. Объясняется это в значительной мере тем, что в приказе о новых формированиях были намечены такие корпуса, в которые входили полки, находящиеся на фронте, а потому многие из кубанцев бросали фронт, ссылаясь на приказ Врангеля. Конечно, кубанцы стали уходить с фронта еще до прихода Врангеля, что вызывалось... целым рядом причин, среди которых немалую роль играли разочарование в борьбе и антагонизм к главному командованию, подогретые разгромом Кубанской Рады».

М. Критский, автор биографического очерка об А. П. Кутепове, так передает настроения добровольческих частей в период отступления от Москвы:

«Чем дальше откатывался 1-ый корпус, тем больше в нем волновались и недоумевали. Подкрепления не шли, полки, взятые на внутренний фронт, оттуда не возвращались.

На всех офицеров, приезжавших из командировки, набрасывались с расспросами:

— Ради Бога, расскажите, что делается в тылу? Неужели

там не могут справиться с разбойником Махно собственными силами — ведь нас режут без ножа.

— Э, батенька мой, — отвечали, — тыл всюю работает. Одни сидят в канцеляриях и стучат на машинках не хуже, чем мы на пулеметах, а другие спасают Россию за чашкой кофе и нашими спинами. Рестораны и улицы гудят народом, а вот чтобы взять винтовку в руки, никто не может — у каждого в кармане свидетельства о неизлечимых болезнях или о том, что он незаменимый специалист по спасению России. Ну, а в свободное от занятий время все спекулируют, чем только можно...

— Что же Деникин глядит и все его бояре думающие?

— Гнать в три шеи этих бояр... Деникин в гору, семеро под гору... нет, на старых дрожжах теста не подынешь.

Из тыла привозили копии писем с беспощадной критикой стратегии Деникина. Эти письма будто бы писал командующий Кавказской армией генерал Врангель. В их подлинности сомневались.

— Не станет же Врангель в такой тяжелый момент подрывать авторитет Главнокомандующего.

— Ну, если не Врангель, — отвечали, — так его клеветы, — и называли фамилии.

Тогда возмущались:

— Эх, ослабел наш старик! Подвесить бы ему парочку генералов, живо бы всё в порядок пришло».

К тому времени вера в Деникина, по крайней мере у ветеранов-добровольцев, еще не была окончательно утрачена, и Врангеля даже осуждали за то, что он позволяет себе распространять на фронте и в тылу свои рапорты, подрывающие авторитет главнокомандующего.

Деникин начал опасаться, что сторонники Врангеля из правого, монархического лагеря могут устроить военный переворот. В Отделе пропаганды был внезапно произведен обыск и арестован ряд лиц, среди которых были корреспонденты информационной части при Ставке. Врангель вспоминал об этом происшествии:

«Как оказалось, обыск и аресты произведены были по доносу, что будто бы против генералов Деникина и Романовского готовится покушение. Заговор якобы инспирировался крайними “монархическими” кругами. Негласным руководителем заговора будто бы являлся сам помощник Главнокомандующего генерал Лукомский. Конечно, по проверке всё дело оказалось чушью, однако доносчик продолжал оставаться при генерале Романовском для “информации”».

Об этом заговоре написал российский историк В. Г. Бортневский, основываясь на архивах русской эмиграции:

«Материалы о заговоре так называемого “Анонимного центра” хранятся в коллекциях генерала А. И. Деникина и полковника В. М. Бека в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Заговор имел целью сместить Главнокомандующего и некоторых его приближенных. Особо ценные сведения содержатся в деле, подготовленном Л. А. Зубелевичем, начальником гражданской части Государственной стражи: протоколы допросов, конфискованные письма-шифровки, дневники, докладные записки.

В конце ноября 1919 г. был арестован... А. А. Пацановский, заведующий бюро секретной информации ОСВАГа... Штабс-капитан Пацановский назвал имена некоторых лиц, разделявших планы Анонимного центра и занимавших в то время ключевые посты во ВСЮР. Среди них: генералы А. М. Драгомиров, А. П. Кутепов, Н. С. Тимановский, В. З. Май-Маевский, П. Н. Врангель, Я. Д. Юзефович, Я. А. Слащев, адмиралы Д. В. Ненюков и А. Д. Бубнов, начальник ОСВАГа К. Н. Соколов; генерал М. Л. Салатко-Петрище, председатель Судебно-следственной комиссии при Главнокомандующем; полковник С. Н. Ряснянский, начальник разведывательного отделения штаба ВСЮР; статский советник В. Г. Орлов, начальник контрразведывательного отделения отдела Генерального штаба Военного управления при Главнокомандующем...»

Столь широкий перечень лиц, будто бы разделявших планы смещения Деникина, наводит на мысль, что всё «дело о заговоре» было дутым. Замены Деникина Врангелем никак не мог желать, например, Май-Маевский, которого барон очень жестко публично критиковал. Не мог его поддерживать и Кутепов, который даже на совещании высшего командного состава в Феодосии, когда Деникин собирался отказаться от власти, выступил против этого. Кажется, одной из целей «дела» о мнимом заговоре было добиться устранения Врангеля с поста командующего Добровольческой армией.

По утверждению Г. Н. Раковского, даже лица, возглавлявшие армии, в беседах с представителями печати прямо говорили, что причина катастрофы заключалась в первую очередь в неправильной политике. «“Главная наша задача, — говорили они, — заключалась в том, чтобы разбить врага. Нам не раз предлагали живую силу. Мы ею не воспользовались, тогда как должны были принимать ее с распростертыми объятиями. Нужно было поставить себе одну задачу — разбить большевиков и довести страну до Учредительного собрания. Пусть Петлюра требует самостоятельности Украины. Получай ее, давай силу и бей большевиков. Всё потом разберет и решит Учредительное собрание. Мы делили шкуру неубитого медведя. Горе на-

ше, что за дело взялись отжившие, ничему не научившиеся люди”. Ужас, трагизм положения генерала Деникина заключались в его одиночестве. Не раз он с отчаянием заявлял: “Меня ведь никто не поддерживает. Я — один”».

Из-за глубокого прорыва конницы Буденного и отсутствия достаточного количества боеспособной кавалерии в Добровольческой армии генерал Врангель в рапорте от 11 (24) декабря 1919 года предложил отвести правый фланг Добровольческой армии на линию река Миус — Новочеркасск, а левый фланг, состоящий из 1-го армейского корпуса А. П. Кутепова, — в Крым. 11 декабря в Ростове состоялось совещание Деникина с Сидориным и Врангелем.

Двадцатого декабря 1919 года (2 января 1920-го) Врангель в связи с расформированием Добровольческой армии был направлен в распоряжение Главнокомандующего. Накануне он отдал прощальный приказ по Добровольческой армии и отбыл в Екатеринодар, где обнаружил, что та же задача по мобилизации казачества была поручена главнокомандующим генералу Шкуро. По словам Раковского, «общая политическая обстановка делала совершенно немыслимым участие генерала Врангеля в этом формировании. Быстро терял свою популярность и генерал Шкуро, авторитет и престиж которого в глазах кубанцев был подорван его приверженностью к Ставке». Действительно, после того, как Врангель сыграл активную роль в разгоне Кубанской рады, его участие в формировании кубанских корпусов могло только отпугнуть казаков.

Советский историк Н. Е. Какурин тоже отметил связь конфликта Деникина и Врангеля с переформированием Вооруженных сил Юга России: «Намерение советского командования отделить Добровольческую армию от казачьих областей отвечало тайным намерениям Врангеля, который тогда уже замышлял свергнуть власть Деникина и продолжать гражданскую войну, опираясь на Крым, силами исключительно одной Добровольческой армии. Но ее слабость, по-видимому, лишила его возможности выразить явно эти намерения... Группировка сил Добровольческой армии при отступлении свидетельствовала об этих намерениях ее командования самому оторваться от Донской армии и уйти в Крым. Врангель держал сильно выдвинутым вперед свой левый фланг на харьковском направлении, быстро оттягивая назад и ослабляя свой правый фланг. Этот маневр был замечен донским командованием, и по его представлению Деникин круто изменил направление отхода Добровольческой армии, свернул опасным фланговым маршем ее главные силы на Ростов. Для прикрытия крымского направления была оставлена только группа Слащева в 3500

штыков и сабель при 32 орудиях. Подготовка Врангеля к свержению Деникина, по-видимому, явилась также одной из причин переформирования Добровольческой армии в корпус с подчинением его донскому командованию и с увольнением от своих обязанностей Врангеля».

Генерал Врангель 26 декабря прибыл в Батайск, где находилась Ставка Деникина, и получил предписание отправиться в Новороссийск и организовать его оборону. Однако вскоре пришел приказ о назначении генерал-губернатором Новороссийской области генерала Лукомского.

Врангель и на Кубани продолжал критиковать стратегию и методы военного руководства Деникина, отсутствие у него сколько-нибудь внятной внутренней политики. 14 января 1920 года он неожиданно получил от оставившего Одессу и прибывшего в Севастополь генерала Шиллинга предложение принять должность его помощника по военной части. Но переговоры по этому вопросу со Ставкой Деникина затянулись — Антон Иванович явно не горел желанием давать эту должность Врангелю, которого справедливо подозревал в намерении стать главнокомандующим.

Тем временем 22 января (4 февраля) капитан Орлов с тремястами солдатами поднял мятеж и захватил Симферополь, арестовав начальника штаба Шиллинга генерала Чернавина, коменданта Севастополя генерала Субботина и таврического губернатора. Он заявил, что представляет «молодое офицерство», которое выступило против лиц, «разлагающих тыл», и за уход Деникина и других генералов, ответственных за поражение. Орловцы выступали с лозунгом «Оздоровление тыла для плодотворной борьбы с большевиками». Отряд, посланный генералом Слащевым, выбил орловцев из Симферополя. Они ушли в горы, откуда иногда совершали налеты на Алушту и Ялту. Шиллинг по телефону убедил Орлова отправиться на фронт. Слащев встретил Орлова, как отец блудного сына. Но через короткий промежуток времени капитан Орлов во главе отряда из четырехсот человек неожиданно снялся с фронта и снова двинулся к Симферополю. Их встретила слащевская конница, и завязался форменный бой, после которого Орлов с тринадцатью подручными скрылся в горах, где сидел до конца крымской эпопеи.

Многие общественные деятели, а также генерал Лукомский и командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ненюков и его начальник штаба контр-адмирал Бубнов предлагали заменить Шиллинга, провалившего одесскую эвакуацию, Врангелем.

Здесь сыграла свою роль позиция «спасителя Крыма», популярного в войсках генерала Я. А. Слащева, выступившего за сохранение командования силами Крыма за Шиллингом. Только он располагал в тот момент единственной боеспособной силой на полуострове. При слабовольном Шиллинге Яков Александрович не без оснований рассчитывал на большую самостоятельность в военных вопросах. Слащев вспоминал о противостоянии генералов:

«Врангель стал добиваться должности главноначальствующего Новороссией (Одесса, Северная Таврия) и Крыма. В это время (январь 1920 года. — Б. С.) произошла одесская эвакуация при самых кошмарных условиях. Всё было брошено, масса людей и имущества, кроме имущества командующего войсками и главноначальствующего Новороссии генерала Шиллинга и его присных. Шиллинг, человек очень добрый и слабохарактерный, заслужил общую ненависть, его в буквальном смысле слова видеть не могли, и он приехал в Крым, где тоже числился главноначальствующим.

И вот тут началось для меня трудное время. С Шиллингом было ладить легко — он не вмешивался совершенно в дела фронта, но его хотел свалить Врангель, чтобы занять его место, и интриговал вовсю. Дело дошло до того, что я каждую минуту ждал приказа от Шиллинга арестовать Врангеля, а от Врангеля — арестовать Шиллинга (войск ни у того, ни у другого не было).

Деникин колебался, не зная, уступить ли Врангелю и отчислить Шиллинга либо открыто объявить Врангеля мятежником. Всё это мешало обороне Крыма».

По воспоминаниям Г. Н. Раковского, на этот раз к интриге Врангеля были привлечены находившиеся в Крыму адмиралы:

«По прибытии в Севастополь генерал Шиллинг сделал визит командующему Черноморским флотом адмиралу Ненюкову, у которого застал его начальника штаба адмирала Бубнова.

— Когда я возвратился на свой пароход, — рассказывает Шиллинг, — ко мне подошел один из моих офицеров и заявил: “Примите к сведению, ваше превосходительство, что сегодня к вам явится компания офицеров с предложением насчет генерала Врангеля. Вы не подумайте, что они являются представителями всего здешнего офицерства. Это представители лишь очень небольшой группы”.

Я на это предупреждение не обратил внимания. Однако начальник моего конвоя, который уже знал о предстоящем прибытии ко мне делегации, поместил на всякий случай в гостинице сорок текинцев, моих конвойцев. Действительно, ко мне в гостиницу явилась офицерская делегация из шести че-

люди, которые заявили, что они, как старые офицеры, считают необходимым указать мне на серьезное положение Крыма в связи с тем, что происходит на Кубани. Лучший исход для Крыма ввиду той популярности, которой пользуется среди офицеров Врангель, — это вступление генерала Врангеля в командование крымскими войсками и принятие им на себя общего руководства гражданским управлением.

На это предложение генерал Шиллинг, по его словам, ответил:

— Как старый офицер, а не как командующий войсками, я заявляю, что ничего не имею против вашего предложения. Но без ведома главнокомандующего генерала Деникина передать свой пост генералу Врангелю я не могу.

Выслушав ответ Шиллинга, офицеры, извинившись за беспокойство, откланялись и ушли из гостиницы.

— Когда я после этого, — рассказывает Шиллинг, — был снова у Ненюкова и Бубнова, оба адмирала стали вдруг горячо мне доказывать, что Врангель должен находиться во главе Крыма, ибо он весьма популярен в армии, во флоте и среди населения. Я им заявил, что донесу об этом главнокомандующему. В ответ на мое донесение получаю от генерала Деникина телеграмму, в которой он объявляет Ненюкову и Бубнову выговор за вмешательство не в свои дела и приказывает мне оставаться на своем посту и принять все меры для ликвидации разрухи.

Но еще до получения этой телеграммы Шиллинг, будучи у Ненюкова, застал у него Врангеля. Снова зашел разговор на тему, кому стоять во главе Крыма.

— Петр Николаевич, — обратился Шиллинг к Врангелю, — я за власть не держусь, честолюбием не страдаю. Если будет от этого польза, то с удовольствием передам вам всю свою должность и командование войсками.

На это Врангель, по словам Шиллинга, ответил:

— Я согласен, но при условии моей полной самостоятельности и полном разрыве всяких отношений с Деникиным.

Шиллинг стал горячо доказывать Врангелю, что это невыполнимо.

Этим разговором дело, однако, не ограничилось. Когда Шиллинг сообщил о своем разговоре с Врангелем находившимся в Севастополе генералам Драгомирову (бывший председатель “Особого совещания” и главноначальствующий Киевской области) и Лукомскому (преемник Драгомирова по должности расформированного “Особого совещания” и черноморский губернатор), то оба генерала также признали, что Врангель должен вступить на новый пост лишь с ведома Дени-

кина. Когда Шиллинг встретился с Врангелем, последний сказал ему, что он готов вступить в управление Крымом и командование войсками даже с согласия главнокомандующего.

— Однако, — рассказывал Шиллинг, — Деникин мне телеграфировал, что он совершенно не допускает участия генерала Врангеля в управлении Крымом».

Восьмого февраля Лукомский направил Врангелю записку: «Сейчас генерал Шиллинг передал мне по аппарату, что он просил Главкома о назначении Вас на его место или же о назначении Вас помощником к нему — генералу Шиллингу. Главнокомандующий не согласился ни на то, ни на другое и приказал Шиллингу самому справиться с тем, что происходит. Генерал Шиллинг находит, что при создавшейся обстановке Ваше присутствие в Крыму нежелательно. Очень грустно, что всё так разрешается, боюсь, что это поведет к катастрофе. Сегодня я уезжаю в Новороссийск».

Врангель отреагировал резко, телеграфировав Шиллингу: «Генерал Лукомский письменно уведомил меня, что Вы находите пребывание мое в Крыму нежелательным. Полагаю, что вся предыдущая моя служба не дает никому права делать мне подобные заявления». Одновременно Петр Николаевич призвал капитана Орлова подчиниться своим начальникам.

Через несколько часов пришел ответ от Шиллинга: «Отнюдь не желал уронить Ваших заслуг перед Родиной, хотел передать Вам власть в Крыму, о чем дважды просил Главкома, но получив отказ и будучи нравственно и юридически ответственным за многие жизни в Крыму и ввиду создавшейся обстановки, полагал, что Ваш отъезд из Крыма облегчит мне привести тыл к повиновению. Верьте, что имею лишь в мыслях благо общего дела, а не личные интересы. Отнюдь не изгоняю Вас из Крыма, делайте так, как совесть и разум Вам подсказывают, а за призыв, посланный Вами Орлову, приношу Вам мою сердечную благодарность».

Не получив согласия Деникина на свое назначение, 27 января 1920 года барон подал в отставку и переехал в Крым. По его примеру ушел и Шатилов. Вечером 8 (21) февраля 1920 года Деникин отдал приказ:

«Коменданту Севастопольской крепости.

По генеральному штабу: увольняются от службы согласно прошению: помощник Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России и начальник военно-морского управления Генерального штаба генерал-лейтенант Лукомский, состоящие в распоряжении Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России Генерального штаба генерал-лейтенанты: барон Врангель и Шатилов. По морскому ведомству

увольняются от службы: командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ненюков и начальник штаба командующего Черноморским флотом контр-адмирал Бубнов».

Врангель, тем не менее, еще некоторое время оставался в Севастополе. Он вспоминал эти тревожные дни: «Красные, перейдя в наступление, 13-го февраля овладели Тюп-Джанкойским полуостровом, нанесли нашим частям значительные потери и захватили 9 орудий. В городе росли угрожающие слухи, в витринах Освага появились истерические, с потугой на “суворовские”, приказы генерала Слащева. Через день все успокоилось, противник отошел обратно на Чонгарский полуостров».

Слащев, на несколько часов приехавший в Севастополь, посетил Врангеля. Петру Николаевичу бросилась в глаза перемена, произошедшая с генералом:

«Я видел его последний раз под Ставрополем, он поразил меня тогда своей молодостью и свежестью. Теперь его трудно было узнать. Бледно-землистый, с беззубым ртом и облезлыми волосами, громким ненормальным смехом и беспорядочными порывистыми движениями, он производил впечатление почти потерявшего душевное равновесие человека.

Одет он был в какой-то фантастический костюм — черные, с серебряными лампасами брюки, обшитый куньим мехом ментик, низкую папаху-“кубанку” и белую бурку.

Перескакивая с одного предмета на другой и неожиданно прерывая рассказ громким смехом, он говорил о тех тяжелых боях, которые довелось ему вести при отходе на Крым, о тех трудностях, которые пришлось преодолеть, чтобы собрать и сколотить сбившиеся в Крыму отдельные воинские команды и запасные части разных полков, о том, как крутыми, беспощадными мерами удалось ему пресечь в самом корне подготавливавшееся севастопольскими рабочими восстание».

В тот момент пост командующего войсками в Крыму отнюдь не был синекурой. Не было никаких гарантий, что удастся сдержать натиск красных. Поэтому Шиллинг и готов был с легкостью уступить командование Врангелю. Николай Николаевич уже потерял веру в Белое дело и считал, что Вооруженные силы Юга России переживают агонию. Но, с другой стороны, эта должность давала хорошие возможности стать преемником Деникина, который вряд ли остался бы во главе Вооруженных сил Юга России после катастрофы на Северном Кавказе. И честолюбивый Врангель готов был рискнуть. Но антипатия Деникина не позволила барону возглавить войска в Крыму.

Был еще один претендент на этот пост — Яков Александр-

рович Слащев. Но его кандидатуру Деникин тоже отверг. По утверждению Г. Н. Раковского, ссылающегося на генерал-квартирмейстера штаба Вооруженных сил Юга России генерал-лейтенанта П. С. Махрова, Деникин во время своего пребывания в Крыму, несмотря на все старания Слащева, категорически отказался принять его.

«—Почему вы этого не хотите? — спросил у Деникина Махров.

— Если он приедет с фронта сюда в Феодосию, — сказал Деникин, — то я должен предать его суду и повесить...»

Слащев наверняка обиделся на Деникина. Ведь Крымский полуостров с 26 декабря 1919 года (8 января 1920-го) успешно удерживал его корпус, насчитывавший вначале всего около пяти тысяч штыков и сабель. Зная о малочисленности белых, красные попытались 10 (23) января 1920 года провести наступление на Крым, им даже удалось взять Перекоп с его укреплениями, но контратакой сил Слащева прорвавшиеся части были отброшены за перекопскую линию. 15 (28) января штурм повторился с тем же результатом.

Советские части штурмовали Крым 23 января (5 февраля) 1920 года уже по льду замерзшего Сиваша. Но и этот штурм был отбит генералом Слащевым, в распоряжении которого было во много раз меньше войск, чем у нападающих. 11 (24) февраля красные пробились через Чонгарскую переправу, но вновь были отбиты. Морозы вынуждали оставлять в окопах только патрули, а основные силы Слащева находились в окрестных населенных пунктах. Как только противник прорывался через линии укреплений и, изнуренный боями и морозами, двигался по перекопскому дефиле, Слащев неожиданно атаковал его. Но эта тактика была очень рискованная и могла не сработать, если бы красные успели сконцентрировать на переднем крае наступления большие массы конницы.

Внезапно в середине февраля Врангель получил телеграмму, принятую радиостанцией дредноута «Мальборо»:

«Сообщите Врангелю, что миноносец немедленно отвезет его в Новороссийск. Нижеследующее от Хольмана (британского генерала. — Б. С.): Хольман гарантирует его безопасность и попытается устроить ему свидание с Деникиным, но ему нечего приезжать, если он не намерен подчиниться окончательному решению Деникина относительно его будущего направления. Врангель должен понять, что вопрос идет о будущем России. Он должен быть готов открыто заявить о поддержке им новой демократической политики Деникина и дать строгий отпор реакционерам, ныне прикрывающимся его именем. Хольман доверится его лояльности во время его пре-

бывания в Новороссийске. Если Врангель пожелает, отправьте его с миноносцем, прибывающим завтра, в среду. Сообщите мне как можно скорее о времени прибытия».

Эта телеграмма немало изумила Петра Николаевича. Он писал в мемуарах:

«Я не мог допустить мысли, что она была послана без ведома генерала Деникина. Я решил от всяких объяснений уклониться и просил генерала Шатилова проехать к генералу Хольману и передать, что я чрезвычайно ему благодарен за предложенное посредничество, но что, не чувствуя за собой никакой вины, не нахожу нужным давать кому бы то ни было объяснения. Что же касается его обещания гарантировать мне неприкосновенность, то в таковых гарантиях не нуждаюсь, так как преступником ни перед кем себя не чувствую и не вижу, откуда мне может грозить опасность. Генерал Шатилов выехал в Новороссийск на миноносце. Через день он вернулся и сообщил мне о переданном ему командующим английским флотом адмиралом Сеймуром, от имени генерала Хольмана, требовании Главнокомандующего, чтобы я немедленно выехал из пределов Вооруженных Сил Юга России.

Требование это было обусловлено тем, что будто бы вокруг меня собираются все недовольные генералом Деникиным. Адмирал Сеймур предупредил генерала Шатилова, что высадиться в Новороссийске ему запрещено.

Трудно передать то негодование, которое вызвало во мне сообщение генерала Шатилова. Не говоря о том, что требование генерала Деникина было по существу незаслуженным и обидным, мне было бесконечно больно оставить близкую сердцу моему армию и покинуть в такое тяжелое время Родину. Я не хотел быть среди тех, кто ныне, как крысы с тонущего корабля, бежали из Новороссийска, Севастополя, Ялты, Феодосии. В то же время я не желал дать возможности бросить мне хотя бы тень упрека в создании затруднений Главнокомандующему в эти грозные дни. С болью в сердце я решил уехать. Я не хотел воспользоваться для отъезда иностранным судном, правильных же рейсовых русских судов в Константинополь не было. Я написал командующему флотом адмиралу Саблину, заменившему адмирала Ненюкова, прося предоставить в мое распоряжение какое-либо судно.

Адмирал Саблин любезно предоставил мне возможность воспользоваться отходящим через несколько дней в Константинополь пароходом «Александр Михайлович», на котором я продолжал всё время жить. Душа кипела от боли за гибнувшее дело, от негодования за незаслуженную обиду, от возмущения той сетью несправедливых подозрений, происков и лжи, ко-

той столько месяцев опутывали меня. Я написал генералу Деникину».

Даже сам барон признавал, что написанное под влиянием гнева письмо грешило резкостью, а местами содержало личные выпады. Оно было выдержано примерно в стиле посланий князя-беглеца Андрея Курбского царю Ивану Грозному. В связи с важностью этого многословного документа, резюмирующего конфликт двух главных действующих лиц, приводим его полностью:

«Милостивый Государь Антон Иванович!

Английский адмирал Сеймур передал мне от имени начальника Английской миссии при В. С. Ю. Р. генерала Хольмана, что Вы сделали ему заявление о Вашем требовании оставления мной пределов России, причем обусловили это заявление тем, что вокруг моего имени якобы объединяются все те, которые недовольны Вами. Адмирал Сеймур предложил мне использовать для отъезда за границу английское судно.

Ровно полтора года тому назад я прибыл в Добровольческую армию и стал добровольно в Ваше подчинение, веря, что Вы — честный солдат, ставящий благо Родины выше личного и готовый жизнь свою положить за спасение Отечества. Полтора года я сражался в рядах Вооруженных Сил Юга России, неизменно ведя мои войска к победе и не раз в самые тяжелые минуты спасая положение.*

Моя армия освободила Северный Кавказ. На совещании в Минеральных Водах 6 января 1919 года я предложил Вам перебросить ее на царицынское направление, дабы подать помощь адмиралу Колчаку, победоносно подходившему к Волге. *Мое предложение было отвергнуто, армия стала перебрасываться в Донецкий бассейн, до мая месяца вела борьбу под начальством генерала Юзефовича, заменившего меня во время моей болезни.* В апреле, едва оправившись, я прибыл в армию и рапортом от 4 апреля за № 82 вновь указал Вам о необходимости выбрать главным операционным направлением направление царицынское, причем предупреждал, что противник сам перейдет в наступление от Царицына, отчего создастся угроза нашей базе.

Мои предсказания пророчески сбылись, и к середине апреля неприятель перешел Маныч и, выйдя в тыл Добрармии, подошел на 12 верст к Батайску. *Перед грозной опасностью сюда стали спешно перебрасываться части, главным образом конница, и Вы приняли над ними личное руководство.*

* Этот и другие выделенные курсивом абзацы письма Врангель купировал наряду с другими фрагментами его мемуаров — очевидно, чтобы не разжигать страсти между различными течениями русской эмиграции.

Противник был отброшен за Маныч, все же наши попытки форсировать реку успеха не имели. 4 мая мне было предложено Вами объединить войска Манычской группы, и уже 8 мая я, разбив Х армию красных, погнал ее к Царицыну. В то же время произошел перелом в Донецком бассейне, и одновременно с моим движением вверх по Волге генерал Май-Маевский занял Харьков.

Военное счастье улыбалось Вам, росла Ваша слава и с нею вместе стали расти в Вашем сердце честолюбивые мечты.

Совпавший с целым рядом Ваших побед Ваш приказ о подчинении своем адмиралу Колчаку доказывал, конечно, противное.

Будущая история покажет, насколько этот Ваш приказ был добровольен. Вы пишете, что подчиняетесь адмиралу Колчаку, отдавая свою жизнь на служение горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье. Не жизнь приносили Вы в жертву Родине, а только власть. И неужели подчинение другому лицу для блага Родины есть жертва для честного сына ее? Эту жертву не в силах был принести возвестивший ее, упоенный новыми успехами и честолюбием.

Предоставленный самому себе, адмирал Колчак был раздавлен и начал отходить на Восток. Тщетно наша Кавказская армия пыталась подать помощь его войскам.

Истомленная походом по безводной степи, слабо пополняемая, она к тому же ослаблялась выделением все новых и новых частей для переброски на фронт Добрармии, войска которой, почти не встречая сопротивления, шли к Москве.

В середине июля мне наконец удалось связаться с Уральцами, и, с целью закрепления этой связи, 2-й Кавказской дивизии генерала Говорущенко было предложено переброситься в район Камышина на левый берег Волги. Ниже приводимые две телеграммы, полагаю, достаточно освещают вопрос о стремлении высшего командования подать помощь сибирским армиям Верховного правителя.

1. "Для доклада Главкому. Прошу срочно сообщить, чем вызвана переброска отряда генерала Говорущенко на левый берег Волги. Переброска столь крупного отряда, в связи с необходимостью выделения Терской дивизии и возвращения Донцам их 1-го корпуса, слишком ослабляет часть армии на главном операционном направлении. Таганрог, 16 июля. № 010275. Романовский".

2. "Таганрог, генералу Романовскому, на № 010275. Переброска частей генерала Говорущенко на левый берег Волги имеет целью скорейшее соединение с войсками Верховного правителя и намечена в связи с передачей в состав Кавармии 1-го Донского корпуса и обещанием 2-й пластунской бригады, о начале переброски которой я был телеграфно уведомлен. Отход Уральцев на Восток и намеченная передача Донцам 1-го корпуса, задержание

в Добрармии 2-й пластунской бригады и приказание направить туда же Терцев в корне меняет положение. При этих условиях не только перебросить на левый берег Волги в район Камышина не могу, но и от всякой активности в северном направлении вынужден отказаться. Боевой состав армии таков, что при указаниях действовать одновременно на астраханском и саратовском направлениях — последнее направление могу лишь наблюдать. Царицын, 16 июля 1919 года. № 01549. Врангель”.

Войска адмирала Колчака, не поддержанные нами, были разбиты. Оренбуржцы положили оружие, и лишь горсть Уральцев в безводных степях продолжала оказывать врагу сопротивление. Покончив с сибирским войском, противник стал спешно сосредоточивать части к Саратову, имея целью, обрушившись на ослабленную Кавказскую армию, отбросить ее к югу и тем обеспечить коммуникации своего Восточного фронта.

Письмом от 29 июля я обратился к Вам, указывая на тяжелое положение армии и на неизбежность, благодаря Вашей ошибочной стратегии, поворота боевого счастья. Я получил ответ, где Вы указываете, что, “ежели бы я следовал совету моих помощников, то Вооруженные Силы Юга России не достигли бы настоящего положения”. Мои предсказания сбылись и на сей раз: Кавказская армия под ударами II, IV, X и XI армий красных была отброшена к югу, хотя с беспримерной доблестью разбила, опираясь на Царицынскую укрепленную позицию, все четыре армии, но и сама потеряла окончательно возможность начать новую наступательную операцию.

Отбросив к югу мою армию, противник стал спешно сосредотачивать свои силы для прикрытия Москвы и, перейдя в наступление против армии генерала Май-Маевского, растянувшейся на огромном фронте, лишенной резервов и плохо организованной, легко заставил ее начать отход.

Еще в то время, когда добровольцы победоносно продвигались к сердцу России и слух Ваш уже улавливал перезвон московских колоколов, в сердца многих из Ваших помощников закрадывалась тревога. Армия, воспитанная на произволе, грабеже и насилии, ведомая начальниками, примером своим развращающими войска, — такая армия не могла создать Россию.

Не имея организованного тыла, не подготовив в тылу ни одной укрепленной позиции, ни одного узла сопротивления и отходя по местности, где население научилось ее ненавидеть, Добровольческая армия, начав отступление, стала безудержно катиться назад.

По мере того, как развивался успех противника и обнаруживалась несостоятельность нашей политики и нашей стратегии, русское общество стало прозревать. Всё громче и громче стали

раздаваться голоса, требующие смены некоторых лиц командного состава, предосудительное поведение которых стало достоянием общества, и назывались начальники, имена которых среди общего развала оставались незапятнанными.

Отравленный ядом честолюбия, вкусивши власть, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже думали не о спасении Отечества, а о сохранении власти.

17 октября генерал Романовский телеграммой запросил меня, какие силы мог бы я выделить из состава Кавказской армии на помощь Добровольческой. Я телеграммой 18 октября за № 03533 ответил, что при малочисленности конных дивизий — переброской одной-двух дивизий. Остающиеся части Кавказской армии, ввиду их малочисленности, я предложил свести в отдельный корпус, оставив во главе генерала Покровского.

Стратегическое решение напрашивалось само собой: объединение сосредоточенных в районе Купянска 3-го конного корпуса, 4-го Донского конного корпуса, Терской и отдельной Донской дивизии с вновь перебрасываемыми тремя с половиной Кубанскими дивизиями и использование для управления конной массой штаба Кавказской армии. *На этом решении настаивали все три командующих армиями, но в желании старших военачальников, армии и общества Вы уже видели для себя новую опасность. Еще по занятии Царицына, когда я и бывший в то время начальником штаба моей армии генерал Юзефович предложили сосредоточить в районе Харькова крупные массы конницы, объединив их под моим начальством, Вы на совещании высказали достойное Вас предположение, что мы стремимся первыми войти в Москву. Теперь падение обаяния Вашего имени Вы увидели не в Ваших ошибках, а в непостоянстве толпы, нашедшей себе нового кумира.* Из состава Кавказской армии были взяты только две дивизии, и, хотя впоследствии сама обстановка вынудила Вас перебросить три с половиной дивизии, время было упущено безвозвратно, и вводимые в бой по частям войска поочередно терпели поражения. Еще 11 ноября Вы в ответ на мои повторные настояния писали мне, что после детального обсуждения отказываетесь от предложенной мной перегруппировки, а через 10 дней, когда выяснилась уже потеря Харькова и неизбежность отхода в Донецкий бассейн, Вы телеграммой вызвали меня для принятия Добровольческой армии с подчинением мне конной группы. Об оказании серьезного сопротивления противнику думать уже не приходилось: единственно, что еще можно было сделать, — это попытаться вывести армию из-под ударов врага и, отведя ее на соединение с Донской армией, прикрыть Ростов-

ское направление. Я это сделал после тягчайшего 550-верстного флангового марша.

По мере того как армия приближалась к Ростову и Новочеркасску, росли тревога и неудовлетворенность. Общество и армия отлично учитывали причины поражения, и упреки Вашему командованию раздавались всё громче и громче.

Вы видели, как пало Ваше обаяние, власть ускользала из Ваших рук. Цепляясь за нее в полнейшем ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж. 9 декабря я подал рапорт с подробным указанием на необходимость принять спешно ряд мер для улучшения нашего положения.

Я указал на необходимость немедленно начать эвакуацию Ростова и Новочеркасска и принять срочные меры по укреплению плацдарма на правом берегу Дона. Ничего сделано не было, но зато в ответ на мой рапорт последовала Ваша телеграмма всем командующим армиями с указанием на то, что “некоторые начальники позволяют себе делать мне заявления в недопустимой форме”, с требованием беспрекословного повиновения.

В середине декабря, имея необходимость выяснить целый ряд вопросов (мобилизация населения и конская мобилизация в занятом моей армией Таганрогском округе, развертывание некоторых кубанских частей и пр.) с генералами Сидоринным и Покровским, я просил их прибыть в Ростов для свидания со мной. Телеграмма им была в копии сообщена генералу Романовскому. На следующий день я получил Вашу циркулярную телеграмму всем командующим армиями; в ней указывалось на недопустимость моей телеграммы с запрещением выезда командующим за пределы их армии. По-видимому, этими мерами Вы собирались пресечь возможность чудившегося Вам заговора Ваших ближайших помощников.

20 декабря Добрармия была расформирована, и я получил от Вас задачу отправиться на Кавказ для формирования Кубанской и Терской конницы. По приезде в Екатеринодар я узнал, что несколькими днями раньше на Кубань прибыл генерал Шкуро, получивший от Вас ту же задачу, хотя Вы впоследствии и пытались это отрицать, намекая, что Шкуро действует самовольно.

Между тем генерал Шкуро определенно заявил в печати о данном ему Вами поручении, и заявление его Вашим штабом не опровергалось. При генерале Шкуро состоял Генерального штаба полковник Гонтарев, командированный в его распоряжение генералом Вязмитиновым, при нем же состояли два неизвестно кем командированных агента контрразведывательного отделения братья К. Последние специально вели агитацию

против меня среди казаков, распространяя слух о моих намерениях произвести переворот, опираясь на монархистов, и о желании принять германскую ориентацию.

В конце декабря генерал Шкуро был назначен командующим Кубанской армией, а я, оставшись не у дел, прибыл в Новороссийск. Еще 25 декабря я подал Вам рапорт, указывая на неизбежность развала на Кубани и на необходимость удержания Новороссийска и Крыма, куда можно было бы перенести борьбу. Доходившие из этих мест тревожные слухи, в связи с пребыванием моим в столь тяжкое время для Родины не у дел, не могли не волновать общество. О необходимости использовать мои силы Вам указывалось неоднократно и старшими военачальниками, и государственными людьми, и общественными деятелями. Указывалось, что при самостоятельности Новороссийского и Крымского театров разделение командования в этих областях необходимо. Подобная точка зрения поддерживалась и английским командованием. Лишь через три недели, когда потеря Новороссийска стала почти очевидной, Вы согласились на назначение меня помощником к генералу Шиллингу по военной части, а 28 января, в день моего отъезда из Новороссийска, я уже получил телеграмму генерала Романовского о том, что ввиду оставления Новороссии должность помощника главноначальствующего замещена не будет.

В Новороссийске за мной велась Вашим штабом самая недостойная слежка, в официальных депешах новороссийских агентов контрразведывательного отделения аккуратно сообщалось, кто и когда меня посетил, а генерал-квартирмейстер Вашего штаба позволил себе в присутствии посторонних офицеров громогласно говорить о каком-то внутреннем фронте в Новороссийске с генералом Врангелем во главе.

Усиленно распространяемые Вашим штабом слухи о намерении моем произвести переворот достигли и за границы. В Новороссийске меня посетил прибывший из Англии г-н Мак-Киндер, сообщивший мне, что им получена депеша от его правительства, запрашивающая о справедливости слухов о произведенном мной перевороте. При этом г-н Мак-Киндер высказал предположение, что поводом к этому слуху могли послужить ставшие широким достоянием Ваши со мной неприязненные отношения.

Он просил меня, буде я найду возможным, с полной откровенностью высказаться по затронутому им вопросу.

Я ответил ему, что не могу допустить и мысли о каком бы то ни было выступлении против начальника, в добровольное подчинение коему я сам стал. Я уполномочил его передать его

правительству, что достаточной порукой являются мое слово и вся прежняя моя боевая служба.

В рапорте 31 декабря за № 85 я подробно изложил весь разговор, имевший место между г-ном Мак-Киндером и мной, предоставив в Ваши руки документ, в достаточной степени, казалось бы, долженствующий рассеять Ваши опасения. Вы даже не ответили мне.

Не имея возможности принести посильную помощь защите Родины, утратив веру в вождя, в добровольное подчинение коему я стал в начале борьбы, и всякое к нему уважение, я подал в отставку и уехал в Крым на покой.

Мой приезд в Севастополь совпал с выступлением капитана Орлова. Выступление это, глупое и вредное, но выбросившее лозунгом борьбу с разрухой в тылу и укрепление фронта, вызвало бурю страстей.

Исстрадавшиеся от безвластия, изверившиеся в выкинутые властью лозунги, возмущенные преступными действиями ее представителей, армия и общество увидели в выступлении Орлова возможность изменить существующий порядок. Во мне увидели человека, способного дать то, чего ожидали все. Капитан Орлов заявил, что подчинится лишь мне. Прибывший в Крым после Одессы генерал Шиллинг, учитывая положение, сам просил Вас о назначении меня на его место. Командующий флотом и помощник Ваш генерал Лукомский просили о том же, поддерживая его ходатайство. Целый ряд представителей общественных групп, представителей духовенства, представителей народов Крыма просили Вас о том же. На этом же настаивали представители союзников.

Всё было тщетно.

Цепляясь за ускользавшую из Ваших рук власть, Вы успели уже стать на пагубный путь компромиссов и решили неуклонно бороться с Вашими ближайшими помощниками, затеявшими, как Вам казалось, “государственный переворот”.

8 февраля Вы отдали приказ, осуждающий выступление капитана Орлова, руководимое лицом, “затевшим подлую политическую игру”, и предложили генералу Шиллингу “арестовать виновных, невзирая на их высокий чин и положение”.

Одновременно приказом были уволены в отставку я, генерал Лукомский и адмирал Ненюков.

Оба приказа появились в Крыму 16 февраля, а за два дня в местной печати появилась телеграмма моя капитану Орлову, в которой я убеждал его как старый офицер, отдавший Родине 20 лет жизни, ради блага ее подчиниться требованиям начальников.

“Затевшего подлую политическую игру” не было надобности разгадывать. Его имя называлось громко всеми.

Теперь Вы предлагаете мне покинуть Россию. Предложение это Вы мне передали через англичан. Переданное таким образом предложение могло быть истолковано как сделанное по их инициативе в связи с “германской ориентацией”, сведения о которой так усердно распространялись Вашими агентами. В последнем смысле и истолковывался Вашим штабом Ваш приказ о назначении меня в Крым, против чего англичане будто бы протестовали.

Со времени увольнения меня в отставку я считаю себя от всяких обязательств по отношению к Вам свободным и предложение Ваше для меня совершенно необязательным. Средств заставить меня его выполнить у Вас нет. Тем не менее я решаюсь оставить Россию, заглушив горечь в сердце своем.

Столь доблестно начатая Вами и столь недостойно проигранная борьба приходит к концу. В нее вовлечены сотни и тысячи лучших сынов России, не повинных в Ваших ошибках.

Спасение их и их семейств зависит от помощи союзников, обещавших эту помощь Вам.

Кончайте же начатое Вами дело, и, если мое пребывание на Родине может хоть сколько-нибудь помешать Вам спасти ее и тех, кто Вам доверился, я, ни минуты не колеблясь, оставлю Россию.

Барон Петр Врангель».

Это письмо было размножено Врангелем и его сторонниками и широко распространено в армии, в тылу и за границей. В частности, его копии были посланы Лукомскому, Ненюкову, Бубнову и британскому генералу Хольману. Нетрудно убедиться, что при публикации письма в своих мемуарах барон убрал наиболее острые и беспощадные характеристики Деникина. Вероятно, после крымского опыта, когда Петр Николаевич и сам потерпел поражение, он убедился, что во многом был несправедлив, что далеко не всё зависело от Деникина, что кроме его, как казалось Врангелю, роковых ошибок существовали и объективные, непреодолимые обстоятельства, обусловившие поражение белых. Но то, что он смягчил письмо при подготовке мемуаров, вряд ли имело принципиальное значение для Деникина. Ведь и полный текст был хорошо известен в эмиграции — сперва по копиям, а потом и по публикации в воспоминаниях Деникина.

В последние дни пребывания Врангеля в Крыму возникла угроза прорыва неприятеля. 24 февраля (8 марта) 1920 года ударная группа 13-й и 14-й советских армий взяла Перекоп, но у юшуньских укреплений была разбита слащевцами и с большими потерями отступила. После этой неудачи красные на время перестали тревожить Крым, оставив против пере-

шейков лишь заслон из частей 13-й армии, насчитывавший девять тысяч штыков и сабель.

Из-за поломки «Александра Михайловича» Врангелю всё же пришлось отплыть в Константинополь на британском судне. В конце февраля 1920 года (по старому стилю) генерал покинул Крым, как он думал, навсегда и прибыл в Константинополь, куда незадолго перед этим были эвакуированы его жена и дети.

Врангель с генералом Шатиловым остановились в здании русского посольства, где военный представитель генерал Агапеев предоставил в их распоряжение свой кабинет. Семья барона проживала на острове Принкипо из группы Принцевых островов вблизи Константинополя.

Уже из Константинополя на последнее письмо Врангеля, написанное после форсирования 7 марта красными Кубани, что означало крах Северо-Кавказского фронта белых, Деникин отправил раздраженный ответ:

«Милостивый государь, Петр Николаевич!

Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...

Если у меня и было маленькое сомнение в Вашей роли в борьбе за власть, то письмо Ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды. Вы это знаете. В нем приведены чудовищные обвинения, в которые Вы сами не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты.

Для подрыва власти и развала Вы делаете всё, что можете.

Когда-то, во время тяжелой болезни, постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие...

Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло.

А. Деникин».

«Генерал Деникин, видимо, перестал владеть собой», — кратко прокомментировал это письмо Врангель.

Между тем в этой последней переписке с Деникиным Врангель с моральной стороны выглядит не очень красиво. Зачем было добивать главнокомандующего упреками, пусть даже и справедливыми, в тот момент, когда тот, глубоко потрясенный разгромом, последовавшим после стольких блестящих побед, из последних сил пытался задержать наступление красных? Вместо того чтобы помочь хотя бы доброжелательным советом, Петр Николаевич еще раз пенял Деникину на

его ошибки, которые тот уже и сам начал осознавать. Может быть, опустив при публикации в мемуарах наиболее обидные для Деникина пассажи своего письма, барон таким образом молчаливо признавал, что в своей критике не во всём был прав.

Вскоре после провальной новороссийской эвакуации Врангель получил известие об отставке И. П. Романовского. Как писал Петр Николаевич, «уступая требованию общественного мнения, генерал Деникин решил принести в жертву ему своего ближайшего сотрудника (общественное мнение было весьма неблагоприятно к генералу Романовскому. Его называли “злым гением Главкомандующего”, считали виновником всех ошибок последнего. Справедливость требует отметить, что обвинения эти были, в значительной мере, голословны). Генерала Романовского заменил генерал Махров». Больше никаких комментариев в мемуарах по этому поводу Врангель не дал. Но, вероятно, в тот момент он понял, что с уходом Романовского дни Деникина как главкома сочтены. Так и случилось.

В заключение этой главы скажем несколько слов о судьбе родителей Петра Николаевича, остававшихся в Советской России. После Октябрьской революции, чтобы прокормиться, барону Николаю Егоровичу пришлось распродавать за бесценок «собранное с такой любовью в течение полстолетия». Великолепное ампирное зеркало на барельефах египетских сфинксов высотой около трех с половиной метров стояло у него за картошку и увез в деревню мужик-мешочник.

Когда осенью 1918 года большевики развязали красный террор, Врангель-старший решил бежать в Ревель, куда перебралось подведомственное ему Товарищество спиртоочистительных заводов. Однако его жена мечтала уехать в Крым к сыну. Кроме того, как писала Мария Дмитриевна в мемуарах, «в Ревеле в то время были немцы, и во мне кипело патриотическое возмущение».

Н. Е. Врангель описал обстоятельства своего бегства: «В течение многих недель я пытался достать необходимые бумаги, чтобы уехать в Таллин. Куда ни обращались, всегда оказывалось, что со вчерашнего дня право на выезд дает другое учреждение. Моя жена не желала ни при каких условиях ехать вместе со мной. Она хотела поехать в Ялту к внукам, но только на короткое время, пока всё не утрясется и не придет в норму. На всякий случай, чтобы ей не пришлось жить в большой полупустой квартире по приезду, мы решили закрыть квартиру. Мы наняли две комнаты у нашего друга, жившего неподалеку, перевезли туда любимую мебель жены и устроили их уютно и красиво.

Мы надеялись выехать более или менее в одно время, но оказалось, что мне откладывать не приходится. Российское золотопромышленное общество было национализировано, и к нам в правление на Екатерининскую явился комиссар (слесарь лет двадцати), заведующий всеми горными делами России, с двумя бухгалтерами-“спецами” и оравой красногвардейцев с ружьями, потребовал книги, отобрал кассу и заявил, что мы теперь служим у большевиков.

— Если не будете посылать припасы рабочим на приисках, будете расстреляны за саботаж, — предупредил он.

— Откуда мы возьмем деньги на припасы? — спросили мы.

— Откуда прежде брали, оттуда и берите.

— Но добытое золото теперь рабочие берут себе.

— Это нас не касается.

Бухгалтер ему что-то шепнул на ухо.

— Прежде, когда зимою золото не добывалось, откуда вы брали деньги?

— Нас финансировал банк.

— Пусть финансирует и теперь.

— Банки теперь национализированы.

— Ну, тогда финансируйте (слово это ему, очевидно, понравилось) сами. Но первая жалоба на саботаж против республики — расстрел.

Медлить уже нельзя было, и оставшиеся в Петрограде директора Безобразов, Клименко и я решили бежать. Жалобы на отсутствие провианта получались ежедневно. Не “саботировать” было физически невозможно.

Клименко с паспортом украинца уехал на Юг, Безобразов куда-то скрылся, меня отправить через Торошино без паспорта в Псков, уже занятый немцами, взялся антрепренер. Для придачи мне еще более жалкого вида он велел несколько дней не бриться, запастись зелеными очками, вообще держать себя “подрячнее”.

В назначенный день он явился за мною и, простившись с женою, я под вечер отправился с ним на товарную станцию Варшавского вокзала».

Николаю Егоровичу удалось выбраться из Совдепии на поезде под видом больного немца в оккупированный германской армией Псков, потом — в Ревель, а вскоре — в Финляндию. Лишь в 1920 году они воссоединились с женой в Дрездене, а в 1922-м перебрались к семье сына в Сербию. Там летом 1923 года Николай Егорович скончался в городе Сремские Карловцы. Мария Дмитриевна позже вслед за сыном переехала в Брюссель.

Почти всю Гражданскую войну мать Врангеля прожила в

Петрограде под своей фамилией. Баронесса устроилась на работу внештатной служащей в музей Александра III (Русский музей), позже — в Аничков дворец. «И вот начались мои мытарства, — вспоминала Мария Дмитриевна. — В 7 часов утра бежала в чайную за кипятком. Напившись ржаного кофе без сахара, конечно, и без молока, с кусочком ужасного черного хлеба, мчалась на службу, в стужу и непогоду, в разных башмаках, без чулок, ноги обматывала тряпкой... Питалась я в общественной столовой с рабочими, курьерами, метельщиками, ела темню бурду с нечищенной гнилой картофелью, сухую, как камень, воблу или селедку, иногда табачного вида чечевицу или прежуткую бурду, хлеба 1 фунт в день, ужасного, из опилок, высевок, дуранды и только 15 процентов ржаной муки... Бог меня хранил. Я потеряла, правда, два пуда весу, была желта как воск от вечно мокрых, никогда не просыхающих ног.. Мне свело пальцы на ногах, руки от стирки и стужи приморожены, от дыма печурки, недоедания и усиленной непрерывной письменной работы сильно ослабли глаза, но я за два года ни разу больна не была. Постичь не могу, как в 60 лет может так ко всему приспособиться человеческий организм...» Она работала в Эрмитаже с поддельной трудовой книжкой, где стояла запись: «Девушка Врангель — конторщица».

Как и всех бывших хозяев больших квартир, Марию Дмитриевну «уплотнили» — подселили к ней еще пять жильцов. Все они разместились в лучших комнатах, она же жила в самой маленькой ради экономии дров. Один из соседей, «ужаснейший красноармеец», смущал ее, расхаживая по дому в белых подштанниках и туфлях на босу ногу, с трубкой в зубах, и горланя на всю квартиру неприличные песни.

После того как Петр Николаевич возглавил белую армию в Крыму, оставаться в квартире стало опасно, и друзья — семья художника Поленова — помогли ей переехать в общежитие беженцев, куда ее прописала художница Веронелли и где она помещалась за ситцевой занавеской в комнате с еще тремя жилочками. Однако в музее Мария Дмитриевна продолжала работать под своей настоящей фамилией. В конце октября 1920 года ей организовали бегство в Финляндию. Это стоило около миллиона советских рублей — десять тысяч финских марок, собранных знакомыми.

Можно считать чудом, что отец и мать Петра Николаевича остались живы в Советской России и смогли перебраться на Запад. Многие другие представители рода Врангелей не были столь удачливы — они стали жертвами красного террора или умерли от голода и болезней.

КРЫМСКОЕ СИДЕНИЕ: ЛЕВАЯ ПОЛИТИКА ПРАВЫМИ РУКАМИ

В начале 1920 года из Новороссийска в Крым были переброшены почти все части Добровольческой армии (около 25 тысяч человек), значительное количество донцов (около десяти тысяч) и небольшое количество кубанцев, а также некоторые другие мелкие части. В Новороссийске остались почти вся артиллерия, много пулеметов, винтовок, большинство лошадей, запасы амуниции, продовольствия и другого военного имущества.

Остатки Вооруженных сил Юга России были деморализованы. Единственной боеспособной силой в Крыму оставался корпус Слащева, упорно оборонявшийся на перешейках. Он насчитывал 3500 штыков и до двух тысяч шашек и дрался против значительно превосходящих его сил противника.

Отсутствие хлеба, лошадей, горючего и боеприпасов делало длительную оборону Крыма безнадежной.

Между тем в Крыму среди офицеров нарастало недовольство Деникиным и обсуждались различные варианты его замены. М. А. Критский записал рассказ А. П. Кутепова:

«Слащев, одетый в фантастическую форму, им самим придуманную, с блеском в глазах от кокаина, стал пространно рассказывать, что в войсках его корпуса общее недовольство Главнокомандующим. Такое же настроение во всем населении Крыма, в духовенстве, во флоте и даже, будто бы, среди чинов Добровольческого корпуса. Затем Слащев сказал, что 23-го марта предполагено собрать совещание из представителей духовенства, флота и населения для обсуждения создавшегося положения и что, вероятно, это совещание решит обратиться к генералу Деникину с просьбой о сдаче им командования. Ввиду же того, что в Крым прибыл Кутепов, Слащев считает необходимым и его участие в этом совещании.

А. П. ответил коротко:

— В настроении Добровольческого корпуса вы ошибаетесь. Я лично участвовать в каком-либо совещании без разрешения Главнокомандующего не буду. Однако придаю огромное значение всему, что вы мне сказали, и немедленно доложу об этом генералу Деникину.

А. П. встал и приказал везти себя в Феодосию.

— С тяжелым чувством, — рассказывал А. П. впоследствии, — я ехал к Деникину. Считал своим долгом... Надо было положить конец всем интригам, заговорам и шептаньям по углам. Ведь это развращало армию...

Генерал Деникин выслушал А. П., несколько не удивился и только спросил его о настроении Добровольческого корпуса.

А. П. ответил, что одна дивизия вполне прочная, в другой настроение удовлетворительное, в двух — неблагополучно. Войска, критикуя наши неудачи, главным образом обвиняют в них начальника штаба Главнокомандующего — генерала Романовского. По мнению А. П., необходимо было принять спешные меры против намеченного совещания и вызвать всех старших начальников для того, чтобы генерал Деникин мог непосредственно выслушать их доклады о настроении войск.

С предложением Кутепова Деникин не согласился. Он счел, что наступило время выполнить свое решение — отказаться от поста Главнокомандующего».

Антон Иванович видел, что устранение Романовского не погасило недовольства, и в нем крепла решимость отказаться от продолжения борьбы. 20 марта (2 апреля) 1920 года Деникин поручил новому начальнику штаба разослать приказ генералам Вооруженных сил Юга России прибыть в Севастополь для выборов нового главнокомандующего. Сам же сказал в заключение: «Мое решение бесповоротно. Я всё взвесил и обдумал. Я болен физически и разбит морально: армия потеряла веру в вождя, я — в армию».

Деникин писал Драгомирову, который должен был председательствовать на военном совете:

«Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть как тяжелый крест, ниспосланный судьбой.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее.

Предлагаю Военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование...»

В этот момент Антон Иванович уже понимал, что единственным человеком, который может сплотить армию и заставить ее продолжать борьбу, является его давний антагонист Врангель.

Петр Николаевич между тем собирался вместе с Ольгой Михайловной уехать в Сербию, полагая, что белая борьба закончена.

Как раз накануне отъезда четы Врангелей, 18 марта, британский адмирал де Робек пригласил барона позавтракать на флагманском корабле «Аякс». Врангелю на выходе из посольства вручили телеграмму из Феодосии. В ней сообщалось, что Деникин решил сложить с себя звание главнокомандующего: «Предлагаю прибыть к вечеру 21 марта в Севастополь на заседание Военного совета под председательством генерала от ка-

валерии Драгомирова для избрания преемника главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России. Состав совета: командиры Добровольческого и Крымского корпусов, их начальники дивизий, из числа командиров бригад и полков — половина (от Крымского корпуса, по боевой обстановке, норма может быть меньше), коменданты крепостей, командующий флотом, его начальник штаба, начальники морских управлений, четыре старших строевых начальника флота. От Донского корпуса генералы: Сидорин, Кельчевский и шесть лиц из состава генералов и командиров полков. От штаба главнокомандующего: начальник штаба, дежурный генерал, начальник военного управления, а также генералы: Врангель, Богаевский, Улагай, Шиллинг, Покровский, Боровский, Ефимов, Юзефович и Топорков».

Врангель был охвачен противоречивыми чувствами: «Телеграмма показалась мне весьма странной. На службе я уже более не состоял... Я завтракал на “Аяксе”. С большим трудом я поддерживал разговор. Мысли все время вертелись вокруг полученной телеграммы. Я не сомневался, что борьба проиграна, что гибель остатков армии неизбежна. Отправляясь в Крым, я оттуда, вероятно, уже не вернусь. В то же время долг подсказывал, что, идя с армией столько времени ее крестным путем, деля с ней светлые дни победы, я должен испытать с ней и чашу унижения и разделить с ней участь ее до конца. В душе моей происходила тяжелая борьба».

После завтрака адмирал де Робек попросил Петра Николаевича и генерала Мильна пройти к нему в кабинет. Там он сообщил Врангелю:

«Если вам угодно будет отправиться в Крым, я готов предоставить в ваше распоряжение судно. Я знаю положение в Крыму и не сомневаюсь, что тот совет, который решил собрать генерал Деникин для указаний ему преемника, остановит свой выбор на вас. Знаю, как тяжело положение армии, и не знаю, возможно ли ее еще спасти... Мною только что получена телеграмма моего правительства. Телеграмма эта делает положение армии еще более тяжким. Хотя она адресована генералу Деникину, но я не могу скрыть ее от вас. Быть может, содержание ее повлияет на ваше решение. Я повторяю, не считаю себя вправе скрыть ее от вас и, зная ее содержание, поставить вас в положение узнать тяжелую истину тогда, когда будет уже поздно».

Британская телеграмма гласила:

«Секретно.

Верховный Комиссар Великобритании в Константинополе получил от своего Правительства распоряжение сделать следующее заявление генералу Деникину.

Верховный совет находит, что продолжение Гражданской войны в России представляет собой, в общей сложности, наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы.

Правительство Его Величества желает указать генералу Деникину на ту пользу, которую представляло бы собой, в настоящем положении, обращение к советскому правительству, имея в виду добиться амнистии, как для населения Крыма вообще, так и для личного состава Добровольческой армии в частности. Проникнутое убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее благоприятно для России, Британское Правительство взяло бы на себя инициативу означенного обращения, по получении согласия на это генерала Деникина, и предоставило бы в его распоряжение и в распоряжение его ближайших сотрудников гостеприимное убежище в Великобритании.

Британское Правительство, оказавшее генералу Деникину в прошлом значительную поддержку, которая только и позволила продолжать борьбу до настоящего времени, полагает, что оно имеет право надеяться на то, что означенное предложение будет принято. Однако, если бы генерал Деникин почел бы себя обязанным его отклонить, дабы продолжить явно бесполезную борьбу, то в этом случае Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь, какого бы то ни было характера, генералу Деникину.

Британский Верховный Комиссариат.

2 апреля (20 марта) 1920 г. Константинополь».

Врангель отреагировал так, как и должен был отреагировать кадровый гвардейский офицер, для которого понятие «честь» не было пустым звуком: «Благодарю вас. Если у меня могли быть еще сомнения, то после того, как я узнал содержание этой ноты, у меня их более быть не может. Армия в безвыходном положении. Если выбор моих старых соратников падет на меня, я не имею права от него уклониться».

Адмирал это решение в душе поддержал и, лишенный возможности высказаться открыто, молча пожал Врангелю руку.

Отказ англичан от помощи белым делал продолжение борьбы совсем безнадежным. Но о переговорах с большевиками Врангель, как и другие белые генералы, даже не думал. Он решил немедленно отправиться в Крым на британском броненосце «Император Индии». Генерал Шатилов, узнав о решении соратника, пришел в ужас: «Ты знаешь, что дальнейшая борьба невозможна. Армия или погибнет, или вынуждена будет капитулировать, и ты покроешь себя позором. Ведь у тебя

ничего, кроме незапятнанного имени не осталось. Ехать теперь — это безумие». Однако, убедившись, что его доводы бессильны, он объявил, что не оставит Петра Николаевича в этот грозный час и едет с ним.

Врангель отправился навстречу судьбе: «21-го марта броненосец “Император Индии” вышел в Крым. Море стихло. Мощно рассекая волны, уносил меня корабль к родным берегам. Там готовился эпилог русской трагедии. Над предпоследним актом ее готов был опуститься занавес истории».

Барон чувствовал, что он сам будет героем последнего акта. Его мечта стать во главе Белого движения была как никогда близка к осуществлению. Но только условия для борьбы с большевиками были сейчас гораздо хуже, чем в середине 1919 года, когда войска Деникина находились на гребне успеха, и даже чем в первой половине 1918-го, когда горстка добровольцев была слаба и лишена поддержки извне, но так же слаба была и противостоявшая им Красная армия. Но Врангель был в высшей степени честолюбив и готов был возглавить остатки Вооруженных сил Юга России, чтобы проиграть — но с честью и славой.

Генерал Александр Алексеевич фон Лампе, один из ближайших сотрудников и друзей Врангеля, вспоминал:

«Мне пришлось быть последним, с кем говорил генерал Врангель, оставляя Константинополь (перед возвращением в Крым), и он, сильно взволнованный происходящим, говорил со мною совершенно откровенно. Он шел не на праздник власти, как это думали многие, он ясно сознавал трудность и почти безнадежность задачи, которую судьба возлагала на его плечи, он понимал, что идет на тяжелый труд, на подвиг, и, тем не менее, он опять подчинился долгу и, заявив Военному совету: “Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения”, — принял на себя тот крест, который и привел его к преждевременной могиле.

В некоторых кругах принято говорить, что П. Н. Врангель был честолюбив... Да, это совершенно верно, и это качество, столь нужное каждому военному, совершенно необходимо для Вождя; он был славолюбив, но он был и честолюбив в самом лучшем значении этого понятия, потому что он любил не почести, а самую честь... И он понимал значение этого слова, так как, заявив в своем первом же приказе, уже как Главнокомандующий: “Я сделаю всё, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения”, — он исполнил свое обещание и, не добившись победы, спас честь армии и России!»

По словам Лампе, «многие считали П. Н. честолюбивым, однако подобное упрощенное определение едва ли соответст-

вовало действительности. Скорее он был славолюбив, т. е. обладал той чертой характера, какая, по мнению Суворова, является добродетелью для военачальника. Добродетелью потому, что побуждает на ратные подвиги».

Врангель следующим образом изложил обстоятельства своего отъезда в Крым Г. Н. Раковскому: «В момент получения ультиматума... я жил как частный человек в Константинополе и, желая принести посильную помощь родине, должен был ехать в Сербию с тем, чтобы заняться там устройством беженцев. В день моего отъезда я получил от начальника английской военной миссии генерала Хольмана телеграмму, которую мне передал верховный политический комиссар в Константинополе адмирал де Робек. Хольман передал мне просьбу генерала Деникина прибыть на военное совещание в Севастополь, где должна была произойти смена главнокомандующего. Одновременно с этим мне был передан ультиматум англичан. Учитывая всю обстановку, я видел, что предо мною встала задача: взять ли в свои руки дело, которое казалось безнадежно проигранным, и, борясь всё время против большевиков, принять на себя позор соглашательства, потому что положение казалось безвыходным. Мои друзья отговаривали меня, указывая на то, что Деникин привел армию к поражению и что я должен испить чашу, налитую чужими руками... Но я заявил им, что с армией я делил славу побед, а потому не могу отказаться испить с нею горькую чашу тяжких испытаний, и выехал в Севастополь. Участники совета отказались от выборов, не желая создавать опасного прецедента и оказывать давление на волю главнокомандующего. Однако моя кандидатура не встречала возражений».

Раковский вспоминал:

«Я спросил Врангеля:

— Какую роль в вашем назначении сыграли представители Англии?

Главнокомандующий ответил:

— Больше ничего не могу вам сказать. То, что мне известно, я сообщил вам».

Заметим, что в разговоре с Раковским Врангель гораздо подробнее, чем в мемуарах, осветил мотивы своей готовности принять командование.

Но единства по вопросу о преемнике не было. Кроме Врангеля выдвигались и другие кандидатуры главнокомандующего. М. А. Критский вспоминал:

«Накануне своего отъезда на Военный совет А. П. (Кутепов. — Б. С.) вызвал к себе одного своего офицера.

— Вы слышали, — обратился к нему А. П., — что Деникин решил уйти?

— Так точно, Ваше Превосходительство, — ответил офицер, — но я не знаю, насколько эти слухи верны.

— Генерал Деникин решил уйти бесповоротно, — продолжал А. П., — на пост Главнокомандующего выдвигают генерала Врангеля, а некоторые командиры добровольческих частей говорили мне, что если не удастся убедить Деникина изменить свое решение, то на этом посту предпочли бы видеть меня. Что вы на это скажете?

— Ваш вопрос так неожидан... Сейчас мне в голову приходят такие мысли... У барона Врангеля иностранная фамилия, к тому же с титулом, чуждым для русского уха. Большевики, конечно, используют это в своей пропаганде. Генерал Врангель энергичен, талантливый военачальник, но, говорят, настолько честолюбив, что это мешает ему быть всегда беспристрастным. Думаю еще, если Главнокомандующим будет генерал Врангель, то армии как Добровольческой наступит конец. Откровенно говоря, я бы лично предпочел видеть вас на этом посту и, поверьте, не потому, что вы мой начальник...

— Быть может, вы во многом и правы, — сказал А. П., несколько помолчав, — но я считаю, что Врангель талантливее меня и он лучше, чем я, справится с нашим тяжелым положением... Я буду настаивать на кандидатуре генерала Врангеля и скажу об этом начальникам своих частей».

Позиция Кутепова, который не хотел противиться воле Деникина, практически предрешала назначение Врангеля главкомом. Оставался еще Слащев, но против Кутепова он выступить не мог.

К 21 марта не успели прибыть все приглашенные, и совещание продолжилось на следующий день. Врангель появился в Севастополе только утром 22-го и сразу попал «с корабля на бал», то есть на военный совет, открывшийся в полдень. Деникин ждал его результатов в Феодосии. Ход его описал Г. Н. Раковский со слов Сидорина и других присутствовавших там генералов:

«Совещание открылось речью генерала Драгомирова, который охарактеризовал в черных тонах общую обстановку и закончил свою речь предложением выбрать нового главнокомандующего.

Горячо запротестовал против этого генерал Сидорин, который заявил, что донцы принципиально высказываются против проведения в жизнь пагубного во всех отношениях выборного начала в армии. Вместе с тем он выразил протест против того, что Дон и на этот раз обидели: от Добровольческих частей на совещании присутствует сорок человек, от донцов — шесть.

Против выборов высказался и генерал Слащев, который после своего выступления немедленно выехал на фронт.

Не имели успеха представители Добровольческого корпуса, высказавшиеся в том смысле, что добровольцы по-прежнему готовы считать своим главнокомандующим генерала Деникина, которому они доверяют, как доверяли и раньше.

Несмотря на неоднократные настояния Драгомирова, участники совещания единогласно высказались против выборного начала и некоторые из них, в порядке частных разговоров, заявили председателю, что у главнокомандующего есть иные выходы из создавшегося положения, например назначение себе преемника».

Генерал Драгомиров после совещания послал Деникину телеграмму: «Военный совет признал невозможным решать вопрос о преемнике главкома, считая это прецедентом выборного начальства, и постановил просить Вас единолично указать такого. При обсуждении Добровольческий корпус и кубанцы заявили, что только Вас желают иметь своим начальником и от указания преемника отказываются. Донцы отказались давать какие-либо указания о преемнике, считая свое представительство слишком малочисленным, не соответствующим боевому составу, который они определяют в 4 дивизии. Генерал Слащев отказался давать мнение за весь свой корпус, от которого могли прибыть только три представителя, и вечером просил разрешения отбыть на позиции, что ему и было разрешено. Только представители флота указали преемником генерала Врангеля. Несмотря на мои совершенно категорические заявления, что Ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении Вами главного командования, ибо только на Вас полагаются и без Вас опасаются за распад армии; все желали бы Вашего немедленного прибытия сюда для личного председательствования в совете, но меньшего состава. В воскресенье в полдень я назначил продолжение заседания, к каковому прошу Вашего ответа для доклада Военсовету».

Но Деникин остался непреклонен в решении уйти со своего поста. Он знал или догадывался, что уже идут интриги вокруг его возможных преемников, что дух армии потерян и он уже не сможет вести ее в бой, не имея на это ни моральных, ни физических сил. Характеризуя обстановку накануне военного совета, он писал в «Очерках русской смуты»:

«Генерал Слащев вел эту работу не первый день и не в одном направлении, а сразу в четырех. Он посылал гонцов к барону Врангелю, убеждая его “соединить наши имена” (то есть Врангеля и Слащева), и при посредстве герцога С. Лейхтен-

бергского входил в связь по этому вопросу с офицерскими флотскими кругами. В сношениях своих с правой, главным образом, общественностью он старался направить ее выбор в свою личную пользу. Вместе с тем через генерала Боровского он входил в связь с генералами Сидориным, Покровским, Юзефовичем и условливался с ними о дне и месте совещания для устранения главнокомандующего. В чью пользу — умалчивалось, так как первые двое были антагонистами Врангеля и не имели также желаний возглавить себя Слащевым. Наконец, одновременно чуть ли не ежедневно Слащев телеграфировал в Ставку с просьбой разрешить ему прибыть ко мне для доклада и высказывал “глубокое огорчение”, что его не пускают к “своему главнокомандующему”...

Генерал Сидорин усиленно проводил взгляд о “предательстве Дона” и телеграфировал донскому атаману, что этот взгляд разделяют “все старшие начальники и все казаки”. Он решил “вывести Донскую армию из пределов Крыма и того подчинения, в котором она сейчас находится”, и требовал немедленного прибытия атамана и правительства в Евпаторию “для принятия окончательного решения...” (Эту телеграмму А. П. Богаевскому Сидорин направил 18 марта. Фактически он в тот момент уже настроился на эмиграцию и думал о том, как вывести за границу казаков из Крыма и с кубанского побережья. — Б. С.)

Я знал уже и о той роли, которую играл в поднявшейся смуте епископ Вениамин, возглавивший оппозицию крайних правых, но до каких пределов доходило его рвение, мне стало известным только несколько лет спустя... На другой день после прибытия “Южно-русского правительства” в Севастополь преосвященный явился к председателю его... Сидорин, Слащев, Вениамин... Всё это, в сущности, меня уже мало интересовало».

Глава южнорусского правительства Н. М. Мельников описал свою беседу с архиереем:

«Епископ Вениамин сразу начал говорить о том, что “во имя спасения России” надо заставить генерала Деникина сложить власть и передать ее генералу Врангелю, ибо только он, по мнению епископа и его друзей, может спасти в данных условиях Родину. Епископ добавил, что у них, в сущности, всё уже готово к тому, чтобы осуществить намеченную перемену, и что он считает своим долгом обратиться по этому делу ко мне лишь для того, чтобы по возможности не вносить лишнего соблазна в массу и подвести легальные подпорки под “их” предприятие, ибо, если “Южно-русское правительство” санкционирует задуманную перемену, всё пройдет гладко, “законно”...

Епископ Вениамин добавил, что согласится “Южно-русское правительство” или не согласится — дело всё равно сделано будет..

Это приглашение принять участие в перевороте, сделанное притом епископом, было так неожиданно для меня, тогда еще впервые видевшего заговорщика в рясе, и так меня возмутило, что я, поднявшись, прекратил дальнейшие излияния епископа».

Епископ Вениамин посетил затем министра внутренних дел В. Ф. Зеелера, которому также в течение полутора часов внушал мысль о необходимости переворота.

«“Всё равно с властью Деникина покончено, его сгубил тот курс политики, который отвратен русскому народу. Последний давно уже жаждет ‘хозяина земли русской’, и мешать этому теперь уже вполне созревшему порыву не следует. Нужно всячески этому содействовать — это будет и Богу угодное дело. Всё готово: готовы к этому и генерал Врангель, и вся та партия патриотически настроенных действительных сынов своей Родины, которая находится в связи с генералом Врангелем. Причем генерал Врангель — тот Божией милостию диктатор, из рук которого и получит власть и царство помазанник...”

Епископ был так увлечен поддержкой разговора, что перестал сохранять сдержанность и простую осторожность и дошел до того, что готов был тут же ждать от правительства решений немедленных».

Врангель явно не был в восторге от идеи Слащева «соединить имена», но до поры до времени не отвергал хлопоты Якова Александровича, чья позиция при определении деникинского преемника могла иметь решающее значение. Как-никак Слащев был тогда единственным белым генералом, у которого под началом находилось пять тысяч готовых к бою штыков и сабель, тогда как у Кутепова сохранили остатки дисциплины лишь несколько офицерских рот.

Подробное описание совещания сделал генерал-майор М. Н. Ползиков из Дроздовской дивизии:

«В день совета было назначено в 2 часа дня собрание старших начальников дивизии на квартире у генерала Витковского, на которое должен был приехать в 3 часа генерал Кутепов. На совещании у генерала Витковского было единогласно решено просить генерала Деникина остаться у власти, так как все мы не могли мыслить об ином главнокомандующем. Заявление генерала Кутепова о том, что генерал Деникин твердо решил оставить свой пост, не изменило общего единодушного решения. У всех нас было впечатление, что генерал Деникин пришел к своему решению вследствие какого-то разногласия, интриг и выраженного ему недоверия. Всем нам непонятно

было, почему генерал Кутепов не поддерживал нас в нашем решении, но, наоборот, настаивал на том, что наше решение ничего не изменит, так как он знает о твердом решении генерала Деникина. Нам было совершенно непонятно поведение генерала Кутепова, а потому большинство ушло с заседания неприязненно настроенными против него».

Кутепов, уезжая с заседания, приказал старшим начальникам Добровольческого корпуса собраться во дворце на предварительное совещание на полтора часа раньше начала военного совета.

По свидетельству Ползикова, были приняты некоторые меры безопасности: назначены усиленные патрули, в особенности на улицах, примыкающих к дворцу, а в местах квартирования — в полной готовности дежурили части, имевшие «связных-быстроходов». Команды пулеметчиков стояли у главного входа дворца и были размещены внутри соседних дворов, а рядом с самим дворцом скрытно располагалась офицерская рота.

На предварительном совещании под председательством Кутепова все начальники Добровольческого корпуса единодушно выразили полное доверие Деникину и приняли решение просить его не оставлять своего поста. Решено было также оказать соответствующее влияние на остальных участников Военного совета, чтобы он «просил бы и даже умолял» генерала Деникина остаться.

Корпусных командиров смутила позиция А. П. Кутепова: «Генерал Кутепов сидел грустный, как бы подавленный, и неоднократно заявлял о твердом решении генерала Деникина. Привыкнув видеть в генерале Кутепове начальника энергичного, настойчивого и решительного, мы недоумевали его пассивности. Невольно вспомнились слухи о его неладах с генералом Деникиным и о “подкапывании”. Это было совершенно неправдоподобно, но тем не менее не было объяснений молчаливому, пассивному, а потому непонятному поведению генерала Кутепова. Никто из нас не понял тогда, как ему было тяжело. Мы не могли понять, что ему действительно было известно твердое и непреклонное решение генерала Деникина, мы не понимали, что генерал Кутепов, всегда честный и прямой, знал, что не может дать нам надежду, и, переживая гораздо острее и глубже всё то, что мы переживали, не мог сказать нам ничего иного, как о твердом решении генерала Деникина оставить свой пост».

Было решено, в случае непреклонности Деникина, просить его самого назначить себе преемника, которого все обязаны будут признать.

Открывая заседание, генерал Драгомиров прочитал приказ главнокомандующего о назначении Военного совета. Затем была произведена проверка присутствующих на заседании, завершившаяся, как уже упоминалось, выступлением генерала Слащева, настаивавшего на том, что руководимый им корпус не имеет на заседании достаточного числа представителей, что «является несправедливостью по отношению к доблестному корпусу, долгие все отстаивающему последний клочок белой русской земли».

Слащев выступал еще несколько раз. Он говорил о недопустимости выборов нового главнокомандующего, чтобы Вооруженные силы Юга России не уподоблялись Красной армии.

Генерал Драгомиров приказал раздать бумагу и карандаши для тайного голосования. Тогда начальник штаба Черноморского флота капитан 1-го ранга Рябинин (впоследствии перешедший к большевикам) попросил слова и, провозгласив «Пути Господни неисповедимы», произнес патетическую речь о необходимости исполнить приказ главнокомандующего и назвать имя его преемника, каковым является, по убеждению чинов Черноморского флота, генерал Врангель. Имя Врангеля, до того звучавшее в частных беседах, было названо официально на заседании совета.

М. Н. Ползиков передает драматические коллизии совещания:

«В это время шло частное обсуждение около генерала Витковского, который после распоряжения генерала Драгомирова раздать бумагу просил через генерала Кутепова слова и энергично и настойчиво заявил о том, что он и чины Дроздовской дивизии находят невозможным для себя принять участие в выборах и категорически от этого отказываются. После слов генерала Витковского сейчас же присоединились к его заявлению начальники Корниловской, Марковской и Алексеевской дивизий и других частей Добровольческого корпуса. Представители от дивизий поддерживали своих начальников тем, что при их заявлении все вставали. Генерал Драгомиров в строгой форме обратил внимание на недопустимость такого заявления, так как оно составляет неисполнение приказа главнокомандующего. Тогда генерал Витковский возразил, что приказы главнокомандующего мы всегда исполняли и исполним и теперь, что мы ему вполне доверяем, и если главнокомандующий решил сложить с себя власть, то мы подчиняемся его решению и его назначению себе заместителя. Но предварительно необходимо выразить главнокомандующему доверие и просить его остаться у власти и немедленно довести до его сведения о таком постановлении Военного совета. После

этих слов кто-то из чинов Добровольческого корпуса крикнул: “В честь его высокопревосходительства главнокомандующего генерала Деникина — ура”. Дружное и громкое “ура” долго оглашало здание дворца. После того как оно кончилось и все сели на свои места, генерал Драгомиров снова пытался доказать необходимость выполнить приказ главнокомандующего, который Военным советом не может быть изменен. Тогда генерал Витковский и другие чины Добровольческого корпуса доказывали о необходимости доложить по прямому проводу генералу Деникину о настроении Военного совета, о выражении ему доверия и просьбы остаться у власти. Генерал Драгомиров на все эти доводы возражал и не соглашался с ними.

Все были изрядно уставши, а потому к нашей просьбе — сделать небольшой перерыв — охотно присоединились многие другие, и, к нашему удовольствию, генерал Драгомиров на это согласился, объявив перерыв. Сейчас же мы (Добровольческий корпус) заняли одну из уединенных и находящихся внизу комнат и решили послать от себя срочную телеграмму генералу Деникину, в которой выразить ему полное доверие и признательность и просить остаться у власти. В занятую нами комнату пришли некоторые начальники, не принадлежавшие к Добровольческому корпусу, но вполне разделявшие наши взгляды. Не помню, кто составлял телеграмму; в общем, она была составлена коллективно».

Текст телеграммы был тотчас же отправлен на городской телеграф со связным, получившим приказание добиться немедленной ее отправки генералу Деникину. Телеграмма была принята, но не отправлена, ибо, как выяснилось позже, провод со Ставкой был занят и никаких телеграмм не передавали без разрешения генерала Драгомирова.

На возобновившемся после перерыва заседании военного совета Драгомиров согласился послать телеграмму Деникину, но на просьбу переговорить с главнокомандующим немедленно по прямому проводу ответил категорическим отказом.

«На другой день, — вспоминал Ползиков, — заседание долго не начиналось, и мы в недоумении и с разными предположениями ходили по коридорам, заходили и в большой зал заседаний, но постоянно видели двери в комнату старших начальников плотно закрытыми; вход в эту комнату без разрешения генерала Драгомирова не допускался. Неоднократно пытались узнать, когда начнется заседание совета и вообще состоится ли оно. Ответы получались самые расплывчатые и неуверенные. Вызвать генерала Кутепова из комнаты старших начальников не удавалось. Генерала Витковского в эту комнату не пропускали. Сведений об ответе генерала Деникина на

посланную ему накануне телеграмму никаких не было. Слагалось впечатление, что Военный совет состоялся из высших начальников, а остальных игнорировали. Полная неизвестность и неопределенность создавшегося положения и отсутствие хотя каких-либо объяснений сильно нервировали и вызывали недовольство генералом Драгомировым, упорство которого на предыдущем заседании породило против него много врагов. Поэтому через некоторое время настроение из нервного превратилось определенно во враждебное против комнаты старших начальников. Но скоро оно было рассеяно неожиданным приходом группы новых офицеров, сопровождавших нескольких английских офицеров. Дневное заседание не было открыто, и ответ генерала Деникина не был объявлен нам. Нам объявили, что прибыла делегация от англичан, что сделанные ими предложения настолько необычайны и важны, что совершенно затемняют остроту переживаемых событий, а потому высшие начальники займутся обсуждением английских предложений, а заседание совета назначено на 8 часов вечера этого же дня.

Также прошел слух, что приехал в Севастополь генерал Врангель, который будет присутствовать на вечернем заседании Военного совета.

Когда мы прибыли на это заседание и в ожидании его открытия блуждали по коридорам и комнатам дворца, то через некоторое время заметили присутствие генерала Врангеля, который нервно ходил по коридору около большого зала. Двери в комнату старших начальников по-прежнему были закрыты, и в ней шло заседание. Несколько раз туда приглашали генерала Врангеля, и через короткое время он выходил оттуда еще более взволнованный».

То, что происходило за этими закрытыми дверями, запечатлел участник Малого совета старших военачальников А. П. Богаевский:

«У всех было подавленное настроение духа. Почти никто не знал ни точной обстановки, ни истинных причин ухода генерала Деникина. Неестественной казалась и сама причина нашего сбора, невозможная до сих пор в регулярной армии.

Кроме того, не было никого, кто мог бы в то время стать преемником генерала Деникина без возражений с чьей бы то ни было стороны. Никаких имен не называли.

На другой день генерал Драгомиров собрал снова совещание и прочитал ответную телеграмму генерала Деникина, приказывавшего все-таки выборы произвести.

Несмотря на это, многие протестовали против этого, и нужна была вся твердость и настойчивость генерала Драгоми-

рова, чтобы совещание не приняло форму митинга и прошло спокойно...

После долгих споров решено было составить два совещания: одно — из старших начальников и другое — из всех остальных. Первое должно было наметить преемника, второе поддержать или отвергнуть выборное лицо.

Я был в числе старших начальников. Мы заседали в большом угловом кабинете, остальные — в зале.

Наше совещание затянулось. Все еще спорили и не могли остановиться на чем-либо имени.

Из зала, где томились уже несколько часов уставшие и голодные начальники войсковых частей, являлись не раз посланные с запросом, что мы решили.

Нужно было как-нибудь кончать, откладывая на другой день было уже невозможно: этим неминуемо сразу подрывался бы авторитет будущего главнокомандующего.

Тогда я выступил с речью, в которой, очертив создавшуюся обстановку и необходимость во что бы то ни стало скорее кончить вопрос, назвал генерала Врангеля как нового главнокомандующего.

Возражений не последовало, и, как мне показалось тогда, не из симпатий к нему, а просто потому, что нужно же избрать кого-нибудь и кончить тяжкий вопрос. В то время едва ли кто думал о продолжении борьбы с красными вне Крыма: нужно было отсидеться, привести себя в порядок и уходить за границу, если не удастся удержать Крым. Считали, что Врангель с этим справится».

Наступил решающий момент:

«Пригласили его в наш кабинет... и здесь председатель сделал ему нечто вроде экзамена: “Како веруеши?” Его ответы в резком, решительном тоне, сводившиеся в общем к тому, что он не мыслит о продолжении серьезной борьбы и будет считать своим долгом, если станет во главе армии, “с честью вывести ее из тяжелого положения”, удовлетворили не всех в совещании.

Генерала Врангеля попросили временно удалиться, чем он, видимо, остался очень недоволен, и снова начали обсуждать его кандидатуру.

Наконец, решено было остановиться на нем.

Снова вызвали его, и генерал Драгомиров объявил ему о нашем решении.

Генерал Врангель принял это внешне спокойно, однако у многих из нас — да, вероятно, и у него — всё же были сомнения, утвердит ли генерал Деникин наш выбор. Мы не знали подробностей, но всем было известно, что между ними были

дурные отношения и вина в них падала не на генерала Деникина...

Согласившись на наш выбор, генерал Врангель удивил всех нас своим решительным требованием — дать ему подписку в том, что условием принятия им поста главнокомандующего не будет переход в наступление против большевиков, а только вывод армии с честью из создавшегося тяжелого положения.

На вопрос наш, зачем эта подписка, генерал Врангель ответил, что он хочет, чтобы все — и прежде всего его родной сын — не упрекнули его в будущем в том, что он не исполнил своего долга.

Всё это было не совсем для нас понятно — такая предусмотрительность, но ввиду настойчивого требования генерала Врангеля — чуть ли не под угрозой отказа от выбора — подписка была дана.

После этого была послана телеграмма генералу Деникину». Фактически перед собранием генералитета представители Добровольческого корпуса не исключали, что может произойти что-то вроде антиденикинского военного переворота, потому и выставили усиленную охрану у дворца. И Слащев тоже далеко не случайно вскоре после начала первого совещания отправился на фронт. Значение этого демонстративного поступка было не только в том, что Яков Александрович хотел показать присутствующим, что пока они тут ведут разговоры, он Крым спасает, с большевиками сражается. Слащев увидел, что в Севастополе хозяйничают «добровольцы», а верных ему войск в городе нет, вот и решил в случае чего вернуться в Севастополь с бронепоездом и надежными частями, чтобы показать, кто в Крыму хозяин. Как раз об этом Слащев и телеграфировал Врангелю 22 марта, еще не зная, что всё закончилось благополучно.

Думается, в качестве одного из аргументов в пользу кандидатуры Врангеля послужила его однозначная позиция в отношении предложения английского правительства. Г. Н. Раковский свидетельствовал:

«Во время дневного совещания 22 марта Врангель, вопрос о назначении которого на должность главнокомандующего казался предрешенным, откровенно заявил членам Военного совета, что он не видит выхода из создавшегося положения и что, совершенно исключая возможность непосредственных переговоров с большевиками, нужно возложить на авторов <британского> ультиматума всю нравственную ответственность за последствия предпринятого шага.

— Долг чести требует, — говорит Врангель, — чтобы те, кто лишает нас помощи, приняли меры к охране неприкосно-

венности всех чинов армии и всех жителей занятых большевистскими силами местностей, и всех беженцев, которые пожелали бы вернуться на родину, наконец, всех тех, кто боролся с нами за общее дело и ныне томится в тюрьмах Советской России.

После этого выступления Врангеля члены Военного совета пришли к заключению, что именно такой, а не иной ответ нужно дать великобританскому правительству. Кроме того, на этом же совещании определенно выяснилось, что лицом, которое может выполнить тяжелую и неблагодарную задачу по ликвидации остатков Вооруженных Сил на Юге России, является именно генерал Врангель. Его кандидатура на пост главнокомандующего не встречала возражений, о чем председатель совещания и сообщил в Феодосию генералу Деникину.

Между тем среди некоторых из участников совещания по инициативе Драгомирова был поднят вопрос о том, что постановление Военного совета по поводу английского ультиматума должно быть оформлено в виде соответствующего акта, подписанного всеми участниками совещания.

Такого рода предложение встретило и весьма настойчивые возражения. Начались споры. Одни высказывались за, другие — против.

Мысль о необходимости составления акта нашла энергичного сторонника и в лице Врангеля, который заявил, что, если под зафиксированным постановлением не будет подписей присутствующих на совещании, он уезжает за границу.

— Этот документ необходим для меня и моего сына, — добавил Врангель.

Здесь выступил Сидорин и заявил, что генерал Врангель не менее нас, если не более, ответствен за всё происшедшее, а потому, если вопрос ставится генералом Врангелем в ультимативной форме, он, Сидорин, под этим актом не подпишется.

После обсуждения вопрос о необходимости составления акта был решен в положительном смысле. Документ составлялся, и редактировался, и подписывался членами Военного совета уже во время вечернего совещания...»

В это время между Деникиным и Драгомировым произошел разговор по телеграфу: ««Приехал ли генерал Врангель?» — спросил Деникин. “Приехал”. — “Присутствовал ли генерал Врангель на заседании в 12 часов дня и осведомлен ли он о политической обстановке?” — “Был осведомлен. Сейчас прибыл на совещание, начавшееся в 6 часов вечера”. — “Благословляю генерала Врангеля на его трудный путь”».

Врангель в мемуарах так изложил свою позицию, с которой он выступал на военном совете:

«Со своей стороны я считал совершенно недопустимым выбор нового Главнокомандующего его будущими подчиненными и единственно правильным назначение такового самим генералом Деникиным. Я ознакомил генерала Драгомирова с привезенным мною ультиматумом англичан.

— По тем отрывочным сведениям, которые я имел в Константинополе и которые получил только что от генерала Улагая, и при условии лишения нас всякой помощи со стороны союзников я не вижу возможности продолжать борьбу, — сказал я. — Я прибыл сюда потому, что не счел возможным не разделить с армией ее, быть может, последние часы, и если судьба пошлет мне испытание встать во главе армии, я его приму. Однако я считаю, что при настоящих условиях генерал Деникин не имеет нравственного права оставить то дело, во главе которого он до сих пор стоял. Он должен довести это дело до конца и принять на себя ответственность за всё, что произойдет.

— Решение Главнокомандующего уйти — окончательно. Я убежден, что он его не изменит, — ответил генерал Драгомиров...

— Я полагаю совершенно невозможным скрыть от военного совещания новые обстоятельства, в корне меняющие обстановку.

Я указал на ноту англичан».

По утверждению Врангеля, именно он был инициатором выделения из широкого состава Военного совета группы старших командиров:

«Новый Главнокомандующий, кто бы он ни был, должен с полной определенностью знать, что при этих условиях будут от него требовать его соратники, а последние — что может им обещать новый вождь. Всё это невозможно обсуждать в таком многолюдном собрании, в значительной мере состоящем из мальчиков. Ведь некоторые из нынешних командиров полков в нормальное время были бы только поручиками. Я полагаю, что из состава совета должны быть удалены все лица младше командиров корпусов или равных им по власти.

Генерал Драгомиров со мной охотно согласился. Мы тут же по списку наметили состав этих лиц (старших военачальников. — Б. С.): председатель — генерал от кавалерии Драгомиров, командующий флотом вице-адмирал Герасимов, Донской атаман генерал-лейтенант Богаевский, командующий Донской армией генерал-лейтенант Сидорин, начальник его штаба генерал-лейтенант Келчевский, начальник военного управления генерал-лейтенант Вязьмитинов, комендант Севастопольской крепости генерал-лейтенант Турбин, генерал-

лейтенанты: Шатилов, Боровский, Покровский, Юзефович, Шиллинг, Кутепов, Улагай, Ефимов, Стогов, Топорков, начальник штаба Главнокомандующего генерал-майор Махров, начальник штаба командующего флотом контр-адмирал Евдокимов и я.

Генерал Драгомиров, отпустив прочих участников совещания, просил старших начальников перейти к нему в кабинет. Известие об ультиматуме англичан всех поразило. Значение его в полной мере учитывалось всеми, все были сумрачны и молчаливы. Генерал Драгомиров сообщил присутствующим, что генерал Деникин по-прежнему настаивает на выборе себе преемника. Однако все члены Совета продолжали считать такой порядок разрешения вопроса недопустимым.

Председательствующий предложил следующий выход из положения: старшие начальники в частном совещании выскажут свои предположения и назовут лицо, которое, по их мнению, может в настоящую минуту наиболее успешно выполнить возложенную на него задачу; генерал Драгомиров об этом сообщит генералу Деникину, доложив, что мнение участников совещания не связывает Главнокомандующего в его решении, и еще раз предложит генералу Деникину приказом назначить себе преемника.

Я просил слова и вновь повторил сказанное уже генералу Драгомирову: в настоящих условиях я не вижу возможности рассчитывать на успешное продолжение борьбы. Ультиматум англичан отнимает последние надежды. Нам предстоит испить горькую чашу до дна. При этих условиях генерал Деникин не имеет права оставить армию. Мои слова были встречены грубоватым молчанием. Мне стало ясно, что как самим генералом Деникиным, так и всеми присутствующими вопрос об оставлении Главнокомандующим своего поста уже предрешен.

— Если генерал Деникин всё же оставит армию, — продолжал я, — и на одного из нас выпадет тяжкий крест, то прежде чем принять этот крест, тот, кто его будет нести, должен знать, что от него ожидают те, кто ему этот крест вверили. Повторяю, я лично не представляю себе возможным для нового Главнокомандующего обещать победоносный выход из положения. Самое большее, что можно от него требовать, — это сохранить честь вверенного армии русского знамени. Конечно, общая обстановка мне менее знакома, чем всем присутствующим, а потому я, быть может, преувеличиваю безвыходность нашего положения. Я считаю совершенно необходимым ныне же выяснить этот вопрос.

Все молчали.

Наконец, генерал Махров стал говорить о том, что как бы

безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать — “пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия”.

— Да, Петр Семенович, это так, — ответил генерал Шатилов, — если бы этот шанс был... Но, по-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять и девять в периоде...

Генерал Махров не возражал. (Между прочим, тот шанс на победу, о котором говорил генерал Махров, вскоре удивительным образом представился, но Врангель им не воспользовался. — Б. С.)

Для меня не было сомнения, что выбор участников совещания остановится на мне. Жребий был брошен, я сказал всё, и дальнейшее зависело не от меня. Сославшись на нездоровье, я просил генерала Драгомирова разрешения оставить совещание».

Итак, барон был уверен в своей победе, но лицемерно продолжал настаивать на необходимости пребывания у власти Деникина. Однако груз ответственности был велик. Врангель признавался в мемуарах:

«На душе было невыразимо тяжело. Хотелось быть одному, разобраться с мыслями. Я вышел из дворца и пошел бродить по городу, ища уединения. Я прошел на Исторический бульвар и долго ходил по пустынным аллеям. Тяжелое, гнетущее чувство не проходило. Мне стало казаться, что душевное равновесие не вернется, пока я не получу возможности поделиться с кем-либо всем, что мучило мою душу. Мне вспомнилось посещение мое, в бытность в Севастополе, епископа Севастопольского Вениамина. Это было накануне оставления мною родной земли. Я также тогда переживал тяжелые часы. Теплая, полная искренней задушевности беседа с владыкой облегчила тогда мою душу. Я решил пройти к епископу Вениамину. Последний знал уже о моем приезде и, видимо, мне обрадовался:

— Вы хорошо сделали, что приехали сюда. Господь надумил Вас. Это был Ваш долг, — сказал он. — Я знаю, как тяжело Вам, знаю, какой крест Вы на себя берете. Но Вы не имеете права от этого креста отказываться. Вы должны принести жертву родной вам армии и России. На вас указал промысел Божий устами тех людей, которые верят Вам и готовы Вам вручить свою участь. Еще до Вашего приезда, как только генерал Драгомиров собрал совет, к нему обратился, указывая на Вас, целый ряд русских людей, духовенство православное, католическое и магометанское, целый ряд общественных организаций. Вот у меня копии с двух таких обращений.

Владыка, порывшись в лежащих на столе бумагах, передал мне две из них.

Пока я читал, владыка вышел в соседнюю горницу, откуда вынес икону Божьей Матери, старинного письма в золотой оправе с ризой, расшитой жемчугами. Он подошел ко мне.

— Этой старинной иконой я решил благословить Вас, когда Вы придете сюда на Ваш новый подвиг.

Я преклонил колена. Владыка благословил меня. Тяжелый камень свалился с сердца. На душе просветлело, и я, спокойно решившись покориться судьбе, вернулся в Большой дворец.

На следующем заседании, в шесть часов вечера, старшие начальники единогласно указали на Врангеля как на преемника Деникина.

После первого, полуденного, совещания Драгомиров телеграфировал Деникину: «Военный совет признал невозможным решать вопрос о преемнике Главнокомандующего, считая это прецедентом выборного начальства, и постановил просить Вас единолично указать такового... Несмотря на мои совершенно категорические заявления, что Ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении Вами главного командования, ибо только на Вас полагается и без Вас опасается распада армии; все желали бы Вашего немедленного сюда прибытия для личного председательствования в совете».

Деникин ответил: «Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета генералами Сидориным и Слащевым недопустимым. Требую от Военного совета исполнения своего долга. Иначе Крым и армия будут ввергнуты в анархию». Эта телеграмма открыла для Врангеля «зеленую улицу», несмотря на оппозицию к нему генералов-«добровольцев», которые стояли за сохранение у власти Деникина любой ценой.

Врангель потребовал, чтобы все присутствовавшие на втором совещании старшие начальники подписали продиктованный им акт, содержащий в себе ответ на британскую ноту, своеобразную индульгенцию, заранее отводившую от него все обвинения:

«На заседании старших начальников, выделенных из состава Военного совета, собранного по приказанию Главнокомандующего в Севастополе 22 марта 1920 года, для избрания заместителя генералу Деникину, председателем совета генералом от кавалерии Драгомировым было оглашено ультимативное сообщение Британского Правительства генералу Деникину с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы с тем, чтобы Правительство Короля Великобритании обратилось бы с предложением к Советскому

Правительству об амнистии населению Крыма и в частности войскам Юга России, причем в случае отказа генерала Деникина на это предложение, Британское Правительство категорически отказывается оказывать ему впредь всякую свою поддержку и какую бы то ни было помощь.

При этих условиях совещание выразило желание просить Главнокомандующего о назначении его заместителем генерала Врангеля с тем, чтобы он, приняв на себя главное командование, путем сношения с союзниками добился бы неприкосновенности всем лицам, боровшимся против большевиков, и создал бы наиболее благоприятные условия для личного состава Вооруженных сил Юга России, который не найдет для себя возможным принять обеспечение безопасности от Советского Правительства».

Врангель подписался последним, приписав: «Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения!» Тем самым он как бы скрепил круговой порукой руководителей Белого движения на юге России. Они давали ему карт-бланш как на возобновление военных действий, так и, в случае необходимости, на эвакуацию войск и беженцев за пределы Крыма. Тем самым барон заручился гарантией того, что в случае, если придется уйти из Крыма, это поражение никто не будет ставить ему в вину. Но что еще важнее, Петр Николаевич с помощью данного акта обезопасил себя от любой будущей генеральской фронды и неисполнения приказов, из-за чего так страдал Деникин.

Деникин отдал приказ о назначении Врангеля:

«Приказ

Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России.
Гор. Феодосия № 2899 22 марта 1920 г.

§ 1

Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим вооруженными силами на юге России.

§ 2

Всем честно шедшим со мною в тяжелой борьбе — низкий поклон.

Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин».

И в тот же день в Севастополе Врангель издал свой первый приказ в качестве главнокомандующего:

«Приказ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России.
Гор. Севастополь № 2900 22 марта 1920 г.

Приказом от 22 марта за № 2899 я назначен ген. Деникиным его преемником.

В глубоком сознании ответственности перед Родиной, я становлюсь во главе Вооруженных сил на Юге России.

Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося положения.

Призываю верных сынов России напрячь все силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я делил победы и часы невзгоды, я уверен, что армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье. В этом залог нашего успеха.

С верою в помощь Божью приступим к работе.

Генерал-Лейтенант барон Врангель».

Тогда же, 22 марта (4 апреля), Деникин вместе с Романовским отплыл в Константинополь, а 23-го Романовский, пользовавшийся среди монархически настроенных офицеров совершенно незаслуженной репутацией «социалиста», «либерала» и «масона», в здании русского посольства был застрелен ярым монархистом, контрразведчиком Вооруженных сил Юга России, поручиком Мстиславом Алексеевичем Харузиным, сотрудником Константинопольского информационного отделения Отдела пропаганды и переводчиком с восточных языков. Вконец расстроенный этим известием, генерал Деникин на следующий же день с женой и дочерью отправился из Турции на британском броненосце «Мальборо» в Англию. Убийца, являвшийся членом тайной монархической организации, но действовавший в одиночку, так и не был найден. Вскоре после гибели Романовского Харузин был послан врангелевским правительством в командировку в армию Кемаль-паши, с которой главнокомандующий хотел установить контакты, и погиб там при невыясненных обстоятельствах. Барон осудил убийство Романовского и отрешил от должности военного агента в Константинополе генерала Агапеева, не обеспечившего должную охрану генералов Деникина и Романовского. Либеральные газеты обвиняли Врангеля в причастности к убийству Романовского, хотя для этого и не было никаких серьезных оснований.

Но вот в своих мемуарах в связи с убийством Романовского Петр Николаевич не жалел черной краски и для Деникина, и для покойного начальника его штаба. Врангель утверждал:

«Напуганная убийством генерала Романовского, боявшаяся за участь мужа, жена генерала Деникина обратилась к прибывшему одновременно с ним в Константинополь генералу Хольману с просьбой прислать для защиты мужа английские войска. Обязанности российского дипломатического представителя исполнял русский консул Якимов, заменявший давно назначенного, но все еще не прибывшего к месту назначения

поверенного в делах Щербатского. Якимов заявил английским властям протест против нарушения экстерриториальности посольства. Генерал Агапеев просил генерала Деникина снестись с генералом Хольманом и не допустить оскорбительного для русского достоинства ввода в посольство английских солдат. Всё оказалось тщетным. Генерал Деникин не выполнил просьбы генерала Агапеева. Англичане заявили, что бывший Главнокомандующий находится под их покровительством и они не могут отказать ему в защите.

“С моей стороны, — писал генерал Агапеев, — вслед за вводом английской полиции была сделана попытка напомнить генералу Деникину, что на нем как на бывшем Главнокомандующем В. С. Ю. Р. лежат некоторые нравственные обязанности в вопросе о поддержании достоинства России, причем я начал разговор с ним о наглой выходке генерала Хольмана и как я на нее реагировал, но генерал Деникин, не дав договорить мне, резко оборвал меня, встал и тоном, не допускавшим возражений, сказал: ‘Ваше превосходительство. Зачем вы мне это говорите...’ То напоминание, которое я сделал, было, конечно, неприятно генералу Деникину; я полагаю, он принял решение, сознавая, что оно несовместимо с престижем той идеи, которой он служил, но не желая, чтобы это сознавали другие. Так как попытка моя потерпела полное крушение, то мне ничего не оставалось больше как повернуться и уйти”.

Посольство было занято гуркосами*. Генерал Деникин, даже на панихиде присутствовал, окруженный ими. На другой день, накануне похорон своего соратника и друга, генерал Деникин выехал в Англию. После его отъезда английским командованием было выпущено объявление с предупреждением, что если виновники убийства не будут обнаружены, то все русские офицеры будут выселены из района Константинополя. (На убитом генерале Романовском в боковом кармане кителя оказалось перлюстрированное письмо генерала Шатилова к генералу Науменко. Письмо было частное, касавшееся личных вопросов — просьбы устроить службу одному лицу.)

Необходимо было оградить престиж русского имени. Я отдал приказ об отчислении генерала Агапеева и г-на Щербатского как не принявших достаточных мер по охране генерала Деникина и прибывших с ним лиц, “следствием чего явилось убийство в Константинополе генерала Романовского и ввод в Русское посольство английских войск”. В частном письме ге-

* Гуркосы (гуркхи) — британские колониальные войска, набиравшиеся из непальских добровольцев, отличающихся храбростью, преданностью и выносливостью.

нералу Агапееву я изложил ему мои соображения и просил не сетовать на меня, ибо я вынужден поступить так, дабы избежать в дальнейшем возможности повторения со стороны англичан новых бестактностей. Я принял меры, чтобы приказ мой стал известен представителям союзного командования. Приказ возымел действие, и через несколько дней вывешенные в Константинополе объявления английских властей были сняты, а начавшиеся было против русских мелкие репрессии совершенно прекратились».

И на этот раз личные обиды у барона берут верх. Зачем было напоминать пикантную подробность о перлюстрированном письме, обнаруженном на убитом, тем более что сам текст письма никакого значения не имел, а о факте перлюстрации ОСВАГом переписки высших военачальников Врангель и так неоднократно упоминал в своих мемуарах? Зачем было еще раз в мемуарах бить поверженного Деникина, уже давно не являвшегося соперником Врангеля и не игравшего сколько-нибудь активной роли в эмиграции, обвиняя его в будто бы проявленной трусости? Врангель ведь знал, в каком состоянии в то время находился Антон Иванович, потеряв лучшего друга. Деникин писал в мемуарах:

«Раскрылась дверь, и в ней появился бледный как смерть полковник Энгельгардт:

— Ваше превосходительство, генерал Романовский убит.

Этот удар доконал меня. Сознание помутнело, и силы оставили меня — первый раз в жизни».

Мог ли он в этот момент думать о русском престиже и об уместности ввода английского отряда на территорию российского консульства?

Кроме того, Врангель прямо говорит о том, что отстранил генерал-лейтенанта В. П. Агапеева от должности военного агента не столько из-за халатности, проявленной в деле организации охраны Романовского, сколько из-за того, что тот допустил ввод английских войск на территорию консульства. И тут же Петр Николаевич намекает, что соответствующий приказ был издан в первую очередь затем, чтобы впредь избежать этого. Не были даже организованы поиски покушавшегося, хотя найти его было не так уж трудно. Ведь убийца хорошо ориентировался на территории консульства, что свидетельствовало о том, что он имел туда беспрепятственный вход и неоднократно бывал там. Не исключено, что те, кто подозревал Харузину в убийстве, намеренно сплавили его в Анатолию, чтобы не привлекать излишнего внимания к его персоне. Гибель Харузина устроила всех.

В мемуарах Петр Николаевич нарисовал безрадостную кар-

тину того наследства, которое оставил ему Деникин: «Неумелая финансовая политика, упорный отказ генерала Деникина от использования для привлечения иностранного капитала громадных естественных богатств юга России, несовершенство налогового аппарата приводили к тому, что вся финансовая система сводилась к печатанию денежных знаков. Однако новые и новые эмиссии не могли удовлетворить денежной потребности, непрерывно возраставшей по мере обесценения денежных знаков бесконечными их выпусками. При отходе в Крым из четырех экспедиций заготовления государственных бумаг три были частью вывезены и бездействовали, частью погибли. Оставшаяся в Феодосии экспедиция не успевала печатать. С утерей нами всего юга России и оставления нас нашими союзниками и без того незначительные суммы, находящиеся в банках и на руках финансовых агентов главного командования за границей, не могли считаться прочно обеспеченными от захвата многочисленными кредиторами».

Врангель, в отличие от Деникина, готов был привлекать иностранный капитал — точнее, возвращать иностранным собственникам то, что у них отняли большевики. Например, в не столь далеком от Крыма Донбассе еще до Первой мировой войны преобладали французские, британские и бельгийские капиталовложения. По нынешним меркам, ничего страшного в наличии иностранного участия в экономике страны нет; наоборот, иностранные инвестиции (по крайней мере, в реальный сектор экономики) обычно только приветствуются. Это советская пропаганда, а потом перебежавший на сторону красных Слащев обвиняли Врангеля в намерении продать Россию французским и британским капиталистам. Даже Деникину в период наибольших успехов, когда его армии шли на Москву, какие иностранные компании предоставили бы кредиты под залог собственности на юге России?

У Врангеля же шансов предложить концессию иностранцам не было никаких. В Крыму не имелось сколько-нибудь привлекательных объектов для инвестиций, особенно учитывая хронический дефицит продовольствия и воды. А на остальной территории России какие-либо концессии были бы возможны только в том случае, если бы правительство Врангеля смогло выиграть Гражданскую войну и утвердиться в качестве общероссийской власти. Но такой вариант весной 1920 года не рассматривал всерьез и сам Врангель. Альтернативой могло бы стать формирование мини-государства белых на юге России в составе, допустим, Северной Таврии, Крыма, Кубани, Дона и Донбасса. Однако шансы на это были столь же призрачными, как и на то, что врангелевцы возьмут Москву.

Даже если бы в какой-то момент Русская армия смогла бы занять все перечисленные территории, то удержать столь растянутый фронт для нее не было никакой возможности, хотя бы из-за ее малочисленности.

Врангель в мемуарах продолжал подводить неутешительные итоги правления Деникина: «На довольствии в армии состояло более 150 000 ртов, но из этого числа лишь около одной шестой могли почитаться боевым элементом, остальную часть составляли раненые, больные, инвалиды разных категорий, воспитанники кадетских корпусов и военных училищ, громадное число чинов резерва, в большинстве случаев престарелых, чинов многочисленных тыловых учреждений.

Крым местными средствами был беден и в мирное время он жил за счет богатой Северной Таврии; теперь же с населением, в значительной степени возросшим, с расстроенным долгими годами германской и гражданской войны хозяйственным аппаратом он не мог прокормить население и армию. В городах южного побережья: Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи, благодаря трудному подвозу с севера, хлеба уже не хватало. Цены на хлеб беспрерывно росли. Не хватало совершенно и необходимых жиров. Не было угля, и не только флот, но и железнодорожный транспорт были под угрозой.

Огромные запасы обмундирования и снаряжения были брошены на юге России, и раздетую и в значительной части безоружную армию нечем было снабжать. Винтовок было в обрез, пулеметов и орудий не хватало, почти все танки, броневые машины и аэропланы были оставлены в руках противника. Немногие сохранившиеся боевые машины не могли быть использованы за полным отсутствием бензина. Огнеприпасов, особенно артиллерийских снарядов, могло хватить лишь на короткое время.

Уцелевшие орудия нечем было запрячь. Конница осталась без лошадей, и единственной конной частью была вторая конная дивизия генерала Морозова (около 2000 шашек), входившая в состав отошедшего в Крым с севера сухим путем корпуса генерала Слащева. Кроме этого корпуса, все отошедшие в Крым войска лишились своих обозов. В бедном коневыми средствами Крыму недостаток конского состава не представлялось возможным пополнить, особенно при наступавшем времени весенних полевых работ».

Материальная разруха сопровождалась, а часто и усиливалась разложением армии. Врангель рисует удручающие картины моральной деградации:

«Войска за многомесячное беспорядочное отступление вышли из рук начальников. Пьянство, самоуправство, грабежи и

даже убийства стали обычным явлением в местах стоянок большинства частей.

Развал достиг и верхов армии. Политиканствовали, интриговали, разводили недостойные дрязги и происки. Благогатная почва открывала широкое поле деятельности крупным и мелким авантюристам. Особенно шумели оставшиеся за бортом, снедаемые неудовлетворенным честолюбием, выдвинувшиеся не по заслугам генералы: бывший командующий Кавказской армией генерал Покровский, генерал Боровский, сподвижник грабительского набега генерала Мамонтова, его начальник штаба, генерал Постовский. Вокруг них собиралась шайка всевозможных проходимцев, бывших чинов многочисленных контрразведок, секретного отдела Освага и т. п.

Среди высшего командования донцов также было неблагополучно. Генерал Сидорин и генерал Келчевский, окончательно порвав с “добровольцами”, вели свою самостоятельную казачью политику, ища поддержки у “демократического” казачества.

Генерал Слащев, бывший полновластный властитель Крыма, с переходом Ставки в Феодосию оставался во главе своего корпуса. Генерал Шиллинг был отчислен в распоряжение Главнокомандующего. Хороший строевой офицер, генерал Слащев, имея сборные случайные войска, отлично справлялся со своей задачей. С горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым. Однако полная, вне всякого контроля, самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере общего развала окончательно запутался. Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влиять на общую политическую работу, засыпал Ставку всевозможными проектами и предположениями, одно другого сумбурнее, настаивал на смене целого ряда других начальников, требовал привлечения к работе казавшихся ему выдающимися лиц».

Возможно, эта характеристика Слащева навеяна конфликтом с ним. А в тот момент, когда Врангель только-только взял власть, он нашел в Слащеве, командире единственного боеспособного корпуса на полуострове, союзника против слишком «левых», с точки зрения обоих, офицеров Добровольческого корпуса и «казачьего сепаратизма». Вечером 22 марта отбывший на фронт Слащев телеграфировал Врангелю, что считает его положение в Севастополе опасным, и просил разрешения прибыть с бронепоездом и отрядом своих войск для

охраны нового главнокомандующего. Врангель ответил, что в охране не нуждается, прибытие войск и бронепоезда считает излишним, а вот самого генерала всегда рад видеть.

Бывший офицер Добровольческой армии В. Дружинин вспоминал:

«В это время генерал Слащев был героем Крыма. Его все боялись и уважали. Только благодаря его самообладанию Крым был спасен от красных и принял тысячи добровольцев и беженцев из Новороссийска, Туапсе и Грузии. Слащев отдавал свои знаменитые, пародии на суворовские, приказы, и все им восхищались. Так, например, по случаю сдачи Перекопа в начале марта 1920 года он написал приказ: “Кто отдавал приказание сдать Перекоп? Перекоп завтра взять! Слащев”.

Его приказы были злобой дня. Даже барышни и те цитировали его приказы. Генерал Слащев был грозой тыла и любимцем фронта. Где появлялся он, там был обеспечен успех. Многие утверждали, что он ненормальный и только кокаин дает ему энергию. Появлялся он в роскошной казачьей форме...

Перед вечером мы пошли на вокзал по Екатерининской улице, встретили нашу хозяйственную часть, которая следовала по железной дороге. На трамвайных столбах мы увидели трех повешенных... Один офицер и два солдата. Повешены они были в форме. У каждого из них в руках был лист бумаги, на котором синим карандашом было написано: “За грабеж мирного населения. Слащев”. Толпа собиралась около этих повешенных. Некоторые одобряли Слащева:

— Жестоко, но зато показательней.

Другие упрекали Слащева, говоря, что это действует на молодое поколение. Эти трупы висели три дня. Слащев не церемонился. В это время в Крыму было одно наказание — через повешение. Оно вполне понятно. Из Новороссийска прибыла деморализованная толпа, которую нужно было сразу заставить опомниться. Боязнь смерти веяла над всеми, и поэтому точно исполняли приказы Слащева».

Слащев наводил порядок в тылу не менее беспощадно, чем Врангель.

Слащев прибыл в Севастополь 24 марта. На Врангеля он произвел неприятное впечатление. Тот писал в мемуарах: «После нашего последнего свидания он еще более осунулся и обрюзг. Его фантастический костюм, громкий нервный смех и беспорядочный отрывистый разговор производили тягостное впечатление. Я выразил ему восхищение перед выполненной им трудной задачей по удержанию Крыма и высказал уверенность, что под защитой его войск я буду иметь возможность привести армию в порядок и наладить тыл. Затем я ознакомил

его с последними решениями Военного совета. Генерал Слащев ответил, что с решением совета он полностью согласен, и просил верить, что его части выполняют свой долг. Он имел основание ожидать в ближайшие дни наступления противника. Я вкратце ознакомил его с намечаемой операцией по овладению выходами из Крыма... Он считал необходимым в ближайшие же дни широко оповестить войска и население о взглядах нового Главнокомандующего на вопросы внутренней и внешней политики.

Неопределенная за последнее время, неустойчивая политика генерала Деникина, в связи с широко развившейся пропагандой враждебных нашему делу групп, окончательно сбילה с толку всех. Необходимо было ясно и определенно дать ответ на наиболее жгучие вопросы, вырвать из рук наших врагов козыри их политической игры. Без этого нам не вдохнуть в войска утерянную веру в правоту нашего дела и не вернуть доверия населения. С этим нельзя было не согласиться.

Тут же генерал Слащев стал жаловаться на “левизну” начальника штаба и его ближайших помощников, на несоответствие целого ряда старших начальников добровольческих частей, которые якобы “совсем ненадежны”, что его корпус, во главе с ним самим, единственно верные мне части и что он имеет сведения о том, что в Севастополе старшие чины Добровольческого корпуса “подготавливают переворот”, чем и вызвана была его телеграмма накануне. Я поспешил прекратить разговор, предложив генералу Слащеву съехать со мной на берег, чтобы повидать прибывших с ним людей его конвоя.

На Нахимовской площади был выстроен полуэскадрон. Я поздоровался с людьми, благодарил их за славную службу и объявил, что в ознаменование заслуг славных войск, отстоявших последнюю пядь родной земли, произвожу их начальника генерала Слащева в генерал-лейтенанты, а его начальника штаба в генерал-майоры. Генерал Слащев отбыл на фронт».

Пожалование Слащеву генерал-лейтенантского чина было не только наградой за героическую оборону Крыма, но и своеобразной платой за поддержку кандидатуры Врангеля, тогда как генералы-«добровольцы» пытались сохранить у власти Деникина. Но их идиллия длилась недолго. Очень скоро стало проявляться своеволие Слащева, у них с Врангелем появились разногласия по вопросам стратегии и политики. Главное же, Петр Николаевич опасался популярности Слащева в войсках, его честолюбивых амбиций некоронованного властителя Крыма, каким Яков Александрович фактически был в период панического отступления белых армий на Северном Кавказе, а также его неуравновешенности и злоупотребления спирит-

ным и кокаином. Врангель тоже недолюбливал добровольцев и «левых», но прекрасно понимал, что сейчас для борьбы годится любой союзник, а уж тем более закаленные в боях ветераны Белого движения. Петр Николаевич был неплохим дипломатом и умел скрывать свои чувства и истинные взгляды. Так, он оставил начальником штаба генерала Махрова и генерал-квартирмейстерами полковников Коновалова и Дормана. Хотя многие во врангелевском окружении подозревали этих троих в «либерализме», Петр Николаевич ценил их как дельных, опытных работников.

Но Слащев не успокоился. 5 апреля 1920 года он подал Врангелю рапорт-донос на генералов — участников Военного совета:

«Секретно в собственные руки.

Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России.

I. Мне известно, что многочисленные штабы бывшего главнокомандующего и командвойска не вполне уясняют себе сложность переживаемого времени, не понимают современного курса политики и условий новой работы. Замечается перегруженность канцелярий, многочисленность проектов, комиссий, предположений о ломке всего того, что, может быть, и худо, но способствовало удержанию Крыма (внешне и внутренне).

Всё это сказалось:

1. Печать, идущая на помощь фронту, остается без бумаги либо болтается из стороны в сторону.

2. Интриги вызывают самые дикие слухи, а причиной этому — нежелание некоторых лиц, делающих вид, что хотят создать что-то новое, расстаться со старыми местами. (Разрушается моя контрразведка, намечаются новые газеты, когда не хватает бумаги для старых, а мне не высылают орудий и автомобилей.)

Интриги на маленькой территории Крыма невероятно растут. Борьба идет с коренными защитниками фронта, до меня включительно, вторгаясь даже в мою частную жизнь (спирт, кокаин).

II. Сейчас в Вашем штабе остались лица Керенского направления с добавлением невероятного себялюбия, к этому присоединяется карьеризм и переменчивость взглядов некоторых старших начальников.

1. Утверждаю, что генералы Кутепов и Витковский на Военном совете (уход генерала Деникина) во всеуслышание, в присутствии командиров полков заявили, что если генерал Деникин уйдет, то они служить не смогут, и провозгласили

ему “ура”. Это заявление и “ура” на заседании государственной важности было настолько возмутительным, что считал своим долгом встать и спросить: “чему мы служим — Родине или лицам”. — Ответа не было. Сорвав заседание, я приказал отцепить вагон генерала Кутепова от своего поезда. (Войск и пулеметов около вагона заседания и моего вагона было так много, что противник испугался бы.)

2. Генерал Махров и полковник Коновалов портят всё дело и подрывают обаяние Вашего имени проведением на государственных должностях “лиц”, подобных Оболенскому. От Вашего имени посылают телеграмму о возложении всей ответственности за предпринятый мною бой на меня, чем могли бы сорвать операцию. Бронепоезда задерживаются в тылу, мои настойчивые требования не исполняются, а сегодня их прислали без паровозов. Сменяются лица, работавшие на совесть в тылу для фронта (доктор Вейс). Отменяются отданные мною приказания (комиссия осмотра тыла № 5464), чем подрываются нервы, и так натянутые у всех фронтовых, до меня включительно. (Ведь комиссия была создана по просьбе фронтовых — отменил доктор Артемьев.)

III. Для спасения Родины и по долгу службы настойчиво осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Превосходительством:

1. Пресечь попытки разных лиц и партий провести у меня на фронте перемену личного состава, работой которого я был доволен.

2. Поддержать старую печать (по Вашему указанию). Открывающиеся новые газеты вызовут осложнения.

3. Объявить себя диктатором (неограниченным правителем) без флера, а ясно для всех (для народа).

4. Дать немедленно крестьянам землю (за плату хлебом), а рабочим хлеб за труд.

5. Под благовидным предлогом устранить генералов Кутепова, Витковского, Махрова, полковника Коновалова, доктора Артемьева, хотя бы на должности, где интриги их будут бессильны.

6. Вернуть доктора Вейса на пользу фронта.

IV. Я взял на себя смелость подать Вам этот рапорт, потому что не могу работать в создавшейся обстановке (ведь на телеграмму генерала Деникина я ответил донесением, что оборону Крыма ставлю для себя вопросом не только долга, но и чести).

Слово свое сдержал.

Честь свою я сохранил и тогда, когда уходил генерал Деникин.

Вы это знаете.

Но сейчас, если не изменится обстановка, ручаться за фронт не могу. Интриги разложат фронт.

Поэтому умоляю при Вашем несогласии с моим докладом снять с меня ответственность за оборону Крыма, так как уйти из армии в тяжелый момент не могу, назначьте меня туда, куда найдете нужным, хотя бы рядовым — я сделаю всё, чтобы не повредить делу и не запятнать своей чести.

Прошу этому верить.

V. Подаю этот рапорт Вам, в собственные руки, но ходатайствую, если найдете нужным, прочесть лицам по Вашему усмотрению.

Слащев».

Этот и другие рапорты Слащева Врангель в мемуарах называл «сумасбродными».

По словам Слащева, «единственным ответом на его рапорт была телеграмма главкома: “Приказ о земельной реформе в том духе, как вы высказываете пожелание, готовится и будет опубликован на днях. Врангель”». Как мы увидим далее, врангелевский закон все-таки отличался от того, что предлагал Слащев. Плата хлебом — это скорее налог на землю, а не выкуп земли. Если бы такой же налог платили и помещики с оставшейся у них земли, он бы уж точно не воспринимался крестьянами как выкуп и заставил бы их поверить власти. А врангелевский закон предусматривал именно выкуп земли крестьянами у помещиков, растянутый на 25 лет, причем ежегодные платежи были далеко не символическими.

Что касается требований Слащева уволить слишком «либеральных» генералов, то Врангель вел более разумную кадровую политику, оценивая своих военных и гражданских сотрудников не по их политической репутации и тем более не по слухам, которые ходили о них в обществе, а по их действительным боевым и деловым качествам и готовности продолжать борьбу с большевиками.

В отношении же того, что Слащев был человеком чести... Как мы увидим в следующей главе, Яков Александрович счел обиду на Врангеля и на союзников, предавших, как он думал, Белое дело, достаточным основанием, чтобы перейти на службу к большевикам, взгляды которых он никогда не разделял. Вряд ли так может поступать человек чести, тем более что в основе поступка Слащева лежали вполне меркантильные соображения: он наивно рассчитывал, что ему удастся сделать карьеру в Красной армии, что он получит под свое командование корпус, как и в Русской армии Врангеля. А получил он пулю в лоб.

Н. Е. Какурин считал, что во внешней политике Врангель являлся типичным авантюристом, готовым ради борьбы с

большевиками пойти на союз с кем угодно. Что же касается политики внутренней, то, по мнению историка, Врангель, «опираясь на кучку реакционных сановников старого режима, стремился делать “левую политику правыми руками”. На практике это повело к обману народных масс рядом ничего им не дающих обещаний».

Например, в области земельных отношений «допускался переход помещичьей земли в собственность крестьян, но за выкуп, срок которого растягивался на 25 лет. В отношении рабочего класса правительство и администрация Врангеля отличались ожесточенной борьбой против рабочих организаций и профессионального движения. Наконец, в области административной практики правление генерала Врангеля знаменовалось произволом и насилиями разного рода чиновников и комендантов над местным населением».

«Таким образом, — резюмировал Какурин, — новая власть, сохранив все отрицательные черты прежнего правительства генерала Деникина, довела их до крайней степени своего выражения. Поэтому отношение местного населения, особенно крестьянства, к этой власти было резко отрицательным, что и выразилось в поголовном уклонении крестьянства от мобилизаций, когда Врангель систему добровольчества в старой “добровольческой” — ныне названной им “русской” — армии пытался заменить системой обязательной воинской повинности. При отрицательном отношении к власти широких слоев населения ей приходилось рассчитывать только на те штыки, которые ее выдвинули и поддерживали». Армия же, по его мнению, в течение Гражданской войны переродилась в совершенно обособленный военный организм, в ремесленников, сражавшихся уже не во имя идеи, а ради наживы, которая являлась для них побудительной причиной к продолжению войны: «Превращаясь в армию профессиональных наемников, Добровольческая армия быстро усваивала все отрицательные черты наемных войск; ее дисциплина была своеобразная, в ней установилась не юридически, но фактически система выборного начала не только в отношении низших, но и высших начальников. Те и другие, чтобы не утратить своей популярности в войсках, должны были закрывать глаза на грабежи и насилия войск. Высшее командование, в лице отдельных генералов, вело между собою ожесточенную борьбу за первенство. Первой задачей генерала Врангеля в области военной явилось окончательное подавление самостоятельности и оппозиционных настроений в казачьих войсках, что выразилось в устранении от командования Донской армией генерала Сидорина как опасного конкурента и в предании его суду».

Полковник царской армии Н. Е. Какурин, в 1920 году перешедший на сторону красных (в 1936-м он умер в тюрьме), к Врангелю должен был питать искреннюю ненависть. Ведь барон остался верным присяге до конца и боролся с большевиками, тогда как Николай Евгеньевич пошел к ним в услужение. Поэтому он стремился всячески очернить Врангеля, обвинял его в реакционности и авантюризме. На самом деле барон Врангель оказался единственным настоящим политиком среди всех белых генералов и адмиралов. Лишь он предложил цельную политическую программу. Лишь он смог принять и до некоторой степени провести в жизнь законы о земле и о местной администрации. Наконец, только ему удалось навести в тылу относительный порядок, добиться того, чтобы войска на передовой были хотя бы минимально обеспечены боеприпасами и продовольствием и не занимались массовыми грабежами. Деникин, как мы помним, не мог похвастаться и этим. И еще хуже было положение у Верховного правителя России адмирала Колчака, которому так и не удалось создать сколько-нибудь эффективной гражданской администрации и боеспособной армии. Александр Васильевич был талантливым флотоводцем и полярным исследователем, глубоко порядочным и честным человеком. Но он ничего не понимал ни в политике, ни в сухопутной войне, ни в организации армии. Трагедия Колчака — это трагедия человека, оказавшегося не на своем месте и не в свое время и принесшего Белому делу лишь вред.

Про Врангеля так не скажешь. Наоборот, из всех оказавшихся весной 1920 года в Крыму белых генералов Петр Николаевич лучше всего подходил на роль главнокомандующего и военного диктатора. Ведь он смог продлить белую борьбу еще на семь месяцев, преодолев хаос и почти полное разложение Вооруженных сил Юга России.

И внешняя политика Врангеля отнюдь не была авантюристической. Наоборот, он, всячески добиваясь помощи от Франции, стремился как можно дольше сохранить дружественные отношения с Англией, не отвергая идею переговоров с Советской Россией, но настаивая, чтобы переговоры эти вела английская дипломатия и чтобы врангелевская администрация рассматривалась как равноправная с Советской Россией сторона для заключения перемирия.

Врангель направил ответ на британскую ноту:

«Телеграмма адмиралу де Робек, в Константинополь, отправленная из Севастополя 22 марта (4 апреля) 1920 года.

Приказом генерала Деникина я назначен Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России и вступил в ис-

полнение моих обязанностей. Категорическое требование Великобританского Правительства прекратить борьбу ставит мою армию в невозможность продолжать таковую. Возлагая на Великобританское Правительство всю нравственную ответственность за принятое им решение и совершенно исключая возможность непосредственных переговоров с врагом, я отдаю участь армии, флота и населения занятых нами областей, а также всех тех, кто участвовал с нами в настоящей борьбе, на справедливое решение Великобританского Правительства.

Я считаю, что долг чести тех, кто лишает своей помощи в самый решительный час армию юга России, оставшуюся неизменно верной общему делу союзников, обязывает их принять все меры к обеспечению неприкосновенности армии, населения занятых областей, а также тех лиц, которые не пожелали бы вернуться в Россию и, наконец, тех, кто боролся против большевиков и ныне томится в тюрьмах Советской России.

Я имею право требовать от моих подчиненных жертвовать жизнью для спасения отечества, но я не могу требовать от тех, кто считает для себя постыдным принять пощаду от врага, воспользоваться ею.

При этих условиях я нахожу необходимым, чтобы та возможность, которую Британское Правительство предлагает Главнокомандующему и его главным сотрудникам, найти приют вне России, была бы предоставлена в одинаковой степени всем тем, кто предпочел бы оставление своей Родины принятию пощады от врага.

Я готов согласиться на самые тяжелые условия для существования за границей этих лиц, чем обеспечилось бы, что этой возможностью воспользуются только те, кому совесть не допускает воспользоваться милостью врага.

Само собой разумеется, что во главе этих лиц я прошу считать меня самого.

Возможно быстрое разрешение вопроса о перемирии и его осуществление является необходимым.

Переговоры могли бы быть возложены на представителей английского командования, находящихся здесь.

Для спокойного разрешения вопросов, связанных с прекращением военных действий и ликвидацией военных и гражданских учреждений в связи с передачей Крыма Советскому Правительству, необходимо предоставить мне не менее двух месяцев, от дня завершения переговоров.

В течение этого времени союзники должны продолжать снабжать армию и население занятых областей всем необходимым.

Врангель».

Из этого документа видно, что во внешней политике вообще и в отношениях с Англией в частности главной целью Врангеля в первые недели пребывания у власти было потянуть время. Ему надо было любой ценой сохранить британскую помощь, хотя бы на тот период, пока не начались поставки из Франции. Большие надежды Петр Николаевич связывал с предстоящей советско-польской войной. В мемуарах он подчеркивал, что в то время отношения большевиков с поляками окончательно испортились и со дня на день можно было ожидать возобновления борьбы: «Туда были переброшены освобожденные после разгрома армии генерала Деникина красные части, за исключением незначительного числа войск, оставленных для преследования окончательно деморализованных, потерявших всякую боеспособность, прижатых к Черному морю казаков». Если бы этой войны не случилось, белый Крым мог быть раздавлен в считанные дни. Пока же, до начала крупномасштабного военного столкновения Москвы и Варшавы, необходимо было убедить англичан, что белые готовы на переговоры с большевиками, но только при их посредничестве; что во время ведения переговоров и даже пару месяцев после их завершения армия Врангеля и беженцы будут остро нуждаться в британской помощи. Возлагая на Лондон ответственность за судьбу остатков Вооруженных сил Юга России и беженцев, барон надеялся, что британское правительство, столкнувшись с перспективой разместить сотни тысяч беженцев, укрепит в мысли, что лучше попытаться сохранить Крым как антибольшевистский анклав, предоставив его защитникам достаточно оружия для обороны. Парадоксально, но, по крайней мере на первом этапе советско-польской войны, Врангель был больше заинтересован в успехах большевиков, а не Пилсудского, поскольку угроза мировой революции должна была подтолкнуть Лондон и Париж к помощи Врангелю, чтобы он смог отвлечь как можно больше советских сил с Польского фронта. Успехи же поляков, а тем более быстрое заключение на их фоне компромиссного советско-польского мира было бы худшим сценарием для армии Врангеля. В этом случае у Англии и Франции не осталось бы никакой заинтересованности в поддержке «крымских сидельцев».

Врангель также достаточно далеко ушел — по крайней мере, на словах — от лозунга «Единая и неделимая Россия», которого слепо придерживался Деникин. Его преемник готов был предоставить самое широкое самоуправление казачьим областям, размышлял о возможности дарования автономии и украинским землям. Если бы при Деникине казакам была бы официально предоставлена автономия, быть может, удалось

бы избежать печальных событий, связанных с фактическим разгоном Кубанской рады. Но здесь, в Крыму, этих уступок было уже недостаточно, что подтвердило вызывающее поведение атамана Букретова в ответ на попытки Врангеля восстановить отношения с казаками. Этот инцидент описал Раковский:

«К началу апреля в Севастополе собрались атаманы всех казачьих войск: генерал Богаевский от Дона, генерал Букретов от Кубани и генерал Вдовенко от Терека. Ввиду необходимости так или иначе урегулировать вопрос о взаимоотношениях нового военного командования с казаками и принять те или иные меры в отношении войск, находившихся на восточном побережье Черного моря, под председательством генерала Врангеля состоялось несколько совещаний, в которых кроме атаманов принимали участие помощник главнокомандующего Шатилов, командующий Кубанской армией Улагай, управляющий морским ведомством адмирал Герасимов, Стариков и другие...

Когда принципиально был разрешен вопрос о донцах, Букретову был также поставлен вопрос, согласен ли он на перевозку кубанцев. Кубанский атаман ответил, что по этому поводу он опросит казаков.

— Но это митинг! — возмутился Врангель.

— Не забывайте, что я выборный атаман, — ответил Букретов. — Я не могу поступать против желания казаков.

В конце концов Букретов резко и определенно заявил Врангелю:

— Как атаман я говорю вам, что ни одного кубанского казака в Крым не перевезу, ибо кубанские казаки были в Добровольческой армии пасынками, и я не желаю, чтобы так было и в дальнейшем.

Заявление Букретова, о желании которого стать во главе Кубанской армии было определенно известно главному командованию, произвело на Врангеля и присутствующих сильное впечатление. Врангель не доверял Букретову, и его опасения нашли как бы подтверждение в поведении кубанского атамана.

После категорического заявления Букретова, естественно, возник вопрос, в какой мере желательно дальнейшее присутствие его на совещании и вообще в Крыму.

— Можете уходить, — заявил Врангель Букретову, — но из Крыма вы не выедете.

Здесь же, в присутствии кубанского атамана, Врангель отдал управляющему морским отделом адмиралу Герасимову распоряжение о том, чтобы ни под каким видом не перевозить на восточное побережье Черного моря Букретова.

— Значит, вы меня арестовываете? — взволнованно спросил Букретов.

— Да, арестовываю, — ответил главнокомандующий. Букретов тогда ушел к себе в гостиницу. На участников совещания эта сцена произвела весьма тяжелое впечатление.

— Атаман является лицом неприкосновенным, — осторожно указал Врангелю его помощник Шатилов.

В том же духе высказались донской и терский атаманы, которые, ссылаясь на краевые конституции, заявили, что атаман нельзя подвергать аресту.

— Что же мне с ним делать? — с недоумением спросил Врангель. — Я убежден, что он погубит Кубанскую армию и сдаст ее большевикам...

Однако в конце концов Врангель решил не разрывать с Букретовым и даже согласился назначить его командующим Кубанской армией. Тогда Шатилов во время заседания поехал к Букретову и привез его обратно. Врангель извинился перед кубанским атаманом за свою горячность.

— Если хотите, — закончил он, — то назначаю вас командующим Кубанской армией. Поезжайте с Богом к себе обратно.

Улагай, таким образом, перестал быть командующим армией, и все генералы, находившиеся в оппозиции к Букретову — Науменко, Бабиев, Муравьев и другие, — стали отчисляться от своих должностей и переезжать в Крым».

На совещании главнокомандующего с казачьими атаманами 2 апреля было достигнуто соглашение: Врангель объединял в своих руках всю полноту военной и гражданской власти без каких бы то ни было ограничений. Он стал именоваться главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (с 28 апреля — Русской армией) и правителем Юга России. В отношении казачьих вооруженных сил главнокомандующий являлся высшим военным начальником, обладающим всей полнотой власти по вопросам, связанным с ведением военных действий. Что же касается внутреннего гражданского устройства, казачьи войска и области должны были пользоваться полной автономией. Все сношения с правительствами иностранных государств должны были предприниматься казачьими органами только по соглашению с главным командованием. В свою очередь, главнокомандующий при сношении с иностранными правительствами по всем вопросам, касающимся казачьих областей, предварительно должен был ставить в известность казачьих атаманов.

Таким образом, бросается в глаза, что в тот момент Врангель еще не определился, как лучше управлять кубанцами — с помощью кнута или пряника. Вероятно, барон решил, что пряник

в долгосрочной перспективе лучше. Он отпустил Букретова к остаткам Кубанской армии в районе Сочи, вероятно, уже не надеясь, что сколько-нибудь значительное число кубанцев удастся доставить в Крым и заставить продолжать войну с красными — настолько они к тому времени были деморализованы. Поэтому-то Врангель и согласился с требованием войскового атамана об увольнении нескольких генералов, которые готовы были продолжать борьбу, и об их эвакуации в Крым.

В своих мемуарах Врангель делает существенное дополнение к рассказу Раковского о ходе совещания с атаманами:

«— А я (Н. А. Букретов. — Б. С.), как атаман, не могу допустить, чтобы казаков перевезли в Крым, где они будут пасынками, как были всегда в Добровольческой армии. В этом я не вижу надобности. Неправда, что казаки не желают драться. Не желают драться лишь их старшие начальники — генералы Улагай, Шкуро, Науменко, Бабьев и другие.

— Раз так, то пускай сам генерал Букретов командует армией, — вспыхнул генерал Улагай. Я остановил его и обратился к Букретову:

— Вы упрекаете старших начальников в нежелании драться. Зная всех их, я, конечно, этому верить не могу; однако из Ваших слов мне ясно, что при подобном отношении атамана, правительства и рады к высшему командному составу последний не может иметь среди казаков должного авторитета. Вы уверяете, что казаки готовы драться с другими начальниками. Отлично, вступайте в командование Кубанской армией сами и бейте большевиков.

— Нет, командовать армией я не согласен.

— В таком случае нам разговаривать не о чем. Ответственность взять на себя вы не хотите, а агитацию безответственных лиц среди казаков против их командующего армией я допустить не могу. Можете идти, но из Крыма вы не выедете».

Из этого текста совершенно ясно: Врангель не сомневался, что с такими настроениями казаки дальше воевать не будут, а Букретов стремится лишь снять с себя ответственность за происходящее. Один из этих генералов, походный атаман Кубанского войска генерал Вячеслав Григорьевич Науменко, напротив, считал, что Врангелем была допущена крупная ошибка, когда он по требованию атамана Н. А. Букретова отдал приказ об отзыве ряда генералов с высших командных должностей в Кубанской армии. 10 апреля 1920 года он записал в дневнике: «Получил назначение вместе с Бабиевым прибыть в Сочи, куда приехал генерал Улагай и терский атаман. Здесь Улагай и Шкуро рассказали о положении дел. Атаманы Донской и Терский решили перевезти своих казаков в Крым. Улагай настаивает».

вал на переводе кубанцев, но Букретов категорически воспротивился этому, говоря, что ни один кубанец не последует в Крым. Тогда Улагай отказался от командования армией и принял ее на себя Букретов, который заявил, что армия Кубанская боеспособна, настроена отлично и готова воевать, но тормозят всё дело Шкуро, Бабиев, Науменко, присутствие которых в армии нежелательно. Вследствие этого генерал Врангель отдал приказ об отозвании нас в его распоряжение. При чем Улагай добавил, что Букретов желает, чтобы мы выехали до его приезда в Сочи. Итак, мы, казаки — Улагай, Шкуро, Бабиев и я — не у дел, и нас заменили Букретов, Морозов». Тем самым, по мнению Науменко, с уходом лучших генералов Кубанская армия была обезглавлена и ее интернирование в Грузии и сдача значительной части кубанцев большевикам предрешены.

Науменко рассказывал в дневнике о прибытии в Крым:

«Пришли в Ялту 14 апреля вечером. Ночевали в море. Вечером англичане устроили импровизированный концерт. Сначала вынесли на палубу граммофон, который играл какие-то странные танцы, и англичане танцевали. В 11 вечера ужинали, но наших офицеров на этот ужин не пригласили. Впечатление от этой поездки у меня самое неприятное. Нас, русских, англичане ставят ни во что. Не знаю, как я буду чувствовать за границей, а поехать туда придется.

В Ялте остановился на Бульварной улице, дом 6. Ялту видел мало, но произвела хорошее впечатление. 17-го в 8.30 пришли в Севастополь. Первый, кого я встретил, был генерал Шатилов. Он рассказал о положении дел и, между прочим, сказал, что у Романовского после его смерти найдены среди бумаг копии писем ко мне, и одно из них показал мне (это как раз то письмо, о котором упоминал Врангель в связи с убийством Романовского. — Б. С.). Значит, была слежка. Но кто же снимал копии писем, по-видимому, у меня на квартире. Из всех разговоров вывел заключение, что единодушия в штабе нет и что уверенности в том, что Крым будет удержан, также нет. Убеждаюсь, что помощь союзников дает мало. В бухте масса иностранных кораблей, но всё это больше любопытные».

Если подобные упаднические настроения посещали в то время генерала, ветерана Белого движения, которому нечего было ждать пощады от большевиков, что уж говорить о простых казаках?

В Севастополе, встретившись с генералами Шкуро, Бабиевым и офицером своего штаба Тобиным, Науменко узнал о сдаче в районе Адлера атаманом Букретовым и генералом Морозовым Кубанской армии в количестве тридцати четырех ты-

сяч казаков в плен к большевикам. Сам Букретов ушел в Грузию, передав атаманскую булаву председателю краевого правительства В. Н. Иванису. К сложению оружия казаков также побудили распространившиеся слухи об английском ультиматуме с требованием начать с Советами переговоры о мире. «К всеобщему удивлению, — писал Науменко, — генерал Врангель принял Иваниса в Крыму очень любезно». Таким образом, Петр Николаевич продолжал политику привлечения на свою сторону кубанской общественности.

Науменко со слов Тобина рассказал в дневнике о судьбе кубанцев: «...после сдачи красные немедленно отделили казаков от офицеров, приказали бросить оружие, а потом начали всех грабить. Казаки возмутились, началась драка, в результате часть казаков села на лошадей и ушла. Букретов и красные старались скрыть от казаков прибытие транспортов, вследствие чего многие желающие погрузиться остались. Возмутительней всех вел себя Морозов, который ездил на переговоры с большевиками с красным бантом на груди. Так закончилась борьба кубанцев на Кавказе. Казаки проданы Букретовым, Морозовым и теперь ясно, что Главнокомандующий сделал большую ошибку, поддавшись на хитрости Букретова. Только мы уехали, начались переговоры о мире, и сбитых с толку казаков некому было поддержать».

Восемнадцатого апреля Науменко описал в дневнике встречу с главнокомандующим: «Вечером был у Врангеля, но он просил зайти завтра в 7 часов вечера, так как разговор предстоит длинный, а время его расписано по часам. Он меня спросил, получил ли я его письмо, в котором он сообщал мне об его отъезде за границу. Не получил. Очевидно, оно, как и последнее письмо Шатилова, перехвачено агентами Романовского. После Врангеля был у полковника Данилова, который рассказал мне об отозвании нас в распоряжение Главнокомандующего и о том, что в то же время было дано распоряжение атаманом о воспрещении кому бы ни было из членов армии уезжать с нами. Это произвело удручающее впечатление, так как много офицеров и казаков собирались уехать с нами в Крым».

На следующий день состоялся обстоятельный разговор двух генералов. Вячеслав Григорьевич зафиксировал его в дневнике: «Только что вечером 19 апреля вернулся от генерала Врангеля. Он предложил мне занять штабную должность в его штабе, но я попросил дать мне возможность побывать дома. На мои слова, что в случае тяжелого положения семьи я предполагаю перевезти ее сюда, он сказал, что это опасно. Относительно кубанцев — его предположения перевести их сюда, организовать и месяца через два перебросить на Таман-

ский полуостров. Генерал Врангель верит в восстание на Кубани, но я считаю, что сейчас оно невозможно. Выступление возможно в июле или в августе, т. е. после уборки хлеба, который большевики пожелают социализировать. Рассказал мне Врангель о своих разговорах с Букретовым, он постоянно жаловался на кубанских генералов, что мы помеха всему. Врангель находит, что сейчас время выбросить Букретова из атаманства и принять эту должность мне. Я категорически отказался».

Вечером 22 апреля в Севастополь прибыл генерал Бабиев, который подробно рассказал о сдаче Кубанской армии. С этими сведениями Богаевский, Бабиев и Науменко пошли к Врангелю. По словам Науменко, «он нас принял немедленно и сказал, что получил сведения об этом от англичан и что положение далеко не так плохо, что лучшие части в числе 9 тыс. человек плывут в Феодосию (кубанцы, донцы и Терско-Астраханская бригада. — Б. С.), часть казаков ушла в Грузию, часть в горы и на Красную Поляну и лишь незначительная часть сдалась большевикам (34 тыс. — это незначительная часть!). Здесь мы обсудили вопрос, как быть дальше, и решили возможно скорее организовать кубанцев».

Думается, что в данном случае Петр Николаевич несколько лукавил. Он-то хорошо понимал, что основная часть Кубанской армии оказалась в руках большевиков. Но на казаков он сейчас не надеялся, рассчитывая, что за оружие они снова смогут взяться, только испытав на себе все прелести советской власти. Науменко же хотя и был врангелевским выдвиженцем, по его представлению получившим генеральский чин, не сомневался во враждебности Врангеля идеям кубанской автономии и не мог простить ему фактического разгона Рады. Он уже осознал, что борьба бесперспективна, поэтому в мае—июле посетил Болгарию и начал переговоры о возможном размещении казаков в этой и других соседних странах.

Тем временем Врангель предпринял усилия, чтобы заручиться французской поддержкой. Его главный помощник по иностранным делам П. Б. Струве встретился во Франции с симпатизировавшим белым заместителем министра иностранных дел Морисом Палеологом, бывшим послом в Петрограде. Новый председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции Александр Мильеран поддерживал Польшу в только что начавшейся советско-польской войне, а это открывало перспективу поставок французского оружия и снаряжения в Крым.

Перед самым отъездом из Парижа в Крым, 8 (21) мая, будущий глава врангелевского правительства А. В. Кривошеин,

по характеристике Петра Николаевича, «государственный деятель, обладающий исключительными данными», получил от Палеолога заверение во французской поддержке Врангеля в случае нового советского наступления в Крыму и содействии в проведении эвакуации, если это потребуется. Барону также выражали сочувствие английские военные представители в Константинополе и в Крыму. Они даже снабжали белые войска в Крыму в счет остатков кредитов, отпущенных Деникину. 16 (29) мая начальнику британской миссии в Севастополе генералу Перси пришлось передать Врангелю правительственную ноту, в которой подчеркивалась неизменность курса, а глава Белого движения получал предостережение от излишних ожиданий: «Британское правительство указало мне разъяснить генералу Врангелю, что он не должен ожидать никакой перемены в британской политике, как следствие наступления поляков. Правительство Его Величества неуклонно разрешило приложить старания к прекращению военных действий на юге России в возможно непродолжительный срок. Советское правительство приняло британское предложение о ведении переговоров на основании общей амнистии, и лорд Керзон отправляет в самом непродолжительном времени политического представителя для содействия генералу Врангелю, а до того времени советское правительство согласно на принятие участия в переговорах британского военного представителя».

Пока польское наступление на Украине продолжалось, а советские контратаки сравнительно легко отражались поляками, Лондон не проявлял большой заинтересованности в наступлении белой армии в Крыму. Но очень скоро инициатива на Польском фронте перешла к советской стороне, и британское правительство стало более внимательно относиться к крымской проблеме.

Накануне начала наступления белых в Северной Таврии, 23 мая (5 июня) британский представитель в Константинополе адмирал де Робек сообщил Врангелю, что английский флот не сможет поддержать наступление, но будет по-прежнему защищать побережье Крыма. На следующий день Врангель получил известие, что английским кораблям был дан приказ задерживать военные грузы, предназначенные для Крыма и отправляемые под английским флагом, пусть даже и на русских судах. Это могло воспрепятствовать продолжению наступления Русской армии. 31 мая (13 июня) Врангель вызвал британского представителя генерала Перси и заявил ему, что заканчивает занятие территории, необходимой для организации снабжения Крыма, и хотел бы прояснить вопрос о реальных гарантиях ее неприкосновенности в случае осуществления намечавшихся

англичанами переговоров с большевиками: «Генерал Врангель просит английское правительство сообщить свой взгляд на это дело в возможно более краткий срок, дабы он мог в соответствии с этим принять то или иное решение, ибо только при наличии реальных гарантий и продолжении поддержки со стороны союзников Главнокомандующий может не переходить за пределы намеченной им для указанной цели территории. Генерал Врангель подчеркивает, что было бы совершенно невозможно, в случае наступательных действий противника, ограничиться пассивной обороной. Из опроса пленных выясняется, что большевистская армия должна была перейти в общее наступление на Крымский полуостров 27-го мая ст. стиля, т. е. через два дня после нашего наступления, предпринятого Главнокомандующим, дабы выхватить инициативу из рук противника. Обстоятельство это вновь подтверждает всю необходимость реальной гарантии».

Петр Николаевич стремился представить наступление Русской армии как превентивную меру против ожидавшегося советского наступления. Но на самом деле красные как раз 27 мая (9 июня) прорвали Польский фронт на Украине. В Крыму же советское командование предполагало придерживаться оборонительного образа действий, тем более в свете переговоров с Англией о прекращении боевых действий на юге России. Можно понять возмущение англичан тем, что Врангель, не получив их одобрения, вторгся в Северную Таврию. Но прорыв Польского фронта Конармией Буденного изменил политическую ситуацию. Англия стала относиться к белому Крыму более лояльно. Поэтому, как писал Врангель в мемуарах, «путем личных переговоров в Севастополе, Константинополе и Париже большинство грузов удавалось, хотя и с трудом, доставлять в Крым».

На следующий день после начала наступления белых войск, 26 мая (8 июня), Струве был принят Мильераном, который, с одной стороны, подтвердил, что Франция поддерживает Врангеля, с другой — рекомендовал ему не портить отношения с Англией. Для этого требовалось заверить англичан, что правительство Врангеля согласно на проведение мирных переговоров, но оставляет за собой право отказаться от капитуляции без надежных гарантий.

Двадцать пятого марта 1920 года прошла церемония вступления Врангеля в должность главнокомандующего. Петр Николаевич хорошо запомнил этот миг своего торжества и так описал в мемуарах собственную инаугурацию:

«...на Нахимовской площади был назначен торжественный молебен и парад войскам. После обедни в соборе крестный ход

во главе с епископом Вениамином под колокольный звон направился к Нахимовской площади, по дороге к нему присоединялись крестные ходы из других церквей. Вдоль Екатерининской улицы и вокруг площади стояли развернутым фронтом войска. Против памятника адмиралу Нахимову был установлен аналой. Здесь стояла группа высших чинов и представители союзнических миссий. Окна, балконы, даже крыши домов были усеяны зрителями. Стоял тихий солнечный день. Голубое небо отражалось в гладкой, как зеркало, бухте. Плавно неслись звуки церковного пения соборного хора, в неподвижном воздухе не трепетал огонь многочисленных свечей, стоял дым кадильного курения. Молебен кончился, епископ Вениамин огласил изданный накануне указ Правительствующего Сената».

Этот указ гласил:

«...Именем закона, Правительствующий Сенат слушали: Приказ от 22-го марта 1920 года бывшего Главнокомандующего генерала Деникина о назначении Главнокомандующим всеми вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта барона Врангеля и приказ последнего о вступлении его в должность.

Приказали: Промыслом Божиим предначертано новому Главнокомандующему стать во главе воинских сил и гражданского управления в исключительной важности исторический момент, когда, невзирая на героические усилия доблестной армии, большевистские полчища стоят на подступах к Крыму и мирное население, истощенное чрезвычайными тяготами жизни, теряет уверенность в будущем. В этот грозный час с честью вывести армию и население из настоящего беспримерно трудного положения и отстоять оплот русской государственности на Крымском полуострове может только крепкая вера в нее и сильная воля любимого войсками вождя. Проникнутая беззаветной любовью к Родине, решимость не знавшего поражений и заслужившего всеобщее доверие генерала Врангеля приять на себя великий подвиг предводительства вооруженными силами, борющимися с врагами Веры и Отечества, обязывает всех истинных сынов России сплотиться вокруг него в служении святому делу спасения Родины. Правительствующий Сенат, со своей стороны, в сознании лежащей на нем обязанности утверждения законности и порядка, почитает своим долгом призвать все органы государственного управления и всё население страны к дружному объединению под властью нового Главнокомандующего, к полному ему повиновению, к честному и самоотверженному служению нуждам армии, не за страх, а за совесть и не щадя живота своего, и к сохранению в тылу спокойствия, порядка и бодрости духа. В

благоговейном уповании на милосердие Господне к истстрадавшей родине нашей и с непоколебимой верой в нового народного вождя, которому отныне принадлежит вся полнота власти, военной и гражданской, без всяких ограничений, — Правительствующий Сенат определяет: особым указом дать знать о сем всем присутственным местам и должностным лицам и опубликовать сей указ во всеобщее сведение. Марта 24-го дня 1920 года.

Обер-Секретарь П. Мезенцов

Помощник Обер-Секретаря С. Бубель-Яроцкий

По Общему собранию Правительствующего Сената».

«Прочувственное слово, — продолжает рассказ Врангель, — сказал протопресвитер Шавельский, благословил меня иконой Св. Михаила Архангела.

На возвышение поднялся епископ Вениамин.

— Слушайте, русские люди, слушайте русские воины, слушайте вы, представители наших союзников, слушайте вы, те большевики, которые находитесь здесь, среди толпы... — звенящим, покрывающим всю площадь голосом начал владыка. Он говорил о тяжких страданиях, ниспосланных нашей родине свыше, как искупление за грехи всех слоев русского народа, о высоком подвиге, который свершают те, которые среди развала и позора родины чистым несут родное русское знамя, о том тяжелом крестном пути, которым, вот уже несколько лет, идет русская армия. — Путь этот тернист, он не кончен.

Мы только что перенесли тяжелые испытания, ближайшее будущее, быть может, готовит нам новые. Но вера творит чудеса, тот, кто верит, кто честно и мужественно идет указанным ему совестью путем, тот победит. Месяц тому назад русская армия, прижатая к морю у Новороссийска, умирала; быть может, через два месяца она воскреснет и одолеет врага...

Сказанная с огромным подъемом и необыкновенной силой проповедь произвела большое впечатление».

После этого священники окропили полки святой водой. Врангель, поднявшись к памятнику адмиралу Нахимову, обратился к войскам. В мемуарах он так передает свою речь: «Обрисовав в нескольких словах наше тяжелое положение, я сказал, что без трепета и колебания стал во главе армии в эти дни. Я верю, что Господь не допустит гибели правого дела, что Он даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого положения. Зная безмерную доблесть войск, я непоколебимо верю, что они помогут мне выполнить мой долг перед родиной, и верю, что мы дождемся светлого дня воскресения России».

Войска церемониальным маршем проходили мимо нового главкома. В этот момент он испытал сильные эмоции: «Поношенная, обтрепанная одежда, сбитые, заплатаанные сапоги, усталые землистые лица, но весело и бодро блестят глаза, твердо отбивают шаг. Где-то в глубине души шевелится теплое, бодрое чувство: “Нет, не все еще потеряно, нет, мы можем еще держаться...”».

Совершенно другими глазами смотрел на этот эпизод человек, явно враждебный к Врангелю, друг Маяковского Павел Ильич Лавут: «Весной на площади у Графской пристани, возле памятника Нахимову, я наблюдал церемонию вручения скипетра Врангелю. Народу было маловато. Отслужили молебен, офицеры троекратно проорали “ура”, и архиепископ закончил свою речь так: “Петр — по-гречески камень. Мы не сомневаемся в том, что барон Петр Николаевич Врангель оправдывает свое имя и недалек час, когда Россия станет единой и неделимой”».

В Севастополе Врангель разместился в так называемом Малом дворце — одноэтажном особняке с небольшим садом, выстроенном когда-то для великого князя Алексея Александровича, генерал-адмирала флота. Там же поселились Кривошеин и Шатилов.

Главнокомандующий вставал рано и работал, по его собственному утверждению, по 10—12 часов в день. С восьми часов утра он принимал должностных лиц и просителей. Перерыв на обед продолжался с часу до двух дня, после чего возобновлялся обычный прием посетителей. После шести часов вечера у Врангеля проходили наиболее важные встречи, которые могли затянуться до ночи. Перед ужином барон, если удавалось, подобно Гарун-аль-Рашиду, в сопровождении адъютанта совершал прогулку по Севастополю, осматривая государственные учреждения и лазареты, а после ужина работал часов до одиннадцати-двенадцати. Обедал барон с женой и тещей, часто к трапезе приглашался Кривошеин или кто-либо еще из министров или генералов. С Врангелем всегда обедали и дежурные офицеры конвоя. Политических разговоров за столом никогда не велось. Еда состояла лишь из одного блюда с гарниром, и каждому полагался один стакан крымского вина.

Петр Николаевич за делами не забывал и о любимой страсти — охоте. 8 (21) сентября 1920 года он увлеченно описывал свои охотничьи подвиги в письме жене, которая в тот момент находилась в русском консульстве в Константинополе:

«Ее Превосходительству баронессе Ольге Михайловне Врангель.

...На днях Шатилов уговорил поехать меня за 8 верст от города и пострелять перепелов, которых сейчас пропасть. Достали собаку, какие-то ружья, и за два часа выскочило 100 штук на три ружья, я один взял 40.

Походил и отдохнул от забот. Очень прошу Дмитрия приготовить одно из его ружей 12-го калибра, заказать и прислать мне несколько сот патронов 10 №, а также пороху, дробь и пыжей для перестрелки.

Пока кончаю, обнимаю Тебя и деток, да хранит Вас Бог. Всем привет.

Петруша».

Когда Врангель шел по улицам Севастополя, его легко узнавали уже издали: он был очень высокого роста (1 метр 93 сантиметра), с удлиненной, «птичьей» головой, с большими глазами навыкате и длинной шеей. Одет он был в светлосерую или темную черкеску и папаху-кубанку. На поясе висел традиционный для кубанцев кинжал, который Петр Николаевич иной раз использовал совсем не по назначению. Журналист А. А. Валентинов вспоминал, как на одной станции, где остановился поезд Врангеля, «главком, увлеченный спором во время прогулки по платформе, вытащил кинжал, присел на корточки и принялся чертить на асфальте какую-то схему».

Шульгин передал свои впечатления от новой встречи с главнокомандующим: «Меня поразила перемена в его лице. Он помолодел, расцвел. Казалось бы, что тяжесть, свалившаяся на него теперь, несравнима с той, которую он нес там, в Царицыне. Но нет, именно сейчас в нем чувствовалась не нервничающая энергия, а спокойное напряжение очень сильного, постоянного тока».

Врангель мечтал исправить ошибки Деникина, поставить белую борьбу на прочную социальную базу и использовать Крым и занятые в ходе боев прилегающие к нему губернии в качестве положительного примера, который должен был наглядно продемонстрировать народу России, что при Врангеле живется лучше, чем при Ленине. Однако Крым, практически лишенный продовольствия и каких-либо ресурсов, для такого эксперимента не подходил. Требовалось занять более обширную территорию, а это неизбежно растягивало линию фронта, но отнюдь не гарантировало, что в новоподчиненных губерниях удастся получить существенное пополнение для Русской армии. Нужны были привлекательные политические лозунги и реформы.

Кроме того, даже простая оборона Крыма была невозможна без помощи извне. Территория, занятая войсками генерала Врангеля, в своем максимальном объеме в октябре 1920 года

почти соответствовала территории бывшей Таврической губернии, а в наше время — входящих в состав Украины Республики Крым, левобережной части Херсонской и восточной части Запорожской областей. Ее площадь составляла около 60 тысяч квадратных километров, что примерно равнялось площади Бельгии и Голландии, вместе взятых. В тот период на ней находилось около трех миллионов человек, считая коренных жителей, беженцев и армию. Постоянно под контролем белого правительства находился лишь Крымский полуостров.

Промышленности в Крыму было мало. Крупнейшим предприятием являлся портовый завод в Севастополе, обслуживавший военные корабли. Из природных богатств можно назвать соль, лес и угольное месторождение в горной области, близ Бешуя, в районе Бахчисарая.

Северная Таврия не знала земельного голода — захваченная у помещиков и состоятельных крестьян земля в 1919 году обрабатывалась не полностью. Правда, причиной этому был не столько избыток сельскохозяйственных земель, сколько военные действия и многочисленные реквизиции продовольствия и мобилизации населения, проводимые как красными, так и белыми. Тем не менее в этой области, до революции широко экспортировавшей зерно, вплоть до 1920 года имелись значительные запасы продовольствия. Порядка пятнадцати бывших крупных имений советскими декретами были превращены в совхозы, а на практике дотла разграблены войсками, бандами анархистов и крестьянами. В степной части Крыма также было немало незасеянных земель, но даже их использование не смогло бы обеспечить хлебом его коренное население и многочисленных беженцев.

Со столь ничтожными ресурсами нельзя было не только надеяться победить остальные 49 российских губерний, но даже сколько-нибудь долго удерживать Крым.

Врангель вспоминал, какими, подчас жестокими, способами приходилось действовать:

«Генерал Кутепов железной рукой приводил свои войска в порядок, беспощадно предавая военно-полевому суду и подвергая смертной казни грабителей и дезертиров. Местные либерально-общественные круги во главе с симферопольским городским головой Усовым стали генералу Кутепову в оппозицию, предъявляя от имени общественности протесты против смертной казни и т. д. Я предложил городскому голове на другой день прибыть в Севастополь. Сообщая о его выезде, либеральная пресса намекала, что в связи с вызовом симферопольского городского головы к Главнокомандующему ожидается ряд перемен в высшем командовании, что главным командо-

ванием, вероятно, приняты будут меры против самовольных действий некоторых высших чинов и т. п.

Городской голова вошел в мой кабинет с видом победителя. Но, видя, что я не подаю ему руки и не прошу сесть, заметно смутился.

— Я знаю о неладах Ваших с генералом Кутеповым, являющимся исполнителем моих приказаний, — сказал я. — Я не хочу разбирать вопроса, кто прав. Я ли, дающий эти приказания, или Вы. На мне лежит ответственность перед армией и населением, и я действую так, как мой ум и моя совесть мне повелевают. Вы на моем месте действовали бы, конечно, иначе, однако судьба во главе русского дела поставила не Вас, а меня, и я поступаю так, как понимаю свой долг. Для выполнения этого долга я не остановлюсь ни перед чем и без колебания устраню всякое лицо, которое мне в выполнении этого долга будет мешать. Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю Вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались Вы.

Господин Усов вышел из кабинета как в воду опущенный. Через день газеты сообщили, что «вернувшийся из Севастополя симферопольский городской голова отказался сообщить подробности своего разговора с Главнокомандующим». Еще через несколько дней те же газеты сообщили, что господин Усов тяжело заболел и подал в отставку».

Бывший жандармский генерал Е. К. Климович, имевший большой опыт борьбы с революционным движением, был назначен начальником Особого отдела штаба главнокомандующего. Врангель считал Климовича «весьма дельным и честным человеком» и очень высоко ценил его работу, приводя в доказательство тот факт, что была перехвачена радиограмма, отправленная в Москву севастопольским большевистским подпольем, с требованием «выслать срочно ответственных работников, так как таковых в Крыму не осталось». «Блестящая аттестация генералу Климовичу», — резюмировал Петр Николаевич.

Начало правления Врангеля ознаменовалось казнями в тылу. Было повешено и расстреляно несколько десятков человек, в том числе члены крымско-татарской мусульманской группы, выступавшие за независимость Крыма и сотрудничавшие с большевиками, матросы-севастопольцы, обвиненные в подготовке восстания, 13 участников подпольной организации в Симферополе, члены городского комитета большевиков Керчи и руководство ялтинского комсомола. Десять из пятнадца-

ти осужденных по делу Союза коммунистической молодежи Ялты были повешены Кутеповым. На фронте расстреливали значительно чаще, но точной статистики здесь нет. Под расстрел попадали прежде всего коммунисты, а также лица, уличенные или заподозренные в активной помощи красным.

Тем не менее публичные казни барон запретил, чтобы не волновать население. Между прочим, большевики, расстреливавшие людей куда более щедро, чем белые, никогда не производили публичных казней, посему у них не в ходу была казнь через повешение. Точно так же красные никогда не пороли крестьян, равно как и других подозреваемых в контрреволюционной деятельности, тогда как карательные отряды белых широко практиковали, наряду с расстрелами и виселицами, порку крестьян. Это вызывало у крестьян неприятные ассоциации с временами крепостного права, да и более поздними, когда порка была самым обыденным видом наказания со стороны ненавистных помещиков.

К 1 августа 1920 года в тюрьме в Севастополе находилось 90 человек, заподозренных в большевизме, а в Симферополе — 160. Два месяца спустя, 1 октября, в Севастополе содержалось 190 политзаключенных, а в Симферополе — 373.

Происходили аресты и членов небольшевистской оппозиции. Так, был арестован народный социалист А. П. Лурья (Лурье), соредaktor либеральных «Южных ведомостей», а также правые эсеры — товарищ председателя рабочего клуба союза моряков Пчелин, секретарь клуба Рулькевич, член правления Гапонов. И. Е. Марков, известный крымский эсер, был убит якобы при попытке к бегству. Его гибель вызвала большой шум в прессе, и двое непосредственных убийц получили по 20 лет каторжных работ, а вот его организатор, войсковой старшина В. И. Кривошеев, отделался четырьмя месяцами заключения в крепости.

Одиннадцатого мая Врангель приказом установил новое административное наказание: «Высылка в Советскую Россию лиц, избличенных в явном сочувствии большевизму, в непомерной личной наживе на почве тяжелого экономического положения края и пр.». Введение этой меры главнокомандующий в мемуарах обосновывал тем, что «число тюрем было весьма ограничено и не могло вместить всех осужденных». Но широкого применения высылка не получила и коснулась лишь нескольких десятков лиц, «избличенных в явном сочувствии большевизму». Она действовала скорее как угроза, поскольку многим деятелям небольшевистской оппозиции в Советской России угрожали тюрьма или смерть.

В сентябре Врангель объявил широкую амнистию как уго-

ловных, так и политических преступников. По свидетельству прокурора И. М. Калинина, были освобождены даже люди, состоявшие в нелегальной организации, переправлявшей желающих через линию фронта на советскую сторону.

В газетах стали обычными объявления: «Жительницу города Севастополя Зинаиду Александровну Сосновскую, избличенную в явном сочувствии большевикам, как бывшую сотрудницу большевистской газеты “Известия” и высказывающуюся всегда за избиение офицеров и духовенства... — выслать; надворного советника Кузанова Петра Соломоновича, двукратно служившего большевикам, приговоренного к 20 г. каторги и помилованного, но продолжающего сочувствовать большевикам, — выслать» и т. п.

Председателя Крымпрофа и Севастопольского совета профсоюзов, товарища председателя городской думы Севастополя, почетного мирового судью Н. Л. Канторовича должны были выслать в Советскую Россию 23 августа. Но гласные думы М. К. Рыбарский и Н. И. Емельянов добились аудиенции у Врангеля, убедили его, что Советы наверняка посадят Канторовича, а то и расправятся с ним еще более жестко, и добились, чтобы профсоюзного деятеля выслали в Грузию или Константинополь — на его выбор. 15 (28) сентября на пароходе «Возрождение» Канторович, не раз сидевший еще при царе, вместе с семьей отплыл в Грузию. Вместе с ним выслали товарища председателя союза металлистов С. Г. Тимченко, секретаря союза И. Е. Дьяченко и еще нескольких профсоюзных активистов.

По обвинению в связях с Москвой были ликвидированы Центросоюз — главный кооперативный орган Крыма, подчинявшийся московскому Центросоюзу, и его отделения.

В первые недели после принятия Врангелем власти положение в Крыму было критическим. Полуострову грозил голод. При годовой потребности в девять миллионов пудов зерновых на складах имелось всего 130 тысяч пудов муки. Весной армия снабжалась за счет остатков кредита в 14,5 миллиона фунтов стерлингов, предоставленного Англией еще Деникину.

Я. А. Слащев вспоминал тогдашнюю атмосферу: «...Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Учета не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше награть и сесть на судно или раствориться среди незнакомого населения».

В таких условиях Врангель хотел лишь «сохранить честь вверенного армии Русского знамени». Он полагал, что «в осажденной крепости должна быть единая власть — военная».

Главнокомандующий стремился облегчить тяготы, которые население несло от армии, издавая приказы, запрещавшие самовольные реквизиции лошадей, скота и продовольствия, а также регламентирующие постройку войск. Но в условиях дефицита практически всех предметов снабжения эти приказы если и соблюдались, то только в Севастополе, Симферополе, некоторых других крымских городах, где и так мало что можно было реквизировать, но не на фронте в Северной Таврии. С первых же дней своего правления генерал Врангель начал принимать меры против грабителей и насильников в армейских частях. Сообщая в приказе от 27 марта о расстреле солдата-грабителя, барон прибавил: «Ходатайство о помиловании мною отклонено. Впредь осужденным за грабежи и их родственникам с таковыми ходатайствами ко мне не обращаться». Суровые приговоры касались не одних солдат. Например, 22 сентября в Симферополе был расстрелян полковник за похищение лошадей у извозчика с нанесением ему ран.

В апреле было издано несколько приказов, запрещающих самочинные конфискации у местных жителей.

Приказ главнокомандующего по гражданскому управлению от 10 мая установил правила снабжения войск у населения:

«...категорически запрещаю всякие реквизиции продуктов, скота, лошадей, перевозочных средств и т. д. у местного населения, как вызывающие постоянные нарекания и жалобы.

Реквизиции в порядке указанного выше приказа могут быть допущены только в случае особой крайности, как исключение, с разрешения начальника Управления снабжения и особыми комиссиями с участием чинов интендантского ведомства и представителя Государственного контроля.

Для обеспечения войск продовольствием, необходимыми предметами, а также перевозочными средствами ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В случае невозможности достать для части продукты, предметы первой необходимости войскового обихода, перевозочных средств и т. д. путем покупки или найма войсковые части должны обращаться к местной администрации (городской или сельской), которая и обязана, по разверстке между населением, поставить необходимое к назначенному времени.

2. За всё полученное войсковые части обязаны немедленно уплачивать владельцам или администрации, в зависимости от того, кто будет уполномочен жителями сдавать продукты и пр. войсковой части, наличными деньгами или чеками...»

Это и другие подобные распоряжения во многом оставались на бумаге. Так, в приказе от 27 июля Врангель вынужден был признать:

«...войсковые части, занимая целый ряд бывших Советских имений, до приема их в казенное Управление соответствующими органами земледелия и землеустройства, реквизируют все запасы хлеба, фуража, скота (даже племенного) и т. д. для собственного потребления, а также распродают захваченное.

Такие действия со стороны войск, причиняя неисчислимый ущерб хозяйству и казне, вызывают справедливое негодование со стороны людей, обслуживавших эти имения, и являются преступными».

Хотя главнокомандующий и приказал «всем принять решительные меры к прекращению подобных расхищений и уничтожения богатства страны и предавать виновных Военно-Полевому Суду», однако нет данных о том, что кто-либо был осужден за такого рода реквизиции, совершавшиеся с ведома старших начальников.

И. М. Калинин, бывший начальник военно-судной части Донского корпуса, отмечал в мемуарах: «Не прошло и недели с начала наступления, как ходоки из деревень “завоеванной” Северной Таврии запрудили все учреждения Крыма с жалобами на самочинные реквизиции лошадей, упряжи и “тачанок” (телег), а иногда и на грабежи». Поэтому от военно-судных комиссий, по его словам, получилось «не много проку»: «Организация их была чересчур сложна и нецелесообразна. Председателями для большего весу и авторитета назначались заслуженные строевые генералы; членами комиссий, в числе шести, — строевые штаб- и обер-офицеры, юристы и не юристы. Только делопроизводителем комиссии назначался офицер или чиновник обязательно с юридическим образованием... В председатели комиссий попадали или робкие люди, совершенно не понимавшие своей роли, или громовержцы, возомнившие о себе свыше меры. Одни бездействовали, другие проявляли усердие не по разуму. Одни распустили своих подчиненных, другие гнули их в бараний рог, рассматривая свою комиссию как строевую часть. Члены комиссий никак представить не могли, как это им придется хватать своих старых товарищей и судить их за те деяния, в которых каждый из них был сам грешен тысячи раз... Намерение вождя создать белую чеку (ЧК. — Б. С.) для искоренения преступности потерпело крах».

Из-за такой корпоративной солидарности число вынесенных обвинительных приговоров было мизерным. И казаки, и добровольцы активно выгораживали своих. Вместе с тем, как подчеркивает Калинин, «самый факт существования военно-судебных комиссий, конечно, действовал оздоравлиюще на войска».

По свидетельству доктора Аитова, ездившего осенью в Крым для передачи от французов санитарного снабжения, «войско Врангеля дисциплинировано, не грабит, не бесчинствует, солдаты накормлены». В. А. Оболенский также подтверждает, что армию удалось взять в руки и жалобы населения на ее бесчинства почти прекратились.

Во всех городах вводилась карточная система снабжения хлебом в зависимости от наличных запасов. Городские органы должны были выдавать по карточкам «не более одного фунта на едока в сутки». При такой норме, как писал Врангель, можно было «дотянуть при существующих запасах муки до нового урожая». Врангель запретил даже изготовление сладких кондитерских изделий. Предусматривалось также при выпечке хлеба обязательное добавление в ржаную или пшеничную муку 20 процентов ячменя. Войскам запрещалось брать хлеб из частных лавок — за этим должны были следить начальники гарнизонов. Армия получала хлеб из своих пекарен, на которые карточная система не распространялась.

Правительственные агенты в деревнях уплачивали 75 процентов закупочной цены зерна деньгами, а в счет остальных 25 процентов, предполагалось, крестьяне могли получить из лавок Управления торговли и промышленности мануфактуру и сельскохозяйственные орудия, что не всегда обеспечивалось. Закупленные зерновые поступали на рынок, что понижало рыночную цену хлеба.

Тринадцатого июля ввиду улучшения продовольственного положения карточная система снабжения хлебом была отменена.

Дабы уменьшить дефицит продовольствия путем использования рыбных ресурсов Черного моря и под предлогом привития населению Крыма православных ценностей были введены как для армии, так и для населения три постных дня в неделю. Запрещался вывоз за пределы Крыма хлеба, рыбных продуктов и различных жиров. В то же время врангелевское правительство стремилось импортировать продовольствие: солонину и мясные консервы — из Болгарии, жиры — из Константинополя и т. д.

Врангель издал ряд приказов против спекулянтов. 19 мая, например, он призвал к бойкоту торговцев, «непомерно повышающих цены», и к образованию союзов потребителей.

Но 12 сентября в очередном приказе главнокомандующему пришлось констатировать: «...вместо отказа от приобретения продуктов по спекулятивным ценам и активного противодействия безудержной алчности отдельных лиц посредством организации кооперативов, общественных лавок, столовых,

хлебопекарен и т. п. население покупает эти продукты, и в том числе даже не являющиеся предметами необходимой потребности, по любым ценам и, таким образом, само потворствует интересам преступной наживы. Более того, некоторая часть населения занимается усиленной скупкой ценностей и иностранной валюты и, содействуя тем самым не вызываемому разумными основаниями обесценению нашего рубля, затрудняет работу Правительства в области финансовой и продовольственной политики. Между тем переживаемый исключительный момент Русской истории властно требует крайнего напряжения сил всех граждан вообще и каждого в отдельности и не допускает бездеятельного и безучастного отношения общества к вопросам государственного значения в то время, когда на его защиту на фронте проливается кровь лучших наших сынов».

Барон упорно не желал понимать, что голод не тетка — купишь продукты по любой цене. Он также отказывался принять то, что очень многие не верили в прочность белого Крыма и спешили, если была такая возможность, обзавестись валютой и ценностями, чтобы было на что существовать в эмиграции. К тому же крупные экспортно-импортные дельцы перехватывали львиную долю продовольствия, поскольку, в отличие от государственных организаций, платили не бумажными деньгами, а дефицитными промышленными товарами (сельскохозяйственный инвентарь, ткани, обувь, керосин, спички, мыло).

Всё же в Крыму и Северной Таврии осенью 1920 года было заготовлено достаточно зерна, мяса и растительного масла, чтобы более или менее благополучно дотянуть до урожая 1921 года.

Врангель также начал перестройку системы управления. Приказом от 29 марта он объявил «Положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными силами на Юге России», гласившее:

«Правитель и главнокомандующий вооруженными силами на Юге России обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений. Земли казачьих войск независимы в отношении самоуправления, однако с полным подчинением казачьих вооруженных сил Главнокомандующему.

Непосредственно Главнокомандующему подчиняются:
помощник главнокомандующего,
начальник его штаба,
начальник военного управления,
начальник морского управления — он же командующий флотом,
государственный контролер,

начальник гражданского управления, ведающий: внутренними делами, земледелием и землеустройством, юстицией и народным просвещением,

начальник хозяйственного управления, ведающий: финансами, продовольствием, торговлей и промышленностью и путями сообщения,

начальник управления иностранных сношений.

Все эти лица составляют при Главнокомандующем совет, имеющий характер органа совещательного».

Этот совет, преобразованный затем в правительство Юга России, продолжал оставаться совещательным органом. Председательствовал на заседаниях обычно помощник главнокома генерал П. Н. Шатилов, а затем прибывший в Крым А. В. Кривошеин, 24 мая назначенный помощником главнокомандующего и правителя по гражданской части. Шатилов же стал начальником штаба главнокомандующего. 15 июня генерал Врангель учредил Управление торговли и промышленности и Управление земледелия и землеустройства.

Барон ввел при командирах корпусов должности начальников гражданской части, которые наделялись правами губернаторов. Подчиняясь командиру своего корпуса, такой чиновник получал руководящие указания из Севастополя, от начальника Гражданского управления. Однако уже в конце июля 1920 года гражданские части были расформированы, так как их деятельность «вносила на местах излишний параллелизм, путаницу и неразбериху». Фактически власть осталась у военачальников, которые, в частности, самостоятельно решали вопросы снабжения войск за счет местного населения, игнорируя попытки начальников гражданской части как-то упорядочить реквизиции.

Деятельность контрразведок, являвшихся при Деникине «самым преступным элементом» Белого движения, была поставлена под прокурорский надзор. В целях повышения эффективности работы и исключения злоупотреблений из их ведения изымались дела неполитического характера и передавались в уголовный розыск.

Врангель издал приказ от 6 апреля, согласно которому воинские начальники лишались исключительного права возбуждать уголовные дела против своих подчиненных. Предание суду теперь должно было производиться не по усмотрению начальства, а путем непосредственного внесения военно-прокурорским надзором обвинительного акта в суд с сообщением о том начальству обвиняемого для объявления в приказе. Исключение из этого правила было сделано лишь для высших начальников (на уровне командиров дивизий и корпусов): для

их привлечения к суду необходимо было согласие их начальства или главного военного прокурора.

Приказами от 14 апреля и 5 мая при начальниках гарнизонов и комендантах крепостей, при штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад были созданы военно-судные комиссии, независимые от местного строевого начальства и подчиненные непосредственно главному военному прокурору. Они должны были рассматривать все дела о кражах, незаконных реквизициях и действиях, причиняющих стеснения местным жителям. Суду этих комиссий подлежали как военнослужащие, так и гражданские лица. Приговор утверждался соответствующим военным начальником. В случае несогласия они должны были передать дело на рассмотрение в корпусной или апелляционный военно-окружной суд. Приказом от 3 июня в состав военно-судных комиссий были включены по два крестьянских представителя от волостного земства с правом совещательного голоса.

Полковник И. М. Калинин вспоминал: «Открытые, вопиющие грабежи удалось сократить. Но насаждение законности в войсках осталось невыполнимым благим пожеланием вождя».

Тот же Калинин хорошо описал возникшую перед властью дилемму, когда, с одной стороны, для поддержания порядка надо было наказывать за грабежи, а с другой — войска не получали централизованного снабжения: «Генерал Ронжин (главный военный прокурор Вооруженных сил Юга России, а впоследствии и Русской армии. — Б. С.) явился в ненавистный ему штаб как грозный судья, держа в руках карающий меч правосудия. Велико же было его изумление, когда он узнал, что карать, пожалуй, и не придется, так как самовольная реквизиция лошадей и подвод вызывалась исключительно боевой необходимостью. Или отнимать лошадей и идти вперед, или ни у кого ничего не тронуть и отступить в Крым, — другой альтернативы у донцов не существовало, когда они столкнулись с неприятелем. Дальнейший месяц войны показал, что эта альтернатива постоянно стоит перед всей врангелевской армией, не имеющей никаких запасов».

На военно-судные комиссии была возложена обязанность возмещать населению стоимость реквизиций. Однако большого восторга от этого пострадавшие не испытывали, поскольку возмещение производилось стремительно обесценивавшимися врангелевскими бумажными деньгами. Поскольку французский заем получить так и не удалось, единственным способом покрытия бюджетного дефицита была эмиссия дензнаков, что вело к стремительному росту инфляции. Денег постоянно не хватало. Только за месяц с 15 сентября по 15 ок-

тября правительство дало Феодосийской экспедиции наряд на печать знаков на сумму 60 миллиардов рублей, а выполнен этот наряд был лишь на $\frac{3}{4}$. Всего с апреля по октябрь 1920 года Феодосийская экспедиция напечатала купюры номиналом от 100 до десяти тысяч рублей на общую сумму в 176 869 295 тысяч рублей и так и не выпущенные в оборот 25-тысячные купюры на сумму около шести миллиардов рублей. Общая эмиссия, таким образом, составила около 183 миллиардов рублей, то есть на каждого жителя Крыма и Северной Таврии приходилась примерно 61 тысяча рублей. А купить на них в сентябре в Севастополе можно было, например, 61 арбуз или 305 фунтов хлеба. С учетом того, что врангелевская эпопея продлилась около семи месяцев, этих денег могло хватить в среднем на полтора фунта хлеба на человека в день, что означало полуголодное существование даже с учетом того, что крестьянство жило по большей части натуральным хозяйством. Врангелевскими купюрами были завалены помещения всех банков и финотделов в Крыму. Недоверие населения к ним было вполне оправданно: вошедшими в Крым большевиками эти банкноты, равно как и деньги, выпущенные при Деникине, были сразу же изъяты из обращения.

К 8 апреля П. С. Махров подготовил для Врангеля доклад, в котором был подведен итог деникинского правления и намечены «новые пути, методы и средства к тому, чтобы продолжать борьбу с надеждой на успешное ее окончание».

Махров утверждал: «Все данные указывают, что подавляющая часть русского народа почти исцелилась от большевистской заразы; ненавидит советскую власть и с радостью пойдет за той властью, которая, освобождая народ от большевистского ига, осуществит ожидаемые народом чаяния».

В числе этих чаяний, «навсегда вкоренившихся в народную душу», он называл: «1) земля, 2) народоправство, 3) лозунг “Долой гражданскую войну”, 4) рабочий вопрос, 5) восстановление гражданского порядка и законности...»

Для привлечения народных масс на сторону белого правительства Крыма начальник штаба главнокомандующего предлагал провести ряд мер по реализации этих лозунгов. По его мнению, крестьяне должны быть дополнительно наделены землей, ликвидировано крупное землевладение, в противовес социалистам сохранен незыблемым принцип собственности и укреплен юридическим порядком с выдачей официальных документов («выкуп и “бумаги с орлом”»).

Для осуществления идеи участия всего народа в управлении страной надлежало:

«1) В декларации Верховной власти подтвердить, что зада-

чей внутренней политики ставится созыв Всероссийского Учредительного Собрания.

2) Во исполнение сего объявить о выборах 30 членов этого Собрания, положенных от Крыма, и немедленно к этим выборам приступить.

Эти члены Учредительного Собрания должны быть привлечены к участию в работе Правительства, с предоставлением им совещательного голоса.

По мере очищения соседних областей от большевиков должны выбираться члены Учредительного Собрания от них».

Что касается отношения к различным областям Российского государства, заявляющим права на ту или другую степень самостоятельности, то тут, по мнению П. С. Махрова, нужно декларировать «лозунг федеративности и единства России (что совершенно не противоречит одно другому, как то мы и видим в Америке и Швейцарии)». Этот лозунг должен был выражаться в том, «что области, в которых сконструировалась власть, будут входить в наше государственное объединение, борющееся с большевиками, как свободные и равные члены, но под... единой верховной властью Правителя в отношении единства командования армией и флотом, единства иностранных сношений...».

В докладе было предусмотрено осуществление в Крыму нескольких конкретных внутривнутриполитических мер вроде возобновления деятельности органов земского и городского самоуправления с использованием их для решения вопросов снабжения армии и упорядочения экономического и санитарного состояния тыла, а также для фактического хозяйственного контроля; посещения главнокомандующим земского съезда в Симферополе с целью «показать свое сочувствие общественности»; созыв специального крестьянского съезда для обсуждения земельных нужд...

Были названы важнейшие мероприятия по решению рабочего вопроса:

- «1) Подтверждение восьмичасового рабочего дня.
- 2) Пересмотр существующих и издание нового закона об обеспечении и выдаче пенсии потерявшим трудоспособность и за выслугу лет за счет предприятий...
- 3) Пересмотр законов об охране детского и женского труда.
- 4) Введение третейских судов и примирительных камер.
- 5) Открытие богаделен для инвалидов труда и приютов для сирот рабочих, содержание которых должно быть отнесено на счет казны.
- 6) Содействие и укрепление развития профессиональных организаций и культурно-просветительной работы среди рабочих.

7) Поручение начальнику Управления снабжения разработки вопроса о хотя бы частичной натурализации труда для крупных предприятий, так как иначе требование повышения заработной платы будет расти непрерывно...»

По поводу того, что народ уже устал от правления большевиков, Махров отчасти был прав. Продразверстка и тотальный дефицит эпохи военного коммунизма всех изрядно достали. Однако чаяния масс были скорее анархического свойства. Они хотели, чтобы их по возможности не трогала никакая власть, и не склонны были доверять белым, которые, по их мнению, хотели под флагом неприкосновенности частной собственности вернуть землю помещикам.

Говоря о том, что крестьяне желают иметь дополнительную землю за выкуп, начальник штаба Врангеля либо добросовестно заблуждался, либо просто стремился подстроиться под мнение, которого придерживался сам барон. На самом-то деле крестьяне мечтали получить землю, оформленную гербовой бумагой, но без всякого выкупа. Судьба помещиков их никогда не волновала. В крайнем случае они готовы были согласиться на то, чтобы государство выплачивало помещикам компенсацию за отданную крестьянам землю, но сами платить не собирались.

В целом Врангель стал осуществлять ту программу, которую наметил Махров. Только он предпочел отказаться от термина «Учредительное собрание», поскольку он был дискредитирован в народе после бесславного конца разогнанной большевиками в январе 1918 года «Учредилочки». Поэтому Петр Николаевич предпочитал говорить о будущем Общероссийском собрании. Он также не рискнул проводить выборы в это собрание до завершения Гражданской войны. В условиях провозглашенной самим же Врангелем военной диктатуры подобные выборы стали бы фикцией.

С рабочими же в Крыму Врангель достиг определенного *modus vivendi*: он допустил деятельность профсоюзов, готов был вести с ними переговоры об условиях труда рабочих и санкционировал ускоренное повышение оплаты их труда по сравнению с зарплатой государственных служащих, чтобы она не слишком отставала от инфляции. Кстати сказать, профсоюзным деятелям в случае, если они будут заподозрены в саботаже, угрожала высылка в Советскую Россию. А там большинству из них, симпатизировавших меньшевикам, грозила тюрьма. Таким образом, посредством своего рода социального подкупа, а также шантажа тем, что в случае забастовок их организаторы будут отправлены на фронт, Врангелю удалось обеспечить классовый мир в тылу и снять угрозу рабочих вос-

станций в Крыму, вполне реальных в последние недели пребывания у власти Деникина. Внутренний порядок в тылу нарушали только отряды «зеленых», к которым примыкали и «орловцы»; но рабочих среди них почти не было, а преобладали дезертиры из белой армии. Сыграл свою роль и разгром Климовичем большевистского подполья.

Вот как передавал В. В. Шульгину Врангель свои первые чувства после принятия власти:

«Я всегда думал так... Если уж кончать, то, по крайней мере, без позора... Когда я принял командование, дело было очень безнадежно... Но я хотел хоть остановить это позорище, это безобразие, которое происходило... Уйти, но хоть, по крайней мере, с честью... И спасти, наконец, то, что можно... Словом, прекратить кабак... Вот первая задача...

Ну, эта первая задача более или менее удалась... и тогда вдруг оказалось, что мы можем еще сопротивляться... Оказалось то, на что, в сущности говоря, очень трудно было рассчитывать. Мы их выгнали из Крыма и теперь развиваем операции... Но я должен сейчас же сказать, что я не задаюсь широкими планами... Я считаю, что мне необходимо выиграть время... Я отлично понимаю, что без помощи русского населения нельзя ничего сделать... Политику завоевания России надо оставить...

Ведь я же помню... Мы же чувствовали себя, как в завоеванном государстве... Так нельзя... Нельзя воевать со всем светом... Надо на какого-то опереться... Не в смысле демагогии какой-нибудь, а для того, чтобы иметь, прежде всего, запас человеческой силы, из которой можно черпать; если я разброшусь, у меня не хватит.. того, что у меня сейчас есть, не может хватить на удержание большой территории... Для того чтобы ее удержать, надо брать тут же на месте людей и хлеб... Но для того, чтобы возможно было это, требуется известная психологическая подготовка. Эта психологическая подготовка, как она может быть сделана? Не пропагандой же, в самом деле... Никто теперь словам не верит. Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке, сделать жизнь возможной... Ну, словом, чтобы, так сказать, показать остальной России... вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Никто тебя не душит, никто тебя не мучает — живи, как жилось...

Ну, словом, опытное поле... До известной степени это удастся... Конечно, людей не хватает... я всех зову... я там не смотрю, на полградуса левее, на полградуса правее — это мне безразлично... Можешь делать — делай. И так мне надо выиграть

время... чтобы, так сказать, слава пошла: что вот в Крыму можно жить. Тогда можно будет двигаться вперед... — не так, как мы шли при Деникине, медленно, закрепляя за собой захваченное. Тогда отнятые у большевиков губернии будут источником нашей силы, а не слабости, как было раньше... Втягивать их надо в борьбу по существу.. чтобы они тоже боролись, чтобы им было за что бороться... Меня вот что интересует... как вы думаете... большевики уже достаточно надоели?»

Шульгин заверил главнокомандующего, что в Одессе, откуда он прибыл в Крым, всё русское население и половина еврейского ненавидят большевиков. Насчет деревни Василий Витальевич был осторожнее — сказал, что там большевиков вроде бы тоже ненавидят, но сам он знает об этом лишь с чужих слов, поскольку в деревне не был.

Однако Врангель всё равно обрадовался:

«— Так что вы думаете, что момент наступил. Сейчас нам, конечно, очень помогают поляки.. Наше наступление возможно потому, что часть сил обращена на Польшу.

— А они не подведут по своему обыкновению?

— Могут, конечно... Но нельзя же не пользоваться этим благоприятным обстоятельством.

— А если подведут, что тогда?

— Тогда, конечно, будет трудно... я надеюсь удержать Крым...

— И зимовать?..

— Да, зимовать, конечно. Надо обеспечить хлеб... хлеб будет. Я сделал так: я дал возможность людям наживаться. Я разрешаю им экспорт зерна в Константинополь, что страшно для них выгодно. Но за это всё остальное они должны отдавать мне. И хлеб есть. Я стою за свободную торговлю. Надоели мне эти крики про дороговизну смертельно. Публика требует, чтобы я ввел твердые цены. Вздор. Это попробовано, от твердых цен цены только растут. Я иду другим путем: правительство выступает как крупный конкурент, выбрасывая на рынок много дешевого хлеба. Этим я понижаю цены. И хлеб у меня, сравнительно с другими предметами, не дорог. А это главное. Но кричат они о дороговизне нестерпимо. Если бы вы написали что-нибудь об этом...»

А на последний вопрос Шульгина: «Как вы себе представляете будущую Россию? Она будет централизована?» — Врангель ответил: «Отнюдь нет... я себе представляю Россию в виде целого ряда областей, которым будут предоставлены широкие права. Начало этому — волостное земство, которое я ввожу в Крыму. Потом из волостных земств надо строить уездные, а из

уездного земства — областные собрания... Когда области устроятся, тогда вот от этих самых волостных или уездных собраний будут посланы представители в какое-то Общероссийское Собрание, Вот оно и решит...»

Вероятно, Петр Николаевич действительно верил, что удастся удержать Крым и даже с помощью поляков существенно расширить «опытное поле» для общероссийского эксперимента. Он, похоже, в какой-то момент решил, что паны будут помогать ему в течение долгого времени, поскольку заинтересованы в уничтожении большевиков, рвавшихся к Варшаве. На самом-то деле никаких обязательств перед ним у Пилсудского не было, и, как показали дальнейшие события, как раз крупные неудачи красных на Польском фронте и приблизили заключение перемирия. С точки зрения интересов Белого движения в Крыму, наиболее выгодным вариантом развития событий было бы многомесячное сражение за Варшаву без решительного перевеса одной из сторон, чего, однако, никак не могло произойти в действительности, поскольку столь длительного напряжения сил не выдержали бы ни поляки, ни Советская Россия.

Кроме того, надо учитывать, что Врангель беседовал с Шульгиным как раз тогда, когда успехи Русской армии в Северной Таврии достигли своего пика и он мог надеяться, что удастся отстоять Крым и без польской поддержки.

Шульгин, несомненно, искренне ненавидел большевиков и, как это свойственно подавляющему большинству людей, собственную оценку ситуации приписывал народу. Врангель же, кажется, был склонен доверять Шульгину. Ведь у него было мало информации из тех сорока девяти губерний, что не входили в белый Крым: агентурная сеть была довольно слабой, информация от нее поступала нерегулярно и с большим опозданием. Пленные красноармейцы же, спасая собственную жизнь, конечно, говорили на допросах о том, что не любят большевиков и только искали случая, как бы сбежать из Красной армии. И были еще доходившие с советской территории слухи и редкие перебежчики вроде Шульгина. Но те, кто оказался в Крыму, среди массы слухов предпочитали отбирать те, которые говорили о скорой гибели большевиков, о восстаниях у них в тылу, о том, будто Буденный и другие видные советские военачальники готовы вот-вот перейти к белым. Именно они и публиковались главным образом в крымских газетах. Точно так же беженцы из Советской России в своем большинстве склонны были особо выделять те факты, которые могли говорить о скором крахе большевиков, и не обращать внимания на противоположные свидетельства.

Думается, Врангель не имел адекватного представления ни о внутреннем положении Советской России, ни о реальной боеспособности Красной армии, преувеличивая степень ее разгрома в Северной Таврии, а позднее — на Польском фронте. Отсюда — трагические для него и всего белого Крыма просчеты в завершающий период кампании.

Врангель, несомненно, обладал определенной харизмой. В. В. Шульгин вспоминал, что в Петре Николаевиче «чувствовался ток высокого напряжения. Его психическая энергия насыщала окружающую среду. Вера в свое дело и легкость, с какой он нес на себе тяжесть власти, власти, которая не придавливала его, а, наоборот, окрыляла — они-то и сделали это дело удержания Тавриды, дело, граничащее с чудесным».

По наблюдению Н. Н. Чебышева, Врангель «постоянно жил какой-то потусторонней жизнью, дышал дыханием носившейся вдалеке цели», пребывая в состоянии «духовного возбуждения, с оттенком экстаза».

А по мнению П. Б. Струве, барон сильно выигрывал в сравнении с Деникиным: тот «был улиткой в скорлупе» и «не видел людей и абсолютно ими не интересовался», тогда как Петр Николаевич «жил с людьми и на людях». Сознвая свою неосведомленность в политических вопросах, он охотно брал себе компетентных помощников, вроде того же Струве или Кривошеина, и часто опирался на их мнение. Врангель честно говорил Шатилову и другим друзьям-офицерам: «Беда в том, что ко мне обращаются с разными вопросами по государственному устройству, по веским экономическим и торговым вопросам, что я могу им сказать? Я должен верить тем, кто мне говорит. Я этого не люблю. Дайте мне конный корпус, и я покажу!»

Летом 1920 года Шульгин беседовал с главой крымского правительства Кривошеиным. Тот выражал общее настроение общественности, считая счастливой случайностью то, что белым удалось закрепиться в Крыму:

«— Когда меня призвали, я думал об одном: хотя бы клочок сохранить, хотя бы, чтобы кости мои закопали в русской земле, а не где-то там... Клочок для того, чтобы спасти физическую жизнь, спасти всех тех, кого недорезали... Не скажу, чтобы я очень верил в то, что это удастся... Я бы и совсем не верил, если бы я не верил в чудеса... Но чудо случилось... мы не только удержались, мы что-то делаем, куда-то наступаем... то, что совершенно разложившейся армии вдруг на самом краешке моря удалось найти в себе силы для возрождения, — это чудо... И что бы ни случилось, я всегда буду считать это чудом...»

Он стал нервничать. Я сказал:

— Это правда... ведь в России бывает... но что же дальше?

— Дальше... Прежде всего вот что: одна губерния не может воевать с сорока девятью. Поэтому, прежде всего, не зарывать-ся. Надо всегда иметь перед глазами судьбу наших предшественников. Деникин помимо всяких других причин, прежде всего, не справился с территорией. Мы наступаем сейчас, но помним — *memento* Деникин.

— Если так, то где же предел наступления?

— Необходимо держать хлебные районы, то есть северные уезды Таврии.

— Мне кажется, что удержать эту линию не удастся... Ведь настоящего фронта нет. Это не то, что война с немцами. Поэтому нас непременно или увлекут на север или сомнут к югу до естественной границы...

— Да, конечно... Но хлеб нам нужен... Рассматривайте это как вылазку за хлебом... Ведь если большевики называют генерала Врангеля “крымские ханом”, то следует принять тактику крымского хана, который сидел Крыму и делал набеги...

— Но зимовать в Крыму?

— Конечно... К этому надо быть готовым... Надо ждать...

— Ждать чего?..»

Прогноз Кривошеина был довольно мрачным:

«— Одно из двух... Или большевики после всевозможных эволюций перейдут на обыкновенный государственный строй — тогда, досидевшись в Крыму до тех пор, пока они, если можно так выразиться, не опохмелятся, — можно будет с ними разговаривать. Это один конец... Весьма маловероятный... Другой конец — это так, несомненно, и будет — они вследствие внутренних причин ослабеют настолько, что можно будет вырвать у них из рук этот несчастный русский народ, который в их руках должен погибнуть от голода... Вот на этот случай мы должны быть, так сказать, наготове, чтобы броситься на помощь... Но для того, чтобы это сделать, прежде всего, что надо? Надо “врачу исцелился сам”. Это что значит? Это значит, что на этом клочке земли, в этом Крыму, надо устроить человеческое житье. Так, чтобы ясно было, что там вот, за чертой, красный кабак, а здесь, по сию сторону — рай не рай, но так, чтобы люди могли жить. С этой точки зрения вопрос “о политике” приобретает огромное значение. Мы, так сказать, опытное поле, показательная станция. Надо, чтобы слава шла туда, в эти остальные губернии, что вот там, в Крыму, у генерала Врангеля, людям живется хорошо. С этой точки зрения важны и земельная реформа, и волостное земство, а главное, приличный административный аппарат.

— Насколько это вам удается?..

— Ах, удастся весьма относительно... Дело в том, что ужасно трудно работать... просто нестерпимо... Ничего нет... Можете себе представить бедность материальную и духовную, в которой мы живем. Вот у меня на жилете эта пуговица приводит меня в бешенство — я вторую неделю не могу ее пришить. Мне самому некогда, а больше некому... Это я, глава правительства — в таких условиях. Что же остальные? Вы не смотрите, что со стороны более или менее прилично и всё как по-старому. На самом деле под этим кроется нищета, и во всём так... Тришкин кафтан никак нельзя заплатать. Это одна сторона. А духовная — такая же, такая же бедность в людях!..»

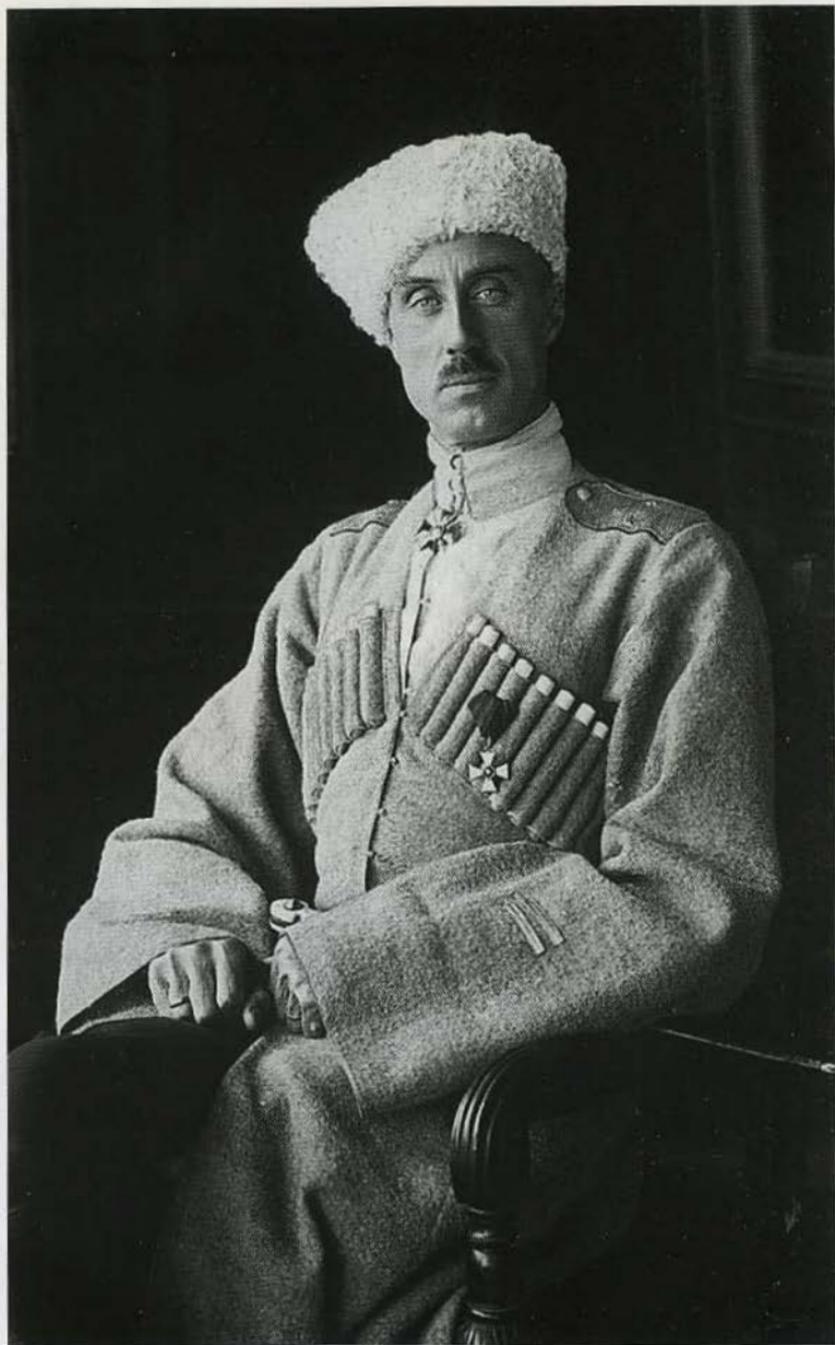
Реализм Кривошеина, лучше других представлявшего себе истинное положение вещей и всю непрочность как военных успехов, так и достижений в политической сфере, Шульгину не понравился: «Он опять стал очень нервничать. Да, действительно надломилось что-то в этом человеке. Выдержит ли? Кажется, не выдержит...»

Кривошеин обосновывал необходимость вырваться за пределы Крыма: «Трагедия наша в том, что у нас невыносимые соотношения бюджетов военного и гражданского. Если бы мы не вели войны и были просто маленьким государством, под названием Таврия, то у нас концы сходились бы. Нормальные расходы у нас очень небольшие были бы. Нас истощает война. Армия, которую мы содержим, совершенно непосильна для этого клочка земли. И вот причина, почему нам надо периодически, хотя бы набегам, вырваться...»

«Ах, лишь бы только не зарваться...» — опасался Шульгин.

Кривошеин заверил его, что в Крыму помнят печальный урок Деникина. Но, кажется, он сам в глубине души сомневался, что удастся расширить крымское «опытное поле» до необходимых пределов, а тем более долго удерживать его. Слишком уж неблагоприятно складывались обстоятельства. Ресурсов в Крыму почти не было. Крымские деньги ничего не стоили. Поэтому войска на фронте жили исключительно реквизициями и подножным кормом (тем, что захватывали на огородах и бахчах), а тыл — главным образом натуральным обменом. В прочность врангелевских реформ не верили, поскольку не верили в победу белых. Да и сами эти реформы, как мы увидим дальше, не были столь уж привлекательными для российского крестьянства.

По свидетельству либерального земского деятеля В. А. Оболенского, Врангель «подходил к власти без каких-либо предвзятых мыслей и без определенной программы, с верой в свою интуицию и в умение делать политические выводы из опыта жизни. Он ставил себе определенную цель, средства готов был выбирать любые».

Верховный правитель Юга России генерал-лейтенант П. Н. Врангель.
Севастополь, 1920 г.

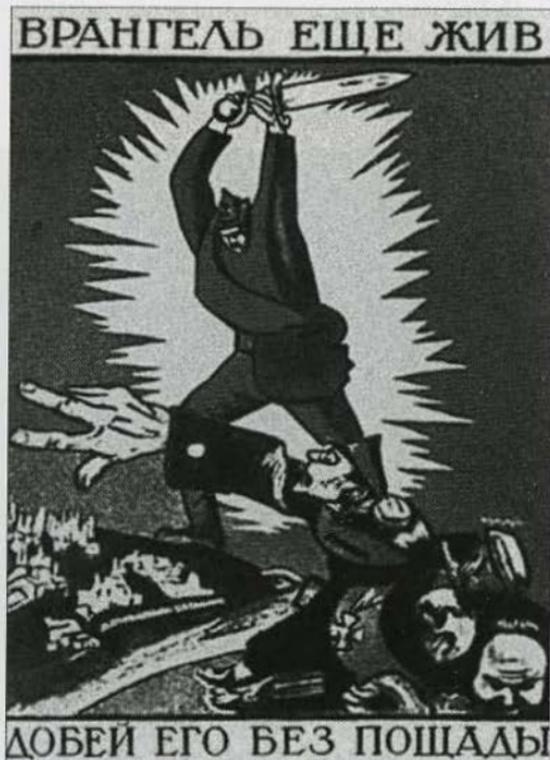
Белогвардейские плакаты.
1919г.

Большевистские
плакаты

«Врангель идет!!
К оружию,
пролетарии!!»
Н. Кочергин. 1920 г.

«Врангель еще жив.
Добей его без
пощады».
Д. Моор. 1920 г.

П. Н. Врангель в последние дни перед эвакуацией на Графской пристани в Севастополе. *Ноябрь 1920 г.*

Эвакуация белой армии из Крыма. *Ноябрь 1920 г.*

Брошенное орудие. Ноябрь 1920 г.

П. Н. Врангель на борту иностранного корабля. 1920 г.

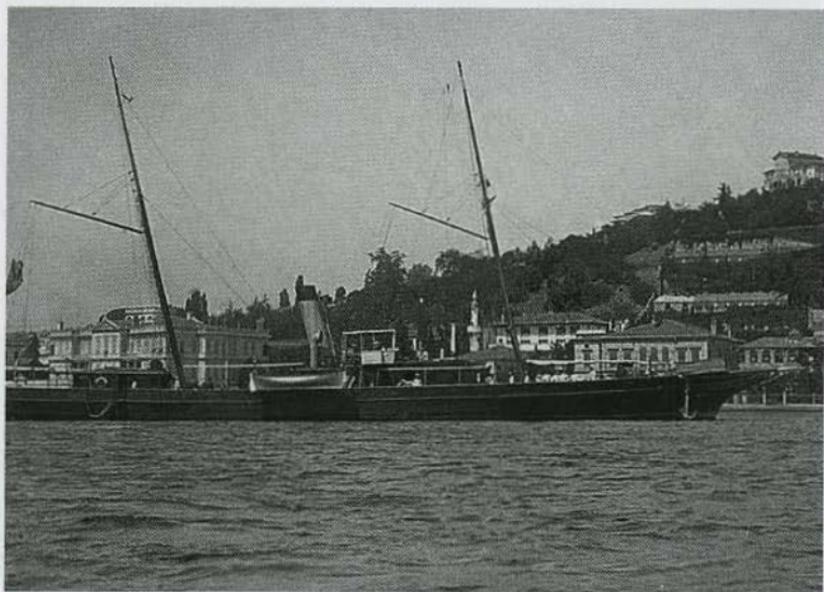

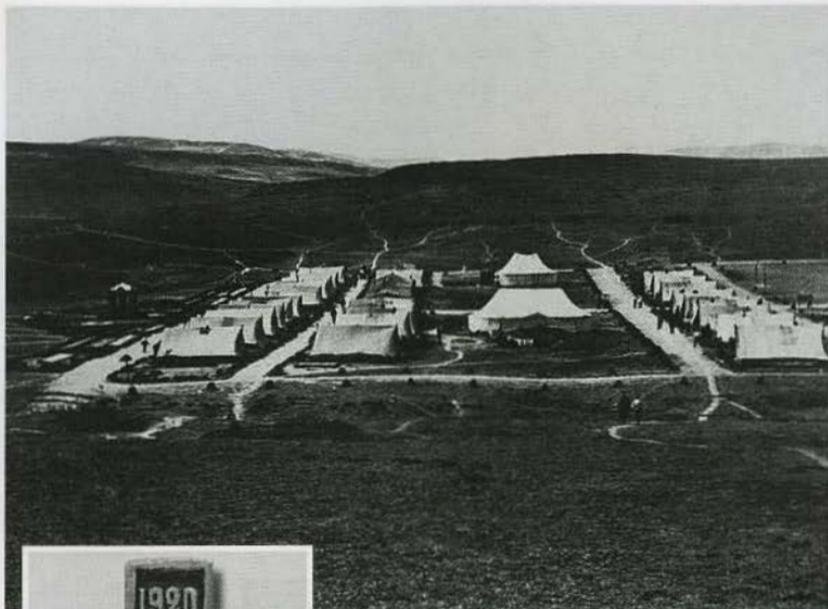

Генерал Врангель на палубе яхты «Лукулл». 1920 г.

Яхта «Лукулл»
в константинопольской бухте
Золотой Рог. 1920 г.

Нагрудный знак
«Галлиполийский крест» ►

Лагерь Корниловского полка в Галлиполи.
1921 г.

Занятия в офицерской артиллерийской
школе в Галлиполи. 1921 г.

Паек галлиполийца в марте 1921 года

Детский сад и гимназия имени барона Врангеля. Галлиполи, 1921 г.

П. Н. Врангель
на открытии
Русского совета.
*Константинополь,
5 апреля 1921 г.*

Врангель
у портрета
великого князя
Николая
Николаевича.
Париж, 1928 г.

С женой Ольгой.
Константинополь,
октябрь 1921 г.

С сыном Петром. Декабрь 1922 г.

П. Н. и О. М. Врангель

О. М. Врангель с детьми Натальей, Петром, Еленой и Алексеем. 1922 г.

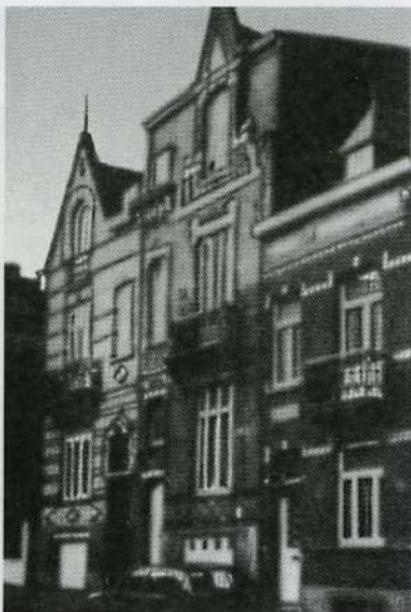

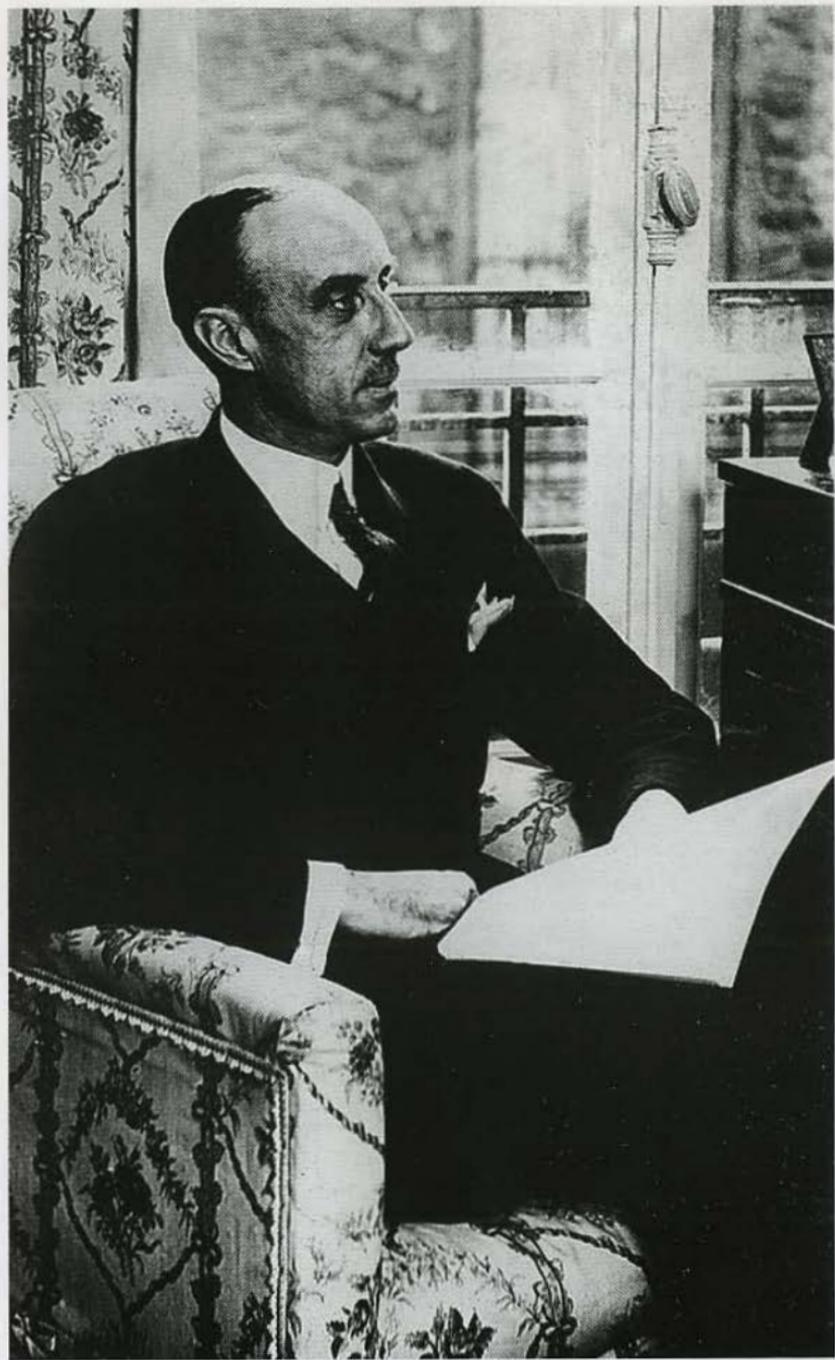

П. Н. Врангель на освящении церкви Святой Троицы в Белграде
(в ней он впоследствии был похоронен). 22 декабря 1924 г.

Секретарь П. Н. Врангеля
Н. М. Котляревский

Дом в Брюсселе, в котором
скончался П. Н. Врангель

В Париже. Октябрь 1927 г.

Похороны барона Врангеля. 1928 г.

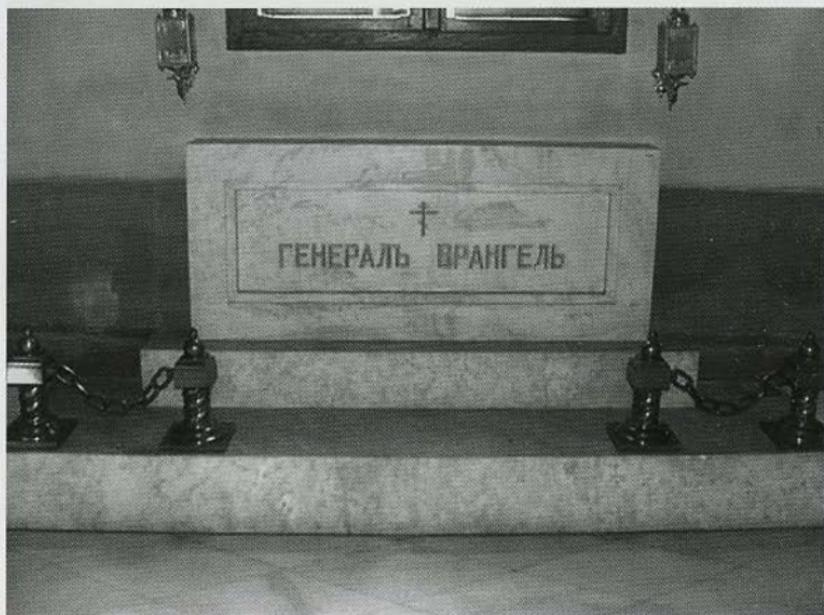
Кубанские казаки отдают последний долг. Брюссель, 1928 г.

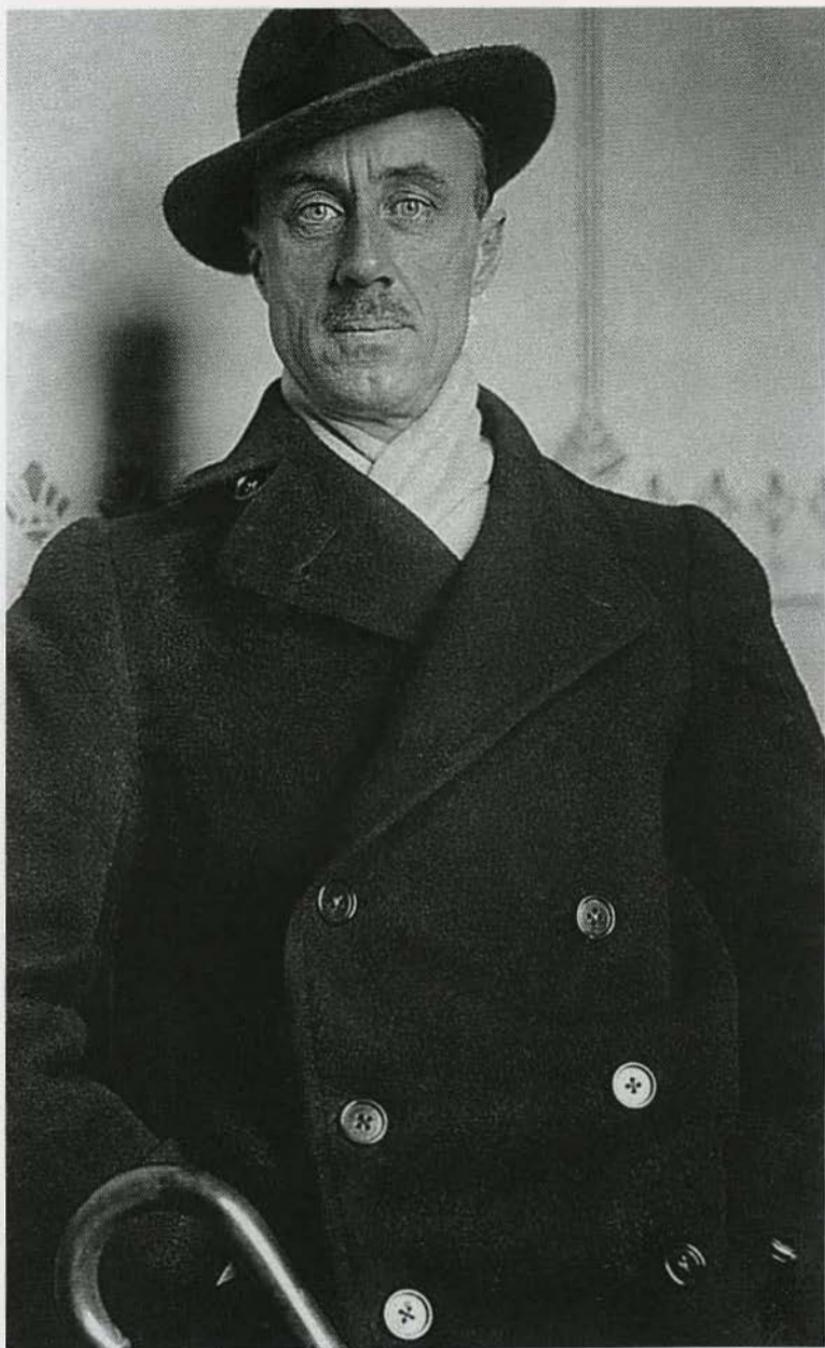

Место первого захоронения П. Н. Врангеля в Брюсселе

Надгробие могилы барона Врангеля
в церкви Святой Троицы в Белграде

П. Н. Врангель. Сремские Карловцы, 1924 г.

Не имевший опыта в политике, барон, по мнению Н. Н. Чебышева, не был лишен политических способностей: «Врангель имел дар и вкус к организационной работе, управлению людьми и влиянию разумом, волей, искусными ходами виртуоза-шахматиста для осуществления поставленных им себе политических целей на благо русского дела, так, как он это благо понимал». Врангель обладал ораторским талантом, во всяком случае, речи произносил лучше других белых вождей из числа генералов и адмиралов. И приказы он писал бодрые и бойкие. И еще Петр Николаевич умел находить общий язык с состоятельными горожанами и офицерами, но говорить с казаками и крестьянами получалось у него значительно хуже. Так, бывший военный прокурор Донской армии полковник И. М. Калинин свидетельствует:

«Случалось, что он сам (Врангель. — Б. С.) позволял себе такую роскошь, как публичные выступления на крестьянских сходах. Человек с темпераментом, он говорил веско, убедительно, позволяя себе даже демагогические выпады.

Ничего не выходило!

Вместо единодушного порыва на Москву, вместо идейного воодушевления — тоскливые лица и сдавленный ропот...

Экспансивный вождь, обдав презрительным взглядом тупую чернь, с досадой уходил с трибуны».

Личность Кривошеина вызывала у современников противоречивые чувства. Слащев откровенно не любил Александра Васильевича, видя в нем только ловкого дельца. Действительно, Кривошеин активно участвовал в акционерных предприятиях и экспортно-импортных сделках, что было не очень морально в условиях полуголодного Крыма, а в любой западной стране каралось бы по закону, так как глава правительства, безусловно, обладал инсайдерской информацией. Но Врангель слишком ценил его деловые качества и смотрел сквозь пальцы на его бизнес-проекты.

Кривошеин, как и Врангель, был прагматиком. В октябре 1920 года он, в частности, заявил французскому журналисту, что «лучше, чтобы монархия пришла на пять лет позже, чем на пять часов раньше времени».

Врангель был в восторге от Кривошеина. В мемуарах он характеризовал его только в превосходных степенях:

«Человек выдающегося ума, исключительной работоспособности, он изучил за свою продолжительную службу самые разнообразные отрасли государственного управления. Служил и в земском отделе Министерства внутренних дел, где близко ознакомился с крестьянским вопросом, в государственном земельном банке, состоял начальником переселенчес-

кого управления, товарищем министра финансов; в бытность последним широко развил деятельность Крестьянского банка и направил ее к повсеместному созданию мелкой крестьянской собственности. В течение десяти лет был министром земледелия, ближайшим сотрудником П. А. Столыпина, проводя в жизнь земельную реформу последнего. Достижением высоких служебных положений он обязан был одному себе, своим личным качествам, причем, имея исключительное значение в высших правительственных кругах, он в равной мере пользовался исключительным авторитетом и в кругах общественных.

Выдающийся администратор, он всегда удачно выбирал своих сотрудников, целый ряд которых впоследствии, пройдя его школу, выдвинулись на разнообразных поприщах государственной службы.

Человек исключительной эрудиции, культурности и широкого кругозора, с вполне определенными ясными взглядами, он умел быть терпимым, обладал редкой способностью уметь стать на точку зрения другого, убедить своего собеседника, с исключительным тактом избегая всего того, что могло бы последнего задеть. Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным людям старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов был принять революцию, но он ясно сознавал необходимость ее учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующей необыкновенного импульса и не терпящей шаблона.

Я понимал, какую огромную жертву принес бы Александр Васильевич, если бы согласился разделить со мной мой тяжелый крест, но, зная его, не терял надежды, что он согласится, что, горячий патриот и человек долга, он принесет эту жертву во имя родины».

Уже 9 апреля секретарь Врангеля Н. М. Котляревский направился в Париж к Кривошеину с просьбой войти в совет при главнокомандующем и заняться подготовкой земельной реформы, а в будущем — возглавить правительство. Кривошеин согласился помочь в деле гражданского управления и выехал из Парижа в Крым.

Шестого августа генерал Врангель принял новое звание: «Правитель Юга России и главнокомандующий Русской армией». Совет при главнокомандующем был переименован в правительство Юга России и возглавил его Кривошеин.

Глава таврического губернского земства князь В. А. Оболенский оценивал фигуру главы врангелевского правительства не столь восторженно, как сам главнокомандующий. В мемуарах Владимир Андреевич отметил, что составил о Кривошеи-

не «впечатление как о человеке, искренне и горячо любящем Россию. Кроме того, это был человек большого ума, лучше многих понимавший всю глубину происходивших в русской жизни изменений и ясно представлявший себе, что возврата к прошлому нет. Но... он все-таки был плоть от плоти бюрократического режима... Долгая бюрократическая служба создала в нем известные привычки и связи с определенным кругом людей». По словам Оболенского, «и Врангель, и Кривошеин обладали запасом здорового оппортунизма, столь необходимого им в их положении, обладали и большим жизненным чутьем, но по основным чертам психологии первый все-таки оставался ротмистром Конного Его Величества полка, а второй — тайным советником и министром большой самодержавной России».

Разумеется, по своему происхождению, воспитанию и жизненному опыту барон Врангель, блестящий гвардейский офицер и генерал-майор царской службы, был очень далек как от политики, так и от знания народных нужд. Однако подмеченный Оболенским «оппортунизм» Врангеля и свойственное ему политическое чутье помогли выработать определенный, по-своему цельный курс.

Если бы Врангель с самого начала возглавил Белое движение на юге России, результаты, быть может, оказались бы более успешными. Тот самый свойственный ему «оппортунизм», вероятно, помог бы с течением времени выработать более или менее реалистичную политическую программу, позволившую расширить социальную базу Белого движения. Тут, конечно, неизбежен был бы достаточно долгий путь проб и ошибок; но если бы соответствующая программа была выработана к середине 1919 года, когда Вооруженные силы Юга России контролировали достаточно большую территорию с несколькими десятками миллионов населения, у белых появился бы шанс на победу.

Однако на самом деле у Врангеля не было никакой возможности возглавить Добровольческую армию в конце 1917 года. Тогда непререкаемым лидером Белого движения был генерал Корнилов. Вот если бы Врангель принял более активное участие в корниловском выступлении против Керенского, то, возможно, его вместе с Лавром Георгиевичем посадили бы в Быховскую тюрьму. Дальше, вероятно, были бы участие в Ледовом походе и более быстрая карьера в Вооруженных силах Юга России. Но тогда бы и его конфликт с Деникиным мог развиваться быстрее, и не исключено, что Петр Николаевич оказался бы не у дел значительно раньше, чем потерпел крах белый поход на Москву. В любом случае, шансов заменить Де-

никина до того, как Вооруженные силы Юга России оказались разбиты, у Врангеля не было.

На встрече с представителями печати 9 апреля Врангель изложил свою программу действий. Он заявил, что стремится к тому, чтобы «разрешить наиболее назревшие вопросы, не превышая пределы фактической возможности».

Главкомандующий объявил своей целью «создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире».

Реформы, которые начали осуществлять Врангель и Кривошеин, смотрелись гораздо радикальнее, чем те, на которые в свое время решился Столыпин. Однако, с точки зрения вызванных революцией перемен, врангелевско-кривошеевские реформы выглядели запоздалыми и половинчатыми.

Например, введенное 15 июля Временное положение о волостных земских учреждениях, тесно связанное с земельной реформой, фактически исключало из состава избирателей наиболее активную часть сельского населения (деревенскую интеллигенцию, молодежь), так как избирательным правом наделялись только собственники либо длительные арендаторы земли и домовладельцы.

К тому же на председателей волостных земских управ возлагались также административные обязанности волостных старшин, а в этом качестве они подчинялись уездному начальнику. Кроме того, уездный начальник имел право приостановить постановление волостного земского собрания, если оно, например, «не отвечает общим задачам борьбы за восстановление государственности». Дабы использовать положительное отношение крестьян к слову «советы», Врангель настоял, чтобы так назывались и учреждения крестьянского самоуправления. Всего до конца врангелевского правления удалось образовать советы в 90 волостях из 140, находившихся под контролем Русской армии.

Шестнадцатого мая совет при главкомандующем постановил: «...при продвижении Вооруженных Сил на Юге России и освобождении селений, волостей и уездов от большевиков установить, по мере введения в сих местностях Гражданского Управления, Сельское общественное Управление, и Волостное и Уездное Земское Управление». 20 сентября приказом Врангеля было обнародовано Временное положение об уездном земстве, согласно которому уездные земства должны были выбираться представителями волостных земств. Однако на практике эти постановления остались на бумаге и эффективно действующего земства в Северной Таврии создать не удалось.

В приказе о введении волостного земства Врангель подчеркивал: «Кому земля, тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения». Теоретически, доминировать в земстве должны были «крепкие хозяева». Но это, несомненно, вызвало бы оппозицию как сельской интеллигенции, так и деревенской бедноты.

В отношении городского самоуправления Врангель вообще не успел предпринять ничего серьезного. Только 16 октября в газетах было опубликовано сообщение о том, что 26-го в Симферополе созывается съезд городов Крыма для рассмотрения финансового положения и текущих вопросов городской жизни, а также для избрания «исполнительного органа союза городов Крыма». По словам В. А. Оболенского, этот съезд призван был оказать «моральную поддержку» правительству Врангеля и обратиться к иностранным государствам с заявлением о том, что Врангеля поддерживает демократическое самоуправление Крыма. Но из-за осложнения положения на фронте съезд так и не состоялся.

Врангель многократно повторял: «Мы в осажденной крепости», «Лишь единая твердая власть может спасти положение», «Надо побить врага прежде всего, сейчас не место партийной борьбе». Но при этом он обещал привлечь к управлению общественные силы: «Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда».

Барон считал, что причина неудачи генерала Деникина кроется в том, что «стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась»: «Вместо того чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммуной, и проводить одну политику, “русскую” вне всяких партий, проводилась политика “добровольческая”, какая-то частная политика, руководители которой видели во всём том, что не носило на себе печать “добровольцев” — врагов России. Дрались и с большевиками, дрались и с украинцами, и с Грузией и Азербайджаном, и лишь немногого не хватало, чтобы начать драться с казаками... В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевицкие русские силы и разделили всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований».

По мнению Врангеля, «не триумфальным маршем из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке Русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игмом народа».

Чтобы убедить либеральную общественность в осуществи-

мости предлагаемых мер, Врангель мобилизовал всё свое красноречие: «Я вижу к воссозданию России совершенно новый путь. Пусть среди разлагающегося больного тела свободно оживают отдельные клеточки, и долг искусного врача должен быть в объединении их, не разрушая каждой в отдельности. Чем больше будет здоровых клеток, тем процесс разложения будет скорее пресечен. В конечном итоге все омертвелые части организма распадутся и новая молодая ткань заменит потерявшее жизнеспособность больное тело... Наладить совершенно расстроенный промышленный аппарат, обеспечить население продовольствием, используя самым широким образом естественные богатства края...» Петр Николаевич, правда, знал, что естественные богатства Крыма слишком малы, чтобы обеспечить армию и население. Он говорил о свободе торговли, но настаивал на сохранении карточной системы. Высказался Врангель и о земельной реформе: «Мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельскохозяйственная будущность России. Посредником по передаче земли в руки малого собственника должно явиться государство». О том, что землю крестьянам придется выкупать, он прямо не сказал.

Врангель считал, что Россия будет укрепляться земством: «...Из волостных земств надо строить Уездные, а из Уездного земства — Областные Собрания». А когда земства устроятся, от них можно будет избрать делегатов в некое общероссийское собрание, которое и определит форму правления в России. Выборами в земства и городские думы можно было очень легко манипулировать, в частности, посредством введения имущественного и образовательного ценза для пассивного избирательного права (права быть избранным), а также введением нормы выдвижения кандидатов от определенного числа граждан. Кроме того, земство и городское самоуправление подчинялись местным начальникам, назначаемым врангелевским правительством.

Нетрудно заметить, что в будущей политической системе России барон не видел места для партий. В условиях отсутствия политических партий большинство делегатов в новом Учредительном собрании неизбежно было бы назначено властью. А уж такое управляемое собрание могло проголосовать хоть за монархию, хоть за неприкрытую авторитарную диктатуру. Фактически та система, которая могла бы сложиться в России в случае победы Врангеля, была бы очень близка к «корпоративному государству», созданному в фашистской Италии.

«Ввиду необъятности территорий, занимаемых бывшей Россией, — говорил Врангель Г. Н. Раковскому, — ввиду этнографических и бытовых особенностей населения этих тер-

риторий я считал нецелесообразной централизацию управления». Но это был не более чем пропагандистский лозунг, поскольку в условиях военной диктатуры он всё равно никак не мог произвести децентрализацию управления, даже если бы действительно этого хотел.

Как сказано в вышеупомянутом сообщении американскому адмиралу Мак-Колли, в Крыму хотели создать и сохранить «здоровое ядро» государственности, «дабы оно могло служить центром притяжения, вокруг которого бы свободно собирались и развивались все усилия русского народа, направленные к национальному возрождению».

Генерал Б. А. Штейфон, оказавшийся в Крыму в разгар успешного наступления в Северной Таврии, отметил, что меры нового главнокомандующего по наведению порядка начали давать первые плоды: «...генерал Врангель влил много свежего и нового в жизнь войск. Войсковой тыл в Севастополе не носит теперь былого вида тылов Добровольческой армии. В течение трех недель своего пребывания в Севастополе я не видел ни одного пьяного, ни одного безобразия. Жизнь начинается рано, и к полуночи всё затихает...» Крымский государственный контролер Н. В. Савич вспоминал: «В Крыму не было ни погромов, ни грабежей со стороны воинских частей, которые получали регулярно свое довольствие и не были вынуждены прибегать к самоснабжению, что было одной из наиболее вопиющих язв 1919 года. Совершенно невозможно было существование таких начальников, как Шкуро или Покровский, о грабежах коих слагались легенды». Однако к этому стоит добавить, что насилия и реквизиции в Северной Таврии случались достаточно часто.

Врангеля поддерживали редакторы крымской газеты «Великая Россия» Н. Н. Львов, В. М. Левитский и Н. Н. Чебышев. В статье «За что мы боремся», напечатанной 8 мая, Львов утверждал:

«В наших рядах есть люди разных политических воззрений, есть преданные идее монархии, но есть и такие, которые увлечены демократическими течениями. Только злая клевета может бросить нам обвинение в реакционных стремлениях. Нет, это не реставрация. Такое героическое напряжение воли не может быть направлено только для восстановления петербургского бюрократического порядка управления.

Никто не стал бы жертвовать столь многим, что бы только увидеть во всем прежнем виде старый режим...

Никто не станет умирать за реставрацию, но точно также никто не станет жертвовать жизнью за торжество эсеровской программы и Учредительного собрания с Черновым во главе.

Дело идет о чем-то гораздо большем. Люди не хотят быть рабами и не хотят видеть свою родину под властью самой позорной тирании, которую только можно себе представить».

В другой статье, «Как мы понимаем революцию», Львов настаивал: «Мы были и остаемся убежденными монархистами, но мы никогда не позволим себе навязывать наших убеждений другим, но равным образом мы всеми силами будем бороться против вырыванья для себя из рук власти разных вольностей и свобод, навязывания нам демократической республики и каких-либо партийных программ. Россия выйдет из борьбы таковой, какой создаст ее воля людей, отдавших себя всецело делу борьбы».

Эти взгляды практически не отличались от взглядов Врангеля. Его монархизм (который, однако, нельзя было провозглашать открыто по тактическим соображениям, прежде всего из-за необходимости сотрудничать с Англией и Францией, а позднее — и с Польшей, и с любыми антибольшевистскими силами в России) разделяли офицеры флота, а также кадровые офицеры царской армии. Монархисты также составляли основную массу тех, кто был произведен в офицеры в годы Первой мировой войны. Республиканцами были большинство офицеров Добровольческого корпуса, за исключением дроздовцев, среди которых преобладали монархисты. Республиканские идеи были популярны также среди казачьих офицеров, считавших, что при таком политическом устройстве легче будет обеспечить автономию казачьих областей. Таким образом, даже среди командного состава Русской армии не было единства по вопросам формы правления в России. Поэтому выдвигание монархических лозунгов могло расколоть армию.

Первого июня Врангель был извещен, что в Севастополе раскрыт «монархический заговор» офицеров флота и произведены аресты. Заговорщики пытались уговорить лейб-казаков из охраны Врангеля арестовать его и Шатилова. Власть планировалось передать великому князю Николаю Николаевичу, а до его приезда в Крым — его пасынку, герцогу Сергею Лейхтенбергскому, состоявшему ординарцем при Славцеве. Контрразведка сочла, что весь заговор был результатом провокации большевистского агента Пинхуса, стремившегося дискредитировать белых в Крыму. Пинхуса расстреляли, а заговорщиков отправили на фронт.

После того как контрразведывательные органы были взяты под контроль генералом Климовичем, по признанию даже чуткого к любому пренебрежению к правам человека В. А. Оболенского, «разбой и насилия контрразведки почти прекратились, а уличенные в злоупотреблениях ее чины наказывались».

Главный удар врангелевских спецслужб был направлен против большевистского подполья. 19 мая начальник Особого отделения Морского управления подал начальству рапорт о разгроме Центрального комитета большевиков в Севастополе. Эта группа держала связь с «зелеными» под командованием капитана П. В. Макарова, бывшего адъютанта Май-Маевского. Всего было задержано 18 человек, в том числе бывший шофер Деникина и шофер Врангеля Колесников. Шестеро из них были казнены, четверо оправданы, трое приговорены к тюремному заключению, пятеро — к каторжным работам. Советским агентом, как выяснилось позднее, был высокопоставленный сотрудник «политической части» штаба Врангеля полковник Симинский.

Аресты прошли в Керчи, Симферополе и других городах. Коммунистическое подполье было подавлено. Возобновить его с помощью агентов, засланных из Советской России, не удалось.

А вот с отрядами «зеленых» вплоть до эвакуации Крыма врангелевские власти справиться не смогли, но большого беспокойства они все-таки не доставляли. Численность «зеленых», среди которых преобладали дезертиры и «уклонисты» от мобилизации, не превышала тысячи человек.

Пятого августа из Советской России в Крым приплыл на катере матрос Мокроусов с двадцатью партизанами, 500 миллионами царских рублей, 200 тысячами турецких лир и пулеметом. Он соединился с отрядом Макарова и атаковал и частично уничтожил Бешуйские угольные копи, а позднее совершил набег на Судак. Врангель считал, что к концу лета у Мокроусова в отряде было около 300 человек.

Главнокомандующему легко удалось справиться с фрондой донских казаков. В газете «Донской вестник», издававшейся при штабе Донского корпуса начальником его политотдела графом дю Шайля, критиковался Добровольческий корпус, будто бы бросивший донцов на произвол судьбы в Новороссийске, и исподволь проводилась идея независимого Донского государства.

Шестого апреля Врангель издал по этому поводу приказ: «Бьет двенадцатый час нашего бытия. Мы в осажденной крепости Крыму.

Успех обороны крепости требует полного единения ее защитников. Вместо этого находятся даже старшие начальники, которые политиканствуют и сеют рознь между частями.

Пример этому — штаб Донского корпуса.

Передо мной издание штаба — «Донской вестник».

Газета восстанавливает казаков против прочих неказачьих

частей Юга России, разжигает классовую рознь в населении и призывает казаков к измене России.

По соглашению с Донским Атаманом приказываю Ген<ералу> Сидорину сдать должность Ген. Абрамову. Отрешаю от должности Начальника Штаба корпуса Ген. Кельчевского и Ген<ерал-> Кварт<ирмейстера> Ген. Кислова. Начальника полит. отдела и редактора газеты Сотн<ика> гр<афа> дю Шайля предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры. Следователю по особо важным делам немедленно на месте произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду.

Газету закрыть.

Впредь буду взыскивать беспощадно со всех тех, кто забыл, что в единении — наш долг перед Родиной».

Дю Шайля, отданный под суд за публикацию «статей, направленных к созданию розни между казачьими и неказачьими элементами русской армии» и пропаганду донского сепаратизма, при аресте пытался застрелиться. В апреле Севастопольский военно-морской суд под председательством А. М. Драгомирова приговорил командующего Донским корпусом В. И. Сидорина и его начальника штаба А. К. Келчевского к четырем годам каторжных работ, но Врангель ограничился исключением обоих со службы с лишением права ношения мундира и высылкой опальных генералов в Константинополь. Дело дю Шайля, который, тяжело раненный, находился в лазарете, рассматривалось в августе. Поскольку главная цель — устранение Сидорина и Келчевского — была достигнута, дю Шайля оправдали как действовавшего по приказу своих непосредственных начальников.

В Севастополе 22 июля врангелевским правительством было подписано соглашение с атаманами и правительствами казачьих областей Дона, Кубани, Терека и Астрахани: казачество получало полную внутреннюю автономию, но при этом все казачьи части подчинялись Врангелю как главнокомандующему. В ведении центральной власти также оставались телеграф и железные дороги, проходящие по казачьим землям, финансы и таможня.

Врангель придавал важное значение православной церкви как институту, призванному привить народу нравственное начало.

Сначала было реорганизовано военное духовенство. Отцу Георгию Шавельскому, бывшему протопресвитеру армии и флота, «разбитому душой, глубоко морально потрясенному», Врангель поручил «ознакомиться на месте с положением наших беженцев за границей». Управляющим военным духовен-

ством 31 марта был назначен епископ Севастопольский Вениамин.

Епископ Вениамин (Федченков) был самым близким к Врангелю церковным деятелем, которому Петр Николаевич полностью доверял. Впоследствии он «сменил вехи», вернулся в СССР и стал митрополитом. Одна из глав его изданных в СССР мемуаров «На рубеже двух эпох» называется «Генерал Врангель».

«Я озаглавливаю эту главу именем одного человека потому, — объяснял архиерей, — что он был действительно центральной личностью, воодушевлявшей Белое движение под его управлением. Был до него генерал Деникин, но то время, гораздо более продолжительное, не было окрашено его именем. Говорили: “деникинцы”, “белые”, “кадеты”, но редко: “генерал Деникин”. А здесь про все движение обычно говорилось кратко: “генерал Врангель” или еще проще: “Врангель” ...»

По прошествии многих лет престарелый архиерей вспоминал те настроения, которые владели защитниками Крыма:

«Казалось бессмыслицей продолжать проигранную борьбу, а ее решили опять возобновить. И мало того, еще надеялись на победу. Мечтали, и среди таких наивных был и я, о Кремле, о златоглавой Москве, о пасхальном трезвоне колоколов Первопрестольной. Смешно сейчас и детски наивно. Но так было. На что же надеялись?»

Оглядываясь теперь, двадцать три года спустя, назад, я должен сказать — непонятно! Это было не только неразумно, а почти безумно. Но люди тогда не рассуждали, а жили порывами сердца. Сердце же требовало борьбы за Русь, буквально “до последней пяди земли”. И еще надеялись на какое-то чудо: а вдруг да всё повернется в нашу сторону?! Иные же жили в блаженном неведении — у нас еще нет большевиков, а где-то там они далеко. Ну, проживем — увидим. Небось?.. Были и благоразумные. Но история их еще не слушала: не изжит был до конца пафос борьбы. Да и уж очень не хотелось уходить с родной земли. И куда уходить? Сзади — Черное море, за ним — чужая Турция, чужая незнакомая Европа. Итак, попробуем еще раз! А может быть, что и выйдет? Ведь начиналось же “белое движение” с 50 человек, без всякой земли, без денег, без оружия, а расплодилось потом почти на всю русскую землю. Да уж очень не хотелось уступать Родину “космополитам-интернационалистам”, “евреям” (так было принято думать и говорить про всех комиссаров), социалистам, безбожникам, богоборцам, царевбийцам, чекистам, черни. Ну, пусть и погибнем, а всё же — за родную землю, за “единую, великую, неделимую Россию”. За нее и смерть красна! Вспомни-

лось и крылатое слово героя Лавра Корнилова, когда ему задали вопрос:

— А если не удастся?

— Если нужно, — ответил он, — мы покажем, как должна умереть Русская армия!

Исторические события, как большого, так и малого размера, двигаются, по моему мнению, не столько умом, сколько сердцем, стихийно. А когда этот дух испарится, движения умирают. Так бывает в жизни каждого человека, так же совершается и в жизни народа. А разве малая пташечка не бросается безумно на сильную кошку, защищая своих птенчиков? У нас еще есть клочок земли, есть осколки армии, и мы должны бороться! Мы хотим бороться! Мы будем бороться! И притом ясно, что наше дело хорошее, правое, святое, белое дело! Как не бороться за него до последней капли крови?!

И снова вспоминается мне та кучечка безусых юнцов-аристократов у костра возле Перекопского вала, которые с грустью и явным уже маловерием спрашивали меня во тьме ночной:

— Батюшка, неужели мы не победим? Ведь мы же за Бога и за Родину!

— Победим, победим, милые! — утешаю их я, и сам не вполне уже веря в нашу победу...»

Об отношении самого Врангеля к православию и церкви Вениамин писал:

«По постановлению нашего Синода на 12—14 сентября (старого стиля) было назначено всеобщее покаяние в грехах... Я получил от какого-то ревнителя благочестия жалобное письмо: “Владыка, где же наше начальство? Почему никого из них не видно в храмах? Неужели лишь рабочим нужно каяться, а не им?”

И дальше в таком роде.

Я потом передал содержание письма Врангелю, да еще, кажется, и при жене. Он ответил нам:

— Владыка! Мы тоже верующие. Но у нас иное было воспитание в семьях и школах, мы не афишировали нашей религиозности, даже стеснялись показывать ее. Нас тоже можно понять, да и дел масса.

Тут есть правда. Сам генерал — я это знаю — исповедовался и причащался. Не могу забыть и тех трех крестов его, какими он молился перед принятием главного командования».

Врангель, несомненно, искренне верил в Бога. «Я сам человек верующий, — признавался он Г. Н. Раковскому, — и придаю огромное значение правильно поставленному религиозному воспитанию». Он считал, что православие должно

стать одним из средств поддержания морального духа армии и народа, в котором он видел основу возрождения России.

Четвертого июня совет при главнокомандующем постановил:

«1. Признать, что учреждение в настоящее время самостоятельного Управления Исповеданий не представляется необходимым.

2. Возложить Управление делами Православного Вероисповедания на Высшее Церковное Управление на основаниях, установленных Всероссийским Священным Собором.

3. Передать дела Инославных Исповеданий в ведение Гражданского Управления, по Отделу Внутренних Дел.

4. Предоставить Председателю Высшего Церковного Управления участвовать в заседаниях Совета при Главнокомандующем, с правом совещательного голоса, по делам, касающимся Православной церкви, а также по делам, непосредственно связанным с важнейшими жизненными интересами Государства и русского народа».

В дальнейшем по просьбе главы Церковного управления архиепископа Таврического Дмитрия Врангель удалил из постановления оговорку «с совещательным голосом».

Еще в конце марта епископ Вениамин обратил внимание Врангеля «на угрожающий упадок нравственности в армии», поскольку «междоусобная война со всеми ее ужасами извращала все нравственные понятия, грязнила душу». В связи с этим главнокомандующий 10 апреля включил Управление военным и морским духовенством на время военных действий в состав своего штаба и учредил десять должностей «проповедников армии». Управлению был предоставлен «вагон-церковь» для совершения богослужений в местах, где не было храмов.

Врангель писал в мемуарах: «В связи с общей работой по возрождению армии я считал совершенно необходимым не только беспощадную чистку ее от порочных элементов, но и проведение целого ряда мер для повышения нравственного уровня в войсках, в том числе и духовно-религиозного воспитания».

Еще одна проблема, вставшая перед правителем юга России и требовавшая безотлагательного решения, — чиновничья волокита. 13 мая Врангель отдал приказ:

«...В гражданских учреждениях... сильно развит бюрократизм, работа идет по шаблону, лишь в известные часы, творчества вкладывается мало, нужды населения встречают мало отзывчивости.

Приказываю это прекратить и помнить, что мы живем в эпоху, когда лихорадочная работа должна вестись всеми, и что,

если меня будят в ТРИ часа ночи, то в ПЯТЬ часов той же ночи мой Начальник Штаба уже выполнил всё, что касается поднятого вопроса.

Вообще должен подчеркнуть, что военные учреждения в отношении работы далеко оставили позади гражданские органы, почему требую от последних наибольших усилий в своей деятельности.

Высшим Начальникам гражданских учреждений беспощадно удалять лиц, которые не могут возвыситься над простым пониманием старых бюрократических приемов и перейти к живой работе».

Петр Николаевич мыслил, что в идеале гражданские учреждения должны работать так же, как военные, где всё определяется приказами вышестоящих начальников, за неисполнение которых карают вплоть до расстрела. Но, разумеется, добиться подобной слаженности в деятельности гражданских учреждений, где процветала коррупция, главнокомандующему не удалось. У него не хватало кадров честных и квалифицированных работников для укомплектования правительственных учреждений. И расстреливать чиновников барон всё же не решался, понимая, что заменить их всё равно некем, а расстрелы гражданских служащих за плохую работу вызвали бы негативную реакцию в тылу.

Как Деникин, так и Врангель считали неуместным награждать за подвиги в войне, ведущейся против своего народа, русскими императорскими орденами. Поэтому вместо ордена производили в следующий чин, что привело к появлению многих молодых полковников и генералов, далеко не все из которых соответствовали по своему опыту и способностям высоким командным должностям. Поэтому 30 апреля Врангель учредил новый орден — Святого Николая. Он имел две степени, и «каждый воинский чин Белой армии, вне зависимости от своего ранга или должности, мог, за боевые отличия, быть удостоен награждением обеими степенями ордена». Наградным знаком ордена был железный крест.

Врангель хорошо понимал, что среди мер идеологического воздействия на подчиненные ему армию и население не последнюю роль играют средства массовой информации. 26 июня, отметив, что «правительственная политика не нуждается в особых мерах искусственного влияния на общественное мнение и настроение народной мысли, редко достигающих своей цели», он упразднил Центральное управление политической части и политические отделения при штабах корпусов, а отдел печати передал в ведение начальника гражданского управления. Барон считал: «Пусть судят власть по ее действиям». С

20 июля вместо прежних местных политических отделений были созданы представительства Южнорусского телеграфного агентства. Главой отдела печати был поставлен Г. В. Немирович-Данченко, позже его сменил Г. В. Вернадский.

По мнению Врангеля, в работе средств массовой информации «камертон давала севастопольская пресса: “Вечернее Слово”, редактируемое Бурнакиным, листок монархического оттенка, “Юг России” под редакцией Аркадия Аверченко, газета умеренного направления, и “Крымский Вестник”, либеральничавший еврейский орган». Серьезного официального издания не было. Таковым стала «Великая Россия», редактируемая Чебышевым и Львовым.

Врангель разъяснил свою позицию по вопросу о цензуре печати редакторам крупнейших крымских газет:

«Предложив им чаю, я высказал большое удовлетворение видеть у себя представителей местной прессы, наиболее близко стоящей к органам правительственной власти, к голосу которой, конечно, прислушивается провинциальная печать.

— Некоторые из вас, господа, знают меня, вероятно, по прежней моей деятельности и знают, что я всегда был другом печати. Печатному слову я придаю исключительное значение особенно в настоящие дни, когда вся страна, весь народ не могут оставаться в стороне от событий, переживаемых родиной. Уважая чужие мнения, я не намерен стеснять печать независимо от ее направления, конечно, при условии, если это направление не будет дружественно нашим врагам. Вместе с тем я должен указать вам, что мы находимся в положении исключительном. Мы в осажденной крепости — противник не только угрожает нам с севера, но мы вынуждены нести охрану всего побережья, где можно ожидать высадок его отрядов».

В этих условиях, считал Врангель, невозможно обойтись без цензуры, причем она должна распространяться не только на военные вопросы, ибо отделить военную цензуру от общей невозможно во время всякой войны, а тем более гражданской, «где орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и идеи».

«Я не сомневаюсь, господа, в вашем патриотизме, — продолжил барон, — и очень бы хотел избавить вас от тех стеснений, которые мешают вашей работе. Вместе с тем, будучи ответствен за то дело, во главе которого стою, я вынужден принять меры для ограждения армии и населения, под защитой армии находящегося, от всего того, что могло бы им угрожать. Я предлагаю на ваше усмотрение два выхода: или сохранить существующий ныне порядок, причем я обещаю вам принять все меры к тому, чтобы упорядочить цензуру, чтобы

подобрать соответствующий состав цензоров, или, освободив печать от цензуры, возложить всю ответственность на редакторов. В этом случае последние явятся ответственными перед судебной властью. В случае появления статей или заметок, наносящих вред делу нашей борьбы, они будут отвечать по законам военного времени, как за преступление военного характера. Должен обратить ваше внимание, что, по военным законам, действия, наносящие вред нам и служащие на пользу противника, караются весьма строго, вплоть до смертной казни. Обдумайте, господа, мое предложение и дайте мне ваш ответ».

Издателям явно не хотелось взваливать этот груз на свои плечи: «Первым подал голос редактор “Крымского Вестника”, поспешивший заявить, что, ввиду нашего исключительно тяжелого положения и учитывая все приведенные мною сообщения, он готов признать вопрос об отмене цензуры несвоевременным; с ним согласился представитель редакции “Юга России”. Один Бурнакин (редактор «Вечернего слова». — Б. С.) сказал, что готов принять ответственность за свой орган. После этой беседы вопрос об отмене цензуры на столбцах печати больше не обсуждался». Редакторы благоразумно предпочли, чтобы газеты выходили с цензурными пробелами, чтобы не «нести ответственность по законам военного времени» за публикацию материалов, которые могли счесть идущими на пользу врагу.

Цензура при Врангеле была более упорядоченной и либеральной, чем при Деникине. Но не обходилось и без курьезов. Однажды была запрещена официальная речь самого Врангеля как «слишком революционная», а в другой раз — заметка А. В. Кривошеина, якобы «подрывающая существующий государственный порядок».

В то же время был приостановлен выпуск не только левых изданий, но и черносотенных «Царь-колокола», обвинявшего правительство в демократизме, и ведущей погромную агитацию «Русской правды». Последняя напечатала 29 июня две статьи, по мнению Врангеля, «антисемитского направления». К нему почти одновременно пришли военные представители Соединенных Штатов и Франции с номерами газеты в руках и предупреждали о том неблагоприятном впечатлении, которое эти статьи неминуемо произведут на общественное мнение их стран. На следующий день Врангель опубликовал приказ:

«Мною неоднократно указывалось, что в настоящий грозный час лишь в единении всех русских граждан спасение Родины. Всякая национальная, классовая или партийная вражда, исключая возможность деловой работы, недопустимы. Между тем натравливание одной части населения на другую

всё еще не прекращается, и чины Правительственных учреждений в отдельных случаях не принимают должных мер для пресечения этого зла в корне. Передо мной номер газеты “Русская Правда” с рядом статей погромного характера.

Объявляю выговор начальнику военно-цензурного отделения полк. Игнатьеву.

Старшего цензора Власьяка отрываю от должности.

Газету закрыть».

Возникали проблемы и с левыми газетами. Так, в конце сентября Шатилов телеграфировал члену правительства С. Д. Тверскому:

«Главком приказал выяснять расследованием, по вине какого цензора появилась в номере 26 газеты “Крестьянский Путь” статья “Довольно бесчинств”. Виновного цензора главком приказал арестовать, а редактора газеты предупредить, что в случае повторения подобных статей в газете она будет закрыта, сам он будет выселен из пределов Крыма за тенденциозное освещение распоряжений агентов власти, не имеющее других последствий, кроме ее дискредитирования. По всем изложенным в статье злоупотреблениям главком приказал произвести расследование, снесясь с генералом Ронжиным, если это потребуется».

По мнению В. А. Оболенского, из примерно двадцати крымских газет три были независимые, две («Таврический голос» и «Великая Россия») — «умеренные». Остальные же он определяет как «явно монархические» или «рептильные».

Практически все печатные издания находились в сильной экономической зависимости от правительства, которое их финансировало и снабжало бумагой. Самостоятельно существовали только «Южные ведомости» в Симферополе, издаваемые на средства кооперативов, и «Ялтинский курьер», вскоре закрытый из-за «социалистической направленности».

По свидетельству Г. В. Вернадского, журналисты «понимали трудность положения и соответственно сами себя ограничивали в своих газетных писаниях в отношении острых политических и военных вопросов».

В. А. Оболенский характеризовал ситуацию с крымскими средствами массовой информации следующим образом:

«Злоба, клевета и доносы, с одной стороны, бахвальство и “шапками закидаем”, с другой — основные черты всей этой ужасной удушающей прессы. А если говорить о направлении, то, за исключением “Таврического голоса”, допускавшего известный либерализм суждений, и “Великой России”, старавшейся быть умеренной, всё это были газеты определенно правого, явно монархического уклона. Конечно, преобладание

правых газет среди субсидировавшихся правительством не было простой случайностью, ибо если еще можно допустить, что “правые руки могли творить левую (практическую) политику”, то правая голова не могла говорить левые слова».

По словам же самого Врангеля, «субсидируемые правительством органы, а таких было большинство, льстили власти самым недостойным образом, но в проведении общих руководящих мыслей государственного значения помочь правительству не могли», за исключением газеты «Великая Россия».

Тиражи изданий были невелики, а цена довольно высока из-за дороговизны бумаги и быстро растущей зарплаты типографских рабочих. Наборщик, например, получал за набранную строку гораздо больше, чем написавший ее журналист. К концу лета номер газеты обычно стоил от 500 до 800 рублей, тогда как фунт хлеба — 200 рублей.

В июне на фронт доставлялось ежедневно 1620 номеров разных газет, в августе количество отправляемых экземпляров уже перевалило за десять тысяч. Но нередко газеты до боевых частей не доходили, поскольку штабные чины оставляли их себе или даже перепродавали местному населению для чтения или «на сигарки». Но в любом случае эффективность газет как средства пропаганды была невелика. Тут сказывалось как различие направлений газет, плохое знакомство большинства журналистов с народной жизнью и фронтовыми реалиями, так и отсутствие единого координирующего центра, организующего пропагандистские кампании. Отдел печати таким центром ни в коем случае не являлся. Да и рядовые солдаты и казаки врангелевских войск были людьми не слишком грамотными, и читать прессу им было трудно. В большей мере пропагандистским целям служили листовки, в том числе и с врангелевскими приказами. Но не все приказы главкома, часто касавшиеся сложных юридических вопросов, были достаточно просты, чтобы их могли понять крестьяне и солдаты. Тут требовался их доступный пересказ в листовках, а их часто некому было писать; да и те, кто их составлял, как правило, не умели доводить суть политики Врангеля до народа.

Так, совершив в июле поездку по прифронтовой полосе, епископ Вениамин встретил лишь одного правительственного агитатора, у которого при себе не было даже текста земельного закона. Пришлось архиерею отдать ему свой экземпляр. Агитаторов почти не было, а те, которые имелись, часто не умели агитировать. Шесть агитаторов, посланных в Мелитополь, были после первых же выступлений отосланы с фронта, так как Кутепову и его помощнику по гражданской части не понравилось содержание их выступлений.

В журнале правительства от 20 августа было отмечено, что «главнокомандующий недоволен постановкою агитации в прифронтовой полосе, находя, что разъяснения правительственных мероприятий должны производиться каждым ведомством по своей части, а не малоопытными дилетантами, вносящими в это дело путаницу и нередко дающими разъяснения, несогласные с видами Правительства. Главнокомандующий приказал всех такого рода агитаторов и разъяснителей удалить с фронта».

А вот образец листовки, призывавшей красноармейцев переходить на сторону Русской армии:

«КОМАНДИРЫ И КРАСНОАРМЕЙЦЫ КРАСНОЙ КОННОЙ АРМИИ

Волей Вашей вы заставили комиссаров прекратить войну с Польшей, несмотря на то, что они морочили Вам головы, что “вы защищаете Родину от Польской шляхты”.

ВЫ УБЕДИЛИСЬ, ЧТО НЕ РОДИНУ ВЫ ЗАЩИЩАЛИ, А ВЛАСТЬ КОМИССАРОВ.

Вы решили кончить войну и **ЗАСТАВИЛИ КОМИССАРОВ ПОДЧИНИТЬСЯ ВАШЕМУ РЕШЕНИЮ.**

Поймите, что комиссары пошли на уступки Вам только для того, чтобы **УДЕРЖАТЬ ЗА СОБОЙ ВЛАСТЬ, УПРАВЛЯТЬ ВАМИ И УГНЕТАТЬ НАРОД.**

Если не будет у вас Польского фронта, то **УЖЕ ОПЯТЬ ВОЗНИК СИБИРСКИЙ ФРОНТ**, куда опять начнут вас гнать.

И не будет конца вашим мытарствам, ибо **БЕЗ ВОЙНЫ КОМИССАРОДЕРЖАВИЕ СУЩЕСТВОВАТЬ НЕ МОЖЕТ**: не будет войны внешней, комиссары будут воевать с Русским народом.

РУССКАЯ АРМИЯ БОРЕТСЯ НЕ С РУССКИМ НАРОДОМ, А С ЕГО УГНЕТАТЕЛЯМИ КОММУНИСТАМИ И КОМИССАРАМИ; ОНА ДАЕТ НАРОДУ ЗЕМЛЮ И НАРОДУ ПРАВА.

Командиры и красноармейцы. Скажите коммунистам и комиссарам свое твердое слово “**ЗА РУССКИЙ НАРОД, ЗА ЕГО ПРАВО РЕШИТЬ СВОЮ СУДЬБУ**”.

Уничтожьте коммунистов и комиссаров; **ПЕРЕХОДИТЕ НА НАШУ СТОРОНУ**, чем вы ускорите конец братоубийственной войны.

РУССКАЯ АРМИЯ с верой в правоту своего дела **БУДЕТ БОРОТЬСЯ ЗА ЛУЧШУЮ ЖИЗНЬ, ЗА СВОБОДУ И ПРАВО НАРОДА И ПРОТЯНЕТ БРАТСКИ РУКУ ВСЯКОМУ, КТО БУДЕТ ЕЙ ПОМОГАТЬ В ЭТОМ.**

УНИЧТОЖЬТЕ КОММУНИСТОВ И КОМИССАРОВ,

ВАШИХ УГНЕТАТЕЛЕЙ; ПЕРЕХОДИТЕ НА НАШУ СТОРОНУ, ЧЕМ УСКОРИТЕ КОНЕЦ “КОМИССАРОДЕРЖАВИЯ”, а над исстрадавшейся Родиной взойдет солнце свободной, новой жизни.

СУДЬБУ РОДИНЫ РЕШИТ НАРОД, А НЕ КОММУНИСТЫ И КОМИССАРЫ.

**ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
РУССКОЙ АРМИИ».**

Разумеется, столь непонятная по содержанию, написанная казенным языком листовка не могла сагитировать красноармейцев переходить на сторону врангелевцев, тем более в то время, когда после советско-польского перемирия все советские силы сосредоточивались против белого Крыма и его положение становилось безнадежным. И почему красноармейцы должны были поверить, что именно они заставили большевиков заключить мир с Польшей? И что могли внушить крестьянину, одетому в солдатскую шинель, слова о том, что Русская армия борется «за свободу и право народа», без разъяснений, какая именно свобода и какое право имеются в виду?

В качестве средства информации для правительства и населения газеты также большой роли не играли. Собственной корреспондентской сети за рубежом, а тем более за линией фронта или в белых войсках у них не было. Они питались слухами или информацией, предоставляемой правительственным Южнорусским телеграфным агентством.

В сентябре разразился скандал с заведующим отделом печати крымского правительства Г. В. Немировичем-Данченко, человеком весьма правых взглядов. Оказалось, что под разными псевдонимами, в том числе «Смиранный Пимен» или «Розовый Мускат», он печатал статьи, резко критикующие работу тыловых учреждений, и при этом оперировал данными, которыми мог располагать только высокопоставленный правительственный чиновник. В результате Немирович-Данченко был заменен профессором истории Г. В. Вернадским, будущим «евразийцем», которого рекомендовал Струве.

В связи с делом Немировича-Данченко Врангель 12 сентября издал приказ об учреждении комиссии высшего правительственного надзора под председательством генерала Э. В. Эка, «куда каждый обыватель имеет право принести жалобу на любого представителя власти». «...Огульную... критику в печати, а равно тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стремлением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения», — объявил главнокомандующий в приказе и пригрозил:

«...за такие статьи буду взыскивать как с цензоров, пропустивших их, так и с редакторов газет».

Важнейшим направлением внутренней политики крымского правительства, по замыслу Врангеля, должно было стать осуществление аграрной реформы, воплотившейся в закон о земле. Его прежде всего и старались пропагандировать как среди населения Крыма и Северной Таврии, так и среди красноармейцев и крестьян за линией фронта.

Врангель был убежден, что решение земельного вопроса «должно было выбить из рук наших врагов главное орудие политической борьбы, ударить по воображению населения и армии, произвести соответствующее впечатление в иностранных кругах». На практике же проведенная (скорее, провозглашенная) реформа наибольшее значение имела как раз для внешней политики, во многом обеспечив признание де-факто врангелевского правительства со стороны Франции.

В Северной Таврии не было крепостного права. После Столыпинской аграрной реформы 76 процентов тамошних крестьян-общинников обратились с требованием «укрепить свои наделы в единоличную собственность», что было рекордным показателем для Российской империи. Здесь были очень крупные имения, за счет которых можно было удовлетворить требования малоземельных крестьян.

В двадцатых числах марта 1920 года Врангель обратился к начальнику Гражданского управления сенатору Г. В. Глинке с письмом, где предлагал в срочном порядке приступить к упорядочению землепользования на территории, контролировавшейся Вооруженными силами Юга России, и приказывал образовать Центральную земельную комиссию из представителей земских управлений и «сведущих лиц». Комиссия должна была за месяц разработать план земельной реформы.

Врангель сформулировал основные принципы, которыми комиссия должна была руководствоваться:

1. Земля должна принадлежать на праве частной собственности только тому, кто ее обрабатывает, и не может быть предметом торговли или аренды.

2. Государство обязано следить, чтобы земля не истощалась, использовалась правильно и не лежала необработанной.

3. В зависимости от запаса земли, плотности населения и рода хозяйства размер наделов определяется особо для каждой губернии и уезда.

4. Все удельные, государственные, монастырские, церковные и частновладельческие земли, превышающие установленную для данной местности норму, подлежат отчуждению в земельный фонд для распределения за плату между малоземельными и безземельными крестьянами.

5. Высококультурные и показательные хозяйства должны быть сохранены, с установлением для них особых, высших размеров наделов.

6. Получающий надел обязуется уплатить его стоимость государству по составляемой для каждой местности расценке, а кроме того, вносить государственный земельный налог частью своего урожая.

7. Из полученных за наделы денег образуется государственный фонд, из которого государство производит расчет с владельцами отчуждаемых земель.

Обращает на себя внимание стремление Врангеля к бюрократической регламентации сельскохозяйственного производства. На практике без купли-продажи и аренды после проведения реформы в условиях рыночной экономики никак не обойтись, поскольку некоторые хозяева неизбежно должны разоряться и продавать свои наделы, тогда как другие, успешные, будут расширять производство за счет покупки или аренды дополнительных земель. Да и для того чтобы следить за «правильным» использованием земель, потребовался бы многочисленный аппарат на местах, который, очевидно, пришлось бы содержать за счет земств. К тому же здесь создавалась почва для злоупотреблений. И, разумеется, в реальных условиях Крыма и Северной Таврии 1920 года, при ограниченности людских ресурсов врангелевской гражданской администрации и во время непрекращавшихся боевых действий, ни о каком правительственном контроле над землепользованием не могло быть и речи.

Глинка собрал комиссию из одних только «сведущих лиц», большинство из которых было настроено консервативно. Проведя в начале апреля в Ялте несколько совещаний, комиссия пришла к выводу о несвоевременности правительственной декларации по земельному вопросу.

Совещание предлагало «восстановить немедленно права на землю всех хозяев, согнанных с их хозяйств насильниками», обещая, правда, воздержаться «от всяких мер возмездия против захватчиков». Проведение подобной политики было чревато серьезными крестьянскими волнениями.

Врангель ознакомился с протоколом ялтинского совещания 8 апреля. В тот же день ему был подан секретный доклад Махрова, предлагавшего «объявить в декларации максимум земельной единоличной собственности, обратив теперь же всё остальное в государственный земельный фонд», из которого бы наделяли крестьян дополнительной землей. Размер максимального надела предлагался не более чем в 100 десятин (гектаров), а к реформе следовало приступить «теперь же». На по-

лях доклада Махрова Петр Николаевич написал: «Это верно, но сейчас невозможно, ибо отчуждение связано с расценкой, какую фактически сделать нельзя». Взамен он предлагал раздел казенных земель и обязательную обработку всей пригодной земли, «чем достигается переход ее трудящимся». А на приложенном к докладу проекте декларации Врангель сделал пометку: «...Декларация излишняя, их было слишком много. Пусть судят о власти по действиям ее».

Одиннадцатого апреля Врангель приказал создать новую Особую комиссию под председательством Глинки «для выработки и проведения в срочном порядке наиболее настоятельных мер по разрешению земельного вопроса применительно к местным условиям Крыма». Она заседала в Симферополе 21—27 апреля. Члены комиссии разделились на две группы: одна выступала за проведение реформы в ближайшем будущем, с передачей крестьянам обрабатываемой ими земли за плату, другая «решительно отвергла мысль о немедленном принудительном отчуждении частновладельческих земель».

На последнем заседании был оглашен «Проект мероприятий по земельному вопросу в Крыму», предусматривавший возможность продажи арендаторам земель по соглашению с землевладельцами. После 15 апреля 1921 года непроданные земли, подлежащие отчуждению, должны были поступить в распоряжение правительства. Максимальный надел определялся в 200 десятин для бывших арендаторов и 400 десятин для собственников, если они пожелают самостоятельно вести хозяйство. Из реформы исключались церковные, монастырские и вакуфные (переданные мусульманскому духовенству или общине) земли.

Несколько членов Особой комиссии с этим проектом не согласились и подали особые мнения, где отрицали необходимость общей земельной реформы. Сторонник скорейшего проведения реформы В. А. Оболенский утверждал, что ее отсрочка приведет к потере поддержки со стороны крестьян, которые больше не верят голословным обещаниям не раз сменявшихся властей. Пока фронт близко, крестьяне покупать земли не будут, боясь, что большевики сделки не признают. Если же военные действия отдалятся, помещики не захотят продавать землю, поскольку деньги почти ничего не стоят. Оболенский видел выход в том, чтобы немедленно передать крестьянам не только сдаваемые в аренду, но и все неиспользованные в течение трех последних лет земли. Владельцы, считал он, не должны иметь право сохранить за собой более 100 десятин.

Врангель упрекнул Особую комиссию в том, что она «недостаточно широко пошла навстречу сложившимся в крестьян-

ской среде представлениям о действительных потребностях земельного устройства». Предложения же Оболенского ему понравились. Правитель Юга России поручил Глинке «приготовить в самый кратчайший срок земельный законопроект».

Поручение было выполнено к середине мая. 18-го числа Глинка ознакомил с проектами земельного закона и закона о волостном земстве членов совета при главнокомандующем. Большинство из них отнеслось к проектам отрицательно. Кроме Врангеля и Глинки их поддержали лишь двое. Тем не менее Врангель утвердил оба проекта «по закрытии заседания совета».

Закон о земле предусматривал, что земли, не обрабатываемые их собственниками, за исключением церковных, монастырских и вакуфных, а также надельных, закрепляются за теми, кто их фактически обрабатывает и использует. Общее количество отчуждаемой земли определялось волостными земельными советами. За прежними владельцами сохранялась часть, размер которой определялся местными земельными комиссиями. К примеру, в Перекопском уезде максимальный размер неотчуждаемой земли составлял от 150 до 400 десятин, в Евпаторийском — 100 десятин. Не подлежали разделу крупные имения, где ведется передовыми методами крупное товарное хозяйство. Собственникам, у которых земли изымались, их потерю компенсировало государство. Крестьяне же за полученную землю должны были расплачиваться с государством в размере пятой части среднегодового за последние десять лет урожая (хлебом или деньгами) в течение двадцати пяти лет. При трехпольной системе ежегодный выкуп в пятую часть урожая с десятины реально превращался почти в треть, а при достаточно распространенной в Крыму залежной системе — в половину, а то и более. Выплаты были больше тех, которые должны были делать крестьяне при Деникине. К тому же первый взнос за земельный участок необходимо было вносить предоплатой, что для многих стало непосильным бременем.

Введение платы за получаемую землю объяснялось желанием добиться ее закрепления за «настоящими, прочными хозяевами», а не за «всяким падким на даровщину и чуждым земле человеком». Указывалось, что ежегодная выплата государству значительно ниже обычной арендной цены земли и обеспечивает, после истечения положенного срока, полную собственность на нее. Пояснялось также, что, каковы бы ни были решения земельных советов, «каждому посевику непременно обеспечивается право снять урожай, а каждому обрабатывающему землю — оплата его труда». В приказе от 15 (28) июля Врангель особо подчеркнул: «Кому земля, тому и

распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения».

Волостные и уездные советы учреждались лишь на год, для немедленного осуществления земельной реформы; их должны были вскоре сменить волостные и уездные земства.

Не был до конца прояснен вопрос о возмещении убытка собственникам отчуждаемых земель. Предполагалось возмещать стоимость отчуждаемой земли, оцененную в три урожая, в виде ежегодной выплаты ее части в течение двадцати пяти лет. Заметим, что крестьянам землю отпускали по более дорогой цене — за пять урожаев. Следовательно, 40 процентов выкупных платежей государство оставляло в свою пользу.

Несомненно, что по сравнению со Столыпинской реформой врангелевский земельный закон был весьма прогрессивен, но с учетом революционных реалий выглядел устаревшим. Он вызвал разочарование крестьян, ведь земля уже фактически находилась в их владении, а платежи были слишком обременительными. Сам Врангель признавал, что вопрос о выкупе породил сомнения у крестьян. Они не хотели платить выкупные платежи помещикам, которых считали захватчиками исконных крестьянских земель. К тому же пугал 25-летний срок, в течение которого они не были полноправными собственниками земли, и не только потому, что в это время они не могли продавать и, соответственно, покупать полученную землю. Главное — они боялись, что в случае победы белых за 25 лет найдется масса вполне законных предложений, чтобы согнать их с этой земли. А в случае победы красных врангелевский закон превратился бы в бесполезный клочок бумаги. Как писал в отчете начальству таврический губернский посредник Шлейфер, крестьяне поверят власти лишь при условии «непрерывного, достаточно быстрого и, главное, прочного продвижения фронта вперед». По мере того как фронт удалялся от Крыма, росло число требований о выделении земли в собственность. В середине июня уездные посредники с помощниками, землеустроителями и землемерами приступили к воплощению закона о земле в жизнь. И тут выяснилось, что крестьяне от него отнюдь не в восторге, хотя и открытого неприятия не выказывают (последнее в условиях Гражданской войны было просто рискованным).

Как доносил 4 октября Шлейфер, «не рискуя впасть в ошибку, можно сказать, что в земельном законе крестьянство видит шаг чисто политический и еще не верит в прокламированное законом уничтожение помещичьего землевладения». Врангель же пытался опереться на крестьянство, хотя и признавал, что привлечение его на свою сторону — процесс длительный. Об

этом он достаточно откровенно говорил В. В. Шульгину: «Надо на кого-то опереться... Не в смысле демагогии какой-нибудь, а для того, чтобы иметь, прежде всего, запас человеческой силы, из которой можно черпать... Но для того, чтобы возможно было это, требуется известная психологическая подготовка. Эта психологическая подготовка, как она может быть сделана? Не пропагандой же, в самом деле... Никто теперь словам не верит». Но времени для завоевания крестьянских симпатий у Врангеля не оказалось.

С помощью земельного закона правительство Крыма рассчитывало решить проблему пополнения рядов Русской армии. Но и после введения его в действие мобилизации шли ни шатко ни валко. И. М. Калинин свидетельствует:

«...Приступили к насильственному набору. В деревнях устраивалась охота за черепами... С ночи деревню, точно неприятельскую позицию, окружали цепями, на рассвете приступали к штурму, т. е. повальным обыскам. У выходов из деревни становились посты. Особые дозоры следили за тем, чтобы кто-нибудь по задворкам не скрылся в степь...

А вождь становился всё грознее и грознее. В августе он разразился громовым приказом, повелевая хватать и сажать под арест родителей и жен уклоняющихся от мобилизации, имущество же их подвергать конфискации.

С щемящей болью на сердце тыловые команды начали ловить молодых, стариков, старух и запирали их в сараи под караул. Стон и плач пошли по деревням».

Вероятно, в тех условиях оптимальным для Врангеля был бы такой закон о земле, который немедленно закреплял бы ее в собственность тех, кто ее фактически использует, с принятием государством на себя выкупных платежей и всех расчетов с прежними собственниками. Крестьяне же платили бы не выкупные платежи, а налог, причем в размере не более седьмой части фактического урожая (с учетом того, что часть земли оставалась под паром). Оставшееся же крупное помещичье землевладение стоило бы ограничить 100 десятинами, но разрешить свободную куплю-продажу и аренду земель, причем на вновь приобретенные земли это ограничение уже не распространялось бы. Такой закон, вероятно, крестьяне бы приняли, и тогда многие проблемы белого Крыма были бы решены. Врангель получил бы определенную социальную базу. Появился бы шанс, что, по крайней мере, часть крестьян перестала бы уклоняться от мобилизации в Русскую армию. Если бы реквизиции были заменены упорядоченным сбором седьмой части урожая в качестве налога, после уплаты которого крестьяне получали бы заветную «бумажку с орлом», то со-

бранного хлеба и другого продовольствия вполне хватило бы для снабжения армии и населения Крыма.

Заметим, что примерно по такой схеме реформировалось аграрное законодательство в Польше, Румынии и других государствах-лимитрофах. При этом помещики нередко никакого возмещения от государства на деле не получали (или его размер был значительно ниже реальной рыночной стоимости земли) и довольствовались оставшимися у них наделами. Подобная аграрная реформа, в частности, обеспечила правительству Пилсудского поддержку польского крестьянства в самый напряженный период советско-польской войны. Однако Врангель по своему происхождению, воспитанию и традициям не мог решиться на то, чтобы отдавать крестьянам фактически даром захваченные ими земли и оставлять землевладельцев-помещиков без справедливой, как ему казалось, компенсации.

Глава правительства А. В. Кривошеин в глубине души не сочувствовал аграрной реформе. 8 (21) октября 1920 года посол в Париже В. А. Маклаков писал послу в США Б. А. Бахметьеву: «Кривошеин проводит эту реформу без всякого увлечения и этого не скрывает. Он говорил мне: я всегда считал подобную реформу вредной для России; она понизит производительность сельского хозяйства, главного источника нашего богатства. Но сейчас она стала необходима и экономически, и политически; экономически, так как теперь нет возможностей, чтобы вести большое хозяйство, а политически, так как это есть орудие в борьбе с большевизмом». Как мы помним, Шульгин также заметил, что Кривошеин не верил в конечный успех врангелевского дела.

Врангель же считал, что «дух нового закона был понят населением». Действительно, некоторые зажиточные крестьяне предпочли сразу заплатить всю выкупную сумму за полученные земли стремительно обесценивавшимися купюрами Деникина и Врангеля, заключить добровольные сделки с помещиками и стать полноправными собственниками. Вероятно, они надеялись, что большевики тоже признают выкупленные земли за ними. Однако середняки и тем более малоимущие не спешили вносить выкупные платежи, а порой и не могли этого сделать.

Но и помещики также были недовольны, ведь основная масса их земель переходила к крестьянам за сравнительно небольшой выкуп. В окружении Врангеля шутили, что земельный закон он учредил лишь потому, что у его тещи в Северной Таврии было огромное имение. А на жалобу о том, что земельный закон слишком обременителен для помещиков, Врангель

отвечал с улыбкой, что он сам помещик и у него первого придется изымать землю в пользу крестьян. Однако помещики саботировали выполнение закона, пытались согнать со своих земель арендаторов и т. п.

Осуществляли реформу тесно связанные с помещиками до-революционные чиновники, доставшие из нафталина свои вицмундиры. Врангель отдал приказ о недопущении помещиков на административные должности в освобожденных местностях, чтобы «пресечь там имевшие место случаи сведения личных счетов администраторов из помещиков с крестьянами».

Реформа была почти доведена до конца только в имении Атманай Филибера-Шатилова в Ефремовской волости Мелитопольского уезда. Здесь предполагалось распределить около семи тысяч десятин земли среди 143 крестьянских семей. Фактически до ухода врангелевцев из Северной Таврии 394 хозяевам успели передать более пяти тысяч десятин.

Однако Атманай оказался «потемкинской деревней», поскольку положение там никак не соответствовало тому, как протекала реформа в Мелитопольском уезде и во всей Таврической губернии. В начале октября 1920 года таврический губернский посредник по земельным делам Шлейфер докладывал: «Обращаясь к Мелитопольскому уезду, надо прежде всего сказать, что внимание посредника за последние полтора месяца было отвлечено в сторону Атманая, и потому работа в уезде значительно затихла...»

В случае победы Врангеля и его утверждения в Москве аграрная реформа могла быть доведена до конца. Но в ходе Гражданской войны она никакой существенной роли не сыграла. Закон о земле не привлек на сторону Врангеля симпатии крестьянства. Впрочем, сам барон, похоже, рассматривал этот закон прежде всего с точки зрения его внешнеполитической роли. Закон должен был продемонстрировать правительствам и общественности Англии, Франции и США демократизм белых и отсутствие у них реставрационных намерений. Не случайно 7 июня П. Б. Струве передал главе французского правительства Александру Мильерану официальное письмо, где подчеркивалось: «Захват крестьянами поместных земель, во всех случаях, когда он фактически имел место, должен быть признан. Вышеуказанное составляет отправной пункт для широкой аграрной реформы, долженствующей обеспечить крестьянам, обрабатывающим землю, владение ею на правах полной собственности. Таким образом, аграрная революция, происшедшая в пользу крестьян, будет легализована и поведет к установлению аграрного строя, основанного на принципе частной собственности, несомненно отвечающем чаяниям крестьян».

Претворять же земельный закон в жизнь в полной мере главнокомандующий рассчитывал только в случае победы над большевиками, в которую, правда, не слишком верил.

Сыграло свое роль и то обстоятельство, что в условиях острой нехватки инвентаря (его разграбили) и рабочих рук (работники были убиты или мобилизованы в воюющие армии) интересы элементарного выживания требовали от крестьян получить возможность обработать столько земли, чтобы не умереть с голоду. Мобилизация в армию была для них разорительна, посему они от нее всячески уклонялись. В этой ситуации укрепление в собственность дополнительных наделов земли не имело для крестьян жизненного значения, тем более что они и так ее обрабатывали.

Даже те, кто поддерживал закон, например В. А. Оболенский, указывали на его несоответствие реальным условиям военного времени, слишком большую сложность для народного восприятия и отсутствие возможностей для его практической реализации.

Одной из главных проблем, с которой столкнулся Врангель в Крыму, был хронический дефицит государственных финансов при растущей инфляции.

По подсчетам М. С. Маргулиеса, содержание одного человека в рядах Русской армии обходилось в июне в десять тысяч рублей (что тогда равнялось одному английскому фунту) в день. Таким образом, вооруженные силы съедали ежемесячно около миллиона британских фунтов. А ведь еще надо было кормить сотни тысяч государственных служащих и беженцев. Займов никто Врангелю не давал. Оставались только два средства финансирования государственных расходов: налоги и печатание денег. Врангель также надеялся использовать денежные средства и имущество, принадлежавшие другим белым правительствам и оставшиеся после прекращения их существования за границей.

Поступления от подоходного прогрессивного налога в Крыму оказались ничтожными, поскольку доходы некому было контролировать. Начальник Управления финансов М. В. Бернацкий предложил сделать упор на косвенные налоги. Обложению подверглись спиртные напитки, табак, сахар, чай, кофе и даже безалкогольные напитки.

Бернацкий потребовал изъять из обращения советские дензнаки, чтобы их эмиссия не усиливала инфляцию в Крыму. Он предложил провести деноминацию прежних денкинских денег, чтобы новые рубли имели твердый курс за счет сбора налогов и доходов от экспортных операций и внутренней торговли. Бернацкий призывал также разрешить использование

золота при торговых сделках. Он заказал в Англии новые деньги на общий номинал в 22 миллиарда рублей. Их даже доставили в Крым, но в обращение не выпустили, поскольку идею деноминации отвергло созданное Врангелем осенью финансовое совещание. К тому времени бессмысленность деноминации стала очевидной. Поддерживать курс рубля было нечем, иностранные займы так и не были получены, а инфляция росла устрашающими темпами.

В октябре Врангель решил сместить М. В. Бернацкого с должности начальника Управления финансов, считая его теоретиком, а не «человеком дела». Но никто из видных российских финансистов, включая бывшего царского министра финансов П. Л. Барка, ехать в Крым не захотел, понимая безнадёжность положения белого правительства.

Ничего не могло изменить и экономическое совещание, проходившее в конце сентября — начале октября с участием русских экономистов и политиков из Константинополя, Парижа и Белграда. Оно рекомендовало правительству издать указ «О свободном вывозе валюты и предметов роскоши, но не предметов культурного и домашнего обихода». Но это и другие вполне разумные решения относительно ограничения номенклатуры предметов внешней торговли остались на бумаге из-за расцвета коррупции. Только с 1 февраля по 1 сентября 1920 года из Крыма было вывезено около 300 тысяч тонн ячменя, 83 тысячи тонн соли, 11—12 тысяч тонн льняного семени, 12 тысяч тонн табака, 6300 тонн шерсти и т. д. Причем нередко на вырученные средства ничего путного не закупалось. Дельцы, чувствуя обречённость Крыма, придерживали валюту.

Между тем в Крыму катастрофически не хватало не только зерновых, но и горюче-смазочных материалов, из-за чего нередко простаивал военный флот и ставилась под угрозу эвакуация. С учетом доставки топлива морем уголь стоил так же, как ячмень, нефть — дороже в четыре-пять раз, бензин — в восемь раз. Потребности в угле обеспечивались только на 30 процентов, а в жидком топливе — на 50 процентов. На Бешуйских копях к июлю ежедневная добыча угля составила лишь тысячу пудов, а к ноябрю — три тысячи, из которых крестьянскими подводами удавалось вывозить лишь 500 пудов в день. Это обеспечивало лишь 5 процентов потребностей. За время правления Врангеля в Крым было ввезено около четырех миллионов пудов угля и 360 тысяч пудов жидкого топлива.

У крестьян производилась государственная и частная закупка хлеба для армии, городского населения и экспорта. Интендантства покупали хлеб по твердым ценам, которые были в

пять-шесть раз ниже рыночных. Если крестьяне отказывались продавать хлеб на таких условиях, производились реквизиции.

Бюджетный дефицит к осени составил 250 миллиардов рублей, что было на 70 миллиардов больше, чем вся денежная эмиссия в феврале—октябре 1920 года в Крыму. Начальник Управления торговли и промышленности В. С. Налбандов предложил для его частичного покрытия организовать совместный вывоз хлеба государством и частными фирмами. Успели заключить контракты на десять миллионов пудов и вывезти миллион пудов, что финансового положения Крыма принципиально не улучшило, хотя и не создало продовольственного кризиса (в среднем на одного жителя Крыма и Северной Таврии приходилось лишь 5,5 килограмма вывезенного зерна). Но с помощью хлебного экспорта правительство Врангеля рассчитывало привлечь на свою сторону общественность Франции, в которой обострилась зерновая проблема. Однако французский заем Врангель получить не успел.

Существовало множество проектов строительства в Крыму заводов и фабрик, однако, поскольку существовала государственная экспортная монополия, их инициаторы требовали лицензий на экспорт сырья, чтобы купить за границей оборудование. Ряд лицензий был выдан, но ни один завод, естественно, так и не был пущен. Закон о монополии служил лишь еще одним источником коррупции.

Вывезя только из Северной Таврии в период с июня по октябрь 1,5 миллиона пудов (24 тысячи тонн) зерна, 500 тысяч пудов (8 тысяч тонн) соли (она вывозилась в основном из Крыма), а также немало шерсти и табака, предприниматели не доплатили в казну порядка десяти миллионов франков, явно поделившись этой суммой с чиновниками. Большинство бизнесменов, занимавшихся экспортно-импортными операциями, покинули Крым задолго до эвакуации Русской армии.

В июле Врангель и А. В. Кривошеин пришли к выводу о необходимости установить государственную монополию на вывоз хлеба, хотя, по словам Врангеля, «мера эта неизбежно должна была вызвать неудовольствие в тех коммерческих кругах, которые преследовали прежде всего личную наживу». Экспортеры получали 20 процентов выручки, остальная валюта шла в казну.

Как отмечает В. А. Оболенский, хлебная монополия породила целое море злоупотреблений, поскольку «экспортные свидетельства порой добывались благодаря крупным взяткам, и так как частные предприниматели работали на средства казны, их мало беспокоил рост рыночных цен».

За время правления Врангеля в Крым было ввезено также

250 тысяч тонн продовольственных товаров (жиров, чая, сахара, напитков и др.), 30 тысяч пудов (около 480 тонн) бумаги, 70 тысяч пудов (около 1,1 тысячи тонн) текстиля.

Во внутренней торговле царил натуральный обмен. Роль денег играли табак, вино, ячмень, шерсть. Торговали и на валюту. Турецкая лира в октябре стоила 20 тысяч рублей, и за нее можно было купить пуд ячменя. Процветали хищения и коррупция. Грозные врангелевские приказы не помогали.

Стремительно росла инфляция. Фунт пшеничного хлеба в апреле стоил 35 рублей, а в октябре — 500, фунт говядины — соответственно 350 и 1800 рублей, фунт сахара — 1000 и 9000 рублей, литр молока — 200 и 2500 рублей.

С ростом цен повышалась и зарплата. Уровень жизни в Крыму, особенно у рабочих, для которых Врангель создал режим наибольшего благоприятствования (их продукция шла главным образом на военные нужды), был выше, чем в Советской России. Шульгин, приехавший 27 июля из Одессы в Севастополь, свидетельствует, что по соотношению зарплаты и цен на основные товары первой необходимости уровень жизни одесских рабочих был примерно вдвое ниже, чем севастопольских. Ежемесячно, а то и чаще, рабочие предъявляли предпринимателям требования повышения ставок на 50—100 процентов. В результате их зарплата росла быстрее, чем у служащих, хотя и отставала от темпов роста цен в полтора-два раза. Так, за этот период высшая ставка печатника увеличилась с 30 630 до 417 тысяч рублей, металлиста — с 36 125 до 262 тысяч, рабочего обрабатывающей промышленности — с 24 тысяч до 467 800, строителя — с 40 тысяч до 600 тысяч.

А вот у военных и госслужащих зарплата была в три—семь раз ниже зарплаты рабочих. При этом максимальная зарплата штаб-офицера достигала 132 тысяч рублей, генерала — 240 тысяч. Прожиточный минимум для семьи из трех человек составил в октябре 534 725 рублей, так что даже полковники и генералы на свое жалованье не могли содержать семьи. В связи с этим 30 августа 1920 года Слащев писал Врангелю: «Положение не только семейств, но и самого офицера безвыходное, они с отчаяния стреляются или бросаются на преступления. Причиной всего — невозможность жить на наши деньги, и если человек честен, то надо умирать».

Совсем плачевным было положение интеллигенции и служащих. Они получали в три—семь раз меньше рабочих и вынуждены были подрабатывать, чтобы не умереть с голоду. Жалованье председателя Таврической губернской земской управы В. А. Оболенского было вдвое меньше, чем у наборщика подведомственной ему типографии. Профессора, инженеры и

учителя превращались в дворников, чернорабочих, грузчиков. А прокурор Севастопольского военно-морского суда генерал-майор И. С. Дамаскин вынужден был, как бедный студент, давать уроки, чтобы прокормить семью. Н. Н. Чебышев пишет о директоре департамента в Управлении торговли и промышленности, на службе получавшем 60 тысяч рублей в месяц, а как чернорабочий по подсчету кожи у себя же в управлении заработавшем за два дня 72 тысячи рублей.

В лучшем положении находились ремесленники, на чей труд существовал устойчивый платежеспособный спрос: крестьяне за необходимую им продукцию расплачивались продовольствием. Купцы имели стабильный доход от торговых операций. Промышленные товары были по карману только спекулянтам.

Профсоюзы действовали относительно свободно и могли оказывать материальную, юридическую и медицинскую помощь своим членам.

Работникам казенных предприятий выдавались денежные и натуральные пособия. Так, в сентябре рабочим, мастеровым и служащим казенных предприятий было выдано единовременное пособие; кроме того, они получили возможность заготавливать топливо в казенных лесах, а их хозяйственные организации стали снабжаться зерном из запасов Управления торговли и промышленности.

Еще 23 апреля Врангель издал приказ, где утверждал, что правительство стремится к установлению «такого порядка оплаты всякого труда, при котором, в связи с вздорожанием жизни, содержание повышалось бы автоматически, одновременно и в одинаковом для всех категорий служащих и рабочих размере».

Рабочим также выдавался продовольственный паек в половину армейского. Их обещали снабжать мануфактурой по льготным ценам, в размере до 10 процентов месячной заработной платы. Первоначально было решено открыть две лавки по льготной продаже мануфактуры в Севастополе.

В этом же приказе Врангель провозглашал: «В переживаемую нами минуту тяжелых испытаний, только общим единением, общими силами всех русских людей может быть восстановлена Наша Родина. И я верю, что здоровый разум рабочего подскажет ему необходимость стоически перенести, быть может, последние минуты испытания. Сейчас и впредь вместе или к достатку и благополучию, или к бедности и позору».

Но уже 3 июня пришлось объявить новый приказ, где главнокомандующий признал, что предыдущий, от 23 апреля, «выполнен лишь на бумаге». Не было открыто ни одной ману-

фактурной лавки, выделенное рабочим продовольствие до них не дошло. Врангель приказал «произвести расследование для привлечения к суду виновных в бездействии и нерадении по службе», «в недельный срок открыть в районе порта... потребительскую лавку и раздать рабочим причитающиеся им продукты».

Двадцать шестого июня Врангель выступил на заседании совета с заявлением:

«Крестьянство в настоящее время с нами, с нами же и значительная часть интеллигенции. Иначе обстоит дело с рабочими, которые по-прежнему являются наиболее оппозиционным элементом.

Вследствие этого по рабочему вопросу нужны срочные меры: необходимо дать рабочим всё, что только возможно с государственной точки зрения. Это одна сторона дела. Вместе с тем необходима самая решительная борьба с забастовками. В этом отношении нельзя допускать никаких уступок. Наиболее правильной и решительной мерою борьбы в этом направлении надо признать создание независимости Правительства от возможных вспышек забастовочного движения, хотя бы в наиболее важных отраслях труда, каковыми являются: экспедиция заготовления денежных знаков, железные дороги, водопровод, электричество и ассенизация. Во всех этих отраслях необходимо немедленно подобрать кадры рабочих, которые могли бы заменить забастовщиков».

Как раз в это время в Севастополе на портовом заводе вспыхнула забастовка. Врангель приказал уволить всех ее участников, а забастовщиков призывных годов немедленно отправить на фронт. Он предупредил, что в случае каких-либо беспорядков «расправа будет самая беспощадная». Несколько десятков зачинщиков мобилизовали в армию.

С забастовками и далее боролись репрессиями и использованием штрейкбрехеров. Кроме того, к выполнению военных заказов привлекали артели пленных красноармейцев. В результате сколько-нибудь заметных выступлений рабочих в Крыму при Врангеле не было.

Правда, насчет того, что «крестьянство с нами», Врангель всё же выдавал желаемое за действительное. Крестьяне, скорее, были не за и не против Русской армии, что само по себе уже являлось определенным достижением.

В те времена татарское население составляло примерно четверть всех жителей Крыма. 16 мая в Симферополе открылся созванный по приказу Врангеля татарский съезд (курултай). Из сорока четырех делегатов прибыли два десятка. Евпаторийцы приехать не смогли, поскольку армия реквизировала

подводы, а феодосийцы — из-за опасений грабежей на дорогах. Выступая на съезде, Врангель приветствовал татарское население Крыма, которое «неизменно и в настоящую тяжелую годину боролось за честь и славу матери-России». Он упомянул и об «удовлетворении культурно-просветительных и некоторых экономических нужд татарского населения», но ничего конкретного не сказал. А таврический губернатор Д. П. Перлик заявил, что ни о какой автономии речи не идет, в крайнем случае, можно рассчитывать на самоуправление в религиозно-просветительской сфере. Пример татарского съезда должен был показать другим народам и группам, добивавшимся автономии, что от Врангеля здесь ожидать особенно нечего. Соответствующий законопроект был готов только осенью. Он предусматривал «предоставление татарам самоуправления в религиозных, культурно-просветительных и финансовых делах», для чего должен был быть избран распорядительный орган в составе около шестидесяти человек. Но эти выборы провести уже не успели.

У многих военных и гражданских служащих к началу 1920 года семьи находились за границей. Как только ситуация в Крыму несколько стабилизировалась, они стали просить у Врангеля разрешить их близким вернуться. Главнокомандующий понимал, что их возвращение ухудшит продовольственное положение, а в дальнейшем затруднит эвакуацию, вероятность которой оставалась высокой. Однако отказ мог негативно сказаться на моральном состоянии офицеров.

Начальник Военного управления оценивал общее число русских беженцев за границей в 60 тысяч человек. 7 июня 1920 года было решено приступить к их репатриации. При этом совет при главнокомандующем постановил, что «всем желающим беженцам предоставляется право возвратиться на родину одиночным или групповым порядком за собственный счет».

Беженцев предупредили, что в Крыму жизнь не сахар и что «правительство слагает с себя обязанность заботиться о дальнейшем их устройстве и обеспечении, а тем более об эвакуации за границу при каких бы то ни было обстоятельствах».

За счет казны перевозились: а) боеспособные беженцы и их семьи, б) семьи военнослужащих, сражающихся в рядах Русской Армии, в) семьи лиц, состоящих на службе в Военных и Гражданских Учреждениях Вооруженных Сил Юга России и г) беженцы, находящиеся в особо бедственном положении».

Трудно определить, какое количество беженцев действительно вернулось в Крым, но, по всей вероятности, оно не превышало нескольких тысяч и не оказало принципиального влияния на ход эвакуации.

Надо отдать Врангелю должное — ему был совершенно чужд антисемитизм. Историк Ю. И. Гессен свидетельствовал: «Евреи Врангелем довольны. Врангель строго следит за погромщиками и приказал повесить перешедшего к нему от большевиков есаула с шестью сподвижниками за погромы в деревнях у Каховки». Барону пришлось принять меры против известного проповедника — отца Владимира Игнатьевича Востокова, чьи проповеди, по словам Петра Николаевича, «носили чисто погромный характер» и возбуждали толпу на «противоеврейские выступления». Приказом Врангеля запрещались «всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую или национальную рознь», а его нарушителей следовало высылать из Крыма. С Востоковым Врангель поговорил по душам, после чего тот прекратил свои проповеди.

По оценке Н. Н. Чебышева, Врангель принадлежал к числу тех политических деятелей, для которых борьба была естественной стихией:

«... Чем непреодолимее было препятствие, тем охотнее, радостнее он на него шел. В нем был “боевой восторг”, то, что делало его военным от головы до пяток, до малейшего нерва в мизинце.

Но он был не только военным, не только военачальником, не только бойцом, рвущимся принять личное непосредственное участие в сражении. Врангель имел дар и вкус к организационной работе, управлению людьми и влиянию разумом, волей, искусными ходами виртуоза-шахматиста для осуществления поставленных им себе политических целей на благо русского дела так, как он это благо понимал.

Он был очень умен, удивительно быстро и тонко разбирался в людях. Разбирался в каждом человеке в отдельности и в психологии больших соединений, именуемых массами. И природа вооружила разум стальной пружиной крепкой воли, а кроме того — тем духовным возбуждением, подъемом, с оттенком экстаза, который позволяет избраннику и видеть над головами других, и ярче, глубже чувствовать и хранить в неудачах незыблемость духа».

В целом Врангелю удалось наладить в Крыму дело гражданского управления, преодолеть продовольственный кризис, нейтрализовать противников белых, поднять дисциплину в армии, обеспечить поддержку белых со стороны Франции и добиться продолжения снабжения Русской армии Англией теми военными материалами, которые были закуплены еще при Деникине. Он смог также прекратить в Крыму незаконные реквизиции и грабежи. В этих условиях главнокомандующий

счел возможным вырваться из «крымской бутылки» и начать наступательные операции против большевиков.

Конечно, до создания в Крыму «опытного поля», которое должно было продемонстрировать остальной России, что без большевиков возможна нормальная, сытая, цивилизованная жизнь, было далеко. Да и едва ли возможно было в условиях Гражданской войны создать процветающий «остров Крым». К тому же Врангель, будучи человеком своей социальной среды, не смог в своей политике пойти на действительно радикальные реформы, способные удовлетворить основную массу крестьянства. Русская армия по-прежнему имела очень узкую социальную базу. Самостоятельно вести широкомасштабную борьбу с большевиками она не могла. Но начавшаяся советско-польская война дала Врангелю последний шанс на успех. Он, однако, смог воспользоваться им лишь частично, одержав ряд побед в Северной Таврии, но не сумев сокрушить мощь Красной армии.

Прежде чем перейти к описанию последних боев Русской армии под командованием Врангеля, остановимся на том, как взаимоотношения Врангеля и Слащева, важные для развития событий в Крыму, отразились в творчестве Михаила Афанасьевича Булгакова.

ВРАНГЕЛЬ, СЛАЩЕВ И МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Соперничество Врангеля и Слащева оказало существенное, хотя далеко не решающее влияние на судьбу белого Крыма. Оно отразилось и в художественной литературе, и прежде всего — в лучшей пьесе Михаила Булгакова «Бег» о последних днях врангелевского Крыма и первых годах белой эмиграции. Врангель в этой пьесе фигурирует как Белый Главнокомандующий, а Слащев послужил прототипом ее главного героя — Романа Валериановича Хлудова.

Как известно, в эмиграции Слащев окончательно расстался с Врангелем, которого обвинял в сдаче Крыма, и был уволен из армии без права ношения мундира. Земский союз предоставил ему ферму под Константинополем, где генерал разводил индеек и прочую живность. Однако, в отличие от военного дела, таланта к сельскому хозяйству у генерала не оказалось, доходов он почти не имел и сильно бедствовал со второй женой и дочерью.

Поэтому Яков Александрович готов был иметь дело с кем угодно. В сводке агентурных донесений от 25 ноября 1921 года, составленной в штабе главкома Русской армии уже после

возвращения Слащева в Россию, сообщается, что по прибытии в Константинополь он пытался сблизиться с турецкими военными кругами, стал членом Народно-монархической партии и имел связи с Украинским национальным комитетом.

Председатель Кубанской рады В. И. Иванис в одном из интервью в феврале 1921 года утверждал: «Популярность Слащева среди войск не давала покоя всей клике, окружавшей Врангеля, и она прилагала все усилия убрать его с дороги, не брезгуя ничем. Неудача последней Каховской операции (15 тыс. убитых и раненых), инициатором которой явилась Ставка в лице Шатилова, повлекла за собой отозвание Слащева, наименование его Слащевым-Крымским... Была образована специальная медицинская комиссия для освидетельствования здоровья Слащева, которая нашла у него массу самых разнообразных болезней, в силу чего Врангелем было предложено Слащеву переехать в один из заграничных санаториев для лечения и отдыха, причем Министерство финансов должно было озаботиться финансовой стороной этого дела... “Жизнь генерала Слащева-Крымского слишком дорога для России”, — так мотивировал свое решение Врангель. Ответом на это было: “Слащев никуда из Крыма не поедет” — надпись, сделанная Слащевым на бумаге, полученной из Ставки. Слащев — безусловно талантливый генерал, при этом человек, могущий быть очень популярным среди своих подчиненных, вот почему он был нежелателен для других. Некоторые украинские (монархические) круги не прочь видеть в лице Слащева заместителя гетмана Скоропадского...»

Яков Александрович считал Врангеля предателем. Ведь он помог барону прийти к власти, а тот недостаточно отблагодарил его, оставив командиром армейского (не отдельного) корпуса. Вероятно, Слащев рассчитывал на пост командующего всем Крымским фронтом. Ненависть к Врангелю в конечном счете толкнула его на связь с большевиками.

В феврале 1921 года контакт со Слащевым установил уполномоченный ВЧК Я. Тененбаум, проживавший в Константинополе под фамилией Ельский. В мае чекисты перехватили письмо известного журналиста и общественного деятеля Ф. Баткина из Константинополя в Симферополь артисту М. Богданову, где сообщалось, что генерал находится в настолько нищенском состоянии, что склоняется к возвращению на родину. Баткин и Богданов были завербованы чекистами, причем последний был командирован в Константинополь, но, попав в поле зрения врангелевской контрразведки, возвратился обратно. Богданова даже предали революционному суду за халатность. Слащев пытался выговорить себе охранную гра-

моту, гарантирующую личную неприкосновенность и выделение валютных средств его семье, остававшейся в эмиграции, но получил отказ. Да и сам он признавал, что никакая грамота не спасет от мстителя, если таковой объявится (он точно предсказал свою судьбу).

Якову Александровичу были обещаны прощение и работа по специальности — преподавателем тактики. Ф. Баткину удалось тайно посадить генерала с семьей и группой сочувствовавших ему офицеров на итальянский пароход «Жан», который 11 ноября 1921 года прибыл в Севастополь. Здесь Слащев был встречен главой ВЧК Ф. Э. Дзержинским и его личным поездом доставлен в Москву. Сохранилась записка Л. Д. Троцкого В. И. Ленину от 16 ноября 1921 года:

«Главком (С. С. Каменев. — Б. С.) считает Слащева ничтожеством. Я не уверен в правильности этого отзыва. Но бесспорно, что у нас Слащев будет только “беспокойной ненужностью”. Он приспособиться не сможет. Уже находясь в поезде Дзержинского, он хотел дать кому-то “25 шомполов”».

Материалы в региструпе* о Слащеве большие (речь идет о документальных свидетельствах преступлений Слащева. — Б. С.). Наш вежливый ответ (рады будущим работникам) имеет пока что дипломатический характер (Слащев еще собирает-ся тянуть за собой генералов)».

В дальнейшем Слащев преподавал тактику комсоставу Красной армии на курсах «Выстрел»**. Он так объяснил свой поступок: «Не будучи сам не только коммунистом, но даже социалистом, я отношусь к советской власти как к правительству, представляющему мою родину и интересы моего народа. Оно побеждает все нарождающиеся против нее движения, следовательно, удовлетворяет требованиям большинства. Как военный, ни в одной партии не состою, но хочу служить своему народу, с чистым сердцем подчиняюсь выдвинутому им правительству». (Здесь бывший генерал не был оригинален. Сменовеховец А. Бобрищев-Пушкин высказывался еще более откровенно: «Советская власть при всех ее дефектах — максимум власти, могущей быть в России, пережившей кризис ре-

* Региструп — Регистрационное управление Полевого штаба Реввоенсовета Республики. С января 1919 года ему была подчинена агентура штабов фронтов и армий. В Положении от 19 июня 1919 года Региструп определялся как «центральный орган тайной агентурной разведки». (Прим. ред.)

** Высшая стрелковая школа командного состава была учреждена приказом Реввоенсовета 21 ноября 1918 года, в 1923-м получила название Высшей тактическо-стрелковой школы командного состава РККА имени Коминтерна «Выстрел». Я. А. Слащев преподавал там с июня 1922 года по 11 января 1929-го. (Прим. ред.)

волюции. Другой власти быть не может — никто ни с чем не справится, все перегрызутся».)

Булгаков не разделял иллюзий сменовеховцев и никаких достоинств у советской власти не находил. Он прекрасно понимал, что большевики согласились принять Слащева только с целью разложить эмиграцию и спровоцировать исход на родину части военнослужащих белых армий: если такого палача, как Слащев, прощают, то остальным бояться нечего. Автор «Бега» читал книги генерала — не только выпущенную еще в опале, в 1921 году в Константинополе, «Требую суда общества и гласности», подписанную «Генерал Я. А. Слащев-Крымский», но и вышедшую в Москве в 1924 году «Крым в 1920 г.», предисловие к которой написал Дмитрий Фурманов.

Михаил Афанасьевич был знаком и с мемуарами крымского земского деятеля В. А. Оболенского «Крым при Деникине» и «Крым при Врангеле», опубликованными в Берлине в 1924 году. Там, например, есть описание Слащева:

«Это был высокий молодой человек, с бритым болезненным лицом, редеющими белобрысыми волосами и нервной улыбкой, открывающей ряд не совсем чистых зубов. Он всё время как-то странно дергался, сидя, постоянно менял положения, и, стоя, как-то развинченно вихлялся на поджарых ногах. Не знаю, было ли это последствием ранений или потребления кокаина. Костюм у него был удивительный — военный, но как будто собственного изобретения: красные штаны, светло-голубая куртка гусарского покроя. Всё ярко и кричаще-безвкусно. В его жестикующих и интонациях речи чувствовались деланость и позерство».

Это описание явно было использовано Булгаковым. Сравним с ним ремарку с портретом главного персонажа «Бега»:

«На высоком табурете сидит Роман Валерианович Хлудов. Человек этот лицом бел как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем плохая солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывают шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия. Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит на них сам же отвечать. Когда он хочет изобразить улыбку — скалится. Он возбуждает страх. Он болен — Роман Валерианович».

Здесь к нарисованному Оболенским портрету Слещева добавлен ряд черт Н. П. Хмелева — актера, для которого писалась роль. Тот действительно был курнос и имел черные волосы с «неразрушимым офицерским пробором», запомнившимся зрителям по его исполнению Алексея Турбина в «Днях Турбиных». Уточнение, что Хлудов курнос, «как Павел», должно было вызвать ассоциацию с императором Павлом I, удушенным заговорщиками, и, соответственно, со стремлением Хлудова выиграть войну удавками. Костюм Хлудова — полная противоположность опереточному одеянию Слещева (в пьесе по-гусарски одет другой палач — полковник де Бризар). У булгаковского героя в одежде подчеркивается небрежность, ветхость, грязь, что символизирует белую идею, находящуюся накануне гибели. Солдатская шинель, заменившая цветастый костюм Слещева, как бы сразу придавала Хлудову такой вид, в каком он должен был предстать в Константинополе после увольнения из армии без права ношения мундира (хотя в Константинополе генерал по воле драматурга переодевается в штатское).

Оболенский относился к генералу без симпатий — у того была стойкая и справедливая репутация палача, а потом и изменника, перешедшего на сторону большевиков. Да и не менее стойкая приверженность его к алкоголю и кокаину, о которой он сам вполне откровенно упоминал в одном из рапортов Врангелю, симпатий у окружающих не вызывала. Но в булгаковской портретной ремарке отношение к генералу Хлудову нейтральное, а по поводу его болезни — даже сочувственное.

Бывшего черносотенца Бобрищева-Пушкина, ставшего лояльным к Советам, Булгаков выставил (запись в дневнике 24 декабря 1924 года) беспринципным приспособленцем: «Старый, убежденный погромщик, антисемит, пишет хвалебную книжку о Володарском (большевицком комиссаре по делам печати, пропаганды и агитации в Петрограде. — Б. С.), называя его “защитником свободы печати”. Немеет человеческий ум». Вряд ли к Слещеву он относился принципиально иначе, тем более что был знаком с мнением Оболенского о том, почему генерал «сменил вехи»: «Слещев — жертва гражданской войны. Из этого от природы неглупого, способного, хотя и малокультурного человека она сделала беспардонного авантюриста. Подражая не то Суворову, не то Наполеону, он мечтал об известности и славе. Кокаин, которым он себя дурманил, поддерживал безумные мечты. И вдруг генерал Слещев-Крымский разводит индюшек в Константинополе на ссуду, полученную от Земского союза. А дальше?.. Здесь... за

границей, его авантюризму и ненасытному честолюбию негде было разыграться. Предстояла долгая трудовая жизнь до тех пор, когда можно будет скромным и забытым вернуться на родину. А там, у большевиков, все-таки есть шанс выдвинуться если не в Наполеоны, то в Суворовы. И Слащев отправился в Москву, готовый в случае нужды проливать “белую” кровь в таком же количестве, в каком он проливал “красную”.

Фурманов в предисловии к книге «Крым в 1920 г.» привел слова самого Слащева, отражающие мучительный для генерала перелом: «Много пролито крови... Много тяжких ошибок совершено. Неизмеримо велика моя историческая вина перед рабоче-крестьянской Россией. Это знаю, очень знаю. Понимаю и вижу ясно. Но если в годину тяжких испытаний снова придется рабочему государству вынуть меч — я клянусь, что пойду в первых рядах и кровью своей докажу, что мои новые мысли и взгляды и вера в победу рабочего класса — не игрушка, а твердое, глубокое убеждение».

В мемуарах Слащев всячески отрицал свою причастность к расстрелам, возлагая вину на контрразведку (будто не было популярной в годы Гражданской войны частушки: «От расстрелов идет дым, то Слащев спасает Крым»). Свой же переход к большевикам бывший генерал обосновывал исключительно патриотическими мотивами: «...В моем сознании иногда мелькали мысли о том, что не большинство ли русского народа на стороне большевиков, ведь невозможно, что они и теперь торжествуют благодаря лишь немцам, китайцам и т. п., и не предали ли мы родину союзникам... Это было ужасное время, когда я не мог сказать твердо и прямо своим подчиненным, за что я борюсь». Этим Слащев объяснял и свой рапорт об отставке, не принятый Врангелем. Скорее можно предположить, что Яков Александрович не желал служить под началом Врангеля, с которым только вел скрытую борьбу за главенство над Белым движением в Крыму. Слащев ведь считал себя «спасителем Крыма» и полагал, что Врангель его заслуги недооценивает и всячески его задвигает.

Слащев утверждал в мемуарах: «Я принужден был остаться и продолжать нравственно метаться, не имея права высказывать своих сомнений и не зная, на чем остановиться. Подчеркиваю: с сущностью борьбы классов я не был знаком и продолжал наивно мечтать о воле и пользе всего внеклассового общества, где ни один класс не эксплуатирует других. Это было не колебание, но политическая безграмотность».

Для него «уже не было сомнений, что безыдейная борьба продолжается под командой лиц, не заслуживающих никакого доверия, и, главное, под диктовку иностранцев, т. е. фран-

цузов, которые теперь вместо немцев желают овладеть отечеством»: «Кто же мы тогда? На этот вопрос не хотелось отвечать даже самому себе».

В своей книге свежеиспеченный красный командир пытался уверить публику, что прозрел, проникнувшись не только убеждением в предательстве Белого движения союзниками, отстаивавшими свои интересы, но и верой в правильность марксистского учения. В связи с этим Фурманов в предисловии оправдывал издание слащевских мемуаров тем, что книга «свежа, откровенна, поучительна» (хотя сам бывший комиссар Чапаевской дивизии, сражавшийся с врангелевцами на Кубани, в коммунистическое прозрение генерала вряд ли верил). А открывалось фурмановское предисловие суровой, но, наверное, справедливой характеристикой мемуариста: «Слащев-вешатель, Слащев-палач: этими черными штемпелями припечатала его имя история... Перед “подвигами” его, видимо, бледнеют зверства Кутепова, Шатилова, да и самого Врангеля — всех сподвижников Слащева по крымской борьбе». Таким Булгаков сделал и своего Хлудова.

Как мы смогли убедиться, не тени повешенных и не муки совести привели Слащева к возвращению на родину. Если в чем он и раскаивался, то только в том, что с самого начала оказался в рядах проигравших белых, а не победивших красных. Но в «Беге» Хлудов, в отличие от его прототипа, представлен не жестоким авантюристом, а идейным вдохновителем, глубоко убежденным в правоте Белого дела (именно как вождя Белого движения обвиняет его в финале пьесы генерал Чарнота). К раскаянию же и возвращению на родину он приходит через муки совести, в них — истинный характер его болезни: образ бесчисленных повешенных на фонарных столбах преследует генерала на протяжении всей пьесы. Его совесть материализуется не в абстрактные сотни и тысячи жертв, а в одного несправедливо казненного — вестового Крапилина. Конкретна жертва — конкретна и вина. Правда, в решение Хлудова вернуться в Россию драматург привносит и слащевские расчеты. На вопрос: «Где Крапилин... За что погубил вестового?..» — Хлудов отвечал почти так же, как Слащев в мемуарах: «Жестоко, жестоко вы говорите мне! (Оскалившись, оборачивается.) Я знаю, где он... Но только мы с ним помирились... помирились...» В этих словах — явный намек на предварительную договоренность Хлудова с кем-то о возвращении на родину. Так же точно Слащев сначала вступил в контакт с чекистами, выговорил себе и жене амнистию, скрывал отъезд от врангелевской контрразведки. Может, из-за этого расчета и не совсем еще оставила Хлудова болезнь — нечистая совесть,

и рано думает он, что помирился с Крапилиным. Тот же Чарнота, услышав от Хлудова о его предстоящем возвращении («Сегодня ночью пойдет с казаками пароход, и я поеду с ними. Только молчите»), догадывается об этом и говорит генералу: «Постой, постой, постой! только сейчас сообразил! Куда? Домой? Нет! Что? У тебя, Генерального штаба генерал-лейтенанта, может быть, новый хитрый план созрел? Но только на сей раз ты просчитаешься. Проживешь ты, Рома, ровно столько, сколько потребуется тебя с поезда снять и довести до ближайшей стенки, да и то под строжайшим караулом». Словами Чарноты Булгаков уже тогда, в 1928 году, предсказал печальный конец реального Слащева, правда, отсроченный на семь с лишним лет. Яков Александрович, кстати сказать, после возвращения трудился также и сексотом (осведомителем) ОГПУ*, регулярно информируя чекистов о визитах к нему товарищей по Белому движению и о настроениях среди бывших офицеров, с которыми общался.

И всё же главное в образе Хлудова — это душевные терзания, муки совести за совершённые преступления, за жестокость. Искупление же грехов возможно только после возвращения в Россию, где нужно держать ответ за содеянное. Хлудов — один из сильнейших в мировой драматургии образов кающегося грешника, убийцы, убивавшего ради идеи (тут у зрителей могли возникнуть ассоциации не с одним только Белым движением). По всей видимости, во многом Булгаков передал своему герою и собственные муки совести, только, конечно, связанные не с убийством невинных, а с тем, что он такие убийства наблюдал и бессилён был предотвратить.

Одиннадцатого января 1929 года Слащев был застрелен курсантом «Выстрела» Л. Л. Коленбергом, мстившим за брата, казненного по приказу генерала. Вот заключение сотрудника контрразведывательного отдела ОГПУ:

«1929 года, июня 26 дня, я, уполномоченный 6-го отделения КРО ОГПУ, рассмотрев дело за № 77170 по обвинению гражданина Коленберга Лазаря Львовича в преступлениях, предусмотренных 138 с. УК, находящегося на свободе, нашёл:

Гражданин Коленберг Лазарь Львович, 1905 года рождения, из мещан г. Николаева, 11 сего января убил бывшего белого генерала Якова Александровича Слащева выстрелом из револьвера на его квартире...

* После ликвидации 6 февраля 1922 года ВЧК ее преемником стало Государственное политическое управление (ГПУ), с 15 ноября 1923 года — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Наркомате внутренних дел, руководившее органами милиции и госбезопасности. (Прим. ред.)

Следствием установлено, что Л. Коленберг в 1919 году... работал в Николаеве в большевистском подполье. Проводимые белыми жестокие репрессии и бесчинства по отношению еврейского населения, публичные расстрелы заподозренных в причастности и даже сочувствующих революционному движению, расстрел родного брата Коленберга — всё это произвело на него глубокое впечатление, и у него запала навязчивая идея мести командовавшему белыми генералу Слащеву... В сентябре 1928 г. по командировке Винницкого военкомата он поступил в Московскую пехотную школу им. Ашенбренера и Уншлихта. Коленберг приехал в Москву с целью убийства Слащева... С целью изучения образа жизни Слащева Коленберг стал брать у него на дому уроки тактики. 11 сего января, во время урока Коленберг осуществил убийство Слащева, убив его из револьвера тремя выстрелами...

Произведенной психиатрической экспертизой Коленберг признан психически неполноценным и в момент совершения им преступления — невменяемым, а посему постановил: На основании ст. 322 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР дело в отношении Коленберга прекратить и сдать в архив.

Уполномоченный 6 отд. КРО ОГПУ Гурский».

Не исключено, что ОГПУ помогло мстителю найти свою жертву, поскольку уже через год, в 1930-м, чекистами была проведена операция под кодовым названием «Весна», в ходе которой было арестовано около пяти тысяч бывших царских и белых офицеров, служивших в Красной армии. Слащева, в связи с поднятым вокруг его имени шумом, было бы неудобно арестовать или отставить от службы. Поэтому, возможно, ОГПУ решило избавиться от него другим способом — убрать руками Коленберга.

Между прочим, ОГПУ пыталось обвинить Слащева в антисоветской агитации, но на регулярных попойках со слушателями у него на квартире все так быстро напивались до невменяемого состояния, что об антисоветских разговорах и речи не было. Чекисты хотели даже приписать Слащеву сознательное спаивание красных командиров, но эта затея показалась уж слишком фарсовой.

Сослуживец Слащева по «Выстрелу», бывший полковник императорской армии С. Д. Харламов, в Гражданскую войну сражавшийся на стороне красных, после ареста в 1931 году дал показания о последних годах жизни Якова Александровича:

«И сам Слащев, и его жена очень много пили. Кроме того, он был морфинист или кокаинист. Пил он и в компании, пил и без компании.

Каждый, кто хотел выпить, знал, что надо идти к Слащеву,

там ему дадут выпить. Выпивка была главной притягательной силой во всех попойках у Слащева. На меня не производило впечатления, что вечеринки устраиваются с политической целью: уж больно много водки там выпивалось.

Я бывал на квартире у Слащева 2—3 раза не специально по приглашению на вечеринку, а или по делу, или по настойчивому приглашению зайти на минутку. И так как водку там пили чаще, чем обычно мы пьем чай, то бывала и водка.

Жена Слащева принимала участие в драмкружке «Выстрела». Кружок ставил постановки. Участниками были и слушатели, и постоянный состав. Иногда после постановки часть этого драмкружка со слушателями-участниками отправлялась на квартиру Слащева и там пьянствовала. На такое спаивание слушателей командованием курсов было обращено внимание и запрещено было собираться со слушателями.

Что за разговоры велись там на политическую тему — сказать не могу. Знаю только, что часто критиковали меня как начальника отдела и кое-кого из преподавателей тактики... Ко мне Слащев чувствовал некоторую неприязнь и иногда подпущал по моему адресу шпильки.

Последнее время при своей жизни он усиленно стремился получить обещанный ему корпус. Каждый год исписывал гору бумаг об этом. Помню, раз даже начал продавать свои вещи, говоря, что получает назначение начальником штаба Тощкого сбора. Никаких, конечно, назначений ему не давали. Но каждый раз после подачи рапорта он серьезно готовился к отъезду.

Известно, что в драмкружке при «Выстреле» ставили «Дни Турбиных» и пару раз Булгаков бывал на спектаклях. Но до сих пор неизвестно, встречались ли Булгаков и Слащев и знал ли генерал о существовании «Бега». По утверждению Л. Е. Белозерской, Булгаков лично со Слащевым знаком не был, она же в свое время встречалась в Петрограде с матерью генерала, Верой Александровной, и запомнила «мадам Слащеву» как женщину властную и решительную.

В целом же жизнь Слащева в СССР не сложилась. Командование крупными соединениями ему не доверяли, а преподавание было явно не тем видом деятельности, о котором он мечтал. Отсюда — тоска, ощущение собственной ненужности (Троцкий точно предсказал его судьбу), постоянные запои, прерванные пулей то ли безрассудного мстителя, то ли человека, направленного железной рукой ОГПУ.

В 1929 году посмертно была издана книга Слащева «Мысли по вопросам общей тактики: из личного опыта и наблюдений». Ее заключительная фраза очень точно выразила военное да и жизненное кредо автора: «В бою держитесь твердо своего

принятого решения — пусть оно будет хуже другого, но, настойчиво проведенное в жизнь, оно даст победу, колебания же приведут к поражению».

Булгаковский Хлудов еще расстреливал и вешал, но по инерции, ибо всё больше задумывался над тем, что народная любовь — не с белыми, а без нее не одержать победы в Гражданской войне. Ненависть к союзникам Хлудов вымещает, сжигая «экспортный пушной товар», чтобы «заграничным шлюхам собольих манжет не видать». Главнокомандующего, в котором легко угадывается прототип — Врангель, генерал-вешатель ненавидит, поскольку тот вовлек его в заведомо обреченную на проигрыш борьбу. Хлудов бросает главному в лицо страшное: «Кто бы вешал, вешал бы кто, ваше высокопревосходительство?» Но в отличие от Слащева, который в мемуарах так и не покаялся ни за одну конкретную свою жертву, Булгаков заставил своего героя совершить последнее преступление — повесить «красноречивого» вестового Крапилина, который потом призраком настигает палача и пробуждает у него совесть. Слащев утверждал, что подписал смертные приговоры только 105 осужденным, виновным в различных преступлениях, но Булгаков еще в «Красной короне» заставил главного героя напомнить генералу, скольких тот отправил на смерть «по словесному приказу без номера». Писатель хорошо знал, сколь распространены были у белых и красных такие приказы. Конечно, Булгаков не мог знать об эпизоде с двадцатью пятью шомполами из цитированного выше письма Троцкого, хотя поразительно точно показал в «Белой гвардии», что шомпола в качестве универсального средства общения с населением использовали и красные, и белые, и петлюровцы. Однако автор не верил в раскаяние Слащева, и его Хлудову не удастся опровергнуть обвинений Крапилина: «...Одними удавками войны не выиграешь!.. Стервятиной питаешься?.. Храбер ты только женщин вешать и слесарей!» Хлудовские оправдания, что он «на Чонгарскую гать ходил с музыкой» и был дважды ранен (Слащев, дважды раненный на Гражданской войне, в том числе один раз на Чонгарской гати, сам под музыку водил туда юнкеров), вызывают только крапилинское: «Да все губернии плюют на твою музыку и на твои раны». Здесь в народной форме переиначена часто повторявшаяся Врангелем и его окружением мысль, что одна губерния (Крым) сорок девять губерний (остальную Россию) победить не может. Смалодушничавшего после этого страстного обличения вестового Хлудов вешает, но потом Булгаков дарует своему персонажу, в отличие от его прототипа, мучительное и тяжкое, болезненное и нервное раскаяние.

Болезненное состояние Слащева Оболенский, как и другие мемуаристы, объяснял злоупотреблением кокаином и спиртным — генерал являл собой редчайшее сочетание алкоголика и наркомана в одном лице. Этих обвинений, как мы помним, не отрицал и сам Яков Александрович. Булгаков болезнь своего Хлудова свел прежде всего к мукам совести за совершённые преступления и участие в движении, на стороне которого нет правды.

Мемуарист испытывал к бывшему гонителю смешанные чувства жалости, сочувствия, презрения и осуждения за переход к большевикам (именно Оболенский посодействовал Слащеву в приобретении фермы, на которой так и не заладилась у бывшего генерала трудовая жизнь). Оболенский привел комический рассказ, как один бывший крымский меньшевик, которого Слащев чуть не повесил, встретил в Москве, перейдя уже в большевистскую партию и работая в советском учреждении, красного командира «товарища» Слащева и как они мирно вспоминали прошлое. Может быть, отсюда в «Беге» родилась юмористическая реплика Чарноты, что он бы на день записался к большевикам, только чтобы расправиться с Корзухиным, а потом тут же «выписался». Булгаков наверняка запомнил приведенные Фурмановым слова Слащева о готовности сражаться в рядах Красной армии, подтверждавшие мысль Оболенского, и вряд ли сомневался в том, что причины возвращения бывшего генерала лежали в карьерной и житейской плоскостях, а не духовной и мировоззренческой.

Булгаков также был знаком с книгой бывшего главы отдела печати в крымском правительстве Г. В. Немировича-Данченко «В Крыму при Врангеле. Факты и итоги», вышедшей в Берлине в 1922 году. В ней, в частности, отмечалось: «Фронт держался благодаря мужеству горстки юнкеров и личной отваге такого азартного игрока, каким был ген. Слащев». А журналист Г. Н. Раковский писал: «Слащев, в сущности, был самоличным диктатором Крыма и самовластно распоряжался как на фронте, так и в тылу... Местная общественность была загнана им в подполье, съезились рабочие, лишь “осважные” круги слагали популярному в войсках генералу восторженные дифирамбы. Весьма энергично боролся Слащев с большевиками не только на фронте, но и в тылу. Военно-полевой суд и расстрел — вот наказание, которое чаще всего применялось к большевикам и им сочувствующим».

Фигура Слащева оказалась настолько яркой, противоречивой, богатой самыми разными красками, что в «Беге» она послужила прототипом не только генерала Хлудова, но и двух других персонажей, представляющих белый лагерь, — кубан-

ского казачьего генерала Григория Лукьяновича Чарноты («потомка запорожцев») и гусарского полковника маркиза де Бризара. Своей фамилией и титулом последний обязан, вероятно, еще двум историческим личностям. По словам Булгакова, актеру, играющему его, «не нужно бояться дать Бризару эпитеты: вешатель и убийца». У этого героя проявляются садистские наклонности, а в результате ранения в голову он несколько повредился в уме. Маркиз де Бризар заставляет вспомнить о знаменитом писателе маркизе (графе) Донасьене Альфонсе Франсуа де Саде, от имени которого произошло само слово «садизм». Еще одним прототипом де Бризара был обрусевший француз — маркиз, а потом граф дю Шайля, редактор газеты Донской армии «Донской вестник», историю которого мы уже знаем. Г. В. Немирович-Данченко писал о нем в книге «В Крыму при Врангеле»: «Дю-Шайл — типичнейший авантюрист Гражданской войны. По вероисповеданию католик, граф дю-Шайл, в бытность свою до революции в Петрограде, сумел войти в доверие некоторых высших представителей нашей церковной иерархии своим желанием перейти в православие. Ему оказывал особое покровительство обер-прокурор Синода В. К. Саблер, и им забавлялись как заморским титулованным гостем, слывшим в наших лаврах и подворьях за масоноведа и знатока сионских тайн. Потом из масоноведа и церковника он сделался апологетом казачьей самостоятельности».

Раковский также подробно пишет о том, как придерживавшийся эсеровских взглядов дю Шайля по приказу Врангеля был арестован в Крыму вместе с командованием Донской армии — генералами В. И. Сидориным и А. К. Келчевским — по обвинению в казачьем сепаратизме. Граф пытался застрелиться, ранил себя в грудь, был помещен в госпиталь, в конце концов оправдан судом и эмигрировал. Булгаков, наоборот, сделал своего де Бризара закоренелым монархистом, а близость дю Шайля к православным иерархам спародировал довольно оригинально: де Бризар сперва собирается расправиться с архиепископом Африканом, приняв его за большевика, и лишь потом, признав в нем иерарха, приносит свои извинения. Булгаковский маркиз тоже оказывается ранен — но в голову и, повредившись в рассудке, ошарашивает главнокомандующего монархическим бредом: «Как бы я был счастлив, если бы в случае нашей победы вы — единственно достойный носить царский венец — приняли его в Кремле! Я стал бы во фронт вашему императорскому величеству!» Тут — пародия на настроения, преобладавшие у части крымской публики, о которых Раковский писал: «Усиленно распускаются слухи, что в

Крым прибывает, дабы вступить на русский престол, великий князь Михаил Александрович. Одновременно с этим ведется пропаганда в том смысле, чтобы короновали “наиболее достойного”. А таким “достойным” и является “болярин Петр” (то есть Врангель. — Б. С.)».

У де Бризара от дю Шайля — французская фамилия, громкий титул и тяжелое ранение в голову, от Слащева — роскошный гусарский костюм и казnelюбие, а также помутнение рассудка (оно есть и у Хлудова, но у маркиза оно является следствием ранения, а не раздвоения личности и мук совести).

У Чарноты от Слащева — кубанское прошлое (Булгаков учел, что тот командовал сначала кубанскими частями) и походная жена Люська, прототипом которой послужила вторая жена Слащева — «казачок Варинька», «ординарец Нечволодов», сопровождавшая его во всех боях и походах, дважды раненная и не раз спасавшая мужу жизнь. Некоторые мемуаристы называют ее Лидкой, хотя на самом деле вторую жену Слащева звали Ниной Николаевной. У Слащева же Булгаков позаимствовал для Чарноты также качества азартного игрока в сочетании с военными способностями и склонностью к пьянству (притом что Хлудов не пьет). Судьба Григория Лукьяновича — это вариант судьбы Слащева, рассказанный Оболенским, тот вариант, который реализовался бы, останься генерал в эмиграции простым фермером. Тогда Слащев мог бы надеяться только на случайную удачу в игре да на возвращение в Россию через много лет, если о нем там забудут.

По свидетельству Оболенского, люди, до революции знавшие Слащева как тихого, вдумчивого офицера, поразились перемене, произведенной Гражданской войной, превратившей его в жестокого палача. Так и в «Беге» при первой встрече с Хлудовым ранее знакомый с ним Чарнота был поражен проявившейся в нем жестокостью.

В момент взятия красными Перекопа Слащев был уже не у дел. После прорыва линии обороны он выехал на фронт, но никакого назначения не получил. Булгаковский же герой командует фронтом и фактически выполняет ряд функций, в реальности осуществлявшихся генералом А. П. Кутеповым, который руководил обороной Перекопа. Например, именно Хлудов приказывает, к каким портам следовать соединениям для эвакуации. В книгах Слащева не упоминается об этом приказе, отданном самим Врангелем, но он есть, в частности, в вышедшем в конце 1920 года в Константинополе сборнике «Последние дни Крыма». В то же время Булгаков заставляет Хлудова критиковать главнокомандующего почти в тех же выражениях, какими Слащев в книге «Крым в 1920 г.» критико-

вал Врангеля. Так, слова Хлудова «Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал... Это не шахматы и не незабвенное Царское Село...» восходят к слащевскому утверждению об ошибочности решения Врангеля начать переброску частей между Чонгаром и Перекопом накануне советского наступления: «...Началась рокировка (хорошо она проходит только в шахматах). Красные же не захотели изображать обозначенного противника и атаковали перешейки». Уместно также привести здесь характеристику, которую Г. В. Немирович-Данченко дает главному противнику Врангеля — красному командующему фронтом: «И несмотря на то, что первоклассному стратегу и тактику, храброму и решительному солдату генералу Врангелю был противопоставлен какой-то выходец из недр коммунистической партии Фрунзе, имевший в прошлом, как добрый коммунист, гораздо больше уголовных дел, чем выигранных баталлий, — Фрунзе победил Врангеля, и победил с оружием в руках»..

Фраза «К воде поближе?», брошенная Хлудовым главнокомандующему по поводу намерения последнего переехать в гостиницу «Кист», а оттуда на корабль, перекликается со злым намеком на трусость главкома в слащевской книге «Крым в 1920 г.»: «Эвакуация протекала в кошмарной обстановке беспорядка и паники. Врангель первым показал пример этому, переехал из своего дома в гостиницу “Кист” у самой Графской пристани, чтобы иметь возможность быстро сесть на пароход, что он скоро и сделал, начав крейсировать по портам под видом поверки эвакуации. Поверки с судна, конечно, он никакой сделать не мог, но зато был в полной сохранности, к этому только он и стремился».

В позднейших редакциях «Бега» Хлудов говорил о возвращении в Россию иронически-иносказательно как о предстоящей поездке на лечение в германский санаторий, маскируя свое намерение свести счеты с жизнью. (Точно так же Свидригайлов в «Преступлении и наказании» о будущем самоубийстве говорит как о путешествии в Америку.) Но упоминание германского санатория возникло тоже не случайно. Здесь имелась в виду рассказанная Слащевым в мемуарах история, как он отказался от предложения Врангеля поехать лечиться в санаторий в Германии, не желая тратить на свою персону дефицитную валюту.

В качестве антипода Хлудову (Слащеву) Булгаков дал сниженный, карикатурный образ Главнокомандующего (Врангеля). Правда, в первой редакции пьесы тот характеризовался не так уж плохо. Вот его портрет в ремарке: «В двери вырастает Главнокомандующий. Он в заломленной на затылок кавказ-

ской папахе, в шинели до пят, с кавказской шашкой, генерал-лейтенантских погонах, в перчатках с раструбами, очень худ. На лице у него усталость, храбрость, хитрость, тревога». В последующих редакциях по цензурным соображениям последняя фраза была снята. Кстати, в архиве Булгакова сохранилась вырезанная из журнала фотография похорон Врангеля.

Обращенные к Главнокомандующему слова архиепископа Африкана, прототипом которого был глава духовенства Русской армии епископ Севастопольский Вениамин: «Дерзай, славный генерал, с тобою свет и держава, победа и утверждение, дерзай, ибо ты Петр, что значит камень», — имеют своим источником воспоминания Г. Н. Раковского. Тот отмечал, что «представители воинствующего черносотенного духовенства с епископом Вениамином, который деятельно поддерживал Врангеля еще тогда, когда он вел борьбу с Деникиным», с церковных кафедр «прославляли Петра Врангеля, сравнивая его не только с Петром Великим, но даже и с апостолом Петром. Он явится, мол, тем камнем, на котором будет построен фундамент новой России». Обращение же к Африкану самого Главнокомандующего: «Ваше преосвященство, западно-европейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в самый страшный час на милосердие Божие уповаем» — пародирует последний приказ Врангеля, отданный при уходе из Крыма: «Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, — оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании исполненного долга». Нищета, постигшая в Константинополе Хлудова, Чарноту, Люську, Серафиму, Голубкова и других эмигрантов в «Беге», показывает всю фальшивость врангелевских высокопарных слов.

Почему вдруг в булгаковской пьесе крымский архиепископ носит редкое имя Африкан? Из книги журналиста-эмигранта Григория Раковского «Конец белых», вышедшей в 1921 году, мы узнаём о происшествии, случившемся с донским атаманом генералом Африканом Петровичем Богаевским в Северной Таврии осенью 1920-го. 1 (14) октября тот был в Мелитополе в гостях у Врангеля, который праздновал годовщину своей свадьбы. Оттуда атаман предполагал отправиться к командиру Донского корпуса на праздник лейб-гвардии Казачьего полка. Посланный им из Мелитополя мотоциклист с запиской, сообщавшей о скором прибытии Богаевского, попал в плен к противнику, делавшему набег. Двигаясь на Мелитополь, красные круто повернули к северу на Токмак, по дороге захватили обоз лейб-казаков с запасами вина и водки для праздника. Один из

сопровождаявших обоз офицеров спасся бегством, проскакав 30 верст, и по телефону предупредил об опасности. Атаман, однако, этой телефонограммы вовремя не получил.

Раковский приводит воспоминания самого Богаевского о том, как он уцелел: «Положение наше было отчаянное: на дворе темно, всюду красные, кроме револьверов у нас ничего нет... В этот момент на нас налетели красные кубанцы и начали рубить, кого попало. Ожесточенная стрельба, страшные крики, стоны, вопли... Все сопровождающие меня бросились спасаться. Я оказался один с двумя офицерами, и мы свернули на боковую тропинку.. Красные помчались дальше на Орехов». Тот же эпизод приведен и в мемуарах вернувшегося в Россию бывшего прокурора Донской армии Ивана Михайловича Калинина «Под знаменем Врангеля», выпущенных в 1925 году.

Этот эпизод перекочевал в «Бег», превратившись в историю чудесного спасения казачьего генерала Чарноты и архиепископа Африкана, которого драматург наградил именем донского атамана. Африкан рассказывает обрусевшему французу, полковнику маркизу де Бризару: «В Курчулан ездил, благословить Донской корпус, и меня нечестивые пленили во время набега». Знающие читатели могли догадаться, что его преосвященство во время «благословения» собирался на полковом празднике обильно выкушать водки.

Имя и отчество Хлудова — Роман Валерианович — также выбраны не случайно. Здесь присутствует скрытая полемика с рассказом Всеволода Иванова «Операция под Бритчино» (1924), для которого Слащев послужил прототипом главного героя — бывшего командующего белыми армиями на юге России генерал-лейтенанта Валерьяна Митрофановича Сабеева, теперь служащего в Красной армии и делающего доклад в Военно-историческом обществе об одной из своих операций совместно с бывшим своим противником — командармом товарищем Пастыревым. (Кстати сказать, по свидетельствам выпускников школы «Выстрел», во время лекций Слащева часто возникали горячие дискуссии с красными командирами, сражавшимися против генерала в боях Гражданской войны.) У Иванова Сабеев терпит неудачу, потому что в первую очередь при размещении войск руководствуется стремлением защитить свою семью. В результате и бой он проигрывает, и его близкие гибнут. Пастырев же жертвует жизнями брата и жены и одерживает победу. Булгаков видел всю фальшь такой схемы применительно к реальному Слащеву. Поэтому Хлудов в «Беге» спокойно собирается повесить начальника станции и оставить сиротой его малолетних детей. Хлудов не имеет родных и близких, он даже более одинок, чем был его прототип (в пье-

се «походная жена» не у него, а у Чарноты). Автор не сомневался, что ради военных успехов Слащев пожертвовал бы кем угодно, и таким сделал своего Хлудова.

Интересно, что в 1925 году акционерное общество «Пролетарское кино» собиралось делать художественный фильм «Врангель» по сценарию Л. О. Полярного и М. И. Перцовича, причем Слащев был приглашен в качестве военно-технического консультанта, а также исполнителя роли «генерала Слащева-Крымского» (ординарца должна была сыграть его жена). Любопытно, что если во МХАТе предполагавшийся исполнитель роли Хлудова Н. П. Хмелев не обладал портретным сходством с прототипом, то сыгравший эту роль в киноверсии «Бега», снятой в 1970 году режиссерами А. А. Аловым и В. Н. Наумовым, актер Владислав Дворжецкий, случайно или нет, оказался очень похож на Слащева. Дворжецкий создал лучший на сегодня образ Хлудова — более убедительно трагедию больной совести палача не сыграл никто.

КРЫМСКОЕ СИДЕНИЕ: ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

Слащеву, как мы помним, удалось отстоять Крым в тот период, когда остатки Добровольческого корпуса и Донской армии только приводили себя в порядок и были совершенно небоеспособны. Когда же основные силы Красной армии оказались связаны советско-польской войной, Врангель решил вырваться из Крыма.

Сергей Мамонтов вспоминал:

«После катастрофы Новороссийска генерал Деникин не мог больше оставаться командующим, его сменил генерал Врангель и оказался прекрасным организатором не только в рапортах, а в действительности. В короткий срок из остатков приехавших из Новороссийска он создал сплоченную армию. Провел важные реформы, касающиеся крестьян и земли. Он показал сильную власть. Грабежи в армии почти исчезли, зеленое движение ушло в подполье. Наступил порядок.

Конечно, у нас не было надежд победить большевиков своими силами. Но коммунисты воевали с поляками, и это оттягивало их главные войска. В центральных районах России постоянно возникали крестьянские восстания, особенно сильные около Тамбова. К сожалению, эти восстания происходили, когда наших войск поблизости уже не было, и мы им помочь не могли».

Советский военный историк Н. Е. Какурин так охарактеризовал стратегические замыслы Врангеля:

«Укрепив свое положение в качестве командующего, генерал Врангель деятельно принялся за реорганизацию и приведение в порядок своей армии. Она была сведена им в три корпуса. Эта работа происходила в течение всего апреля и мая. Обстановка позволяла Врангелю затратить столь большой срок на подготовку к операциям. Советское командование в это время занято было уже в полной мере развернувшейся кампанией против поляков на Западном фронте и на крымском направлении держало первоначально в качестве заслона лишь одну слабую XIII армию в составе одной стрелковой и одной кавалерийской дивизий (8000 штыков и сабель).

Тем временем попытки английского правительства устроить почетную капитуляцию для контрреволюционных вооруженных сил в Крыму не привели к положительным результатам. Советское правительство требовало безусловной сдачи. Врангель хотел заключения мира на условиях равенства обеих договаривающихся сторон. Продолжительное сидение в Крыму реорганизованной армии являлось неудобным по экономическим условиям. Огромная масса беженцев и войск, скопившихся в Крыму, начала уничтожать все его продовольственные запасы. Поэтому, открывая кампанию 1920 г. на Таврическом театре, генерал Врангель руководствовался не политическими и стратегическими, а исключительно продовольственными предпосылками... Командование в лице генерала Врангеля не предполагало развивать своих операций дальше линии Александровск—Мариуполь. В дальнейшем мыслилось связаться с украинскими повстанцами, поднять восстание на Дону и, таким образом, обеспечить свои фланги».

В целом врангелевское вторжение в Северную Таврию не преследовало далеких стратегических целей. Предполагалось, выйдя за Перекопский перешеек, захватить зерно и другое продовольствие и в случае опасности опять укрыться в Крыму. С точки зрения обороны полуострова это наступление никаких выгод принести не могло — скорее, наоборот, делало положение врангелевцев еще более рискованным. Немногочисленные белые войска оказывались растянутыми на расширяющемся фронте, который, однако, проходил достаточно близко к крымским перешейкам, чтобы красные могли одним ударом отрезать основные силы Русской армии от полуострова.

По стратегическим соображениям Врангелю стоило бы наступать на северо-запад и запад, на правобережье Днепра, навстречу польским и украинским войскам. Однако он повел свои войска в противоположном направлении — на северо-восток и восток, в Донбасс. Похоже, барон не торопился наладить взаимодействие с Пилсудским и Петлюрой, что потребо-

вало бы принятия на себя определенных политических обязательств по признанию независимости и границ Польши и Украины. Продвижение же в Донбасс теоретически открывало возможность прорваться в область Войска Донского, где Русская армия могла рассчитывать на существенное пополнение. Однако расстояние до казачьих земель было слишком велико, и Врангель вряд ли всерьез рассчитывал на то, что ему удастся достичь Ростова и Новочеркаска. Тем более что наступать пришлось бы по территории каменноугольного бассейна, а тамошние рабочие еще с конца 1917 года были настроены к белым весьма враждебно.

Перед наступлением Врангель провел реформу Вооруженных сил Юга России. 28 апреля 1920 года он переформировал их в Русскую армию. В изданном в этот день приказе говорилось:

«Армия перестраивается на новых началах.

Основания комплектования армии изменены: части войск комплектуются не добровольцами, а лицами, призванными на военную службу по мобилизации.

Новая организационная схема ничего общего со старой, построенной на добровольческих началах, не имеет.

Необходимо теперь же отказаться и от старых, неприложимых к новым организационным соединениям, терминов — Добровольцы и Добровольческий.

Корпуса должны иметь наименования — армейские по номерам и казачьи по соответствующему войску».

Эта мера была вполне разумной и оправданной. Со словами «Добровольческая армия» и «добровольцы» у населения были связаны не самые приятные ассоциации. Недаром Добрармию народная молва переименовала в «Грабьармию». Главное же — на третьем году Гражданской войны был исчерпан этот ресурс пополнения белой армии: добровольцы либо погибли в боях или в результате красного террора, либо уже оказались в Крыму. Более того, сама идея добровольчества настоятельно встречалась населением, поскольку было хорошо известно, что к пленным добровольцам красные относятся особенно сурово и пощады почти не дают. Неслучайно даже противники красных — например, зажиточные крестьяне — предпочитали, чтобы в белые армии их мобилизовывали. В случае плена это оставляло гораздо больше шансов остаться в живых.

Только вот мобилизовывать в Крыму было особенно некогда. Все, кто хотел и мог сражаться, уже находились в рядах Русской армии. Надежда была только на пополнения из числа пленных красноармейцев да на казаков, если удастся занять казачьи области.

Двадцать девятого апреля Врангель издал приказ об отношении к пленным. Он гласил:

«Главная масса населения и чинов красной армии далеки от варварской идеи, проповедуемой коммунистами.

Много солдат и офицеров советских войск, не будучи большевиками, сражаются против нас, вынужденные к тому репрессиями и террором. Эти лица являются нашими врагами лишь на поле сражения, сдавшиеся же и перешедшие на нашу сторону без оружия в руках достойны сожаления и прощения.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Безжалостно расстреливать всех комиссаров, других активных коммунистов, захваченных во время сражения.

2. Всех остальных офицеров и солдат красной армии, раз они сдались или перешли на нашу сторону, безразлично, до сражений или во время боев, равно и всех служивших ранее в советской армии, по добровольном прибытии в войска Вооруженных Сил Юга России подвергшихся наказаниям и ограничениям по службе, освободить от всяких ограничений и восстановить в правах и преимуществах, выслуженных до 1 Декабря 1917 года, при вступлении в войска Вооруженных Сил Юга России».

Таким образом, теперь полностью исключались бессудные расстрелы пленных, столь распространенные прежде в добровольческих частях. Правда, как различить «активных» и «неактивных» коммунистов, Врангель не разъяснял, так что место для произвола оставалось. Тем не менее массовые расстрелы пленных все-таки прекратились. Также офицеры, прежде служившие в Красной армии или в советских учреждениях, теперь восстанавливались во всех прежних правах и привилегиях, которых они были лишены при Деникине, что должно было побудить их с большим энтузиазмом сражаться за Белое дело, а тех, кто еще оставался в Красной армии, переходить на сторону Врангеля. 8 апреля, например, был восстановлен в чине генерал-майора рядовой Котельников, ранее разжалованный за службу у красных.

Врангель также стремился минимизировать репрессии на освобождаемых от большевиков территориях. 8 июня он приказал «освободить от ответственности всех граждан вновь занимаемых вооруженными силами областей, кои во время господства там советской власти состояли на службе в различных советских учреждениях и вообще принимали участие в работе советских властей, за исключением лиц, занимавших ответственные руководящие должности в советском управлении и сознательно осуществлявших или содействовавших осуществлению основных задач советской власти».

Издавались соответствующие воззвания, разбрасывавшиеся над советскими войсками с самолетов. Так, в двадцатых числах мая Врангель в обращении к «красным офицерам» призывал их встать «вновь в ряды Русской, настоящей армии», гарантируя «забвение прошлого» и «возможность искупить свой грех».

Позднее, в октябре, были также разработаны обращения к бойцам 1-й Конной армии и к самому Буденному. В последнем, подписанном начальником штаба Русской армии Шатиловым, утверждалось: «Всем переходящим на сторону Русской Армии гарантируется 1) личная и имущественная безопасность, 2) командному составу: остаются занимаемые должности с присвоением соответствующих чинов и званий, 3) лично Вам присваиваются права и соответствующий чин Командующего Армией, 4) всё прошлое будет забыто; законному преследованию будут подвергнуты лишь лица, согласно Вашего указания». Можно не сомневаться, что, перейди Буденный со своей армией к белым, все эти обещания были бы выполнены. Никого, кроме комиссаров, расстреливать бы не стали. Сделался бы Семен Михайлович храбрым генерал-лейтенантом, надели бы его начдивы и комбриги генерал-майорские и полковничьи погоны, и пошли бы конармейцы под трехцветным знаменем бить красных...

Только Буденный не был столь глуп, чтобы в октябре 1920 года верить в победу Врангеля. Даже случаи добровольного перехода на сторону Врангеля офицеров, служивших у красных, а тем более рядовых красноармейцев, можно буквально пересчитать по пальцам. Пленные красноармейцы, поставленные в ряды Русской армии, порой сражались неплохо, но только пока белые наступали. При отступлении же они частенько перебежали обратно, порой даже убивая приставленных к ним офицеров.

Тринадцатого мая Врангель отдал секретный приказ: «В случае перехода нашего в наступление мы, на пути к достижению заветной цели — уничтожения коммунизма, можем войти в соприкосновение с повстанческими частями Махно, Украинскими войсками и другими противокommунистическими группами.

В борьбе с главным врагом Святой Руси, коммунистами, нам по пути все те Русские люди, которые, как мы, честно стремятся свергнуть кучку насильников-большевиков, обманом захвативших власть.

ПРИКАЗЫВАЮ — всем начальникам, при соприкосновении с указанными выше противобольшевистскими группами, сообразовать свои действия с действиями войск этих групп,

имея в виду нашу основную задачу свергнуть коммунизм и всемерно облегчить и помочь Русскому народу воссоздать свое Великое Отечество».

При этом ни о каких политических соглашениях речь не шла. Однако попытки наладить взаимодействие с батькой Махно потерпели полный крах.

Первый посланец генерала Врангеля, в чине капитана, 27 мая (9 июня) предстал перед «Советом революционных повстанцев» в селе Времьевке Мариупольского уезда. Он передал письмо, подписанное Шатиловым и Коноваловым, с предложением союза и помощи оружием. Парламентер был повешен, и на его теле прикреплена надпись: «Никогда никакого союза у Махно с белогвардейцами не было и не может быть, и если еще кто из белогвардейского стана попытается прислать делегата, то его постигнет участь, какая постигла первого».

Несмотря на первую неудачу, вскоре к Махно был послан полковник Русской армии, которому повезло чуть больше, чем капитану: его расстреляли.

Пятого мая удалось эвакуировать из района Сочи часть кубанских и донских казаков, что дало Русской армии существенное пополнение. Общая численность врангелевцев выросла до сорока тысяч человек, однако во фронтовых частях их количество не превышало двадцати двух тысяч штыков и двух тысяч сабель, объединенных в четыре корпуса. Противостоявшая им 13-я советская армия в мае 1920 года перед наступлением врангелевцев насчитывала 15 тысяч штыков и четыре тысячи сабель.

Двадцатого числа было опубликовано «Воззвание» главнокомандующего:

«Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни. За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь. За прекращение междоусобной брани. За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси. За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель».

Тогда же Врангелем был подписан приказ № 3226, в котором провозглашалось:

«Русская Армия идет освобождать от красной нечисти Родную землю.

Я призываю на помощь мне Русский Народ.

Мною подписан закон о волостном земстве, и восстановятся земские учреждения в занимаемых Армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам.

Народу — земля и воля в устройении государства.

Земле — Волею народа поставленный Хозяин.

Да благословит нас Бог!

Генерал Врангель».

На той же основе возник и еще один приказ от 20 мая, распространяемый в виде листовки, с изложением основных положений земельного закона и закона о волостном земстве. В нем, в частности, Врангель декларировал:

«С помощью Божией двигая вперед войска на борьбу с игом советской власти, почитаю долгом перед Родиной принять на себя особую заботу об устройении в занимаемых войсками местностях мирной жизни и правопорядка.

Неотложным считаю облегчить тяготу населения, измученного дороговизной и скудостью питания, и устранить стеснения для развития производительных сил народных в занятии земледелием, промыслами и торговлей.

Трудящемуся крестьянину-земледельцу нужна земля, торговцу свобода торговли, передвижения и восстановление сообщений, ремесленнику и промышленнику материалы для работы и рынок.

Всем питание и порядок...

Борьба с насильниками и угнетателями.

Мир с родным народом.

Строгая кара насилия и грабежа.

Прощение всем, кто извернется в обманах советских обещаний и готов бороться с нами за русскую государственность и свободу мирного труда...

Народу — земля и воля в устройении государства.

Земле — Волею Народа поставленный Хозяин.

Да поможет нам Бог в нашем святом деле.

Генерал Врангель».

В последовавших разъяснениях говорилось, что под «хозяином» понимался сам народ, который, если пожелает, «изберет себе царя».

Правитель Крыма обещал автономию Украине и казачьим землям, но даже это мало помогло в поисках союзников.

Врангель пытался договориться не с теми политиками, ко-

торые обладали хоть какой-то военной силой, а с теми, кто подходил для его планов решения украинского вопроса. Однако переговоры с прибывшей в Крым группой украинских федералистов С. Маркатуна, соглашавшейся на широкую автономию Украины в составе единого Русского государства, изначально были бесполезны, поскольку группа состояла только из эмигрантов и никакой поддержкой на Украине не пользовалась.

Перед самой эвакуацией, 26 октября, Врангель издал приказ об украинском языке — он признавался на Украине государственным наряду с русским, а частные и государственные школы, где он изучался, уравнивались в правах с учебными заведениями, где преподавался русский язык. Никакого практического и даже пропагандистского значения это иметь не могло, равно как и намерение формировать в Русской армии украинские национальные части.

В общем наступление в Северной Таврии войска Врангеля перешли 25 мая 1920 года. Предполагалось быстро выйти на линию Александровск—Бердянск, затем продвинуться на линию Днепр—Синельниково—Гришино—Таганрог, а далее наступать на Дон и Кубань. Врангель рассчитывал оставить для прикрытия Крыма только треть сил Русской армии. Он полагал, что донское и кубанское казачество сможет дать 50—70 тысяч бойцов. Но белые могли бы завоевать Дон и Кубань только после полного краха советского сопротивления на юге России. На практике же за полгода боев Врангель не смог выполнить даже задачи второго этапа наступления — выйти на линию Синельниково—Таганрог.

Врангелевский министр иностранных дел П. Б. Струве отметил, что Гражданская война для белых продолжалась без всяких политических перспектив: «На взятие Москвы, конечно, уже не рассчитывали, а пытались лишь держать военный фронт и биться с большевиками до тех пор, пока они сами как-то не разложатся и не рухнут.

Эта психология врангелевской армии, связанная с верой не в свои победы, а лишь в прочность своей организации, которая должна пережить большевиков, психология, создавшаяся еще в Крыму, сохранилась и в изгнании...»

Ему вторил епископ Вениамин, также отметивший в мемуарах не только готовность участников Белого движения к самопожертвованию, но и отсутствие позитивной политической установки:

«Можно сказать, что наше движение руководилось скорее негативными, протестующими мотивами, чем ясными положительными своими задачами... Мы боролись против боль-

шевиков — вот общая наша цель и психология. Предполагалось, будто всем ясно это. Но на деле было не так...

Чем же воодушевлялись мы в борьбе?

Старыми традициями: великой Россией, национализмом, собственностью. А еще? Ненавистью к большевикам, которые шли по новым социальным путям или понимали старые иначе. Всё это и слилось около одного главного имени “Россия”... А нас, верующих, гнала в это движение и борьба большевиков против религии — тайная или явная.

Но при всём этом, безусловно, должно отметить, что в Белой армии и большой дух жертвенности, не за корысть, не за собственность даже, а за Родину, за Русь вообще. Кто не примет этого объяснения, тот не может понять “белого движения”! Большевики казались губителями России. И честному русскому нужно было бороться против них! История знает, с какой готовностью люди отдавали себя на раны и смерть. Вот три-четыре факта.

Подполковник И., командир танковой части Корниловской дивизии, говорит при мне: завтра выступление, он ранен уже 14 раз, пойдет и завтра на смерть за Россию... Был убит. Генерал В., ранен был чуть не 21 раз... Убит. Или обхожу я как-то ночью Перекопский вал, отделявший Крым от материка. Костры были запрещены, но кое-где коптились две-три щепки. Вижу — молодежь. Подсел к ним. Они не знают, что я архiereй. Знаков отличия не имел тогда. Грустно разговаривают... Еще безусые... Дети аристократов... “Батюшка, — спрашивает один, — неужели мы проиграем? Ведь мы за родину и за Бога!”

Я утешал... И как было жалко этих юнцов! И какие они были милые и еще наивные. Где они, рано вылетевшие из теплых гнезд птенцы?»

Красная пропаганда была проще, но куда действеннее врангелевской. Она была рассчитана на конкретные социальные группы, прежде всего на крестьян и рабочих. Советские агитаторы говорили с народом на его языке и ловко использовали то обстоятельство, что беднейшим слоям мероприятия советской власти приносили ощутимые, хотя зачастую и сиюминутные, выгоды.

В советской пропаганде, в частности, удачно обыгрывались немецкая фамилия и аристократическое происхождение Врангеля, высмеивались его едва прикрытый монархизм и во многом декларативные реформы, а также его любовь к приказам-манифестам, что давало возможность проводить аналогию с царем.

Большевистский поэт Демьян Бедный написал пародийный «Манифест барона фон Врангеля»:

Ихь фанге ан¹. Я начинаю.
 Эс ист² для всех советских мест,
 Для русский люд из краю в краю
 Баронский унзер³ манифест.
 Вам мой фамилий всем известный:
 Ихь бин⁴ фон Врангель, герр барон.
 Я самый лючший, самый шестный
 Есть кандидат на царский трон.
 Послюшай, красные зольдатен⁵:
 Зашем ви бьетесь на меня?
 Правительств мой — все демократен,
 А не какой-нибудь звиня.
 Часы с поломанной пружина —
 Есть власть советский такова.
 Какой рабочий от машина
 Имеет умный голова?
 Какой мужик, разлочный с полем,
 Валяйт не будет дурака?
 У них мозги с таким мозолом,
 Как их мозолистый рука!
 Мит клейнем⁶, глюпеньким умишком
 Всех зо генаннтен⁷ простофиль
 Иметь за власть?! Пфуй, это слишком!
 Ихь шпрехе⁸: пфуй, дас ист цу филь⁹!
 Без благородного сословий
 Историй русский — круглый нуль.
 Шлехт¹⁰! Не карош порядки новий!
 Вас Ленин ошень обмануль!
 Ви должен верить мне, барону.
 Мой слово — твердый есть скала.
 Мейн копф¹¹ ждет царскую корону,
 Двухглавый адлер¹² — мой орла.
 Святая Русслянд¹³... гейлих эрде¹⁴...
 Зи лигт им штербен¹⁵, мой земля.
 Я с белый конь... фом вейсен пферде¹⁶...
 Сойду цум альтен¹⁷ стен Кремля.

¹ Я начинаю. (Это и другие пояснения немецких слов к стихотворению сделаны его автором.)

² Это есть.

³ Наш.

⁴ Я есмь.

⁵ Солдаты.

⁶ С маленьким.

⁷ Так называемых.

⁸ Я говорю.

⁹ Это чересчур.

¹⁰ Нехорошо.

¹¹ Моя голова.

¹² Орел.

¹³ Россия.

¹⁴ Святая земля.

¹⁵ Она находится при смерти.

¹⁶ С белого коня.

¹⁷ У старых.

И я скажу всему канальству:
«Мейн фольк¹⁸, не надо грабежи!
Служите старому начальству,
Вложите в ножницы ножи!»
Вам будут слезы очень литься.
«Порядок старый караша!»
Ви в кирхен¹⁹ будете молиться
За мейне руссише душа.
Ви будет жить благополучно
И целовать мне сапога.
Гут²⁰!
«Подписал собственноручно»
Вильгельма-кайзера слуга,
Барон фон Врангель, бестолковой
Антантой признанный на треть:
«Сдавайтесь мне на шестный слово.
А там... мы будет посмотреть!!»

Конечно, крестьяне в большинстве своем не понимали немецкие слова, но это только усиливало комический эффект. Врангель позиционировался как новый претендент на царский трон, не знающий толком ни русского языка, ни народной жизни, стремящийся возродить гнет помещиков и капиталистов.

Наступление в Северной Таврии развивалось успешно. 1-й корпус Кутепова, прорвавшись через Перекоп, к 31 мая вышел к Днепру от устья до Каховки. Корниловцы 25 мая заняли хутор Преображенский, марковцы и дроздовцы — села Первоконстантиновку и Спендиярово. Но и потери были велики. Марковская дивизия за один день потеряла около шестисот человек — почти треть своей тогдашней численности, а марковская артиллерийская бригада — лишилась пятнадцати человек, зато пополнилась четырьмя трофейными орудиями, доведя общее число своих орудий до четырнадцати. В Дроздовской дивизии 25 мая выбыло из строя больше половины командного состава. В батальонах дроздовцев осталось по 30—40 человек. Начальник дивизии Туркул был тяжело контужен. К 28 мая Добровольческий корпус утратил 23 процента своего состава.

Если во время Ледового похода Корнилова среди его участников резко преобладали офицеры, то во время последнего похода Врангеля в Северную Таврию офицеров было уже значительно меньше: во фронтовых частях они составляли около 15 процентов (без учета занимавших командные должности).

¹⁸ Мой народ.

¹⁹ В церквах.

²⁰ Хорошо.

Больше всего их было в 1-м армейском корпусе Кутепова (бывшем Добровольческом). В полках имелись чисто офицерские роты, которые командование бросало в бой в критических ситуациях. Но именно офицеры наиболее активно участвовали в боях и несли наибольшие потери. К концу боевых действий в Северной Таврии доля офицеров во врангелевской армии существенно понизилась как за счет больших потерь среди офицерского состава, так и за счет увеличения повышения количества пленных красноармейцев в ее рядах. Тем не менее до конца существования Русской армии процент офицеров, а также казаков, по сути, являвшихся профессиональными военными, был гораздо выше, чем в Красной армии, что до определенного момента позволяло Врангелю одерживать победы даже над численно превосходящим противником. Поражения белой армии в Таврии и на Кубани в сентябре, еще до начала решающего наступления Фрунзе, были обусловлены не только ростом советского численного перевеса, но и ухудшением качественного состава врангелевских войск.

Десант 2-го армейского корпуса Слащева (десять тысяч штыков и сабель, 50 орудий, два броневика) 23 мая, несмотря на сильный шторм, высадился в Кирилловке у Геническа, чтобы ударить в тыл Перекопской группировке красных. На следующий день слащевцы заняли Мелитополь и взяли десять тысяч пленных. Вечером 26 мая части под командованием Слащева вышли на железную дорогу на перегоне Большой Устюг—Акимовка.

В ночь на 28 мая (10 июня) 3-я бригада советской 2-й кавалерийской дивизии ночным налетом заняла Отраду и прорвалась в Ново-Михайловку, где захватила штаб 3-й конной дивизии белых с ее начальником генералом А. П. Ревизиным. В связи с этим член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Сталин 25 июня телеграфировал председателю Совнаркома Ленину:

«Взятый нами в плен десятого июня на Крымском фронте боевой генерал Ревизин в моем присутствии заявил: а) обмундирование, орудия, винтовки, танки, шашки врангелевские войска получают главным образом от англичан, а потом от французов; б) с моря обслуживают Врангеля английские крупные суда и французские мелкие; в) топливо (жидкое) Врангель получает из Батума (значит, Баку не должен отпускать топливо Тифлису, который может продать его Батуму); г) генерал Эрдели, интернированный Грузией и подлежащий выдаче нам, в мае был уже в Крыму (значит, Грузия хитрит и обманывает нас).

Показание генерала Ревизинова о помощи Англии и Фран-

ции Врангелю стенографируется и будет послано вам за его подписью, как материал для Чичерина».

Кстати сказать, эти показания не спасли Александра Петровича Ревизиона. Вскоре он был расстрелян.

Казачий Донской корпус генерала Абрамова наступал от Чонгарской переправы на Мелитополь, а далее к Ногайску и Бердянску, имея приказ продвигаться вдоль Азовского моря в направлении Дона. Сводный корпус кубанских казаков генерала Писарева также атаковал Генический укрепрайон с чонгарских позиций.

За неделю войска Врангеля заняли почти всю Северную Таврию. Однако затем контратаки красной конницы приостановили наступление.

Врангель попытался разжечь восстание на Дону. 26 июня отряд донских казаков под командованием полковника Назарова высадился между Мариуполем и Таганрогом, а 9 июля с помощью повстанцев занял район Александровск—Грушевск, в 35 верстах от Новочеркасска. Но надежды на широкое казачье восстание провалились, и вскоре отряд Назарова был уничтожен превосходящими силами красных.

К 19 июня войска Врангеля достигли рубежа Днепр—Орехов—Бердянск. Советское командование направило против них еще три дивизии и две отдельные бригады, а также конный корпус Жлобы. Командующим 13-й армией вместо Р. П. Эйдемана был назначен И. П. Уборевич. Численность 13-й армии возросла до 30 тысяч штыков и 11 тысяч сабель. С этими силами красные могли вновь вернуть Северную Таврию и разбить Врангеля.

К северо-востоку от Мелитополя Русская армия разгромила конный корпус Жлобы, насчитывавший 7500 сабель и 6 тысяч штыков. В этом сражении Врангель широко использовал против кавалерии самолеты и броневики, во многом предвосхитив тактику Второй мировой войны.

Уборевич создал две ударные группы под командованием И. Ф. Федько (3, 42, 46-я дивизии, две отдельные бригады) и Жлобы (1-й отдельный кавалерийский корпус Д. П. Жлобы, 2-я кавалерийская дивизия П. Е. Дыбенко, 40-я стрелковая дивизия, девять самолетов). Группа Федько должна была ударом с севера, из района Александровска, разбить корпус Кутепова и выйти к Мелитополю. Коннице Жлобы была поставлена задача ударом с востока прорвать фронт корпуса Абрамова и выйти в тыл корпуса Кутепова, отрезав врангелевцам пути отступления в Крым.

Советское контрнаступление началось 14 (27) июня 1920 года. Группа Федько не смогла разбить корпус Кутепова и са-

РАЗГРОМ АРМИИ ВРАНГЕЛЯ

- Линия фронта и исход 5 июня-началу наступления войск Врангеля
- Направления ударов войск Врангеля в июне-августе
- Направления ударов войск Наказского фронта в августе
- Положение войск сторон в Таврии к исходу 2 августа, на Кубани - к исходу 21 августа
- Направления ударов войск Юго-Западного фронта в августе
- Хакосский плацдарм, захваченный советскими войсками 7 августа
- Направления ударов войск Врангеля 14 сентября - 2 октября
- Линия фронта и исход 2 октября
- Направления ударов войск Южного фронта 3-27 октября
- Положение войск Южного фронта к исходу 27 октября
- Контрнаступление войск Южного фронта в Северной Таврии 28 октября - 3 ноября
- Контрудары войск Врангеля
- Направления ударов советских войск в Перекопско-Чонгарской операции 7-17 ноября
- Районы действий партизан
- Блокада побережья Черного моря кораблями Врангеля и интервентов

ма была отброшена к Александровску. Конная группа Жлобы действовала более успешно: она прорвала фронт корпуса Абрамова и пошла в рейд по белым тылам, угрожая Мелитополю.

Врангель бросил на ликвидацию прорыва всю имевшуюся у него конницу — две тысячи донских казаков, — а также броневики и 20 самолетов. Продвижение красной конницы удалось остановить. 19 июня (2 июля) Жлоба снова предпринял попытку прорвать фронт у Черниговки. На следующий день с помощью доставленной на подводах Корниловской дивизии его группа была рассечена на две части. Жлоба хотел идти на север, но здесь его встретили корниловцы и бронепоезда. А тех, кому удалось прорваться, атаковали авиация и донская конница. В результате полного разгрома группы Жлобы тысяча красноармейцев была убита, в плену оказалось до девяти тысяч человек. Трофеи белых составили три тысячи лошадей, 60 орудий, 200 пулеметов. Еще пять тысяч лошадей дала мобилизация конского состава в Северной Таврии. Крестьяне были далеко не в восторге от мобилизации, равно как и от того, что Русская армия забирала весь урожай за обесцененные дензнаки, и пополняли армию Махно.

В Русскую армию в Крыму и Северной Таврии было мобилизовано до десяти тысяч крестьян и рабочих (Врангель рассчитывал мобилизовать в несколько раз больше), а также пять тысяч пленных красноармейцев. Численность казачьей и регулярной конницы с апреля по октябрь выросла с пяти до пятнадцати тысяч сабель.

Пятого июля Врангель отдал приказ о создании группы Кутепова в составе 1-го армейского, Донского и Конного корпусов. Она должна была разбить александровскую группировку красных. Бои шли с переменным успехом. 20 июля белые заняли Александровск, но на следующий день вынуждены были оставить город, предварительно разрушив железнодорожную станцию.

Как раз в эти дни советские войска на западе рвались к Варшаве. В связи с этим 7 (20) июля Мильеран поддержал правительство Врангеля в парламенте и сообщил Струве, что готов признать правительство Врангеля де-факто на трех основных условиях:

- 1) признание долгов предыдущих русских правительств, соразмерно с территорией, фактически контролируемой Врангелем;
- 2) предоставление земли в собственность крестьянам;
- 3) официальное сообщение Врангеля о намерении созвать избранное населением Учредительное собрание.

Барон эти условия принял, и 28 июля (10 августа) призна-

ние со стороны Франции последовало. В тот же день государственный секретарь США Колби заявил, что его страна против признания власти большевиков. Англия также прервала торговые переговоры с Советской Россией, опасаясь установления контроля большевиков над Польшей.

Главной задачей кампании Врангель считал высадку на Кубани, что должно было, как он думал, вызвать всеобщее антисоветское восстание местного казачества. С 1 по 21 августа на Кубань и в район Новороссийска было высажено три десанта общей численностью около пяти тысяч человек.

Узнав о первых успехах белых на Кубани, Ленин писал: «В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри ЦК растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей...» Уже 23 июля (5 августа) пленум ЦК РКП(б) признал приоритет врангелевского фронта перед Польским, однако при этом было решено не ослаблять давление на Варшаву.

Пятого августа кубанский десант под командованием Улагая вышел на линию станиц Тимашевской—Брюховецкой, нанеся поражение 1-й Кавказской кавалерийской дивизии красных. Однако 9-я советская армия, оборонявшаяся на Кубани, насчитывала 24 тысячи бойцов. Расчет Врангеля был на широкое восстание кубанцев и установление связи с еще боровшимися против красных на Кубани войсками генерала Фостикова. Но ни то ни другое осуществить не удалось.

Сергей Мамонтов, участвовавший в улагаевском десанте, оставил несколько ярких зарисовок этих боев:

«Как только наша колонна перешла дамбу, мы врзались в красную колонну, которая шла по главной дороге. Крики, выстрелы, пулеметная очередь в полной темноте. Мы приготовились к встрече, а для красных она была неожиданностью. Думаю, что они разбежались...

— Рысью марш!

Мы пересекли дорогу и пошли прямо на север. Долго шли рысью, не обращая внимания на отдельные выстрелы, которые раздавались изредка то справа, то слева. Стало светать.

Мы были далеко к северо-востоку, где нас не ожидали. Перед нами лежала станица Семенцево. Красные войска мирно спали. Мы грубо нарушили их сон. Часть сдалась, а часть побежала. Полки преследовали их в направлении станицы Брюховецкой...

На площади стояла толпа пленных под охраной нескольких казаков и наши две батареи. Мы все легли на землю и заснули. Шли ведь всю ночь.

— По коням! Садись! Рысью ма-арш!

Нас спешно звал Бабиев... Он стоял за большой скирдой и рассматривал что-то в бинокль.

— Вон там идет сюда красный батальон. Он ничего не подозревает и идет в колонне. Подъезжайте как можно ближе и ахните по ним картечью... Я послал за полками, но мы не можем их дождаться. Я соберу казаков и атакую их с фланга. Понятно? Хорошо. Идите с Богом.

Мы вышли из-за скирды и пошли, не совсем на красных, в орудийной колонне, то есть орудие за орудием. Красные смотрели на нас с удивлением, но не стреляли. Потом, когда мы оказались на их уровне, то Шапиловский скомандовал:

— Поорудийно направо ма-арш... Галопом ма-арш!

Орудия повернулись, батарея оказалась в развернутом фронте и перешла с рыси в галоп. Тут красные заволновались и стали стрелять. У нас упала лошадь, другая. Но мы были уже совсем близко.

— Налево кругом. С передков. К бою!

После первого нашего выстрела у них произошла неопиcуемая паника. Толкаясь и мешая друг другу, они побежали, а наша картечь вырывала дыры в толпе. Справа Бабиев атаковал их своим штабом и двумя десятками казаков. Красные бросили винтовки и сдались. Было их человек шестьсот. Мы взялись в передки и пошли рысью туда же.

Но красные комиссары, придя в себя, увидели, что казаков всего три десятка.

— Товарищи, их немного, — крикнули они. — Возьмите опять винтовки и переколите этих собак!

И двое из них бросились на Бабиева, который выделялся своей фигурой, широкими генеральскими погонями. Кроме того, у него была сухая правая рука от старой раны. Шашку он держал в левой руке, а повод в зубах. Но товарищи плохо выбрали свою жертву. Хоть левой рукой, но Бабиев прекрасно владел шашкой. В мгновение ока он отразил их штыки и раскроил обоим череп. Остальные замаялись.

— Рубите их всех! — закричал Бабиев.

Мы подходили рысью, когда увидели, что что-то там происходит неладное. Без колебания мы быстро снялись и пустили очередь картечи в бушующую толпу, рискуя повредить и своих, но выбирая места, где конных не было. В это время мимо нас прошел на рысях полк и с обнаженными шашками ударил на толпу красных. Мы тотчас же взялись опять в передки, но когда мы пришли на место, то всё было кончено. Красных всех порубили. Бой длился не более 20 минут...

— Вы очень хорошо сделали, что стреляли еще, — сказал нам Бабиев. — Правда, вы нас тоже чуть не угробили, но ваша

картечь пришла как раз когда нужно. Это холодит вам кровь — видеть пушки, которые в вас стреляют в упор. Это именно то, что должна, по-моему, делать артиллерия. Стрельба издали не так действенна и много менее впечатляюща... Но не станем терять времени. Нам предстоит еще много дела... По коням! Здесь всё кончено.

Сотни трупов лежали вокруг хутора. И сказать, что несколько десятков минут назад это был целый батальон!»

Чувства этих людей притупились на войне. Подчас они не испытывали ничего — ни страха смерти, ни сострадания к побежденному противнику. Мамонтов вспомнил несколько случаев, когда нередкая на войне жестокость принимала форму своеобразного «естествоиспытательского» интереса:

«Рядом со мной разговаривала группа казачьих офицеров. Молодой удивлялся:

— Почему среди убитых нет обезглавленных? Можно ли одним ударом отсечь голову? Видишь иногда прекрасные удары: череп рассечен наискось, а вот отрубленных голов я не видел.

Старший офицер объяснил:

— Чтобы отрубить голову, вовсе не надо слишком сильного удара. Это вопрос положения, а не силы. Нужно находиться на том же уровне и рубить горизонтальным ударом. Если конный противник нагнется, а он всегда нагибается, то горизонтальный удар невозможен. Пехоту же мы рубим сверху вниз... Эх, жаль, если бы подвернулся случай, я бы показал, как рубят голову.

В одном из предыдущих боев мы захватили комиссара. Впопыхах его посадили в пролетку генерала Бабиева, которая случайно проезжала мимо. Посадили и про него забыли. Пролетка служила Бабиеву рабочим кабинетом. На этой остановке Бабиев слез с коня и направился к своей пролетке. Он с удивлением увидел комиссара.

— Кто этот тип и что он делает в моей пролетке?

— Комиссар, ваше превосходительство, — сказал адъютант. — Мы подумали, что вы захотите его допросить.

— Вовсе нет. У меня масса работы. Освободите от него пролетку.

Комиссара любезно попросили слезть и подойти к разговаривавшим офицерам.

— Вот случай, который сам собой напрашивается, — сказал пожилой.

С комиссаром были вежливы, предложили папиросу, стали разговаривать.

Я всё еще не верил в исполнение замысла. Но пожилой за-

шел за спину комиссара и сухим горизонтальным ударом отсек ему голову, которая покатилась на траву. Тело стояло долю секунды, потом рухнуло...

Всё это произошло без всякой злобы, просто как демонстрация хорошего удара.

— Это что, — сказал пожилой. — Вот чтобы разрубить человека от плеча до поясницы, нужна сила.

Он вытер шашку об мундир комиссара. Человеческая жизнь ценилась недорого...

Выйдя из-за леска, мы увидели поле, буквально усеянное трупами красных. Было трудно провезти орудие, не раздавив трупа... Были прекрасные удары: черепа срезаны блюдцем и открыты, как крышка коробки, которая держалась только на полоске кожи. Понятно было, что в древности делали из черепов кубки, — всё это были готовые кубки.

Я шел впереди своего первого орудия, тщательно выбирая дорогу между трупами, чтобы провести батарею, не раздавив их. А сзади меня мои ездовые старались наехать колесом на голову, и она лопалась под колесом, как арбуз. Напрасно я ругался, они божились, что наехали случайно. В конце концов я уехал дальше вперед, чтобы не слышать этого ужасного хруста и отвратительного гогота, когда еще не совсем мертвый красный дергался конвульсивно. В этот момент я ненавидел своих людей. Это были какие-то неандертальцы.

Но странно. Они увидели щенка, выпавшего из мешка зарубленного. Тогда вдруг все разжалобились.

— Нельзя же его здесь оставить. Он ведь погибнет.

Один соскочил и подобрал щенка.

— Осторожно, ты, своими лапищами — он же маленький.

Что это такое? После гогота над дерганьем умирающего? Человек — великая тайна, но и большая сволочь».

Этот эпизод читается как цитата из пушкинского «Дубровского» о любви крепостника Троекурова к своим собакам, для которых в его имении имелся даже лазарет.

«Рота красных вышла из окопов и сдалась нам, — продолжает рассказ Мамонтов. — Нас это вовсе не устраивало. Мы боялись наших пленных. Батареи беззащитны во время движения. Но мы, конечно, этого не показали. Обращались с ними сурово и повели в станицу. Там, к нашему большому облегчению, стояла на площади большая толпа пленных, и несколько казаков их охраняли. Мы сдали им своих пленных, легли на землю и заснули...»

В этом эпизоде, приведенном бывшим белым офицером, естественную человеческую реакцию на происходивший кош-

мар сохранил лишь его невольный свидетель — местный крестьянин:

«Хуторянин осмотрелся с ужасом кругом.

— Господи, что же я буду делать со всеми этими убитыми? Как смогу я жить среди трупов?

И он без шапки пошел прочь от своего хутора».

Однако все частные успехи не могли компенсировать того, что кубанцы совсем не торопились восставать, а основные силы советских войск, не принимая боя, отступили вглубь Кубани.

Врангеля беспокоило, что десант топчется на месте. Он выехал в Керчь и по дороге получил телеграмму Улагая: «Ввиду обнаружения вновь прибывших свежих частей противника и подавляющей численности врага положение серьезное...» Командир десанта просил спешно выслать к Приморско-Ахтарской корабли для эвакуации своего отходящего отряда.

В этот момент Врангель понял, что десант обречен на неудачу, поскольку «необходимое условие успеха — внезапность была уже утеряна; инициатива выпущена из рук, и сама вера в успех у начальника отряда поколеблена».

Одиннадцатого августа главнокомандующий прибыл на Кубань, в станицу Таманскую. Здесь он убедился, что местные казаки не верят в успех десантной операции и ждут скорого возвращения красных. Правда, на следующий день Улагай телеграфировал, что обстановка изменилась и корабли присылать не нужно. Однако на немедленное наступление на Екатеринодар, где почти не осталось советских войск, он всё же не решился.

Еще раз Врангель побывал в Керчи 19 августа. В этот день красные на Кубани перешли в контрнаступление и оттеснили части десанта к Таманской. Барон приказал начать погрузку на корабли.

В мемуарах он признавал:

«Кубанская операция закончилась неудачей. Прижатые к морю на небольшом клочке русской земли, мы вынуждены были продолжать борьбу против врага, имевшего за собой необъятные пространства России. Наши силы таяли с каждым днем. Последние средства иссякали. Неудача, как тяжелый камень, давила душу. Невольно сотни раз задавал я себе вопрос, не я ли виновник происшедшего? Всё ли было предусмотрено, верен ли был расчет?

Тяжелые бои на северном фронте, только что разрешившие с таким трудом грозное там положение, не оставляли сомнений, что снять с северного участка большее число войск, нежели было назначено для кубанской операции, представ-

лялось невозможным. Направление, в котором эти войска были брошены, как показал опыт, было выбрано правильно. Несмотря на нескромность кубанских правителей, задолго разболтавших о намеченной операции, самый пункт высадки оставался для противника неизвестным. Красные ожидали нас на Тамани и в районе Новороссийска. Войска высадились без потерь, и через три дня, завладев важнейшим железнодорожным узлом — Тимашевской, были уже в сорока верстах от сердца Кубани — Екатеринодара. Не приостановись генерал Улагай, двигайся он далее, не оглядываясь на базу, через два дня Екатеринодар бы пал и северная Кубань была бы очищена».

После приведения всех этих аргументов, отводивших от барона вину за неудачу операции, можно было и покаяться — но так, чтобы у читателей не осталось сомнений в том, кто был истинным виновником:

«Всё это было так. Но вместе с тем в происшедшем была значительная доля и моей вины. Я знал генерала Улагая, знал и положительные, и отрицательные свойства его. Назначив ему начальником штаба неизвестного мне генерала Драценко, я должен был сам вникнуть в подробности разработки и подготовки операции. Я поручил это генералу Шатилову, который сам, будучи очень занят, уделил этому недостаточно времени. Я жестоко винил себя, не находя оправдания.

Единственное, что дал нам десант, — это значительное пополнение десантного отряда людьми и лошадьми. Число присоединившихся казаков исчислялось десятками тысячами. Это число не только покрывало тяжелые потери последних дней на северном фронте, но и давало значительный излишек».

А вот как поражение врангелевского десанта виделось с советской стороны. Н. Е. Какурин отмечает: «28 августа красные войска, в свою очередь, скрытно двинув свой десант в тыл противнику на пароходах по р. Протоке, внезапно овладели ст. Ново-Нижне-Стеблиевской, захватив штаб отряда (генерал Улагай случайно спасся) и внеся полный беспорядок в тыл противника. Его войска начали спешно оставлять фронт, устремляясь на Ачув. Здесь противник пытался еще удержаться, но 7 сентября был окончательно выбит красными войсками и, в беспорядке погрузившись на суда, отплыл в Керчь».

Командир 2-го Кубанского корпуса В. Г. Науменко описал в дневнике обстоятельства возвращения в Крым:

«Мы ушли с Кубани 24 августа в 6 часов вечера, забрав всё что можно. Оставили несколько сот повозок и до 100 лошадей, для которых не было места на судах. Потеряли мы около 3000 человек (700 убитыми, остальные раненые). Пришли с

Кубани в составе больше, чем ушли. Людей было 14 000 (помимо боевых частей, на Кубань направилось большое число сотрудников тыловых учреждений и беженцев, что во многом сковывало действия десанта. — *Б. С.*), стало 17 000. Лошадей было 4 тысячи, стало около 7. Пушек было 28, стало 36. Из Ачуева войска перевезли в Керчь, Бабиева направили в Северную Таврию, Кубанское правительство в Феодосию».

Не все офицеры разделяли точку зрения Петра Николаевича на причины неудачи операции. Генерал Науменко после аудиенции у главнокомандующего сделал дневниковую запись: «27 августа выехал из Керчи в Севастополь. Утром был у Врангеля. Принял любезно, но с озабоченным видом. Главную причину неудачи на Кубани он приписывает неправильным действиям Улагая. Я с ним не согласился и указал на то, что главной причиной считаю неудовлетворительную подготовку со стороны штаба Главнокомандующего».

А в сентябре Науменко с горечью отметил: «Обдумав положение кубанского вопроса и отношение к нему главного командования, пришел к выводу, что Иванис (глава правительства Кубани, исполнявший обязанности кубанского атамана. — *Б. С.*) главному командованию выгоден, при нем они надеются взять казачество в свои руки. Обращают внимание подробности: Улагая держат в тени, Ткачева как атамана считают совершенно невозможным. Меня к делу организации не допускают».

Действительно, с самого момента высадки десанта было ясно, что ни о каком реальном самоуправлении казачьих областей речь не идет. Генерал Черепов объявил в станице Анапской, что не будет ни «кругов», ни «рад», а будет твердая власть, после чего 400 присоединившихся, было, к белым казаков сразу же ушли в горы.

Науменко был прав, когда основную вину за неудачу десантной операции возлагал не на Улагая, а на Врангеля. Именно главнокомандующий позволил отправиться для участия в десантировании более чем десяти тысячам беженцев и сотрудников тыловых служб, что во многом сковало действия боевых частей. Именно он сообщил о намерении организовать рейд на Кубань слишком большому числу лиц, так что красные узнали о нем заблаговременно и успели стянуть силы для противодействия Улагаю, обеспечив себе четырех-пятикратное численное превосходство. Кубань и Крым разделяет лишь узкий Керченский пролив. При желании можно было высадить на Кубани несколько небольших партий разведчиков, чтобы узнать, каковы на самом деле настроения казачества. В этом случае, возможно, вопрос о высадке десанта отпал бы, по-

сколько выяснилось бы, что большинство казаков отнюдь не собираются становиться под врангелевские знамена. Но барону очень хотелось создать на юге России некое подобие жизнеспособного государства. Если бы удалось овладеть Кубанью, шансы на создание такого мини-государства существенно выросли бы. И Петру Николаевичу очень хотелось верить, что кубанское казачество сразу же поднимется против большевиков, стоит только десанту высадиться на Кубани. Если бы десант был более многочисленным, в 10—15 тысяч бойцов, возможно, он продержался бы дольше, но всё равно не смог бы поднять казаков. К тому же обстановка в Северной Таврии не позволяла послать на Кубань подкрепления. Врангель писал в мемуарах: «...в случае первоначальных крупных успехов и захвата богатых областей Северного Кавказа мы могли бы, оттянув войска к перешейкам Крыма и закрепившись здесь, направить большую часть сил для закрепления и развития достигнутых на востоке успехов». Однако на практике это вряд ли было возможно. Ведь в этом случае мощная группировка красных из Северной Таврии наверняка ударила бы по крымским перешейкам и легко ворвалась в Крым. А потерять Крым, свою операционную базу, Врангель никак не мог. Эвакуация же оттуда на Кубань всех войск, запасов и беженцев должна была занять слишком много времени, которого красные Врангелю попросту не дали бы.

Науменко был прав также в том, что Врангель не спешил заменить на посту кубанского войскового атамана непопулярного Иваниса каким-нибудь боевым и популярным генералом, мотивируя это невозможностью созвать Раду. А раз не было выдвинуто ни привлекательных для казаков политических лозунгов, ни притягательной фигуры кубанского атамана, то рассчитывать на широкое казацкое восстание не приходилось. Врангель же, вероятно, опасался, что если кубанским атаманом станет Улагай, Науменко или Бабиев, то он сможет конкурировать с главнокомандующим во влиянии на войска, тем более что в случае занятия белыми Кубани, скорее всего, в составе Русской армии стали бы преобладать кубанские казаки.

Наверное, если бы Врангель имел достоверную информацию насчет настроений кубанского казачества, он бы отказался от проведения операции. Наилучшим вариантом действий была бы имитация подготовки крупного десанта на Кубань, чтобы заставить красных держать там значительные силы, которые в противном случае могли оказаться в Северной Таврии.

Наркомвоенмор Троцкий в интервью, данном 19 августа (1 сентября) по случаю ликвидации улагаевского десанта, с

удовлетворением констатировал: «Врангель действительно надеялся на присоединение кубанцев и донцов и доставил туда довольно большие военные запасы для предстоящих формирований. Этих запасов было до 50 вагонов. Я могу говорить об этом с достаточной точностью, потому что нам пришлось вывозить запасы с побережья Ахтари именно в вагонах, после того как мы овладели базой десанта. Ни кубанцы, ни донцы не примкнули к десанту. Путем хорошо задуманного и прекрасно выполненного маневра десанту был нанесен смертельный удар, причем мы почти не понесли жертв... Словом, если врангелевский десант что-либо обнаружил, то именно незыблемость нашей позиции на Северном Кавказе. Тем самым врангелевская империя сводится к пределам части бывшего Крымского ханства. Но мы твердо рассчитываем, что господину Мильерану придется скоро отказаться от мечты иметь в Крыму вассального русско-немецкого хана».

Кубанский десант в итоге принес белым больше вреда, чем пользы. Удалось получить пополнение — около четырех тысяч казаков. Но в Северной Таврии, где в тот момент шли ожесточенные бои за Каховский плацдарм, остро ощущалась нехватка тех пяти тысяч бойцов, в том числе более двух тысяч кавалеристов, отправленных на Кубань.

В районе Берислав—Каховка (в 82 километрах от Перекопа) красные сконцентрировали Латышскую, 15-ю и 51-ю дивизии, которые 25 июля (7 августа) переправились через Днепр у Каховки и Алешок и, оттеснив корпус Слащева, оказались всего в 25 километрах от Перекопа.

Врангелевцы контратаками отбросили противника за Днепр. Однако в районе Каховки три советские дивизии удержали плацдарм, причем при попытках отбить его 2-й армейский корпус Слащева и конный корпус Барбовича понесли тяжелые потери. Наступление красных на северном участке фронта, от Александровска на Мелитополь, против 1-го корпуса Кутепова, велось войсками 2-й Конной армии, 1, 3 и 46-й дивизий. Наступление начало развиваться успешно, и конница красных вышла под Мелитополь. Но в конце концов корпус Кутепова отразил это наступление ценой больших потерь.

Строго говоря, после того, как стало ясно, что сбросить красных с Каховского плацдарма не удастся, боевые действия в Северной Таврии, в том числе и проведенная в сентябре Заднепровская операция, утратили для Русской армии всякий стратегический смысл. Теперь чем больше были успехи и чем больше, соответственно, растягивался фронт и отдалялись от Крыма силы белых, тем опаснее становилась для них угроза

советского наступления от Каховки к Перекопу, которое рано или поздно должно было неизбежно последовать.

С чисто военной точки зрения, вероятно, наилучшим выходом из опасной ситуации было бы отступление в Крым. Однако к тому времени из Северной Таврии был вывезен еще далеко не весь хлеб. Главное же — как раз в эти дни разворачивалось решающее сражение под Варшавой, от исхода которого зависела и судьба белого Крыма. Врангель не хотел признавать своего поражения. Он понимал, что возвращение в Крым, с одной стороны, станет лишь прологом к эвакуации, с другой — позволит большевикам перебросить дополнительные силы в Польшу. Поэтому он решил продолжать наступательные операции.

Четвертого августа генерал Слащев сообщил Врангелю, что от повторения атак на укрепленную позицию противника вынужден отказаться, и просил разрешения отвести свои части на линию Каменный Колодезь — Черненька. Главнокомандующий согласился, но указал Слащеву на неудовлетворительность его действий. В ответ Слащев прислал рапорт:

«Срочно. Вне очереди. Главкому.

Ходатайствую об отчислении меня от должности и увольнении в отставку. Основание: 1) удручающая обстановка, о которой неоднократно просил разрешения доложить Вам лично, но получил отказ; 2) безвыходно тяжелые условия для ведения операций, в которые меня ставили (особенно отказом в технических средствах); 3) обидная телеграмма № 008070 за последнюю операцию, в которой я применил все свои силы, согласно директивы и обстановки. Всё это вместе взятое привело меня к заключению, что я уже свое дело сделал, а теперь являюсь лишним».

Петр Николаевич вспоминал:

«Я решил удовлетворить его ходатайство и освободить от должности. Ценил его заслуги в прошлом, я прощал ему многое, однако за последнее время всё более убеждался, что оставление его далее во главе корпуса является невозможным.

Злоупотребляя наркотиками и вином, генерал Слащев окружил себя всякими проходимцами. Мне стало известно из доклада главного военного прокурора об аресте, по обвинению в вымогательстве и убийстве ряда лиц с целью грабежа, начальника контрразведки генерала Слащева военного чиновника Шарова. Последнего генерал Слащев всячески выгораживал, отказываясь выдать судебным властям. Следствие, между прочим, обнаружило, что в состоянии невменяемости генералом Слащевым был отдан чиновнику Шарову, по его докладу, приказ расстрелять без суда и следствия полковника

Протопопова как дезертира. Полковник Протопопов был расстрелян, причем вещи его, два золотых кольца и золотые часы, присвоил себе чиновник Шаров. Бескорыстность генерала Слащева была несомненна, и к преступлениям чиновника Шарова он, конечно, прямого касательства не имел. Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответствен за свои поступки...»

На место Слащева был назначен бывший начальник Дроздовской дивизии генерал Витковский, по характеристике Врангеля, «генерал большой личной храбрости, прекрасно разбирающийся в обстановке, исключительно хороший организатор. Последнее было особенно важно для 2-го корпуса, сильно расстроенного управлением последнего командира...».

Пятого августа генерал Слащев прибыл в Севастополь. Судя по описанию Врангеля, были серьезные основания сомневаться в психическом здоровье Якова Александровича:

«Вид его был ужасен: мертвенно-бледный, с трясущейся челюстью. Слезы непрерывно текли по его щекам. Он вручил мне рапорт, содержание которого не оставляло сомнений, что передо мной психически больной человек. Он упоминал о том, что “вследствие действий генерала Коновалова явилась последовательная работа по уничтожению 2-го корпуса и приведению его к лево-социал-революционному знаменателю”, упрекал меня в том, что, “чтобы окончательно подорвать дух 2-го корпуса, моим заместителем назначен генерал Витковский, человек, заявивший в момент ухода генерала Деникина, что если уйдет Деникин — уйдет и Витковский со своей Дроздовской дивизией”. Рапорт заканчивался следующими словами: “Как подчиненный ходатайствую, как офицер у офицера прошу, а как русский у русского требую назначения следствия над начальником штаба Главнокомандующего, начальником штаба 2-го корпуса и надо мной...”».

Действительно, только человек с большим воображением мог подозревать бывшего начальника Дроздовской дивизии В. К. Витковского в симпатиях к левым эсерам. Дроздовцы, почти сплошь монархисты, такого командира просто не потерпели бы.

Петр Николаевич в мемуарах излагает обстоятельства встреч с опальным генералом:

«С трудом удалось мне его успокоить. Возможно задушевнее я постарался его убедить в необходимости лечиться, высказывая уверенность, что, отдохнувши и поправившись, он вновь получит возможность служить нашему общему делу. Я обещал сделать всё от меня зависящее, чтобы уход его не был

истолкован как отрешение. В изъятие из общих правил, я наметил зачислить генерала Слащева в свое распоряжение с сохранением содержания, что давало ему возможность спокойно заняться лечением. В заключение нашего разговора я передал генералу Слащеву приказ, в коем в воздаяние его заслуг по спасению Крыма ему присваивалось наименование “Крымский”; я знал, что это была его давнишняя мечта (приказ № 3505, 6 (19) августа 1920 г.).

Слащев растрогался совершенно; захлебывающимся, прерываемым слезами голосом он благодарил меня. Без жалости нельзя было на него смотреть.

В тот же день генерал Слащев с женой был у моей жены с визитом. На следующий день мы поехали отдавать визит. Слащев жил в своем вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах — разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка Слащев в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом, окруженный всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и дивану, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина.

Я настоял на том, чтобы генерал Слащев дал осмотреть себя врачам. Последние определили сильнейшую форму неврастении, требующую самого серьезного лечения. По словам врачей, последнее возможно было лишь в санатории, и рекомендовали генералу Слащеву отправиться для лечения за границу; однако все попытки мои убедить его в этом оказались тщетными, он решил поселиться в Ялте.

Описание этого ярчайшего персонажа Белого движения оставил и епископ Вениамин: «...он командовал при Деникине в Крыму. Это интересный человек, полусказочного калибра. Его я видел сам, живя в том же Крыму. Высокого роста красивый блондин с соколиным, смелым взором. Он обладал удивительной способностью внушать доверие и преданную любовь войскам. Обращался он к ним не по-старому: “Здорово, молодцы”, а “Здорово, братья”. Это была новость, и очень отрадная и современная. В ней уже слышалось новое, уважительное и дружественное отношение к “серому солдату”. И я видел, как отвечали войска. Они готовы были тут же броситься по его слову в огонь и воду.

Но когда требовалось принять строгие меры, например, против грабителей, спекулянтов, тот же Слащев не останавливался и перед смертной казнью. Это тоже все знали. И его любили и боялись, но и надеялись: Слащев не выдаст».

Однажды архиерей даже посетил его штабной вагон на

станции Джанкой: «Встречает меня его часовой, изящный, красивый, в солдатской форме. Оказывается, это бывшая сестра милосердия, теперь охрана и жена генерала. Вошел Слащев: на плече у него черный ворон. Одна нога в сапоге, другая в валенке — ранен... Бодрящее и милое впечатление произвел он на меня. Что-то лучистое изливалось от всей его фигуры и розового веселого лица... “Часовой”, конечно, не был при нас... Говорили про него, что он пьет, и не вино лишь, а даже возбуждающие наркотики... Возможно!»

О причинах отставки Слащева епископ Севастопольский пишет: «Когда вступил в командование генерал Врангель вместо Деникина, ему отвели часть фронта. Но будто бы там у него были чисто военные промахи. А другие говорили, что “цветные” войска — Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии, отличавшиеся разными цветами погон, кантов и проч., — не любили его потому, что он был не “ихний”. Третьи предполагали, что он держался вообще иного духа и тактики, чем кутеповские войска. Ставили ему в вину и нетрезвость, и чудачество. Начались трения, и Слащев должен был уйти в отставку... Генерал Врангель, человек справедливый в общем, в разговоре со мной тоже винил его. Я, конечно, не разбирался, не мое дело. Но мы жалели нашего героя, который лето, осень и целую зиму продержал с какими-то слабыми силами Крым».

Епископ Вениамин признавал, что Яков Александрович был личностью харизматичной, даже овечьей легендами:

«...говорят, однажды большевики прорвались-таки в одном месте. Курьер донес ему. “Как прорвались? Почему вы к ним не прорвались, мерзавцы? На коней!”

И с маленьким штабным конвоем летит в опасное место, воодушевляет свои войска, гонит противников обратно за перевал. Дело ликвидировано... Вероятно, не так всё это было сказочно и просто, но такая легенда ходила между нами, и ей мы верили. Значит, верили в Слащева...

Ходила про него в Крыму легенда, что он совсем не Слащев, а великий князь Михаил Александрович. Разумеется, это фантазия, но и она говорит о той легендарности, какой окружено было его имя».

Поэтому иерарх, кажется, совсем не был удивлен дальнейшему зигзагу слащевской судьбы: «Когда произошла эвакуация, он вместе со всеми уехал в Константинополь и начал печатно оправдываться перед “судом общества” в своей правоте, а потом и вовсе порвал с белыми и уехал на пароходе к красным, с которыми боролся столько лет. В Москве его убили с улицы через окно. Ходили слухи, что это сделали “внутрен-

ние” белые; мстя за предательство, другие винули красных. Мне кажется, первая версия правдоподобнее. Мне жаль его...»

Итак, в результате сражения под Каховкой Врангель избежался от опасного соперника в армии, единственного, кто мог тягаться с ним в популярности среди войск и общества.

Тем временем Красная армия была разбита под Варшавой, что изменило стратегическую обстановку в пользу антибольшевистских сил. Появилась реальная возможность свержения советской власти. Но теперь на первый план выходила дипломатия. Всё зависело от того, удастся ли Врангелю договориться с «начальником Польского государства» и главнокомандующим польской армией маршалом Юзефом Пилсудским. Причем соглашение должно было носить прежде всего политический характер и касаться взаимного признания и установления российско-польской границы, а также признания независимости Украины. Врангель, однако, хотел решать только военные вопросы, поскольку сознавал слабость своего режима, не способного на равных вести диалог с Польшей по вопросам границы и другим политическим проблемам, включая возможное признание независимости бывших частей Российской империи. Решение же политических вопросов он стремился отложить до окончательной победы над большевиками. Польскую сторону это совершенно не устраивало. Пилсудский понимал, что для держав Антанты и США правительство Врангеля было куда более предпочтительной властью, чем большевики с их идеей мировой революции. После свержения ленинского Совнаркома Врангель мог бы рассчитывать на признание со стороны великих держав, и они в случае российско-польского конфликта по территориальным вопросам или намерения России установить в Польше пророссийское правительство совсем не обязательно оказались бы на польской стороне. В борьбе же против Советской России Пилсудский мог рассчитывать на поддержку Антанты, по крайней мере, в случае, если большевики будут угрожать польской независимости. Поэтому первый маршал Польши мог согласиться на замену в Кремле Ленина на Врангеля, если бы Врангель немедленно подписал юридически обязывающие документы о признании независимости и установлении российско-польской границы, как она виделась польской стороне. Однако Петр Николаевич, кажется, переоценивал готовность Польши сражаться во имя одного только сокрушения большевиков и недооценивал жизненную важность немедленного политического соглашения с Польшей.

Струве, по указанию Врангеля, 1 (14) сентября передал ноту начальнику французской миссии в Крыму, в которой пред-

лагалось «путем согласованных действий польской и русской армии, под высшим руководством французского командования, нанести советской власти решительный удар и обеспечить миру всеобщее успокоение и социальный мир».

П. С. Махров, посланный Врангелем в Варшаву с заданием выяснить возможности сотрудничества с Польшей, приехал туда лишь в середине сентября. Врангель писал в мемуарах: «Генерал Махров назначался военным представителем в Польше. Согласованность наших операций с операциями на польском фронте приобретала первенствующее значение. Политическая обстановка исключала возможность каких-либо непосредственных соглашений с польским правительством и требовала особой осторожности с нашей стороны, дабы согласовать с поляками наши военные операции, не связывая себя в то же время никакими политическими обязательствами...» С такими настроениями нечего было и думать добиться от Пилсудского согласия на совместный поход на Москву.

Из Польши в Крым переправился только отряд генерала Н. Э. Бредова, насчитывавший около десяти тысяч человек с восемнадцатью орудиями, 282 пулеметами. Для их перевозки через Румынию использовалось более шестисот вагонов. Вместе с отрядом Бредова ушел и Кубанский казачий полк, перешедший уже на Польском фронте на сторону поляков.

Врангель старался убедить французское и польское правительства в необходимости продолжения поляками борьбы или хотя бы затягивания намечавшихся мирных переговоров, чтобы, воспользовавшись оттяжкой части красных войск на Польский фронт, пополнить Русскую армию боеспособными частями перешедших на сторону поляков и интернированных в Германии большевистских полков и снабдить ее за счет захваченной поляками огромной добычи. Он писал в мемуарах:

«Из задержавшихся в Польше остатков отряда генерала Бредова, отрядов Булак-Балаховича и полковника Пермыкина и русского населения вновь занятых поляками областей я предлагал сформировать в пределах Польши 3-ю Русскую армию. Я предлагал объединить командование польскими и русскими войсками в лице французского генерала с тем, чтобы при нем состояли представители наших и польских армий.

Соответствующие переговоры велись как непосредственно мною с представителями польского и французского правительства в Крыму, так и моими представителями в Париже и Варшаве».

Но поляков совсем не привлекала перспектива, чтобы польскими войсками командовал французский Генштаб, поэтому предложение Врангеля было обречено на провал.

Для ускорения переговоров барон направил в Париж Струве и Юзефовича (последний должен был возглавить 3-ю армию в Польше). Они должны были передать французскому правительству записку А. В. Кривошеина от 15 (28) сентября, где говорилось о стратегической обстановке и планах белого командования:

«...Для развития на Кубани успехов, ввиду сосредоточения значительных сил противника против нашей десантной группы, намечалась переброска с таврического фронта новых частей, это неминуемо должно было нас вынудить к отходу за Перекоп, к чему армия и подготавливалась. Однако, в связи с разгромом польской армией большевиков, встал вопрос о создании на западе общего противобольшевистского фронта, причем сохранение нами таврического фронта приобретало первенствующее значение. Это поставило нас в необходимость прекратить переброску войск на Кубань и, как следствие этого, отказаться от продолжения кубанской операции. Наша десантная кубанская группа получила приказание начать переброску частей в Крым. Это было выполнено не только без потерь, но и с большим приращением живой силы. Ныне Русская армия подготавливается к переходу в наступление, причем только согласованные операции ее с другими противобольшевистскими силами обещают достижение наибольшего успеха. Последнее же возможно только при условии объединения действий. Объединение украинских войск с польской армией уже осуществлено. Наше военное соглашение с украинской армией уже намечается.

Ныне назрел вопрос и об объединении действий Русской армии с поляками, причем дальнейшие успехи и дальнейшее продвижение приведет к созданию общего фронта. Роль Франции в осуществлении этого вопроса имеет доминирующее значение. Спасение Варшавы и самой самостоятельности Польши с одной стороны и признание правительства юга России и оказание помощи по снабжению Русской армии с другой сделают вполне естественным, что обе армии охотно пойдут на руководство общей операцией против большевиков одним из французских генералов, с тем, чтобы при нем состояли представители противобольшевистских армий. В случае осуществления этого проекта и продолжения наступления Русская армия начала бы операцию на правом берегу Днепра, причем первоначально она могла бы овладеть Очаково-Николаевским и Херсонским районами, выдвинуться на линию

Никополь—Вознесенск и наступать далее на линию Днестра, откидывая свой левый фланг к Черкассам, где было бы желательно соединиться с украинскими войсками. Повсеместные восстания на правомбережной Украине, ближайшие к нам очаги которых руководятся нашими офицерами и снабжаются нашим оружием, в значительной степени облегчают задачу...

При выполнении этой операции было бы очень желательно содействие французского флота при овладении Очаковом (обстрел верков*, траление мин и демонстрация у Одессы).

Выполнение намеченных заданий лишило бы большевиков хлебных районов, закрыло бы выход в Черное море и создало бы необычайно выгодное положение для дальнейших действий, причем польская армия могла бы ограничиться активной обороной на Днестре и Припяти, а Русская и украинская продолжали бы дальнейшие операции. Овладение каменноугольным районом и захват Кубани должны быть следующими задачами Русской армии, так как лишение советской России этих источников топлива и хлеба означало бы для нее конец борьбы».

Как мы видим, в полном соответствии с российскими традициями неудача кубанского десанта выдавалась за стратегический маневр, необходимый для наступления в Северной Таврии навстречу полякам. Но главное — правительство Крыма хотело добиться от французов помощи в вооружении и снаряжении своих войск. Их численность в послании многократно преувеличивалась, чтобы были основания требовать поставок как можно большего количества разнообразного военного имущества:

«Выполнение намеченных задач возможно лишь при надлежащем снабжении, в котором Русская армия испытывает чрезвычайную нужду. Наступающие холода требуют принятия скорейших мер по обеспечению армии обмундированием, а неминуемая сыпнотифозная эпидемия — бельем.

Наша армия раздета и 110 тысяч бойцов... на фронте должны быть одеты по-зимнему. Кроме того, 200 тысяч офицеров, чиновников и солдат, обслуживающих тылы армии, надо одеть по-осеннему.

Одним из существенных вопросов является также усиление нас орудиями, так как запас английских снарядов приходит к концу. Только для поддержания нынешней нашей артиллерии, в связи с перевооружением, необходимо до 80 орудий.

Гражданская война выдвинула авиацию, броневики и тан-

* Верк (нем. Werk — сооружение) — отдельное укрепление, способное вести самостоятельную оборону. (Прим. ред.)

ки, особенно могущественное средство борьбы. Оказанная ими помощь Русской армии неисчислима. К сожалению, материальная их часть пришла в полное расстройство, и присылка ее в достаточном количестве до крайности необходима. Ощущается недостаток ручного оружия, каковой, с передачей нам при содействии Франции имущества румынского фронта, будет устранен.

Для флота нужны шестидюймовые пушки Канэ, 75 мм пушки и снаряды к ним.

Средства связи: телефоны, телеграфные аппараты, а главное кабель также нам нужны в первую очередь.

В медицинских средствах Русская армия испытывает большой недостаток, который станет грозным с началом зимних эпидемий. Белье для лазаретов, дезинфекционные средства, хирургические инструменты и перевязочные материалы крайне необходимы.

С оказанием нам помощи, в общих чертах изложенной выше, Русская армия выполнит намеченные задачи с полным успехом».

Кроме того, врангелевское правительство рассчитывало и на французскую финансовую поддержку: «Независимо от предоставления Русской армии военного снабжения осуществление проекта требует и значительной денежной помощи в виде ссуды, покрытие которой наравне с оплатой военного снабжения могло бы быть предусмотрено специальным договором по экспорту во Францию зерновых продуктов, угля и других сырьевых продуктов, из территорий уже занятых и предположенных к занятию Русской армией».

Конечно же предложение Франции возглавить новый поход против Советской России было нереалистичным — французы воевать не хотели.

К тому времени советско-польское перемирие фактически было предрешено, о чем Врангель знать не мог. Но, возможно, Петр Николаевич догадывался о таком развитии событий и пытался убедить французское правительство в том, что Русская армия и одна справится с большевиками, если только дать ей достаточно оружия и перебросить в Крым русские формирования из Польши. Верил ли он, что сможет в одиночку справиться с Красной армией? Похоже, что верил. Иначе зачем он добивался доставки в Крым большого количества оружия, а также переброски туда из Польши десятков тысяч военнослужащих, что могло только затруднить последующую эвакуацию? Вероятно, после разгрома советских войск под Варшавой Врангель недооценивал Красную армию. Даже называемые им сроки (несколько месяцев) переброски с запада

на юг основной массы советских войск после заключения советско-польского перемирия были существенно завышены. На самом деле советскому командованию хватило на эту операцию не более трех недель, причем часть войск, в том числе 1-я Конная армия, начали передислокацию на врангелевский фронт еще до заключения перемирия.

Кажется, Врангель все-таки не ожидал, что поляки так быстро заключат перемирие с большевиками. Епископ Вениамин вспоминал: «Были возобновлены официальные сношения с поляками, чтобы вместе бороться против красных, которые тогда угрожали Польше разгромом... И когда генералу Врангелю некоторые говорили, что союз с поляками есть измена России, он отвечал известной формулой Кавура*, с изменением конца: “Хоть с дьяволом, только бы против большевиков!” Но как только поляки, с помощью Франции и под предводительством начальника ее штаба генерала Вейгана, разделались с большевиками, то немедленно бросили и своего союзника Врангеля, которого прежде хотели использовать лишь в собственных видах. Это очень разозлило Врангеля...»

Вероятно, Петр Николаевич рассчитывал, что поляки будут продолжать войну для того, чтобы водворить его правительство в Кремль. Но Пилсудский был опытным политиком с социалистическим прошлым. Он прекрасно понимал, что Врангель по своим убеждениям монархист и сторонник единой и неделимой России, хотя и не выдвигает открыто этих лозунгов, опасаясь негативной реакции внутри России, а также со стороны западных держав. Поэтому продолжать войну он мог, только если бы Врангель признал границы Польши и независимость Украины. Создание украинского «буферного» государства между Россией и Польшей было главной целью начатой Пилсудским войны. Но Врангель не мог пойти на столь большие уступки Польше, которые многие его соратники расценивали как предательство. А если бы он все-таки пошел на этот компромисс с Польшей, переступив через собственные принципы, то, возможно, вошел бы в историю как русский де Голль (или тогда бы де Голля называли французским Врангелем?). И ход мировой истории тогда, наверное, был бы иным: не было бы ни Советского Союза, ни мирового коммунистического движения, ни — как знать? — Второй мировой войны.

Добить Красную армию осенью 1920 года, казалось, не представляло труда. В ходе Варшавского и последовавшего за

* *Камилло Бензо ди Кавур* (1810—1861) — итальянский граф, сыгравший наряду с Джузеппе Гарибальди ведущую роль в объединении Италии и ставший ее первым премьер-министром. (*Прим. ред.*)

ним столь же неудачного для красных Неманского сражения их войска потеряли более ста тысяч пленными. Еще 50 тысяч красноармейцев оказались интернированы в Восточной Пруссии. Кроме того, в период с апреля по октябрь 1920 года Красная армия потеряла около сорока восьми тысяч убитыми и умершими от ран, а также, вероятно, вдвое больше этого числа ранеными. В результате из строя выбыло около трехсот тысяч красноармейцев, то есть больше, чем было сосредоточено в свое время против Деникина. По преимуществу это были фронтовые потери, так как тыловые части в большей степени смогли избежать пленения или интернирования. Это составляло не менее половины всех сил Красной армии, сражавшихся на фронтах. Ее командование не хотело посылать оставшиеся боеспособные части против поляков, опасаясь их разгрома.

Как утверждает польский историк Иосиф Мацкевич, сам участвовавший в Варшавском сражении рядовым уланом, после Варшавы настало «массовое бегство дезорганизованного противника». А по свидетельству командира 26-го уланского полка Тадеуша Махальского, «одно появление нашей кавалерии к северу от Лиды вызвало такое впечатление, что привело к нарушению всей советской обороны вдоль Немана».

Пилсудский полагал, что Деникин мог бы стать союзником Польши, «если бы он не противился политическим тенденциям отрыва от России инородных элементов» и, в частности, «признал бы украинское движение...». Но из-за его приверженности лозунгу «Единая и неделимая Россия» это было невозможно. Поэтому ставка была сделана на его преемника. Инструкция, данная Пилсудским командующему польским Волыньским фронтом в 1919 году генералу Листовскому, гласила: «Так как официальное строительство Украины (как враждебного России самостоятельного государства) выявило бы наше враждебное отношение к Деникину, что для нас невыгодно, то планы эти надлежало скрывать и от Деникина, и от Антанты и к выполнению их можно приступить только после падения Деникина».

О борьбе мнений по другую сторону фронта рассказывает в мемуарах Троцкого:

«Командование Западного фронта обнадеживало: прибыло достаточно пополнений, артиллерия обновлена и пр. Желание являлось отцом мысли. “Что мы имеем на Западном фронте? — возражал я. — Морально разбитые кадры, в которые теперь влито сырое человеческое тесто. С такой армией воевать нельзя. Вернее сказать, с такой армией можно еще кое-как обороняться, отступая и готовя в тылу вторую армию, но бессмысленно думать, что такая армия может снова под-

няться в победоносное наступление по пути, усеянному ее собственными обломками". Я заявил, что повторение уже совершённой ошибки обойдется нам в десять раз дороже и что я не подчиняюсь намечающемуся решению, а буду апеллировать к партии. Хотя Ленин формально и отстаивал продолжение войны, но без той уверенности и настойчивости, что в первый раз. Мое несокрушимое убеждение в необходимости заключить мир, хотя бы и тяжкий, произвело на него должное впечатление. Он предложил отсрочить решение вопроса до того, как я съезжу на западный фронт и вынесу непосредственное впечатление о состоянии наших армий после отката. Это означало для меня, что Ленин, по существу дела, уже присоединяется к моей позиции.

В штабе фронта я застал настроения в пользу второй войны. Но в этих настроениях не было никакой уверенности: они представляли отражение московских настроений. Чем ниже я спускался по военной лестнице — через армию к дивизии, полку и роте, тем яснее становилась невозможность наступательной войны. Я отправил Ленину на эту тему письмо, написанное от руки, не сняв для себя даже копии, а сам отправился в дальнейший объезд. Двух-трех дней, проведенных на фронте, было вполне достаточно, чтоб подтвердить вывод, с которым я приехал на фронт. Я вернулся в Москву, и Политбюро чуть ли не единогласно вынесло решение в пользу немедленного заключения мира».

Если бы Политбюро не послушало Троцкого и послало последние боеспособные соединения на Польский фронт, чтобы попытаться предпринять еще одно наступление, Красную армию ожидала бы катастрофа. Продолжать войну было невыносимо. Польская армия насчитывала около 1,2 миллиона человек, из которых на фронте находилось не менее 250 тысяч штыков и сабель. Из пяти миллионов списочного состава Красной армии около миллиона составляли дезертиры. Кроме того, у поляков были союзники — не менее двадцати тысяч человек в армии Петлюры, полторы-две тысячи в Народной армии С. Н. Булак-Балаховича и до пяти тысяч человек в 3-й врангелевской армии Пермыкина и казачьей бригаде есаула Яковлева. Если добавить к этому еще 44 тысячи штыков и сабель в армии Врангеля, то получится, что антибольшевистские силы в тот момент на фронтах Европейской России имели даже некоторый численный перевес над Красной армией. Кроме того, все эти соединения можно было пополнять за счет пленных красноармейцев.

Польская армия в тот момент качественно превосходила силы красных. Войска Пилсудского были воодушевлены на-

циональной идеей, хорошо обучены кадровым офицерским корпусом из состава русской, австрийской и немецкой армий, а также французскими военными советниками. Имелась полная возможность во взаимодействии с Врангелем разбить остатки Красной армии и еще до наступления зимних холодов захватить Киев и Москву. 560 километров от Варшавы до Минска польская армия прошла за два месяца. Оставшиеся 700 километров до Москвы можно было пройти гораздо быстрее, поскольку уже в октябре красные почти не оказывали сопротивления продвижению поляков.

Противодействие польского сейма продолжению войны не могло бы тут играть принципиальную роль. Если бы с Врангелем было достигнуто соглашение, его сопротивление было бы преодолено. И даже если бы Франция уменьшила военные поставки Польше, для окончания кампании в течение одного-двух месяцев могло бы хватить военных трофеев. Но не было даже проекта соглашения с Врангелем, и Пилсудский не стал продолжать войну.

Как отмечали Н. Е. Какурин и И. И. Вацетис, еще 23 сентября чрезвычайная сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета в целях предотвращения зимней кампании, которая тяжким бременем легла бы на трудящиеся массы России и Польши, признала возможным смягчить первоначально выставленные условия мира:

«Согласно новым условиям устанавливалась независимость Литвы, Украины, Белоруссии и Восточной Галиции, причем в отношении последней советское правительство признавало плебисцит по буржуазно-демократическому, а не по советскому принципу. Далее советское правительство отказывалось от всех своих требований в отношении польской армии и ее вооружения, а также от железнодорожного участка Волковыск—Граево. Государственная граница согласно нашему новому предложению намечалась восточнее линии, установленной Верховным союзным советом 3 декабря 1919 г., причем Восточная Галиция оставалась к западу от нее.

Уже 24 сентября в своей директиве на имя всех командующих фронтами главком основной задачей настоящего времени ставил «окончательную ликвидацию Врангеля в возможно короткий срок». В связи с этим главной задачей Западного фронта теперь являлось восстановление его боевых сил и подготовка к решительному удару против поляков совместно с Юго-Западным фронтом. Этот удар предвиделся не ранее середины ноября. Юго-Западному фронту ставилась задача — выиграть времени до подхода крупных подкреплений, которые будут даны после ликвидации Врангеля».

Польские войска 2 (15) октября без боя взяли Минск, а 4 (17) октября, в последний день боевых действий, — Мозырь и Коростень. Но еще 29 сентября (12 октября) было подписано соглашение о перемирии, которое вступило в силу 18 октября. А уже 27 октября (9 ноября) был подписан предварительный мирный договор.

Пилсудский вызвал врангелевского представителя Махрова 30 сентября (13 октября) и сообщил ему о предстоящем подписании перемирия. Он предложил, чтобы русские войска покинули польскую территорию до дня вступления в силу договора — 5 (18) октября, иначе их придется интернировать. После поездки в Париж к Струве Махров вошел в контакт с петлюровцами, и русские войска были передислоцированы в районы, занятые частями Украинской народной армии.

Франция не отказалась от признания Врангеля. 6 (19) октября в Крым прибыла французская миссия во главе с верховным комиссаром графом де Мартемом. 10 (22) октября Струве даже сообщил, что есть надежда на получение займа во Франции. Но тогда уже наступали последние дни белого Крыма.

Получилось так, что осенью 1920 года Врангелю противостояли наиболее боеспособные соединения Красной армии, не затронутые варшавской катастрофой. Врангель, как и Пилсудский, хотел воодушевить свои войска национальной идеей, однако к исходу третьего года Гражданской войны это не получилось. Белые войска слишком устали, да и популярных политических лозунгов, способных привлечь казачество и крестьянство, барон так и не выдвинул. К тому же в качестве мобилизационной базы он имел лишь трехмиллионное население Крыма и Северной Таврии.

После провала Кубанской операции Врангель свел свои войска в две армии: 1-ю армию А. П. Кутепова составили 1-й и Донской корпуса, а 2-ю армию Д. П. Драценко — 2-й и 3-й корпуса и Терско-Астраханская бригада. И. Г. Барбович возглавил Отдельный конный корпус. После неудачи Заднепровской операции Драценко был заменен Ф. Ф. Абрамовым. В начале сентября у белых было 28 400 штыков и 15 500 сабель, у красных (в Северной Таврии) — 38 400 штыков и 7080 сабель. Общая списочная численность военнослужащих Русской армии (вместе с тыловыми и охранными частями, военными учреждениями, учебными лагерями для мобилизованных военнопленных и кадетскими училищами) достигала в тот момент трехсот тысяч человек, включая 30 тысяч раненых и больных. В Северной Таврии находилось до 110 тысяч солдат, из них 44 тысячи — в боевых частях. В Крыму в боевых частях было до шести тысяч человек. В октябре боевой состав значительно сократился. Из примерно пятидесяти тысяч офицеров только

шесть тысяч находились в боевых частях и еще 13 тысяч — в ближнем тылу. 31 тысяча офицеров служили в тыловых учреждениях или были ранены и больны. В конце сентября Врангель получил последнее пополнение — две тысячи кубанских казаков Повстанческой армии генерала М. А. Фостикова, вывезенных из Грузии.

Хотя Врангель и говорил о необходимости взаимодействия с поляками, в сентябре он предпочел развивать наступление на Донбасс. Н. Е. Какурин описывает оперативную обстановку на этом направлении: «1 сентября противник перешел в общее наступление против каховской группы и оттеснил ее в исходное положение, но при этом ему все-таки не удалось овладеть каховским плацдармом, и бои здесь замерли 5 сентября... 19 сентября противнику удалось овладеть г. Александровском и Ореховом, а 23 сентября он занял важную узловую станцию Синельниково. Однако, вскоре очистив ее, он оттянул свой фронт на Славгород, продолжая зато развивать усиленно давление в сторону Донецкого бассейна. К 29 сентября донской корпус армии Врангеля подошел к границе Донбасса у ст. Доля и Мандрыкина, а южнее перешел за линию железной дороги Волноваха—Мариуполь, заняв эти пункты». В этих боях врангелевцы захватили до двенадцати тысяч пленных, 40 орудий, шесть бронепоездов. Но это были последние серьезные успехи Русской армии.

В сентябре наркомвоенмор Троцкий написал воззвание к кадровому составу войск противника:

«Офицеры армии барона Врангеля!

Время, опыт должны были обнаружить перед большинством из вас ту преступную и постыдную роль, какую вам навязали ваши вожди, в то время как трудовая Россия истекает кровью в борьбе с польской шляхтой, которую поддерживают хищники всех стран.

Вы, русские офицеры, выполняете роль вспомогательного отряда на службе польских панов.

Кто вас ведет? Черносотенный немецко-русский барон, который пытался стакнуться с кайзером Вильгельмом против Антанты; который вел интриги против Деникина, обвиняя его в демократизме; который сейчас выставляет свою кандидатуру на роль хозяина-монарха России.

Сознавая, однако, свое бессилие, барон Врангель готов отдать своим покровителям и господам три четверти России на растерзание, чтобы остальную четверть поработить самому. Английские газеты разоблачили соглашение Врангеля с французским правительством; по сообщению “Дейли Телеграф” от 19 августа, он передал французскому синдикату монополию

вывоза из южных гаваней. “Дейли Геральд” от 30 августа сообщает, что Врангель передал французской буржуазии эксплуатацию всех железных дорог Европейской России, таможенные пошлины, хлеб по норме довоенного экспорта, уголь, три четверти добычи нефти и пр.

Врангель живет и действует милостью англо-французских капиталистов, которые для экономического закабаления русского народа готовы пользоваться и чехословацким корпусом, и дивизиями из чернокожих, и армией Врангеля.

Каковы бы ни были ваши первоначальные намерения, вы являетесь сейчас не чем иным, как наемным войском на службе биржевого капитала и вспомогательным отрядом кровавой и хищной польской шляхты, ненавидящей трудовой русский народ.

Попытки Врангеля перекинуться на Кавказ разбиты, десанты его сокрушены; неделей раньше или неделей позже ваша армия будет разбита. В этом вы сами не можете более сомневаться, но этот результат будет достигнут ценой новых потоков крови и дальнейшего истощения нашей страны.

Не довольно ли уроков прошлого?

Не слишком ли ясно теперь для всех, что затягивание борьбы в Крыму, бесцельное само по себе, способно только усилить польских панов и помочь им держать в кабале Восточную Галицию?

Рабоче-крестьянская Россия нуждается в труде, в хозяйственном и культурном возрождении. Оно может быть достигнуто лишь путем прекращения бессмысленной и бесполезной гражданской войны.

Во имя единогодушного труда всех и всего, что есть честного в русском народе, руководимые заботой о возрождении трудовой России, мы призываем вас:

Откажитесь от постыдной роли на службе польских панов и французских ростовщиков, сложите оружие, бесчестно направленное против собственного народа. Честно и добровольно перешедшие на сторону Советской власти — не понесут кары. Полную амнистию мы гарантируем всем, переходящим на сторону Советской власти.

Офицеры армии Врангеля! Рабоче-крестьянская власть последний раз протягивает вам руку примирения».

Кроме Л. Д. Троцкого воззвание подписали В. И. Ленин, М. И. Калинин, главнокомандующий С. С. Каменев и председатель Особого совещания при главнокомандующем А. А. Брусилов. Оно было опубликовано в «Правде» 12 сентября 1920 года и широко растиражировано в листовках, разбрасывавшихся над врангелевскими позициями.

Вряд ли сведения из британских газет, которыми оперировал Троцкий, насчет далекоидущих экономических обязательств, данных Врангелем французам, соответствовали действительности. Во всяком случае, никаких доказательств этого до сих пор не найдено ни в французских архивах, ни в архиве Врангеля.

Практически никто из врангелевских офицеров на призыв Троцкого не откликнулся. В тот момент, после поражения советских войск под Варшавой и успехов Русской армии в Северной Таврии, у них еще была надежда если не на победу, то на «почетную ничью». Однако обещание амнистии, повторенное затем в обращении командующего фронтом М. В. Фрунзе, породило у многих офицеров иллюзии, что советская власть готова их простить. Поэтому многие из них предпочли остаться в Крыму, что сделало их впоследствии легкой добычей ЧК.

Врангель решил предпринять Заднепровскую операцию на правом берегу Днепра, чтобы соединиться с украинской армией Петлюры и 3-й армией Б. С. Пермыкина еще до того, как красные успеют перебросить войска в Северную Таврию после советско-польского перемирия.

«Сосредоточение крупных сил с Польского фронта осенью 1920 г., — пишет Н. Е. Какурин, — сделалось известным противнику. Он предпринял последнюю свою наступательную операцию в целях сорвать это сосредоточение. Для этого предполагалось сбить каховскую группу красных войск и расчистить себе путь на правобережную Украину. Выполнение операции возлагалось на II армию Врангеля. Переправившись частью сил через Днепр между Каховкой и Александровском, она должна была занять Никополь и затем согласованным ударом со стороны Никополя и с фронта на Каховку овладеть последней. Противник начал свою операцию 8 октября... Лобовая атака на Каховку была отбита с огромными потерями для противника. Все эти обстоятельства побудили противника отказаться от дальнейшего производства так называемой заднепровской операции...»

Редактор газеты «Великая Россия» Н. Н. Чебышев 23 сентября был приглашен Врангелем сопровождать его с группой журналистов в поездке на фронт. Главком надеялся продемонстрировать обществу успехи Заднепровской операции. 25 сентября они прибыли в Мелитополь. Чебышев увидел его таким: «Городишко дрянной, южно-степной. На базаре только арбузы по 100 рублей и выше — на несколько сотен дешевле, чем в Севастополе. Прогнали партию ежившихся от холода людей, полураздетых, в рубашках и портках (вероятно, пленных. —

Б. С.). На стенах афиши о гастролях Сарматова, Петипа. В лавках колбаса, масло».

Чебышев зафиксировал в дневнике настроения местного населения:

«Всё в зависимости от военных успехов. Пока шли бои в Мелитопольском уезде, крестьяне ходили около земельного закона. Как взяли Александровск — хвосты у земельного совета. Характерно отношение немецких колонистов к закону. Их старшина сказал:

— Наше правосознание не позволяет нам получать землю бесплатно».

А вот большинство русских и украинских крестьян ничего зазорного в том, чтобы получать землю бесплатно, не видели.

Оперативная обстановка не внушала оптимизма, но, как 26 сентября Чебышев заметил о Врангеле, «о дурных вестях он не любит говорить».

В последний день своего пребывания на фронте, 1 октября, Николай Николаевич записал в дневнике: «Утром после чая вышел на соседние пути, где нагружали вагоны пленными. Толпа сплошь золоторотцев, кутавшихся в лохмотья, из которых выступало голое тело. Все зеленая молодежь. Изредка попадаются постарше. Такие уже раз побывали в плену, вернулись обратно к красным, опять попали в плен к белым... Такой бывалый пленный смотрит “путешественником”, лучше одет, имеет чайник, вообще, видно, приспособился.

Среди зрителей бородач с мешком. Он спрашивает:

— Здорово дрались?

— Кабы здорово дрались — там бы остались, — дипломатично отвечает пленный.

Присутствующий при разговоре железнодорожный служащий делает ироническое замечание:

— Так же дрались, как вы здесь спекулируете.

Начинается перебранка. Бородач развязывает мешок, чтобы показать содержимое. Проходит пленный, который тащит на спине больного товарища».

В этот день, 1 (14) октября, шесть с половиной тысяч врангелевцев при поддержке десяти танков и четырнадцати броневиков в последний раз неудачно атаквали каховский плацдарм. А накануне в бою на правом берегу Днепра погиб генерал Н. Г. Бабиев, по мнению Чебышева, один из лучших кавалерийских генералов: «Он был несчетное число раз ранен, лишился руки. Смерть его вызвала заминку на правом берегу. Он был холост. За ним в тачанке следовали в походе его престарелые родители. Отец — старик-генерал...»

Падению боевого духа врангелевских войск способствова-

ли гибель Н. Г. Бабиева и тяжелое ранение заменившего его другого популярного генерала В. Г. Науменко, выбывшего из строя до конца боев в Крыму.

Впоследствии Чебышев так прокомментировал сложившуюся к тому времени в Крыму ситуацию:

«Вернулся я в Севастополь печальный. В момент отхода поезда ночью из Мелитополя Врангель получил новое неприятное известие. Позже, в Севастополе, я узнал, что это было донесение о налете прорвавшейся конницы красных на Большой Токмак. По-видимому, и нашему поезду угрожало в ту ночь быть захваченным большевиками.

Когда я уезжал в Мелитополь, у нас в газете были уже сведения о мире поляков с большевиками. Чуть ли не я первый сообщил об этом Врангелю в поезде. Было совершенно очевидно, что красные навалятся теперь на Крым, удержать который представлялось немыслимым.

Врангель свои задания выполнил. Теперь наступило время уходить. Он отлично это понимал. Но для успеха исхода положение вынужден был скрывать».

Главнокомандующий, по крайней мере внешне, продолжал сохранять спокойствие. Он даже принял участие в экономическом совещании, проведение которого было запланировано еще в период успехов белой армии. Чебышев вспоминал: «5 октября финансово-экономическое совещание закончило свою работу. Во дворце был раут с речами, из которых мне особенно врезалось в память обращение к Врангелю В. П. Рябушинского. Я приглядывался к Врангелю. Но он владел собой. Надо было и эту чашу выпить до дна...»

Общее настроение овладело и Чебышевым:

«Меня звал В. В. Мусин-Пушкин в Константинополь, так как уже ранее было условлено, что я перееду корреспондентом и представителем “Великой России” на Босфор. Я ответил, что остаюсь на неопределенное время, хотя для самого было ясно, что останусь я здесь недолго. Нет ничего унылее обреченных на сдачу позиций.

Дул норд-ост. Стояла жестокая стужа. Я шеголял в летнем пальто, потому что теплое осталось в Константинополе.

Море стало зеленее, падала крупа. По всему фронту началось наступление красных, стянувших со всех концов страны верные войска, преимущественно с польского фронта. И в то же время искорки надежды. Произойдет чудо. По иностранным газетам, в совдепии всюду военные бунты».

Врангелевцам оставалось уповать на успех антоновского восстания на Тамбовщине и других крестьянских выступлений. Хотя, как показал опыт взаимоотношений с Махно, кре-

стьяне-повстанцы и их атаманы белым симпатизировали ничуть не больше, чем красным.

После советско-польского перемирия белый Крым был обречен. Теперь против него сосредоточивались все боеспособные силы Красной армии. Казалось, очевидным было единственно верное стратегическое решение: как можно быстрее отвести войска из Северной Таврии в Крым и немедленно начать эвакуацию. С того дня, когда Врангелю стало известно о предстоящем перемирии, до начала решающего советского наступления в Северной Таврии прошло две недели. За это время можно было спокойно отвести армию в Крым и эвакуировать тылы, а затем, удерживая перешейки еще в течение пары недель, завершить эвакуацию, вывезя из Крыма не только основную часть армии, но и всех гражданских беженцев, которые хотели покинуть Россию. Примерно такой вариант действий предлагал А. П. Кутепов. По словам М. Критского, «уже за границей генерал Кутепов высказал такой свой взгляд на причины падения Крыма с чисто военной точки зрения. Кутепов говорил:

— Кубанская операция была несвоевременна. Она оттянула у нас пять тысяч штыков в тот самый момент, когда большевики повели наступление по всему нашему фронту. Пяти тысяч для десанта было мало, но их было бы достаточно, чтобы противник не овладел Каховкой.

— Неудачным я считаю разделение Русской армии на две армии перед самой Заднепровской операцией. Непосредственное руководство войсками при этой операции должно было бы находиться в одних руках. У нас в Крыму было, по существу, штыков и сабель всего на один корпус военного времени, а им командовали главнокомандующий, два командующих и четыре командира корпуса.

— После Заднепровской операции, когда окончательно выяснилась полная невозможность овладеть Каховским плацдармом красных, в то же время было получено известие о начавшихся мирных переговорах поляков с большевиками, я предлагал генералу Врангелю начать отводить армию из Северной Таврии за Перекоп. Отход был бы без давления на фронте, войска шли бы спокойно, с музыкой. За время отхода можно было бы из Таврии вывезти в Крым все наши хлебные запасы. Дух в войсках не был бы потерян. На Перекопе войска сами укрепили бы свои позиции, и мы смело могли бы отсидеться в Крыму всю зиму. Как потом обернулось бы дело, трудно сказать, но в тот год в России разразился страшный голод, в Тамбовской губернии поднял восстание Антонов, в Кронштадте загремели выстрелы матросов.

— Врангель не согласился с моим планом, так как считал, что очищение нами Северной Таврии могло бы неблагоприятно повлиять на наши переговоры с Францией...»

Критику нельзя не признать справедливой. Какое значение могла бы иметь даже значительная французская помощь, если не было шансов удержать Крым? Да и насчет разбухания тылов Кутепов был прав. Ведь на фронте был лишь каждый седьмой военнослужащий Русской армии.

Однако даже в то время Врангель, похоже, не считал дело окончательно проигранным. Он еще надеялся продолжить борьбу в союзе с армией Петлюры и 3-й армией Пермыкина в Польше. Еще 6 (19) октября барон писал Слащеву: «Дела наши на фронте идут хорошо, и я не знаю, отчего Вы ими обеспокоены. В связи с заключением Польшей перемирия следует ожидать вскоре усиления против нас врага и при этих условиях растягивать фронт нельзя — надо бить противника, не давая ему сосредоточиться, пользуясь для обеспечения наших флангов естественными рубежами».

Можно предположить, что Петр Николаевич серьезно недооценивал потенциал Красной армии и переоценивал силы своих союзников. Украинская народная армия обладала довольно низкой боеспособностью и полностью зависела от поляков в плане снабжения. Когда Пилсудский заключал союз с Петлюрой, он вынудил его передать Польше Восточную Галицию и Волынь, где как раз и находились важные очаги украинского национального движения. Первоначально Петлюре было запрещено проводить мобилизацию в уездах, пограничных с Польшей, так как поляки опасались, что это спровоцирует там украинское восстание. Все эти обстоятельства не могли не сказаться негативным образом на моральном духе петлюровских войск. Немногочисленная армия Пермыкина также состояла из наименее боеспособных элементов интернированных в Польше белых войск, так как все наиболее активные бойцы, желавшие продолжать борьбу, уже переправились в Крым вместе с Н. Э. Бредовым.

Да и в самой Русской армии, как признавал Врангель в мемуарах, после неудачи в Заднепровской операции боевой дух был потерян. Несмотря на ряд громких побед, одержанных ею в ходе кампании в Северной Таврии, количество пленных и трофеев было на порядок меньше, чем в последние месяцы 1918 года, во время освобождения Северного Кавказа от красных, или в середине 1919-го, когда был взят «красный Верден» — Царицын. Если даже при относительном равенстве сил не удалось основательно разбить противника, на что же было надеяться теперь, при подавляющем превосходстве

красных? Врангель писал о том, что задержаться в Северной Таврии необходимо было для того, чтобы вывезти оттуда весь заготовленный хлеб. Однако хлеба в Крыму и так хватало до нового урожая. Если хлебные запасы Северной Таврии и были нужны, то лишь для экспорта во Францию. Но даже поставка нескольких миллионов пудов зерна не заставила бы французов поддерживать безнадежное врангелевское дело.

Быть может, Петр Николаевич считал неудобным уходить из Крыма, не дав последнего боя красным, чтобы не быть обвиненным в малодушии. Во всяком случае, хотя на военном совете он и настоял на том, чтобы дать сражение в Северной Таврии, но не забывал и о подготовке эвакуации. Пересидеть зиму в Крыму он не надеялся. Продовольствия хватало, но не было ни теплой одежды для войск, ни, еще важнее, боеприпасов. А Франция вряд ли согласилась бы еще полгода снабжать запертую на полуострове Русскую армию.

Врангель еще в сентябре вернул всех подростков из армии на школьные скамьи, а приказом, изданным 15 (28) октября, в день начала последнего сражения в Северной Таврии, освободил от службы всех солдат старше сорока трех лет. Фактически он уже начал подготовку к эвакуации и таким образом уменьшал число тех, кто ей подлежал.

Вполне вероятно, что Врангель уже тогда думал о том, чтобы сохранить армию в эмиграции и остаться ее главнокомандующим, что явно грело его честолюбие. Но тогда барону не нужны были слишком большое число беженцев, о судьбе которых так или иначе пришлось бы заботиться, и слишком большая армия, которую сложно было бы содержать и в которой трудно было бы поддерживать дисциплину на чужбине. Возможно, именно поэтому Врангель предпочел дать сражение в Северной Таврии, в расчете на то, что бывшие красноармейцы и прочие ненадежные элементы предпочтут сдаться в плен. И, скорее всего, по тем же соображениям он потом издал приказ, призывающий всех, кому не угрожает непосредственная опасность от большевиков, остаться в Крыму. Врангелю в эмиграции нужны были только убежденные противники советской власти, которые беспрекословно подчинялись бы его приказам.

К середине октября численность войск советского Южного фронта превысила 186 тысяч штыков и сабель. Непосредственно на фронте врангелевцам противостояли более 140 тысяч штыков и сабель, тысяча орудий, 17 бронепоездов, 31 броневик, 45 самолетов. В Русской же армии насчитывалось 37 тысяч штыков и сабель, 213 орудий, около 1700 пулеметов, шесть бронепоездов, 20 броневиков, 25 танков, 42 самолета. Среди

рядовых до 80 процентов составляли бывшие пленные, которые могли быть использованы только во время наступления.

Несмотря на четырехкратное превосходство красных в живой силе, военный совет Русской армии высказался за то, чтобы принять решающий бой в Северной Таврии.

Общее контрнаступление Красной армии на фронте в 350 километров началось 15 (28) октября 1920 года. Как раз ударил сильный мороз, а войска белых не имели достаточного количества теплой одежды. Врангелю пришлось срочно заказать за границей 100 тысяч комплектов зимнего обмундирования, но они были доставлены лишь за несколько дней до эвакуации.

Советский военный историк Н. Е. Какурин характеризует планы советского командования: «VI армия от Каховки направлялась на Перекопский перешеек с задачей овладеть этим последним, отбросив стоявший против себя заслон противника. I конная армия должна была направиться из района Каховки в общем направлении на Мелитополь, а затем ударом с тыла обрушиться на главные силы противника, которые предполагались в районе Агайман—Серогозы. II конная армия, переправившись на левый берег Днепра в районе Никополя, должна была нанести удар прямо на юг в общем направлении на ст. Сальково... XIII армия завершала окружение противника путем овладения Б. Токмаком и Мелитополем. Конечной целью действий всех этих армий являлось недопущение ухода противника в Крым».

Глубокий прорыв конницы Буденного явился полной неожиданностью для противника, но промедление 2-й Конной армии и задержка 6-й армии на Перекопе дали ему возможность разобраться в обстановке и наметить план отхода. Правда, группа Махно, ставшего союзником красных, 16 (29) октября ворвалась в Мелитополь, и план вывоза в Крым двух миллионов пудов хлеба был сорван.

Врангель приказал Донскому корпусу и корпусу Кутепова отступить на Чонгарский перешеек. 17—18 (30—31) октября донцы и «цветные» полки пробивались сквозь дивизии 1-й Конной армии и в течение следующих двух дней, прикрывшись арьергардами, ушли в Крым. При этом Русская армия потеряла около сотни орудий и семь бронепоездов, много боеприпасов, более двадцати тысяч белогвардейцев были взяты в плен.

Н. Е. Какурин и И. И. Вацетис утверждали, что главная вина за то, что врангелевцам удалось прорваться в Крым, лежит на 2-й Конной армии: «Между Мелитопольской и Серагозской группами противника создался разрыв до 35 км. В этот разрыв могла броситься конная группа 2-й конной армии

из Бол. Белозерки. Продвинувшись только на 20—25 км к югу, на что требовалось не более 5—6 ч., эта группа, вклиниваясь между обеими группировками противника и нанося удар одной из них по тылам, а другой — во фланг, создавала для противника катастрофическое положение. Но противник, не имея действительных средств к ее устранению, делает ставку на психологию. Налет двух конных полков на Бол. Белозерку, хотя и отбитый, оказывает свое действие, сковав на целый день все силы 2-й конной армии, которой в этот день представлялись такие богатые оперативные возможности...

Мысль командующего Южным фронтом о полном окружении противника нашла свое реальное оформление в виде занятия Южной группой 1-й конной армии Салькова и Геническа ранее, чем туда успели подойти части белых с Мелитопольского направления...

В районе, прилегающем к Чонгарскому перешейку, намечаются уже два новых очага операции: у с. Рождественское и с. Отрада, куда компактной массой устремляется группа Кутепова, чтобы проложить себе путь на юг через вторую пробку, выставленную на ее пути 1-й конной армией.

Наиболее сохранившаяся группа белых с Мелитопольского направления, в свою очередь, только теперь начинает подходить к Салькову с намерением выбить третью пробку на пути в Крым в виде Южной группы 1-й конной армии...

2-й конной армии представляется случай сыграть решительную не только в тактическом, но и оперативном отношении роль. Ей надлежало обрушиться на группу Донской конницы, действующей на Сальковском направлении, подать руку левому флангу 13-й армии и, увлекая его за собой, сорвать планомерный отход противника в Крым. Но и этот день она проводит в полном бездействии и упускает еще один случай сорвать отход белых...

Важно отметить, что отход Кутеповской группы был совершен беспрепятственно, так как наши части, расположенные в с. Петровское, позволили противнику частью своих сил совершить ночной фланговый марш мимо них».

Конечно, большая доля вины за то, что красные выпустили Врангеля из Северной Таврии, лежит на командарме 2-й Конной армии Ф. К. Миронове, который вскоре был арестован и расстрелян. Он, вероятно, просто берег своих казаков, сознавая, что война кончается, а Врангель всё равно уйдет из Крыма. Но 1-я Конная армия под руководством Буденного выступила не лучшим образом. Силы красных были значительно ослаблены поражениями на Польском фронте и последовавшим за этим моральным разложением, вылившимся в

мощные еврейские погромы на Украине. Вероятно, конармейцы, превосходившие по численности кутеповцев и абрамовцев, могли бы нанести им поражение, если бы действовали неразрозненно и более решительно. Кроме того, довольно пассивной показала себя советская пехота.

М. В. Фрунзе воздал белым должное: «Особенно замечательным приходится признать отход основного ядра в Крым. Отрезанные от перешейков врангелевцы все-таки не потеряли присутствия духа и хотя и с колоссальными жертвами, но пробились на полуостров».

Теперь Фрунзе настаивал на немедленном штурме Крыма, чтобы противник не успел укрепиться на перешейках.

Я. А. Слащев так прокомментировал исход сражения в Северной Таврии: «Несмотря на то что план красного командования или его возможность были ясны еще в августе месяце благодаря упорному удерживанию и устройству Каховского плацдарма, Врангель, желавший всё прикрыть в Северной Таврии, резерва, как я уже сказал, не оставил. Товарищ Буденный блестяще использовал положение и врубился в обозы белых в районе Ново-Алексеевки. Правда, пробившиеся с севера части донцов и Кутепова проложили себе дорогу назад, но ради этого должны были спешно уйти с фронта, да и конница для длительного удержания чего-нибудь не годится. Одним словом, конная операция красных была блестяща. Но красная пехота и вообще все части, преследовавшие белых, должны были бы поторопиться, тогда не ушел бы никто из армии Северной Таврии. Тут же разгром был главным образом моральный и обозный».

В книге «Требую суда общества и гласности», изданной еще в Константинополе в 1921 году, Слащев описал свой разговор с Врангелем: «Прибыв в Джанкой уже в тот момент, когда противник зашел в тыл нашим армиям у Сальково, я вполне присоединился к плану главкома, предлагавшего атаковать Буденного частями Донской и 1-й армий с севера на юг. При этом, однако, я высказал ему сомнение относительно того, сумеет ли генерал Кутепов выполнить эту задачу вовремя, и добавил, что главкому следует проехать к Сальково самому. Главком не поехал, объяснив это забитостью пути».

В мемуарах, изданных позже, уже в СССР, бывший белый генерал описал этот эпизод и последовавшие за ним события несколько иначе, выплеснув скопившиеся обиды:

«Интересный инцидент произошел при встрече моей с Врангелем, когда я, будучи вызван в Ставку и не застав ее в Севастополе, был отправлен в Джанкой. При моем входе он метался по салону своего вагона. Еле успели поздороваться,

он потащил меня к карте, и произошел приблизительно следующий разговор.

Врангель: Вы знаете, Буденный здесь (палец ткнулся в Ново-Алексеевку).

Я: Сколько?

В.: 6—7 тысяч.

Я: Откуда он, с неба или Каховки?

В.: Шутки неуместны: конечно, с Каховки.

Я: Значит, мои расстроенные нервы оказались правы. К сожалению, они расстроились еще больше. Вы хотите знать мнение расстроенных нервов. Если да, они просят изложения обстановки.

В.: Кутепов по радио из Петровского о частях своих не говорит, думаю, при концентрическом отступлении к Салькову сосредоточились. Ново-Алексеевка занята противником неизвестной силы, но конницей. На Кутепова и донцов с севера и востока не насаждают. Драценко в Перекопе, его силы собрались к нему, настроение плохое. Красные заняли Чаплинку. Что вы думаете?

Я: Есть ли у вас кто-нибудь в Салькове?

В.: Там Достовалов (начальник штаба Кутепова). С 2000 штыков Кутепова, и я ему с тыла собрал около 1500 штыков.

Я: Дайте взвесить... Мои расстроенные нервы говорят мне, что это есть момент необходимости присутствия старшего начальника. Я бы отдал приказ: Достовалову атаковать Ново-Алексеевку, Кутепову об этом радио и атака в направлении Сальково — одновременно. Буденный принужден будет отойти, ему остается лазейка к северо-востоку, надо ему ее дать, мы слишком слабы, чтобы не толкать его на спасение своих частей, иначе он будет серьезно драться. Собрать донцов (конных) и Барбовича, и с Кутеповым и вами во главе — на Чаплинку во фланг и тыл Каховской группе красных. Ведь это будет около 20 000 шашек. Вот общий план. Мелочи: надо узнать, куда отойдет Буденный, куда поставит заслон. Но Крым пока что будет спасен, потом можно будет проводить мой план его защиты и замирения с красными.

В.: Да, вы правы, я с вами согласен. Это будет красивая операция. Надо будет приказать собирать все донесения и приказы: важно для истории. Я сейчас переговорю с Павлушей (Шатилов).

На том мы расстались. Я вернулся в Севастополь и был страшно удивлен, узнав, что главком тоже вернулся туда же. Кутепов пробился назад вместе с Абрамовым. А Врангель предпринять операцию и выехать впереди войск не рискнул. Белые были загнаны за перешейки и расположились в окопах,

оплетенных проволокой и расположенных прямолинейно один за другим в расстоянии 1—2 верст без всяких приспособлений для жилья. Морозы наступили до 16 градусов. Была обстановка, подобная началу 1920 г., только войск насчитывалось 60 тысяч человек (строевых частей, приехавших в Константинополь, а сколько еще было брошено в Крыму). Что испытали эти несчастные, загнанные люди, не знавшие, за что они дерутся, трудно описать. Если это испытывали люди, подобные мне, это им поделом: они действовали сознательно и боролись за определенные идеи, но те, эта масса солдат и офицерства, в особенности последняя, которая сама часто была из прежних солдат, т. е. тех же крестьян, они-то при чем? Вот это вопрос, который заставлял меня очертя голову бросаться впереди цепей при первой обороне Крыма и который заставлял меня так долго колебаться уже тогда, когда я ушел после Каховского боя в отставку. Отлично сознаю, какой вред я этим принес, сознаю в особенности теперь, когда деятельно занялся своим политическим образованием, — но как было поступить иначе тогда? Одно скажу: от понятия чести никогда не отступался; то, что обещал, я сделал, и, уже отойдя от дела, я переживал за других ужасы, на которые их обрекли деятели белых, метался от одного решения к другому, то возмущаясь Врангелем и его присными, то готовый с ними помириться, лишь бы избежать катастрофы. Окончательно растерявшийся Врангель для обороны перешейков решил сделать перегруппировку, т. е. на более доступное Перекопское направление направить более крупную армию Кутепова, а на Чонгарское посадить Драценко; по ходу же отступления Кутепов был на Чонгаре, а Драценко на Перекопе, и началась рокировка (хорошо она проходит только в шахматах)...

В доказательство своей окончательной растерянности Врангель сам остался в тылу у судов, а Кутепова назначил защищать Крым и производить рокировку войск. Красные же не захотели изображать обозначенного противника и атаковали перешейки. Часть людей в это время сидела в окопах, часть ходила справа налево и слева направо, но под натиском красных все вместе побежали.

Были отдельные случаи упорного сопротивления, были отдельные случаи героизма, но со стороны низов; верхи и в этом участия не принимали, они “примыкали” к судам. Что было делать рядовым защитникам Крыма? Конечно, бежать возможно скорее к судам же, иначе их предадут на расправу победителям. Они были правы. Так они и поступили.

11 ноября я по приказанию Врангеля был на фронте, чтобы посмотреть и донести о его состоянии. Части находились в

полном отступлении, т. е., вернее, это были не части, а отдельные небольшие группы; так, например, на Перекопском направлении к Симферополю отходили 228 человек и 28 орудий, остальное уже было около портов.

Красные совершенно не наседали, и отход в этом направлении происходил в условиях мирного времени.

Красная конница вслед за белой шла на Джанкой, откуда немедленно же выехал штаб Кутепова на Сарабуз. В частях же я узнал о приказе Врангеля, гласившем, что союзники белых к себе не принимают, за границей жить будет негде и не на что, поэтому, кто не боится красных, пускай остается. Это было на фронте. В тыл же, в Феодосию и в Ялту, пришла телеграмма за моей подписью, что прорыв красных мною ликвидирован и что я команду обороной Крыма и приказываю всем идти на фронт и сгружаться с судов. Автора телеграммы потом задержали: это оказался какой-то капитан, фамилии которого не помню. Свой поступок он объяснил желанием уменьшить панику и убеждением, что я выехал на фронт действительно для принятия командования. И в Феодосии, и в Ялте этому поверили и, помня первую защиту Крыма, сгрузились с судов: из-за этого произошла сильная путаница и потом многие остались, не успев вторично погрузиться».

Слащев, кажется, даже с некоторым злорадством живописует удручающие сцены паники и морального разложения:

«Когда я 13—14-го ехал обратно, то в тылу всюду были выступления в пользу красных, а мародеры и “люмпен-пролетариат” разносили магазины, желая просто пожить. Я ехал как частное лицо, и поэтому на мое купе II класса никто не обращал внимания и я мог наблюдать картины бегства и разгул грабежа. В ту же ночь я сел на случайно подошедший ледокол “Илья Муромец”, только что возвращенный французским правительством Врангелю и вернувшийся “к шапочному разбору”.

Мой доклад по телеграфу Врангелю гласил, что фронта, в сущности, нет, что его телеграмма “спасайся кто может” окончательно разложила его, а если нам уходить некуда, то нужно собрать войска у портов и сделать десант к Хорлам, чтобы прийти в Крым с другой стороны.

Для моей жены, правда, было отведено место на вспомогательном крейсере “Алмаз”, который к моему приезду уже вышел в море, а для меня места на судах не оказалось, и я был помещен на “Илью Муромца” по личной инициативе морских офицеров».

И Слащев, и Врангель сильно ошибались в оценке численности противостоявших Русской армии советских войск. В

своей первой книге Яков Александрович приводит данные, согласно которым у красных в Северной Таврии к 3 (16) октября насчитывалось 51 тысяча штыков и 26 500 сабель. При этом силы 1-й Конной армии, например, оценивались всего в шесть тысяч всадников, без учета Особой кавалерийской бригады. На самом деле 1-я Конная армия по прибытии на врангелевский фронт по состоянию на 2 октября насчитывала 1577 человек комсостава, 13 967 сабель, 2621 штык, 18 087 лошадей боевого состава, в том числе 16 396 строевых, 58 орудий, 259 пулеметов. Кроме того, в состав армии входили три бронепоезда, бронелетучка*, три автобронепоезда и три авиационных отряда — 20 самолетов. Врангелевская разведка уменьшала силы противника минимум в два раза. Вероятно, это была одна из причин принятия рокового решения дать сражение в Северной Таврии. Фактически против Врангеля было брошено примерно две трети от численности тех войск, что в середине августа наступали на Варшаву и Львов, при этом у Русской армии было на порядок меньше сил, чем у польской армии Пилсудского.

Характерно, что в первой своей книге, писавшейся в Константинополе, Слащев утверждал, будто предлагал Врангелю уничтожить конницу Буденного. Ко времени создания второй книги, вышедшей в Москве, Яков Александрович уже имел возможность ознакомиться с советскими документами и узнать действительное соотношение сил, поэтому в ней он уже настаивал, что предложил оставить для Буденного лазейку, поскольку сил для его разгрома всё равно не хватит. Скорее всего, Слащев действительно предлагал Врангелю уничтожить 1-ю Конную, но тот, сознавая, что дух армии потерян, а силы неравны, предпочел дать Буденному уйти, опасаясь, что в противном случае кутеповцы могут понести слишком тяжелые потери.

Слащевская критика Врангеля за неуместную рокировку частей на перешейке справедлива с чисто военной точки зрения, но в тот момент эта ошибка уже не имела принципиального значения. Убедившись, что против Русской армии действуют значительно превосходящие силы противника, Врангель уже не надеялся отстоять Крым, поэтому и не стал лично руководить войсками в Северной Таврии, а потом на Перекопе. И дело здесь было не в трусости, а в нежелании связывать свое имя с заведомо проигранными сражениями. Вот эвакуация

* Бронелетучка — бронированный паровоз с прицепленными спереди и сзади него двумя платформами, огороженными мешками с песком. (Прим. ред.)

из Крыма, надеялся Врангель, будет успешной, по крайней мере, по сравнению с провальной новороссийской. Потому он и спешил связать с ней свое имя, инспектируя на крейсере «Генерал Корнилов» готовившиеся к отплытию корабли. Правда, никакого практического значения эта инспекция не имела. Зато у находившихся на палубах солдат и беженцев навсегда остался в памяти образ командующего, обходящего эскадру, готовившуюся вот-вот покинуть крымский берег. К этому Врангель и стремился.

Слащев предлагал оставить небольшую часть сил для активной обороны перешейков, а основную часть армии отправить в десантную операцию, чтобы ударить в тыл наступающим на Перекоп красным, памятуя, что именно эта тактика принесла успех во время первой обороны Крыма. Но Врангель, не сказав о том Слащеву, уже принял принципиальное решение об эвакуации. Теперь советское превосходство было значительно большим, чем в январе—марте 1920 года, и атакующие белые части были бы просто поглощены красной лавиной.

Как следует укрепить перешейки за восемь месяцев правления Врангеля так и не удалось — сказались отсутствие ключей проволоки, строительных материалов и рабочих рук. Сергей Мамонтов вспоминал: «Перекоп всё лето укреплялся. Там были вырыты прекрасные окопы и даже несколько рядов с проволочными заграждениями. Но, как водится, командование забыло, что защитники — люди, и не приготовило ни землянок, ни колодцев, ни дров, ни складов провианта, ни складов патронов и снарядов. Когда мы попали на Перекоп в лютый мороз, снег и ветер, то жизнь там была невыносима. Правда, невыносима она была и для красных. Но их было много, и они могли меняться».

А. А. Валентинов свидетельствовал, что долговременных артиллерийских укреплений на перешейке не было вовсе: «Существовавшие полевые были весьма примитивны. Установка большей части артиллерии была рассчитана на последнюю минуту, так как свободных тяжелых орудий в запасе в Крыму не было, за граница их не присылала... Электрический ток, фугасы, якобы заложенные между ними, и т. п. — всё это было лишь плодом досужей фантазии».

Еще до начала последнего советского наступления на Перекоп Врангель начал готовить суда для эвакуации армии и гражданского населения, распорядившись обеспечить их углем и запасами воды и продовольствия. Чтобы не сеять панику, распускались слухи о предполагаемом десанте в Одессу.

Отошедшие в Крым войска Врангеля насчитывали 41 тысячу штыков и сабель. На их вооружении было более 200 ору-

дий, 20 броневых автомобилей, три танка, пять бронепоездов. Силы советского Южного фронта к 26 октября (8 ноября) состояли из 158,7 тысячи штыков, 39,7 тысячи сабель, 3059 пулеметов, 550 орудий, пятидесяти семи броневых автомобилей, двадцати трех бронепоездов, восьмидесяти четырех самолетов.

Главный удар Фрунзе нанес через Перекоп—Сиваш частями 6-й армии, армией Махно и 2-й Конной армией, а на Чонгаре и Арабатской стрелке вспомогательный удар осуществляли 4-я армия и 3-й Конный корпус.

В день, намеченный Фрунзе для десантирования через Сиваш, 23 октября (5 ноября), восточный ветер пригнал с моря воду, ее уровень на бродах поднялся до двух метров, и форсирование Сиваша пришлось отложить до нового обмеления.

Но уже на следующий день ветер переменялся на западный и за сутки выгнал из Сиваша почти всю воду, что давало возможность пройти по бродам. В ночь на 26 октября (8 ноября) части 15, 51 и 52-й советских стрелковых дивизий и махновской конной группы, всего около двадцати тысяч штыков и сабель при тридцати шести орудиях, форсировали Сиваш, сломили оборону полуторатысячной бригады Фостикова с Литовского полуострова, угрожая с тыла защитникам Турецкого вала.

Н. Е. Какурин и И. И. Вацетис последовательно, по дням описывают прорыв перекопских укреплений:

«В ночь с 7 на 8 ноября Дроздовская дивизия белых приступила к смене 13-й пехотной дивизии на Турецком валу, а 34-я стрелковая дивизия, бывшая в резерве II корпуса белых, начала свой отход в тыл. Но почти одновременно с этим 15-я и 52-я стрелковые дивизии и 153-я стрелковая бригада красных форсировали вброд Сиваш и вышли на Литовский полуостров... Противник сейчас же повернул на помощь Фостикову 34-ю пехотную дивизию и, сменив 13-ю пехотную дивизию только двумя полками Дроздовской дивизии, двинул в контратаку против красных в общем направлении на Караджанай и остальные два полка Дроздовской дивизии.

К утру 8 ноября на выходах с Литовского полуострова загорелся упорный бой. В то же время 51-я стрелковая дивизия приступила к артиллерийской подготовке штурма Турецкого вала.

Атака 51-й стрелковой дивизии на Турецкий вал была отбита. Снова атака была предпринята около полудня в предшествии 15 броневиков, которые около 11 ч. двинулись в бой от с. Преображенка на ворота Турецкого вала. Эта атака должна была увлечь за собой пехоту 51-й стрелковой дивизии, которая залегла в 400 шагах от вала. Но пехота, бросившаяся было вперед, была пригвождена к земле огнем неприятельской артил-

лерии. Зато не удалась и контратака двух полков Дроздовской дивизии в районе Караджанай. Добившись небольшого частного успеха, эти полки в конце концов частично положили оружие и сдались 153-й и 155-й стрелковым бригадам, несмотря на то, что эта атака была также поддержана броневиками.

Прорыв красных на территорию Крыма привел в движение глубокие резервы противника. Он повернул из Симферополя обратно на Джанкой 6-ю пехотную дивизию и двинул на Перекопское направление части Марковской дивизии, Корниловскую дивизию и конный корпус Барабовича из района Джанкоя. К концу дня 8 ноября части Марковской и Корниловской дивизий уже подходили к тыловой юшуньской позиции. Конный корпус Барабовича приближался к выходам с Литовского полуострова... Белым не только не удалось сбросить их с Литовского полуострова, но и не удалось воспрепятствовать их распространению в тыл Турецкого вала в направлении на Армянский базар. Положение бригады Дроздовской дивизии на Турецком валу в связи с этим становилось опасным, а потому в ночь с 8 на 9 ноября противник приступил к очищению Турецкого вала. В его распоряжении теперь оставалась тыловая юшуньская позиция, опираясь на которую он решил сделать последнюю попытку для ликвидации прорыва красных сил на Литовском полуострове. Это решение и привело к упорным боям за Литовский полуостров в день 9 ноября, причем обе стороны успели здесь усилиться за ночь.

У красных на Литовский полуостров переправилась армия Махно. У белых на юшуньской позиции уже устраивались части Корниловской и Марковской дивизий, а к выходам с Литовского полуострова подошла голова конного корпуса Барабовича...

Ночь с 9 на 10 ноября обе стороны использовали к дальнейшему своему усилению на Перекопском перешейке. Все преимущества в этом отношении были на стороне красных: на Литовский полуостров они выводили 16-ю кавалерийскую дивизию 2-й конной армии, которая успела уже сосредоточиться в районе Строгановки, а на усиление 51-й стрелковой дивизии выдвигали из резерва Латышскую дивизию. Белые же могли усилить свое положение только несколькими юнкерскими частями. Части Марковской дивизии сменили Дроздовскую дивизию на перешейке между озерами Старое и Красное... Утверждение красных на Литовском полуострове означало выигрыш для них операции. Они получали возможность вести ее в темпе последовательного нарастания своих усилий, вводя в дело свои многочисленные резервы, тогда как белые в борьбе за выходы с Перекопского перешейка и Литов-

ского полуострова израсходовали уже все свои резервы. День 10 ноября начался под знаком проявления наступательной инициативы красными и на Юшуньском, и на Адаманском направлениях...

День 11 ноября ознаменовался последней отчаянной попыткой противника восстановить свое положение на Литовском полуострове и выйти в тыл красным на Армянский базар. Противник собрал на Литовском полуострове против наших частей кулак из II армейского корпуса, конного корпуса Барабовича, остатков бригады Фостикова и Дроздовской дивизии.

Этот кулак с рассветом обрушился на нашу группировку на Литовском полуострове, отбросил ее почти на самую оконечность полуострова, и конный корпус Барабовича начал уже приближаться к Армянскому базару, выходя таким образом в тыл Юшуньской группы красных. Но эта последняя в свою очередь внезапным ударом прорвала последнюю линию юшуньской позиции и начала выходить в тыл группе белых на Литовском полуострове, что вынудило белых к поспешному отступлению под прикрытием заслона из Терско-Астраханской кавалерийской бригады.

Прорыв юшуньской позиции имел не только тактические, но и оперативные последствия: он знаменовал ликвидацию последнего организованного сопротивления белых и выход красных армий на широкие просторы крымских степей из узин Перекопа. Значение прорыва увеличивалось еще совпадением его по времени с прорывом 30-й стрелковой дивизии красных на Джанкойском направлении, ликвидировать который также не удалось белым.

Врангелю ничего больше не оставалось делать, как начать свой отход к портам посадки, что он и поспешил исполнить...»

По утверждению Врангеля в интервью, данном представителям русской и иностранной печати сразу по прибытии в Константинополь, «всего на Перекопских позициях армия потеряла половину своего состава (то есть около 22,5 тысячи человек. — Б. С.), из коего около 5 тысяч убитыми», а с советской стороны убитых было как минимум вдвое больше.

Уже зная, что предстоит эвакуация, Врангель 28 октября прибыл в Севастополь и сделал заявление представителям русской и иностранной прессы: «Армия, сражавшаяся не только за честь и свободу своей родины, но и за общее дело мировой культуры и цивилизации, армия, только что остановившая занесенную над Европой кровавую руку Московских палачей, оставленная всем миром, истекает кровью...»

По свидетельству Н. Е. Какурина, вслед за этим белые ста-

ли быстро отходить к портам. Отступающим удалось значительно оторваться от Красной армии: «Рассредоточив свою погрузку по всем портам Крыма, Врангель в течение 5 дней, с 10 по 15 ноября, успел произвести эвакуацию своих главных сил и беженцев в количестве до 83 тысяч человек». Когда 15 ноября красноармейский авангард 6-й армии вступил в Севастополь, он застал там уже местный ревком, так как последние суда противника ушли из него 14 ноября. Правда, были брошены почти все военные запасы, оставшие части и большое количество беженцев. 16 ноября войска Красной армии заняли всю территорию Крыма.

Какурин считал, что оборона крымских перешейков могла бы затянуться на более долгий срок, если бы были лучше учтены свойства местности (в частности, осушение Сиваша под влиянием ветров) и в соответствии с ними распределены войска (слабый отряд Фостикова не поставлен на опасном направлении). Однако даже если бы Литовский полуостров защищало более сильное соединение, его оборона в лучшем случае продлилась бы еще несколько дней — превосходство красных было слишком велико. Врангель пытался усилить угрожаемые направления за счет перегруппировки, но не успел ее завершить до начала советского наступления. Поэтому перегруппировка только ослабила Русскую армию в момент отражения первого советского удара. Вероятно, Слащев был прав, когда предлагал оставить войска на тех местах, куда они отступили из Северной Таврии.

Советский историк также полагал, что заранее разработанного плана эвакуации у Врангеля не было, как его не было у Деникина. Сравнительно более успешное ее проведение историк объясняет тем, что первый имел в своем распоряжении несколько портов, тогда как второй вынужден был производить эвакуацию только из одной точки — Новороссийска.

На самом же деле план эвакуации у Врангеля существовал и начал постепенно претворяться в жизнь еще в период отступления из Северной Таврии. Епископ Вениамин вспоминал, как барон на последнем заседании правительства заявил, что еще в июле благоразумно дал приказания о подготовке кораблей: «Нужно было мобилизовать все суда, способные плыть через Черное море. Обеспечить их топливом, водой, пропитанием и надежным составом обслуживающих лиц. Распределить суда по разным портам — от Керчи до Евпатории, заранее дать расписания военным частям, где кому садиться, и самому уехать последним. Этим заведовал, кажется, скромный генерал Шатилов».

Вернувшись 28 октября из Джанкоя в Севастополь, Вран-

гель дал распоряжение войскам занять административные здания, почтамт, телеграф и выставить караулы на пристанях и железнодорожном вокзале.

Конечно, Врангелю существенно помогло то, что ему удалось рассредоточить эвакуацию. 29 октября после двухчасового разговора с командующим французской эскадрой адмиралом Дюменилем главнокомандующий приказал войскам оторваться от противника и следовать к портам погрузки. 1-й и 2-й армейские корпуса направлялись в Евпаторию и Севастополь, Конный корпус — в Ялту, бригада генерала Фостикова и другие кубанские части — в Феодосию, Донской корпус и и Терско-Астраханская бригада — в Керчь.

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал М. А. Кедров распределил тоннаж судов по портам. Врангель приказал разработать порядок погрузки тыловых военных и гражданских учреждений, больных, раненых, ценного имущества, запасов продовольствия и воды.

Утверждение историка Какурина, что не удалось эвакуировать военные запасы, в частности артиллерию, справедливо лишь отчасти: их в значительной мере и не собирались эвакуировать за невозможностью использовать в эмиграции (нельзя же было всерьез рассчитывать на продажу французам их же снарядов). По сравнению с организацией новороссийской эвакуации Врангель достиг выдающихся результатов — посадка на корабли осуществлялась в полном порядке.

Думается, что красные командиры не случайно предоставили Врангелю своеобразный «золотой мост» для эвакуации из Крыма. Они не хотели больше губить своих людей, которых и так полегло несчетно в последних боях в Северной Таврии и при штурме перешейков. Раз врангелевцы бегут к портам — значит, сами оставляют Крым и войне конец. Так зачем же зря губить людей? 1-я Конная армия, например, была так ослаблена потерями, понесенными во время прорыва врангелевцев в Крым, что в штурме Перекопа участия не принимала и была способна лишь на преследование, да и то довольно вялое, отходившего противника. Несомненно, успеху эвакуации способствовало то обстоятельство, что после прорыва юшуньских укреплений командующие советских армий, ворвавшихся в Крым, дали 12 октября своим войскам день на отдых. Это позволило врангелевцам оторваться от противника и проводить крымскую эвакуацию, в отличие от новороссийской, не под огнем красных. Памятные нам по фильму «Бег» эпизоды, когда последние врангелевцы грузятся на суда, отстреливаясь от наседающих красных, — плод творческого воображения режиссеров Александра Алова и Владимира Наумова. Возмож-

Эпизод же с солдатом, сбивающим полковника с мостков пристани, мы находим в мемуарах бывшего офицера-дроздовца Георгия Давыдовича Венуса «Война и люди», изданных в Берлине в 1925 году, как раз в главе о новороссийской эвакуации: «На берегу, охраняя пристань, стояли юнкера Донского военного училища. За ними чернела толпа... И вдруг среди молодых, сильных голосов запрыгал старчески-дребезжащий: “Прикладом?.. Прикладом, молокосос? Меня?.. Полковника?”». Аналогичный рассказ есть и в мемуарах И. М. Калинина «Русская Вандея», опубликованных Госиздатом в 1926 году:

«Как только красные обошли Крымскую, как всякие “крестоносцы”, “формирователи”, генералы-от-спекуляции, штаб-и обер-хулиганы, попы, грабители, дамы-патронессы, дамы-проститутки хлынули на приготовленные для них пароходы, таща за собой горы благоприобретенного под знаменами Деникина имущества. Когда бешеный поток беглецов докатился до Новороссийска, город уже опустел...

Утра 13 марта в жизнь не забыть. Десятки тысяч народу, конных и пеших, запрудили портовую набережную, атакуя пристани, возле которых грузились остатки великой и неделимой. Но донцы везде видели перед собой добровольческие пулеметы или штыки шотландских стрелков.

А из гор выплывали всё новые и новые тысячи. Люди стремительно соскакивали с подвод, бросали всё свое добро и по одиночке устремлялись к пристаням.

Тщетно!

В безумном ужасе иные бросались в воду. Упрямых сбрасывали с пристаней. Корниловцы утопили донского полковника:

— Самостийник, сволочь! Залез к гвардии.

Всевеликое, при грохоте английских пушек, пугавших зеленых, металось из стороны в сторону».

Как видим, и здесь речь идет о мартовской эвакуации.

В Севастополь 28 октября на крейсере «Валдек-Руссо» прибыл командующий французской Средиземноморской эскадрой адмирал Дюмениль. Французский комиссар де Мартель выразил согласие принять всех эвакуированных из Крыма под покровительство Франции. Для покрытия расходов на содержание армии и беженцев французское правительство собиралось взять в залог российские суда.

Атмосферу последних дней белого Крыма хорошо передают дневниковые записи Н. Н. Чебышева. Вечером 20 октября он был вызван в отдел печати к Вернадскому, который извещал об отходе белой армии за Перекоп и сообщил, что «надо подготовить общественное мнение». Чебышев отметил, что

паники при эвакуации не было, хотя определенная неразбериха и наблюдалась:

«...Утром 29 октября сидел в редакции. Новое помещение послужило для единственной “редакционной” работы: для “редактирования” списков подлежащих “вывозу” сотрудников газеты. Львов принес общий “пропуск” на всех от генерала Скалона. Пароход “Рион”. Обедал у Герсевичевой на Никольской. Бритый длинноносый инженер заявил, что эвакуация отменена. Кто-то с упоением передавал текст телеграммы, присланной откуда-то Слащевым: “Красную сволочь гоню, тыловой сволочи приказываю разгружаться”. Говорили о повороте счастья, о наших успехах. Всё было типично глупо. После Седана громадная тысячная толпа в Париже на стенах биржи читала телеграмму “собственными глазами” о грандиозной французской победе.

Зашел домой на Нахимовский проспект, где нашел чью-то записку. В записке значилось, что я должен явиться на английский миноносец “Сераф” или “Серапне” — трудно было разобрать название. Указано было, что явиться должен я не позже 6 часов вечера.

Шел шестой час вечера. Название миноносца было неразборчиво. Где его тут искать в сумерках по бухтам? Записка у меня валялась с утра.

У Левитского в квартире был целый товарный склад: это были вещи, свезенные сотрудниками. Для крымской эвакуации характерно спокойствие, отсутствие малейших признаков паники. Все были убеждены, что *Врангель вывезет*.

Мы угрюмо молчали. Львов крутил папиросы и покуривал. Потом Львову и мне дали знать, что нас вызывает генерал Скалон. В приемной Скалона была толпа народа. Оказалось, что Скалон Львова и меня совсем не вызывал. Нам, впрочем, тут же пояснили, что “наверное, вызывал”, но только теперь говорить с нами раздумал. Мы с Львовым пошли в управление внутренних дел — неизвестно зачем. Львов куда-то исчез, и я один пустился в обратный путь к Левитским. Наступила ночь, но теплело и ветер стихал.

По дороге совершенно случайно зашел во дворец узнать о положении на фронте. Кривошеин пил чай. Я с ним посидел. Он мне сказал, что сейчас уезжает — ему оставлено место на “Сераписе”. Это был мой миноносец! Значит, он еще не ушел? Кривошеин должен был отправиться на “Серапис” на паровом катере. Я ему сообщил о найденной мною у себя загадочной записке, где мне предлагалось явиться на “Серапис”. Кривошеин предложил отвезти меня с собой на паровом катере. Я колебался.

В это время ко мне вышел Врангель. Отвел меня в кабинет. — Наше дерево было здоровым, оно подсечено обстоятельствами, от нас не зависящими, подавляющим превосходством сил.

Он кусал носовой платок, но говорил спокойно. Глядя на меня, что-то соображал.

— Александр Васильевич сейчас едет, поезжайте с ним, подымите шум в иностранных газетах — надо подготовить Европу к принятию армии. На английском крейсере вы будете скорее в Константинополе.

Я простился с ним. Во дворце, снизу доверху освещенном, чувствовалось, что происходит что-то необычное, но всё было прилично. Никто не волновался и не суетился. Скорее впечатление дома, где сейчас начнется бал. Ротмистр Толстой поехал к английскому адмиралу справиться, поспеет ли Кривошеин.

Кривошеин сидел мрачный. Я его утешал. Указывал на то, что для дела такой исход лучше, чем постепенный развал тыла, зимовка и голодовка в отрезанном от мира Крыму. Невозможное экономическое положение всё равно создало бы осложнения, растриваемые постоянной угрозой прорыва позиций.

Толстой долго отсутствовал. Привез любезный ответ адмирала Гоппа, что он примет Кривошеина и его спутников, снимается же судно с якоря в полночь. Одновременно выяснилось, что это не миноносец “Сераф” и не “Серапис”, а крейсер “Кентавр”.

Мы на автомобиле выехали на Графскую пристань. Выехали туда зря. Нас было четверо: Кривошеин, его сын Игорь, И. И. Тхоржевский и я. На Графской пристани катера главнокомандующего не оказалось. Сели во французскую моторную лодку, поддерживавшую связь с другой стороной бухты. Исколесили всю бухту, но “Кентавра” не нашли. Француз-офицер уверял, что “Кентавр” ушел днем.

Вернулись на Графскую пристань. Игорь Кривошеин пошел во дворец за разъяснениями. Оказалось, что катер ждет нас на “минной” пристани. Катер, действительно, там нас ждал. Отвалили. До полуночи оставалась всего четверть часа.

“Кентавр” стоял в Стрелецкой бухте за Херсонесом. Катер шел полным ходом. Из трубы вырывались искры и пламя. Бухта и берега были погружены во мрак.

Вдруг вырисовался в темноте крейсер, сиявший электрическими огнями. Освещение военных судов напоминает иллюминацию.

У трапа Кривошеина встретил адмирал со штабом. Нас провели к адмиралу в салон, где горел огонь в печке-камине. Когда мы уселись в мягкие кресла и протянули ноги к огню,

нервы стали разматываться и приходиться в норму. Кривошеин спал на диване одетый. Мы с Тхоржевским — в креслах. Я сразу заснул. Ночью проснулся. Крейсер шел. Мы оставили Россию, на этот раз надолго».

По свидетельству Чебышева, на крейсер село около сорока севастопольцев. Если бы Врангель начал эвакуацию планомерно и растянул ее на несколько недель, то тот же «Кентавр» смог бы совершить несколько рейсов по маршруту Крым—Стамбул (от Севастополя до Босфора крейсер дошел менее чем за 15 часов) и спасти от красного террора тысячи беженцев.

Епископ Вениамин вспоминал об этих днях с большей иронией по отношению к Врангелю:

«В тыл прошли слухи, что на фронте неладно. Архиереи, члены Синода, полушутя, но со страхом говорят мне:

— Пойди узнай у своего Врангеля: каково военное положение?

Я пошел. Генерал ходил по кабинету Большого дворца. Спрашиваю.

— Отлично! Только чудо может помочь большевикам. Перекоп и Джанкой неприступны!

Возвращаюсь к архиереям, утешаю их: всё прекрасно! Они благодушно разъезжаются опять по монастырям, где жили.

Проходит еще месяц. Слухи всё ухудшаются. И тут вдруг в октябре наступили небывалые на юге морозы. Наша армия не была подготовлена к ним. И пришли известия, что мы отступаем под натиском красных, которыми командовал Фрунзе.

Синод снова собирается.

— Пойди спроси у Врангеля!

Иду... Ходит нервно, но сдержанно.

— Каково положение?

— Конеч! Только чудо может помочь нам! — кратко отвечает генерал.

— Как же вы недавно говорили, что чудо может помочь большевикам?

— Ну, что же? Разве я буду открывать всем карты? Положение безнадежное, силы неравны. Я ожидал этого с самого начала, как помните. Теперь остается надеяться лишь на чудо. Ну, а достойны ли мы чуда, это, владыка, вам как архиерею лучше полагается знать, чем мне, — с ласковой шуткой сказал он. — Нужно укладываться для немедленной эвакуации, у меня уже всё заранее подготовлено. Так и скажите владыкам.

Я сказал... Переполох... Недовольство Врангелем! А в сущности, чем он виноват? Ничем».

Двадцать девятого октября главнокомандующий издал приказ-воззвание:

«Русские люди. Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существуют право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано всё, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал Врангель».

Одновременно было выпущено правительственное сообщение:

«Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров, других служащих и их семейств правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России. Недостаток топлива приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Всё это заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилия врага, остаться в Крыму».

Тем временем Реввоенсовет Южного фронта 28 октября (10 ноября) направил из Мелитополя радиogramму генералу Врангелю, предлагая сдачу и гарантируя всем сдающимся в плен солдатам и офицерам Русской армии, включая ее высший командный состав, полное прощение, жизнь и неприкосновенность. В случае отклонения «делаемого честного предложения» на барона возлагалась «моральная ответствен-

ность за все возможные последствия». Получив это сообщение, главнокомандующий распорядился закрыть все радиостанции, за исключением одной, обслуживаемой офицерами.

На следующий день по радио было направлено еще одно обращение Реввоенсовета фронта к врангелевским войскам с призывом к добровольной сдаче:

«Белые офицеры, наше предложение возлагает на вас колоссальную ответственность. Если оно будет отвергнуто и борьба будет продолжаться, то вся вина за бессмысленно пролитую русскую кровь ляжет на вас. Но мы не стремимся к мести. Всякому, кто положит оружие, будет дана возможность искупить свою вину перед народом честным трудом».

Подобного рода гуманизм не понравился политическому руководству Советской России, и уже 30 октября (12 ноября) Ленин шифром по прямому проводу направил в РВС Южного фронта секретную телеграмму, в которой выразил свое возмущение неоправданно мягкими условиями сдачи: «Только что узнал о вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и не выпускать ни одного судна. Если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно».

Вечером 29 октября (13 ноября) 1920 года состоялось последнее заседание правительства Юга России, запомнившееся епископу Вениамину:

«Перед концом генерал Врангель созвал высших своих сотрудников, министров, генералов, а также и митрополита Антония со мной. Спокойным твердым тоном он сказал коротенькую речь, которую начал словами: “И для героев есть предел!” И объявил, что всё кончено. Пароходы для армии и граждан, желающих эвакуироваться, готовы...

— А теперь слово за морским министром, адмиралом Кедровым!

Он был еще молод, но умен, энергичен и знал свое дело. Тот сообщил нам еще некоторые подробности. Оставался вопрос лишь о погоде.

— По морской науке в ноябре полагается лишь два-три-четыре дня спокойных, остальные — бурные. И я за это уж не ручаюсь, не от меня зависит.

К счастью, все пять-шесть дней пути по Черному морю была неожиданно спокойная погода».

Погрузка на корабли гражданских и военных тыловых учреждений началась 30 октября. Потеплело, на море был полный штиль, что дало возможность использовать все суда и

баржи, которые могли держаться на воде. Крупные корабли загружали под завязку. Так, пароход «Владимир», рассчитанный на 700 пассажиров, принял на борт шесть тысяч человек. Часть людей была посажена на французские, английские, американские корабли. Погрузка прошла организованно и спокойно.

Рано утром 1 (14) ноября 1920 года Врангель принял последний парад на родной земле. В Севастополе на площади перед гостиницей построились его личный конвой, Новочеркасское Атаманское училище и оставшиеся вне наряда юнкера Сергиевского училища.

Главнокомандующий вышел из дверей гостиницы одетый в серую офицерскую шинель с отличиями Корниловского полка. За ним шли чины его штаба.

Обходя фронт, генерал остановился перед атаманцами и, по воспоминаниям одного из юнкеров, обратился к ним с краткой речью:

«Орлы! Оставив последними Новочеркасск, последними оставляете и русскую землю. Произошла катастрофа, в которой всегда ищут виновного. Но не я и тем более не вы виновники этой катастрофы; виноваты в ней только они, наши союзники... Если бы они вовремя оказали требуемую от них помощь, мы уже освободили бы русскую землю от красной нечисти. Если они не сделали этого теперь, что стоило бы им не очень больших усилий, то в будущем, может быть, все усилия мира не спасут ее от красного ига. Мы же сделали всё, что было в наших силах, в кровавой борьбе за судьбу нашей родины...

Теперь с Богом. Прощай, русская земля».

Сам Врангель свою речь на последнем параде передает следующим образом: «Оставленная всем миром обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга. Мы вправе требовать помощи от тех, за общее дело которых мы принесли столько жертв, от тех, кто своей свободой и самой жизнью обязан этим жертвам».

На 28 октября (10 ноября) 1920 года в боевых частях Русской армии насчитывалось 14 650 пехотинцев, 14 305 кавалеристов, 1325 пулеметов, 215 легких и 22 тяжелых орудия. Врангель отказался от эвакуации артиллерии и большей части пулеметов, но вывез из Крыма большинство бойцов. В интервью, данном 19 ноября 1920 года, барон утверждал: «Несмотря на мое запрещение, Кубанские части погрузили без моего ведома 10 орудий, о существовании которых я узнал только по

прибытии в Константинополь. Взятые также были почти все пулеметы. Само собою разумеется, что ни один из солдат с винтовкой не расставался». Орудия, естественно, пришлось сдать французским властям.

Число эвакуированных из Крыма Н. Е. Какурин занижил почти вдвое. Реально Врангелю удалось вывезти с полуострова, не считая членов судовых команд, 145 693 человека. В это число входили около пяти тысяч раненых и больных и более ста тысяч гражданских лиц и военных чинов, не находившихся на службе или служивших в тыловых учреждениях. Среди эвакуированных было более двадцати тысяч женщин и около семи тысяч несовершеннолетних детей. В числе военнослужащих было эвакуировано до пятнадцати тысяч казаков, до двенадцати тысяч офицеров, до пяти тысяч солдат регулярных частей. Все они входили в боевой состав Русской армии. Кроме того, было вывезено более тридцати тысяч офицеров и чиновников тыловых частей, десять тысяч юнкеров. Среди гражданских лиц преобладали семьи офицеров и чиновников. Для эвакуации было задействовано 126 судов военного и торгового флотов.

За время боевых действий с 15 (28) октября по 3 (16) ноября войска советского Южного фронта взяли в плен 52,1 тысячи солдат и офицеров Русской армии, включая оставшихся в городах Крыма после эвакуации.

По мнению генерала Я. А. Слащева, изложенному в книге «Требую суда общества и гласности», причины краха Белого движения заключаются в том:

«1) что некоторые начальники не имели в себе достаточно гражданского мужества своевременно сойти со сцены (явный намек на Врангеля. — Б. С.);

2) что ради своих личных интересов губили общее дело и умышленно, повторяю, умышленно отвергали всякий совет, исходивший от старых защитников Крыма (в частности, лично я в августе указывал генералу Шатилову по карте направление главного удара красных Каховка—Сальково, а затем неоднократно указывал на необходимость второй базы — Украины);

3) что в вопросах о Перекопской позиции проявили преступную халатность, не приняв соответствующих мер к ее соответствующей подготовке, к чему и времени и средств было больше чем достаточно;

4) что в вопросах по снабжению войск теплою одеждою проявили медленность и нераспорядительность, в результате чего войска остались наполовину неодетыми и настроение войск понизилось, а вместе с тем понизилась и их боеспособность;

5) что, предрешив вопрос об эвакуации Крыма еще за три

недели до ее начала, не отвели войска своевременно на перекопские позиции и пожертвовали тысячами жизней героев за свою недалекновидность и полную неспособность к надлежащей оценке политической и стратегической обстановки, и, наконец,

б) в том, что проявили полную растерянность в момент, когда можно еще было спасти положение (мой совет о десанте в Одессу) и когда можно было бы продолжать оборону Крыма, если бы вожди дали личный пример армии, а не отдавали приказа “спасайся кто может!”».

Безусловно, к просчетам Врангеля, на которые совершенно справедливо указывает Слащев, относится то, что он не позаботился вовремя привести в порядок укрепления на крымских перешейках, поставить там тяжелую артиллерию, построить землянки для их защитников и обеспечить их теплой одеждой. С бывшим генералом можно вполне согласиться и в том, что поскольку решение об эвакуации было принято за три недели до ее начала, после получения известия о советско-польском перемирии, то необходимо было сразу же отвести войска в Крым. Тогда оборонять перешейки надо было лишь столько времени, сколько требовалось, чтобы вывезти из Крыма действительно всех желающих. В этом случае не только не погибли бы напрасно «тысячи героев» в Северной Таврии, но и удалось бы спасти десятки тысяч беженцев от последовавшего красного террора. Если бы за перешейками оказалась вся Русская армии, со всеми своими орудиями, пулеметами и снарядами, а не половина ее, как это произошло после поражения Врангеля в Северной Таврии, то защитники Крыма продержались бы не шесть дней, а около трех недель. Тогда времени на эвакуацию осталось бы более чем достаточно, тем более что ее можно было бы начать с беженцев и тыловых учреждений еще до того, как войска отошли за крымские перешейки. Каждое судно успело бы совершить по несколько рейсов, и можно было вывезти не 150 тысяч человек, а в два-три раза больше, то есть практически всех беженцев и военнослужащих. Тогда и жертв красного террора в Крыму было бы на порядок меньше. Отметим также, что Врангелю очень повезло с погодой. Если бы море было бурным, то при проведении эвакуации пришлось бы ограничиться гораздо меньшим количеством кораблей и еще десятки тысяч беженцев остались бы на берегу. Да и при переходе в Константинополь тогда бы погиб не один эсминец «Живой», но и еще несколько перегруженных транспортов, и тысячи солдат и беженцев нашли бы свою смерть в черноморской пучине. Но, слава богу, всё обошлось.

Последовавшее после прорыва красными перекопских позиций обращение от имени правительства, акцентировавшее внимание потенциальных беженцев на трудностях жизни на чужбине и неопределенности будущего остатков русской армии, содержало прямой призыв остаться всем, кто не опасается репрессий со стороны советской власти. А ведь Врангель хорошо знал, что такое красный террор, да и сам в свое время расстреливал пленных красноармейцев сотнями и тысячами. Так что Петр Николаевич хорошо представлял себе, что все листовки Троцкого и Фрунзе с обещаниями амнистии ничего не стоят и что в действительности всем, кто даже косвенно был связан с Белым движением и остался в Крыму, угрожает смертельная опасность. Правда, большинство военнослужащих деникинской армии, захваченных в Новороссийске, включая офицеров, были не расстреляны, а мобилизованы в Красную армию и направлены на Польский фронт. Но тогда красные нуждались в них для войны с поляками, против которых, как полагали Ленин и Троцкий, бывшие белые будут сражаться с энтузиазмом как против врагов России. Теперь же война окончилась, и на бывших чинов Русской армии красные смотрели только как на потенциальных заговорщиков и участников антибольшевистских восстаний.

Оставляя в Крыму «балласт» — тех, кто не мог пригодиться в дальнейшей борьбе, — Врангель действовал вполне осознанно. Если бы он вывез в Константинополь 500 или даже 400 тысяч беженцев, ни о каком отдельном лагере, да еще с сохранением оружия солдатам и офицерам, не могло быть и речи. Французы такую ораву не прокормили бы. Значит, выехавших из Крыма сразу перевели бы на положение беженцев, и они рассеялись бы по Европе, осев частью на Балканах, частью в Чехословакии, частью в Германии и Франции. А кто-то сразу перебрался бы в США и страны Латинской Америки. Врангель сразу потерял бы над ними власть и вряд ли смог бы в дальнейшем организовать Русский общевоинский союз (РОВС) в том виде, в каком он был создан в действительности — как боевая, сплоченная и на первых порах достаточно многочисленная организация единомышленников, мечтавших когда-нибудь с оружием в руках вернуться в Россию, чтобы свергнуть большевиков.

С. А. Мацьлев дал зарисовку последнего обхода Врангелем портов погрузки:

«Вдруг на горизонте показалась небольшая черная точка, которая быстро росла и приближалась к пристани. Через несколько минут можно было различить, что это военный морской катер. Его начищенная медная труба ярко блестела. За

десяток сажений от берега он повернул и пошел вдоль пристани. На носу стоял Врангель в офицерском пальто и корниловской фуражке, рядом с ним виднелась фигура адмирала Кедрова, командующего Черноморским Флотом.

Сделав всё возможное, чтобы посадить войска на суда, используя для этого все плавучие средства вплоть до шаланд, которые были взяты на буксир, прежде чем отплыть от берегов Крыма, Врангель решил в последний раз взглянуть, что делается на пристанях и в городе. Погрузить он уже больше ничего не мог, все суда были перегружены до отказа...

Толпа на берегу замерла... Большинство взяло под козырек... Какой-то молодой солдатик негромким голосом закричал ура, но его никто не поддержал. Врангель смотрел на обреченных людей, его лицо исказилось от боли и страдания за них... Сделать для них он уже ничего не мог.. Он отдал честь, катер повернул и начал быстро уходить в море...»

Свидетельство Мацылева опровергает тот образ покидающего Крым Врангеля, который известен нам по поэме Маяковского «Хорошо!»:

Глядя
на ноги,
шагом
резким
шел
Врангель
в черной черкеске.
Город бросили.
На молу —
голо.
Лодка
шестивесельная
стоит
у мола.
И над белым тленом,
как от пули падающий,
На оба
колена
упал главнокомандующий.
Трижды
землю
поцеловавши,
Трижды
город
перекрестил...
Под пулями
в лодку
прыгнул.
— Ваше
Превосходительство,
грести?
— Грести...

На самом деле никаких пуль, свистящих над головой главнокомандующего, не было — красные вошли в Севастополь лишь сутки спустя. И мол отнюдь не был пустым — там стояла толпа тех, кто не захотел или не смог уехать. Маяковский просто повторил хрестоматийный образ «черного барона». В действительности Петр Николаевич был во время прощания с родной землей не в кубанской, а в армейской форме. Ведь теперь ему уже незачем стало подчеркивать свое единство с кубанскими казаками, а важнее было продемонстрировать свою солидарность с армейцами, которых было большинство среди будущих галлиполийцев и членов РОВСа. Поэтому корниловская фуражка была уместнее казачьей папахи. Ведь именно «цветные» полки должны были стать наиболее надежными кадрами военной эмиграции.

Между прочим, импресарио Маяковского П. И. Лавут, со слов которого поэт описал эвакуацию Севастополя, в своих мемуарах не говорит, что Врангель был одет в свою традиционную черкеску. Вот что пишет Павел Ильич: «15 ноября, в первом часу дня, только я вышел из своей квартиры, вижу — на противоположной стороне Большой Морской идет Врангель в направлении Нахимовского проспекта. Вначале я даже усомнился: он ли это? Почему без свиты? Но, взглядевшись, я убедился, что спереди и сзади, на почтительном расстоянии, стараясь быть незамеченной, следует его охрана. Со мной был мальчик лет двенадцати. Вместе с ним мы прошли весь Нахимовский проспект, очутились у Графской пристани и задержались возле одной из колонн. Врангель спустился по лестнице... У причала ждала моторная лодка. Он быстро сел в нее, а за ним еще двое. Перекрестился. Поцеловал пирс... И лодка набрала скорость. Она мчалась к яхте “Алмаз”».

Из мемуаров видно, что Павел Ильич плохо помнил, во что именно тогда был одет Врангель. По сути, Маяковский задал ему наводящий вопрос, подтолкнувший к ответу:

«— Вы не помните, на Врангеле была черная черкеска или белая?»

Я растерялся: что же, он меня проверяет? Я было даже обиделся.

— Не помню точно, — ответил я нехотя. — Кажется, черная».

Если бы вопрос был сформулирован более корректно: «Во что был одет Врангель?» — то, возможно, Лавут припомнил бы, что Врангель был не в черкеске, а в генеральском пальто. Лавут так и пишет: «Думаю, что в эти дни окончательно оттачивалась шестнадцатая глава (поэмы «Хорошо!». — Б. С.). Если бы я засвидетельствовал, что Врангель был не в черной черке-

ске, а в белой, то в поэме, надо полагать, осталась бы всё равно черная — не только из-за переключки двух “чер” (черная черкеска), а потому, что именно этот штрих хорошо вяжется со всем обликом “черного барона”».

На самом деле Врангель был в армейской шинели и корниловской фуражке, что засвидетельствовали юнкер-атаманец и С. А. Мацылев. Но в поэме Маяковского и в восприятии советских людей он навсегда остался «черным бароном» в черной черкеске.

Закончить эту главу хочется тоже стихами — на сей раз не Маяковского, а одного из бойцов врангелевской армии, талантливый поэт Владимира Смоленского:

Над Черным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.
Над голубыми полями клевера
Летели горе и гибель с Севера.

Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом,
И ангел плакал над мертвым ангелом...
Мы уходили за море с Врангелем.

КРАСНЫЙ ТЕРРОР В КРЫМУ

Эвакуация из Феодосии была организована хуже, чем из других крымских портов. Даже Кубанский корпус, для эвакуации которого предназначалась Феодосия, погрузился не полностью — не хватило места 1-й Кубанской казачьей дивизии и Терско-Астраханской бригаде. К счастью, они успели дойти до Керчи и там сесть на корабли. Но в Феодосии остались тысячи отставших от своих полков солдат и офицеров, тыловые учреждения, госпитали, отдельные команды и подразделения, семьи военнослужащих и чиновников. В плен попали 2-й армейский запасной батальон, тыловые части 52-го пехотного Виленского полка, до ста чинов Одесских пулеметных курсов, Сырецкий госпиталь Красного креста и другие части и учреждения.

Утром 16 ноября в город вошли части 9-й стрелковой дивизии Красной армии во главе с Н. В. Куйбышевым. Всего они взяли в плен в Феодосии 12 тысяч человек. По приказу комиссара дивизии М. Лисовского на городском железнодорожном вокзале были расстреляны 100 солдат и офицеров, не успевших эвакуироваться. Но это было только начало. Вскоре приступили к планомерной ликвидации «белогвардейцев».

Всего после эвакуации в Крыму остались 2009 офицеров и 52 687 солдат Русской армии. Кроме того, в госпиталях нахо-

дилось около пятнадцати тысяч раненых и больных. Не пожелали или не смогли эвакуироваться также более двухсот тысяч гражданских беженцев. Всех их ждала незавидная участь.

Выступая 6 декабря 1920 года на совещании московского партийного актива, Ленин заявил: «Сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим». Ильич не уточнил, что многих будут «переваривать» посредством расстрела.

Для Крыма была создана «особая тройка», наделенная практически неограниченной властью карать и миловать. В ее состав вошли: член Реввоенсовета Южного фронта Красной армии, председатель Крымского военно-революционного комитета венгерский эмигрант Бела Кун, секретарь обкома партии Розалия Самойловна Землячка (Залкинд) и председатель Крымской ЧК Михельсон. Контролировать операцию из Москвы был прислан глава Чрезвычайного военного революционного трибунала Ю. Л. Пятаков.

Семнадцатого ноября 1920 года был издан приказ Крымревкома № 4:

«1. Всем иностранно-подданным, находящимся на территории Крыма, приказывается в 3-дневный срок явиться для регистрации. Лица, не зарегистрировавшиеся в указанный срок, будут рассматриваться как шпионы и преданы суду Ревтрибунала по всем строгостям военного времени.

2. Все лица, прибывшие на территорию Крыма после ухода Советской власти в июне 1919 г., обязаны явиться для регистрации в 3-дневный срок. Не явившиеся будут рассматриваться как контрреволюционеры и предаваться суду Ревтрибунала по всем законам военного времени.

3. Все офицеры, чиновники военного времени, солдаты, работники в учреждениях добрармии обязаны явиться для регистрации в 3-дневный срок. Не явившиеся будут рассматриваться как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по всем строгостям законов военного времени.

Пред. Крымревкома Бела Кун.
Управделами Яковлев».

После заполнения анкеты одних отправляли в тюрьму, других отпускали и обязывали повторно явиться через несколько дней.

Повторно прибывших в ЧК еще раз допрашивали. Если полученные ответы удовлетворяли дознавателей, человек получал на руки заверенную копию анкеты и отпускался на волю; других же отправляли в концлагеря или на расстрел.

Насчет общего числа расстрелянных цифры расходятся, но несомненно, что счет шел на десятки тысяч.

По свидетельству генерала Данилова, служившего в штабе советской 4-й армии, в период с ноября 1920 года по апрель 1921-го в Крыму было истреблено более восьмидесяти тысяч человек. Живший в то время в Алуште писатель И. С. Шмелев называл еще более страшную цифру — 120 тысяч. Поэт Максимилиан Волошин писал своему другу К. В. Кандаурову 15 июля 1922 года, что «за первую зиму было расстреляно 96 тысяч — на 800 тысяч всего населения...». Историк и публицист С. П. Мельгунов в работе «Красный террор в России 1918—1923 гг.» писал о 50, 120 и 150 тысячах расстрелянных, затрудняясь отдать предпочтение какой-либо из этих цифр. В материалах Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков утверждается, что казненных было 52—53 тысячи. Близкий к Врангелю генерал А. А. фон Лампе, напротив, называл довольно низкую цифру расстрелянных — 15 тысяч человек. Но он был лицом заинтересованным — стремился приуменьшить число жертв, поскольку чувствовал, что частично они и на совести Врангеля, не сумевшего вовремя эвакуировать этих людей. Отметим, что к этой цифре близка оценка, сделанная крымским историком В. П. Петровым, — 20 тысяч расстрелянных. Член Крымревкома Ю. П. Гавен сообщал, что по инициативе Б. Куна и Землячки расстреляли около семи тысяч человек, а из арестованных — более двадцати тысяч. По официальным советским данным в 1920—1921 годах в Симферополе было расстреляно около двадцати тысяч человек, в Севастополе — около двенадцати тысяч, в Феодосии — около восьми тысяч, в Керчи — около восьми тысяч, в Ялте — четыре-пять тысяч, всего до 52 тысяч человек.

В отчете, подписанном Р. Землячкой в начале декабря 1920 года, отмечалось: «Путем регистрации, облав и т. п. было произведено изъятие служивших в войсках Врангеля офицеров и солдат. Большое количество врангелевцев и буржуазии было расстреляно (напр., в Севастополе из задержанных при обыске 6000 человек отпущено 700, расстреляно 2000 человек), остальные находятся в концентрационных лагерях. Действия Особых отделов вызвали массу ходатайств со стороны местных коммунистов — благодаря связи их с мелкой буржуазией — за тех или иных арестованных. Областкомом было указано на недопустимость массовых ходатайств и предложено партийным бюро ни в коем случае не давать своей санкции подобным ходатайствам, а наоборот, оказать действительную помощь Особым отделам в их работе по окончательному искоренению контрреволюции».

Расстрелы продолжались вплоть до 1 мая 1921 года, потом волна террора пошла на убыль.

У красного террора в Крыму были свои «герои». По инициативе Куна и Землячки была создана Крымская ЧК во главе с секретарем Президиума ВЧК и Ф. Э. Дзержинского С. Ф. Реденсом.

С октября 1920-го по март 1921 года начальником отряда ВЧК по борьбе с бандитизмом в Крыму был 26-летний Иван Дмитриевич Папанин — будущий советский полярник, дважды Герой Советского Союза, доктор географических наук, контр-адмирал. А 27 ноября начальником ударной группы Особого отдела Южного фронта был назначен Е. Г. Евдокимов. Как и Папанин, он был в закрытом порядке удостоен ордена Боевого Красного Знамени за то, что «во время разгрома армии ген. Врангеля в Крыму... с экспедицией очистил Крымский полуостров от оставшихся там для подполья белых офицеров и контрразведчиков, изъяв до 30 губернаторов, 50 генералов, более 300 полковников, столько же контрразведчиков и в общем до 12 000 белого элемента, чем предупредил возможность появления в Крыму белых банд».

На представлении Евдокимова к ордену командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе оставил резолюцию: «Считаю деятельность т. Евдокимова заслуживающей поощрения. Ввиду особого характера этой деятельности проведение награждения в обычном порядке не совсем удобно».

По Крыму ходили слухи, что людей не только расстреливали, но и топили. Будто бы несколько месяцев на дне севастопольских бухт можно было видеть толпы утопленников, привязанных за ноги к большим камням. Якобы среди этих трупов был священник с крестом и в рясе и течение поднимало его руки, будто он произносил проповедь. Это конечно же легенда, аналогичная той, что возникла после большевистских расстрелов в Крыму в 1918 году, жертвой которых чуть было не стал Врангель.

Не только население, но и крымские коммунисты были возмущены массовыми расстрелами без суда и следствия. Здесь было определенное противоречие между присланными из центра и местными руководителями. Московские товарищи стремились побыстрее отчитаться количеством «нейтрализованных контрреволюционеров». Крымские же большевики должны были как-то ладить с местным населением, которое расстрелы не одобряло. Ведь жертвами становились не только пришлые беженцы и офицеры-добровольцы, но и коренные крымчане, многие из которых служили у Врангеля в военных и гражданских учреждениях.

Характеризуя состав погибших, официальный представитель Народного комиссариата по делам национальностей в Крыму М. Султан-Галиев писал: «...среди расстрелянных по-падало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым решением честно служить Советской власти. Особенно большую неразборчивость в этом отношении проявили чрезвычайные органы на местах. Почти нет семейства, где бы кто-нибудь не пострадал от этих расстрелов: у того расстрелян отец, у этого брат, у третьего сын и т. д. ...Такой бесшабашный и жестокий террор оставил неизгладимо тяжелую реакцию в сознании крымского населения. У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба». Таким образом, расстреливались не только офицеры и «буржуазия», но даже рабочие военных предприятий или портов.

Четырнадцатого декабря 1920 года член Крымревкома Ю. П. Гавен написал члену Политбюро РКП(б) Н. Н. Крестинскому о том, что Бела Кун, не имея тормозов, «превратился в гения массового террора». А. В. Ибраимов, возглавлявший чрезвычайную тройку по борьбе с бандитизмом, а в 1923 году ставший председателем Крымского Центрального исполнительного комитета, утверждал 22 августа 1921 года на пленуме Областкама РКП(б), что «вся тактика местной власти в Крыму опиралась на ЧК и Красную армию, чем окончательно терроризировалось рабочее и татарское население». А Ш. Н. Ибрагимов, председатель полномочной комиссии ЦК РКП(б) и ВЦИК, прибывшей для изучения ситуации в Крыму, заявил 16 июня 1921 года на пленуме областного комитета партии: «...В Крыму не всё идет нормальным путем... излишества красного террора, проводившегося слишком жестоко... необычайное обилие в Крыму чрезвычайных органов, которые действуют порознь, и от этого терпело население».

Даже глава Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) Ф. Э. Дзержинский в конце концов признал: «...совершена большая ошибка. Крым был основным гнездом белогвардейщины, и чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с абсолютно чрезвычайными полномочиями. Но мы никак не могли подумать, что они ТАК используют эти полномочия». На самом деле это был типичный прием: после того как дело сделано, перекладывать ответственность на исполнителей на местах, которые, дескать, переусердствовали в выполнении указаний Москвы, а высшее партийно-государственное руководство к этим эксцессам непричастно.

ГАЛЛИПОЛИЙСКОЕ СИДЕНИЕ

Эвакуация из Крыма потерпевшей поражение Русской армии была значительным успехом Врангеля. Теперь вывезенные из Крыма войска становились важным козырем в борьбе за влияние на эмигрантскую общественность. По словам Н. Н. Чебышева, ставшего помощником барона по гражданским делам, «политик Врангель сказывался в ясном понимании, что спасенная, им вывезенная из России часть русского народа в лице армии, доказавшей свою жертвенность в борьбе с 1918 года, культурные силы, ушедшие за границу вместе с нею, учреждения церкви, воспитания, призрения, молодежь, дети, представители науки, литературы и искусства и т. д. — это тот свободный кусок русской земли, который необходимо сберечь от распыления для будущего».

Прежде всего, в Константинополе надо было хоть как-то обустроить солдат и беженцев. Англо-французские власти, контролировавшие их размещение, определили его местом Галлиполийский полуостров, где в 1915 году десант Антанты вел тяжелые бои с турками. В армии сохранялись военные порядки. Семьи военнослужащих, а также гражданские беженцы, работавшие в армейских или правительственных учреждениях, получали пайки.

Жизнь в лагерях была довольно тяжелой. Те беженцы, у которых были какие-то средства или их ранее эмигрировавшие родные и близкие имели жилье, предпочитали размещаться в самом Константинополе. Эмигранты-старожилы стремились помочь новоприбывшим в турецкую столицу. 19 ноября Н. Н. Чебышев записал в дневнике о прибытии кораблей с основной массой беженцев:

«Графиня М. И. Мусина-Пушкина, княгиня Урусова и барышни, дочери той и другой, отправились на американском катере в объезд “беженской” эскадры, которая стоит в Мраморном море между Модой и Принцевыми островами. Я сопровождаю дам. Цель поездки — отвезти на пароходы всякое вспомогательное продовольствие. Катер завален хлебами, банками сгущенного молока, табаком, шоколадом в больших пакетах. С нами какие-то англичане, почему-то в совершенстве говорящие по-русски и тянущие водку из бутылок вместе с американскими матросами.

Пасмурный день. Издали видно большое количество судов, пришедших из России. Палубы усеяны народом. “Саратов” стоит с некоторым креном.

Развозим провиант. Я собираю сведения о женщинах и детях по поручению графини Е. М. Гейден. Всюду на пароходах

знакомые. Спускают веревки, пустые банки, из иллюминаторов тянутся руки. Вы не видите скрытого тентом лица, видите только растопыренные пальцы. Всовываете в них хлеб, банку молока, коробку папирос. Пальцы, как спрут, сжимаются, исчезая с “добычѣй”...

Смеркалось. Продолжали объезд эскадры. Самое болезненное впечатление производит “Рион” (где находится Н. Н. Львов). “Рион” стоял высокой черной тюрьмой. Вместо трапа болталась веревочная лестница. Послали на веревках наверх разную мелочь. Я говорил (кричал) с Н. Н. Львовым и другими знакомыми. Все они были возбужденные.

Совсем стемнело. С “Саратова” сняли офицера, жениха одной барышни. Графиня М. И. Мусина-Пушкина с “Петра Эгира” вывозила раненого сына и осталась на “Петре Эгире”. Снять ей сына удалось только в 4 часа утра. Прибыли к Галатскому мосту в 9 часов вечера.

Во время этого объезда бухты Чебышев увиделся и с главнокомандующим:

«Подъезжали к “Корнилову”, где Врангель. С парохода съехал епископ Вениамин с отцом Георгием Спасским.

Поднялся один на “Корнилов”. Врангеля видел недолго, потому что боялся, что уйдет катер. Врангель сидел в большой кают-компании за длинным широким столом, на котором были разложены карандаши и бумага, как для заседания. На мой единственный вопрос Врангель ответил:

— Дела не брошу, буду бороться до конца. Армия не распадется, — это национальная Россия; около армии все могли бы объединиться — вот в нескольких словах мой план.

На лице Врангеля серый оттенок, в глазах — лихорадочный блеск».

Барон теперь ощущал себя не только военным, но и политиком. По его убеждению, армия должна была сохраниться в изгнании, чтобы стать центром консолидации всех здоровых сил русской эмиграции, а в перспективе — и самой России. Похоже, Петр Николаевич искренне верил, что не за горами то время, когда русский народ образумится и восстанет против большевиков. Вот тогда и пригодятся галлиполийцы, чтобы высадиться десантом где-нибудь на юге России.

В интервью, данном представителям русской и иностранной прессы 19 ноября 1920 года, Врангель заявил:

«Я буду находиться при войсках и продолжать жить на крейсере, пока войска продолжают оставаться на судах. Правительство, значительно сокращенное, будет ведать вопросы, вытекающие из создавшегося положения. Все заграничные представительства остаются на местах.

Я глубоко убежден, что армии нашей в самом недалеком

будущем придется снова сыграть громадную роль в борьбе с большевизмом, который, не довольствуясь успехами, достигнутыми на юге России, будет стремиться к осуществлению основной своей задачи — зажечь мировой пожар».

Между тем оснований для подобного рода планов было еще меньше, чем в Крыму. Там, по крайней мере, была хотя бы теоретическая возможность создать «опытную ферму», привлекательную для остальной России. Галлиполийские лагеря, где люди существовали почти на грани выживания, на скудные пайки, отпускаемые французским интендантством, в качестве «опытной фермы» никак не годились. Русская эмиграция была расколота, причем в ее либеральных и демократических кругах существовала сильная оппозиция Врангелю. Не было единства даже среди монархистов, которые разделились на приверженцев великих князей — Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. Врангель поддерживал «николаевцев», но стремился к тому, чтобы объединить сторонников обоих членов императорской фамилии. Что же касается иностранной интервенции, то ее не удалось добиться даже тогда, когда белые армии контролировали обширные российские территории, а теперь надежды на нее стали совсем призрачными.

Но Врангель привык командовать офицерами и солдатами. Он не мыслил себя вне армии. Чтобы было кем командовать, он сохранял армию и убеждал себя и других в том, что рано или поздно она будет востребована русским народом.

В эмиграции Врангель жил скромно, наравне с подчиненными снося тяготы полунищенского быта. 20 ноября 1920 года журналист Чебышев отметил в дневнике: «Врангель сегодня, говорят, нездоров. На “Корнилове” плохая еда. Там питаются не лучше, чем на обыкновенных “беженских” транспортах».

Через три дня Н. Н. Чебышев обедал и разговаривал с Врангелем на корабле. После этой встречи он сделал дневниковую запись:

«На “Корнилове” масса офицеров, как несколько дней тому назад. Врангелю нездоровится. Перед обедом говорили о печати. Денег нет.

...Разговор о судьбе армии. Армию рассредоточат в Галлиполи, Чаталдже и на Лемносе... К концу обеда приехал английский адмирал. После обеда я имел получасовую беседу с Врангелем в его каюте. Маленькая каюта, убранство которой мало напоминает комфорт кают английских судов. Крашенный белый шкаф, койка, на столе икона. Лежит французская книга “Европейский хаос”. На стене висит платье, на полу потерянный желтый чемодан. На столе разложен туалетный несессер.

Я спросил Врангеля, сохраняет ли он звание “правителя”. Он ответил:

— Оно отпадает само собой. Был правитель Юга России. Нет Юга России как общерусской территории, неподвластной большевикам, стало быть, нет и правителя.

После довольно длинного разговора о конце Крыма Врангель немного помолчал и сказал:

— Теперь наступает минута, когда придется некоторое время, быть может, довольно продолжительное, действовать не оружием, а словом, — в дело должна вступить печать.

Он просил меня переговорить по этому поводу с Вернадским и адмиралом Б. (вероятно, имеется в виду контр-адмирал А. Д. Бубнов. — Б. С.).

Я не понял, при чем тут Б., но говорил с ним. Он пришел ко мне в каюту Врангеля. Б. в разговоре высказал недоумение по поводу того, как осведомляется относительно наших дел общественное мнение.

— Помилуйте, — сказал Б., — я в четверг выехал из Софии. Там знали только то, что было о крымской эвакуации в большевистских газетах. А в них говорилось, что Врангель, захватив казенные деньги, бежал из Севастополя!

Так заносились в сознание европейского общественного мнения первые слова трагедии».

Чебышев постепенно стал одним из главных советников Врангеля. Сам барон так объяснил это Николаю Николаевичу: «Струве нет, Кривошеин уезжает в Париж. Мне нужны часто советы по общеполитическим вопросам. Со стороны виднее. Продолжайте, пожалуйста, в свободное время приезжать, когда найдете нужным, лучше всего вечером, для чего я буду в указанное время присылать за вами катер...»

По мнению Чебышева, Врангель переживал тяжелое время: «...надо было втиснуть живую вооруженную силу, армию, в необычные условия заграничного “прозябания” на беженском положении и в то же время видоизменить условия так, чтобы армия сохранилась преимущественно как военная организация. Совещания проходили нервно, бурно.

Врангеля союзное командование не пускало на берег. В крайнем случае, разрешало съехать куда-то далеко и гулять в штатском платье. Врангель отмахивался от таких “льгот”.

— Они хотят, чтобы я разгуливал на берегу каким-то “Рокамболом”*. В этой каюте я бегаю как зверь в клетке в полном сознании бессилия что-нибудь сделать».

* Рокамболь — герой романов французского писателя Пьера Алексиса дю Террайля-Понсона, преступник, глава шайки «червонных вальтов». Первая книга 22-томного цикла вышла в 1858 году. «Похождения Рокамболя» являются классикой жанра авантюрного романа с тайнами, интригами, накалом страстей, похищениями, дуэлями, роковой любовью. (Прим. ред.)

Чебышев, почти через день ездивший в то время к Врангелю, вспоминал:

«Он переехал уже на “Лукулл” (яхту. — Б. С.). Однажды я застал его в возбужденном состоянии. Он шагал по каюте и, вооружившись жестяной коробкой, бил тараканов, бегавших по облицовке красного дерева. Врангель выразил удовольствие, что живет теперь среди темных стен. Среди них он отдыхал от белесоватой внутренней окраски “Корнилова”.

— Я — как пленник. Не могу съехать на берег. Хотел осмотреть лазареты. Нельзя. Всё под предлогом моей безопасности. А в действительности просто боятся, что я могу войти с кем-нибудь в связь. Хотел на Галлиполи и Лемнос ехать на “Лукулле”. Нельзя. Везут на броненосце “Прованс”, куда я не могу взять кого хочу. Я с ними резок, ругаюсь, а они меня обезоруживают, соглашаясь со мной. Возмущаются своим правительством, но указывают на то, что они солдаты и обязаны подчиняться приказаниям.

Врангель прочел мне письма, полученные от Струве и Кривошеина. Оба умоляют его не слагать власти. Кривошеин пишет, что Фош стоит за сохранение нашей армии как единственной вооруженной силы, посвятившей себя борьбе с большевиками».

В конце декабря 1920 года Чебышев по предложению Врангеля стал начальником бюро русской печати в Константинополе.

После эвакуации остатки Русской армии дислоцировались следующим образом: 1-й армейский корпус А. П. Кутепова, произведенного 20 ноября 1920 года «за боевые отличия» в генералы от инфантерии, разбил лагерь на Галлиполийском полуострове, недалеко от города Галлиполи. Донской корпус Ф. Ф. Абрамова был размещен в нескольких лагерях в окрестностях Константинополя (самые большие — в Чаталдже и Чилингире). Кубанские части были сведены в Кубанский корпус М. А. Фостикова, отправленный на остров Лемнос. В лагерях в Галлиполи, в Чаталдже и в Чилингире были подготовлены казармы, плац, устроены кухня, учебные классы в виде рядов камней на земле (занятия приходилось проводить на открытом воздухе), гимнастические снаряды.

В 1-й армейский корпус были сведены пехотные, стрелковые, кавалерийские, артиллерийские и инженерные части, сформированные во время Гражданской войны, и остатки бывших полков, включая гвардейские, российской императорской армии, а также юнкерские училища и офицерские школы. Корпус Кутепова состоял в основном из кадровых офицеров и офицеров военного времени. Высокий процент офицерства, наличие «цветных» добровольческих частей

(корниловцев, марковцев, дроздовцев и алексеевцев) и кадров бывшей императорской армии делали корпус Кутепова самым боеспособным и сплоченным в Русской армии. Дезертиров и возвратившихся в Советскую Россию из него было значительно меньше, чем среди донцов и кубанцев.

Дисциплина поддерживалась порой суровыми мерами. Так, в корпусе Кутепова 178 человек были осуждены военно-полевым судом и столько же — корпусным судом. 12 мая был расстрелян старший унтер-офицер 1-го кавалерийского полка Борис Копп, обвиненный в том, что вел «агитацию среди воинских чинов своего полка, направленную на разложение армии, убеждал уходить из армии».

Армия Врангеля отказалась сдать стрелковое оружие (винтовки и пулеметы), а англо-французская администрация не стала принуждать ее силой. Кутепов отдал приказ собрать всё оружие и хранить его под караулом, а в каждой дивизии сформировать батальон из шестисот человек, вооруженных винтовками, с пулеметной командой в 60 пулеметов.

В первые месяцы 1921 года численность 1-го армейского корпуса составляла около шестнадцати тысяч человек, но в списках показывалось 30—32 тысячи. В Донском корпусе числилось более четырнадцати тысяч военнослужащих, а в Кубанском корпусе — около шестнадцати тысяч. Количество кубанцев и донцов в официальных списках также завышалось примерно вдвое, чтобы получать больше продовольствия от французского интендантства. Французы закрывали на это глаза. Армия Врангеля содержалась за счет денежных средств Франции, выдаваемых под залог судов и другого имущества. По заготовочным ценам французского интендантства общая стоимость содержания 1-го корпуса в Галлиполи обходилась французам в 1 миллион 700 тысяч в месяц, примерно столько же тратилось на Донской и Кубанский корпуса (с учетом завышения реальной численности вдвое). Стоимость же судов и вывезенного из Крыма сырья и другого ценного имущества составляла около 30 миллионов франков.

За зиму 1920/21 года командованию удалось путем отсева разочаровавшихся в Белом движении, суровых мер и организации регулярных занятий восстановить дисциплину и боеспособность частей.

Условия жизни на Лемносе были значительно тяжелее, чем в Галлиполи. Казаки размещались в палатках. Завтрак состоял из ложки консервов и четверти фунта хлеба.

В холоде, при нехватке питания и медикаментов бичом лагерной жизни стали эпидемии. В декабре 1920 года в лагерях было зарегистрировано 363 случая заболевания брюшным ти-

фом; 188 — сыпным тифом, 677 — гриппом, 25 — оспой. Для борьбы с ними во всех лагерях были размещены санитарные учреждения, служащие которых делали прививки против оспы и тифа. В Чаталдже, где была вспышка холеры, сделали прививку и против нее. Со временем во всех лагерях были организованы бани и дезинфекционные камеры. Все эти меры позволили до наступления весны остановить распространение эпидемий.

По приказу французского командования 8 декабря 1920 года русская эскадра покинула Константинополь и 22—23 декабря пришла в Бизерту (Тунис), где располагалась крупная военно-морская база Франции. Таким образом, у Врангеля исчезла даже теоретическая возможность организовать десант в Россию. Тем не менее советская разведка в 1921—1922 годах не раз сообщала, будто Врангель планирует высадить свою армию с помощью флота то в Крыму, то на Кавказе. Правда, в Кремле вряд ли верили в эти фантазии.

Среди русских военных и беженцев в Константинополе возникали довольно экзотические развлечения. Н. Н. Чебышев пишет в мемуарах, что вначале появилось увлечение лото:

«Русские завезли в Константинополь и свое поветрие — лотошные клубы. Лото проникло всюду, даже туда, где держалась турецкая самобытность, и в угрюмый, чинный Стамбул. Появилось свыше 400 таких лотошных клубов. В среднем в день играло до 12 тысяч человек. В совокупности содержатели лото выручали до 17 тысяч лир в день. Лото казалось единственным в своем роде предприятием — оно не могло дать убытка. Прогоревшие рестораторы бросались на лото. Но это оказывалось иногда иллюзией. Русские лотошники прогорали и на лото — слишком дорого стоило ладить с полицией».

Вскоре появился новый аттракцион, который теперь известен всему миру благодаря пьесе Михаила Булгакова «Бег». Чебышев рассказывал:

«На лото междусоюзная власть пошла, в конце концов, с гонениями. Тогда два русских беженца решили использовать местных тараканов: были открыты тараканьи бега. Тараканы бегут, запряженные в тележки, бегут, испуганные электрическим светом. На номера, то есть на тараканов, ставят, как на лошадей.

Англичанин, к которому пришли за разрешением, мгновенно, как спортсмен, проникся целесообразностью идеи:

— Вот это именно то, что было нужно!.. Вот этого у нас, действительно, не хватало.

Он не шутил, говорил совершенно серьезно.

Я как-то зашел взглянуть на тараканьи бега. Ростовское

скаковое общество, вывезшее в Константинополь своих лошадей, прогорело из-за дороговизны кормов. Тараканов прокормить дешевле, и они сразу завладели симпатиями публики.

Огромная зала с колоссальным столом посередине. Стол заменяет ипподром. Это кафародром. На нем устроены желобки, по желобкам бегут тараканы, запряженные в проводочные колясочки. Вокруг жадная любопытствующая толпа с блестящими глазами. Самые настоящие, черные тараканы, но изумительно крупной величины.

— В банях собираем, — объясняют владельцы.

У некоторых свои “конюшни”, тараканов приносят в коробках.

Выдачи тотализатора доходили до ста лир (тысячи франков).

1 мая закрыли лото, около которого кормились несколько тысяч русских (в качестве служащих), а через два-три дня открыли тараканьи бега».

Неизвестно, знал ли Врангель о «тараканьих бегах». Возможно, Чебышев всё же не рассказал главнокомандующему об этой экзотике, щадя его чувства.

Влияние главнокомандующего на армию постепенно падало, особенно в казачьих частях. Уже 19 ноября на Лемносе собрались все наличные члены Кубанской рады, и кубанским атаманом был избран генерал В. Г. Науменко, находившийся в то время в Сербии. 20 ноября он записал в дневнике: «Сегодня получил из Константинополя телеграмму Скобцова об избрании меня в атаманы. Придется согласиться, так как в такое тяжелое время отказаться нельзя. Кубанцы совсем в загоне». 27 декабря 1920 года в Константинополе Науменко встретился с Врангелем. Он заявил о том, что своей главной задачей считает переезд казаков в Сербию и Болгарию и организацию Кубанского войска вне России. Врангель на выборах кубанского атамана поддерживал кандидатуру Фостикова, но потерпел неудачу. Впоследствии Науменко отстранил Фостикова от командования Кубанской дивизией в Сербии. По инициативе Науменко был создан Союз трех казачьих войск — Дона, Кубани и Терека. Войсковые атаманы и представители казачьих правительств 1 января 1921 года в Константинополе подписали соглашение и выработали декларацию, согласно которой будущая Россия мыслилась как демократическая республика, которую утвердит Российское учредительное собрание.

В январе 1921 года Врангель и Науменко встречались десять раз. Барон предлагал либо рассеять казаков по Европе, либо переселить в Грузию, либо перебросить казачьи части на Кавказ и далее в родные станицы, где они должны были организовать восстания. Все эти прожекты Науменко отверг.

Врангель требовал внести в декларацию об объединении Дона, Кубани и Терека упоминание о руководящей роли главнокомандующего или, наоборот, о ликвидации Севастопольских соглашений июля 1920 года, регламентирующих статус казачьих формирований в Крыму. В качестве альтернативы казачьему объединению Петр Николаевич предложил создать Русский совет. Науменко охарактеризовал Врангеля в дневнике: «Будучи талантливым командующим, он удивительно легкомыслен в остальном». Атаман припомнил, что еще в Крыму слышал от Врангеля выражение недоверия к казачеству — тот заявил на одном из совещаний по поводу неудачи десанта Улагая на Кубани в августе 1920 года: «Это к лучшему, после этой неудачи казаки должны понять, что одни они ничего не могут сделать. Следующий десант он подготовит иначе и побольше частей не казачьих».

По инициативе Науменко в 1921 году более двенадцати тысяч кубанцев были перевезены с Лемноса в Югославию, а оттуда расселились по многим странам. Фактически они оказались вне контроля Врангеля.

В марте 1921 года в России произошло Кронштадтское восстание, породившее среди галлиполийцев надежду на скорый крах большевиков. Н. Н. Чебышев вспоминал: «Нас, конечно, интересовал вопрос, под каким политическим флагом поднято восстание в Кронштадте. Вопрос этот интересовал, однако, лишь нас, штатских политиков. Русские же белые офицеры откликнулись на события совершенно иначе. Их совсем не интересовали “платформы”, “флаг”, “программа”, им было всё равно, кто подымал восстание, хотя бы эсэры: офицеры хотели ехать им помочь, драться вместе с “кронштадтцами”, кто бы они ни были и что бы ни исповедовали. Ко мне группами в бюро приходила военная молодежь, прося помочь добраться до Кронштадта. Молодежь обнаруживала чуткий политический инстинкт, легший в основу всей Белой борьбы, которая велась не за определенный политический режим, а за физическое спасение России. Надо было тело России спасти от смерти».

Однако восстание было жестоко подавлено войсками под командованием М. Н. Тухачевского. Затем та же участь постигла выступления на Тамбовщине и в других губерниях. Введение нэпа, отмена продразверстки уменьшили недовольство крестьян большевистской властью и выбили почву у массового антисоветского движения. Надежды на то, что галлиполийцам удастся с боями вернуться на родину, таяли с каждым месяцем. Тем не менее авторитет Врангеля среди константинопольских эмигрантов оставался высоким. Н. Н. Че-

бышев вспоминал: «Врангель в Константинополе царил. Царил морально. Он пользовался престижем на верхах, популярностью в массах, и русских, и туземных. Супруги Врангели были нарасхват — ни одна вечеринка, ни один обед, устраиваемые в кругах верховных комиссаров, на судах межсоюзной эскадры, не обходились без П. Н. и О. М. Врангель... Среди беженцев Врангель пользовался популярностью, которая передавалась иностранцам и местному населению. На улице его встречали радостные улыбки. В общественных местах, в садах оркестры, видя его, подымались с мест и играли Преображенский марш. Публика, в том числе иностранные офицеры, принимали участие в овациях. К О. М. Врангель в Галлиполи являлась депутация местной армянской колонии с просьбой освободить армян от греческой воинской повинности».

Чебышев объясняет причину притягательности личности барона: «У Врангеля было редкое соединение: он импонировал и в то же время привлекал к себе сердца. И в сношениях с людьми не упускал никогда русского интереса, во время беседы ли с американским адмиралом, или с маленьким беженцем, явившимся к нему с просьбой. Под теплой оболочкой личного обаяния он хранил холодный расчет государственного человека, соотносящего свои поступки с будущим вверенных ему судьбой масс и далекой страны, к которой стремились его помыслы».

Барон смог подняться над собственной сословной принадлежностью и политической приверженностью, стремясь консолидировать все эмигрантские силы. Чебышев пишет:

«Он понял, что необходим политический центр, орган, представляющий зарубежную Россию, учреждение, где были бы представлены все течения. И он создал “Русский совет”, где были налицо представители всех партий, где рядом с плехановцем сидел монархист. Мы торжественно в “холле” российского посольства открывали “Русский совет”. На открытии присутствовали иностранные корреспонденты. Произнесены были звучавшие молодостью речи.

Врангель говорил:

— Деятельность совета должна протекать вне обособленных домогательств партийных образований. Они давно обратились в пережитки, утратившие смысл прежнего своего предназначения. Но даже эти партии, как бы цепко они ни держались прошлых своих заданий и тактических приемов, свободно могли бы идти теперь сомкнутым строем к осуществлению бесспорных и очевидных задач текущего времени. Подобное слияние усилий могло бы последовать, конечно, при условии, если бы в сердцах отдельных деятелей образ

страдалицы-родины заслонила угасающую жизнь отживших свой век политических сочетаний.

Врангель не только посадил рядом в одном зале политических противников — он заставил их совместно плодотворно работать. Он не ограничил совет горсточкой оказавшихся под рукой “нотаблей”*. Он задумал нечто большее: им было выработано положение о выборах в совет от эмиграции. Он добился того, что был создан аппарат, в одно и то же время независимый и работоспособный, и не мешавший его, Врангеля, действиям как главнокомандующего».

Русский совет был сформирован в Константинополе в марте 1921 года как «преемственный носитель законной власти», а фактически — как русское правительство в изгнании, пытавшееся распространить свою власть на всю русскую эмиграцию. Наряду с генералами А. П. Кутеповым, П. Н. Шатиловым и П. А. Кусонским в него вошли граф В. В. Мусин-Пушкин, Н. Н. Львов, председатель Союза торговли и промышленности Н. А. Ростовцев, член Центрального комитета Конституционно-демократической партии (кадетов) князь П. Д. Долгоруков, бывший меньшевик Г. А. Алексинский. Однако за пределы русской общины Константинополя, включая галлиполийские лагеря, власть Русского совета не распространялась. Он не был признан ни правительствами Дона, Кубани и Терека, ни русскими эмигрантскими общинами в Европе, ни европейскими правительствами. После переезда в Сербию Русский совет прекратил свое существование в сентябре 1922 года.

Врангель жил на яхте «Лукулл» до того момента, как она затонула после столкновения с итальянским пароходом. (Подозревали, что это был не случайный инцидент, а покушение на Врангеля.) Н. Н. Чебышев вспоминал о последней встрече с Врангелем на борту его плавучего пристанища:

«14 октября 1921 года накануне отъезда в Софию я отправился на “Лукулл” проститься с Врангелем. “Лукулл”, на котором жил Врангель, стоял в это время между Топ-Хане и Дольме-Бахче вблизи турецкого парламента, на бочках, к которым когда-то был прикреплен наш стационар**. Переведен “Лукулл” был сюда с более отдаленного пункта, середины Босфора, так как Врангелю приходилось пешком ходить в посольст-

* *Нотабли* (от *лат.* *notabilis* — значительный) — члены совещательного собрания, созывавшегося в XIV—XVIII веках во Франции королем для обсуждения государственных вопросов. Назначались королем из представителей трех сословий: высшего дворянства, духовенства, городской верхушки. (*Прим. ред.*)

** *Стационар* — в данном случае судно, постоянно находящееся на стоянке в иностранном порту. (*Прим. ред.*)

во. Раньше это составляло версты четыре, автомобиль же и оба катера были испорчены, и на починку денег не было. Врангель всегда стеснялся что-нибудь тратить на личные надобности...

Врангель оставил меня завтракать. Как всегда, завтракали несколько человек.

Прощаясь со мной, он сказал:

— Передайте в Софии Шатилову, что нельзя больше тянуть с перевозкой последних войск. Они нервничают. Вся теплая одежда отправлена в Болгарию и Сербию, войска ходят в гимнастерках.

Когда моя шлюпка отваливала от яхты, Врангель стоял у борта и улыбался. Он что-то крикнул, но я не расслышал.

“Лукулл”, выделявшийся своими изящными очертаниями, казался барской игрушкой. Он слегка покачивался на синей зыби Босфора. В прежнее время “Лукулл” был яхтой российского посла в Константинополе и носил название “Колхида”. Потом он... стал яхтой командующего Черноморским флотом, а в константинопольское время сделался штаб-квартирой генерала Врангеля. С докладами мы ездили на “Лукулл”. Некоторые наши совещания происходили на нем же. На “Лукулле” Врангель переживал и вынашивал трагедию своей армии, размещенной в Галлиполи, Лемносе.

Отсюда он вел борьбу, изо дня в день отстаивая искусно и упорно перед союзным командованием целостность военной организации.

“Лукулл” стоял совсем близко от берега. Высадившись из шлюпки на пристань и взглянув последний раз на него, я, конечно, не подозревал, что ему осталось жить последние сутки.

Пятнадцатого октября 1921 года около набережной Галаты яхту протаранил итальянский пароход «Адрия», шедший из советского Батума, и она мгновенно затонула, унеся жизни трех членов экипажа. Врангеля и членов его семьи на борту в этот момент не было. Странные обстоятельства гибели «Лукулла» вызывали у многих современников подозрения в организации преднамеренного столкновения.

Когда через два дня Чебышев в Софии показал телеграмму о гибели яхты Шатилову, тот заметил: «Бедный главком, всё то немногое, что было у него, хранилось на “Лукулле”».

Чебышев описал обстоятельства гибели плавучей штаб-квартиры Врангеля, основываясь на воспоминаниях очевидцев:

«“Лукулл” был протаранен 15 октября около 5 часов дня шедшим из Батума итальянским пароходом “Адриа”. Генерал Врангель и командир яхты находились на берегу, съехав с яхты примерно за час до ее гибели. Спокойное поведение всех чинов яхты и конвоя главнокомандующего дало возможность

погрузить на шлюпки и спасти в первую голову семьи чинов яхты и команду. Все офицеры и часть матросов до момента погружения оставались на палубе и, лишь видя непреодолимую гибель яхты, бросились за борт и были подобраны подоспевшими катерами и лодочниками.

Дежурный офицер мичман Сапунов пошел ко дну вместе с кораблем. Кроме мичмана Сапунова, погиб также корабельный повар Краса. Позже выяснилось, что погиб еще третий человек — матрос Ефим Аршинов, уволенный в отпуск, но не успевший съехать на берег».

Чебышев привел несколько фактов, свидетельствующих в пользу утверждения о преднамеренном потоплении яхты с целью покушения на Врангеля:

«“Лукулл” стоял у европейского берега Босфора, почти около самого берега. Для того чтобы яхту протаранить, пароходу надо было перпендикулярно повернуть к берегу, свернув в сторону от своего курса. В день катастрофы прибывший из Батума океанский пароход итальянского пароходства “Адриа”... возвращался после союзного контроля к набережной Галаты. “Адриа” врезалась в правый борт яхты и буквально разрезала ее пополам. От страшного удара маленькая яхта стала тотчас же погружаться в воду и в течение двух минут затонула.

Удар пришелся как раз в среднюю часть яхты — нос “Адрии” прошел через кабинет и спальню генерала Врангеля...

Когда “Адриа” подошла к “Лукуллу” до 3-х кабельтовых (300 морских саженей), казалось, что она свободно разойдется с “Лукуллом”, оставив его с правого борта, но “Адриа”, изменив курс, шла прямо на “Лукулл”...

Сблизившись с “Лукуллом” на полтора кабельтовых (150 морских сажен), “Адриа” отдала один якорь, затем застопорила машину и дала задний ход. Но было уже поздно — по инерции корабль шел прямо на “Лукулл”. На расстоянии менее одного кабельтова (100 морских сажен) “Адриа” отдала второй якорь, но это было уже бесполезно.

“Адриа” ударила “Лукулл” в борт под прямым углом и, разрезав борт “Лукулла” на протяжении более трех футов, отошла задним ходом. Никаких мер для спасения людей “Адриа” не приняла: ни одна шлюпка не была спущена, не были поданы концы и круги».

А вот рассказ очевидца, подьесаула Кобиева, находившегося на яхте главнокомандующего в момент крушения:

«15 октября, около 4 часов 30 минут дня, я поднялся из своей каюты и вышел на верхнюю палубу. Встретившись там с дежурным офицером, мичманом Сапуновым, мы начали гулять. Через некоторое время мы обратили внимание на шедший от

Леандровой башни большой пароход под итальянским флагом. Повернув от Леандровой башни, он стал пересекать Босфор, взяв направление на “Лукулл”. Мы продолжали следить за этим пароходом. Пароход с большой скоростью, необычайной для маневрирующих или входящих в Золотой Рог судов, приближался к “Лукуллу”. Заметно направление пароход не менял, и было ясно видно, что, если он не изменит направления, “Лукулл” должен прийти на его пути. Когда пароход был прямо на носу итальянского дредноута “Дуильо”, я, видя, что итальянский пароход не уменьшает скорости и не изменяет направления, спросил мичмана Сапунова, не испортилась ли у него рулевая тяга, так как при той скорости и громадной инерции, какие он имел, он не успеет свернуть в сторону, даже если положить руль круто на бок. Сапунов ответил, что, действительно, что-то ненормально. Но тогда пароход не шел бы с такой скоростью и уверенностью, давал бы тревожные гудки и так или иначе извещал бы о своем несчастье и опасности от этого для других. Тем не менее пароход, не уменьшая хода, двигался на яхту, как будто ее не было на его пути... Шагов примерно за 300 от яхты мы увидели, как из правого шлюза отдали якорь. Тут нам стало ясно, что удара нам в бок не миновать, так как при скорости, с которой шел пароход, было очевидно, что на таком расстоянии якорь не успеет и не сможет забрать грунт и удержать пароход, обладающий колоссальной инерцией. Мичман Сапунов крикнул, чтобы давали кранцы, и побежал на бак вызывать команду. Я кинулся к кормовому кубрику, где помещались мои казаки, и закричал, чтобы они по тревоге выбегали наверх. В этот момент я услышал, как отдался второй якорь, и пароход, приблизившись так, что уже с палубы “Лукулла” нельзя было видеть, что делается на носу парохода, продолжал неуклонно надвигаться на левый борт яхты. Секунд через 10 он подошел вплотную, раздался сильный треск, и во все стороны брызнули щепки и обломки от поломанного фальшборта, привального бруса и верхней палубы».

И всё же версия о преднамеренном покушении не кажется реальной. Во-первых, нельзя было предвидеть, когда именно Врангель будет на яхте. Во-вторых, невозможно было столь прицельно протаранить «Лукулл», чтобы нанести удар точно по каюте главнокомандующего. В-третьих, для того чтобы умышленно таранить яхту, необходимы были согласованные действия ряда членов команды «Адрии», включая ее капитана. Трудно представить, чтобы ЧК в короткий срок смогла бы завербовать столь большое число итальянских моряков, с риском огласки. К тому же капитану пришлось отвечать перед судовладельцем за катастрофу со всеми ее последствиями: вроде срыва рейса, вы-

плат компенсаций пострадавшим и т. п. Если бы чекисты действительно хотели убить Врангеля, то проще было бы не разрабатывать сложную и очень ненадежную операцию с тараном яхты, а завербовать одного или нескольких офицеров в Константинополе, которые под каким-нибудь предлогом попали бы на «Лукулл» или подстерегли Врангеля в городе. Ведь несколько тысяч галлиполийцев возвратились в Советскую Россию, и не так уж сложно было бы найти среди них подходящих агентов.

Занимаясь главным образом политическими и финансовыми делами, Врангель всё меньше внимания уделял военным вопросам; во многом передоверив их Кутепову. В составе армии лишь Добровольческий корпус остался верен барону, а казацкие атаманы фактически вышли из его подчинения.

В конце 1921 года Врангелю удалось организовать переезд своих войск в Болгарию и в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года — Королевство Югославия). Там они получили виды на жительство, но оставались на полуказарменном положении и сохранили значительную часть оружия. 1-я кавалерийская дивизия численностью 3300 человек в полном составе поступила на службу в югославскую пограничную стражу. Около семи тысяч бывших военнослужащих Русской армии предпочли уехать в Советскую Россию. В сентябре 1921 года прекратил свою деятельность Русский совет.

Врангель со штабом переехал из Константинополя в Королевство сербов, хорватов и словенцев в марте 1922 года, выбрав местом своего жительства городок Сремские Карловцы, в 50 километрах от Белграда. Там произошло воссоединение семьи — к сыну из Германии приехали Мария Дмитриевна и Николай Егорович. В то время у Петра Николаевича и Ольги Михайловны родился четвертый ребенок, сын Алексей.

Барон понял, что бывшие союзники России не предоставят помощи последним ее воинам, и заявил: «Я ушел из Крыма с твердой надеждой, что мы не вынуждены будем протягивать руку за подаванием, а получим помощь от Франции как должное, за кровь, пролитую в войне, за нашу стойкость и верность общему делу спасения Европы. Правительство Франции, однако, приняло другое решение. Я не могу не считаться с этим и принимаю все меры, чтобы перевести наши войска в славянские земли, где они встретят братский прием». Постепенное прекращение французских субсидий послужило главной причиной переброски Русской армии из окрестностей Константинополя. Последний русский солдат покинул Галлиполи 5 мая 1923 года. И в этот же день Врангель объявил о своем подчинении великому князю Николаю Николаевичу.

Генерал-майор Николай Всеволодович Шинкаренко (он

же — поэт и писатель Николай Белогорский) написал стихотворение, обращенное к Врангелю в Галлиполи:

Генералу Врангелю

Два штандарта в вашем тесном кабинете,
В сонных складках шелка память славных дат.
Помните ли жест на конном стилизованном портрете?
Вам теперь осталась лишь любовь израненных солдат.

Вы ходить любили быстрыми шагами, —
Но теперь так много заповедных черт.
Палубу тюрьмы так много раз измерили вы сами:
Ваш «Корнилов» был куда просторней; он ушел в Бизерт.

Помните ли ночь с кострами над Червленной?
Божьи звезды в небе с звездами ракет?
Площадь и собор? Привет Царицынской толпы влюбленной?
В дни побед вы были всё такой же, как теперь, — аскет.

Помните дни мая, выход наш из Крыма?
Как за поездом бежали казаки?
А теперь мечта Архистратига скрылась в клубах дыма.
За чужой неласковой оградой Русские полки.

Ваши казаки под стражей сенегальцев,
И корниловцы в тоскливых лагерях.
Но с тех пор, как ваша армия — лишь армия скитальцев,
Даже Русский ветер скован и не смеет дуть в степях.

И в тот скорбный миг, когда вас победили,
Вашей родины окрепли кандалы;
И свобода умерла в тот час, когда морские мили
Начали считать вы, глядя на соленые валы.

Как я жду, чтоб ваша армия воскресла!
Конница пойдет, удилами звеня;
Вы оставите каюту и привинченные кресла, —
В поле так весенне, — сядете вы снова на коня...

А пока штандарты в вашем кабинете.
Спит и не проснулась память славных дат.
И живет лишь жест на конном стилизованном портрете...
Вам осталась лишь любовь израненных солдат.

Сесть на коня Врангелю больше не довелось.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В эмиграции Врангель оставался приверженцем монархической идеи, но считал, что ее нельзя выдвигать открыто, поскольку это может оттолкнуть многочисленные разношерстные эмигрантские круги от кадетов до социалистов.

Шестнадцатого января 1922 года Врангель ответил на письмо бывшего донского атамана П. Н. Краснова, предлагавшего открыто выдвинуть лозунг «За Веру, Царя и Отечество»:

«Вы не можете сомневаться в том, что по убеждениям своим я являюсь монархистом и что столь же монархично, при том сознательно, и большинство Русской Армии.

Я останавливаюсь на слове “сознательно”, так как хотел этим подчеркнуть, что нынешняя Русская армия, в отличие от старой, императорской, стала сознательной, но, конечно, не в дурном, опошленном революцией смысле этого слова, а в лучшем его значении.

Тяжелые испытания последних годов, а в особенности пребывание на чужбине, научили многому каждого из чинов армии, до простого солдата включительно. Патриотизм, любовь к Отечеству, преданность престолу стали понятиями осознающими, продуманными и прочувственными, а отнюдь не механически воспринятыми на “занятиях словесности” и поверхностно усвоенными. Вместе с тем на первое место выдвигается понятие о “Родине”, и яркое сознание необходимости посвятить себя служению Родине является той полной нравственной силой, которая связывает всех чинов армии в единое стройное целое и которая позволила ей выйти победительницей из пережитых ею испытаний.

В императорской России понятие “монархизма” отождествлялось с понятием “Родины”. Революция разорвала эти два исторически неразрывных понятия, и в настоящее время понятие о “монархизме” связано не с понятием о “Родине”, а с принадлежностью к определенной политической партии.

Нужна длительная работа, чтобы в народном сознании оба эти понятия вновь слились воедино. Пока этот неизбежный процесс завершится, причем вне всякого со стороны насильственного воздействия, пока оба эти понятия не станут вновь однородными, пока понятие “монархизма” не выйдет из узких рамок политической партии, армия будет жить только идеей Родины, считая, что ее восстановление является реальной первоочередной задачей...

Те или иные лозунги могут быть провозглашены в армии лишь тогда, когда они сделаются достоянием многочисленного русского народа, когда они стихийно зальют русскую землю, поглотив в себе все прочие чуждые народу, ему силой навязанные, непонятные ему идеи.

Идея служения Родине сама по себе так велика, диктуемые ею задачи так многообразны, что в ней, в этой всем понятной идее, надо искать то начало, которое должно объединить ар-

мию, народ и все государственно мыслящие и любящие Родину элементы».

О том же Врангель 12 января 1922 года писал публицисту и историку Русской православной церкви А. В. Карташеву: «...Политическое “кредо” Армии ясно и высказывалось многократно и мной, и моими ближайшими помощниками, в частности С. Н. Ильиным в Париже в заседании Бюро национального комитета: Армия ведет борьбу не за монархию, не за республику, а за Отечество. Она не пойдет за теми, кто захочет навязать России, помимо воли народа, тот или иной государственный правопорядок, но станет на страже того порядка, который будет установлен действительно свободным изъявлением народной воли. Вы бесконечно правы, говоря, что требуется величайшее терпение и величайшее искусство разобратся в той сложной обстановке, в которой протекает теперь эта воля народа. Один неверный шаг может вызвать недоверие народных масс, и тогда дело возрождения России опять может затянуться на несколько лет.

Эта кропотливая работа проникновения в психологию масс с чистыми национальными лозунгами может быть выполнена лишь при сознательном отрешении от узко партийных, а тем более классовых доктрин и искренности в намерениях построить государство так, чтобы построение удовлетворяло народным чаяниям.

Строить придется в потемках, а потому строителям нужно быть сугубо осторожными, дабы не разрушилось воздвигаемое ими здание...»

Всё прошлое России, считал Врангель, говорит за то, что она рано или поздно вернется к монархическому строю, но не дай бог, если строй этот будет навязан силой штыков или белым террором. Если же в России волей народа установится республиканская форма правления, каждый честный монархист должен будет с этим примириться и быть вернейшим слугой своей Родины.

И снова барон призывал к единению рядов эмиграции:

«...если она претендует на то, чтобы принять какое-либо участие в воссоздании Родины, она должна вернуться домой единым фронтом, с единой программой, с единым лозунгом — Отечество...»

Я убежден, что мы могли бы легко найти общий язык и сговориться; для этого нужно лишь отрешиться от узкопартийных программ, от предвзятого, диктуемого воспоминаниями отношения к некоторым именам и объединиться в одном чувстве — любви к Отечеству и желании работать на его благо...»

Сами по себе лозунги служения Родине или Отечеству ни у

кого из эмигрантов возражений не вызывали. Но они были слишком абстрактны, требовали конкретики. А с ней было туго. Врангель слишком хорошо сознавал, что как раз понимание служения России, равно как и представление о ее будущем, у разных политических групп весьма различно. Он оставался на позициях непредреждения политического строя в освобожденной от большевиков России и поддерживал стоявших на этих позициях членов Русского национального комитета в Париже.

Весной 1922 года Врангель писал А. И. Гучкову, с которым очень сблизился в эмиграции: «На затронутый Вами вопрос о своевременности провозглашения монархической идеи как лозунга для продолжения борьбы с Советской Россией я повторяю, что неизменно говорил в течение многих месяцев: преждевременное провозглашение монархического лозунга я считаю пагубным именно в интересах восстановления у нас монархического строя. Ставка слишком велика для того, чтобы можно было ею рискнуть. Если монархическая идея получит новое поражение, то это поражение будет особенно тяжким и надолго затянет обрисовавшийся в настоящее время кризис России».

Петр Николаевич не исключал даже, что народ может принять формулу «Монарх и Советы». К тому же к монархическим лозунгам настороженно относились союзники по Антанте. В то же время Врангель писал Гучкову, что армия на 90 процентов состоит из монархистов. Количество эмигрантов-монархистов главнокомандующий, возможно, и преувеличивал, но популярность монархических лозунгов среди тех, кто остался в рядах армии в Галлиполи, сомнений не вызывает.

Девятнадцатого сентября 1922 года Врангель издал приказ об устройстве своей армии за границей: «Дружными усилиями всех чинов армии русские воины на чужбине стали ныне на работу. Я получил возможность обратить скудные средства казны на помощь нетрудоспособным, состоящим при частях инвалидам и семьям военнослужащих; им отныне обеспечено ежемесячное пособие. На случай зимней безработицы для безработных ассигнованы средства. На местах групповых работ будут приняты меры по улучшению быта войск — открыты околотки*, оборудованы мастерские, организованы читальни; части будут снабжаться газетами. Отпущены средства на содержание училища. Несмотря на то, что болгарское правительство доселе отказывало в дальнейших денежных отпус-

* Околоток (околоток) — в данном случае врачебный пункт при воинской части. (Прим. ред.)

ках из депонированных нами болгарскому правительству сумм, удалось не только продолжить остановленные после 1 сентября денежные отпуска, но и провести ряд мер по облегчению тяжелых материальных условий жизни чинов армии. Это оказалось возможным благодаря той помощи, которую оказали мне все гг. офицеры, солдаты и казаки. Дружно откликнувшись на мой призыв, в сознании необходимости общими силами сохранить на чужбине родную армию, вы не погнушались черной работой. В трудные дни вы вновь явили величие русского духа. Низкий вам поклон».

Главнокомандующий заботился не только о материальном, но и о политико-идеологическом состоянии армии. Так, 8 декабря 1922 года он издал приказ, где говорилось:

«...Русская Армия не может быть названа аполитичной. Сама природа гражданской войны зачисляет каждую из борющихся сторон в тот или другой политический лагерь, в данном случае большевистский-интернациональный или антибольшевистский-национальный.

Будучи прежде всего национальной, Русская Армия собралась под своими знаменами всех тех, кто в стремлении освободить Россию от врага... общего для всех национальных партий, борется за русскую национальную идею.

Доколе эта борьба не закончена, вокруг Армии должны, казалось бы, объединиться все — от республиканца до монархиста.

Армия ставит своей задачей свержение большевизма для обеспечения народу свободного волеизъявления по вопросу о будущей форме государственного устройства России. Впредь, до выражения народом своей воли, Русская Армия будет вести борьбу не за монархию, не за республику, а за Отечество».

Армия представлялась Врангелю средоточием всего лучшего, что еще осталось в России. Она должна была быть носительницей определенных идеологических ценностей, но оставаться вне политической борьбы. 10 октября 1923 года, выступая с речью на собрании представителей русских воинских союзов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, он заявил:

«Русская Армия — это не только последняя горсть защитников родины, это не корниловцы и марковцы, не гвардейцы — последний батальон Императорской Гвардии, это не донские, кубанские, терские казаки; Русская Армия — это всё русское воинство, оставшееся верным русскому знамени. Русская Армия — это всё, что не Совдепия, это Россия...

И пока не умерла Армия — Россия жива...

Начатая десять лет назад борьба за родину не кончена, и

вставшая по призыву Царя Русская Армия, ныне в изгнании, в черном труде, как некогда на поле брани, отстаивает честь России.

Пока не кончена эта борьба, пока нет Верховной Русской Власти, только смерть может освободить русского воина от выполнения долга.

Этот долг для меня, стоящего во главе остатков Русской Армии, — собрать и сохранить русское воинство за рубежом России.

Так, окруженный врагами, отбивая знамя, призывает к себе остатки родного полка командир знаменного взвода.

И не себе я ищу подчинения. Собрав последние остатки Русской Императорской Армии, я буду ждать приказа Того, Кто остался для нас Верховным Главнокомандующим.

Он волен будет поставить во главе вас того, кто наиболее достоин.

Ставя долгом своим собрать и сохранить Русскую Армию на чужой земле, я не могу допустить участия ее в политической борьбе. Воин не может быть членом политической партии, хотя бы исповедующей те же верования, что и он. И офицер старой Императорской Армии не мог состоять членом монархической партии, так же как не мог быть членом любой другой...

Значит ли это, что каждый из вас не может иметь своих политических убеждений, не может интересоваться политической жизнью своей страны? Конечно, нет.

Мы, старые офицеры, мы, служившие при русском Императоре в дни славы и мощи России, мы, пережившие ее позор и унижение, мы не можем не быть монархистами. И воспитывая будущее поколение русских воинов, тех, кто вновь будет ковать мощь и славу нашей родины, мы можем лишь радоваться, что они мыслят так же, как и мы.

Но мы не можем допустить, чтобы, прикрываясь словами “Вера”, “Царь”, “Отечество”, офицеров вовлекали в политическую борьбу...

Три года тому назад, когда остатки Русской Армии ушли в изгнание, те, кому Россия обязана своим позором, спешили довершить каиново дело. Гонимая всем миром, обескровленная и нищая, Русская Армия мешала им, и Милюков кричал, что надо уничтожить “реакционную силу”, “спасти Россию от реставрации” и “армию от Врангеля”... Теперь кричат о “спасении армии от Врангеля” из другого лагеря...

Кричат, укрываясь за дорогие русскому офицеру слова.

Напрасно. Врагам я не боюсь смотреть в лицо и с пути долга не сойду. Этим путем, верю, пойдете и вы».

Врангель твердо проводил в жизнь принцип невмешательства Русской армии в политическую жизнь тех государств, где она находилась. Когда в 1923 году в Болгарии было свергнуто левое правительство Александра Стамболийского, враждебно относившееся к врангелевцам, Гучков написал барону: «Сообщите мне, участвовали ли Ваши контингенты в какой бы то ни было мере в болгарских событиях?» Главнокомандующий категорически опроверг сообщения английских газет о причастности воинских формирований белых к свержению правительства Стамболийского. 8 сентября 1923 года Врангель издал приказ о запрещении армейским чинам входить в какие-либо политические организации и объединения.

Восьмого ноября 1922 года Врангель назначил помощником главнокомандующего Русской армией, то есть своим заместителем, Александра Павловича Кутепова. Ему были поручены непосредственные контакты во Франции с великим князем Николаем Николаевичем. Постепенно Кутепов всё больше подпадал под влияние окружения великого князя и отдалялся от Врангеля.

Летом 1923 года Петр Николаевич понес тяжелую утрату: в городе Сремские Карловцы в возрасте 76 лет скончался его отец Николай Егорович Врангель.

Осенью 1923 года Врангель решил передать всю политическую и разведывательно-информационную работу в ведение великого князя Николая Николаевича, оставив себе лишь заботы о повседневном существовании солдат и офицеров. В распоряжение старейшего члена императорского дома были направлены генералы А. П. Кутепов и Н. А. Монкевиц для руководства «секретной работой в России». Однако они не смогли распознать крупномасштабную чекистскую провокацию — созданную людьми Дзержинского Монархическую организацию Центральной России, или «Трест». Монкевиц же, будто бы покончивший с собой в 1926 году, подозревался в том, что был завербован ОГПУ и тайно вывезен из Франции в СССР.

К осени 1924 года остатки Русской армии были расформированы и разоружены. Она перестала быть боевой единицей. Началось рассеяние всех военнослужащих Русской армии по разным странам и континентам. Стремясь сохранить кадры армии в условиях эмиграции, Врангель 1 сентября 1924 года издал приказ о создании Русского общевоинского союза (РОВС) первоначально в составе четырех отделов: 1-й отдел — Франция и Бельгия; 2-й — Германия, Австрия, Венгрия, Латвия, Эстония, Литва; 3-й — Болгария и Турция; 4-й — Королевство сербов, хорватов и словенцев, Греция и Румыния. РОВС объединял всех бывших участников белой борьбы.

Он сочетал функции профсоюза, оказывающего помощь своим членам (в первую очередь — нетрудоспособным инвалидам, а также обремененным семьям безработным), и военных учреждений, занимающихся переподготовкой военнослужащих запаса. В ноябре 1924 года Врангель признал верховное руководство РОВСа за великим князем Николаем Николаевичем.

Тогда же Врангель говорил бывшему таврическому губернатору генералу М. Н. Скалону, что «давно от всякой политической работы отошел, ограничив свою деятельность заботой о своих соратниках». Он крайне скептически относился к организации «Трест», справедливо подозревая чекистскую провокацию.

В Сремских Карловцах Врангель получал от Чебышева, Шульгина и Климовича подробную информацию о «Тресте» и его программе. В одном из писем он отмечал: «Обращение ко мне Федорова и Волкова (псевдонимы Якушева и Потапова, руководителей «Треста». — Б. С.) и само содержание их писем усиливает бывшие у меня ранее подозрения. Я не считаю себя вправе не сообщить их Великому князю. Вместе с тем эти подозрения всё же не непреложная уверенность, а потому убедительно прошу тебя, буде Великий князь сочтет необходимым в интересах дела поддержать с ним (Якушевым. — Б. С.) дальнейшие сношения, чтобы это письмо и препровождаемые документы остались бы для всех, кроме тебя и Великого князя, неизвестными». Однако Кутепов и великий князь все больше принимали «Трест» за чистую монету — очень уж им хотелось верить в существование в России мощной монархической организации, ориентирующейся на Николая Николаевича. Здесь психологический расчет чекистов был точен.

Задачей «Треста» было убедить вождей эмиграции, что в ожидании, пока монархическая организация возьмет власть в России, эмигранты не должны предпринимать «активных действий» в СССР, будь то разведка или террористические акты. К последним особенно тяготел Кутепов, вдохновленный примером эсеров. Врангель же был против «активных мероприятий», считая их бесполезным распылением сил. Советской власти такие мероприятия наносили в лучшем случае булавочные уколы, зато часто могли привести к гибели офицеров-добровольцев. Врангель мечтал когда-нибудь ударить по большевикам всей мощью армии, которую стремился сохранить в эмиграции.

С помощью организации «Трест» чекистам удалось на несколько лет практически парализовать деятельность монархических организаций внутри России. В 1922—1927 годах, пока действовал «Трест», терактов, осуществленных представите-

лями белой эмиграции, в СССР не было, так как деятельность сторонников террора во главе с Кутеповым была парализована «трестовцами», а другие эмигрантские группировки, в том числе и врангелевская, террор отвергали.

Отношения Врангеля и Кутепова, обострившиеся из-за разногласий по вопросам стратегии и тактики борьбы, усугубились взаимной личной неприязнью. Кутепов явно считал, что он как «первопоходник» и командир Добровольческого корпуса имеет не меньше прав на то, чтобы возглавить военную эмиграцию, чем Врангель, примкнувший к Добровольческой армии уже на гребне ее успехов. Руководители «Треста» исподволь поддерживали у Александра Павловича это убеждение.

Кутепов по инициативе великого князя возглавил особую организацию, которая должна была вести «работу специального назначения по связи с Россией». Она называлась «внутренней линией» и ведала засылкой в СССР офицеров-добровольцев для разведки, создания подпольных организаций и террора. Однако вся ее деятельность шла по линии «Треста», то есть фактически под контролем чекистов.

Вожди «Треста» настраивали Кутепова против Врангеля. Якушев писал одному из своих корреспондентов в эмиграции С. Войцеховскому: «В отношении Бородина (Кутепова. — Б. С.) можете, в частности, сказать, что мы ему доверяем и не предполагаем менять на Сергеева (Врангеля. — Б. С.)». И Кутепов летом 1925 года согласился по предложению Якушева войти в правление Монархической организации Центральной России.

История с «Трестом» скомпрометировала в итоге не только Кутепова, но и близкого к Врангелю Шульгина. После того как «трестовцы» в сентябре 1925 года заманили в СССР знаменитого британского разведчика Сиднея Рейли, который был арестован и расстрелян (чекисты инсценировали его гибель в перестрелке на советско-финской границе), для реабилитации «Треста» в глазах эмиграции Якушев предложил Шульгину совершить поездку в СССР и написать об этой поездке. (Эту книгу «Три столицы», ставшую в эмиграции бестселлером, предварительно подвергли цензуре на Лубянке.) Врангель предупреждал Шульгина, что тот имеет дело с чекистской провокацией, но Василий Витальевич ему не поверил. Кроме того, Шульгин считал, что в любом случае «Тресту» будет выгодно выпустить его обратно в эмиграцию, чтобы укрепить свой пошатнувшийся из-за дела Рейли престиж. Якушев к тому же хотел через Шульгина наладить связи с Врангелем, но это не удалось: после случая с Рейли барон уже несколько не сомневался, что «Трест» — чекистских рук дело. В письме Шатилову он писал о Кутепове: «Много сложнее вопрос о ра-

боте его в порученной ему Великим князем области. Как показал опыт, работа эта губительна для тех, кто там, в России, творит то же дело, что и мы... Говорить с Великим князем, как показал опыт, бесполезно. Остается, быть может, одно — потребовать от А. П. или неопровержимые доказательства его утверждений, что работа его не потерпела краха, или потребовать от него от этой работы отойти... Удар по А. П. был бы ударом по В<еликому> к<нязю>. Мы стоим перед заколдованным кругом».

Петр Николаевич оказался весьма проницателен относительно советских агентов. Так, он еще в 1923 году заподозрил генерала Н. В. Скоблина, впоследствии сыгравшего видную роль в похищениях А. П. Кутепова и Е. К. Миллера, и отстранил его от командования полком. В 1926 году Скоблин попытался восстановить отношения с Врангелем, но тот его не принял.

В апреле 1927 года истории с «Трестом» пришел конец. Один из руководителей «Треста» в России, бывший савинковец Опперпут, перевербованный чекистами, вместе с агентами Кутепова Захарченко-Шульц, Радкевичем, Каринским и Шориным бежал из России в Финляндию и там разоблачил «Трест» как творение Лубянки. Вскоре Опперпут был переброшен Кутеповым с группой офицеров в Россию для совершения теракта и погиб в перестрелке с чекистами.

Иногда высказывалось мнение, что «раскаяние» Опперпута было спланировано чекистами, чтобы дискредитировать уже Кутепова и Шульгина и покончить с «Трестом», против которого в эмиграции накапливалось всё больше подозрений. Опперпут же вовсе не погиб, а просто инсценировкой смерти был выведен из игры и спокойно жил под другой фамилией. Однако вряд ли эта версия соответствует истине. Ведь после побега Опперпута ОГПУ пыталось сохранить «Трест». Генерал Н. М. Потапов по распоряжению чекистов написал Кутепову «объяснительное письмо», где утверждал, что, несмотря на провокаторство «азефа»* Опперпута, «Трест» остается жизнеспособной организацией: «Хладнокровию и распорядительности Рабиновича (А. А. Якушева. — Б. С.) мы обязаны тем, что кое-как овладели положением... В настоящий момент Рабинович находится, по-видимому, в относительной безопасности — связь с ним имеем... К счастью, кажется, никаких архивов Правления никогда у Касаткина (Опперпута. — Б. С.) не было».

* *Евно (Евгений) Азеф* (1869—1918) — руководитель Боевой организации эсеров и одновременно агент Охранного отделения, разоблаченный в 1908 году. Его имя стало нарицательным как обозначение предателя и провокатора. (*Прим. ред.*)

Однако Кутепов больше в «Трест» не верил. Теперь он отправил в СССР несколько групп офицеров для осуществления терактов, жертвами которых стали рядовые партийцы и функционеры среднего звена. (После похищения Кутепова агентами ОГПУ в 1930 году новое руководство РОВСа от террора отказалось, вернувшись к врангелевской точке зрения. До Сталина и других партийных вождей террористы из РОВСа добраться не могли. Уничтожение же какого-нибудь секретаря обкома могло привести только к усилению репрессий и напрасным потерям лучших офицерских кадров.)

История с «Трестом» заставила Шульгина отказаться от политической деятельности. Теперь он со своими «Тремя столицами» превратился в посмешище для эмигрантской прессы. Кутепов остался на своем посту, но авторитет его оказался основательно подмочен. По поводу разоблачения «Треста» Врангель с возмущением писал генералу И. Г. Барбовичу: «Иностранный отдел ГПУ оплачивался в значительной мере средствами, передававшимися советским Азефам самим генералом Кутеповым. Таким образом, те жалкие гроши, которые несли русские беженцы на национальную работу, шли, по существу, на содержание этого органа наших врагов, который эту работу разрушал».

Семья Врангеля в 1925 году переехала в Брюссель. Сам же Петр Николаевич с матерью остался в Сремских Карловцах, где среди прочих дел зимой 1926 года приступил к редактированию своих мемуаров. Врангель начал работу над ними еще в конце весны 1921 года в Константинополе и завершил их написание в декабре 1923-го в Сербии. Он стремился отстоять свою позицию в конфликте с Деникиным, который уже начал публикацию «Очерков русской смуты». Чтобы показать, что его мемуары были написаны еще до публикации тех томов «Очерков», где излагалась деникинская версия конфликта с Врангелем, Петр Николаевич в конце каждой главы поставил дату завершения работы над ней. В начале 1926 года он сказал матери: «...Я хочу, чтобы знали, что они написаны до деникинских записок, а не то, чтобы я оправдывался как бы на его обвинения».

В приказе по РОВСу от 14 января 1926 года Врангель отмечал:

«...Как в бою развертывается полк, разбивается на батальоны, роты, взводы, звенья, принимает рассыпной бой, так Армия, изгнанница из лагерей Галлиполи, Лемноса, Чаталджи, разошлась по братским славянским странам, рассыпалась по горам Македонии, шахтам Болгарии, заводам Франции, Бельгии, Нового Света. Рассыпалась, но осталась Армией — вои-

нами, спаянными единой волей, связанными между собой и своими начальниками, одушевленными единым порывом, одной жертвенной готовностью. Среди тяжелых испытаний армия устояла. Не ослабла воля. Не угас огонь. Придет день, протрубит сбор, сомкнутся ряды, и вновь пойдём мы служить Родине. Бог не оставит нас, Россия не забудет».

Отсутствие единства в рядах эмиграции, в том числе и среди ее монархического крыла, вызывало у Врангеля всё большее разочарование и укрепляло его в намерении уйти из политики. Оценивая итоги Русского зарубежного съезда, состоявшегося в апреле 1926 года в Париже, Петр Николаевич с горечью констатировал, что «общественность оказалась у разбитого корыта. Ни одна группа не оказалась достаточно сильной, и в чувстве собственного бессилия все ищут союзников». Эти слова он мог бы сказать и о самом себе.

В 1926 году барон передал пост главнокомандующего великому князю Николаю Николаевичу, оставив за собой только должность председателя РОВСа. Но великий князь оставался по большей части декоративной фигурой, фактически в дела военной эмиграции не вмешивался, и она по-прежнему была подконтрольной Врангелю и Кутепову.

Осенью 1926 года Петр Николаевич решил перебраться в Брюссель, где он получил место в одной из бельгийских фирм. 11 октября 1926 года в своей прощальной речи в зале Русского офицерского собрания в Белграде главнокомандующий говорил о «подвиге русского изгнанника»: «...потеряв Родину, достоинство, лишенный правовой защиты, безмолвно несет свой крест, блюдет достоинство русского имени, непосильным трудом обеспечивает свою независимость. В Сербии, Болгарии, Франции, Бельгии, Германии, в Америке и на Дальнем Востоке — всюду, куда злая судьба забросила русских бездомников, они сумели заставить ценить русский труд, русские исключительные дарования. Во всех областях искусства, науки, прикладных знаний русский талант, русский гений, русская самобытность сумели завоевать себе и в Старом, и в Новом Свете мировую известность. В исключительных условиях существования вне родины сохранилась Русская Церковь, кадры старой Российской Армии, русская школа, русская печать. И всюду, куда забросила судьба русского человека, он сумел создать уголок России».

В ноябре 1926 года генерал Врангель выехал в сопровождении своего личного секретаря Н. М. Котляревского в Брюссель.

Средства, имевшиеся у Русской армии, практически иссякли уже к концу 1923 года. У РОВСа едва хватало денег на содержание канцелярии в Париже и начальников отделов в

разных странах. Врангель не хотел быть обузой для соратников. Поэтому он рассчитывал, что жалованья инженера ему вполне хватит на содержание семьи. А доходы от мемуаров, которые, барон надеялся, будут получены после их перевода на иностранные языки, он предполагал пустить на нужды РОВСа. Другие члены его семьи тоже старались не сидеть без дела. Генерал А. А. фон Лампе после встречи с четой Врангелей записал в дневнике: «Ольга Михайловна при мастерской шляп своей сестры Треповой открыла модный отдел и работает там вместе со старшей дочерью Еленой, только что закончившей свое учение».

Сын барона Алексей Петрович Врангель писал в книге об отце:

«Когда великий князь Николай стал главнокомандующим армией в эмиграции и его советники и ближайшее окружение установили полный контроль над остатками средств, на которые существовал Воинский Союз, Врангеля вынудили ликвидировать его штаб. Николай предложил выплачивать Врангелю из этих средств пенсию, от чего тот отказался, не желая получать содержание из взносов участников Союза...»

Теща Врангеля на деньги, вырученные от продажи виллы в Австрии, приобретенной еще до войны ее мужем, купила в Бельгии небольшой дом. Туда и переехали в 1926 году супруги Врангель с двухлетним сыном, старой няней, поваром, а также ординарцем с женой».

С. А. Мацылев описывает одно из публичных появлений барона — в Париже в 1926 году, на обеде по подписке, устроенном в одном из больших, но скромных ресторанов на окраине города, предназначенных для свадеб и банкетов:

«Задолго до назначенного часа стали собираться участники обеда. Еще в поездах метро их можно было легко отличить от французов: одетые в скромные, зачастую потертые костюмы, приобретенные по случаю, с неумело завязанными галстуками, они сохранили свою прежнюю военную выправку. Зал быстро наполнился и гудел оживленными голосами. Старые соратники вновь встретились, и казалось, что статское платье они надели лишь временно, что надежда еще не потеряна на то, что вновь они облекутся в форму своих родных частей и снова пойдут на борьбу...»

— Господа офицеры, — раздалась команда, и в зал вошел Врангель. Он тоже был в штатском, которое, по его признанию, не любил и не умел носить. Обед начался. Было произнесено много речей и тостов, во всех них звучала вера в лучшее будущее и неразрывная связь с тем, кто, несмотря на изменившееся положение, по-прежнему в сердце каждого ос-

тавался Главкомандующим, за которым все вновь пойдут без колебаний, если это будет суждено...»

Первого октября 1927 года генерал-майор А. А. фон Лампе приехал в Париж, где на вокзале Сен-Лазар встретился с Врангелем и его женой Ольгой Михайловной. Алексей Александрович поразился перемене, произошедшей с Врангелем: «...Его настроение на этот раз показалось мне мало энергичным, не в пример всегдашним нашим встречам — пассивным», от «многих дел и дрязг... он в стороне не только на словах, но и в душе...», «...это не тот ПН, каким я привык его видеть! Н. Н. Чебышев и П. Н. Шатилов спорили со мною и говорили, что я ошибаюсь в оценке ПН-ча. Дай Бог, чтобы правы были они. Я боюсь влияния Ольги Михайловны, которая год тому назад уже говорила мне, что Петру Николаевичу надо начинать жить для себя!..»

Во время встречи Врангель и фон Лампе обсудили проблему финансирования эмигрантского издания «Белое дело». В связи с этим фон Лампе отметил в дневнике: «У ПН нет выходов на тех, кто мог бы дать деньги на “Белое дело”...» Отсутствие выходов на потенциальных спонсоров сильно ограничивало влияние Врангеля на русскую эмиграцию и тот же РОВС. Оно всё больше становилось моральным, но не материальным. Но зарабатывать деньги и жить для себя Петр Николаевич так и не научился до самой смерти. Главным для него оставались РОВС и забота о бывших чинах своей армии, их материальном положении и моральном духе.

Четырнадцатого января 1928 года в Брюсселе Врангель издал очередной приказ по РОВСу: «Ушел еще год. Десятый год русского лихолетия. Россию заменила Триэсерия (СССР. — Б. С.). Нашей Родиной владеет Интернационал. Но национальная Россия жива. Она не умрет, пока продолжается на русской земле борьба с поработителями Родины, пока сохраняется за рубежом готовая помочь этой борьбе зарубежная Армия.

Час падения Советской власти недалек. Наши силы понадобятся родине, и тем ценнее будут они, чем сплоченнее сохранится наша спайка, чем крепче останется дух.

Не обольщаясь призрачными возможностями, но не смущаясь горькими испытаниями, помня, что побеждает лишь тот, кто умеет хотеть, дерзать и терпеть, будем выполнять свой долг».

С. А. Мацьлев вспоминал, что руководители белой эмиграции знали о расхождениях между Врангелем и Кутеповым, но высоко ценили обоих, «которые по-разному стремятся к одной и той же цели — освобождению России»: «Врангель не одобряет ту работу, которую ведет Кутепов в России, считая, что она не даст положительных результатов и лишь вызовет

жертвы среди лучших и наиболее активных чинов армии». Возможно, мемуарист был прав, когда писал, что генералы «в глубине сердец больно переживают эти несогласия». Подтверждением этому служит описанная им встреча в Галлиполийском собрании в феврале 1928 года:

«...Рабочий квартал Парижа со скучными, однообразно-серыми домами. Узкий проход ведет с улицы к небольшому двухэтажному особняку, который расположен как в колодце, окруженный более высокими домами. Скромный зал, переделанный из когда-то помещавшейся здесь мастерской. Стены украшены национальными флагами и портретами покойного Государя и вождей Белого Движения. Один угол зала затянут занавесью — там помещается походная Галлиполийская церковь... Народу много, выделяется плотная, коренастая фигура генерала Кутепова... Входит Врангель... он осунулся и похудел, но по-прежнему в глазах молодой блеск. На несколько секунд он задерживается на лестнице, которая ведет в зал, окидывает его быстрым взглядом и прямо направляется к генералу Кутепову.

Все присутствующие знают, что между ними существуют разногласия...

— Здравствуй, Александр Павлович, — раздался несколько хрипловатый голос Врангеля, — что же, ты теперь меня и узнавать не хочешь?.. На днях захожу в Мэзонетт позавтракать, вижу, что ты сидишь с кем-то за столиком, а ты на меня даже и внимания не обратил...

Кутепов улыбнулся и что-то ответил... Лед был сломан...»

Показательно, что в последние недели жизни Врангель внес в текст своих «Записок» довольно лестный отзыв: «Генерал Кутепов был начальник большой воинской доблести...»

Бывший офицер белой армии К. Зайцев дал генералам сравнительную характеристику:

«Кутепов и Врангель! В некоторых отношениях генерал Врангель, конечно, затмевал скромного и деловитого Кутепова. У ген. Врангеля был подлинный талант властвования. От него исходила некая поистине магическая сила, воздействие которой испытал всякий, кто хоть раз находился в его присутствии. Декоративно великолепный, он естественно повелевал, и окружающие его также естественно ему подчинялись. Власть его над массами была чудодейственной.

Кутепов не обладал подобными данными прирожденного правителя. Но поставим вопрос иначе. Кто мог, перебирая в своей памяти десятки и сотни знакомых ему имен из состава армии, остановить свой выбор на любом из них и, призвав в свой кабинет капитана или полковника, имярек, из их числа,

сказать ему: “Полковник или капитан такой-то, у меня есть к вам дело; это очень ответственное поручение, и есть много оснований предполагать, что вы не вернетесь, если обстоятельства обернутся для вас неблагоприятно, — согласны ли вы взяться за него?” Кто мог задать такой вопрос сотням доблестных офицеров и быть уверенным, что не будет отказа и что поручение будет свято выполнено и окажется в руках человека беспредельно преданного и абсолютно верного? — Я полагаю, что другого такого человека нет в нашем зарубежье и не было его даже тогда, когда был в живых ген. Врангель».

Думается, однако, что офицеры и Врангелю не отказали бы в просьбе принять на себя поручение, связанное со смертельным риском. Но барон, в отличие от Кутепова, считал, что выполнение такого рода миссий в России в настоящее время бессмысленно. Если он и пытался создать какую-то агентурную сеть в СССР, то только с целью получения разведанных, чтобы понять, что именно там происходит. Однако нет достоверных данных, подтверждающих, что такая сеть была Врангелем действительно создана. Главное же — Петр Николаевич, имея некоторый политический опыт, прекрасно понимал, что на процессы, происходившие в Советском Союзе, эмиграция воздействовать не в состоянии. Печальный опыт «Треста» его убежденность только укрепил.

Врангель особое значение придавал укреплению веры в Белое движение. Получив в конце января 1928 года письмо от председателя Союза дроздовцев генерала Ползикова с просьбой прислать «бодрящее слово» для помещения в памятную однодневную газету, выпускаемую в связи с предстоящим празднованием десятилетия дроздовских частей, 10 февраля Петр Николаевич откликнулся ярким патетическим приветствием:

«Белая борьба

Белая борьба — это честное возмущение русского человека против наглого насилия над всем для него святым — Верой, Родиной, вековыми устоями государства, семьи.

Белая борьба — это доказательство, что для сотен тысяч русских людей честь дороже жизни, смерть лучше рабства.

Белая борьба — это обретение цели жизни для тех, кто, потеряв Родину, семью, достояние, не утерял веры в Россию.

Белая борьба — это восприятие десятков тысяч юношей, сынов будущей России, в сознании долга перед Родиной.

Белая борьба — это спасение Европы от красного ига, искупление предательства Брест-Литовска.

Не вычеркнуть из русской истории темных страниц настоящей смуты. Не вычеркнуть и светлых белой борьбы.

Генерал Врангель».

Поскольку иностранные и эмигрантские издательства одно за другим отказывались печатать мемуары Врангеля, он передал их главе 2-го отдела РОВСа генерал-майору А. А. фон Лампе для публикации в летописи «Белое дело». В феврале 1928 года барон вызвал его из Берлина в Брюссель, чтобы совместно с ним окончательно отредактировать свои воспоминания. По совету фон Лампе Петр Николаевич назвал их «Записками». Врангель вычеркнул из текста все критические характеристики Николая II и наиболее резкие высказывания в адрес Деникина. Врангель считал, что высказывания такого рода могут только разобщить эмиграцию, а он старался делать всё для ее объединения.

Тем не менее последний приказ по РОВСу от 7 апреля 1928 года, который барон диктовал, уже будучи смертельно больным, был, по существу, продолжением его давней полемики с Деникиным. Он интересен не только содержанием, но и формой, будучи написан не от первого, а от третьего лица:

«В печати в последнее время появилась переписка между Красным Офицером и генералом Деникиным* и ряд статей, вызванных этой перепиской.

Главкомандующий относится самым несочувственным образом к опубликованию этой переписки.

Прекрасно понимая, что значительная часть офицеров, находящихся в Советской России, не имела возможности, по тем или иным причинам, принять участие в «белой борьбе», Главкомандующий не считает возможным бросить им за это упрек и отдает должное их страданиям под игом большевистской власти. Но вместе с тем Генерал Врангель находит, что сношения с представителями Армии, верно служащей власти, поработившей нашу Родину и удушающей Русский Народ, недопустимо и напоминает «братание» на фронте, которое наблюдалось в ужасные дни 1917 года.

Опубликование упомянутой переписки вредно еще и потому, что в конечном результате она может посеять в умах сомнение в значении и смысле «белой борьбы».

Главкомандующий считает, что «белая борьба» — это единственная светлая страница на мрачном фоне Российской смуты, страница, которой участники «белой борьбы» по пра-

* Переписка между А. И. Деникиным и его корреспондентом, обозначенным псевдонимом «Красный Офицер», публиковалась в парижской газете «Возрождение». Прежде, во время Гражданской войны, Антон Иванович попавших в плен «красных офицеров» обычно приказывал расстреливать, а перебежавших к белым нередко отдавал под суд. Теперь же он готов был оправдывать службу «военспецов» в Красной армии патристическими мотивами.

ву могут гордиться и признания морального значения коей обязаны требовать от всех.

Значение “белой борьбы”, сохранившей честь Национальной России, никогда не умрет.

Что касается вопроса о том, кому в будущей России будет принадлежать первое место, то Генерал Врангель находит даже поднимать его недостойным.

Вопрос этот у участников “белой борьбы” никогда не возникал, и когда офицеры, не исключая и старых генералов, шли в бой с поработителями Родины с винтовкой в руках рядовыми бойцами, никто из них не думал о том, какие места они займут в будущем, — их одушевляла, как одушевляет и ныне, одна мысль — об освобождении России.

Не может быть места для этого вопроса и после падения большевиков. Когда падет ненавистная власть, поработившая ныне нашу Родину, и воскреснет Национальная Россия, то для каждого будет величайшим счастьем отдать Ей все свои силы, как бы ни был скромнен предоставленный каждому удел.

К этому бескорыстному служению Родине мы, по мнению Главнокомандующего, и должны теперь все готовиться.

Генерал Врангель».

Барон был деятелен, не впадал в уныние и верил, что дождется наступления лучших времен, когда сможет исполнить провозглашенную в последнем приказе патриотическую миссию. Ничто не предвещало печального поворота его судьбы и столь стремительной развязки.

В январе 1928 года Врангель заболел гриппом, который протекал в тяжелой форме. Когда 14 февраля фон Лампе приехал из Парижа в Брюссель, он нашел Петра Николаевича уже поправлявшимся. Тот, хотя «не был вполне здоров», почувствовав себя лучше, стал выходить на улицу. Это пренебрежение к своему здоровью, нетерпение деятельного человека, помешавшее ему долечиться, соблюдая постельный режим, привели к роковому исходу.

Восьмого марта 1928 года Врангель вновь основательно простудился и слег. Узнав об этом, фон Лампе написал ему 26 марта: «...Грипп опять уложил Вас в кровать!.. Видимо, рецидив того припадка, который был до моего приезда... Все дела по изданию пишу Ник. Мих. (секретарю Врангеля Котляревскому. — Б. С.), чтобы не досаждать Вам неприятными и назойливыми мелочами...»

Уже после смерти главнокомандующего, 4 мая 1928 года, фон Лампе сообщил генералу Е. К. Миллеру: «...Вдруг в фев-

рале он настоял на моем немедленном приезде в Брюссель, на спешной нашей совместной работе над корректурой записок и на немедленном отвозе их мною в Берлин! Все мои указания, что не надо спешить, Петр Николаевич решительно отвергал и торопил меня всё время!.. По-видимому, у Петра Николаевича было какое-то неосознанное предчувствие, что торопиться надо...» Возможно, Петр Николаевич почувствовал близость смерти и торопился завершить работу над мемуарами.

В середине апреля состояние здоровья Врангеля резко ухудшилось. 13 апреля фон Лампе получил от Котляревского из Брюсселя очень тревожное письмо, датированное 11-м числом: «Ужасное горе! Сегодня выявилось, что у П. Н. туберкулезный процесс левого легкого в очень сильной активной форме. Анализ мокрот показал наличие большого количества туберкулезных палочек. Температура очень высокая. Если Господь смилуетя, то, как только температура немного понизится, увезем в горы».

В день православной Пасхи, пришедшийся на 15 апреля, генерал почувствовал себя совершенно здоровым и заявил собравшимся домочадцам, что собирается встать. Вдруг в полдень произошел сильнейший нервный припадок: он кричал от страшного внутреннего возбуждения. Одновременно наступило резкое ослабление деятельности сердца.

Был вызван духовник Врангеля протоиерей Василий Виноградов, которому после исповеди и причащения Святых Таин Врангель сказал: «Я готов служить в освобожденной России хотя бы простым солдатом...»

В следующем письме Котляревского, написанном в 11 часов дня 16 апреля, сообщалось: «За вчерашний день произошло очень большое ухудшение. Температура дает огромные колебания с 39 на 36,2 и обратно 39. Вчера были явления характера мозгового. Врачи считают положение чрезвычайно опасным и считают, что благоприятный исход болезни будет чудом. Какое страшное, ужасное горе!»

Отчет Котляревского, датированный 20 апреля, фон Лампе получил 24-го: «Здоровье П. Н. не лучше, сердце работает хуже, очень большая слабость. Вопрос легких сейчас не на первом плане, главное — деятельность сердца и нервное возбуждение».

Генерал Шатилов вспоминал: «Когда я узнал о тяжелой болезни моего главнокомандующего и друга, я приехал из Парижа. То, что я увидел, поразило меня. Измученный и исхудавший, он был уже слаб. Когда мы обнялись, он расчувствовался и заплакал. Взяв себя в руки, он сказал, что исповедовался и

принял причастие. Затем мы спокойно обсудили вопросы, касающиеся армии и ее содержания».

Одним из последних распоряжений Врангеля было указание после издания «Записок» в пятом и шестом томах летописи «Белое дело» сжечь их оригинальный полный текст. (19 июля 1928 года в Берлине, в пятом сборнике «Белого дела» была опубликована первая часть воспоминаний Врангеля, а 25 сентября в шестом сборнике — вторая их часть. После этого с соблюдением всех формальностей и составлением протокола рукопись была сожжена в Брюсселе 31 октября. Лампе добился только права сохранить несколько страниц «для истории» — с авторскими датами окончания глав и образцами сделанных Врангелем сокращений текста.)

Мать Врангеля Мария Дмитриевна, пережившая сына, вспоминала о его болезни и кончине: «...тридцать восемь суток сплошного мученичества. Его силы пожирала 40-градусная температура... Он метался, отдавал приказания, порывался встать. Призывал секретаря, делал распоряжения до мельчайших подробностей».

Утром 25 апреля 1928 года генерал Врангель умер. Последними его словами были: «Боже, храни армию!» и «Я слышу колокольный звон».

Российский историк В. Г. Бортневский, исследовавший архив Врангеля в США, пришел к выводу, что чекисты, опасаясь, что барон создаст новый центр активной борьбы для действий в СССР, решили убрать его, заразив какой-то неизвестной болезнью. Слухи об этом циркулировали среди русских эмигрантов после смерти Петра Николаевича и широко обсуждались в эмигрантской прессе. Эта версия также нашла свое отражение в известном рассказе Владимира Набокова «Помощник режиссера», написанном в 1943 году. Там отравление Врангеля приписывается советскому агенту генералу Голубкову (не исключено, что фамилию своего героя Набоков позаимствовал из булгаковского «Бега»), очевидным прототипом которого был упоминавшийся выше генерал Николай Владимирович Скоблин: «Первый из почивших председателей Б. Б. (у Набокова Союз Белой Борьбы был пародией на РОВС. — Б. С.) стоял во главе всего Белого Движения и, безусловно, был самым достойным в нем человеком; кое-какие смутные симптомы, сопровождавшие его неожиданный недуг, приводят на ум тень отравителя». Заметим, что в данном случае — насчет роли Скоблина — мы имеем дело с чистой воды художественным вымыслом. После 1923 года Врангель со Скоблиным не поддерживал никаких связей, и тому было практически невозможно организовать покушение.

На версии отравления настаивали и члены семьи Врангеля. Дочь Наталья вспоминала:

«Советы не оставляли попыток избавиться от отца. И в конце концов им это удалось. Мы только-только перебрались в Бельгию. Родители считали, что нам, детям, лучше учиться в школе на французском языке. У нас был свой дом, в котором кроме нас с родителями жили бабушка, ее сын, который сделался ненормальным после заражения крови (это произошло еще до революции), и денщик отца. Неожиданно в один из дней из-за границы приехал родной брат этого денщика, матрос. Все почему-то нашли это совершенно нормальным — перебраться через границу, отыскать наш домик. Целый день этот матрос находился на кухне, а вечером уехал. Поинтересоваться более подробно, кто он, откуда приехал и куда уехал, никому и в голову не пришло. А отец вскоре заболел. У него был сильный жар. Но доктора не могли выяснить, чем он болен. Говорили, что это скоротечный туберкулез... Сейчас-то я понимаю, что его отравили. Отец промучился месяц. Ему было только 49 лет. Многие не могли поверить, что отца больше нет. Его секретарь получал письма с просьбой заставить врачей удостовериться, что это не летаргический сон. “Не хороните генерала до появления трупных пятен”, — писали сторонники отца».

Аналогичные предположения высказывали и другие дети Петра Николаевича — Елена Петровна фон Мейндорф и Петр Петрович Врангель. Согласно семейной версии, причиной смерти Петра Николаевича было то, что накануне его болезни в доме Врангелей провел несколько дней неизвестный им ранее человек, якобы брат состоявшего при генерале вестового Якова Юдихина, матрос советского торгового судна, зашедшего в Антверпен.

Однако все доводы в пользу того, что Врангель стал жертвой чекистского покушения, оказываются на поверку весьма шаткими. Нет никаких объективных данных о том, что барон в последние месяцы своей жизни пытался создать какую-либо организацию для действий в СССР, и, соответственно, нет никаких оснований считать, что об этом стало известно в Москве. Наоборот, большевикам скорее выгоден был фактический раскол военной эмиграции на сторонников Врангеля и Кутепова, причем для советской власти последний был более опасен, поскольку являлся сторонником террора, тогда как Врангель выступал против активных действий эмиграции на территории СССР.

Кроме того, если бы в Москве все-таки решили расправиться с «черным бароном», это можно было осуществить го-

раздо более традиционными и менее изощренными способами. Если судить по воспоминаниям тех, кто встречался с Врангелем после его переезда в Бельгию, охраны у него не было. У ОГПУ было достаточно агентов среди офицеров Русской армии. Не стоило большого труда застрелить барона, например, во время его визита в общество галлиполийцев в Париже или направить убийц к нему в Брюссель. Напомним, что за два года до смерти Врангеля, 25 мая 1926 года, в Париже был убит лидер украинских националистов Симон Васильевич Петлюра. Его убийца якобы отомстил «головному атаману» за еврейские погромы на Украине, но было достаточно широко распространено мнение, что его к Петлюре подослало ОГПУ: как раз в мае 1926 года в Польше в результате военного переворота к власти вернулся Ю. Пилсудский, у которого с Петлюрой были достаточно тесные отношения, и в Москве могли опасаться активизации деятельности украинской эмиграции. Организовать такую же операцию против Врангеля не составило бы труда, списав убийство главкома либо на распри среди эмигрантов, либо на месть за казни, совершённые в районе действий Кавказской армии или в Крыму. Преемники Врангеля по руководству РОВСом, Кутепова и Миллера, не стали убивать в Париже только потому, что было решено организовать их похищение, чтобы попытаться получить у них информацию о деятельности белой эмиграции, направленной против СССР.

Если бы у советских спецслужб действительно был столь эффективный яд, действию которого приписывается смерть Врангеля, со всеми симптомами гриппа и туберкулеза, то непонятно, почему это оружие не было использовано против других врагов советской власти. Между тем лаборатория ядов появилась при Наркомате внутренних дел только в 1930-е годы.

Соратниками Врангеля для увековечивания его памяти по горячим следам были собраны все свидетельства очевидцев, в первую очередь — близкого окружения покойного, и описание его болезни и смерти было издано отдельным сборником. В нем нет даже намека на отравление:

«С начала зимы Главнокомандующий Русской армией генерал Врангель не чувствовал себя вполне здоровым. 20 декабря 1927 года простудился довольно сильно, так что пришлось несколько дней пролежать в кровати. Еще не совсем оправившись, 7 января Главнокомандующий ездил в Люксембург и посетил группу полковника Керманова, где в Вильце чины кадра (находящиеся в резерве, а не на действительной военной службе. — Б. С.) Корниловского военного

училища работают на кожевенном заводе. 14 января Главногокомандующий заболел инфлюэнцей, которая имела затяжной характер, температура особенно высокой не была. Главногокомандующий стал чувствовать себя лучше, ощущал лишь слабость и продолжал кашлять. По утверждению пользовавшегося врача Вейнерта, кашель был от ларингита (горловой кашель), а слабость — обыкновенное явление после инфлюэнцы. Главногокомандующий выходил и вел нормальный образ жизни.

18 марта Главногокомандующий вновь простудился и 19-го слег в постель. С первого же дня температура была высокая. Пользовавшийся врач Вейнерт определил гриппозное кишечное заболевание. 24 марта был консилиум с доктором Док, местным специалистом по желудочным болезням. 30 марта приехал из Парижа профессор И. П. Алексинский, пробывший у больного 2 дня, и подтвердил диагноз докторов Док и Вейнерта. В состоянии здоровья улучшения не было, и 11 апреля профессор Алексинский приезжал вторично. В тот же день был консилиум при участии местного доктора Говартца, непредвиденно определившего у Главногокомандующего туберкулезный процесс левого легкого в очень активной форме. Анализ мокрот показал наличие большого количества туберкулезных палочек. Было несколько консилиумов специалистов по разного рода заболеваниям во главе с доктором Дершайд, местным авторитетом по легочным болезням.

Значительное ухудшение наступило в 1-ый день Св. Пасхи, 15 апреля, когда у Главногокомандующего произошло падение температуры и сильный нервный припадок. Главногокомандующий мучительно страдал. Опасались возможности мозговых явлений. 19 апреля приезжал из Парижа в третий раз профессор Алексинский. В ночь на 21 апреля был второй нервный припадок, менее сильный, нежели первый. После первого припадка очень ослабела деятельность сердца, которое продолжало работать всё слабее и слабее.

25 апреля в 9 часов утра Главногокомандующий тихо скончался.

Умирал Главногокомандующий с большим самообладанием, как истинный сын Православной Церкви. Во время болезни дважды исповедовался и причащался Св. Таин у своего духовника протоиерея Василия Виноградова 10 апреля и в Страстную субботу 14 апреля; с большим умилением Главногокомандующий исполнил этот последний христианский долг и спокойно взирал на предстоящую кончину, в сознании выполненного долга перед Родиной.

В течение всей болезни до самых последних дней Глав-

нокомандующий все время продолжал быть в полном курсе всего того, что касалось Армии, судьбы которой его чрезвычайно волновали... До Страстной субботы принимал доклады генерала Архангельского, давая детальные указания по делам Армии, и секретаря Н. М. Котляревского, которому отдавал распоряжения на случай смерти. Уже 24 марта Главнокомандующий в беседе с Н. М. Котляревским начал давать предсмертные указания и с того дня неоднократно высказывал ему, что чувствует приближение смерти. Главнокомандующий выразил волю свою быть похороненным в Белграде в русской Церкви под сенью знамен. Все помыслы Главнокомандующего до последнего часа были о близкой его сердцу Армии. Он горячо молился о ней...»

Профессор И. П. Алексинский также не заметил каких-либо признаков неестественной смерти. Интервью с ним было помещено в парижской «Иллюстрированной России» вскоре после кончины Петра Николаевича:

«Я не лечил генерала, — сказал нам профессор Алексинский, — а посетил его во время болезни три раза. Генерала лечил русский врач Вейнерт, и к нему приглашались авторитетные бельгийские специалисты. Первый раз я был вызван к генералу Врангелю на 11 день его болезни. Я констатировал у него высокую температуру с ознобами и потами и сильную слабость, с полным отсутствием аппетита. Жаловался генерал Врангель на сильное нервное возбуждение, которое его страшно мучило с начала его болезни.

“Меня мучает мой мозг, — говорил генерал, — я не могу отдохнуть от навязчивых ярких мыслей, передо мной непрерывно развертываются картины Крыма, боев, эвакуации... Мозг против моего желания лихорадочно работает, голова все время занята расчетами, вычислениями, составлением диспозиций... Меня страшно утомляет эта работа мозга... Я не могу с этим бороться... Картины войны все время передо мной, и я пишу все время приказы... приказы, приказы...”

— Были ли в это время у генерала Врангеля какие-нибудь признаки туберкулеза?

— Я подробно исследовал генерала и после первого же осмотра констатировал, что легкие не затронуты и дыхание совсем свободно. Когда я посетил его через десять дней, во второй раз, было констатировано, что верхушка левого легкого затронута. У генерала были приступы кашля с выделением слизистой мокроты. Анализ ее обнаружил в ней туберкулезные палочки. Деятельность сердца была в это время вполне удовлетворительна, и генерал был все время в полном сознании. Температура оставалась высокой.

— Когда же произошло ухудшение его состояния?

— Это случилось совершенно неожиданно на первый день Пасхи, за десять дней до его кончины. В день Светлого Воскресения Петр Николаевич проснулся утром с нормальной температурой и почувствовал себя совершенно здоровым. Вся семья собралась у его постели, и генерал заявил, что он совершенно здоров и собирается вставать. Так продолжалось до 12 час. дня, когда вдруг с генералом Врангелем произошел сильнейший нервный припадок. От какого-то страшного внутреннего возбуждения он минут 40 кричал не своим голосом. Никакие усилия окружающих не могли его успокоить. Одновременно было судорожное сокращение мышц тела.

Во время этого припадка наступило такое резкое ослабление деятельности сердца, что боялись немедленного рокового исхода болезни.

— Неужели, профессор, ничего нельзя было сделать, чтобы спасти жизнь генералу Врангелю? В чем, собственно, заключалась болезнь его?

— Я повторяю, я не лечил генерала Врангеля, но, несомненно, сделано было всё возможное. Мое мнение, что у него была какая-то тяжелая общая инфекция (грипп?), пробудившая скрытый туберкулез в верхушке левого легкого. Таково же заключение лечившего его врача и известного бельгийского профессора.

— В печати несколько раз приводились, но не всегда в одинаковых версиях, последние слова покойного. Не говорил ли и вам, профессор, он что-нибудь о тех вопросах, которые его всегда волновали: о России, об армии?

— Да, во второй раз, когда я его видел, покойный очень много и горячо говорил о России. С большими волнением и верой говорил он о ближайшем будущем нашей Родины, о том, что спасение ее близко.

— Сознавал ли покойный, чувствовал ли он близость смерти?

— Когда я был у него последний раз за 6 дней до его кончины, он конечно, еще не знал, что дни его сочтены. Он только говорил, что если он умрет, то в этом было бы ужасно только то, что он не доживет до столь близких дней спасения России и не увидит своей освобожденной Родины... И можно было видеть, как эта мысль его волновала...

— В каком положении его семья? Остались ли после генерала Врангеля какие-нибудь средства?

— Никаких средств после него не осталось. Вместе с ним жили, кроме жены и четверых детей, мать и теща. Жили они очень скромно.

Генерал Врангель жил бедным рыцарем, бедным рыцарем он и умер...»

Вероятно, в течении болезни Врангеля роковую роль сыграли давнее ранение в грудь, которое могло способствовать развитию туберкулеза, и контузии, после которых Петр Николаевич страдал сердечными спазмами.

В 11 часов утра 25 апреля протоиерей Василий Виноградов отслужил первую панихиду, на которой присутствовали семья и ближайшие друзья генерала. Характерно, что Врангель завещал похоронить себя в знаменитой черной черкеске, хотя Крым покидал, как мы помним, в армейской форме, а в последние годы жизни ходил в штатском. Думается, это пожелание определялось тем, что именно в черкеске Врангель одержал свои самые громкие победы в Гражданской войне, в том числе взял Царицын. В четыре часа дня тело главнокомандующего было набальзамировано и одето в черную черкеску с орденами Святого Георгия 4-й степени и Святого Владимира 3-й степени с мечами, черный бешмет и кавказскую кожаную обувь — чувяки. Гроб накрыли флагами, российским и Георгиевским — знаком главнокомандующего.

В некрологах, появившихся во многих эмигрантских газетах, отмечались заслуги Врангеля как выдающегося государственного и военного деятеля. Так, П. Б. Струве писал:

«Петра Николаевича Врангеля нельзя забыть. Его фигура, его поступь, его взгляд, его душевный облик, его душевный образ неизгладимо врезались в память и должны остаться в ней как нечто целое и большое. Врангель должен жить в нашей соборной, исторической памяти как могучий призыв к труду и подвигу. Мне вспоминаются многие часы, проведенные с Врангелем и в деловых, и в задушевных беседах. Поражал его быстрый и пронизательный ум, его твердая, могучая воля.

Врангелю были чужды иллюзии. Это был ум строгий, и, в общем, скептический. Но, кроме ума, в нем был дух. И этот дух внушал всей его личности решимость поднять подвиг, как бы труден и безнадежен он ни был с точки зрения человеческих расчетов. Дух Правды и Подвига генерал Врангель завещал нам».

И. А. Ильин в некрологе Врангелю предрекал: «Белая идея есть русская национальная идея, которую строилась и держалась в истории Россия: христианская идея жертвенного служения, идея личной и национальной чести, идея всежизненного, беззаветного стояния за священные истоки русского духа и русской государственности... Всё то, что мы доселе обозначали словом “белое движение”, было только началом, пер-

вым, героическим порывом к осуществлению Белой идеи. Ей предстоит еще сказать свое светлое и властное слово и повести за собою русский народ».

В своем завещании генерал Врангель выразил желание быть похороненным в русской церкви Святой Троицы в центре Белграда, под сенью знамен российской императорской армии. Король Александр устроил ему государственные похороны с воинскими почестями, оружейным и артиллерийским салютом. Они состоялись 6 октября 1929 года. На похороны съехались тысячи членов РОВСа, многие — в военной форме. Два самолета югославской армии, пилотируемые русскими летчиками, кружили над площадью и разбрасывали цветы. Панихиду служили сербский патриарх и глава Русской зарубежной церкви митрополит Антоний. Лошадь Врангеля вели два георгиевских кавалера — казачий урядник и гвардейский унтер-офицер.

В похоронах приняли участие 363 делегации, возложившие более двухсот венков. Во времена Тито настоятель Троицкой церкви прикрыл гробницу, на которой была короткая надпись «Генерал Врангель», картиной-иконой «Суд Пилата». Ее убрали в 1968 году. Сейчас гробница Врангеля — в полном порядке.

Архив Врангеля был передан по его воле в Гуверовскую военную библиотеку при Стэнфордском университете США, позднее переименованную в Гуверовский институт. Передача архива произошла в два приема, в 1925 и 1929 годах.

После смерти Врангеля его вдова Ольга Михайловна осталась с четырьмя детьми, младшему из которых, Алексею, родившемуся в эмиграции, было пять лет. Старший сын, Петр, учился в университете на агронома, дочь Елена работала секретаршей. Семья жила на маленькую пенсию, которую назначил сербский король Александр.

Дочь Врангеля Наталья рассказала о дальнейшей судьбе его семьи: «Я вышла замуж. Мой муж имел в Бельгии хорошую работу. Он был инженер-химик, механик, работал в большой фирме. Сестра служила секретаршей у Крайслера. Ее муж возглавлял отделение Крайслера в Европе. А потом его перевели в Детройт. Это было в начале 1939 года. Моя мать в 30-х годах тоже отправилась в Америку читать лекции. В то время в Америке была масса очень богатых людей, которые могли официально не платить налоги. Они жертвовали матери деньги и говорили: “Мы вам даем деньги, и можете не давать нам никакого отчета. Делайте то, что вам надо”. Мать открыла на пожертвования два санатория. Один — около Белграда, другой — в Болгарии. Потом, когда все те, кто там лечился, по-

правились и разъехались, она решила эти санатории закрыть. Оставшиеся деньги пошли на оплату образования для молодых российских военных-эмигрантов.

Накануне войны мать решила вернуться домой, в Бельгию. Но только она приехала в Нью-Йорк и поднялась на пароход, по радио объявили, что началась война. Мать спросила у капитана: “Посоветуйте, что мне делать. Возвращаться или нет?” Тот ответил: “Нет. Оставайтесь, на море могут быть мины...” И она осталась в Америке.

Моего мужа после начала войны его компания направила на работу в Грецию, где мы и прожили почти два года. Затем опять вернулись в Бельгию. Там и оставались до того момента, когда узнали, что Сталину удалось после победы вытребовать у союзников всех русских, уехавших из России после революции. И мы перебрались в Америку.

После смерти мужа пришлось самой начинать зарабатывать на жизнь. Знаете, чем я занялась? Начала делать игрушки. Медведей. Буквально из ничего — брала кусочки материи и из них вязала игрушки. В результате я стала хозяйкой фабрики, на которой трудились 150 русских. Мне повезло, потому что таких игрушек в Америке не было. Все приходило из Германии. И из-за войны поставки игрушек остановились. Первое время я делала маленьких медвежат. А кончилось всё большим медведем, который пел “Травиату”».

Мария Дмитриевна Врангель после смерти любимого сына занималась сбором материалов по истории русской эмиграции. Она скончалась 18 ноября 1944 года и была похоронена на брюссельском Юккельском кладбище. Алексей Петрович скончался в Ирландии 27 мая 2005 года. Одним из его занятий было коневодство.

Старший сын барона, Петр Петрович, родившийся в 1911 году, жил в США, в штате Нью-Йорк, и работал инженером. В Россию он приехал только после распада СССР. Скончался он в 1990-е годы.

Старшая дочь «белого барона» Елена Петровна Врангель, по мужу фон Мейендорф, родившаяся в 1909 году, последнее время вдовьей жизни жила в Успенском Ново-Дивеевском монастыре Русской православной церкви за рубежом под Нью-Йорком. Там в 1968 году была похоронена скончавшаяся в 86 лет ее мать Ольга Михайловна, почти на 30 лет пережившая мужа. Сама Елена Петровна умерла в 1990-е годы.

Под Нью-Йорком в тихой обители Толстовского фонда проживает родившаяся в 1914 году младшая дочь П. Н. Врангеля Наталья Петровна, по мужу, внуку известного русского генерала, Базилевская.

Никто из потомков барона Петра Николаевича Врангеля не избрал военную стезю. Да и вообще среди всех представителей рода Врангелей во Вторую мировую войну больше не появилось ни одного полководца. Ни один из Врангелей ни в одной из армий не достиг генеральского звания — то ли в роду иссяк воинский дух, то ли время переменялось.

Врангель всю свою сознательную жизнь служил родине и монархии. Как полководец он проявил себя в Гражданскую войну. Здесь он одержал ряд выдающихся побед, наиболее громкой из которых было взятие Царицына. Врангель, кстати сказать, стал последним полководцем, которому удалось взять этот город. Фельдмаршалу Ф. Паулюсу, как известно, в 1942 году Сталинград так и не покорился. Однако в историю Врангель вошел прежде всего благодаря Крымской эпопее, когда он не только более чем на полгода продлил Гражданскую войну в Европейской России, но и попытался создать некую политическую альтернативу большевистскому режиму. Из всех белых генералов Врангель, несомненно, оказался самым лучшим политиком, но всё равно в силу объективных обстоятельств не смог победить большевиков. Если же сравнивать Врангеля-полководца с другими белыми генералами, то он, наверное, заслуженно займет первое место. Выдающихся побед у него было больше, чем у Деникина, Шкуро, Сидорина, Май-Маевского или Слащева, а поражений он фактически вообще не знал. Правда, он в итоге вынужден был эвакуировать Крым, однако никто, за исключением Слащева, не ставил ему это в вину и не считал поражением, из-за колоссального неравенства сил. Врангель был прежде всего кавалерийским генералом, но активно использовал новые средства войны — танки, броневики, самолеты. Его тактика во многом предвосхитила новые тактические приемы, нашедшие свое применение во Вторую мировую войну.

Врангель был честолюбив, но не сребролюбив. Порой честолюбие заставляло его даже нарушать воинскую субординацию, что особенно явно проявилось в его конфликте с Деникиным. За это он подвергался в эмиграции жесткой критике со стороны Антона Ивановича и близких к нему генералов. Но в чем Врангеля никто и никогда не мог упрекнуть, так это в том, что к его рукам прилипла хоть одна казенная копейка. Петр Николаевич как главнокомандующий располагал значительными денежными средствами и в Крыму, и в первые годы эмиграции, но, в отличие от некоторых других генералов, никогда не использовал даже малой их толики в личных целях. Даже тысячу долларов, взятую по его

завещанию из казны РОВСа для издания его «Записок», Врангель просил рассматривать не как безвозмездную ссуду, а лишь в качестве займа, с точным сроком его погашения. Он жил и умер почти аскетом. Недаром его называли последним белым рыцарем, с честью завершившим Белое дело в России и продолжившим его в эмиграции. Петру Николаевичу удалось до конца жизни следовать девизу рода Врангелей: «Сломишь, но не согнешь». Можно согласиться с И. П. Алексинским: Врангель жил и умер бедным, но гордым рыцарем, который и в поражении сохранил сознание собственной правоты.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. Н. ВРАНГЕЛЯ

- 1878, 15 августа* — у барона Николая Егоровича Врангеля и его жены Марии Дмитриевны в Ново-Александровске (ныне Зарасай) Ковенской губернии родился сын Петр.
- Конец года — семья Врангелей переехала в Ростов-на-Дону.
- 1892, 6 августа — поступил в Петровское реальное училище в Ростове-на-Дону.
- 1896, осень — поступил в Горный институт в Петербурге.
- 1901, лето — закончил Горный институт.
- 1 сентября — стал вольноопределяющимся первого разряда лейб-гвардии Конного полка.
- 1902, 10 марта — произведен в старшие унтер-офицеры.
- 2 июля — произведен в эстандарт-юнкера.
- 12 октября — произведен в корнеты гвардии с зачислением в запас.
- Конец года — назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири в Иркутске.
- 1904, 6 февраля — определен хорунжим во 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска.
- 27 февраля — переведен во 2-й Аргунский казачий полк.
- 29 марта (до 29 мая 1905 года) — участвовал в боях Русско-японской войны и схватках с хунхузами в составе отряда генерала П. К. Ренненкампа.
- 4 июля — награжден орденом Святой Анны 4-й степени.
- 1 декабря — произведен в сотники.
- 1905, 26 мая — переведен во вторую сотню Отдельного дивизиона разведчиков.
- 1 сентября — произведен в подъесаулы.
- 1906, 6 января — награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, переведен в 55-й драгунский Финляндский полк штаб-ротмистром.
- 7 января — прикомандирован к Северному отряду Свиты Его Величества.
- 9 мая — награжден орденом Святой Анны 3-й степени.
- 30 августа — прикомандирован к лейб-гвардии Конному полку.
- 1907, 26 марта — переведен поручиком гвардии в лейб-гвардии Конный полк.
- 20 августа — откомандирован в Академию Генерального штаба. Женится на фрейлине Ольге Михайловне Иваненко.
- 9 декабря — произведен в штаб-ротмистры гвардии.
- 1910, 3 июня — окончил дополнительный курс академии, причислен к Генеральному штабу и откомандирован к штабу Петербургского военного округа.
- 1912, 22 мая — окончил курс в Офицерской кавалерийской школе и прибыл в лейб-гвардии Конный полк.
- 16 августа — назначен командиром 3-го эскадрона.
- 6 декабря — награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.
- 1913, 11 августа — произведен в ротмистры гвардии.

* Здесь и далее до 1921 года датировка дается по старому стилю.

- 1914, июль — в составе лейб-гвардии Конного полка выступил на фронт Первой мировой войны.
6 августа — взял атакой в конном строю неприятельскую батарею у деревни Каушен в Восточной Пруссии.
30 августа — за подвиг у Каушена награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.
12 сентября — назначен начальником штаба Сводной кавалерийской дивизии.
23 сентября — назначен помощником командира лейб-гвардии Конного полка по строевой части.
10 октября — принят императором Николаем II.
27 октября — награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.
6 декабря — назначен флигель-адъютантом императора.
12 декабря — произведен в полковники.
- 1915, 20 февраля — во главе дивизиона захватил переправу через реку Довину.
13 апреля — награжден Георгиевским оружием за подвиг у Довины.
8 октября — назначен командиром 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска.
8 декабря — награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами.
- 1916, 24 декабря — назначен командиром 2-й бригады Уссурийской конной дивизии.
- 1917, 13 января — за боевое отличие произведен в генерал-майоры.
23 января — назначен временно исполняющим должность начальника Уссурийской конной дивизии.
Начало марта — поездка в Петроград с письмом начдива А. М. Крымова военному министру А. И. Гучкову.
30 марта — назначен начальником Уссурийской конной дивизии.
30 июня — назначен начальником 7-й кавалерийской дивизии.
10 июля — назначен командиром Сводного конного корпуса.
24 июля — награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени за командование Сводным конным корпусом, прикрывавшим отход русской пехоты 10—20 июля.
9 сентября — назначен командиром 3-го конного корпуса, но в командование не вступил.
10 ноября — отказался от службы и выехал в Ялту.
- 1918, 8 января — Красная гвардия заняла Ялту.
11 января — арестован, но на следующий день освобожден.
25 августа — прибыл в Екатеринодар.
28 августа — назначен командиром бригады 1-й конной дивизии Добровольческой армии.
31 августа — назначен временно командующим 1-й конной дивизией.
18 сентября — первый бой Гражданской войны под Армавиром, закончившийся неудачей.
26 октября — взятие Армавира 1-й конной дивизией.
31 октября — назначен начальником 1-й конной дивизии.
2 ноября — 1-я конная дивизия взяла Ставрополь.
15 ноября — назначен командиром 1-го конного корпуса.
22 ноября — произведен в генерал-лейтенанты «за боевые отличия» в боях под Ставрополем.

27 декабря — назначен командующим Добровольческой армией, вскоре переименованной в Кавказскую добровольческую.

1919, 10 января — вступил в командование Кавказской добровольческой армией.

Конец января — заболел сыпным тифом в тяжелой форме.

13 февраля — награжден орденом Спасения Кубани 1-й степени.

4 апреля — подал генералу Деникину рапорт с предложением сделать главной целью наступления взятие Царицына и соединение с войсками адмирала Колчака.

18 июня — войска Кавказской армии взяли Царицын.

15 июля — войска Кавказской армии взяли Камышин.

26 ноября — назначен командующим Добровольческой армией.

9 декабря — подал Деникину рапорт с резкой критикой стратегии Вооруженных сил Юга России.

20 декабря — в связи с расформированием Добровольческой армии направлен в распоряжение главкома Вооруженных сил Юга России.

1920, 8 февраля — уволен со службы.

Конец февраля — по требованию Деникина отбыл в Константинополь, перед отъездом отправил письмо с резкой критикой его действий.

22 марта — прибыл в Севастополь на военный совет по определению преемника А. И. Деникина. Приказ Деникина о назначении Врангеля главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

29 марта — объявил «Положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными силами на Юге России».

28 апреля — Вооруженные силы Юга России реорганизованы в Русскую армию.

12 мая — правительство Врангеля приняло «Закон о земле».

25 мая — началось наступление Русской армии в Северной Таврии.

22 июля — заключил соглашение с атаманами и правительствами казачьих войск, предусматривающее внутреннюю автономию казачьих областей.

20 августа — получил звание кавалера ордена Святого Гроба Господня и награжден крестом ордена.

15 октября — началось советское генеральное наступление в Северной Таврии.

26 октября — началась борьба за крымские перешейки.

1 ноября — завершилась эвакуация Русской армии и беженцев из Крыма.

15 ноября — награжден орденом Святого Николая Чудотворца 2-й степени.

19 ноября — дал первое интервью в Константинополе.

1921, март — формировал Русский совет в Константинополе.

15 октября — в отсутствие Врангеля его яхта «Лукулл» протаранена итальянским пароходом «Адриа» и затонула.

29 ноября — по просьбе командира и всех чинов 1-го армейского корпуса принял для ношения на груди Галлиполийский знак.

1922, март — в связи с завершением перемещения Русской армии в Болгарию и Королевство сербов, хорватов и словенцев переехал со штабом в сербский городок Сремские Карловцы недалеко от Белграда.

- 1923, 15 мая — окончилось выведение Русской армии из Галлиполи, Врангель объявил о своем подчинении великому князю Николаю Николаевичу.
- 1924, 1 сентября — издал приказ о создании Русского общевойскового союза (РОВС).
- 1926, ноябрь — переезд в Брюссель, работа инженером в бельгийской фирме.
- 1928, 8 марта — заболел тяжелой формой гриппа.
7 апреля — отдал последний приказ по РОВСу, посвященный переписке Деникина с «Красным Офицером».
25 апреля — скончался в Брюсселе.
- 28 апреля — состоялись торжественные похороны Врангеля в Брюсселе с участием руководства РОВСа и многих бывших солдат и офицеров Русской армии.
- 1929, 6 октября — перезахоронение в церкви Святой Троицы в Белграде с участием тысяч эмигрантов и высших чинов югославской армии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аграрная политика Врангеля // Красный архив. 1928. № 1.
- Аксакова-Сивере Т. А. Семейная хроника. Париж, 1988. Т. 1.
- Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006.
- Белое дело. Т. 11. Белый Крым. М., 2003.
- Болезнь, смерть и погребение генерала барона П. Н. Врангеля в Брюсселе. Брюссель, 1928.
- Бортневский В. Г. Избранные труды. СПб., 1999.
- Буденный С. М. Пройденный путь: В 3 т. М., 1958—1973.
- Вениамин (Федченков), митрополит. Россия между верой и безверием. М., 2003.
- Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 1993.
- Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.: В 2 т. Минск, 2003.
- Врангель П. Н. В передовом летучем отряде генерала Ренненкампафа // Исторический вестник. 1907. Т. 108. № 4.
- Ганин А. Враздρόбь, или Почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3.
- Голубинцев А. В. Русская Вандея: Очерки Гражданской войны на Дону 1917—1920 гг. Мюнхен, 1959.
- Даватиц В. Х. Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926.
- Елисеев Ф. И. С корниловским конным. М., 2003.
- Иоффе Г. З. «Трест»: легенды и факты // Новый журнал. Нью-Йорк, 2007. № 247, 248.
- Как умер генерал П. Н. Врангель. Беседа с проф. И. П. Алексинским // Иллюстрированная Россия. 1928. № 20.
- Какурин Н. Е. Стратегический очерк гражданской войны. М.; Л., 1926.
- Калинин И. М. Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Л., 1925.
- Калинин И. М. Русская Вандея. М.; Л., 1926.
- Калягин А. В. Гражданская война в России 1917—1920: Электронное учебное пособие. 2-е изд. Самара, 2007.
- Корсакова Н. Отношение генерала П. Н. Врангеля к кубанскому казачеству (По материалам дневников В. Г. Науменко) // Донецкий вісник Наукового Товариства ім. Шевченка. Історія. Т. 18. Донецьк, 2007.
- Кушер Ю. Л. Русская армия генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля // Военно-исторический журнал. 2005. № 11; 2006. № 1.
- Лавут П. И. Маяковский едет по Союзу. М., 1978.
- Мамонтов С. И. Походы и кони. М., 2007.
- Мацьлев С. А. Беглые встречи. К XX-летию кончины ген. Врангеля // Часовой. Брюссель, 1948. Апрель.
- Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922.
- Павлова Т. Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге и генерал Н. Н. Головин // Россия в США: Сборник статей (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 7). М., 2001.
- Попов К. С. Воспоминания Кавказского гренадера 1914—1920. Белград, 1925.
- Раковский Г. Н. В стане белых (От Орла до Новороссийска). Константинополь, 1920.
- Раковский Г. Н. Конец белых. От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921.

Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20—40-х годов / Под ред. С. В. Карпенко. М., 2000.

Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 1997.

Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. Харьков, 2006.

Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990.

Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930—1931 годы. М., 2000.

Трубецкой В. С. Записки кирасира. М., 1991.

Чебышев Н. Н. Близкая даль. Париж, 1933.

Черкасов-Георгиевский В. Г. Генерал барон П. Н. Врангель — последний рыцарь Российской Империи. М., 2004.

Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004.

Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974.

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1981.

Штейфон Б. А. Бредовский поход // Белое дело. Берлин, 1927. Кн. 3.

В оформлении книги использованы фотографии сайта «Русская армия барона Врангеля»: <http://voldrozd.narod.ru/vrandel>.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Детство и юность	7
Начало службы	21
Первая мировая война	30
Революция	44
С добровольцами генерала Деникина	60
Триумф и трагедия	88
Крымское сидение: левая политика правыми руками	253
Врангель, Слащев и Михаил Булгаков	357
Крымское сидение: последний поход	374
Красный террор в Крыму	446
Галлиполийское сидение	451
Последние годы	466
Основные даты жизни и деятельности П. Н. Врангеля	496
Библиография	500

Соколов Б. В.

С 59 Врангель / Борис Соколов. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 502[10] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1201).

ISBN 978-5-235-03294-1

Книга об одном из вождей Белого движения Петре Николаевиче Врангеле прослеживает его жизненный путь блестящего гвардейского офицера царской России, получившего генеральский чин на тринадцатом году службы, до Верховного правителя Крыма и главы русской эмиграции. Автор, известный писатель и историк Борис Соколов, строит убедительные предположения об исторических альтернативах: какова была бы судьба Белого движения, если бы Врангель с самого начала возглавил его, и что изменилось бы, если бы ему удалось осенью 1920 года заключить союз с Польшей. В биографии рассказывается, как появился хрестоматийно известный образ генерала в черкеске, почему Врангель не поддержал выступление Корнилова против Керенского, в чем суть его конфликта с Деникиным, как на самом деле проходила эвакуация белых из Крыма в ноябре 1920 года и какова была истинная причина смерти того, кого современники называли последним белым рыцарем и кровавым черным бароном.

**УДК 355.48“1918/1920”(092)
ББК 63.3(2)53, 8**

Соколов Борис Вадимович

ВРАНГЕЛЬ

Главный редактор А. В. Петров

Редактор Е. А. Никулина

Художественный редактор М. Н. Ромм

Технический редактор В. В. Пилкова

Корректоры Л. М. Марченко, Г. В. Платова

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 30.07.2009. Подписано в печать 23.09.2009. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 26,88+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 93190

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dscel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03294-1